

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

История внешней политики России

Конец XIX — начало XX века
(От русско-французского
союза до Октябрьской
революции)

«Парадигма»
Москва, 2018

«Академический проект»
Москва, 2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Редакционный совет:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор) — член-корр. РАН;
А.В. Игнатъев (заместитель ответственного редактора) — д-р ист. наук;
Г.А. Санин — д-р ист. наук; *В.М. Хевролина* — д-р ист. наук

Редакционная коллегия тома:

А.В. Игнатъев (ответственный редактор) — д-р ист. наук;
Е.Г. Кострикова (ответственный секретарь) — канд. ист. наук;
В.А. Емец — канд. ист. наук; *С.В. Тютюкин* — д-р ист. наук

И90 **История** внешней политики России: В 5 т. Т. 5. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). — М.: Академический проект; Парадигма, 2018. — 658 с. — (Концепции).

ISBN 978-5-8291-2364-2 (Академический проект)
ISBN 978-5-902833-45-1 (Парадигма)
ISBN 978-5-8291-2369-7 (Академический проект. Т. 5)
ISBN 978-5-902833-50-5 (Парадигма. Т. 5)

Внимание читателя предлагается заключительная книга пятитомника «История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.)». В ней исследуются изменения внешнеполитического курса страны в начале новой исторической эпохи, когда противоречия и конфликты между державами вылились в локальные, а затем и в Первую мировую войну. Детально анализируется механизм осуществления российской внешней политики и влияние на нее обществуности. Читатель подробно узнает о деятельности С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, А.П. Извольского и др. В книге использован как обширный опубликованный, так и новый архивный материал.

Для специалистов и читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8291-2364-2
ISBN 978-5-902833-45-1
ISBN 978-5-8291-2369-7 (Т. 5)
ISBN 978-5-902833-50-5 (Т. 5)

© В.А. Емец, А.В. Игнатъев и др., 2018
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2018
© «Парадигма», 2018

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга является хронологически последней и как бы итоговой в серии, освещающей историю внешней политики России с конца XV века.

Менее четверти века охватывает период российской истории, рассматриваемый в этом томе, — с середины 90-х годов XIX века до Октябрьской революции 1917 года. Однако на этом коротком отрезке тысячелетней истории России вместились, оказались как бы спрессованными крупнейшие общественно-политические явления, имевшие глубочайшие последствия для страны и ее народов и мирового сообщества. Потрясающие Россию в течение десятилетия три революции и две кровопролитные войны характеризуют не только драматизм эпохи, но и взрывные темпы исторического развития страны, которые как бы компенсировали ее предшествующий неторопливый ход. Доминантой этого периода стали Первая мировая война и Октябрьская революция 1917 года. Россия оказалась в фокусе двух системных кризисов начала века: кризиса международных отношений, вылившегося в мировую трагедию 1914–1918 годов, и кризиса внутреннего, результатом которого были российские революции. Проблемы внутренней жизни страны и международной политики в начале XX века, быть может как никогда ранее, оказались завязанными в один тугой узел.

Современная методология изучения внешнеполитической истории, характеризующаяся широтой охвата событий и явлений и комплексным подходом, исходит из того, что внешняя политика страны, ее государственный механизм функционируют в рамках двух социально-экономических и политических систем: внутригосударственной, где внешняя политика в основном формируется, и межгосударственной, где она реализуется. Поэтому изучение внешней политики требует учета идеологических, политических, социально-экономических основ государственной политики, общественно-политического строя страны, географического и демографического положения, промышленного и военного потенциала, культурного уровня и национального самосознания, политического менталитета правящих кругов и населения, ее исторических особенностей и традиций во взаимоотношениях с окружающим миром и т. д.

Авторы попытались представить более широкую картину положения и роли России в мировой политике, нежели дипломатическая история России и международных отношений. Так, в настоящем обобщающем труде впервые предпринята попытка охарактеризовать идеологические, экономические, военные, социальные основы и мотивы внешней поли-

тики России в комплексе и в их эволюции. Специальные разделы книги посвящены таким мало исследованным проблемам, как государственное руководство внешней политикой, структура и механизм принятия внешнеполитических решений, отношение российского общества в лице политических партий, группировок, прессы к внешней политике правительства, взаимосвязи социальных проблем и войн и т. д. Все это позволяет расширить наши представления об историческом процессе, выявить как общие характеристики внешней политики России, присущие другим государствам и эпохе в целом, так и особенные, специфически «национальные» черты. Авторы уделили немало места характеристике субъективно-личностного фактора в руководстве внешней политикой, который до недавнего времени недооценивался в отечественных исследованиях.

Придерживаясь в основном общепринятой периодизации рассматриваемого этапа российской истории, авторы сочли правомерным хронологически разделить данный труд на две части: 1895–1911 и 1912–1917 годы. Это не только связано с практическим удобством для читателя, но и оправдано с научной точки зрения. Потсдамское соглашение и Агадирский кризис 1911 года стали тем рубежом, который окончательно разделил государства на два непримиримых лагеря и дал толчок непосредственной военно-дипломатической подготовке к мировой войне. Выделение в специальную часть периода кануна и самой мировой войны представляет существенную особенность настоящего труда. «Великая война» явилась великим потрясением для всего человечества, она породила две революции в России — Февральскую и Октябрьскую, революцию в Германии в ноябре 1918 года и оказала огромное влияние на весь исторический процесс XX века.

Авторами книги являются: д-р ист. наук **А.С. Аветян** (главы VII, 2; IX, 3); д-р ист. наук *В.С. Васюков* (главы XII, XIII); канд. ист. наук *А.В. Георгиев* (главы VII, 1; IX, 1, 2, 4); д-р ист. наук С.С. Григорцевич (главы VII, 3; IX, 4); канд. ист. наук В.А. Емец (главы I, II, VIII; Заключение); д-р ист. наук *А.В. Игнатьев* (главы I, III, IV, V, VI, VII, 1; XI, 3, 4; Заключение); канд. ист. наук *Е.Г. Кострикова* (глава XI, 2); д-р ист. наук *Г.В. Мелихов* (глава IV); канд. ист. наук *Ю.Ф. Субботин* (главы I; XI, 1); канд. ист. наук *Э. Урибес-Санчес* (глава X).

Редколлегия

Часть первая
1894–1911 годы

Глава I. Россия на мировой арене на рубеже столетий

1. Начало новой исторической эпохи

Совмещение в России двух системных кризисов явилось частным случаем цивилизационного кризиса, переживаемого развитыми европейскими державами и охватившего международные отношения в глобальном масштабе. В мировой, в том числе марксистской историографии его связывают с определенным этапом, стадией, «возрастом» в эволюции индустриального капиталистического общества, формировавшегося в последние десятилетия XIX века. На заре нашего столетия английский ученый Дж. Гобсон предложил понятие «империализм» для характеристики экспансионистской внешней политики великих держав, которая привела к созданию обширных колониальных империй и войнам между ними за раздел и передел мира.

Термин «империализм» как проявление агрессивной политики на международной арене получил широкое распространение в публицистике, политике и науке. Марксисты расширили рамки его толкования, усматривая корни империалистической политики в эволюции самого капитализма, вступившего в высшую стадию своего развития. В.И. Ленин в 1916 году сформулировал известные пять признаков этой «особой стадии капитализма», когда «сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами». Ленинский вывод о монополистическом капитализме как паразитическом или гниющем и умирающем капитализме звучал скорее как приговор якобы изжившей себя общественно-экономической формации, нежели как результат всестороннего научного системного анализа капитализма и эпохи в целом, основанного на марксистской методологии.

Со временем представления об империализме претерпели существенную эволюцию под несомненным влиянием марксистской социологии. В мировой историографии его стали рассматривать не только как внешнеполитическую экспансию, но в гораздо более широком плане, на основе многофакторного анализа основных тенденций исторического развития различных стран и регионов мира, предложенного французским историком международных отношений П. Ренувеном. Отводя экономическим факторам базисное («глубинное»), хотя и не определяющее значение в эволюции международных отношений с конца XIX века, он

и его сторонники не признавали империализм в качестве особой стадии капитализма в его экономической интерпретации, как господство монополий и финансового капитала, выделяя решающее значение национальных и политических процессов в возникновении мирового кризиса 1914 года.

Теоретические дискуссии, связанные с характеристикой рассматриваемой эпохи, развернулись примерно с середины 70-х годов XX века на новом методологическом уровне. Представители так называемой «новой истории» (*Nouvelle histoire*, *Modern History*, *Neue Geschichte*) в современной зарубежной историографии применяют системный анализ и междисциплинарный подход, которые предусматривают самый широкий охват всех важнейших явлений внутренней жизни государств и их взаимоотношений на международной арене во взаимосвязи и взаимозависимости. Стремление к возможно более широкому, глобальному охвату явлений и процессов рассматриваемой эпохи и в то же время к цельности картины затрудняет попытки договориться об общем понимании термина «империализм».

И все же интегрирующим началом в осмыслении эпохи в целом стало признание определенного «возраста», уровня развития капитализма, которому соответствовал и образ жизни и поведения общества. Большинство ученых считают ленинскую теорию империализма неподтвердившейся прежде всего потому, что предсказанного ею неизбежного упадка и краха капитализма не произошло. Выделенные Лениным пять признаков империализма не признаются достаточным и адекватным отражением тенденций развития капитализма, а один из них — вывоз капиталов в колонии и зависимые страны как фактор обострения противоречий между великими державами — лишь отчасти выдержал проверку исследованием фактического материала. Вместе с тем некоторые известные ученые, прежде всего так называемые «постмарксисты», разделяют в основных чертах ленинскую концепцию империализма, считая, правда, что основные его черты проявились не в начале XX века, а позже, после второй мировой войны, в экономической политике неокOLONиализма.

Изучение этапов эволюции капиталистического общества с исторической вершины конца XX столетия привело ученых, историков, экономистов, социологов к определению периода последних десятилетий XIX века — начала нынешнего как этапа начального развития, становления современного индустриального общества, характеризовавшегося стремительными темпами роста промышленного и финансового капитализма в национально-государственных рамках и резко увеличившейся экспансией его за пределы собственных стран. Национализм явился идейной базой для проведения жесткой протекционистской таможенной политики, ограждения внутреннего рынка от конкуренции ино-

странных капиталов и товаров. Перераставшая нередко в «таможенные войны», такая политика становилась причиной крайнего обострения межгосударственных отношений и орудием дипломатической борьбы. Из двух основных тенденций в развитии капитализма — к конкуренции-конфликту и к экономическому сотрудничеству — первая являлась преобладающей на ранней стадии развития индустриального общества. Экономической интеграции препятствовали различные уровни экономического развития стран, а также внутренние социальные и политические противоречия, проистекавшие из стремительных экономических перемен.

Характерной чертой новой исторической эпохи, влиявшей на межгосударственные отношения, была возросшая социальная нестабильность. Ломка устаревших общественных структур, особенно в странах «молодого» капитализма, приводила к противостоянию классов, социальных групп, общественных организаций и политических партий. Появляются новые социальные слои правящих классов, претендующие на власть. Утверждение монополий вело к усилению эксплуатации трудящихся, лишь отчасти сдерживаемой подкупом верхушки рабочего класса. Следствием этого являлись подъем рабочего движения, рост влияния социалистических идей, объединивших социал-демократические партии Европы в Интернационал. Социал-демократические рабочие партии стали важным фактором политической жизни крупнейших европейских стран. Социалистическая «угроза», казалось, перестала быть призраком, а прогнозы марксизма о неизбежном падении эксплуататорского строя виделись близкими к осуществлению. Правящие слои противопоставляли социальным требованиям идеи национального единения в осуществлении «патриотических» лозунгов защиты отечественной промышленности и сельского хозяйства от экспансии иностранных товаров и капитала, национальных традиций, культуры и т. д.

Национализм явился идеологической основой в совпавших по времени исторических процессах становления индустриального общества и завершения самоорганизации государств-наций в Европе. Националистическая идеология подогрела политику национальной обособленности и противостояния держав. Национальным знаменем, национальными интересами освящались требования финансово-промышленных кругов, торгового капитала, экономическая и политическая экспансия на международной арене, будь то германские притязания на «место под солнцем» в мире и требования «жизненного пространства» в Европе или английские претензии на морскую и колониальную гегемонию и т. д. Немецкий пангерманизм и французский реваншизм, английская имперская идеология, российский панславизм играли свою роль в разобщении народов, в создании образа «внешнего врага». Накануне Первой мировой

войны в ряде европейских стран были созданы «патриотические» национальные союзы и партии («Alldeutscher Verband», «Ligue de Patrie Française», «Националисты» России), шумная деятельность которых накаляла не только международную, но и внутреннюю обстановку. Даже партии Социалистического Интернационала в подавляющем большинстве оказались не готовы поставить общие интересы выше национально-государственных. В этих условиях формировались моральные и психологические предпосылки для восприятия будущей европейской войны как реального средства для решения «национальных» задач.

Национал-империалистическая идеология накладывала печать на так называемый «национальный вопрос» в Европе, оказывавший все более дестабилизирующее влияние на общую обстановку на континенте. Его реальные проблемы были связаны с национально-освободительной борьбой народов Балканского полуострова против османского и австро-венгерского господства; с национальными противоречиями и движениями в трех многонациональных европейских империях — Османской, Австро-Венгерской и Российской, две первые из которых находились из-за этого на грани государственного распада; с, казалось, неразрешимым мирными средствами периодически обострявшимся конфликтом между Францией и Германией из-за Эльзаса и Лотарингии и т. д. Национальный вопрос вплелся в запутанную канву внутренних проблем европейских государств, блоковую политику великих держав, в амбициозные расчеты лидеров национально-освободительных движений, захватнические устремления которых часто оттесняли на второй план демократическое содержание справедливой борьбы народов. Поэтому развязывание мировой драмы в августе 1914 года на Балканах — «пороховом погребке Европы», — где были сплетены в единый политический клубок противоречивые интересы заинтересованных сторон, не кажется простой случайностью или результатом спланированных расчетов дипломатов.

На общем фоне экономических, социальных и национальных процессов, определявших историческое развитие европейских держав и мировых международных отношений, внешнеполитические противоречия и конфликты между великими державами, разделившимися в начале XX века на два противостоявших друг другу лагеря — Тройственный союз и Антанту, — не видятся самодовлеющими. Они интегрируются в общую картину переходного, нестабильного, переживающего кризисное состояние мира. Хотя именно кризис системы межгосударственных, международных отношений, вылившийся в катаклизм мировой войны, рассматривается как явное и наиболее драматичное проявление цивилизационного кризиса начала нашего столетия, и, очевидно, его происхождение нельзя отрывать от тех форм, которые принял социально-экономический прогресс на рубеже XIX–XX веков. Но дает ли это

право считать, что развитие международных отношений было подчинено «мощной фатальности», что противостояние блоков великих держав с жесткой логикой, подобной логике древнегреческих драматических спектаклей, должно было привести рано или поздно к военной развязке? Не означает ли это признание отрицания альтернативности исторического процесса? Современная историческая наука стремится найти ответы на эти вопросы.

Всемирная система отношений государств и народов сложилась во второй половине XIX века в связи с торжеством капиталистического способа производства и созданием мирового товарного рынка. На рубеже веков она приобрела новые черты, обусловленные консолидацией капиталистического товарного рынка, возникновением национальных промышленных и финансовых монополий и мирового рынка капиталов. Она характеризовалась господствующим положением группы великих держав, базирующемся на их экономическом и военно-политическом могуществе; прямым колониальным разделом между ними, а также Бельгией, Голландией и некоторыми другими странами отставших в своем развитии народов; полуколониальным подчинением и частичным разделом на «сферы влияния» теми же великими державами некогда могучих империй китайского богдыхана, турецкого султана и персидского шаха; той или иной степенью зависимости многих самостоятельных государств от столпов всемирного финансового и промышленного капитала — Англии, Соединенных Штатов Америки, Франции и Германии.

Одной из особенностей международных отношений конца XIX — начала XX века являлась возросшая конфликтность, обусловленная неравномерностью развития великих держав в условиях, когда территориальный раздел мира был уже завершен и началась борьба за его передел. Адекватный межгосударственный механизм регулирования международных отношений отсутствовал. Равновесие сил до времени поддерживалось гонкой вооружений и противостоянием союзов и коалиций государств. Но уже начались первые войны за передел мира, носившие пока локальный характер. В 1895 году Россия, Франция и Германия побудили Японию отказаться от части аннексий в Китае по Симоносекскому договору, и лишь вынужденная уступка Токио предотвратила вооруженный конфликт. Далее последовали Испано-американская, Англо-бурская и самая крупная — Русско-японская — войны.

На рубеже XIX–XX веков ведущее место в противоречиях держав занял англо-германский антагонизм. Германия, обогнавшая Англию в промышленном отношении, бросила вызов также британскому морскому, а следовательно, и колониальному могуществу. Она возглавила Тройственный союз, в который вошли Австро-Венгрия и Италия. Готовясь к вероятному столкновению, Англия стала на путь урегулирова-

ния отношений с другими своими конкурентами (Францией и Россией) и формирования противоположной группировки — тройственной Антанты. Конфронтация двух враждебных блоков обостряла международную обстановку, расширяла рамки конфликтов, подстегивала гонку вооружений. Такова была общая картина расстановки сил на международной арене в начале XX века.

Россия была интегрирована в процессы мировой истории. Она принадлежала к числу первоклассных великих держав, выделяясь значительным своеобразием и равномерностью характеристик. Геополитическое положение евро-азиатской державы, занимавшей шестую часть земной суши, с третьим в мире по численности населением (150 млн человек), самой многочисленной армией в мире и большим (до Русско-японской войны) флотом, граничившей с десятком государств, таких промышленно развитых, как Германия, и слаборазвитых азиатских стран — Османской империей, Персией и Китаем, — предопределяло ее участие в мировой политике. Вместе с тем по промышленному производству Россия находилась в одном ряду со странами среднего уровня капиталистического развития, во много раз отставая от передовых стран по потреблению основных видов продукции на душу населения. По мощи финансового капитала она далеко уступала «большой четверке», то есть Англии, Соединенным Штатам Америки, Франции и Германии. Внешняя политика России не имела достаточно прочной внутренней опоры.

Внутреннее положение страны характеризовалось социальной и политической нестабильностью, связанной со стремительными темпами модернизации феодальной в недавнем прошлом, преимущественно крестьянской страны. В результате начатой в 1890-х годах индустриализации и ломки социальных и политических структур произошло своеобразное наложение друг на друга типологически разнородных социальных конфликтов, присущих феодальному, раннекапиталистическому и современному капиталистическому обществу начала XX века. Нараставший кризис экономической, социальной и политической систем поставил страну перед выбором путей дальнейшего развития.

Экономическая отсталость от передовых промышленных держав, насущные задачи модернизации страны для преодоления внутренней нестабильности и поднятия военного потенциала диктовали правящим кругам осторожный и взвешенный курс внешней политики. Именно такой была политика Александра III. Необходимость для страны длительного, в течение двух-трех десятилетий, мирного периода для проведения внутренних преобразований признавалась более дальновидными министрами Николая II, такими как С.Ю. Витте и П.А. Столыпин. Однако логика международных отношений и империалистической борьбы втянула Россию в войну с Японией на Дальнем Востоке, ускорившую первую

в России революцию 1905–1907 годов. Та же логика международных отношений заставила Россию сделать выбор в пользу Антанты и с неизбежностью подвела ее к участию в Первой мировой войне, хотя царское правительство отдавало себе отчет в возможных пагубных последствиях этой войны для режима и страны.

К такому выбору подталкивали не только традиционная великодержавная политика, опасение остаться в роли аутсайдера и второстепенной державы, но и не менее существенные внутренние причины, главной из которых была ускоренная модернизация страны. Наряду с Германией Россия была страной молодого, бурно развивающегося капитализма. Утверждение капитализма в национальных рамках имело следствием формирование националистической и империалистической идеологии. Своего рода стержнем вырабатываемой правящими классами «общенациональной» внешнеполитической программы явилась амбициозная идея «Великой России», призванной объединить восточноевропейскую и азиатскую цивилизации. Осуществление этой обширной националистической программы, однако, не соотносилось с социальными и внутривластными условиями страны.

На протяжении второй половины XIX века международную роль и великодержавную политику Российской империи ограничивала общая отсталость страны в сравнении с промышленно развитыми государствами Запада. Переход на рельсы капиталистического развития в результате реформ 60–70-х годов XIX века, все более возрастающая интеграция России в мировые процессы во всех сферах, ее включение в последнее десятилетие прошлого века в активную борьбу за окончательный раздел и передел мира поставили перед правящими кругами задачу скорейшей модернизации страны. В России — стране «второго эшелона» капиталистического развития — модернизация сталкивалась не только с социально-экономической отсталостью страны, но и с ее многоукладностью, разномерностью и многоликостью, с мощным тормозящим влиянием феодально-крепостнических остатков в аграрном и политическом строе. Поэтому процесс модернизации был связан с кардинальными качественными изменениями во всех сферах жизни страны и ее населения — индустриализацией, структурными изменениями в экономике, социальной сфере, политической жизни, культуре, в мировоззрении и мироощущении человека, с изменениями его отношения к жизненным проблемам, обществу и цивилизации.

Модернизацию проводила царская бюрократия, определявшая пути исторического развития России на протяжении веков. В начале 90-х годов прошлого столетия перед Россией стояла задача создания совре-

менной индустрии и поднятия сельского хозяйства, отсталое положение которого особенно выявил массовый голод 1891 года. Однако страна не имела возможности для одновременного решения обеих задач. Развернувшаяся в верхах полемика о направлении экономической политики правительства выявила два подхода. Поместное дворянство, с трудом приспособлявшееся к капиталистическим формам хозяйствования, настойчиво требовало от царизма замедлить или даже остановить процесс создания крупной промышленности. Дворянские идеологи обвиняли «отца» новой экономической политики правительства, министра финансов С.Ю. Витте в искусственном насаждении промышленного капитализма в России в ущерб ее «исторически-национальному» сельскохозяйственному промыслу. Витте действительно был сторонником и проводником политики «напряженного развития капитализма» в короткие сроки, во имя великодержавных интересов России, имея в виду необходимость избежать «унизительного положения экономической данницы» передовых государств Западной Европы.

Стремительно протекавшие процессы модернизации, связанные с системной перестройкой экономики страны и общества, вели к росту социальной и политической напряженности, к кризисным ситуациям. В связи с модернизацией расширилась многоукладность экономики страны, обострились противоречия между передовым индустриальным и банковским капиталом и отсталым аграрным сектором. Своей противоречивой экономической политикой царизм способствовал обострению этих противоречий: насаждение капитализма «сверху» сопровождалось реакционной аграрной политикой, заключавшейся в защите таких остатков крепостничества, как крупнейшие в Европе латифундии, полуфеодалные формы эксплуатации крестьянства, в мощной финансовой поддержке отсталого помещичьего землевладения и хозяйствования, в консервации крестьянской общины. Эта политика серьезно сдерживала экономический рост страны и свободное развитие капиталистических отношений. Исторические условия формирования России, длительное господство феодализма и самодержавия, половинчатость реформ 1860–1870-х годов, наконец, наличие обширного казенного хозяйства обусловили исключительное влияние полуфеодалного государства в экономическом развитии страны и во внешнеполитической экспансии.

Российский индустриальный и финансовый капитализм обладал заметной спецификой, позволяющей выделить его в особый исторический тип¹. С экономической точки зрения одна из главных особенностей заключалась в том, что Россия в гораздо большей степени ввозила капитал, чем вывозила его, причем в импорте особую роль играло государство. Финансовый капитал в России являлся надстройкой над молодым,

сравнительно быстро развивавшимся капитализмом и частью многоукладной экономики страны.

Индустриальный скачок в 90-е годы, упрочение финансов и введение золотого рубля хотя и укрепили российский капитализм, но еще не позволяли ему на равных конкурировать с западными странами в борьбе за мировые рынки. Финансирование дворянского землевладения тяжелой гирей висело на экономике страны, отвлекая примерно столько же средств, сколько шло на развитие промышленности и торговли², и усугубляло недостаток свободных капиталов. В таких условиях новейшие капиталистические методы внешней экспансии: предоставление займов, вывоз капиталов, получение концессий и пр., применявшиеся Россией по отношению к странам Среднего и Дальнего Востока, формировались преимущественно на экономической и организационной основе государства. Оно было вынуждено принять правила игры, навязываемые ему в экономическом соперничестве промышленно развитыми странами. Союз с Францией обеспечил доступ к парижскому денежному рынку, который стал основным источником внешних займов царского правительства. Из них черпались средства для создания государственно-частного сектора экономики за рубежом в виде банков, железнодорожных и других акционерных обществ и т. д. Российское государство, его централизованный бюрократический аппарат во многом взяли на себя выполнение задач, присущих монополистическому капиталу развитых стран.

2. В двойной роли

Россия выступила активным участником борьбы за экономический и в особенности политический раздел мира. В то же время она сама являлась объектом капиталовложений и торговой экспансии более богатых и развитых стран — Франции, Германии, Англии и некоторых других.

В экономическом соревновании с конкурентами Россия подвизалась главным образом на рынке товаров. В конце XIX — начале XX века российская внешняя торговля развивалась быстрыми темпами, не уступавшими росту мирового рынка. За период с 1894 по 1913 год ее общий оборот вырос более чем в 2 раза (см. табл. 1). Однако удельный вес ее в мировой торговле увеличился за это время незначительно (с 3,2 до 3,6%). По объему внешней торговли Россия занимала лишь восьмое место, уступая не только Англии, Германии, Соединенным Штатам и Франции, но и Австро-Венгрии, Голландии и Бельгии³. А по оборотам внешней торговли на душу населения она отставала даже от таких стран, как Турция и Персия или Болгария и Греция. Это объяснялось не только недостаточно высокой конкурентоспособностью российских товаров, о причинах которой речь пойдет ниже, но и тем, что подавляющую часть производимой продукции (более 9/10) поглощал внутренний рынок.

Таблица 1

	1894 г.	1896 г.	1898 г.	1900 г.	1902 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
<i>Импорт из:</i>															
Германия	143,0	190,2	202,2	216,9	208,5	228,5	240,4	290,4	337,4	348,4	363,3	449,8	487,8	532,3	652,2
Великобритания	132,8	111,3	115,3	127,1	99,2	103,4	97,4	105,7	114,9	120,3	127,9	153,8	155,1	142,4	173,0
США	45,7	65,7	50,1	44,2	39,9	62,9	40,8	47,5	55,6	79,2	57,2	74,4	102,5	87,4	79,1
Франции	28,2	23,4	27,1	31,4	26,9	26,5	26,1	28,7	29,4	36,2	49,5	61,0	56,8	56,3	57,0
Китай	39,2	41,5	40,3	45,9	52,1	52,5	60,5	97,4	89,7	93,3	74,5	78,8	82,3	76,3	84,1
<i>Весь импорт</i>	559,5	589,8	617,4	626,4	599,2	651,4	635,1	800,7	847,3	912,6	906,3	1084,4	1161,7	1171,8	1374,0
<i>Экспорт в:</i>															
Германию	250,7	293,8	345,6	331,7	352,0	379,2	505,0	576,3	524,8	448,1	637,0	650,6	774,7	721,5	672,0
(по данным русской статистики)	147,9	184,0	179,4	187,6	203,2	235,0	255,3	284,7	291,0	279,0	387,1	390,6	490,5	453,8	453,6
Великобританию	175,3	160,9	139,9	145,6	189,1	230,4	249,2	255,4	228,5	220,5	288,9	315,5	337,0	327,8	267,8
Францию	56,3	58,2	68,6	57,4	55,1	61,8	64,5	76,5	73,4	64,6	89,1	93,6	90,8	98,2	100,9
Голландию	53,0	70,9	72,3	69,3	103,1	99,3	126,8	108,0	114,4	93,8	189,2	196,0	188,8	154,0	177,4
Китай	5,0	5,5	6,3	6,7	9,3	23,0	31,6	57,5	26,4	23,3	21,8	20,2	30,7	25,6	31,5
<i>Весь экспорт</i>	668,6	688,5	732,8	716,4	860,3	1006,4	1077,3	1094,9	1053,0	998,3	1427,7	1449,1	1591,4	1518,8	1520,1
Экспорт зерновых	381,4	322,5	370,9	304,7	432,2	495,3	568,3	472,0	430,6	379,6	849,4	745,6	739,5	551,3	594,5
Экспорт зерновых (в % ко всему экспорту)	57,0	46,8	50,6	42,8	50,3	49,3	52,8	43,1	40,9	38,0	52,2	51,5	46,5	36,3	39,1

Россия в конце XIX — начале XX века по-прежнему поставляла за границу преимущественно сельскохозяйственные товары, на долю которых приходилось до половины общей суммы российского экспорта. Россия являлась не только житницей Европы, но до начала Первой мировой войны и одной из ведущих хлебовывозящих держав мира. По вывозу главных хлебов, кроме кукурузы, она занимала первое место в мире, причем по ржи и овсу ее доля составляла почти половину мирового вывоза этих культур, а по ячменю — даже около 3/4. На долю России приходилось в те же годы 64 % мирового экспорта яиц.

Второй главной статьёй российского экспорта служило сырьё, прежде всего лес и лесопродукты. Из промышленных товаров заметную роль играли только сахар, нефтепродукты и хлопчатобумажные изделия⁴.

Структура российского импорта в этот период также оставалась в основном без изменений⁵. Самыми крупными его статьями были машины, хлопок, шерсть, чай, химические продукты и уголь. По мере роста собственной промышленности потребность в импорте промышленных товаров снижалась, и перед войной наибольшая зависимость русского рынка от заграницы наблюдалась в отношении машин и оборудования, станков, химических изделий и некоторых продуктов цветной металлургии.

Эта общая картина дает, однако, лишь упрощенное представление о роли России в мировом разделении труда. Фактически она отражает характер и тенденции развития доминировавшей европейской торговли страны. В действительности внешняя торговля России имела как бы два лица: одно — в отношениях с более развитыми государствами, а другое — с отсталыми и полукOLONиальными странами. Если в первом случае Россия выступала в роли поставщика сельхозпродукции и сырья и потребителя промышленных товаров, то во втором наоборот — в качестве поставщика промтоваров и потребителя сырья и сельхозпродуктов. На рынках отсталых и полукOLONиальных стран она в некоторых случаях добивалась существенных успехов, причем, как правило, экономические рычаги взаимодействовали с политическими.

Российская внешняя торговля страдала рядом существенных недостатков, которые в рассматриваемый период изживались медленно и постепенно. Они были связаны с относительной отсталостью страны. Так, ее зарубежная торговля не могла опереться на ширококомасштабный вывоз капитала. Этот типичный для стадии финансового капитализма фактор действовал только в отношениях с отдельными соседними странами (Персия, Китай). Еще одним существенным изъяном служила малочисленность русского торгового флота в условиях, когда удельный вес морских перевозок во внешней торговле России был преобладающим. Нехватка капиталов затрудняла кредитование торговых операций, организацию перевозок и хранение товаров.

На состоянии внешней торговли отрицательно сказывался также невысокий уровень деловой культуры российских купцов. Они крайне неохотно отпускали товары в кредит, практически не имели за рубежом коммивояжеров, были неаккуратны в соблюдении сроков поставок, мало внимания уделяли рекламе, упаковке и расфасовке товаров.

Слабые стороны российской внешней торговли отчасти компенсировала энергичная поддержка ее со стороны государства — протекционистские таможенные тарифы, экспортные премии и пр.

Правительство России придавало большое значение развитию внешней торговли, в особенности экспортной. Суммы, полученные в результате превышения экспорта над импортом, позволяли иметь активный платежный баланс и, по свидетельству министра финансов В.Н. Коковцова, послужили «одним из самых могущественных факторов экономического прогресса»⁶. Действительно, только за десятилетие — с 1904 по 1913 год — внешнеторговый оборот влил в народное хозяйство страны около 3,2 млрд руб. (см. табл. 1).

Становление индустриального капитализма в национально-государственных рамках сопровождалось сменой фритредерства таможенным покровительством. Для России, вступившей на путь индустриализации, потребность в создании заградительных таможенных барьеров была особенно острой. Уже в 1891 году, при министре финансов И.А. Вышнеградском, российское правительство ввело внешнеторговый тариф, невиданный по высоте таможенных ставок*. Ту же политику еще более целеустремленно продолжал преемник Вышнеградского, выдающийся государственный деятель России Сергей Юльевич Витте. Программа Витте предусматривала создание экономически сильной и вполне самостоятельной страны, превращение ее в самодовлеющую хозяйственную единицу. Предполагалось в возможно короткие сроки догнать развитые в промышленном отношении страны Европы и США, занять прочные позиции на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Ускоренное промышленное развитие С.Ю. Витте рассчитывал обеспечить путем решения, по крайней мере, трех взаимосвязанных задач: 1) таможенной защиты русской промышленности от западных конкурентов и поощрения русского вывоза; 2) мобилизации значительных финансовых средств от поступления в казну таможенных пошлин, дававших до 11–13% доходной части бюджета; 3) привлечения иностранного капитала в виде займов и инвестиций.

Последовательное проведение в жизнь протекционистской таможенной политики не могло не вызвать недовольства со стороны русских

* Подробнее об этом см. предыдущую книгу «История внешней политики России. Вторая половина XIX века». М., 1997.

помещиков. Однако их протесты в середине 1890-х годов были относительно слабы, тем более что протекционистская политика жидилась на ясно выраженном «изъявлении высочайшей воли».

Неудача «малой таможенной войны» с Германией (1896 г.) усилила скептическое отношение влиятельных дворянско-помещичьих кругов к политике Витте. Министр финансов оказался перед лицом весьма серьезной оппозиции во главе с шурином царя великим князем Александром Михайловичем. В марте 1899 года было созвано совещание министров под председательством царя для обсуждения «торгово-промышленной политики империи».

Доклад министра финансов совещанию был посвящен ключевым моментам его программы: протекционизму и привлечению иностранных капиталов. Витте не отрицал, что протекционистская система требует значительных жертв от населения страны и ложится тяжелым бременем на «оскудевшие бюджеты землевладельцев». Но «великие задачи требуют и великих жертв». Возникает дилемма: либо «в интересах создания промышленности» продолжать прежнюю политику, либо, отменив или ослабив протекционизм, привести к гибели молодую русскую промышленность и сделать напрасными «тяжелые жертвы целого поколения». Витте настаивал на сохранении таможенного тарифа 1891 года, по крайней мере до 1904 года, аргументируя это предстоящим возобновлением торговых договоров.

Экономическая политика министра финансов получила поддержку большинства участников совещания. Основы экономического курса Витте в виде таможенного покровительства промышленности и привлечения иностранного капитала удалось сохранить⁷.

Но нападки на его политику со стороны землевладельцев, а также чиновничества и других слоев населения с фиксированными доходами продолжались, а во время экономического кризиса 1900–1903 годов значительно усилились. Напротив, самые влиятельные предпринимательские организации и преобладающая часть капиталистов решительно высказывались в пользу укрепления протекционистских мер. Их единодушие повышало эффективность воздействия буржуазии на разработку нового тарифа, подготовка которого началась в то время.

Для пересмотра тарифа 1891 года при Министерстве финансов были образованы особая комиссия и четыре подкомиссии, в состав которых помимо чиновников входили специалисты — эксперты по различным отраслям производства. К работе в них было привлечено также около 150 представителей предпринимательских организаций столицы, Москвы и других промышленных центров. С мая 1902 года проходили пленарные заседания комиссии, где и были выработаны окончательные предложения об изменении таможенного тарифа.

20 ноября, после принятия Германией — главным торговым партнером России — нового таможенного тарифа, резко повышавшего ставки на ввоз сельскохозяйственных продуктов, и особенно зерна, Витте представил Николаю II доклад с проектом русского тарифа. В следующем месяце проект был вынесен на обсуждение Государственного совета. Несмотря на отдельные критические замечания, тариф благополучно прошел эту инстанцию и 13 января 1903 года после утверждения императором получил силу закона.

Из 218 статей прежнего тарифа по 91 статье пошлины были значительно повышены. Увеличение ставок коснулось в первую очередь химических продуктов, машин, станков, черных и цветных металлов и изделий из них. Новый тариф означал продолжение и укрепление прежнего протекционистского курса правительства.

Принятие нового тарифа было тесно связано с подготовкой к пересмотру заключенных в 90-х годах XIX века конвенционных торговых договоров⁸.

«Выгодные для государства» торговые трактаты являлись важной составной частью программы Витте. Как и в начале прошлого десятилетия, центральное место в системе торговых соглашений России занимал договор с Германией.

Ответственным за переговоры о новых торговых соглашениях с Германией и другими странами был министр финансов. Витте предстояло решить головоломную задачу: с одной стороны, отстаивать проводимую им экономическую политику, а с другой — постараться как-то удовлетворить русских аграриев и поддерживавшую их группировку в придворно-бюрократических сферах, по возможности не допустить ухудшения условий сбыта русских сельскохозяйственных продуктов.

Трудные переговоры приняли затяжной характер. В июне 1903 года стороны обменялись требованиями по таможенным ставкам, которые были заявлены в максимальном размере. Среди претензий России центральное место занимали отмена новых высоких «минимальных» пошлин на зерно, установленных в германском тарифе 1902 года, сохранение пошлин на русские хлеба на прежнем уровне и смягчение ветеринарных ограничений на вывоз в Германию скота и мяса.

Германское правительство настаивало на пересмотре условий договора в свою пользу — существенном понижении пошлин на промышленные товары, ввозимые в Россию.

Два тура переговоров — в июле–августе в Петербурге и в ноябре в Берлине — не привели к компромиссу. Камнем преткновения оставался высокий уровень германских хлебных пошлин и русских таможенных ставок на промышленные товары.

Однако непреклонность сторон в такой ситуации вела к таможенной войне, которой не желали ни российское, ни германское правительство.

Переговоры показали Витте неизбежность признания «минимальных» хлебных пошлин. К концу 1903 года основное внимание русской стороны сосредоточилось уже на эквивалентных компенсациях за их признание, что должно было поставить переговоры на реальную почву.

Но как добиться одобрения этой линии в России? Путем повышения пошлин на ввоз промышленных товаров можно было восстановить нарушенное равновесие и ликвидировать жалобы промышленных кругов. Куда тяжелее представлялось убедить в необходимости такого решения русских аграриев. Поэтому Витте продолжал придерживаться тактики затягивания переговоров.

Но начавшаяся в 1904 году война с Японией ухудшила позиции России на переговорах. Она осложнила внешнеполитическое положение страны, обострила ее нужду в займах, в том числе и на германском денежном рынке. Возможно более быстрое соглашение стало актуальным и приобретало помимо экономической политическую и финансовую окраску. Германское правительство также стремилось к скорейшему завершению переговоров, но при соблюдении своих «сельскохозяйственных интересов».

Заключительная стадия переговоров проходила в Германии на курорте Нордерней, где германский канцлер обычно отдыхал летом. 15(28) июля 1904 года Витте и Бюлов подписали в Берлине дополнительную конвенцию к договору 1894 года, оформившую достигнутое соглашение. Конвенция сроком на 12 лет вступала в силу через год после ратификации.

Русской делегации удалось добиться признания основного принципа, на котором она настаивала, — сохранения баланса в таможенном обложении. Если Германия значительно повышала пошлины на русский хлеб (за исключением ячменя) и продукты животноводства, то Россия, со своей стороны, в не меньшем размере поднимала пошлины на многие германские товары, в первую очередь металлы и металлические изделия, машины и химические продукты. Витте удалось также добиться более выгодной для России формулировки принципа наибольшего благоприятствования и сохранить полную свободу действий в отношении финляндского тарифа. Была достигнута и другая цель — он получил согласие на размещение на германском рынке русского займа в размере 500 млн марок. При существовавшем соотношении сил Витте добился, пожалуй, максимума возможного.

Вслед за германским последовало заключение ряда новых торговых соглашений. Эти тарифные договоры — русско-французский 16(29) сентября 1905 года, русско-австрийский 2(15) февраля 1906 года и русско-итальянский 15(28) июня 1907 года — рассматривались как своего рода добавления к основному трактату — русско-германскому. Все указанные тарифные договоры вместе образовали (в силу принципа наиболь-

шего благоприятствования) единый конвенционный тариф по европейской торговле, только товары, не вошедшие в этот последний, оплачивались по общему тарифу 1903 года.

Торговля с развитыми государствами. Россия в наибольшей мере была вовлечена в товарооборот с развитыми, главным образом европейскими, странами. Доминирующая роль последних в русской внешней торговле сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода. В годы, предшествовавшие мировой войне, на долю европейских стран приходилось 90 % русского экспорта и 76 % импорта.

Характерная черта российской внешней торговли, отражавшая скорее ее слабость, чем силу, состояла в привязанности к крайне узкому числу традиционных адресатов.

На протяжении почти всего XIX века во внешней торговле России доминировала Англия, на долю которой приходилась почти 1/3 российского товарооборота. К концу века ее потеснила Германия, завладевшая 1/4 российского экспорта и 1/3 импорта. К 1911–1913 годам удельный вес Германии в российском импорте возрос до 45 %, а Великобритании — снизился до 13 %.

Как и после договора 1894 года, германская промышленность нашла наибольший выигрыш не в росте экспорта капитала, а в расширении экспорта товаров. В экономических отношениях между Россией и Германией экспорт товаров чем дальше, тем больше доминировал над экспортом капиталов.

На первом месте из числа вывозимых в Германию русских товаров стоял хлеб (свыше половины всего количества экспортируемых Россией зерновых). В больших размерах экспортировались также жмыхи, отруби, яйца, лес, лен, кожевенное сырье, нефтепродукты, марганцевая руда, пушнина и т. д.

Русский экспорт все больше и больше состоял из сельскохозяйственных продуктов. Эта односторонность российского вывоза составляла его слабую сторону, так как ставила хозяйственную жизнь России в зависимость от потребления за границей лишь небольшого числа определенных продуктов.

Ценность ввоза из Германии росла значительно быстрее, чем ценность русского экспорта туда. Германия играла решающую роль во ввозе в Россию машин и аппаратов (65 % всего их импорта), химических продуктов, красок, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, кожи, вязаных изделий, белья, галантереи, черных и цветных металлов. Она широко развернула и посредническую торговлю, ввозя в Россию кофе, какао, пряности, шелк-сырец, чилийскую селитру.

Второе место во внешнеторговом обороте России занимала промышленная держава и «владычица морей» Англия. Англо-русское со-

глашение 1907 года, сгладив противоречия двух держав, создало атмосферу большего доверия, которая способствовала развитию экономических связей. Важным шагом на этом пути было основание в декабре 1908 года Русско-Английской торговой палаты. Она предоставляла деловым кругам России и Англии разностороннюю экономическую информацию об обеих странах и защищала интересы русско-английского экономического сближения в печати и различных учреждениях. Одновременно в Англии было создано Русское отделение Лондонской торговой палаты.

Оборот русско-английской торговли в 1908–1913 годах увечился почти на 30%. Устойчиво рос как экспорт российских товаров в Англию, так и импорт оттуда. Положительный баланс по торговле с Англией за эти годы вырос на 85%. Однако удельный вес Великобритании как во ввозе, так и в вывозе России даже несколько сократился. Дело в том, что объем русско-германских торговых операций рос еще быстрее.

Все же по некоторым важным предметам российского вывоза (яйца, сливочное масло, свинина, обработанный лес, лен, марганцевая руда) значение английского рынка увеличилось, причем Великобритания заняла или сохранила здесь первое место. Что касается ввоза, то в предвоенные годы Англия занимала первое место лишь по продаже России угля, каучука и морских судов.

Таким образом, в 1900-е годы в русской внешней торговле по-прежнему доминировали всего две державы. Вместе они концентрировали в своих руках более половины ввоза России и почти 1/5 ее вывоза. Как Англия, так и Германия с успехом использовали для развития торговли с Россией вывоз капитала.

Объем товарооборота с другими развитыми странами был на целый порядок ниже. Третье место занимала Голландия, маленькая страна с большим торговым флотом, связи с которой характеризуются огромным преобладанием экспорта над импортом. Это объяснялось тем, что она в большой мере служила перевалочным пунктом для российских товаров на пути в Германию. Через Голландию шли туда транзитом хлеб, а также лес и марганцевая руда.

Союзная Франция занимала во внешней торговле России лишь четвертое место. Хотя в абсолютных цифрах товарооборот с ней постоянно увеличивался, удельный вес ее в эти годы даже несколько сократился.

Главными статьями французского экспорта в Россию были шерсть и вина (первое место), а также предметы роскоши. Вывозила Франция главным образом сельскохозяйственные продукты — хлеб и лен, а также лес и нефтепродукты. Поскольку с конца XIX века во Франции были установлены высокие ввозные пошлины на пшеницу, превосходившие даже германские, она оставалась скромным покупателем русского хлеба⁹.

Франция пользовалась своим положением главного кредитора царского правительства, чтобы в договорах выторговывать у него более выгодные условия товарообмена. Однако ассортимент продуктов, которыми обменивались две страны, был довольно узок, что само по себе ограничивало возможности развития их взаимной торговли.

Заметную роль в российской внешней торговле играли еще два государства — Соединенные Штаты Америки и Италия. Роль США как потребителя русских товаров была незначительна (на них приходилось не более 1 % российского экспорта). Зато в импорте в Россию Соединенные Штаты до 1910 года занимали четвертое место, а с 1911 года вышли на третье место. США были главным поставщиком на русский рынок хлопка и сельскохозяйственных машин. Не помешала этому и денонсация русско-американского торгового договора 1832 года, осуществленная правительством США в 1912 году по политическим мотивам. Товарооборот между Россией и заокеанской республикой в годы, предшествовавшие мировой войне, постоянно возрастал. В мае 1913 года при содействии американской дипломатии в Москве была основана Русско-Американская торговая палата. Начались переговоры о заключении нового торгового договора, завершить которые до войны не успели.

По-иному складывались торговые отношения с Италией, носившие ярко выраженный аграрно-сырьевой характер. Не менее 90 % стоимости вывоза в эту страну составляла пшеница. Среди других экспортных товаров выделялись такие зерновые, как кукуруза, овес, ячмень. Если Италия была все же солидным покупателем, то как поставщик товаров на российский рынок она делила с Индией скромные десятое — одиннадцатое места. Основу импорта итальянских товаров в Россию составляли сельскохозяйственные продукты: шелк-сырец, цитрусовые, оливковое масло.

Торговля с отсталыми и полукOLONиальными странами. Российские правительственные круги связывали будущее экономического развития страны с активной борьбой за рынки сбыта и сырье отсталых и полукOLONиальных государств. Речь шла прежде всего о сопредельных азиатских странах. Предполагалось, что русская промышленность сможет занять в них прочные позиции. А это, по мнению Витте, открывало перспективу «проценты на капиталы, полученные в Европе, выплачивать из выручки от вывоза в Азию»¹⁰.

Еще в 1893 году Витте, вступив в управление Министерством финансов, поставил вопрос о важности расширения русско-азиатской торговли. Он аргументировал это тем, что пограничные с Россией страны Азии служат рынками сбыта русских мануфактурных изделий и «торговое в этих странах значение России находится в самой тесной связи» с ее «политическим влиянием»¹¹.

В апреле того же года по его инициативе при Министерстве финансов было создано «особое совещание по торговле с азиатскими государствами» из представителей трех министерств — финансов, военного и иностранных дел. Совещание обсуждало вопросы развития отношений со странами Ближнего и Среднего Востока, расширения торговли с Китаем и Персией.

Экономические интересы России переплетались с политическими и стратегическими. Враждебная позиция Англии препятствовала усилению в этих странах русского влияния. Тем не менее Россия добилась в Персии больших успехов, опередив всех своих соперников и заняв монопольное положение на рынках севера страны.

Достижения русской торговли в значительной мере объяснялись деятельностью Учетно-ссудного банка Персии, фактически являвшегося русским государственным предприятием, вывозом капитала, поддержкой русской дипломатии. Новые благоприятные возможности для русско-персидского товарообмена открыло подписание сторонами в 1901 году торговой конвенции и декларации об изменении третьей статьи Особого акта Туркманчайского договора 1828 года*.

В результате английская торговля в Персии была решительно оттеснена на второе место. Накануне войны Россия поставляла в Персию больше половины закупаемых последней товаров и поглощала 2/3 персидского экспорта.

В XX веке соперничество держав в Персии осложнилось в связи с возросшей активностью Германии, проявлявшей все больший интерес к персидскому рынку. И хотя экономическая экспансия Германии в Персии не представляла еще непосредственной угрозы позициям России, она вызывала серьезную тревогу в Петербурге, особенно в связи с планами строительства Багдадской железной дороги¹².

Русский вывоз в Персию на 80% состоял из фабричных изделий. Туда шла половина всего русского экспорта хлопчатобумажных тканей, до трети экспорта сахара, 11% экспорта металлических изделий. Россия получала из Персии хлопок, фрукты, икру, каракуль, рис, ковры и т. п.

Менее успешно для России складывалась конкурентная борьба на рынках Ближнего Востока. Развитие экономических связей с этим регионом представлялось перспективным как в хозяйственном, так и в политическом аспекте. Но здесь российская торговля сталкивалась с конкуренцией целой группы зачастую экономически более развитых держав, давно уже внедрившихся и к тому же широко использовавших свои возможности заимодавцев.

* Об этом см. главу III.

Наиболее емким и заманчивым представлялся турецкий рынок, удобный для проникновения российского капитала также в силу географического положения и прямых транспортных связей. В 1908 году в результате аннексии Боснии и Герцеговины в Турции проводилась кампания бойкота товаров из Австрии, которая имела сильные позиции на османском рынке. В связи с этим русская печать призывала торгово-промышленные круги не упускать благоприятного момента.

В октябре 1908 года текстильные фабриканты России направили в Константинополь (Стамбул) специальную комиссию для изучения местного рынка. В следующем году там открылось отделение Русского банка для внешней торговли. В начале 1910 года промышленники Донбасса организовали плавающую выставку товаров, показанную в ряде портов Ближнего Востока. Вопросам развития торговых отношений с этим регионом посвятили свою работу Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли, состоявшийся в Москве в мае 1910 года, и первый Южно-русский торгово-промышленный съезд, созванный в октябре того же года в Одессе. Год спустя при Министерстве торговли и промышленности было создано Особое совещание для обсуждения мер к развитию экспортной торговли с Ближним Востоком. Оно высказало ряд практических рекомендаций.

Не без влияния указанных мер торговля России с Турцией в предвоенные годы заметно оживилась. Среди предметов русского экспорта наиболее важную роль играли нефть, сахар, хлопчатобумажные товары и резиновые изделия. В октябре 1913 года царской дипломатией был выдвинут проект экономического соглашения с Турцией, оставшийся, впрочем, нереализованным. Все же Россия и в эти годы продолжала значительно отставать от других европейских держав, занимая четвертое место в турецком импорте и пятое в экспорте, уступая Англии, Австро-Венгрии и Франции. Тревогу Петербурга вызывала быстро набиравшая силу торговая экспансия Германии в Османской империи¹³.

Крупнейшим торговым партнером России в Азии был Китай. Важной задачей в отношениях с ним стало выравнивание структуры торговли, имевшей значительное пассивное сальдо. Эту задачу предполагалось решить прежде всего путем строительства железных дорог, которые связали бы промышленные центры России с соседней страной. Особое значение для русско-китайской торговли имело сооружение Великой Сибирской дороги, а затем КВЖД. Другим фактором ее расширения было образование в 1895 году Русско-Китайского банка.

Из этого и других банков, Общества КВЖД и связанных с ними предприятий Витте создал в конце XIX — начале XX века внушительный финансово-экономический механизм, тесно переплетавшийся с государственным и пользовавшийся разносторонней поддержкой правительства.

В Маньчжурии возникло русское предпринимательство в сфере транспорта, добывающей и обрабатывающей промышленности, оживилось судоходство по морям и приграничным рекам.

Рост русского экспорта на Дальнем Востоке сопровождался серьезными изменениями в его структуре. Значительно упал удельный вес хлопчатобумажных тканей, зато увеличился вывоз таких товаров, как металлоизделия, металлы, нефтепродукты, сахар, табак.

Ведущее место в русском ввозе из стран Дальнего Востока занимал чай, увеличился ввоз других товаров, ранее или совсем не ввозившихся, или импортировавшихся в незначительных количествах: пшеницы, шерсти, мяса, соевых бобов и т. п. Русский Дальний Восток стал крупным потребителем китайских продовольственных товаров¹⁴.

Российский частный капитал сделал попытку проникнуть на индийский рынок. Известная русская фирма Манташева в 1898 году открыла свои конторы в Бомбее и Калькутте и повела весьма успешную торговлю керосином. В конкурентной борьбе Манташев сумел добиться убедительной победы над американскими фирмами. Используя перевозку керосина не в жестянках, как это делали американцы, а наливом, Манташев добился монопольного положения на индийском рынке. Русского керосина в 1902 году было ввезено 84,5 млн галлонов на сумму 31,5 млн рупий, что в 15 раз превосходило американский ввоз. Из индийского импорта керосина в 91,5 млн галлонов только 5,75 млн приходилось на долю США. Но удержать позиции в последующие годы Манташеву не удалось. Применив новую систему доставки керосина в цистернах, американская компания «Стандард ойл» настолько сильно потеснила позиции Манташева, что его фирма в 1910 году закрыла конторы в Индии и окончательно ликвидировала свои дела¹⁵.

Далеко не все надежды правительства и промышленных кругов, связанных с созданным Витте финансово-экономическим механизмом, оправдались. Не все элементы этого механизма работали эффективно. Торговля со странами Азии, несмотря на известный прогресс, не могла покрыть проценты на капиталы, полученные из-за границы, так как ее отрицательный баланс даже увеличился.

В условиях интернационализации мировых хозяйственных связей определенное значение стала приобретать и торговля России со странами Центральной и Южной Америки. В России нашлись сторонники выхода на далекий, но емкий и перспективный латиноамериканский рынок. В 1909 году между Россией и Мексикой была подписана конвенция о торговле и мореплавании, принимавшая за основу торговых сношений двух стран принцип наибольшего благоприятствования¹⁶. Четыре года спустя Россия заключила подобную же конвенцию с Аргентиной. Но хотя в начале XX века российско-латиноамериканская торговля про-

грессировала, потенциал обеих сторон не был еще раскрыт. Не помогла ни правительственная поддержка, ни растущая эмиграция из России в страны Западного полушария. Главное же — без создания собственного сильного торгового флота и организации постоянных линий морской связи Россия не могла рассчитывать на прочные успехи своей торговли в регионе.

Крупный капитал и внешняя торговля. Предвоенный промышленный подъем, в ходе которого Россия развивалась быстрее других великих держав, знаменовал новый шаг на пути ее индустриализации. Не без влияния столыпинских аграрных реформ прогрессирувало, хотя и медленно, сельское хозяйство. На более высокую ступень поднялось и развитие монополистического капитализма: он превращался в систему, которой принадлежали командные позиции в экономике страны. Появился ряд мощных объединений высшего типа — концернов и трестов. В отдельных отраслях промышленности монополистические объединения российских предпринимателей при поддержке правительства начинали борьбу за участие в разделе мирового рынка. Это относилось к сахарному (соглашение сахарозаводчиков, Союз рафинеров), нефтяному (Русская нефтяная корпорация, товарищество Нобель, корпорация «Шелл»), рельсовому (союзы рельсовых заводов) производствам. Одновременно развивались и усиливались так называемые представительные организации российской буржуазии в форме съездов и советов съездов. Монополии и представительные организации стремились влиять на экономическую политику правительства. Одним из важных направлений этого воздействия стала область внешней торговли. Лидеры крупного капитала стремились к расширению промышленного экспорта, дальнейшему усилению таможенного покровительства, ослаблению торговой зависимости от Германии.

Кампания за развитие промышленного экспорта особенно усилилась с 1908 года. III съезд представителей промышленности и торговли высказался за то, чтобы «усиление экспорта произведений отечественной промышленности» стало одной из «основ промышленно-торговой политики Российского государства». Журнал «Промышленность и торговля» указывал, что «наступила жгучая пора приняться за деловую постановку русского фабричного экспорта в широких размерах»¹⁷.

В 1909 году было учреждено Русское экспортное товарищество, членами которого стали крупнейшие русские банки (Русский для внешней торговли, Азовско-Донской, Сибирский и др.), а также текстильные предприятия (мануфактуры Эмиля Цинделя, Кренгольмская, Рябушинских, Морозовых и др.). Товарищество занималось сбытом продукции русской текстильной промышленности в Персии, Китае, Монголии, Турции и на Балканах, организовав там свои агентства и склады.

В 1911 году в Петербурге была создана Российская экспортная палата, в задачи которой входило «объединение лиц и учреждений, прикосновенных к вывозной торговле, и надлежащее представительство их интересов».

Проблема промышленного вывоза оказалась в сфере внимания созданного в конце 1905 года Министерства торговли и промышленности, к которому перешли внешнеторговые функции Министерства финансов. Руководитель нового ведомства С.И. Тимашев, выступая в 1911 году с представлением о реорганизации министерства, подчеркивал «громадное значение, которое имеет для правильного развития промышленности возможно широкое обеспечение ее экспортными рынками...». Вопрос о зарубежных рынках стоял прежде всего перед текстильной промышленностью. Важное значение придавалось также вывозу из России рельсов. В целях поощрения экспорта министерство считало необходимым ввести возврат пошлин, которые были уплачены при ввозе в Россию машин и сырья, использовавшихся для производства вывозимых изделий. Признавалось также важным содействовать экспортной торговле созданием института государственных коммерческих представителей за границей. Сначала между Министерством торговли и промышленности и Министерством иностранных дел было достигнуто соглашение о более активном привлечении консульской службы к внешнеторговым делам. А в 1912 году в главные торгово-промышленные центры за границей были назначены представители МТиП — так называемые торговые агенты¹⁸.

В предвоенные годы отчасти в связи с уменьшением активного сальдо внешнеторгового баланса вновь остро встал вопрос о таможенном покровительстве промышленности. В деловых кругах считалось, что сам по себе уровень таможенной охраны, закрепленный в тарифах 1891 и 1903 годов, «согласован с потребностями экономики страны». Но тарифы были, по мнению предпринимателей, «извращены договорными соглашениями», уступками по торговым договорам, особенно по русско-германской конвенции 1904 года¹⁹.

В действительности тарифная система обеспечивала достаточное и, пожалуй, даже излишнее покровительство горнодобывающей и металлургической промышленности, а также производству менее сложных металлических изделий, но не защищала от иностранной конкуренции машиностроительную, и особенно станкостроительную, промышленность.

Правительство и в первую очередь Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности оказались перед необходимостью официально разъяснить свое отношение к принципу таможенного покровительства. С.И. Тимашев, выступая в марте 1910 года в Государ-

ственной думе, обязался поддерживать покровительственную систему и дополнявшую ее меру — иностранные инвестиции в промышленность²⁰. В.Н. Коковцов в апреле 1912 года в Московском биржевом комитете заверил промышленников, что «и впредь общее направление... тарифной политики должно оставаться прежним, должно быть настроено на... систему протекционизма», хотя она и «вызывает со стороны многих... ожесточенные споры»²¹.

Для разработки нового таможенного тарифа в начале 1913 года была создана специальная комиссия под руководством крупного чиновника Министерства торговли и промышленности Н.П. Лангового. В том же году она провела анкетное обследование промышленности с целью выяснить влияние действующей охраны на развитие отдельных отраслей. Ожидалось, что проект нового тарифа будет внесен в Государственную думу не позднее осени 1915 года, с тем чтобы до начала 1917 года он получил силу закона²².

Требования российских промышленников о расширении таможенного покровительства, поддержанные в Министерстве финансов и Министерстве торговли и промышленности, наталкивались на все усиливающееся сопротивление других ведомств (МВД, Главное управление земледелия и землеустройства), а также правого большинства Государственной думы.

Если вопрос о таможенном покровительстве промышленности был уже на протяжении десятилетий в центре внимания правительства, русской буржуазии и аграриев, то проблема аграрного протекционизма стала злободневной только в предвоенные годы. Германия начала сама экспортировать зерно, нанося ущерб русским производителям не только на рынках третьих стран. Немецкая рожь стала ввозиться в пограничные регионы Российской империи и Финляндию. Более того, германское зерно оказывало серьезное влияние на движение цен в важнейших районах России, специализировавшихся на производстве ржи. Необходимо было вводить таможенные пошлины на ввоз ржи. С подобной инициативой выступили Главное управление земледелия и землеустройства и Российская экспортная палата. Начиная с 1912 года печать России и Германии вела между собой острую полемику о допустимости такого шага в рамках действующего торгового договора. В 1913 году сбыт немецкой ржи в России превысил в стоимостном выражении реализацию русской ржи в Германии. Колебаниям российского правительства пришел конец. В Государственную думу был внесен законопроект об обложении пошлиной хлеба в зерне, кроме риса, при ввозе его в Россию через европейскую границу. В марте 1914 года закон был принят Государственной думой.

Все проблемы предвоенной внешнеторговой политики России были так или иначе связаны с русско-германскими отношениями. Характер

их развития вызывал широкое недовольство среди русских помещиков и промышленников, буржуазно-помещичьих партий.

Раздавались требования немедленно начать подготовку к пересмотру договора 1904 года, хотя до истечения его срока (1917 г.) оставалось еще много времени. С 1911 года подобная подготовка действительно началась как со стороны общественных организаций, так и на государственном уровне.

Хотя и промышленники и экспортеры сельскохозяйственных продуктов были единодушны в требовании пересмотра условий конвенции 1904 года, они придерживались противоположных взглядов относительно направления такого пересмотра.

Аграрные круги настаивали на необходимости снижения Германией хлебных пошлин, допуская возможность понижения Россией в ответ обложения германских промышленных товаров. Главная задача будущего договора, считали они, — «не только вернуть потерянное, но и систематически увеличивать свой вывозной актив»²³.

Лейтмотивом заявлений промышленников и их организаций было требование развития национальной промышленности и обеспечения должной защиты ее от внешней конкуренции. «Мы должны уступить на вывозе сырья, — заявлял В.И. Тимирязев в интервью корреспонденту «Биржевых ведомостей», — с тем, чтобы выиграть на ввозе изделий»²⁴.

Правительству предстояло как-то сбалансировать эти разноречивые интересы. Заинтересованные министерства начали вырабатывать свой подход уже с 1911 год. Были созданы специальные комитеты и комиссии. В 1914 году подготовка была еще далека от завершения. Однако уже на том этапе выявилось отсутствие единства в правительстве, различные ведомства которого тяготели к определенным социальным группам.

Один пересмотр условий договора 1904 года еще не мог избавить русскую внешнюю торговлю от чрезмерной ориентации на Германию. Необходимо было решать задачу всемерного расширения торговли с остальными европейскими странами. Взоры промышленников и аграриев обращались в первую очередь в сторону Англии. Разумеется, между ней и Россией также существовали противоречия. Однако английская конкуренция на русском рынке не казалась отечественной буржуазии столь опасной, как германская. На английском же рынке российским экспортерам приходилось иметь дело главным образом с американскими и аргентинскими конкурентами. Не без основания считалось, что далеко не использованы возможности развития торговых связей и с союзной Францией. В предвоенные годы сложился своеобразный «единый фронт» сторонников внешнеторгового сближения с Англией и Францией, в который входили влиятельные правительственные круги, промышленники, большинство помещиков, ученые и представители прессы.

Однако система конвенционных тарифов в сочетании с принципом наибольшего благоприятствования препятствовала ускоренному развитию торговли России с Англией и Францией. Она не позволяла России дифференцировать страны, снижать таможенные пошлины для товаров одной из них, не распространяя эти льготы на все другие. А в равных условиях более экономически сильная Германия была своих конкурентов.

Радикально переориентировать свою внешнюю торговлю позволила и одновременно заставила Россию только первая мировая война.

На рынке капиталов. Несмотря на хроническую нехватку свободных капиталов, Россия осуществляла, хотя и в сравнительно небольших объемах, их экспорт. Его необходимость диктовалась как экономическими, так и в не меньшей степени политическими интересами на Дальнем Востоке, в Персии и на Балканах. Наиболее крупные капиталовложения были произведены в Китае (свыше 400 млн руб.). Дальше следовала Персия — свыше 100 млн руб., из которых несколько больше половины — в форме займов. Затем шли Болгария и Греция (займы). На Балканах практиковались также безвозмездные субсидии, носившие в случае с Черногорией регулярный характер. Всего в указанные страны было вывезено (включая утраченные в результате Русско-японской войны более 100 млн руб. вложений в Маньчжурии) свыше 600 млн руб. Существовала также довольно значительная, порядка 400 млн руб. финансовая задолженность России со стороны Турции и Китая, возникшая как контрибуция в результате войн 1877–1878 и 1900 годов²⁵.

Ведущую роль в экспорте капитала из России играло государство. Это проявлялось как в преобладании казенных средств над частными вложениями, так и в самой организации дела. Операции, связанные с вывозом капитала, производились главным образом через Государственный банк. Министерство финансов нередко привлекало к участию иностранные банки, сохраняя при этом руководство за собой.

Из русских частных предприятий использовался С.-Петербургский международный коммерческий банк. Позднее роль его несколько уменьшилась, так как в конце XIX века под эгидой финансового ведомства были созданы специальные банки для вывоза капитала в соседние полуколонизальные страны. Учетно-ссудный банк Персии, первый из них по времени возникновения (1894 г.), лишь формально выступал как частное учреждение, являясь фактически филиалом Государственного банка. Следующий — Русско-Китайский банк (1895 г.) — находился под полным контролем царского правительства, которое располагало контрольным пакетом акций, утверждало, а частично назначало членов его правления. Официальными учредителями выступали С.-Петербургский международный банк и группа французских банков, участвовавших в размещении русских займов. Наконец, в 1897 году был основан

по типу аналогичный Русско-Китайскому Русско-Корейский банк, который, однако, в силу политических обстоятельств не смог развернуть свою деятельность и вскоре прекратил существование²⁶. Два первых банка, напротив, активно функционировали, хотя позиции Русско-Китайского банка были подорваны вследствие неудачной войны с Японией. В 1910 году он слился с Северным, в результате чего возник крупнейший среди частных финансовых учреждений страны Русско-Азиатский банк.

В мировом экспорте капиталов Россия не занимала сколько-нибудь видного места, что объяснялось сравнительной бедностью капиталами и возможностью их прибыльного размещения внутри империи. Если по внешнеторговым оборотам она отставала от развитых держав в несколько раз, то по ввозу капитала — в десятки раз, находясь как бы в другом измерении. Львиная доля экспорта капитала из России направлялась в Азию, и он играл там заметную роль, уступая, однако, английскому и французскому, но опережая германские и американские инвестиции²⁷. Следует также учесть высокую избирательность российского вывоза капитала, концентрацию его буквально в единичных странах, а также направляющую роль государства. В результате на рынках таких стран, как Персия и Китай, влияние российского капитала было значительным.

Но в целом в системе мирового хозяйства Россия выступала прежде всего как крупный импортер капитала. Без постоянных вливаний средств из-за рубежа не могли осуществляться одновременно пропомещичий вариант развития капитализма в сельском хозяйстве и быстрое индустриальное развитие. Царское правительство было бы не в силах вести активную внешнюю политику. Неудивительно, что привлечение средств из-за рубежа стало одной из основ экономической политики министра финансов С.Ю. Витте и его преемников.

Иностранный капитал поступал в Россию в двух главных формах — инвестиций в народное хозяйство и займы. Зарубежные капиталовложения в акции и облигации русских предприятий на рубеже веков приближались к 1 млрд, а ко времени мировой войны — к 2 млрд руб.²⁸ Их удельный вес составлял примерно 1/3 совокупного акционерного капитала страны. Таким образом, экономическое развитие России происходило главным образом за счет внутренних накоплений, хотя значение инъекций извне было достаточно велико.

По отраслям народного хозяйства иностранный капитал распределялся неравномерно. В некоторых из них — электропромышленности, горном и металлургическом производствах, банках, городском хозяйстве — роль его была значительно выше средней. Однако ни общие цифры, ни рассуждения о возможности контроля через систему участия или о достаточности обладания контрольным пакетом акций не дают

правильного представления о взаимоотношениях между русским и иностранным капиталом. Здесь плодотворным оказался лишь путь конкретных исследований. Он привел отечественных ученых к выводу, что имело место не подчинение российской экономики зарубежным монополиям, а союз и взаимодействие, при котором иностранный капитал, получая высокие прибыли, выступал как составная часть российского монополистического капитализма²⁹.

Это не означает отрицания всякой зависимости некоторых отраслей русского народного хозяйства от иностранного капитала. Однако по мере роста внутренних накоплений, усиления мощи и расширения функций русских банков, формирования российского финансового капитала указанная зависимость в общем ослабевала. Это особенно отчетливо проявилось в период предвоенного промышленного подъема и годы мировой войны³⁰.

Исследования выявили также несостоятельность точки зрения об особой важности национальной принадлежности иностранного капитала. Они показали, что не только между разными национальными группами, но и внутри них шла острая конкурентная борьба, которую русские банки и монополии небезуспешно использовали для проведения собственной линии. Таким образом было опровергнуто ошибочное заключение, будто ориентация России на Антанту объяснялась преобладанием франко-английских инвестиций в русское народное хозяйство.

Роль зарубежных капиталовложений в развитии российской экономики была неоднозначна. Их приток способствовал капиталистической индустриализации страны. Быстрый промышленный рост России в 90-е годы XIX века и в 1909–1913 годах был, несомненно, связан и с импортом капитала. В то же время именно он позволял царизму тратить огромные средства на поддержание полукрепостнических помещичьих хозяйств, то есть косвенно содействовал консервации пережитков феодализма. Расчеты царских министров с помощью иностранного капитала в сжатые сроки преодолеть экономическую отсталость страны не оправдывались: разрыв между Россией и передовыми капиталистическими странами, если говорить о производстве на душу населения, оставался весьма значительным³¹.

Параллельно с притоком инвестиций в народное хозяйство развивался другой, более важный с внешнеполитической точки зрения процесс роста финансовой зависимости царского, а с февраля 1917 года Временного правительства от иностранных держав в результате размещения за границей русских займов и ценных бумаг. Приток иностранного капитала в ссудной форме значительно превышал зарубежные инвестиции в экономику. На рубеже веков он составлял примерно 4 млрд,

а в 1913 году — 5,6 млрд руб.³² Резкое увеличение задолженности России — на 7,25 млрд руб. — произошло за время мировой войны³³.

Выплата процентов по займам иностранным банкирам тяжелым бременем ложилась на русское народное хозяйство. В то же время значительная часть получаемых средств — примерно 35 % общей суммы долга 1913 года — использовалась непроизводительно³⁴, причем доля непроизводительно используемых средств имела тенденцию к возрастанию. Да и воздействие зарубежных железнодорожных и городских займов нельзя считать однозначно положительным, так как они позволяли царизму тратить средства от внутренних займов на укрепление государственного аппарата, финансирование помещичьего землевладения и военные нужды.

Хотя при определении общих размеров финансовой задолженности разграничение займов на внешние и внутренние представляется несколько условным, именно государственные внешние займы имели важные политические последствия. Начатая И.В. Вышнеградским и завершенная Витте в 90-е годы конверсия русских займов, приведшая к переходу русских ценных бумаг с немецкого на французский денежный рынок, подвела определенный экономический фундамент под здание союза с Францией. Самый крупный в истории России до мировой войны заем (апрель 1906 г.) сыграл заметную роль в последующей ориентации царского правительства на англо-французскую Антанту. Заем января 1909 года подкрепил недостаточно эффективное взаимодействие России с Францией и Англией в ходе боснийского кризиса. Французские займы России кануна мировой войны обуславливались развитием железнодорожной сети у западной границы в интересах ускорения развертывания русской армии против Германии. Наконец, военные займы 1914–1917 годов консолидировали Тройственное соглашение и подкрепляли недостаточный собственный экономический потенциал России, игравшей важную роль в совместной борьбе.

В 1890–1913 годах по темпам роста крупной промышленности Россия опережала все более развитые страны. Некоторые экономисты высказывали на этом основании предположение, что к середине XX века ее народное хозяйство будет доминировать в Европе. Такой прогноз не учитывал, по-видимому, необходимости на определенном этапе перехода российской экономики на интенсивный путь развития. Ее достижения за первые десятилетия новой эпохи оказались недостаточными для преодоления исторически сложившейся отсталости. Перед мировой войной Россия занимала по абсолютным размерам промышленного производства пятое место в мире, а по некоторым ведущим отраслям, включая машиностроение, — четвертое. Доля ее в совокупном промышленном производстве пяти самых сильных промышленных стран мира составляла лишь 4,2 %³⁵. Приток иностранного капитала не привел к эко-

номической зависимости страны, но в виде государственных займов со-здал известные рычаги для воздействия на ее политику со стороны государств-кредиторов, прежде всего Франции.

3. Территориально-политический раздел мира

Российская империя. Если участие России в мировых экономических связях было сравнительно скромным, то по-иному выглядела ее роль в политическом противоборстве держав. Бескрайняя страна по территории занимала первое место в мире, а по населению уступала только Китаю и Индии. Это была как бы целая часть света, отличавшаяся к тому же особым типом исторического развития.

В литературе, в частности марксистской, Россию нередко рассматривают как великую колониальную империю, где в роли метрополии выступала европейская часть страны с преобладающим русским (точнее, православным) населением, а в качестве колоний — национальные окраины в Азии. Такой подход не лишен определенной почвы, поскольку в пределах России действительно имело место помимо национального колониальное угнетение. Он обладает также тем видимым преимуществом, что позволяет провести сравнение с другими великими империями своего времени.

Если, следуя традиции, отнести к колониям России ее азиатскую часть, то окажется, что российская «колониальная империя» по территории и населению делила второе-третье места с французской, уступая британской, но значительно превосходя владения других государств³⁶. Далее бросается в глаза «внутренний» характер российских колоний по сравнению с заморскими владениями Англии, Франции и других держав. Это сближало Россию с Османской и Китайской империями, но, в то время как могущество тех ушло в прошлое, Россия сохраняла великодержавный статус. Система управления азиатскими национальными окраинами не была единообразной. Закавказье, как и Центральная Россия, делилось на губернии, но имело также наместника царя со своим аппаратом. Управление Казахстаном и русским Туркестаном было ближе к колониальному типу (генерал-губернаторы и военные губернаторы в областях). На низовом местном уровне сохранялась власть национальной феодально-байской верхушки.

Исторически территория России складывалась на протяжении веков путем объединения восточнославянских земель, относительно мирного освоения малонаселенных территорий Сибири и Дальнего Востока (крестьянская и казачья колонизации), завоеваний, добровольного и вынужденно добровольного присоединения. Завоевание не являлось главным средством территориального роста державы и уступало по своим масштабам соответствующей колонизаторской активности Англии и Франции.

Последние крупные завоевания были сделаны в 60–80-е годы XIX века в Средней Азии. Колоссальное расширение колоний в мире в последней четверти прошлого столетия сравнительно мало коснулось России. В это время к ней были присоединены части туркменских земель и Памира.

Все же в строго научном смысле Россию вряд ли правомерно рассматривать как великую колониальную империю. Видимо, не случайно тот же В.И. Ленин в одних работах относил ее к разряду колониальных держав, а в других — исключал из их числа³⁷. Это был особый тип империи, где политическая зависимость и национальное неравноправие преобладали над колониальной эксплуатацией. Отношения между официально господствовавшей великорусской и остальными нациями носили сложный характер. Царизм угнетал все народы, включая великороссов, хотя нерусские (точнее, неправославные) страдали, безусловно, сильнее. Важную роль играл исторически сложившийся особый характер народа империи, которому было не свойственно сознание национальной исключительности и стремление к самоизоляции.

Азиатская часть страны служила для Центральной России поставщиком промышленного и сельскохозяйственного сырья и рынком сбыта готовых изделий. В 1912 году здесь производилось 46,4% продукции российской горнодобывающей промышленности (нефть, медь, золото и другие цветные металлы), выращивался весь хлопок, отсюда же поступали значительная часть продуктов животноводства и отчасти хлеб. Напротив, местная обрабатывающая промышленность была развита очень слабо. Ее продукция составляла лишь 6,2% общероссийского производства³⁸. Но Сибирь в национальном отношении была преимущественно русским регионом. Колонией она могла считаться только в экономическом смысле, в отличие от более близких к колониальному типу Казахстана и Туркестана.

Не вся Европейская Россия в экономическом смысле могла быть отнесена к метрополии. Из нее выпадают восточные и южные национальные окраины, подвергавшиеся экономической эксплуатации центра. Финляндия, Прибалтика и особенно Польша страдали от национального неравноправия, но не находились в подчиненном хозяйственном положении. Слабо заселенный европейский Север представлял ближайшую резервную территорию для развития российского капитализма вширь.

Колониальная эксплуатация в России осуществлялась преимущественно капиталистическими методами, сочетавшимися с гнетом со стороны самодержавного государства. Главной формой хозяйственной эксплуатации служил неэквивалентный торговый обмен, но использовались и другие способы. В XX веке значительно выросли по абсолютным размерам капиталовложения в азиатских регионах страны. Заметно расширилось число отделений и агентств коммерческих банков России.

Протяженность железных дорог в Средней Азии и Сибири (без КВЖД) увеличилась с 1892 по 1917 год в 10 раз³⁹.

Торговая эксплуатация сочеталась в рассматриваемых регионах с ростовщической, причем торгово-ростовщические элементы взаимодействовали как с промышленниками и финансистами, так и с национальной феодальной верхушкой. Если отсталый хищнический капитал имел широкое распространение в стране в целом, то здесь он господствовал.

Самодержавное государство систематически повышало подати, причем тяжесть обложения еще более возрастала вследствие специфических способов взимания последнего: производства сборов местными феодалами и сохранения круговой поруки. В интересах спасения помещичьего землевладения в Центральной России шло государственное земельное ограбление коренного населения национальных окраин. Только в степном крае (Северный Казахстан) за 1893–1905 годы у местных жителей было отобрано для организации переселенческого фонда 18 млн десятин земли, так называемых излишков⁴⁰. Принимались законодательные и административные меры с целью стеснения развития местной обрабатывающей промышленности.

Обладая огромными собственными территориями, российский царизм активно развивал экспансию в соседних полукOLONиальных странах. Он претендовал на преобладающее влияние в Персии, в пограничных с Россией провинциях Китая, готовился к эвентуальной борьбе за «турецкое наследство». Еще по договорам 1868 и 1873 годов с Бухарой и Хивинским ханством Россия установила над ними свой протекторат. Соглашение 1899 года с Англией разграничило сферы железнодорожных интересов двух держав в Китае, причем областью экономического и географического тяготения к России была признана территория Цинской империи на север от Великой Китайской стены. Конвенция 1907 года с Англией и соглашение 1911 года с Германией обеспечили признание сферой русского влияния северной части Персии. На других континентах, кроме Азиатского, признанных другими державами областей влияния Россия не имела.

Военные возможности России. Что же позволяло финансово не вполне самостоятельной России играть столь важную роль в политическом соперничестве держав? Прежде всего военная мощь. В конце XIX века Россия обладала самой крупной в мире постоянной армией (около 1 млн человек по сравнению с примерно 600-тысячными армиями следующих по величине французской и германской), оснащенной современным по тогдашним понятиям вооружением и имевшей за плечами богатый опыт и традиции⁴¹. Самой многочисленной оставалась русская армия и при боевом развертывании, хотя в этом случае ее преимущества были уже значительно меньшими. К этому нужно добавить богатств-

во людскими ресурсами, которые, правда, не могли быть использованы столь же эффективно, как в более развитых странах. Слабой стороной русской армии являлась медленность стратегического развертывания, объяснявшаяся низкой пропускной способностью железных дорог.

Это побуждало уже в мирное время дислоцировать части поближе к пределам потенциальных противников и особо заботиться о развитии приграничной железнодорожной сети. Царское правительство, которое далеко не всегда удовлетворяло иные запросы страны, поддерживало весьма высокий уровень ассигнований на армию, занимая по этим затратам одно из первых мест в мире. Ему, однако, приходилось все труднее конкурировать с более развитыми странами. Это послужило, кстати, одной из причин инициативы Петербурга в созыве 1-й Гаагской мирной конференции в 1899 году.

В результате осуществления принятой в начале царствования Александра III долгосрочной программы строительства военного флота Россия превратилась также в одну из сильных морских держав. Однако значительная часть боевых кораблей к началу XX века уже устарела. Черноморский флот был по условиям международных соглашений о проливах фактически заперт, а остальные силы приходилось делить между Европой и Дальним Востоком. Российский флот не располагал опорными базами для действия на океанских просторах. Единственный незамерзающий океанский порт был арендован у Китая в 1898 году и в результате войны с Японией утерян.

В новой волне гонки морских вооружений, начавшейся на рубеже веков, Россия стала быстро отставать от Англии, Германии и некоторых других держав. Указанное обстоятельство и тяжелые потери в Русско-японской войне отодвинули русский флот на второй план. Из этого положения он стал понемногу выходить только накануне и во время мировой войны.

Поддержка мощи армии и флота на уровне, позволяющем соперничать одновременно с сухопутными и морскими державами, представляла для народного хозяйства России непосильную задачу. Но отказаться от петровско-екатерининских традиций правящим кругам было тоже нелегко, тем более что в новую эпоху именно флот часто служил эффективным орудием внешней политики. Отсюда — постоянное соперничество военного и морского ведомств и раздвоенность усилий правительства, понижавшая их результативность на обоих направлениях.

Тем не менее на рубеже веков Россия представлялась первоклассной военной державой. Казалось бы, что в наступивший конфликтный период роль вооруженных сил должна увеличиться, предопределив тем самым и возрастание международного веса России. В действительности в новую эпоху военный потенциал измерялся отнюдь не только чи-

сленностью войск, боевой техники или количеством людских ресурсов. Это был лишь фасад. Военная мощь самым непосредственным образом опиралась на экономическую, а здесь Россия продолжала отставать. Для успешного соперничества с другими державами на суше и на море ей не хватало ни финансовых средств, ни производственных мощностей. Германия и Австро-Венгрия могли в случае войны сосредоточить свои силы на границах вдвое быстрее России, что давало им серьезные преимущества. В особенно тяжелом положении оказывались в критической ситуации дальневосточные окраины, связанные с европейской частью страны единственной одноколейной железной дорогой, даже к 1904 году еще незавершенной строительством.

Боеспособность вооруженных сил во многом зависела от образовательного и культурного уровня масс населения, который в России был весьма невысок. В XX веке меньше 30% детей соответствующего возраста имели возможность посещать начальную школу. Один учащийся средней школы приходился в России на 564 человека, в то время как во Франции — на 300, в Англии — на 202, в Пруссии — на 122, в Соединенных Штатах — на 83 человека⁴². Особенно низок был образовательный уровень населения национальных окраин, что прямо сказывалось на возможности его использования в армии. Так, в Средней Азии подавляющая часть жителей (более 9/10) была вообще освобождена от воинской повинности.

Военная мощь России ослаблялась также бесправием и крайне низким жизненным уровнем ее населения. Анализируя данные всероссийской переписи 1897 года, В.И. Ленин приходил к заключению, что из 125,6 млн человек 99,5 млн (почти 80%) относилось к пролетариям, полупролетариям и беднейшим мелким хозяевам⁴³. Это почти полностью совпадает с оценкой царского министра финансов Витте, считавшего, что в России на 130 млн жителей приходится 90 млн нищих⁴⁴. Жизненный уровень рабочих в России был одним из самых низких в Европе, а прослойка так называемой рабочей аристократии чрезвычайно тонкой.

Гнет монополий вел к дальнейшему обострению социальных противоречий и росту политической нестабильности. Уже накануне Русско-японской войны в стране наблюдался подъем рабочего, студенческого, либерального и крестьянского движений. Война отсрочила взрыв, но сделала его более мощным (революция 1905–1907 гг.). Накануне мировой войны Россия стала ареной нового подъема общественного движения. Таким образом, великодержавная политика проводилась царизмом на зыбкой почве относительной отсталости, долгов, нищеты населения и социальной нестабильности.

В марксистской историографии нередко указывается такой источник международного влияния России, как удобство географического

положения для экспансии в Китае, Персии и Турции. Этот тезис представляется, однако, спорным. Чтобы реализовать указанное преимущество в экономическом смысле, требовалось, как минимум, провести в эти страны железные дороги и развить в промышленном отношении прилегающие окраины самой России, что в рассматриваемый период сделано еще не было. Да и при наличии железных дорог транспортировка товаров по морю, осуществляемая другими странами, могла оказаться дешевле дальних сухопутных перевозок. Аналогичным образом обстоит дело с военным давлением. Россия, конечно, могла ввести войска на территорию стран-лимитрофов, но, как свидетельствовал опыт, ничто не мешало морским державам использовать флот в целях демонстрации силы, блокады или высадки десантов. Остается лишь такое преимущество географического соседства, как некоторая общность интересов. Последнюю, видимо, нельзя вовсе сбрасывать со счетов, хотя и преувеличивать ее значение тоже не следует. Гораздо большую роль в расширении международных возможностей России играло комбинирование ею сил с другими великими державами.

Россия в системе блоков. В борьбе за сохранение захваченных позиций или передел мира великие державы объединялись в группировки. Наиболее мощные блоки — Тройственный союз 1882 года и русско-французский союз 1891–1893 годов — сложились в центре мировой политики, каким была в то время Европа. Несколько позднее стали формироваться объединения держав в другом важном регионе — Тихоокеанском.

Базой для сплочения держав служили совпадение их интересов и противоречия с членами противостоящей группировки. Так, Россию и Францию объединяло прежде всего стремление предотвратить германскую гегемонию на Европейском континенте. Предпочтение, отданное Германией союзу с Австро-Венгрией, давней соперницей России на Балканах, свидетельствовало о намерении Берлина развивать экспансию в восточном и юго-восточном направлениях. Противоречия между Францией и Германией восходили к аннексионистскому грабительскому Франкфуртскому миру и распространялись также на Северную Африку и Ближний Восток. На Средиземном море Франция соперничала с другими членами возглавляемого Германией блока — Италией и Австро-Венгрией. Как для России, так и для Франции представляло опасность казавшееся одно время возможным присоединение Англии к Тройственному союзу.

Русско-французский союз имел политический, военный и финансовый аспекты. В политическом плане он представлял собой консультативный пакт, обязывавший участников «совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру», и договариваться о совместных мерах «в случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения»⁴⁵. Более четкими и жесткими были

условия военной конвенции. Они не только регламентировали военнотехническую сторону дела, но и определяли поведение союзниц в критических ситуациях: 1) в случае нападения на Францию Германии или Италии, поддержанной Германией, а равно в случае нападения на Россию Германии или Австрии, поддержанной Германией, партнер обязывался прийти на помощь жертве агрессии всеми своими войсками; 2) мобилизация войск Тройственного союза или хотя бы одной из входящих в него держав обязывала Францию и Россию немедленно и одновременно мобилизовать свои силы и двинуть их как можно ближе к своим границам⁴⁶.

Между условиями политического пакта и военной конвенции существовала некоторая несогласованность: в то время как первые давали известный простор для маневрирования, вторые вовлекали союзника в военный конфликт почти автоматически. Руководители российского МИД опасались такого автоматизма и считали его невыгодным. Не случайно они длительное время не принимали предложений французской стороны скреплять протоколы совещаний начальников генштабов двух стран подписями министров. Впрочем, практика показала, что и сама Франция не являлась сторонницей автоматического вступления в силу союзных обязательств и что вопрос о казус федерис подлежал во многих случаях специальному обсуждению.

На международном финансовом рынке Франция, как отмечалось, выступала главным кредитором России. Это давало ей определенное преимущество, которое, однако, длительное время уравнивалось тем, что западная союзница была больше заинтересована в военной поддержке с востока, чем наоборот. Таким образом, русско-французский блок являлся тогда союзом равных.

Две великие державы — Англия и Соединенные Штаты — не входили на рубеже столетий в европейские союзы. Первая из них, правда, уже осознала необходимость отказаться от традиционной политики «блестящей изоляции» и искала новые средства обеспечения своих интересов. Цели второй только начинали выходить за рамки Тихоокеанского региона. В самом конце XIX века, в момент крайнего обострения отношений с Францией на колониальной почве, Англия прощупывала возможности сближения как с Россией, так и с Германией. Ни та ни другая не проявили достаточной гибкости, чтобы пойти на широкое урегулирование с могучим соперником. Россия склонна была согласиться с Францией придать их союзу также антианглийскую направленность. Германия приступила к созданию сильного военно-морского флота, который позволил бы ей потеснить старые колониальные державы и обеспечить себе место под солнцем.

Система блоков поддерживала равновесие сил держав, но лишь ценой расширения рамок неизбежных в ту эпоху конфликтов. Это рав-

новесие носило неустойчивый характер вследствие усиления неравномерности развития капиталистических стран. Недостаточно прочны были и сами блоки из-за противоречий между партнерами. Отсюда передвижки в расстановке сил, иногда приводившие к радикальным переменам.

Одной из таких подвижек, не имевших, впрочем, далеко идущих последствий, было достижение в 1897 году русско-австрийского соглашения о поддержании статус-кво и об отказе от завоеваний на Балканах⁴⁷. Оно явилось одним из итогов ближневосточного кризиса 90-х годов, в ходе которого выяснилось, что в борьбе за достижение своих целей в восточном вопросе Россия может рассчитывать лишь на дипломатическую поддержку Франции. Своеобразие русско-австрийского соглашения заключалось в его ограниченном и преимущественно негативном характере. Это было прежде всего «соглашение о незаинтересованности», и попытки венских и менее дальновидных русских дипломатов наполнить его положительным содержанием встречали решительное противодействие руководства российского МИД. Там хотели сохранить за Россией свободу рук на будущее и не дать Австро-Венгрии права искать компенсаций взамен признания интересов России в вопросе о проливах⁴⁸.

Еще одной подвижкой уже в начале XX века стало франко-итальянское соглашение, которое способствовало постепенному отходу Италии от Тройственного союза.

На Дальнем Востоке в связи с переменами в соотношении сил старая англо-французская группировка потеряла свое значение, уступив место новым образованиям. Использование в регионе русско-французского союза представлялось проблематичным и, во всяком случае, требовавшим специального согласования. На практике в 1895 году оно имело место, но в виде не двойственной, а тройственной (союзницы плюс Германия) антияпонской акции. Русско-китайский союз 1896 года вследствие непоследовательной политики российского правительства сыграл лишь кратковременную роль. В 1900 году восстание ихэтуаней в Китае вызвало фактическое образование коалиции против него всех великих держав, но после подавления восстания коалиция распалась из-за противоречий интересов ее членов. Сразу после этого стала приобретать очертания группировка сил держав, готовившихся к переделу сфер влияния в регионе. Среди них на первом плане стояли Япония и Англия, с одной стороны, и Россия — с другой.

Самодержавие и внешняя политика. Возраставшая интеграция России в мировые процессы, ее включение в активную борьбу за окончание раздела и передел мира усиливали потребность в скорейшей модернизации страны, то есть коренном обновлении экономики, социальной структуры и государственного строя. Однако до полного осознания

этой потребности правящая бюрократия не поднялась. В ее высшем эшелоне отсутствовало единое понимание насущных задач, что препятствовало выработке единой политической программы.

В области внутренней политики наметились два основных противоборствующих течения: бескомпромиссных консерваторов, выступавших за сохранение самодержавного режима и роли дворянства как его главной опоры в неизменном виде, и либеральных консерваторов, стоявших за умеренные либеральные реформы, призванные приспособить экономику, социальную структуру и политическую систему к условиям новой эпохи при сохранении помещичье-самодержавной основы. На рубеже веков преобладало первое из них, представленное такими столпами реакции, как И.А. Горемыкин или В.К. Плеве, и пользовавшееся симпатиями Николая II. Только революция 1905 года сдвинула царизм с места и побудила его эволюционировать в направлении буржуазной монархии.

Несколько больше единства наблюдалось в сфере внешней политики, где все царские сановники выступали с великодержавных имперских позиций. Из этого вовсе не следует, будто в правительстве отсутствовали расхождения. Выше говорилось о растущей оппозиции внешнеэкономической программе Витте, преодолевать которую ему было все труднее. В сфере собственно политики дело обстояло еще хуже. Цельной внешнеполитической концепции, охватывающей основные направления, вопросы ориентации, последовательность задач, разработано не было. Механизм принятия и осуществления внешнеполитических решений отличался архаичностью и плохой согласованностью его различных частей. Конечной инстанцией выступал царь Николай II, личные недостатки которого (отсутствие твердости, подверженность влияниям) усугубляли изъяны аппарата. Разнобой причастных к внешней политике ведомств и их руководителей вел к непоследовательности и колебаниям, снижавшим результативность внешнеполитических усилий.

Внешняя политика России традиционно разветвлялась на двух основных театрах — европейском и азиатском. Как правило, главное внимание уделялось Европе, включая и балканско-ближневосточное направление. Со второй половины XIX века выросло значение азиатского театра, на котором выделялись среднеазиатское и дальневосточное направления.

Важнейшей задачей России на Европейском континенте являлось поддержание равновесия сил, которому угрожала быстро растущая мощь Германии. Здесь обнаруживалось широкое совпадение интересов членов русско-французского союза. Не стремясь форсировать решение европейских дел, царское правительство тем не менее исходило из того, что в случае распада двуединой монархии (Австро-Венгрии) Россия не может остаться в стороне от дележа «австрийского наследства»: ей

была небезразлична судьба Галиции, польских и других славянских земель Габсбургской монархии.

На балканско-ближневосточном направлении перед Россией стояли две взаимосвязанные задачи — укреплять свое влияние в малых государствах региона и изменять в выгодную для себя сторону режим черноморских проливов. Царское правительство опять-таки предпочитало оттянуть разрешение восточного вопроса в полном объеме, но исключало возможность своего неучастия, если империя султана рухнет или лишится европейских владений. На Балканах главным соперником считалась Австро-Венгрия, поддерживаемая Германией, а на Ближнем Востоке Россия встречалась с конкуренцией едва ли не всех великих держав, не исключая Францию. В качестве злейшего врага свободного прохода русского военного флота через проливы в Петербурге не без основания рассматривали Англию. Последнее обстоятельство наряду с социально-политическими симпатиями, видимо, объясняет наличие в российском дворянстве и правящих кругах сторонников сближения с Германией, которое, по их мнению, позволило бы России решить все ее европейские проблемы.

На Среднем Востоке Россия стремилась закрепиться на новых рубежах, к которым она вышла в 60–80-е годы, и утвердить свое преобладающее влияние в Персии. Вопросы о дальнейшем продвижении в сторону «жемчужины английской короны» или о получении выхода в Индийский океан практически не ставились. Тем не менее Англия относилась к российской политике в регионе с величайшей подозрительностью, стремилась к более четкому разграничению, созданию «буферных» зон и разделу Персии на сферы влияния. Активизация германской политики в Турции и Персии внесла на рубеже столетий существенный корректив в расстановку сил, создав дополнительные стимулы к русско-английскому компромиссу.

В 1890-е годы значительно возросло внимание Петербурга к Дальневосточному региону, что привело сначала к известной раздвоенности усилий, а позднее и к временному перенесению центра тяжести внешней политики. Решались задачи соединения далекой окраины с Центральной Россией железной дорогой и приобретения незамерзающего океанского порта. Великий Сибирский путь был призван облегчить оборону дальневосточных рубежей, способствовать освоению богатейших ресурсов азиатской части страны, а заодно он в известной мере снижал социальную напряженность в европейских губерниях (переселение крестьянства), приносил торгово-экономические выгоды. Он открывал возможности для России утвердиться в Маньчжурии и вообще расширить влияние на Китай. Приобретение незамерзающего порта давало российскому военно-морскому флоту постоянную базу, делая его независимой силой на Тихом океане. Поворот лицом к Дальнему Востоку неоднозначно по-

нимался и воспринимался в правящих кругах, стимулируя борьбу широкого диапазона мнений — от убежденных европоцентристов до прямых сторонников восточной направленности.

Помимо той или иной последовательности в решении задач и блоковой ориентации серьезные разногласия в царском правительстве вызывали средства и методы проведения внешней политики. Сторонникам традиционных «военно-феодалных» способов грубого диктата и прямых захватов («У нас в России в высших сферах, — отмечал Витте, — существует страсть к завоеваниям, или, вернее, к захватам того, что, по мнению правительства, плохо лежит») противостояли адепты сформировавшихся с середины 1890-х годов методов экономической экспансии, которые широко применялись передовыми капиталистическими странами.

Наиболее дальновидные русские министры, такие как Витте или Столыпин, полагали также, что на время преобразований России следует воздерживаться от участия во «внешнеполитических осложнениях». Взгляды и действия представителей различных методов экспансии не отличались, однако, последовательностью. Тот же Витте в 1895 году выступил сторонником военно-силового давления в отношении Японии, а Столыпин, отрицая еще в 1908 году возможность для России иной политики, кроме строго оборонительной, одновременно заявлял, что через несколько лет страна заговорит «прежним языком».

Политика экономического соперничества с передовыми промышленно развитыми странами в Китае и Персии дорого стоила Российскому государству. Как и при ведении казенного хозяйства внутри страны, правительство фактически не считалось с таким основным принципом функционирования капиталистического организма, как прибыль. Почти все государственные или полугосударственные банки, железные дороги, предприятия за рубежом работали в убыток и требовали постоянной дотации из бюджета. Но и эти вливания не обеспечивали прочного успеха. Накопленные в период промышленного подъема 90-х годов финансово-экономические резервы были быстро растрочены. Циклический кризис начала следующего десятилетия, а затем Русско-японская война и революция 1905 года подорвали материальные основы государственного экономического экспансионизма.

Осознание царской бюрократией того, что Россия не в состоянии выдерживать экономическое противоборство со своими соперниками, приходило не сразу. Причем в зависимости от конкретной ситуации выбирались различные пути выхода из положения: на Дальнем Востоке побеждала привычная военно-силовая тенденция, выражавшаяся в торжестве «нового курса» безобразовцев и Плеве. А на Среднем Востоке пришлось остановиться в поступательном движении на юг и договариваться о разграничении сфер влияния с Англией.

Глава II. Механизм принятия внешнеполитических решений

Под внешнеполитическим механизмом в современной теории международных отношений понимается совокупность (система) определенным образом организованных и взаимодействующих государственных органов, принимающих постоянное участие в процессе разработки и осуществления внешнеполитических решений. Сложилось двоякое понимание функционирования внешнеполитического механизма: широкое, которым охватывается весь внешнеполитический процесс, раскрывающийся через деятельность государственных органов внешних сношений, а равно не участвующих непосредственно в выработке и принятии решений политических партий, общественных и предпринимательских организаций, прессы и всех прочих многочисленных «групп давления» как внутри страны, так и вовне; и узкое — деятельность только самого государственного аппарата в сфере внешних сношений. Широкий исторический контекст настоящего труда нацеливает на раскрытие обоих аспектов внешнеполитического механизма.

Исследование государственного руководства внешними сношениями России связано с выявлением по крайней мере трех основных взаимодействующих между собой компонентов: во-первых, идеологического и политического, охватывающего ценностные и целевые приоритеты — круг государственных, национальных и социальных идей и целей, которые выражаются в политической доктрине, а также в конкретной внешнеполитической программе; во-вторых, средств, форм и методов внешнеполитической государственной деятельности, модели государственного механизма внешних сношений — его структуры, форм и условий функционирования, кадрового состава, динамики деятельности и эффективности; в-третьих, социально-психологического (личностного) фактора, проявляющегося в конкретной деятельности людей.

Внешнеполитический бюрократический аппарат Российской империи, осуществлявший государственное руководство внешними сношениями, отражал в рассматриваемый период особенности социально-экономического и государственно-политического устройства страны, динамику переходного периода от неограниченной монархии к буржуазной парламентской монархии, а в 1917 году — к республике. Изменения в характере международных отношений, обострение империалистических противоречий между державами, усиление напряженности между двумя блоками и быстрый рост милитаризма также требовали приспособления аппарата внешних сношений к новой обстановке и новым по-

требностям и задачам государственной политики. Эти взаимосвязанные внутрисоциальные и международные процессы определяли формирование сменяющих друг друга моделей государственного механизма внешних сношений, соответствовавших вышеупомянутым периодам исторической эволюции страны.

1. Кризис самодержавия и система государственного руководства внешней политикой (середина 1890-х — 1905 г.)

Понимание правящей бюрократией внешнеполитических задач. Объективные основы внутреннего состояния и международного положения России в конце XIX — начале XX века не могли не учитываться правящей бюрократией, ответственной за выработку внешнеполитического курса империи. Происходившие в стране и на международной арене стремительные перемены оказывали все большее влияние на традиционные взгляды и представления по коренным вопросам внешней политики представителей обеих противоборствующих тенденций в политической жизни страны — «бескомпромиссных» консерваторов и консерваторов либеральных. Эти две внешнеполитические тенденции проявлялись не столько в различии целей, сколько в предлагаемых ими средствах и методах отстаивания великодержавных имперских интересов. И в то же время они своеобразно переплетались во взглядах и практических действиях их представителей. В этом отношении показательна эволюция самого менталитета крупнейших царских чиновников, непосредственно связанных с выработкой и осуществлением внешнеполитического курса страны, представлявших такие традиционно противоположные полюсы во внешней политике, как Министерство финансов и Военное, — С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина.

Государственно-политические взгляды Витте основывались на твердом осознании необходимости длительного, в течение двух-трех десятилетий, мирного периода развития, когда все усилия были бы нацелены на внутреннее преобразование страны. Внешнеполитическая концепция Витте, сложившаяся к 1897 году, несмотря на противоречивость его практических действий, отличалась реализмом, стремлением к поддержанию стабильности в конфликтных регионах и компромиссным решениям, уклонением после 1895 года от возможных «военных осложнений» и в целом была рассчитана на постепенное мирное расширение международного влияния России¹.

«Восточная ориентация» политического курса Витте, преследовавшая цель задействовать огромные потенциальные резервы азиатской России, не изменила его взглядов на страну как прежде всего европей-

скую державу, которая пойдет по пути промышленно развитых стран и связи которой с Европой останутся превалирующими. Вместе с тем его концепция внешней политики отличалась цельным представлением о евро-азиатском геополитическом положении России. Опорными пунктами, которые должны были обеспечить мир на всем пространстве страны и даже значительно шире, затрагивая оба континента, по его мысли, должны были стать Континентальный союз России, Франции и Германии в Европе, к которому присоединились бы и другие европейские державы, и союз России и Китая в Азии.

Создание зоны европейской безопасности и экономического сотрудничества, которому Витте придавал первостепенное значение, позволило бы России (испытывавшей хронический недостаток в капиталах) и другим странам континента не тратить «массу денег, средств, крови и труда» на взаимное соперничество, не содержать миллионы солдат для будущих войн и не представлять того военного лагеря, «каким она ныне является, так как каждая страна боится своего соседа». Европейские государства должны соединиться и прекратить взаимную вражду, ибо война между ними подорвала бы силы и преобладающее положение в мире Старого Света и привела бы Европу к неизбежному упадку в политическом и культурном отношении². На фоне быстрого роста экономического могущества великой североамериканской державы и выхода ее на арену мировой политики эти мысли звучали как предупреждение европейским политикам.

Логически рассуждения Витте о Континентальном союзе можно было бы домыслить и его азиатским аспектом: исходя из того, что Россия является не только европейской, но и азиатской державой, обеспечение мира на ее азиатских границах, в Азии вообще, должно было являться важнейшим принципом самосохранения членов союза. Ибо вовлечение России в конфликты на азиатских границах, равно как и членов союза, ослабляло бы их роль в Европе и являлось бы дестабилизирующим фактором в мировой политике. Вне Европы, как справедливо считает российский исследователь А.В. Игнатъев, речь шла об обеспечении сильным европейским державам свободы рук для международных акций в других частях света и даже возможности их совместных выступлений, о чем свидетельствовал опыт Симоносеки³.

Безусловно, во всех этих справедливых, но несколько преждевременных мыслях Витте о создании системы европейской коллективной системы безопасности был и чисто практический подтекст. Прежде всего он рассчитывал, что Континентальный союз «гарантирует» Россию от наиболее опасной для нее войны с Германией. Союз позволил бы России более эффективно играть на франко-германских противоречиях и быть, по сути, арбитром в отношении этих держав. Витте пони-

мал все трудности идеи реализации европейского союза прежде всего из-за франко-германского антагонизма, но признавал необходимость длительной и настойчивой работы по преодолению этого антагонизма. Хотя высказанная Витте в беседе с германским императором Вильгельмом II в июне 1897 года мысль о Континентальном союзе была не нова (министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев и начальник Главного штаба генерал Н.Н. Обручев замыслили его как военно-политический блок, направленный против Англии), министр финансов трактовал ее в принципиально ином, геополитическом плане и рассчитывал на историческую перспективу.

Государственные и политические идеи Витте в сфере внешней и внутренней политики в целом, хотя и с разными акцентами и оговорками, разделялись значительной частью высших представителей царской бюрократии как среди дипломатов, так и среди военных, что обеспечивало ему сторонников и поддержку в борьбе с представителями старой, традиционной силовой политики.

Показательно изменение идеологии, самого политического менталитета правящей бюрократии, ее извечных приоритетов в рассматриваемый период. В этом отношении чрезвычайно интересен и содержит важный материал всеподданнейший доклад военного министра генерала А.Н. Куропаткина Николаю II за 1900 год, в котором подводились итоги внешней политики и деятельности русской армии в XVIII–XIX веках и намечались задачи на новый, XX век. Куропаткин не принадлежал к воинствующему крылу царского генералитета, хотя в отдельные периоды, например во время подавления народного восстания в Китае в 1900 году и в первый период русской оккупации Маньчжурии, милитаристские настроения и у него брали верх. Как образованный и уравновешенный военачальник, продолжатель традиций Д.А. Милютин и Н.Н. Обручева в военном ведомстве, он реалистично оценивал изменение военно-стратегической и международной обстановки на границах России за последние десятилетия: неизмеримо возросшие силы соседей России на западных границах — Германии и Австро-Венгрии, создающие для России невиданные доселе опасности. Он советует «примириться» с усилением военной мощи соседей, тем более что, по его мнению, держава к началу XX века достигла «своих естественных границ» и ее задачи должны состоять в «охранении уже достигнутых Россией пределов, без дальнейшего расширения таковых»⁴.

Этот главный тезис доклада подкреплялся анализом современного состояния отношений с каждой из соседних стран — политических, экономических, торговых, в результате которого военный министр делал вывод принципиального значения об общей удовлетворенности состоянием отношений с соседними странами. Определенно высказываясь

за сохранение статус-кво в отношениях с ними, военный министр проявлял политический реализм и взвешенность в понимании проблем, связанных с эвентуальным «исправлением» границ России по военно-стратегическим либо национально-государственным соображениям. Ставя такие вопросы, как: «Нужно ли нам увеличение территории и населения?», «Усилимся ли мы от сего присоединения или, наоборот, создадим себе источник слабости и тревог?», он соотносил их с внутренним развитием страны и старался понять ответную реакцию населения и правительств соседних государств.

Общий вывод его был однозначен: приобретение новых земель, населенных «иноплеменниками», лишь «ослабило бы Россию». Отрицательно он относился даже к присоединению (воссоединению) к России Галиции, Прикарпатья и части Польши с украинским, белорусским и русским населением, которое, по его мнению, «вовсе не рвется в подданство России». «Мы для славян Австрии, не исключая и русинов, — считал генерал, — можем служить только средством, но не целью. Надо это непрерывно помнить. Даже менее культурные болгары и сербы тотчас отворачивались от России, как только становились на ноги ценой драгоценной русской крови». По политическим соображениям он также решительно высказывался против «улучшения» западных границ России и присоединения Восточной Пруссии и Галиции, которые стали бы своего рода «восточноевропейской Эльзас-Лотарингией»⁵.

Не терял он реализма в понимании тенденций, происходящих в стране и мире процессов, коща определял основы, «движущие силы» международных отношений и внешней политики в XIX столетии. Показательна сама аргументация царского министра. «Самое главное, что должно устрашать наиболее культурные народы Европы и Америки», считал Куропаткин, — это не военное могущество России, а экономическое — ее конкуренция с промышленно развитыми странами «на рынках всего света». Однако перспектива роста экономического могущества России, когда она «достигнет перепроизводства разных продуктов» («Долго ждать», — меланхолично замечает на полях проекта доклада Витте), не вызывает энтузиазма у царского генерала. Он не приемлет для себя смены идеологических ценностей, приходя к заключению, что «тогда может наступить для русской вооруженной силы **небывалый и чуждый ее истории период**. Придется сражаться не за Веру, Царя и Отечество, а в значительной степени за интересы крупных промышленников, новоявленных королей: сахарных, нефтяных, железных, мануфактурных и проч.»⁶. Куропаткин ошибся в своих прогнозах роста экономического потенциала России, но строил он его исходя из стремительных темпов промышленного развития страны, быстрого роста ее населения, его культурного уровня и т. д.

Вместе с тем, когда Куропаткин переходит к формулированию внешних задач России в XX столетии, он отрывается от реалий и взвешенного подхода, поддаваясь свободному полету великодержавного имперского менталитета, обаянию традиционных «исторических» задач внешней политики России. «В начале XX в. русской вооруженной силе необходимо окончить тяжелую работу на Черном море нескольких столетий — овладеть Босфором и обеспечить свободный выход через Дарданеллы. Вместе с тем необходимо твердо закрепить наше положение на Великом океане. Наконец, последней нашей задачей будет выход через Персию к Индийскому океану... Без выполнения этих задач не может обойтись держава такой мощи, как Россия, готовящаяся в XX столетии приблизиться населением к 400 млн чел.»⁷.

Ради их решения министр готов был воевать в будущем даже с мощной коалицией, объединяющей Англию, Германию, Австрию, Турцию и Японию. «Несомненно», — замечает на полях доклада Витте. Но это его замечание можно понимать двояко: как согласие, но скорее как тонкую иронию умудренного государственного деятеля, скептически воспринимавшего масштабные великодержавные прожекты военного министра. Основания для такого толкования дают его замечания на некоторые другие военно-имперские формулировки доклада генерала Куропаткина.

Военный министр считал, что Россия, «спокойно взирая на дележ государствами Европы огромного Африканского материка», «с тем большим правом может предъявить свои требования на первенствующую роль в Персии, а затем и Сев. Китае» (иными словами, претендовал на «справедливый» раздел сфер влияния между державами). У него был даже свой план поэтапного экономического завоевания Персии. «Ныне мы все еще недостаточно культурны, чтобы даже с могущественной поддержкой правительства вполне справиться с рынками: азербайджанским, тегеранским и даже с хорасанским», — сетовал он. Однако со временем, когда Россия утвердится на них, полагал министр, необходимо распространить экономическое влияние на центральные, а затем и на южные провинции Персии. Со временем, рассуждал генерал, уподобляясь какому-нибудь министру торговли или экономики, вся Персия должна служить рынком сбыта наших мануфактурных изделий, сахара, керосина, железа и стеклянных изделий. Со временем вся Персия должна поставлять нам хлопок, шерсть, сухие фрукты, рис, рыбу, скот, кожи, та бак, шелк, жемчуг. «Без занятия какой-либо части персидской земли мы должны шаг за шагом, не торопясь, приводить Персию к такому положению, в каком ныне находится Бухара. Шах Персии должен быть наш избранник. Только при этом мы можем господствовать в этой стране политически». Не исключал он, правда, и «военного решения» пер-

сидского вопроса — «двинуть свои войска на персидскую территорию», но только лишь в случае политической переориентации шаха в сторону Великобритании или Германии⁸. Агитировал военный министр за экономическое проникновение в Афганистан, Монголию и Китай, но в то же время понимал, что Россия не в состоянии осуществить такое проникновение в Турцию, не говоря уж о Балканских странах.

Доклад военного министра Николаю II, представленный на рубеже двух столетий, — в своем роде уникальный документ по хронологическому охвату событий внешней и военной политики, по стремлению соединить прошлое с настоящим и сделать прогноз на будущее. Он вдвойне интересен, поскольку дает возможность получить представление о мировоззрении, взглядах и политических рекомендациях главы военного ведомства по важнейшим проблемам внешней политики России и ее вооруженных сил и в то же время проследить реакцию на них руководителя другого ведомства — финансово-экономического. Замечания Витте на полях проекта доклада Куропаткина позволяют сделать вывод об общем совпадении взглядов и оценок внешнеполитического положения России и ее ближайших задач, но одновременно и о резко негативном, порой язвительном отношении Витте к империалистским проектам генерала. По существу, это определяло их взаимоотношения в вопросах текущей политики: Витте выступал против планов присоединения к России Северной Маньчжурии после ввода туда русских войск во время народного восстания в Китае (1900–1901 гг.); вместе с тем оба министра тесно сотрудничали в противодействии авантюристическому курсу дальневосточной политики Николая II — Безобразова и К°.

Показателем солидарности правящей бюрократии в понимании государственных интересов страны по кардинальным проблемам внешней политики явилось обсуждение в начале 1900 года доклада царю министра иностранных дел графа Муравьева, проведенное главами основных ведомств, принимавших участие в выработке внешней политики России, — военного, финансов и морского. Оно имело форму отзывов трех министров на поставленные в докладе вопросы. Главным из них был вопрос, активно обсуждавшийся в русской прессе: не следует ли России в связи с Англо-бурской войной и внешнеполитическими затруднениями Лондона воспользоваться «благоприятно сложившимися обстоятельствами если не с целью каких-либо территориальных захватов, в коих ей [России] надобности не представляется, то по крайней мере в видах достижения с возможно меньшей затратой сил одной из стоящих на очереди политических задач?»⁹ Речь шла о получении своего рода «компенсаций» от попавшей в затруднительное положение Англии, которых, кстати, добились от нее Германия и Франция.

Сам докладчик отвечал на поставленный вопрос утвердительно: да, следует! Другого ответа он по общеполитическим соображениям и не мог дать. Однако когда он анализировал конкретные проблемы: «утверждение России в проливах», «приобретение» военно-морских баз в стратегически важных регионах, «продвижение» среднеазиатской границы в направлении Афганистана, занятие одного из островов на юге Кореи, его советы сводились к тому, чтобы не предпринимать ничего такого, что могло бы привести к военным действиям, ограничившись дипломатическими способами укрепления политических позиций России, пока Великобритания крепко завязла в отдаленной части света¹⁰.

Как резюмировал, с некоторым сожалением, управляющий Морским министерством адмирал П.П. Тыртов, в результате все остается по-старому и никаких действий со стороны России не предполагается, кроме открытия прямых сношений с Афганистаном (чего также не удалось добиться. — *Авт.*) и получения от Турции обязательства не укреплять Босфора. Последнюю задачу военный министр генерал Куропаткин считал наиболее важной, все же остальное, по его мнению, имело «малое значение» «в ближайший исторический период». Министр финансов Витте со своих позиций с удовлетворением воспринял общий тон доклада и его выводы, «спокойствие» при оценке внешнеполитического положения и не преминул воспользоваться случаем, чтобы еще раз напомнить, что какие-либо подготовительные меры к осуществлению обозначенных выше задач связаны с затратами на армию, флот, железнодорожное строительство и т. д.; они «лежат и будут ложиться немалым бременем на русском народе и русском производителе», а чрезмерное напряжение платежных сил населения обернется «задержкой в удовлетворении внутренних потребностей страны» и повлияет на общее политическое положение, которое «окажется также ослабленным»¹¹.

Совпадение позиций руководителей трех главных ведомств России, принимавших непосредственное участие в выработке внешнеполитического курса страны, говорит о том, что они адекватно представляли себе внутреннее состояние страны и ее международное положение, которые обуславливали крайнюю нежелательность каких-либо внешних осложнений. Это понимание явилось основой для их тесного сотрудничества (триумвират Витте–Ламздорф–Куропаткин) в противодействии военно-феодальной тенденции во внешней политике России, которая после захвата Россией Порт-Артура в 1898 году постепенно набирала силу и в итоге восторжествовала в ее дальневосточной политике в 1903 году.

Бросается в глаза чистота, однородность социального состава тех, кто олицетворял военно-феодальную тенденцию, — это представители главным образом поместного дворянства и «сливки» российской знати — великий князь Александр Михайлович, князя Юсупов, Щер-

батов, графы Гендриков, Воронцов-Дашков, Орлов-Давыдов, а также крупные помещики И.П. Балашов, М.В. Родзянко и др. Такое собрание беспомощных в практических делах придворных чинов и аристократов, возглавлявшееся бывшим преобразенцем и главным «идеологом» группы А.М. Безобразовым — авантюристом и фантазером по складу мышления и образу действий, имело также «экспертов» по экономическим и политическим вопросам — «деловых» людей из того же дворянского сословия — отставного полковника В.М. Вонлярского, новгородского помещика-промышленника, владельца золотых приисков на Урале, и Н.Г. Матюнина, бывшего чиновника МИД, служившего на Дальнем Востоке¹².

В условиях бурного роста предпринимательства в России и создания в короткий срок крупных состояний «оскудевающие» дворяне безобразовской группы, сложившейся в 1898 году, также решили заняться бизнесом, создав на Дальнем Востоке (на реке Ялу в Корее) Русское лесопромышленное товарищество. С помощью камарильи Безобразову удалось втянуть в это предприятие Николая II, прельстив его перспективами создания грандиозной Восточно-Азиатской компании как учреждения политического, «направляемого державной волей русского императора». «Сильные русские позиции» на Дальнем Востоке предполагалось утверждать с помощью военных отрядов, направляемых под видом рабочей силы в те пункты Кореи и Маньчжурии, где войска нельзя было держать открыто.

Царь воспринял эту идею как свое личное дело. Из средств казны товариществу были выделены миллионные субсидии. Под руководством дилетантов от бизнеса к 1903 году это получастное-полугосударственное (полудинастическое) предприятие фактически потерпело финансовый крах¹³. Упрочение позиций Японии в Корее в начале 1900-х годов поставило вдохновителей и руководителей предприятия на реке Ялу перед дилеммой либо его окончательного провала, либо вливания дополнительных огромных средств, которых не было, либо, наконец, отстаивания своих интересов принципиально иными, силовыми приемами.

«Новый курс» дальневосточной политики, проводимый воинственными консервативными кругами, возглавляемыми в правительстве министром внутренних дел В.К. Плеве, увязывался с вырабатываемой ими общей концепцией внешней политики России. В основе ее лежала идея Континентального союза России, Германии и Франции, направленного против Великобритании и ее колониального могущества. Отдавая ясный отчет в том, что противоречия между Англией и Германией на почве мировой колониальной политики становятся фундаментальным фактором международных отношений, они стремились использовать его в интересах не только внешней, но и внутренней политики царизма, поставив

во главу угла упрочение отношений с монархической консервативной Германией. Вышеизложенный взгляд на задачи внешней политики России был представлен Безобразовым в записке царю 20 июня 1903 года¹⁴. Ее автор, по существу, выхолащивал значение франко-русского союза, предлагая уменьшить расходы на сухопутные вооружения, существенно увеличив их на военно-морские, то есть расчетливо играл на личных пристрастиях Николая II, всегда склонного к удовлетворению нужд флота. Безобразовцы, по существу, закладывали теоретические основания для заключения царем в недалеком будущем Бьёркского договора.

Государственный аппарат внешних сношений России. Как и весь верхний эшелон административно-бюрократического управления Российской империи, система государственных органов, причастных к осуществлению внешних сношений, сложилась в основном в начале XIX века и к концу столетия не претерпела существенных изменений. Ее деятельность регулировалась не только государственными правовыми нормами, хотя они имели первенствующее значение, но и международными обязательствами, взятыми на себя Россией. Последние регламентировали организацию заграничной дипломатической и консульской службы, а также нормы поведения страны на международной арене.

Помимо официальных нормативных актов деятельность государственного аппарата внешних сношений определялась реальными условиями функционирования бюрократической системы, действительным положением и ролью отдельных элементов (органов) власти и государственных структур, их глав в политической жизни страны, прежде всего в отношении к престолу, личными отношениями с двором, камарильей и проч. Исторические особенности развития России с неизбежностью придавали внешнеполитическому механизму «национальные» черты (в меньшей мере это касалось заграничной службы). Проявлялись они в структуре, в формах и методах деятельности, в гипертрофированной роли самодержавного главы государства, в социальной однородности (моноклассовости) персонального состава, обособленности и сравнительной независимости внешнеполитического механизма от общества и даже правящих бюрократических кругов, в постоянном дефиците мобильности и готовности к учету происходящих изменений.

Современный системный подход при изучении внешнеполитического государственного механизма предполагает его целостное рассмотрение путем выявления структуры и связей между элементами системы, что позволяет составить представление об устройстве самой системы государственных органов внешних сношений, ее механизма в статике. Второй не менее важный методологический принцип системного подхода заключается в изучении закономерностей функционирования системы, ее движущих сил и динамики, которое позволяет установить ос-

новые тенденции ее развития: либо к самосохранению (формированию устойчивого равновесия сил) и динамичному развитию, либо к кризису, который может привести как к «выздоровлению» и обновлению ее, так и к саморазрушению. Познание структуры и функционирования системы государственных органов России, ее связей, выделение системообразующих элементов и их взаимосвязей дают понимание механизма выработки, принятия и осуществления внешнеполитических решений, его эффективности и дефектов.

С этих методологических позиций обратимся к рассмотрению системы государственных органов внешних сношений Российской империи.

Согласно Основным законам, эта система выглядела довольно громоздко: во главе иерархической пирамиды находился российский император — глава законодательной и исполнительной власти и духовный вождь страны; далее следовали высшие органы государственной власти — Государственный совет, Комитет министров и Правительствующий Сенат; затем центральные органы власти — министерства и ведомства, прежде всего Министерство иностранных дел как главный исполнительно-распорядительный орган в области внешних сношений, а также ведомства: военное, морское, финансов, внутренних дел, выполнявшие свои задачи за рубежом и имевшие своих постоянных представителей за границей; Комитет финансов (заграничные займы и другие финансово-экономические операции), действовавший в тесном контакте с Министерством финансов, Синод (регулирувавший положение различных религиозных конфессий), Императорская главная квартира (через которую осуществлялись сношения царя с монархами других стран), некоторые генерал-губернаторства, граничившие с соседними, главным образом азиатскими, странами, наместничества на Кавказе и Дальнем Востоке, наделенные правами непосредственных сношений от имени царя с соседними государствами (при наместниках и генерал-губернаторах состояли специальные агенты МИД для выполнения этих функций и связи с заинтересованными ведомствами в Петербурге).

Помимо постоянно действующих высших и центральных органов единовременно, каждый раз по специальному указанию царя, созывались межведомственные, так называемые Особые, совещания высших чинов империи для обсуждения и принятия решений по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики. Для решения менее значительных дел периодически создавались межведомственные комиссии и комитеты на более низком уровне. Помимо государственной власти в России, как почти во всякой стране с самодержавным режимом, существовала дворцовая камарилья, безответственно вмешивавшаяся в политику. В начале 1900-х годов она стала играть самодовлеющую роль в проведении внешнеполитического курса на Дальнем Востоке.

С формально-юридической точки зрения схема выработки и принятия важнейших государственных решений в сфере внешних сношений России может быть представлена в следующем виде:

Инициатива	Разработка	Обсуждение и проект решения	Принятие решения	Обнародование
Император, МВД, министерства и ведомства, отдельные представители бюрократии	МИД, другие ведомства, межведомственные комиссии и совещания на среднем уровне	Особые совещания, Государственный совет, Комитет министров	Император	Первый департамент Правительствующего Сената

Эта схема, однако, не отражает реального процесса функционирования внешнеполитического механизма. Самодержавные полномочия главы государства, исторические традиции правления «царскими указами», политическое маневрирование и особые взаимоотношения в «верхах» часто приводили к существенному отклонению от полного цикла в проработке и принятии решений. Нередко они принимались в самой упрощенной форме императорского указа по докладу министра либо даже единолично царем под влиянием кого-либо из неофициальных советчиков (создание Особого комитета Дальнего Востока) или главы другого государства (Бьёркский договор 1905 г.).

Внешиполитический механизм России к началу XX века отличался процессами, свидетельствовавшими о развивающемся кризисе. Последний был обусловлен прежде всего архаичностью структуры, ее неадекватностью происходящим переменам в стране и в международных отношениях. Разлад механизма начинался с главного звена в иерархии элементов системы, с нарушения взаимосвязей монарха с управляющей бюрократией.

Внешиполитические функции были предельно сконцентрированы в руках императора Николая II. Он определял внешнеполитический курс государства, ему принадлежало право принятия окончательного решения по вопросам объявления войны и заключения мира, а также договоров с иностранными державами, ратификации международных соглашений. Он держал в своих руках все основные нити повседневного руководства внешними сношениями: общий контроль за деятельностью ведомств осуществлялся на еженедельных докладах министров (а в случае необходимости и чаще), во время которых принимались решения по всем возбуждаемым главами ведомств делам; практически

каждодневно царь должен был знакомиться со всей более или менее важной дипломатической, военно-дипломатической (донесения военных и морских агентов за границей) и отчасти консульской перепиской МИД и некоторых других ведомств и в случае необходимости давать по ним указания; утверждать инструкции российским послам, посланникам и проч., принимать решения по организационным вопросам МИД; только ему принадлежало право назначения и перемещения руководящих дипломатических, консульских, военных и финансовых должностных лиц, начиная с министров и послов и кончая директорами департаментов, советниками посольств, военными и прочими агентами за границей.

Формальным заслоном практически неограниченным полномочиям российских императоров во внешних сношениях являлась так называемая «скрепа» — обязательная подпись министра или другого указанного в законе лица под законами или высочайшими указаниями, в том числе под международными договорами России или другими важнейшими внешнеполитическими документами. Только подписанные министрами (вторая подпись после царской) международные акты получали законную силу¹⁵. Однако министерский контроль был весьма условным, поскольку для вступления в силу международного акта достаточно было подписи любого министра, не обязательно министра иностранных дел. Этим воспользовался Николай II при подписании, втайне от главы внешнеполитического ведомства и остальных министров, Бьёркского договора с Германией в августе 1905 года, заставив морского министра адмирала А.А. Бирилева поставить подпись под этим документом, даже не прочтя его. В анналах дипломатической практики европейских государств в новое время случай уникальный.

В условиях фактически не ограниченной законом власти российских императоров их личные качества, мировоззрение и окружение, выбор советников и подобные субъективные факторы накладывали своеобразную печать на внешнюю политику страны. Из всех сфер государственной деятельности российские императоры имели определенное пристрастие к военной и внешнеполитической. Это определялось не только вкусами и воспитанием, но и тем значением, которое на протяжении всей истории Российского государства придавалось внешней безопасности страны, расширению ее пространства, роли и престижу на международной арене. Но по объективным данным — в силу своего воспитания, образования, положения и образа жизни — русские цари не были подготовлены к действительному руководству внешней, как и внутренней, политикой страны. Последний русский царь в этом отношении не был исключением.

Император Николай II. В октябре 1894 года, после смерти своего отца Александра III, великий князь Николай Александрович в возрасте 26 лет стал восемнадцатым царем из династии Романовых. Пробыв в власти 23 года, в 1913 году он отпраздновал ее 300-летие.

Долгое время общепринятая характеристика Николая II односторонне подчеркивала ординарность его личных и государственных качеств — средние способности, неплохое, но ограниченное образование и кругозор, слабоволие и податливость различным влияниям, самолюбивое упрямство и бессердечность. К этому добавлялось отсутствие темперамента государственного деятеля (обязанности правителя нес «как крест»), качеств «лидера», дара «повелевать», каким обладал его отец. Эти не очень привлекательные личные черты характера последнего русского царя можно дополнить и положительными: простота и естественность, некоторая застенчивость и скромность, выдержка и вежливость в общении с окружающими, совершенное владение английским, французским и немецким языками, любовь к семье.

Министр иностранных дел России в 1910–1916 годах С.Д. Сазонов главный недостаток последнего российского императора видел в его «слабости»: «Россия никогда не имела менее самодержавного Государя, чем Николай II... как почти во всех случаях его жизни, его намерения были благие, но воля его не была самодержавна». Сазонов считал, что судить о таких монархах, как Николай II или Людовик XVI, которые стали «искупительными жертвами собственной слабости», надо «не по их делам, а по их намерениям»¹⁶.

При оценке последнего русского царя главное, видимо, не в отдельных чертах характера и даже не в трагической судьбе монарха, царской семьи и династии, а в том, насколько «его дела» и «его намерения» были адекватны стоявшим перед Россией задачам исторического развития.

Ответ на этот вопрос дала история. В самом главном царь был последователен и принципиален — в приверженности к неограниченной самодержавной власти, завещанной ему отцом, которую он хотел передать своему сыну-наследнику. «Идея незыблемости самодержавного строя в России, — писал генерал Ю.Н. Данилов, хорошо знавший царя, — пронизывала всю его натуру насквозь, и наблюдавшиеся в период его царствования временные отклонения от этой идеи в сторону уступок общественности, на мой взгляд, могут быть объяснены только приступами слабоволия и податливостью натуры. Под чужим давлением он лишь сгибался, чтобы потом немедленно сделать попытку к выпрямлению...»¹⁷. Именно в рамках его политических взглядов можно говорить о тех или иных влияниях на царя, поскольку всякие другие наталкивались на его упрямую самолюбивую волю. Уступил он только один раз, в октябре 1905 года, давлению не зависевших от него об-

стоятельство. Но затем пытался при всякой возможности вернуть утраченные им прерогативы самодержавия. Это не значит, что Николай не улавливал изменений обстановки в стране, не сознавал необходимости реформы порядков и управления, не менял тактики государственной политики. Непоследовательность, полумеры, колебания и зигзаги, которые были следствием его характера и дали основания говорить о нем как о «венценосном флюгере», не относились к его политической стратегии.

Государственная деятельность Николая II неоднозначна на разных этапах. В первое десятилетие своего правления царь проявлял особый интерес и активность во внешнеполитической сфере, выделяя дальневосточное направление и отношения с Германией и лично с императором Вильгельмом II, своим дядей, к которому питал родственные чувства. Особый интерес молодого царя к Дальнему Востоку был связан с Комитетом по строительству Сибирской железной дороги, во главе которого сам он был поставлен Александром III. Он считал это дело «своим», завещанным ему отцом. В активизации внешней политики на Дальнем Востоке он усматривал реальную возможность укрепить могущество империи и стяжать себе личную славу¹⁸.

В первые годы правления царь плохо разбирался в международных проблемах, был политически неопытен, поскольку отец не приобщал его к государственным делам, и, может быть, поэтому более самостоятелен и «смел» в поисках внешнеполитических целей. Ему казалось, что он лучше своих министров видит и понимает стоящие перед империей внешнеполитические задачи. Великодержавные амбиции и молодое честолюбие царя очень беспокоили царских министров, усматривавших в его высказываниях авантюристические настроения и учащавшиеся вспышки «самообольстительного самовластия». Военный министр генерал Ванновский составил впечатление о Николае как о человеке «воинственном и самонадеянном»¹⁹. Сменивший Ванновского на этом посту генерал Куропаткин с тревогой обсуждал с Витте честолюбивые замыслы царя, его «грандиозные планы»: «взять для России Маньчжурию, идти к присоединению Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»²⁰. По признанию Витте и Куропаткина, царь проявлял крепнущую с каждым годом упрямую волю в продвижении в жизнь своих планов²¹. Не находя поддержки у политиков-профессионалов и испытывая «принципиальное недоверие» к министрам, царь обратился к своим единомышленникам из камарильи, начав, по сути, с конца 90-х годов формировать «новый курс» дальневосточной политики.

Устойчивость великодержавных амбиций Николая II не была поколеблена даже после провала этого курса, поражений русской армии

в Маньчжурии и уничтожения порт-артурской эскадры. Все еще не сомневаясь в окончательной победе над Японией, царь уже после начала революции в России в манифесте от 18 февраля 1905 года, составленном безобразовцами А.М. Абазой и К.И. Вогаком втайне от министра иностранных дел, подтверждал свои завоевательные планы установления «господства на водах Тихого океана»²². Этот документ в корне противоречил политической линии графа В.Н. Ламздорфа, опасавшегося, что чрезмерные требования приведут к дипломатическому поражению России, против которой объединятся великие державы, как это было во время Берлинского конгресса 1878 года²³.

Одним из проявлений разбалансированности механизма государственной власти самодержавия являлось недоверие Николая II к бюрократическому аппарату в целом и к таким высшим органам власти, как Государственный совет, большинство членов которого, по мнению царя, имели «заднюю мысль о конституции»²⁴. Николай II ускорил процесс сужения функций высших органов государственной власти империи — законосовещательного Государственного совета и исполнительного Комитета министров, происходивший на протяжении XIX века.

Государственный совет, согласно Основным законам, был призван высказывать суждения относительно законодательных основ внутренней и внешней политики страны. В его компетенции находились «все предметы, требующие нового закона, устава или учреждения», в том числе и в области внешних сношений государства — от общеполитических, таких как «объявление войны, заключение мира и другие важные меры», до финансово-экономических (заключения внешних займов и торговых договоров)²⁵. Однако его права и возможности влияния на государственную, особенно внешнюю, политику были урезаны различными оговорками и правом царя не утверждать «мнения» совета. Важнейшее право совета — объявление войны и заключение мира — сопровождалось оговоркой, что оно осуществляется лишь в тех случаях, «когда, по усмотрению обстоятельств, могут они подлежать предварительному общему соображению»²⁶. Эта оговорка дала возможность царю, строго оберегавшему свои prerogatives неограниченного монарха, почти совершенно отстранить Государственный совет от внешних общеполитических вопросов. Не говоря уж о Портсмутском мирном договоре 1905 года, даже акты Гаагской мирной конференции 1899 года не были представлены в Госсовет, хотя никакой срочности в их ратификации царем не было. В МИД никак не могли определить те принципы, которыми руководствовались царь и министры при внесении того или иного проекта соглашения или договора в Госсовет, к тому же дипломатическое ведомство часто даже не ставилось об этом в известность²⁷.

Поскольку вопросы политики ведомств, то есть вся исполнительная власть, были предоставлены компетенции министров, действовавших формально под руководством царя, Госсовет был наделен лишь правами организационно-управленческого и финансового контроля: он формулировал свои «мнения» по организации, структуре ведомств, их штатам, бюджетным и другим финансовым ассигнованиям, которые подлежали последующему утверждению царем.

По замыслу М.М. Сперанского, Государственный совет должен был стать «тормозом» против чрезмерного расширения министерской власти. По существу же, его роль к концу XIX века свелась, по мнению российского правоведа профессора С.П. Покровского, к тому, чтобы «приноровить законодательные акты к бюрократическим стремлениям министерской власти»²⁸. В области внешних сношений, чего нельзя сказать в полной мере о внутренней политике, он не стал ни координирующим, ни контрольным органом, почти механически одобряя вносимые министрами по указанию царя проекты законов. Да и то, зная о жесткой бюджетной политике Государственного совета, министры старались действовать в обход его. Государственный совет не выполнял роли высшего государственного органа по осуществлению важнейших внешнеполитических функций государства, он не имел влияния не только на определение внешнеполитической ориентации страны, но и на текущую политику.

Высший исполнительный орган Российской империи — *Комитет министров* — и вовсе был отстранен от проведения внешней политики страны. Его компетенция в этой области не была законодательно закреплена, она была фактически ограничена вопросами экономических и торговых отношений с иностранными государствами, правового положения иностранцев в России, российского подданства и эмиграции. Комитет занимался также некоторыми внутренними делами империи, в которых внешнеполитические соображения иногда имели существенное значение, особенно связанными с национальными окраинами — Финляндией, прибалтийскими губерниями, Польшей, Кавказом и Средней Азией²⁹.

Само положение и функции Комитета министров были отражением архаичного государственного строя России. Порожденный самодержавной властью, он создавал лишь видимость существования правительства в России. Совета или кабинета министров в европейском понимании в России не было, поскольку Комитет министров не обладал правами постоянного исполнительного органа и не объединял деятельность министерств и ведомств, которые не были ему подотчетны.

Показательным в отношении царя к «своему правительству» было положение председателя Комитета министров в среде высшей бюро-

кратии. Пост председателя комитета был в значительной степени декоративным, назначение какого-либо министра на этот пост считалось почетной отставкой, поскольку глава «правительства», в отличие от его членов — министров и руководителей ведомств, был лишен права постоянного доклада царю и не имел возможности влиять на направление политики. Когда летом 1903 года Николай II решил избавиться от С.Ю. Витте, он отобрал у него портфель министра финансов и сделал председателем Комитета министров, тем самым отстранив его от участия в проведении дальневосточной политики, вдохновителем и фактически активным руководителем которой он являлся с середины 90-х годов. На посту председателя Комитета министров Витте быстро потерял свое влияние на государственные дела. За полтора года пребывания на этом посту (с августа 1903 по март 1905 г.) он разговаривал с царем всего два раза³⁰.

Отстранение высших органов государственной власти от внешнеполитической сферы соответствовало стремлению императоров, в том числе и Николая II, сосредоточить обсуждение и решение вопросов внешней политики под своим собственным контролем в рамках Министерства иностранных дел, которое рассматривалось как своего рода «канцелярия Е.И.В. по иностранным делам».

Министерство иностранных дел считалось в Российской империи одним из ключевых. Его задачи, согласно Положению об учреждении МИД 1868 года, разработанному под руководством князя А.М. Горчакова, были определены в следующих четырех пунктах: 1) политические сношения с иностранными государствами; 2) покровительство в чужих краях русской торговле и вообще русским интересам; 3) ходатайство о законной защите русских подданных по их делам за границей; 4) содействие удовлетворению законных требований иностранцев по их делам в России³¹.

Организационная структура и принципы функционирования министерства сложились в первой половине XIX века и с небольшой корректировкой в 1868 году оставались без изменения и в конце столетия (см. схему структуры МИД). Вся работа министерства строилась на началах жесткой централизации и строгой бюрократической иерархии под руководством министра, его товарища (заместителя) и директоров департаментов.

Министр иностранных дел был наделен широкой исполнительной властью и в своих действиях подчинен только царю. В обстоятельствах чрезвычайных, когда необходимо было действовать безотлагательно, он имел право принимать решения по своему усмотрению, неся полную и единоличную ответственность перед царем. Важнейшей прерогативой министра в условиях самодержавной России являлось его право

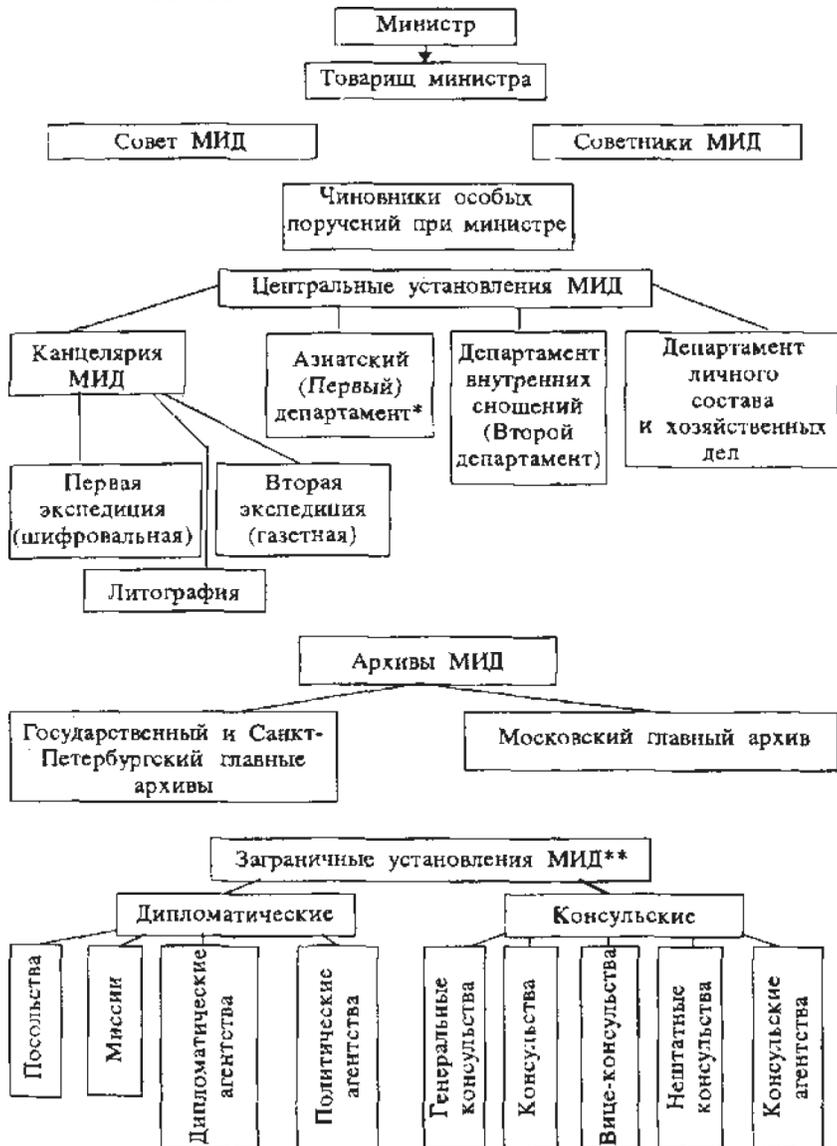
личного доклада царю, которое имели лишь немногие высшие сановники империи. На этих еженедельных докладах принимались решения по всем основным вопросам текущей деятельности дипломатического ведомства.

Основная работа по подготовке материалов и выработке проектов внешнеполитических решений была сконцентрирована в Канцелярии и Азиатском департаменте. На основе стекавшихся в Канцелярию сведений создавалась информационная база и намечались контуры внешнеполитических решений в виде аналитических записок, в которых предлагались и альтернативные варианты возможных решений и рассматривались их последствия, как позитивные, так и негативные. Специальной отработанной методики объективной оценки поступающей информации еще не существовало, она основывалась на профессионализме чиновников. Конечная оценка этой информации принадлежала руководству МИД. В этой работе был задействован очень узкий круг старших чинов политических отделов — не более 8–10 человек. Лишь высокий профессионализм и перманентная перегруженность и интенсивность работы позволяли готовить решения на должном уровне. В то же время основная масса чиновников центрального аппарата МИД занималась в основном неполитической перепиской и бюрократическим бумаготворчеством³².

Своего рода «мозговым центром» министерства, где творилась большая политика, была Канцелярия МИД. Директор Канцелярии, наряду с товарищем министра и старшим советником, был наиболее приближенным к министру лицом, пользовавшимся его особым доверием, а иногда и дружбой, поскольку обычно министры ставили на этот пост «своих» людей.

Вторым политическим отделом министерства являлся Азиатский (переименованный затем во Второй) департамент, который ведал и неполитическими делами (правовыми и консульскими), связанными с русскими подданными на Востоке и с подданными восточных стран в России. Арел стран, ему подведомственных, складывался исторически и не был определен четкими географическими либо политическими принципами. Помимо стран Азии в его ведении находились Австралия, район Тихого океана, Тихоокеанское побережье Северной Америки, страны Переднего Востока (Египет, Марокко, Абиссиния), а также Балканы и Восточное Средиземноморье. Причем такие независимые европейские государства, как Греция, Сербия, Черногория, Румыния, также были в ведении Азиатского департамента как непосредственно связанные с так называемым восточным вопросом и политикой по отношению к Османской империи, равно как и Египет, с начала XIX века лишь формально входивший в состав Османской империи.

Структура МИД России с 1868 года по июнь 1914 года

* В 1908 году в его составе были организованы три отделения: ближневосточное, среднеазиатское и дальневосточное.

** Наряду с подчинением министру эти учреждения подчинялись посольствам и миссиям на местах.

Косность организационного устройства ведомства мешала попыткам руководства приспособить его к новым условиям. Канцелярия МИД и три департамента по мере расширения масштабов и усложнения деятельности министерства наделялись новыми полномочиями, часто не свойственными ни их структурному устройству, ни их задачам, превращаясь в громоздкие, трудно управляемые организационные единицы, по ряду важных вопросов, прежде всего политических, дублировавшие друг друга.

Основным дефектом организации МИД являлось отсутствие единого политического отдела, хотя формально им была Канцелярия МИД. Разделение политических функций между нею и Азиатским департаментом в условиях глобализации внешней политики великих европейских держав и интернационализации экономических связей вело к нарушению единства в проведении политической линии министерства. Недооценивалась руководством МИД юридическая экспертиза дипломатических документов.

Азиатский департамент с его комплексным охватом политических и неополитических вопросов (считалось, что на Востоке все дела — политические) постепенно превращался в своего рода «мини-министерство» в составе МИД, где формировались мнения и готовились решения по всему комплексу, отношений России со странами не только ему подведомственными, но и европейскими, поскольку это касалось их колониальной политики. Взгляд на проблемы европейской политики России через призму соперничества этих держав на колониальной периферии способствовал появлению у руководства Азиатского департамента склонности к самостоятельной, так называемой «департаментской политике», шедшей зачастую вразрез с линией руководства министерства³³.

Негативное значение имело отсутствие специального органа для коллегиального обсуждения внешнеполитических проблем и принимаемых на министерском уровне решений; Совет МИД как совещательный орган при министре был фактически отстранен от участия в политической работе ведомства. Главной его функцией был прием дипломатических экзаменов у поступающих на службу в МИД.

Централизованный бюрократический стиль руководства ведомством определял и механизм принятия решений: министром и двумя-тремя его ближайшими соратниками, за плотно закрытыми дверями, без протокола обсуждения и письменного оформления его результатов. Принятое руководством МИД то или иное решение фиксировалось в официальных документах ведомства. Оно могло идти на утверждение царя или являлось промежуточным, поскольку подлежало согласованию и дальнейшему обсуждению в рамках Особых совещаний или других высших органов государственного управления.

Заграничные дипломатические и консульские представительства России не играли большой роли в принятии внешнеполитических решений, являясь главным образом источниками разнообразной информации и основными звеньями в осуществлении принятых решений. Взаимоотношения центрального аппарата МИД с представительствами за границей строились в духе беспрекословного подчинения послов и посланников столичному начальству, о чем они с горечью впоследствии писали в своих мемуарах. В этом проявлялся не только начальственный снобизм высшей царской бюрократии, убежденной в том, что она лучше понимает государственные интересы, но и недостаток опыта дипломатической работы за границей некоторых министров и их заместителей, а также и руководителей департаментов, прошедших все ступени своей карьеры в родном ведомстве на Мойке у Певческого моста (граф В.Н. Ламздорф, товарищи министра князь В.С. Оболенский, а впоследствии А.А. Нератов, директора департаментов и др.). Лишь в отношении маститых и авторитетных послов (вроде И.А. Зиновьева или А.И. Нелидова) в Петербурге проявляли внимание, к их инициативам прислушивались, с ними советовались.

Государственное устройство Российской империи, колониальные владения которой находились на окраинах, вызвало необходимость учреждения должностей специальных дипломатических агентов при царских наместниках на Кавказе и на Дальнем Востоке, при варшавском и туркестанском генерал-губернаторах, начальнике Закаспийской области, а также в Одессе. Как правило, учреждение этих дипломатических постов было связано с активизацией внешнеполитической деятельности России в определенных регионах. Так было в начале XIX века на Кавказе, а во второй половине XIX — начале XX века — в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Роль агентов МИД при наместниках и генерал-губернаторах выходила за рамки внешнеполитических советников, затрагивая также внутренние проблемы, связанные с особым положением некоторых окраинных территорий и их населения (например, поляков, народов Средней Азии и др.), имевшие международный аспект. Общей координирующей правительственной политики по отношению к окраинным территориям не существовало, что приводило к трениям и столкновениям между МИД, Военным министерством и МВД, в ведении которых находились эти территории. В печати все чаще раздавались требования о создании министерства по делам окраин, которое вырабатывало бы общую политику по основным вопросам экономической и социальной жизни населения³⁴.

Царским наместникам и генерал-губернаторам из-за удаленности окраин от столицы, несовершенства связи и лучшего их осведомления

о положении дел на местах были предоставлены широкие полномочия в сношениях с соседними государствами, вплоть до права заключения договоров с этими странами по пограничным, торговым и даже общеполитическим вопросам. Примерами могут служить договор с Китаем 1858 года, заключенный генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым, и договор с Бухарой 1868 года, подписанный от имени России генерал-губернатором К.П. Кауфманом. В конце 90-х годов генерал-губернатор Туркестана С.М. Духовской вызвал настоящий переполох и в Министерстве иностранных дел, и в самом Петербурге, самостоятельно решив присоединить к России три памирских бекства, формально принадлежавших Бухаре. Из Петербурга пришлось настоятельно разъяснять ему, что это «совершенно не соответствует в настоящий исторический момент интересам России»³⁵.

При отсутствии правовых норм служебных полномочий агентов МИД самостоятельные действия их начальников, особенно когда они противоречили официальному курсу политики, ставили их в сложное положение. Именно так произошло с начальником дипломатической канцелярии при образованном в 1903 году царем наместничестве на Дальнем Востоке Г.А. Плансоном. Передача Николаем II наместнику адмиралу Е.И. Алексееву права дипломатических сношений с соседними странами и указание министру иностранных дел графу Ламздорфу сноситься с дипломатическими представителями России в этих странах через наместника поставили Плансона между двух огней вследствие острейших разногласий между адмиралом и министром в переговорах с Японией. Плансон сделал выбор в пользу наместника, с большим рвением осуществлявшего «новый курс» политики царя по отношению к Японии. В силу ли политического единомыслия или карьерных соображений, но дипломатический агент МИД на переговорах с Японией проводил политический курс, как констатирует исследователь этого вопроса А. Попов, «в строго безобразовских тонах, лишь смягчая их навыками старой дипломатической школы»³⁶.

Взаимоотношения министра иностранных дел с царем, как формальные, так и личные, имели принципиальное значение в руководстве внешней политикой страны. С формально-юридической точки зрения министр иностранных дел во всей своей деятельности был ограничен получением санкций монарха на проекты всех более или менее важных решений, начиная от инструкций послам и кончая кадровыми назначениями. Однако в реальной практической работе, как правило, не министр, а царь был «ведомым». Он обычно утверждал предлагаемые ему проекты, лишь в редких случаях позволяя себе не соглашаться (чаще по кадровым перемещениям). В этом проявлялось не только доверие к своему министру, но и отсутствие глубокого знания предмета и профессиона-

лизма в сфере внешней политики. Сказывались и индивидуальные особенности последнего русского царя, не отличавшегося способностью охватывать проблему в целом, сопоставлять, анализировать и особенно синтезировать разнообразные явления и факторы мировой политики³⁷.

Дисгармония и сложности во взаимоотношениях с МИД и его главой наступали в тех случаях, когда Николай II, исходя из собственного представления о внешнеполитической тактике и под влиянием советчиков, которые высказывали мнения, соответствующие его замыслам, начинал упрямо добиваться своих целей.

В условиях самодержавного правления и закоряченных бюрократических традиций государственного аппарата России индивидуальные качества главы внешнеполитического ведомства приобретали особенно важное значение и отражались на стиле и уровне руководства внешней политикой страны. В последние годы прошлого века, пожалуй, лишь один из трех министров иностранных дел по своему профессиональному уровню и личным качествам соответствовал назначению — князь А.Б. Лобанов-Ростовский (1895–1896 гг.). Видный государственный деятель и многоопытный дипломат, он был человеком твердых принципов, уравновешенным и осторожным политиком, имевшим собственную внешнеполитическую концепцию, которую последовательно проводил в жизнь. Как министр, он пользовался авторитетом у царя и в высших бюрократических кругах.

Сменивший его граф М.Н. Муравьев (1897–1900 гг.) был его полной противоположностью: беспринципный карьерист и царский угодник, он не только не препятствовал, но потворствовал авантюристическим поползновениям Николая II на Дальнем Востоке. Исполняя желание царя, он обеспечил дипломатическую подготовку захвата Порт-Артура Россией. Правда, вследствие неспособности к систематической и напряженной работе главы внешнеполитического ведомства он передоверил почти все свои полномочия товарищу министра графу В.Н. Ламздорфу, ставшему в 1899 году, после его смерти, министром.

Опытный чиновник центрального аппарата, никогда не служивший за границей, чрезвычайно работоспособный и нелюдимый, глубокий аналитик и осторожный дипломат, честно излагавший перед царем объективные факты и свои взгляды, но слабохарактерный и непоследовательный при их проведении в жизнь, граф Ламздорф не обладал такими важными качествами во взаимоотношениях с царем и его придворными советниками, как твердость и принципиальность в отстаивании выработанного им внешнеполитического курса на Дальнем Востоке.

Подводя итоги характеристики главного звена внешнеполитического механизма России, следует иметь в виду, что МИД являлся частью бюрократической системы страны со всеми присущими этой системе

качествами. Эту связь видели и ощущали в своей деятельности российские дипломаты, работавшие за границей. Министр-резидент России при великом герцоге Баденском гофмейстер Д. А. Эйхлер, близкий к трону через свою жену-фрейлину, урожденную Н. С. Танееву, в специальной записке руководству МИД в 1906 году подчеркивал противоречие министерско-бюрократических и «дипломатических» начал в деятельности ведомства. Он приходил к выводу, что русская дипломатия под влиянием именно бюрократических начал все больше утрачивает свою гибкость, «способность легко примеряться ко всяким современным обстоятельствам». Поэтому, заключал он, возможность предугадывать и направлять события становилась с каждым годом все более затруднительной. Разлад между центральным ведомством и дипломатическим корпусом за границей намечался и в чисто человеческом плане: «Когда мы появляемся в министерстве, на нас смотрят как на непрошенных гостей, а замкнутость Канцелярии и департаментов, доступ в которые нам закрыт или затруднен, производит впечатление чего-то чуждого, почти враждебного»³⁸, — писал Эйхлер.

Еще в середине 90-х годов пресса и сами сотрудники МИД призывали к коренной реформе ведомства. Однако проект такой реформы, предложенный в то же время советником МИД профессором Ф. Ф. Мартенсом, даже не стали обсуждать, сославшись на отсутствие средств³⁹. Частичная реформа МИД 1897 года практически ничего не дала, кроме переименования департаментов.

Еще одним звеном «управляющего центра» по руководству внешними сношениями Российской империи, более важным и универсальным по своему значению, чем Министерство иностранных дел, но не имевшим постоянно действующего статута, являлись межведомственные *Особые совещания* высших государственных деятелей, периодически созывавшиеся по распоряжению Николая II для обсуждения наиболее крупных вопросов государственной политики: войны и мира, определения внешнеполитического курса или поведения страны в международных кризисах, присоединения каких-либо территорий или их временной оккупации, заключения международных соглашений и т. п. Состав совещаний был довольно узким: помимо председатели (в исключительных случаях им был сам царь, обычно же один из великих князей либо министр иностранных дел или другие министры, в зависимости от характера подлежащих обсуждению и решению вопросов) в него входили министры иностранных дел, финансов, военный, морской, иногда внутренних дел и генерал-губернаторы пограничных регионов, а также один-два члена императорской фамилии, преимущественно представители вооруженных сил.

Решения Особых совещаний носили рекомендательный характер для царя и обретали силу действия лишь после утверждения их монархом.

Однако даже после апробации мнения членов Особых совещаний царь мог передумать и принять противоположное решение, как он это сделал в 1898 году, распорядившись занять Порт-Артур. (Это единоличное решение царя имело резко негативные последствия для дальневосточной политики России, ускорив войну с Японией.)

Да и на самих заседаниях Особых совещаний высказанное в решительных, определенных выражениях мнение царя имело, по сути, определяющее значение для принятия окончательного решения. Так, например, поступил Николай II, председательствуя на Особом совещании в мае 1903 года по дальневосточным делам, на котором было отменено решение Особого совещания от 26 марта того же года, принятое по настоянию Витте и Ламздорфа, которое признавало «безусловно необходимым» воздержаться от «всякой активной политики в Корее, могущей привести к опасному столкновению с Японией»⁴⁰. Это заседание Особого совещания имело принципиальное значение для расстановки сил в борьбе за дальнейшее осуществление дальневосточной политики. На нем было объявлено решение царя о создании наместничества на Дальнем Востоке, во главе которого вскоре был поставлен сторонник «новой политики» безобразовец адмирал Алексеев. На этом же заседании Безобразов впервые появился в звании статс-секретаря, и царь поручил ему вести журнал совещания⁴¹. Обычно царь поручал подготовку, созыв и председательствование на Особых совещаниях тому из руководителей ведомств и его аппарату, в компетенции которого находились обсуждаемые вопросы. Но Николай II далеко не всегда следовал этому правилу, поручая председательство тому из министров, который разделял его взгляды на обсуждаемый вопрос. Так же было и с ведением протоколов (журналов) Особых совещаний, что вызывало нередко возражения заинтересованных глав ведомств.

Межведомственная борьба на Особых совещаниях, которая сопровождала обсуждение внешнеполитических и военных вопросов, отражала не только вполне естественные различия во мнениях представителей разных ведомств, имевших свою специфику, свои конкретные задачи в области внешних сношений, но и более глубокие исторические традиции в понимании, по выражению начальника генштаба Н.Н. Обручева, «преемственности основных государственных интересов народа» на международной арене. Огромная роль вооруженных сил в истории России обусловила самостоятельность и равноправие военного ведомства и его руководителей в формировании внешней политики страны, особенно ее отдельных направлений.

В России не существовало, кроме Особых совещаний, какого-либо другого (тем более постоянно действующего) органа по координации внешней и военной политики в широком плане военно-стратегического

планирования и строительства армии и флота. Такие вопросы ставились на заседаниях Особых совещаний в исключительных случаях и касались главным образом военного флота, верховным руководителем которого был дядя Николая великий князь Алексей Александрович. Вопросы военной стратегии царь предпочитал обсуждать в узком кругу высшего генералитета в Военном министерстве. Не было специального органа и по согласованию деятельности Военного и Морского министерств, лишь от случая к случаю создавались временные комиссии для согласования отдельных вопросов. Отсутствовала четко разработанная военная доктрина в отношении как сухопутных, так и морских вооруженных сил, определяющая в том числе и такой немаловажный вопрос, как соотношение бюджетных средств на развитие армии и флота⁴². В среде военно-морского командования наметились к концу 90-х годов разногласия в вопросах о преимущественном развитии одного из трех военных флотов (Балтийского, Черноморского или Тихоокеанского) и о судостроительной программе. Морское ведомство тщетно добивалось от внешнеполитического определенных ориентиров в этой области⁴³.

В 1898 году генерал Случевский представил Николаю II проект учреждения постоянно действующего Верховного военного совета под председательством царя или назначенного им лица с целью преодоления ведомственного сепаратизма и внесения единства в военную политику страны. Однако этому проекту, как и другим подобным предложениям, не было дано хода⁴⁴.

Перенесение акцента внешнеполитической активности России на Дальний Восток во второй половине 90-х годов XIX века породило серьезные противоречия между внешнеполитическими и военно-стратегическими интересами Российского государства. В кругах военных существовали серьезные опасения, что в случае военного конфликта на Дальнем Востоке и переброски туда значительных вооруженных сил западные границы окажутся оголенными, чем могут воспользоваться главные противники России — Германия и Австро-Венгрия. В то же время в тех же кругах с тревогой встретили известие о приходе к власти во Франции радикалов, негативно относившихся к царизму. Военный агент во Франции полковник Лазарев в своем донесении в Петербург в июле 1903 года ставил под сомнение выполнение Францией обязательств по русско-французской военной конвенции, поскольку теперь в парламенте большинство принадлежит «партии социальной революции»⁴⁵.

В связи с победой «нового курса» дальневосточной политики и возможностью войны с Японией угроза западным границам считалась настолько возросшей, что в Военном министерстве сочли необходимым назначить командующих армиями: против Германии — великого князя Ни-

колая Николаевича, против Австро-Венгрии — генерала Куропаткина. По мнению военного министра, «основанием нашего положения должны служить деятельность по ограждению целостности России [от угрозы] со стороны держав Тройственного союза и ограждение внутреннего спокойствия России войсками округов. Вот главные задачи. Перед этими задачами все остальные имеют лишь второстепенное значение»⁴⁶.

Последовательность военно-политических интересов России министр изобразил в виде пирамиды, основанием которой должно быть обеспечение безопасности страны, а вершиной — интересы в Корее и Маньчжурии. Военный министр выражал опасение, что если всю эту пирамиду перевернуть, поставив на первое место дальневосточные интересы, то есть на верхнюю, узкую ее часть, то «такое основание не выдержит и здание рухнет»⁴⁷. Все эти рассуждения военный министр доверил своему дневнику (который дал прочесть Витте, и тот согласился с ними), однако они не рассматривались ни на Особых совещаниях, ни в каком-либо ином государственном органе.

Своими указами 1903 года о создании Особого комитета Дальнего Востока и наместничества на Дальнем Востоке царь фактически учредил новые государственные органы, составившие своего рода «управляющий центр» по координации внешней политики и военно-стратегических мероприятий России в Дальневосточном регионе. Этими организационными мерами он стремился обеспечить осуществление своего «нового курса» политики в регионе. Председателем комитета стал сам Николай II, заместителем он назначил министра внутренних дел В.К. Плеве, своего нового фаворита, а управляющим делами — проводника политики безобразовцев — адмирала А.М. Абазу. Членами комитета являлись также министры иностранных дел, военный, морской, финансов и наместник на Дальнем Востоке. Однако Николай II ни разу не собирал комитет, всеми делами заправляли по указанию его и Плеве адмиралы Абаза и Алексеев.

Однако триумвират царских министров в составе Витте, Ламздорфа и Куропаткина пытался оказать сопротивление авантюристической политике своего августейшего патрона. 1 августа 1903 года на заседании Особого совещания они единодушно признали «безусловно необходимым воздержаться от всякой активной политики в Корее, могущей привести к опасному столкновению с Японией, война с которой, при настоящих условиях, была бы большим бедствием для России»⁴⁸. Результатом этого «вызова» царю и его единомышленникам явились лишь вскоре последовавшая отставка Витте с поста министра финансов и отстранение его от рычагов реальной политической власти.

Разногласия и противоборство в верхнем эшелоне государственной власти России не были устранены и после отставки Витте и существ-

венного ослабления лагеря противников «нового курса». Тандем Ламздорф–Куропаткин пытался отстаивать свои позиции и противодействовать авантюристическому курсу. В результате вместо единого центра внешнеполитического руководства возникли два, вступившие в противоборство. Как отмечает российский исследователь Б.А. Романов, «иностранный дипломатический мир становился свидетелем явственного расстройтва в самом центре аппарата царизма, что удесят�еряло трудности его международного положения»⁴⁹. Этим не преминули воспользоваться в Лондоне для оказания нажима на царское правительство в происходивших в это время между обеими странами переговорах о соглашении по азиатским проблемам. 11 июля 1903 года заместитель британского министра иностранных дел лорд Д. Крэнборн заявил с трибуны парламента, что заключению соглашения с Россией, к чему стремится Великобритания, мешает отсутствие понимания в Лондоне, чего же хотят в Санкт-Петербурге, и не без сарказма заметил, что «пришлось усомниться в том, чтобы русское правительство представляло собой настолько однородную величину, насколько это возможно было бы а priori предполагать для дееспособного государства, напротив того, в русском правительстве оказалось по меньшей мере две партии, с которыми приходилось иметь дело»⁵⁰.

Разбалансированность государственного внешнеполитического механизма России, непоследовательность и противоречивость действий, грубые просчеты царской дипломатии на переговорах с Японией, которые облегчили ее милитаристским кругам развязывание войны, как бы сконцентрировались в самом монархе, в его стремлении «соединить», «объединить» позиции противоположных лагерей в политике и действовать, по выражению Безобразова, по своей методе «последовательной постепенности, при которой остается в меде много дегтя и дело пакостится»⁵¹.

Царская бюрократия пыталась внести коррективы в государственный механизм руководства внешней политикой страны. В апреле 1905 года маститый российский дипломат, бывший посол в Берлине и член Госсовета П.А. Сабуров направил Николаю II специальную записку о целесообразности образования авторитетнейшего Высшего совета по вопросам внешней политики⁵². Этот совет, членами которого должны были стать не только крупнейшие дипломаты, но и не имевшие прямого отношения к внешней политике высшие царские сановники, имел задачу при чисто совещательных полномочиях оградить государственную политику от вмешательства некомпетентных, бесконтрольных и безответственных советчиков и обеспечить ее преемственность и стабильность. Однако Николай II, как и руководство МИД, категорически отверг саму идею как противоречившую традиционной и непосредственной связи монарха с его «личной канцелярией» по иностранным делам.

Нараставшая разбалансированность системы государственных органов Российской империи, причастных к сфере внешних сношений, являлась производным общего кризиса царского абсолютизма. Она проявлялась в структурном застое и снижении эффективности внешнеполитического механизма, а в последние перед революцией годы — во введении в него чуждых отработанной бюрократической системе организационных структур, которые разрушали отлаженные десятилетиями системные связи и подтачивали сам внешнеполитический механизм изнутри. К этому же результату вело и нарушение нормальных взаимосвязей и взаимодействия верховной власти с правящей бюрократией, в результате которого, по словам Б.Э. Нольде, Николай II «из верховного чиновника» бюрократической машины превращался в «носителя собственной воли и собственной власти»⁵³. Противопоставление самодержавной воли в принятии важнейших государственных решений правящей бюрократии вело к кризису системы внешнеполитического руководства. Всему этому в немалой мере способствовали отсутствие мощных групп косвенного давления на царизм, сосредоточенность революционно-демократической и либеральной оппозиции на внутривнутриполитических проблемах. Лишь поражение России в войне с Японией всколыхнуло общество и вызвало бурную критику в адрес внешней политики царизма и правительства.

2. Модернизация государственного аппарата внешних сношений после революции 1905 года

Первая российская революция внесла существенные изменения в государственное устройство и общественно-политическую обстановку в стране. Появление законодательных органов — Государственной думы и реорганизованного Государственного совета, постоянно действующего «объединенного» правительства — Совета министров, хотя и ответственного только перед царем, — свидетельствовало о том, что Россия эволюционировала по пути к конституционной монархии. Изменилась сама модель государственных органов внешних сношений, возникли новые, гораздо более действенные «группы давления» на правительственную политику в лице Думы и образовавшихся в годы революции политических партий, массовой прессы различных направлений, предпринимательских и общественных организаций, которые усложнили процесс формирования и осуществления внешнеполитического курса. Расширилась социальная опора царизма, получившего поддержку большинства политических партий и группировок господствующих классов в выработке и проведении «общенациональной» программы великодержавной внешней политики России. Вместе с тем на арене политической

жизни появилась в лице неонароднических и марксистских партий радикальная, массовая по своей базе оппозиция царскому самодержавию, которая связала борьбу против империалистической внешней политики царизма с главной задачей социальной революции — свержением абсолютистского строя в России.

В условиях ослабления России после поражения в войне с Японией и в результате революции вопрос о прерогативах власти царя на международной арене приобрел для монарха и правящей бюрократии принципиальное значение. При обсуждении проекта статей Основных законов Российской империи о внешнеполитических полномочиях главы государства на совещаниях в Царском Селе в апреле 1906 года было единодушно выражено пожелание, чтобы внешние сношения, армия, флот и управление императорским двором были выделены в сферу «верховного управления». Тем самым подчеркивалась главная идея о преемственности императорской власти: «Государь император есть державный вождь Земли Русской»⁵⁴. В Основные законы эти статьи вошли в редакции, составленной в МИД под непосредственным руководством графа Ламздорфа⁵⁵. Редакция ст. 13, предложенная в проекте Совета министров, не удовлетворила министра, полагавшего, что она «не может почитаться достаточною с точки зрения прав Верховной власти в области управления внешними сношениями», и поэтому предложившего усилить автономность власти императора во внешнеполитической сфере и приравнять ее к военной.

В результате лишенный прав неограниченного самодержца внутри страны царь как глава государства по Основным законам 1906 года был наделен во внешней сфере деятельности такими правами и полномочиями, которых, по словам известного российского юриста профессора С.А. Котляревского, «по энергичности формулировки мы не найдем даже в японской конституции»⁵⁶. Согласно ст. 12 российский император являлся верховным руководителем всех внешних сношений России, им же определялось направление международной политики страны. По ст. 13 за царем было закреплено исключительное право объявлять войну и заключать мир, а равно договоры с иностранными государствами. Тем самым судьбы государства и населявших его народов оставались всецело в руках царя (напомним, что до 1906 г. формально к этому был причастен и Госсовет).

Необходимость сохранения максимума полномочий в области внешней политики в руках царя сторонники самодержавия объясняли не только теми соображениями, что ведение международных сношений требует особой дискретности и преемственности государственных органов под непосредственным руководством царя (по выражению С.Ю. Витте, Дума «перессорит нас со всеми иностранными государст-

вами»⁵⁷). Главное, по их мнению, было заключено в особых условиях существования Российского государства, расположенного среди двух великих миров — европейского и азиатского — и подвергавшегося по этому большому, чем какое-либо другое государство, внешним опасностям⁵⁸. Защитники самодержавия и сильной централизованной власти спекулировали на внешней безопасности страны, громко заявляя с трибуны Государственной думы, что «Россия без самодержавия будет великим трупом, который расклюют хищные коршуны»; «поражая самодержавие, нам готовят иноземное иго»⁵⁹. В аргументах их всегда присутствовали и «мировые задачи» России, которые ей предстояло решать, требовавшие «сильной власти, а не парламентаризма»⁶⁰.

Противниками умаления внешнеполитических прерогатив царя были и либеральные бюрократы вроде С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. К ним принадлежал и новый министр иностранных дел А.П. Извольский, назначенный Николаем II в конце апреля 1906 года, перед самым открытием Думы. В составленной Извольским справке о значении титула «царь» четко проводилась мысль о конструктивной роли самодержавной власти в сношениях с другими государствами и народами: только ей посильна особая роль в исторических судьбах России⁶¹. Вместе с тем Извольский попытался придать некоторым государственным внешнеполитическим актам, исходящим лично от царя, современную «европейскую» форму, внося в Совет министров предложение о предварительном обсуждении и получении мнения Думы и Госсовета по некоторым неполитическим международным договорам и соглашениям России (торговым, железнодорожным и пр.) с последующим их утверждением царем. Однако правительство единодушно посчитало это нововведение противоречащим Основным законам и вынесло специальное постановление, в котором было сказано, что «международные договоры, трактаты и соглашения заключаются по непосредственному изволению царя и не подлежат рассмотрению в законодательных установлениях»⁶². После утверждения царем журнала этого заседания копия его была направлена министру иностранных дел «для руководства». Этот урок либеральный министр усвоил сразу и более не проявлял подобной инициативы.

Изменение структуры государственного механизма внешних сношений, создание новых ее элементов внесли существенные перемены в функционирование механизма в целом. Постепенно формировался его новый «управляющий центр», в котором ведущую роль начинал играть Совет министров. Компетенция его определялась задачей координации деятельности руководителей отдельных отраслей государственного управления, предусматривавшей обсуждение им всех тех принимаемых министрами и главноуправляющими мер, которые имели общее значение, законопроектов, вносимых ведомствами в Думу и Госсовет, наибо-

лее важных всеподданнейших докладов, назначений на различные государственные посты⁶³.

Особое положение в правительстве занимали военный, морской министры, а также иностранных дел и императорского двора. Указ от 19 октября 1905 года и «Учреждение Совета министров» не установили за ними сколько-нибудь эффективного контроля со стороны председателя и правительства в целом, поскольку руководимые ими сферы государственного управления продолжали оставаться исключительной прерогативой царя, выведенной из-под юрисдикции законодательных учреждений и правительства. Их действия могли обсуждаться кабинетом лишь по высочайшему повелению, по желанию самих глав соответствующих ведомств или в том случае, когда подобного рода действия затрагивали интересы других ведомств⁶⁴.

Царская бюрократия тем не менее предусмотрела в Основных законах нормативные лазейки, которые позволяли добиваться известного контроля над текущей деятельностью внешнеполитического ведомства и косвенно самого царя со стороны Совета министров. Его председатель был наделен правом включать в повестку дня заседаний правительства те внешнеполитические вопросы, в которых затрагивались интересы других ведомств (а таковых было немало), а также созывать Особые совещания министров и других высших чинов империи для обсуждения актуальных внешнеполитических проблем. Премьер получил право предлагать царю кандидатов на должность министра иностранных дел, но это не касалось министров императорского двора, военного и морского.

Сразу после поражения России в войне с Японией для руководства восстановлением и развитием вооруженных сил и координации этой деятельности с интересами национальной безопасности и внешней политики был создан Совет государственной обороны (СГО) под председательством великого князя Николая Николаевича. Первоначально, в первые два года своего существования, роль СГО была довольно велика. Тем не менее его создание не привело к образованию «управляющего центра» по объединению руководства военно-политической сферы. На его заседаниях было обсуждено только несколько крупных вопросов, имевших внешнеполитическое значение: условия договора с Японией (январь 1907 г.), на котором министр иностранных дел А.П. Извольский обосновал необходимость переориентации внешней политики страны с Дальнего Востока на Европу; программа строительства сильного современного военно-морского флота, который поднял бы «союзоспособность» России и позволил бы вести великодержавную внешнюю политику; «военная тревога» на Дальнем Востоке, вызванная потенциальной угрозой войны с Японией⁶⁵. С лета 1907 года СГО стал оттесняться Особыми совещани-

ями, куда царь и Столыпин передавали на рассмотрение вопросы государственной обороны. В 1909 году Николай II и вовсе упразднил СГО.

Объективной причиной ликвидации СГО послужила позиция его председателя и большинства членов, представлявших армию, в вопросах о приоритете и выделении бюджетных средств на восстановление армии или строительство флота. Генералы отказывали в выделении значительных средств для строительства флота, на чем настаивал Николай II. Субъективной причиной было ревнивое, подозрительное отношение царя к новому могущественному органу и его председателю, умалявшим, как ему казалось, царские prerogatives верховного вождя армии⁶⁶.

После упразднения СГО военные вопросы обсуждались в рамках Совета министров, сначала преимущественно в Особых совещаниях министров (как правило, с участием военного, морского министров, министров финансов и иностранных дел и начальников Генерального и Морского генерального штабов под председательством премьера), а затем и на заседаниях правительства в полном составе. Укрепление связей и координация деятельности военных ведомств и МИД, по существу, встали на реальную почву после обращения военного министра В.А. Сухоминова к Столыпину в октябре 1909 года, в котором он предложил обсудить внешнеполитическое положение страны после боснийского кризиса, дабы иметь представление, «в каком направлении предполагается вести нашу внешнюю политику, чтобы иметь возможность подготовить в нужную минуту и нужном направлении опору вооруженной силой нашей дипломатии»⁶⁷. Если до боснийского кризиса МИД практически игнорировал неоднократные запросы военного и морского министров о позиции России в отношении ее вероятных противников, то после установления контроля над внешнеполитическим ведомством главы правительства координирующая роль Совета министров в обеспечении оборонных и внешнеполитических мероприятий способствовала установлению более тесных прямых связей между названными ведомствами. Назначение в 1907 году председателем Совета министров такой волевой и авторитетной личности, как П.А. Столыпин, в немалой степени способствовало «вторжению» главы правительства в деятельность Министерства иностранных дел.

Извольский ревностно оберегал традиционную ведомственную самостоятельность и исключительную роль МИД в определении внешнеполитического курса и особенно в повседневной практической деятельности. Однако сам же он и дал веский повод для вмешательства Столыпина и правительства в целом в сферу его компетенции. Кризис во взаимоотношениях министра иностранных дел и премьера произошел на почве сугубо личной дипломатии Извольского, когда он, не ставя в известность главу кабинета, вступил в неосмотрительный стговор с ав-

стро-венгерским министром иностранных дел А. Эренталем в Бухлау (сентябрь 1908 г.), вылившийся в боснийский кризис и «дипломатическую Цусиму» для России и для него самого. Столыпин добился от царя разрешения обсудить действия Извольского и его внешнеполитический курс на Балканах на заседании правительства. В итоге после этого глава правительства начал прямое и систематическое вмешательство в деятельность МИД, стала усиливаться коллегиальность в выработке и принятии внешнеполитических решений в рамках Совета министров и Особых совещаний. С назначением в 1910 году своего свояка С.Д. Сазонова министром иностранных дел Столыпин устранил и субъективное препятствие к фактическому подчинению дипломатического ведомства главе правительства⁶⁸.

С конца 1908 года Совет министров становится руководящим звеном «управляющего центра» государственного механизма внешних сношений. На его заседаниях рассматривалось более половины всех внешнеполитических вопросов, вносимых преимущественно главой правительства и министром иностранных дел, которые и председательствовали на них. Более трети внешнеполитических дел проходили через Особые совещания, инициатива созыва которых принадлежала тем же лицам, а членами его были те же заинтересованные министры: иностранных дел, военный, морской и финансов. По существу, это был тот же Совет министров, только в узком составе, на котором обсуждались особо важные и конфиденциальные вопросы. Созывались Особые совещания и в «усиленном» составе, и тогда они мало чем отличались от Совета министров⁶⁹.

Превращение Совета министров и фактически ставших его частью Особых совещаний в центральное звено внешнеполитического механизма несколько трансформировало и в известной степени снизило роль Министерства иностранных дел в принятии важнейших внешнеполитических решений, но не в выработке внешнеполитического курса, текущих конкретных решений и их осуществлении. Это было связано не только с ведомственной ориентацией, но и в немалой степени с политической обстановкой в стране после 1905 года и с появлением на посту министра иностранных дел А.П. Извольского. В отличие от своих предшественников, идеологически принадлежавших прошлому, XIX веку, Извольский представлял государственного деятеля новой формации, отвечавшего требованиям современной эпохи, Динамичный и прагматичный политик, придерживавшийся достаточно широких, хотя и весьма умеренных либеральных взглядов (сторонник конституционной монархии в России), не замкнутый в рамках международной политики, а осознавший необходимость всесторонних внутренних реформ в стране для ведения успешной внешней политики, он был способен к установлению делового сотрудничества с законодательными учреждениями, с прессой, предста-

вителями политических партий, финансовых и промышленных кругов с целью вывода царизма из глубокого внутреннего и внешнеполитического кризиса. Он принадлежал к тому крылу либеральной бюрократии, наиболее яркими представителями которого являлись граф С.Ю. Витте и П.А. Столыпин.

С именем Извольского связаны крупные перемены во внешней политике России: обратная переориентация ее с Дальнего Востока на Европу, заключение в 1907 году соглашения с Англией, объективно заложившего основы будущего Тройственного соглашения, а также с Японией. В своей политике лавирования между Антантой и Тройственным союзом, направленной на обеспечение России длительного мира для внутренних преобразований, Извольский проявил незаурядные дипломатические способности, искусство внешнеполитического маневрирования, разнообразие дипломатической тактики и средств, а также настойчивость и гибкость, терпение и умение убеждать своих противников. В политике он был реалистом, вместе с тем он иногда был склонен прибегать к неоправданным, рискованным дипломатическим методам тайной дипломатии, стремясь к громкому успеху, которого жаждала его честолюбивая натура. Это привело его, как говорилось выше, к Бухлау, а затем и к «дипломатической Цусиме».

Извольский задумал и частично осуществил крупные преобразования в своем ведомстве. Под его руководством был разработан проект коренной реформы МИД и намечена перестройка заграничной службы⁷⁰. Они предусматривали модернизацию структуры центрального аппарата ведомства, прежде всего создание единого Политического отдела для обеспечения координации действий в выработке, принятии и осуществлении внешнеполитических решений, Отдела печати и Юрисконсультской части, повышение профессионального уровня личного состава, его узкую специализацию, ротацию чиновников центрального аппарата, дипломатической и консульской служб, выравнивание условий и оплаты министерской службы с заграничной и т. д. Он поставил на современный уровень информационную службу министерства, ввел практику систематической рассылки копий основных дипломатических документов в заграничные представительства России, а также председателю Совета министров и отдельным министрам.

Новый министр придавал большое значение прессе в условиях послереволюционной России, считая ее одним из важных инструментов внешней политики. Его понимание значения прессы проявилось в одной из первых циркулярных телеграмм российским послам и посланникам, в которой он предписывал не только вести прямое наблюдение за прессой, но и установить «непосредственные сношения ведомства с представителями ее»⁷¹. Извольский стремился к тому, чтобы МИД стал главным

источником внешнеполитической информации в стране. С этой целью он добился назначения директора значительно расширенного им Бюро печати МИД одновременно директором Петербургского телеграфного агентства, чем связал центральную информационную службу государства с министерской. МИД действительно стал главным источником внешнеполитической информации периферийной прессы, в меньшей мере это удалось ему в отношении столичной, имевшей собственные источники информации⁷². Извольский ввел в практику МИД инструктажи редакторов иностранных отделов ведущих газет, предварительную подготовку и обеспечение внешнеполитических акций инспирированными газетными выступлениями, использовал личные контакты с владельцами и редакторами влиятельных органов печати (например, с владельцем «Нового времени» А.С. Сувориным), наконец, применял довольно изощренные методы косвенных, не говоря уж о прямых, подкупов журналистов и даже отдельных органов печати как в России, так и за границей. Министр стремился не только использовать прессу в текущих интересах своего ведомства, но и влиять на процесс выработки внешнеполитических взглядов и программ политических партий и направлять его в русло формирования «общенациональных» задач. Одной из форм влияния на общественно-политические круги были встречи в обеих столицах заведующего Бюро печати с руководителями политических партий и крупных органов печати⁷³.

Проект реформы МИД был представлен в Думу в марте 1910 года и ... завяз в бюрократических лабиринтах канцелярий и комиссий до июня 1914 года. Но Извольскому все же удалось явочным порядком создать, хотя и в усеченном виде, Политический отдел (на базе Второго департамента), сменить почти всю министерскую верхушку, однако заменить послов и посланников, многие из которых в силу своего преклонного возраста не могли эффективно работать (в частности, Нелидов в Париже, Остен-Сакен в Берлине и др.), ему так и не удалось. Осуществив ряд административных мер и ведя борьбу «с затхлостью и пассивностью», Извольский повысил эффективность работы ведомства, однако бюрократическая рутинка гасила живые импульсы. Не изменился, по существу, и сословный состав ведомства, на 2/3 кадры его заполняли служилые и поместные дворяне; правда, накануне мировой войны в консульском аппарате увеличился удельный вес недворянского элемента, что при намеченной реформой МИД ротации чиновников различных служб открывало перспективу некоторых сдвигов в социальном составе сотрудников МИД⁷⁴.

Механизм принятия решений в МИД не претерпел принципиальных изменений: в нем был задействован все тот же узкий состав высших чинов министерства. Вместе с тем предварительная проработка и подго-

товка решений чиновниками оперативных отделов отличались большим профессионализмом благодаря специализации сотрудников, альтернативности вариантов и проработке возможных последствий тех или иных решений. Более гибкими и неформальными стали связи министра и его заместителей с аппаратом, трехступенчатая система подчиненности была заменена двухступенчатой, а подчас и прямой, когда советник Политического отдела или его помощник выходили прямо на министра. Извольский, в отличие от своих предшественников, прекрасно знал условия и возможности дипломатической службы за границей и поэтому постоянно прислушивался к советам своих представителей за рубежом, полагаясь на их компетентность и часто лучшую информированность.

В трансформации внешнеполитического механизма после 1905 года принципиальное значение имело изменение роли главы государства, монарха, что было связано как с условиями общественно-политической и государственной жизни (появление объединенного правительства, представительных учреждений, политических партий, свободной прессы), так и с очевидными провалами личной дипломатии Николая II и полнейшей дискредитацией окружавшей его камарильи. Царь, можно сказать, потерял личную инициативу в вопросах внешней политики, почти добровольно отказался от тщательной опеки своих министров иностранных дел, характерной для предшествовавшего периода.

Немаловажную роль в этом играла и активная позиция Извольского. Печальный опыт графа Ламздорфа, не сумевшего нейтрализовать пагубного влияния на Николая II придворной камарильи, подсказывал ему необходимость энергичного прямого воздействия на царя — на его взгляды и представления по основным вопросам не только внешней, но и внутренней политики. Для этого помимо таких традиционных путей, как еженедельные доклады министра, отчеты и докладные записки, Извольский распорядился составлять для царя специальную информацию, причем не только внешне-, но и внутривнутриполитического характера, с надеждой «привить Николаю конституционный образ мысли» (например, выдержки из речей либеральных думских лидеров, обзоры прессы)⁷⁵. Очевидно, министр не слишком хорошо знал царя, если рассчитывал на перемену в его взглядах в таком направлении. И все же Извольский приобрел во взаимоотношениях с царем сравнительно большую свободу. По свидетельству русских и иностранных дипломатов, ему удавалось «часто навязывать царю свою волю»⁷⁶.

Своеобразное положение занимали в государственной структуре и играли двоякую роль во внешнеполитическом процессе представительные учреждения России — Государственная дума и Госсовет, представлявшие довольно широкий спектр общественно-политических сил

страны, в той или иной степени оппозиционному правительству. Как законодательные органы, они были наделены правом утверждения бюджета всех ведомств, в том числе и МИД, и таким образом обладали веским рычагом давления на правительство. Негласный союз с царизмом либеральных партий во внешней политике толкал их на путь поддержки и конструктивной критики правительственных мероприятий. В то же время они не отказывались от борьбы за право участия в выработке внешнеполитического курса и его корректировке.

После третьеиюньского переворота 1907 года и избрания «послушной» III Думы Извольский привлек ее к участию во внешнеполитическом процессе с «совещательным» голосом, активно добиваясь установления взаимопонимания с представленными в ней политическими силами (за исключением социал-демократов и «трудовиков»). В то же время он решительно пресекал попытки членов Думы развернуть дебаты по вопросам внешней политики по собственной инициативе, выступать с запросами (за время существования Дум их было всего несколько) и пр.

Первое же обсуждение бюджета МИД на 1908 год в бюджетной комиссии показало, что Дума, в отличие от старого Госсовета, намерена глубоко и конструктивно участвовать в этой работе. Законопроекту МИД, одобренному в Совете министров, был учинен полный разнос за легковесность, ошибки в подсчетах и т. д., заставивший руководство в дальнейшем с большей ответственностью и тщательностью готовить законопроекты⁷⁷. Как правило, законопроекты МИД не встречали каких-либо серьезных возражений и проходили в Думе без затруднений. Более того, МИД выделялись по инициативе думских комиссий дополнительные средства на расширение консульской службы, реформу центрального аппарата и текущие нужды. Дума призывала внешнеполитическое ведомство обратить «самое серьезное внимание» на защиту не только политических, но и экономических интересов страны. В проект нового «Учреждения МИД» был добавлен специальный пункт, конкретизировавший эти задачи ведомства⁷⁸.

Вступление России на путь парламентаризма открывало руководителям внешнеполитического ведомства возможность использования таких обычных для их коллег в западных странах методов, как манипулирование общественным мнением, в целях успешного осуществления своего политического курса либо его защиты от оппонентов. Извольский получил от царя разрешение в необходимых случаях выступать в Думе с изложением взглядов правительства по тем или иным вопросам иностранной политики. Это право министры использовали в периоды обострения международной обстановки, как это было, в частности, во время боснийского кризиса и Итало-турецкой войны. В практике своих взаимоотношений с Думой министры иностранных дел, в отли-

чие от большинства своих коллег в правительстве, не гнушались методами буржуазного парламентаризма, начиная с закулисных секретных контактов с оппозиционными представителями влиятельных фракций до согласования списков думских ораторов и проработки сценариев предстоявших заседаний, на которых намечалось обсуждение тех или иных вопросов внешней политики. Либеральная оппозиция по основным вопросам тактики и стратегии внешней политики поддерживала правительство, в то время как разногласия по внутривластным вопросам достигли такой степени, что кадеты и прогрессисты прибегли накануне войны к одному из крайних парламентских средств борьбы — отказу votar budget⁷⁹.

Модернизация системы государственного руководства внешними сношениями после первой российской революции носила противоречивый характер, отражая переходный период страны от абсолютной к конституционной монархии — ограниченность и непоследовательность преобразований, отсутствие гарантий против отката к старым методам, определенную непредсказуемость вследствие лавирования царизма между политикой обеспечения мирной передышки для осуществления реформ и предотвращения новой революции и неотвратимой логикой втягивания России в международное противостояние двух блоков держав и в подготовку европейской войны,

Вместе с тем обновленный внешнеполитический механизм действовал более эффективно, более устойчиво, в большем взаимодействии всех его элементов, более адекватно реагируя на изменения обстановки на международной арене и поддерживая обратную связь с обществом в лице легальной оппозиции. Принципиальное значение имели отказ царя от «личной дипломатии» и возникновение в 1908 году нового постоянно действующего «управляющего центра» внешнеполитического механизма — объединенного правительства.

Глава III. Политика в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке

1. Политика блоков в Европе

На рубеже XIX–XX веков осуществлялась перегруппировка великих держав, приведшая в перспективе к замене противостояния Тройственного и русско-французского союзов борьбой германо-австрийского блока с Антантой. В основе процесса лежали новые общности интересов и обострение противоречий на базе усилившейся в рассматриваемую эпоху неравномерности развития ведущих стран. Ключевую роль играла при этом позиция Англии: примкнет ли она к Тройственному союзу, постарается сблизиться с Францией и Россией, образует свою группировку держав или, наконец, объединит против себя нынешних соперников? Немало зависело и от встречной политики возможных партнеров, в том числе от России — традиционного конкурента Великобритании в Азии.

Результат в конечном счете определило то обстоятельство, что, хотя коллизии в Европе теснейшим образом переплетались с борьбой за колонии и сферы влияния, центром мировой политики оставался Европейский континент. Здесь растущим претензиям Германии на преобладание противостоял крепнувший союз России и Франции. Недопущение гегемонии какой-либо континентальной державы служило одним из давних постулатов британской внешней политики. В данном случае это стремление многократно усиливалось тем, что Германия, уже опередившая Англию в экономическом отношении, бросила вызов ее морскому и колониальному могуществу. Однако в конце XIX века обострились также англо-французские колониальные противоречия, а англо-русское соперничество отчетливо проявлялось не только на Ближнем Востоке, но и в других регионах Азии. Как англо-французским, так и в особенности англо-русским отношениям еще предстояло претерпеть сложную метаморфозу, чтобы перейти от конфронтации к сближению.

Эволюция русско-французского союза. Смена монарха в России в 1894 году не привела к переориентации внешней политики страны. Основой ее остался союз с Францией в сочетании со стремлением поддерживать хорошие отношения с Германией и не допустить присоединения Англии к Тройственному союзу. Некоторая озабоченность Франции была быстро рассеяна заверениями нового царя Николая II, министра иностранных дел Н.К. Гирса и военных руководителей России¹. 1895 год принес не только формальные демонстрации франко-русского единства, но и еще более важную совместную акцию против Японии на Дальнем

Востоке, и французское правительство настояло на том, чтобы в заявлениях его министров в парламенте отношения с Россией были охарактеризованы как союзные².

В 1896 году Николай II после пышной коронации предпринял большую поездку по столицам европейских держав. Кульминацией ее стало посещение Парижа, что соответствовало замыслам как русской, так и французской дипломатии. Умный и опытный А.Б. Лобанов-Ростовский, новый министр иностранных дел России, рассматривал визит царя к президенту Франции как главную цель всей поездки, «блестящее и торжественное подтверждение нашего союза» перед лицом всей Европы³. Сотрудничество с Францией представлялось ему важнейшим рычагом решения всех международных проблем империи. Намерение продемонстрировать дружбу двух держав увенчалось в Париже полным успехом, чего нельзя сказать о конкретных результатах дипломатических переговоров. Министр предполагал вести их лично, но на пути из Вены скоропостижно скончался. Николай II оказался недостаточно подготовлен к самостоятельной дипломатической роли, а толковых и компетентных советников рядом не нашлось. В результате принятые в Париже решения по ближневосточному вопросу пришлось задним числом корректировать, к неудовольствию французских политиков.

В январе 1897 года новым министром иностранных дел России стал по протекции вдовствующей императрицы Марии Федоровны граф М.Н. Муравьев — ловкий царедворец, человек неглупый, но малообразованный и не любивший заниматься делами. Большую часть своей работы по руководству министерством он переложил на плечи опытного и трудолюбивого В.Н. Ламздорфа. Собственные импровизации министра, вызванные большей частью желанием угодить царю, нередко ставили российскую дипломатию в затруднительное положение. Так, в марте 1897 года Муравьев через французского посла Г. Монтебелло предложил внести уточнения в русско-французскую военную конвенцию 1892 года, дополнив ее статьей, которая не обязывала бы участниц мобилизовывать все силы и сосредоточивать их у границ в случае мобилизации одной из держав Тройственного союза по мотивам частного характера, не затрагивавшим интересы всеобщего мира. Инициатива министра не получила поддержки Франции и лишь встревожила его парижского коллегу Г. Аното («Эльзас и Лотарингия — это вопрос общего порядка?»⁴).

Неприятный осадок от этого инцидента был развеян в ходе визита в Россию в августе того же года президента Ф. Фора. На этот раз слово «союз» публично прозвучало из уст царя, произведя еще больший международный эффект, чем в 1895 году. В ходе объяснений с Муравьевым и Николаем II Аното указал, что считает излишним письменно форму-

лизовать какие-либо добавления к уже существующим союзным обязательствам: они «могли бы породить только недоверие и опасную двусмысленность». Его собеседники не возражали⁵.

В 1898 году в антигерманском союзе Франции и России проявилась тенденция к параллельному усилению его антибританской направленности. Она была связана с обострением англо-французского колониального соперничества в Восточной Африке и англо-русских противоречий в Китае. Накануне «фашодского инцидента»^{*} новый министр иностранных дел Франции Т. Делькассе запросил, какую позицию займет российское правительство в случае возможного англо-французского конфликта. Муравьев не колеблясь ответил, что «в данном деле, как и во всех вопросах, касающихся Египта, императорское правительство готово идти вместе с Францией и согласовывать свою позицию с французской»⁶. Такая реакция России вполне соответствовала как ее союзническим обязательствам, так и собственным интересам в Египте, где она стремилась не допустить монопольного хозяйничанья Англии и не давать последней возможности закрывать по своему желанию Суэцкий канал. В октябре 1898 года, во время посещения Муравьевым Парижа, вопрос подвергся дальнейшему обсуждению. Президент Фор заявил ему, что Англия в Африке такой же враг Франции, каким она является для России на Дальнем Востоке, и «мы должны руководствоваться этим сознанием в нашей политике». После этого Муравьев ожидал, что Делькассе будет просить его о поддержке в переговорах с Англией. Однако такой просьбы не последовало. Французский министр оптимистически оценил ход переговоров с Лондоном и выразил надежду, что спор скоро разрешится полюбовно. Вследствие этого он не хотел ставить вопрос о Фашоде как проблему общеевропейского значения, требующую поддержки со стороны России, а предпочитал придать ему «чисто колониальный характер»⁷.

Почти одновременно с Муравьевым в Париже находился с визитом военный министр А.Н. Куропаткин, который был принят президентом Фором, встречался с военным министром Шануаном и начальником Генерального штаба Ренуаром. Все эти деятели ставили перед ним вопрос о желательности уточнить и дополнить военную конвенцию. Речь шла не только о Германии, но и, что вполне естественно в той обстановке, об Англии. Куропаткин проникся сознанием важности этой идеи и в следующем году поддержал инициативу Делькассе о подтверждении и конкретизации условий союза⁸.

^{*} «Фашодский инцидент» (осень 1898 г.) был вызван попыткой Франции захватить важное в стратегическом отношении селение Фашода на Верхнем Ниле, на которое претендовала Англия.

Военный министр России считал также необходимым ответить вооруженной демонстрацией на сосредоточение английских морских сил у берегов Китая и вызывающие британские действия в Африке. 24 ноября (6 декабря) 1898 года он представил царю доклад о мерах по приведению в состояние боевой готовности войск Туркестанского и Приамурского военных округов, Закаспийской области и Квантунского полуострова. Николай II «вполне одобрил» предлагаемые мероприятия, сочтя «некоторые видимые приготовления» совсем не бесполезными ввиду «дерзких» вооружений Англии. О предпринятых шагах Куропаткин сообщил не только Муравьеву, но и французскому атташе Мулену. Последний хотя и был доволен, но не преминул выразить мнение, что лучшим способом давления на Англию явилась бы постройка железной дороги Оренбург–Ташкент, которая соединила бы центр России с Закаспийской линией и позволила максимально быстро перебрасывать русские войска к границам Индии⁹. Проект строительства такой дороги обсуждался самим российским правительством. Его осуществление упиралось в недостаток финансовых средств. Займы думали получить у заинтересованной Франции. Ходатайствуя об этом, царь обещал французскому послу Монтебелло держать вопрос о сооружении этой линии под своим личным контролем.

В июле 1899 года Петербург посетил Делькассе. Официальные мотивы поездки министра иностранных дел Франции (поблагодарить за награждение орденом Александра Невского и отдать визит Муравьеву) лишь маскировали ее действительную цель. Освещение итогов визита в печати передавало смысл происшедшего только в самом общем виде — подтверждение и упрочение дружеских уз двух держав. На самом деле визит Делькассе имел важное политическое значение. Министр был принят Николаем II, вел переговоры с Муравьевым, встречался с Куропаткиным. В курсе дела был также Витте. На аудиенции у царя, при встречах с Муравьевым и Куропаткиным Делькассе внес предложение подтвердить соглашение о союзе и уточнить его условия. Инициатива Франции объяснялась как недавним «фашодским инцидентом», так и беспокойством на Кэ д'Орсэ ограниченностью срока действия военной конвенции временем существования Тройственного союза.

Царь отнесся к предложению Делькассе сочувственно, а Куропаткин даже горячо отстаивал его перед выразившим сначала некоторые сомнения Муравьевым. Российская сторона сама имела некоторые основания для тревоги за будущее, когда поддержка Франции могла оказаться столь необходимой: речь шла не только об обострении отношений с Англией и Японией на Дальнем Востоке, но и о возможности распада Австро-Венгрии и попытке Германии присоединить к себе в этом случае австро-немецкие земли. Получить дополнительные гарантии было

желательно и ввиду внутреннего положения Франции, где только что закончилось тяжелое дело А. Дрейфуса.

Соглашение, как и в 1891–1893 годах, оформили в виде писем министров иностранных дел¹⁰. Оно подтверждало союзные обязательства. Уточнения касались двух моментов. Целью союза провозглашалось поддержание не только мира, но и «равновесия европейских сил», которое зиждилось на противостоянии двух блоков и, очевидно, могло быть нарушено в случае присоединения Англии к враждебной группировке. В отношении срока действия военной конвенции устанавливалось, что она «будет иметь силу столько же времени, как и дипломатическое соглашение», то есть не зависит от продолжительности существования Тройственного союза. Подтверждалась и секретность условий соглашения.

Таким образом, русско-французский союз, сохранив свою главную направленность, приобретал и известное антианглийское содержание. Вопреки мнению известного американского историка С. Фея, он не изменил при этом своего оборонительного характера.

После подтверждения союза его участники активизировали усилия по уточнению военных обязательств. Летом 1900 года и в феврале 1901 года состоялись совещания начальников генеральных штабов двух сторон. Подтвердив основные условия конвенции 90-х годов, военные лидеры предусмотрели вариант одновременной мобилизации своих армий, «чтобы воспрепятствовать, если нужно — силой, расширению Германии в ущерб целостности австро-венгерской монархии»¹¹. Обязательство мобилизации без предварительного соглашения было сохранено для случаев мобилизации всего Тройственного союза или одной Германии, но не распространялось более на мобилизацию одной Австрии или одной Италии. Это уменьшало опасность общего конфликта по частному поводу, исходя из предположения, что каждая из сторон способна с успехом противостоять союзникам Германии один на один.

Не менее важное уточнение касалось Англии. В протокол совещания 1900 года были внесены и протоколом 1901 года подтверждены конкретные обязательства взаимной помощи в случае войны с Британией. При нападении на Францию одной Англии Россия должна была сосредоточить на афганской границе 300–350 тыс. человек для наступления на Индию. Если бы Англия объявила войну России, то Франция была бы обязана сосредоточить у Ла-Манша 100–150 тыс. человек и угрожать первой высадить десант¹². Правда, эти обязательства носили скорее демонстративный характер, так как и поход на Индию, и десант в Англию представлялись с военной точки зрения весьма проблематичными, а кооперация военно-морских сил союзниц против владычицы морей вообще не предусматривалась.

В мае 1901 года Делькассе предложил скреплять протоколы совещаний начальников генштабов подписями министров иностранных дел, что придало бы им характер официальных межправительственных соглашений. Однако новый глава российского внешнеполитического ведомства Ламздорф отклонил эту инициативу. Ученик Гирса, он считал, что лучше «не связывать Россию никакими *формальными* соглашениями и довольствоваться теми прекрасными, но не компрометирующими нас *документально* отношениями, которые ныне существуют между Россией и Францией»¹³.

Пик обострения отношений Франции с Англией довольно быстро сменил его спад. Британская дипломатия, опробовав различные варианты, нашла все же наиболее перспективным путь сближения с Парижем. Переговоры двух держав принесли обнадеживающие результаты, а весной 1904 года вылились в создание англо-французской Антанты. Осуществляя политику урегулирования и сближения с Англией, Франция, естественно, стремилась в случае англо-русской конфронтации занимать нейтральную позицию, хотя формально действие протоколов 1900–1901 годов не отменялось.

Зато Франция энергично стремилась повысить военную эффективность франко-русского союза в борьбе с Германией. Она использовала свою роль заказчика России, добиваясь более быстрого развития русской железнодорожной сети у германской границы. Так, в 1901 году начальник французского Генерального штаба Пендзек, а затем Делькассе не без успеха настаивали на строительстве стратегической двухколейной дороги Бологое–Седльце.

И все же на рубеже веков военная мощь России еще вполне уравновешивала ее финансовую зависимость. Союз с Францией позволял царскому правительству не только поддерживать равновесие сил в Европе, но и уделять больше внимания политике в других регионах, а также взаимодействовать на равных с Германией и Англией.

Отношения с Германией и Англией. Предпосылки стабилизации отношений с Германией были связаны с торговым договором 1894 года. МИД России в отчете за этот год специально отметил, что заключение торговых трактатов с Германией, а затем и с Австро-Венгрией значительно способствовало улучшению отношений с обоими государствами и упрочению общеевропейского мира¹⁴. Витте попробовал воспользоваться благоприятным моментом, чтобы вновь открыть германский рынок для русских займов. Однако в Берлине рассудили, что на заем, обставленный политическими условиями, Россия не пойдет, а без таких условий ссужать царю деньги бессмысленно и даже опасно, ибо они могут пойти на вооружения, направленные против Германии¹⁵. Негладко складывались и торговые отношения, где попытки немец-

кой стороны «подправить» условия недавнего договора в свою пользу даже привели к «малой торговой войне», впрочем, сравнительно быстро погашенной.

На этом не вполне благоприятном фоне наблюдались, однако, и попытки официальных кругов обеих стран демонстрировать стремление к дружественным отношениям, причем активно использовались династические связи. С русской стороны это объяснялось желанием сыграть на франко-германских и англо-германских противоречиях, социально-политических симпатиях дворянства и параллелизме интересов в польском вопросе. Германия стремилась перестраховаться ввиду обострения противоречий с Англией, расшатать франко-русский союз и держать под контролем русско-австрийские отношения на Балканах. На практике скоординировать линию двух держав в известной мере удавалось лишь на Дальнем Востоке (совместная демонстрация 1895 г.). В вопросах же европейского равновесия интересы Германии и России расходились, а на Ближнем Востоке усиление германской экспансии вызывало все большее недоверие и подозрительность Петербурга.

В ходе заграничной поездки 1896 года Николай II посетил Германию. Немецкие политики ожидали, что царь и сменивший умершего Лобанова Н.П. Шишкин будут просить поддержки в вопросе о черноморских проливах. Однако никаких обращений в этом смысле с русской стороны не последовало. Российские политики возбудили совсем другой вопрос — о потерях, которые несет сельское хозяйство их страны от германской торговой политики. Статс-секретарь по иностранным делам А. Маршалль и сам кайзер старались в ответ взвалить вину на сельскохозяйственный экспорт американских государств. Вильгельм II даже предложил «сплочение всей Европы для борьбы против Мак-Кинли и против Америки и в общем оборонительном таможенном союзе, будь то вместе с Англией, будь то без нее, смотря по обстоятельствам». Впрочем, канцлер Х. Гогенлоэ тут же дезавуировал этот проект, указав, что последствия его осуществления могут оказаться обоюдоострыми, вследствие чего «объединение Европы» лучше отложить¹⁶.

Триумфальный прием Николая II в Париже возбудил в Германии дискуссию о русско-французских отношениях и германской политике. Масло в огонь подлил орган отставного О. Бисмарка «Гамбургер Нархрихтен». Газета выступила со статьей о секретном русско-германском «договоре перестраховки» 1887 года, обвинив правительство в том, что оно под влиянием английской дипломатии испортило отношения с Россией и подорвало международное положение Германии. Это вызвало недовольство в Петербурге и тревогу в Австрии и Италии. Хотя правительству Гогенлоэ удалось преодолеть возникший кризис, доверие к германской политике в других странах было заметно поколеблено¹⁷.

В конце июля 1897 года (ст. ст.) Вильгельм II нанес ответный визит царю. Переговоры государственных деятелей двух стран касались широкого круга вопросов — торговых отношений, ближневосточного кризиса, политики в Китае. Высказав взаимные претензии в области торговли, стороны пришли к заключению о необходимости решать спорные вопросы путем примирения. Германской идее своего рода «континентальной блокады» против Соединенных Штатов Витте противопоставил проект совместных таможенных мер против всех заморских стран, включая и Англию, но на это германские политики, опасавшиеся англо-американского сближения, не пошли*. Политические деятели Германии и России информировали друг друга о намерениях приобрести военноморские базы в Китае. Однако согласия российской стороны на захват Цзяочжоу кайзеру и Гогенлоэ получить не удалось¹⁸.

Визит в Россию президента Фора, сопровождавшийся открытым провозглашением союза двух стран, произвел в Германии тяжелое впечатление. Вероятно, чтобы как-то сгладить его, муравьевская дипломатия предприняла довольно неуклюжий маневр. В сентябре 1897 года начальник Главного штаба Обручев встретился на курорте в Гомбурге с новым статс-секретарем по иностранным делам Б. Бюловым. Он передал ему сердечный привет от Муравьева и мнение министра, что главный враг обеих держав — Англия, против которой континентальным державам следовало бы заключить союз с целью поддержания статус-кво в Европе. Бюлов отклонил это предложение, и Вильгельм II одобрил его реакцию¹⁹. Соперникам, связанным с союзниками, было трудно прийти к соглашению о способах поддержания европейского равновесия.

Легче удавалось примирять разногласия на дальневосточной периферии. Правда, когда в том же 1897 году Германия захватила Цзяочжоу, это вызвало кратковременную напряженность в ее отношениях с Россией. Но затем царское правительство предпочло не ссориться, а последовать примеру Берлина. В этой связи Николай II даже писал Вильгельму, будто между двумя государствами «нет никаких политических трений» и их «интересы нигде не приходят в столкновение. История с Цзяочжоу служит прекрасным тому примером, и я вполне уверен, что так будет и впредь»²⁰. Подтвердилась возможность если не сотрудничества, то параллельных действий двух держав на Дальнем Востоке. В дальнейшем

* Когда три месяца спустя кайзер прислал царю памятную записку «О необходимости образовать против САСШ торгово-политическую коалицию европейских государств», Витте дал о ней категорически отрицательное заключение, и Николай II наложил резолюцию: «Дело сие предать забвению» (*Фурсенко А. А.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей, 1895–1900. М.; Л., 1956. С. 102–103, 209–215; *Bumme С. Ю.* Воспоминания. М., 1963. Т. 2. С. 121–124).

именно это направление разрабатывалось германской дипломатией как наиболее перспективное в отношениях с Россией.

В 1900 году восстание ихэтуаней в Китае, интервенция держав и оккупация русскими войсками Маньчжурии осложнили ситуацию на Дальнем Востоке. Новому министру иностранных дел Ламздорфу очень хотелось преодолеть трудности, восстановив тройственную комбинацию 1895 года. В августе 1901 года, во время данцигского свидания царя и кайзера, немало говорилось о «великом будущем» идеи континентального блока и даже о союзе двух держав. Ради поддержки со стороны Берлина на Дальнем Востоке российская дипломатия не скупилась на словесные авансы. Германские политики, в свою очередь, искали способы «некоторой страховки» в Европе после встреч начальников французского и русского генштабов и поддерживали разговоры о возможном сотрудничестве. Никаких конкретных решений принято, однако, не было²¹.

В октябре того же года Николай II при встрече в Спале с прусским принцем Генрихом, «откровенничая», заявил, что главным его интересом является Сибирская железная дорога, которую предстоит закончить в ближайшие 5–6 лет; для этого ему нужны французские деньги, вследствие чего он не может сейчас разорвать с Францией, как бы ему ни хотелось сплочения монархических государств перед лицом революционного движения.

Эти две встречи явились своего рода подготовкой к свиданию Николая II и кайзера Вильгельма в Ревеле в июле 1902 года, послужившей демонстрацией русско-германского единения на Дальнем Востоке. От совместной декларации с Францией в Берлине решительно отказались, сославшись на опасность подтолкнуть Америку к альянсу с англо-японским блоком. Тем более германские политики акцентировали свою готовность поддержать Россию в ее намерении перенести центр внимания на Дальний Восток. Вильгельм II обещал «кузену Никки» гарантировать безопасность западной границы России и возможность послать Балтийский флот в Тихий океан. Предполагалось при случае предупредить Англию, что главы двух союзов, то есть Германия и Россия, будут блюсти «интересы, общие континентальным нациям». При расставании кайзер не удержался от театрального жеста, послав приветствие «адмиралу Тихого океана» от «адмирала Атлантического»²².

Не следует, конечно, преувеличивать доверчивость петербургских политиков. Главную гарантию возможности временно отвлечься от европейских дел они видели не в германских обещаниях, а в союзе с Францией. На Дворцовой площади отдавали себе ясный отчет не только в опасной для российских интересов активизации Германии на Ближнем Востоке, но и в том, что Берлин, вопреки заверениям кайзера, стремится балансировать между Англией и Россией. Доказательством тому слу-

жили англо-германские контакты 1898 и 1901 годов, имевшие, правда, практическим результатом лишь соглашение о разделе португальских колоний.

Справедливости ради нужно сказать, что и русская политика в отношении Англии не отличалась прямолинейностью и имела ту же тенденцию к балансированию между своими главными соперниками. Одним из первых ее актов в новую эпоху стало соглашение с Лондоном о разграничении сфер влияния в области Памира.

Присоединение к России в 1876 году Кокандского ханства поставило перед русским правительством проблему Памира, входившего в состав этого ханства. Туда были отправлены русские научно-разведывательные экспедиции, на что немедленно отреагировала Англия. Дело в том, что южная часть Памира непосредственно граничила с индийскими владениями Британской империи и проникновение в этот район русских было воспринято как подготовка к захвату Индии. Англичане также отправили на Памир свои «научные» экспедиции.

Проблема Памира обострилась, когда цинское правительство, поощряемое англичанами, предприняло попытку захватить ряд районов к западу от Сарыкольского хребта. Вторжение китайских отрядов вызвало протесты киргизского населения, и Россия предприняла ответные шаги, отправив свои вооруженные отряды к Сарыкольскому хребту. Китайцы были вынуждены отступить, и в 1894 году было проведено размежевание, по которому граница между Россией и Китаем прошла по Сарыкольскому хребту как наиболее удобному в географическом отношении рубежу.

В переговоры о памирском разграничении включилась и Англия, которая представляла интересы афганского эмира. Афганистан претендовал на часть Памира в верховьях Амударьи. Русское правительство пошло навстречу этим настояниям, согласившись уступить Афганистану склоны Гиндукуша, долину Малого Памира и большую часть Ваханского хребта и признать эту территорию сферой политического влияния Англии при условии, что британское правительство не будет предъявлять территориальных претензий на этот район и возводить там военные посты и укрепления. 27 февраля 1895 года было подписано соответствующее соглашение²³. В результате русские владения на Памире и британские в Индии разграничила узкая полоса афганских владений. Таким образом, англо-русское памирское разграничение 1895 года стало своеобразным компромиссом, подчеркнувшим роль Афганистана как «буфера» между Англией и Россией в Центральной Азии.

В 1898 году, почти синхронно с переговорами Дж. Чемберлена — П. Гатцфельда об англо-германском союзе и даже чуть раньше, сходные предложения поступили из Лондона в адрес России. Речь идет

об объяснениях, которые в январе-феврале имел по указанию Форин-офиса посол в Петербурге О'Коннор с Муравьёвым, Витте и Ламздорфом. Российский исследователь Б.А. Романов оценил эту инициативу британской дипломатии как маневр, рассчитанный «на ошеломление противника и некоторую отсрочку для дальнейшей мобилизации сил»²⁴. Думается, однако, что сент-джеймский кабинет всерьез искал выход из утратившей блеск изоляции, прощупывая почву одновременно и в Париже, и в Берлине, и в Петербурге. Другое дело, что английские политики не упускали при этом из виду свои более частные интересы в вопросах о китайском займе и железнодорожном строительстве в Южной Маньчжурии, но руководствовались они не только этими мотивами.

Предложение Форин-офиса сводилось к разграничению сфер («разделу преобладания») в Китае и Турции. От письменной формулировки конкретных условий британские политики, однако, уклонились, ограничившись некоторыми «иллюстрациями». Это объяснялось, по-видимому, предварительным, зондирующим характером разговоров, которые, как и оказалось, могли не встретить благоприятного отклика. В Лондоне не сомневались, что, если дело дойдет до практического дележа, «трудности будут большие»²⁵.

Из царских сановников наибольший интерес к английской инициативе проявил Ламздорф, тогда еще товарищ министра иностранных дел, предлагавший взвесить выгоды возможного сближения с Англией. Это тем более примечательно, что ученик Гирса был политиком чрезвычайно осторожным. Реакция Витте и Муравьёва представляется хотя и положительной, но неадекватной. Оба они искали выход из сложного положения, в которое поставило Россию занятие Порт-Артура*, и оценивали английские предложения прежде всего, если не исключительно, с этой точки зрения. Николай II, по его собственному признанию, был поражен и склонен заподозрить англичан в нечистой игре²⁶. О'Коннору он, правда, сказал, что считает соглашение «в высшей степени желательным», но в действительности, вероятно не без влияния Муравьёва, дал другое указание: «Наши переговоры с Англией в настоящее время могут касаться дел только Дальнего Востока»²⁷.

И напрасно О'Коннор доказывал Муравьёву, что соглашение, чтобы быть полезным и не мимолетным, должно охватывать всю арену обоюдных интересов, а не быть ограничено только рамками одного региона. Министр вежливо соглашался, но тут же настойчиво рекомендовал свети пока переговоры к обсуждению наиболее актуальных дальневосточных сюжетов.

* См. следующую главу.

Таким образом, выявились два различных принципиальных подхода, что весьма затрудняло общее сближение. Когда же Англии удалось решить в свою пользу вопрос о китайском займе и добиться от Пекина признания бассейна Янцзы сферой британского преобладания, это произвело на официальный Петербург и лично на царя впечатление ловкого обмана. О'Коннор не считал переговоры о соглашении окончательно провалившимися, но признавал, что «им, конечно, нанесен сильный удар и трудно будет вновь привести императора в хорошее настроение»²⁸. Позднейшие переговоры касались уже более частного вопроса о сферах железнодорожных интересов в Китае, и, хотя соглашения удалось достигнуть, оно не оказало заметного влияния на перегруппировку сил держав.

2. Ближневосточный кризис и русско-австрийское соглашение

Перегруппировка держав происходила на фоне и в связи с целой цепью региональных международных конфликтов, нередко совпадавших по времени. В таких случаях правительствам обычно приходилось выбирать приоритетное направление, куда следовало направить главное внимание и силы. В середине 90-х годов, когда ближневосточный кризис переплелся с обострением борьбы на Дальнем Востоке, такой вопрос пришлось решать и российскому правительству.

Главными причинами международного кризиса на Ближнем Востоке явились ужесточение национального и религиозного гнета в Османской империи, являвшееся реакцией на усиление освободительного движения подвластных султану христианских народов, а также своекорыстное вмешательство великих держав. Начало кризису положила политика геноцида режима Абдул-Хамида II в отношении армянского населения, вызвавшая широкий резонанс в европейских странах.

Наиболее активную позицию заняла Англия. Если отбросить характерную для британской дипломатии лицемерную фразеологию, то реальная политика сент-джеймского кабинета преследовала вполне эгоистические цели, имевшие мало общего с интересами армянского народа. В Лондоне предусматривались два возможных варианта решения вопроса: максимальный — в виде раздела Османской империи, при котором Англии достался бы не только Египет, но и Месопотамия с Аравией, и минимальный — в форме сговора с Портой, восстановления британского влияния в Стамбуле, признания султаном захвата Египта, создания из автономной Западной Армении буфера против распространения русского влияния в сторону Средиземного моря или Персидского залива.

Политика России на начальной стадии кризиса. Россия стремилась, по определению Лобанова-Ростовского, к «замораживанию» восточно-

го вопроса, так как не считала себя готовой к выгодному разделу Османской империи и развивала экспансию на Дальнем Востоке. Одной из ее задач было не дать Англии окончательно аннексировать Египет и поставить под свой единоличный контроль Суэцкий канал. Интересам Петербурга отвечало сохранение самостоятельности и целостности Турции, которая находилась бы в хороших отношениях с могучей северной соседкой. Переход контроля над черноморскими проливами в руки другого государства или их интернационализация считались недопустимыми. Вместе с тем Россия не могла без ущерба для своего престижа отказаться от традиционной роли покровительницы подвластных султану христианских народов и остаться равнодушной к судьбе армян в Турции. Но допустить возникновение у своих границ армянского государственного образования, которое находилось бы под влиянием Англии, в Петербурге тоже не хотели.

Тактическая линия российского внешнеполитического ведомства состояла в том, чтобы дипломатическими мерами побудить султана даровать реформы армянам и другим угнетенным христианским народам. Для этого нужно было сплотить «концерт» держав, не допустив ни единоличного вмешательства Англии, ни сговора ее с другими правительствами о разделе Турции.

В России больше всего рассчитывали на взаимодействие с союзной Францией. Последняя не была заинтересована ни в расчленении Османской империи, ни в окончательном утверждении Англии в Египте. Но в политике союзниц на Ближнем Востоке сохранялись и серьезные расхождения, проистекавшие из специфики их интересов — политико-стратегических в первом случае и преимущественно финансово-экономических во втором. Франция не считала для себя выгодным установление единоличного контроля России над проливами и, во всяком случае, не намеревалась ради этого идти на риск большой войны. В свою очередь, Россия не готова была поддержать французскую идею жесткого европейского контроля над Турцией путем расширения полномочий Управления оттоманского долга. Все же союзные отношения побуждали Петербург и Париж к согласованию точек зрения и сотрудничеству.

Некоторые надежды возлагались в России также на координацию действий с Германией и Австро-Венгрией. В первом случае они базировались на заверениях Берлина о стремлении к сохранению в регионе статус-кво, об отсутствии у Германии специальных интересов в Турции и о готовности благожелательно отнестись к интересам России в проливах. Видимую заинтересованность в поддержании статус-кво и целостности Турции проявляла также австрийская дипломатия. В то же время в Петербурге не были уверены в искренности этих заявлений и не без основания подозревали, что Германия стремится столкнуть Россию

с Англией. Еще один участник Тройственного союза — Италия, намереваясь пожить за счет турецких владений, поддерживала решительный курс Англии.

В начале ближневосточного кризиса российская и французская дипломатия общими усилиями парализовали намерение Англии единолично вмешаться в расследование кровавых событий в Сасуне. Форин-офис лелеял надежду разъединить союзниц, предложив Петербургу вести русские войска на территорию Западной («турецкой») Армении. За это Россия должна была бы отказаться от противодействия английской политике в Египте и побудить к тому же Францию²⁹. Рассчитывать на успех этого замысла не приходилось, поскольку российское правительство выступало против расчленения Османской империи и было заинтересовано в использовании Суэцкого канала для сообщения с Дальним Востоком.

Весной 1895 года послы Англии, России и Франции в Стамбуле вручили Абдул-Хамиду II свой проект реформ в армянских вилайетах. Порта затянула ответ чуть ли не на три месяца и в конечном счете фактически отклонила предложения трех держав. После этого Англия провозгласила необходимость перехода к принудительным мерам. Поскольку партнеры по подготовке проекта реформ ее в этом не поддержали, Лондон предпринял попытку договориться о разделе Турции сначала с Германией, а затем и с Францией, но успеха не добился. Разногласия держав позволили султанскому режиму не только продолжать саботировать дело реформ, но и осуществить новую серию армянских погромов, в том числе в самом Стамбуле.

Тогда министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховский предложил державам — участницам Берлинского трактата для «прекращения беспорядков» ввести в проливы по несколько военных судов. В Петербурге прикинули, что в таком случае соединенная европейская эскадра будет сильнее всего Черноморского флота России и возникнет опасность международного контроля над проливами. Поэтому Россия отклонила проект Вены, указав, что он не обеспечивает порядка «в провинциях, где главным образом происходило избиение христианского населения». Российская дипломатия предложила, со своей стороны, направить в распоряжение посольств великих держав в Стамбуле вторые стационары*, экипажи которых могли бы составить силу, способную предотвратить новые погромы и защитить жизнь и имущество европейских подданных. Эта инициатива получила поддержку других держав, и Порта после некоторого сопротивления согласилась на пропуск дополнительных судов через проливы³⁰.

* Стационары — военные суда европейских великих держав, постоянно находившиеся по договоренности с Портой на рейде турецкой столицы.

В конце 1895 года Лобанов запросил Париж, какова будет реакция Франции, если Англия при возможной поддержке со стороны Италии и Австро-Венгрии попытается форсировать проливы, чтобы вызвать раздел Османской империи и, в частности, окончательно завладеть Египтом. Объяснения велись на уровне министров иностранных дел при посредстве посла Монтебелло. Были затронуты различные аспекты сотрудничества, включая важнейшую тему о применимости союзных обязательств. При этом выяснилось, что России гарантирована дипломатическая помощь Франции. В случае, однако, если дело дойдет до войны, в ходе которой неизбежно встанут вопросы европейского равновесия, в Петербурге должны были усвоить: «Только великий национальный интерес, такой, как новое урегулирование вопроса, который с 1870 г. глубоко разделяет Германию и Францию, будет достаточно весомым, чтобы оправдать в глазах французского народа применение обязательств, предусматривающих военные действия, в которые две державы могут быть втянуты»³¹.

Избиения армян не прекращались и в 1896 году. Державы, не доверяя друг другу, послали на Ближний Восток свои эскадры. Английские корабли крейсировали у входа в Дарданеллы, австрийские — у Салоник, французские — у Бейрута. Российский Черноморский флот получил приказ быть готовым идти к Босфору по первому сигналу. Словом, каждая из соперниц сосредоточила силы в местах, которые были «облюбованы в качестве добычи на случай распада Турции»³².

Проследить линию российской дипломатии позволяют переговоры, которые вели ее политические деятели в ходе заграничной поездки Николая II. В Вене Лобанов и Голуховский сошлись на необходимости сохранения целостности Османской империи и поддержания статус-кво в Болгарии и Греции. Русский министр подчеркнул, как важно для его страны сохранение нейтрализации Суэцкого канала. Он решительно отклонил идею Голуховского о превращении заседаний послов в Стамбуле в постоянно действующую конференцию, усмотрев в этом опасность фактической опеки над Портой и постепенной замены власти турецкого правительства властью послов³³.

В Вене Лобанов, подготавливая почву для предстоявших объяснений с германскими политиками, имел беседу также с послом кайзера Ф. Эйленбургом. Министр упирал на недопустимость как для России, так и для Германии сохранения Суэцкого канала в руках Англии. Эйленбург, в свою очередь, постарался прощупать отношение России к будущему проливам. К его удивлению, Лобанов не настаивал на исключительных правах его страны, а предложил подумать о компромиссном варианте («Почему бы не установить, что в мирное время проход будет для всех, а во время войны — закрыт?»³⁴).

Зондаж Эйленбурга был, конечно, не случайным. Руководители германской внешней политики хотели поощрить Россию к силовому решению вопроса о проливах, которое столкнуло бы ее с Англией, а возможно, и с Францией. Но их ожидало разочарование. Во время пребывания в Германии царь и Шишкин вообще избегали вопроса о проливах. Участники переговоров сошлись на следующей общей платформе: 1) безусловное сохранение договорного статус-кво на Ближнем Востоке; 2) поддержание авторитета султана; 3) оказание на него в случае необходимости сильного дипломатического давления; 4) решительное отклонение всяких инициатив, ведущих к разделу Османской империи и постановке Восточного вопроса во всем его объеме³⁵.

Малорезультативными оказались переговоры в Англии, которые с русской стороны в основном легли на плечи молодого царя. Опытный ловкий премьер и министр иностранных дел Солсбери, старался склонить Николая II к политике решительных совместных акций держав вплоть до низложения султана. Британский государственный деятель призывал не бояться исчезновения Османской империи, раздел которой позволил бы удовлетворить все державы. В этом случае, как он подчеркивал, Англия, получив желаемые компенсации, не стала бы выступать против претензий России на проливы.

Позиция Николая II на переговорах не отличалась ни четкостью, ни последовательностью. Помня советы Лобанова, он объявил себя сторонником статус-кво в Турции, но затем пошел на попятный, пояснив, что имеет в виду только территориальный статус-кво. Царь согласился было с возможностью насильственного смещения Абдул-Хамида, но через день, видимо по совету посла Е.Е. Стааля, взял свое согласие назад. Он проявил интерес к выдвинутой Солсбери проблеме проливов, выступив за переход их в будущем под русский контроль без аннексии какой-либо части турецкой территории. За поддержку Англии в решении этой задачи Николай II готов был не скупиться на компенсации, исключая, однако, Египет, где были сильны интересы Франции. В итоге царь согласился с английским предложением поручить послам держав в Турции разработать проект реформ и добиваться их осуществления. Но и этот куцый результат был вскоре дезавуирован петербургской дипломатией через Стааля³⁶.

При обсуждении ближневосточного вопроса с французскими государственными деятелями Шишкин и Николай II допустили серьезный просчет, согласившись с предложением, которое шло вразрез с исходной позицией России. Министр иностранных дел Аното уговорил их, что лучшим инструментом проведения реформ в Турции может стать Комиссия оттоманского долга, а введение в ее состав русского делегата позволит двум державам успешно противостоять политике Англии. На деле

французский проект вел в завуалированном виде к созданию того самого кондоминиума держав в Турции, которого Россия стремилась избежать, да еще в условиях, когда наибольшим весом располагали бы самые сильные в финансовом отношении державы. Торопясь закрепить достигнутый результат, Аното предложил направить одинаковые указания о сотрудничестве представителям России и Франции за границей и специальные идентичные инструкции о политике в Турции их послам в Стамбуле. Эта инициатива также получила поддержку и даже была по горячим следам реализована.

Далее, однако, движение застопорилось. Привезенные из Парижа инструкции встретили в Петербурге возражения как в дипломатическом ведомстве (Ламздорф), так и со стороны министра финансов Витте. Резко выступил против них и приехавший в то время в Петербург посол в Турции А.И. Нелидов. В результате Николай II и в вопросе о парижских решениях пошел на попятный³⁷.

Проблема проливов. Между тем Англия предложила державам поручить их послам в Стамбуле выработать проект реформ, причем не только для армянских вилайетов, но и для Османской империи в целом, и побудить султана принять его, даже с использованием, если потребуется, мер принуждения. Сил для организации военно-морской демонстрации у Англии и Италии было в Восточном Средиземноморье более чем достаточно. Французская дипломатия предложила Петербургу рассмотреть вопрос об участии в мерах принуждения, договорившись с другими державами о посылке равного и строго ограниченного числа кораблей. Однако даже такая европейская эскадра плюс стационары в Стамбуле представляли бы силу, если не превосходящую, то равную той, которой располагала на Черном море Россия. Царское правительство скрепя сердце соглашалось на сосредоточение ограниченных европейских сил поблизости от проливов, но одновременно предупредило державы, что вход столь значительного числа иностранных военных судов в Дарданеллы побудил бы Россию озаботиться материальным залогом, обеспечивающим ее безопасность на Черном море. Речь шла о дефанте на Верхнем Босфоре³⁸.

Этот вопрос серьезно рассматривался царским правительством. 18 ноября Нелидов подал монарху записку, в которой указывал на опасность утверждения в Турции иноземного влияния и перехода контроля над проливами в более сильные руки. Он рекомендовал парировать эту угрозу, внезапно высадив десант на обоих берегах Босфора и закупорив тем самым вход в Черное море³⁹. Витте, со своей стороны, представил записку, где советовал не прибегать в отношении Турции ни к каким мерам, связанным с применением силы, и действовать по возможности в согласии с континентальными державами Европы⁴⁰. Царь, склонявший-

ся к точке зрения Нелидова, вынес его записку на рассмотрение Особого совещания под своим председательством.

На совещании посла энергично поддержали Ванновский и Обручев. Управляющий МИД Шишкин отмалчивался или отделялся незначащими фразами. Управляющий Морским министерством П.П. Тыртов констатировал серьезные транспортные трудности, ставящие под вопрос успех десантной операции, но прямо отвергнуть проект не рискнул. Зато Витте возражал «весьма настоятельно и резко». Главный его аргумент состоял в том, что затея с десантом «приведет в конце концов к европейской войне», которая сведет на нет достижения предшествующего царствования. Совещание рекомендовало продолжать совместно с другими державами поиски средств для восстановления порядка и поддержания целостности Османской империи. Эти средства не должны были, однако, вести к замене турецких правительственных учреждений европейскими и установлению международного контроля над проливами. В случае же необходимости военно-морской демонстрации предполагалось обусловить согласие России на появление международной эскадры в Дарданеллах занятием ею Верхнего Босфора. Та же мера намечалась и в случае торжества анархии в турецкой столице и появления там иностранных военных судов для защиты европейских подданных и христианского населения. Царь одобрил эти рекомендации⁴¹.

Принятое решение следует, по-видимому, рассматривать не как торжество точки зрения Нелидова, а как известный компромисс, шедший в русле предыдущей политики правительства и не выходящий за рамки оборонительных действий. Тем не менее он содержал в себе элементы проблематичности и серьезного риска.

Однако до осуществления предполагаемых мер дело не дошло. Европейская эскадра не вошла в проливы. Начало практической подготовки эвентуальной операции на Босфоре выявило крайнюю проблематичность успеха в случае весьма вероятного противодействия Англии. Наконец, результаты зондажа, предпринятого в начале 1897 года Муравьевым в Париже и Берлине, оказались малообнадешивающими. Аното разъяснил русскому министру, что в случае собственных предприятий России в проливах она может рассчитывать лишь на дипломатическую поддержку Франции. Положение союзников уравнивается лишь в том случае, если одновременно со Стамбулом встанет вопрос о Страсбурге, то есть при общеевропейской войне. Вильгельм II, правда, обещал Муравьеву, что, если Россия обратит все свои силы на восток, Германия не допустит, чтобы кто-либо в Европе начал активные действия. Но большой веры этим личным заверениям не было, тем более что они отдавали провокацией, а на Вильгельмштрассе не скрывали намерения «учитывать» интересы Австро-Венгрии⁴².

Послы держав в Стамбуле выработали проект реформ, но он даже не был вручен султану. Внимание Европы отвлекли события на острове Крит и их драматические последствия. Армянский вопрос так и не получил сколько-нибудь удовлетворительного решения.

Россия и критский вопрос. Вслед за армянскими вилайетами волна возмущения турецким гнетом охватила европейские христианские провинции Турции. Особенно бурный характер приняло движение на Крите, где преобразования, предусмотренные Берлинским трактатом 1878 года, саботировались османскими властями. Уже в 1896 году движение протеста стало перерастать в вооруженную борьбу, на которую султан ответил репрессиями. Инсургенты обратились за помощью к родственной Греции и получили от нее реальную поддержку в виде оружия и волонтеров. Европейские державы, включая Россию, стремились избежать углубления конфликта и играть роль посредника между критянами и Стамбулом. Первым они рекомендовали удовлетвориться соглашением, которое будет выработано послами держав совместно с Портой, султану же советовали скорее осуществить реформы. В критские воды были направлены для наблюдения военные суда Англии, России, Франции и Австро-Венгрии⁴³.

Порта, на словах соглашаясь следовать советам держав, на практике стремилась затянуть преобразования и ограничиться полумерами. Это привело в январе 1897 года к восстанию и вооруженной борьбе критян с турецкими войсками в главном городе острова — Кони. Инсургенты объявили о низложении султана и присоединении Крита к Греции. Греческое правительство, ободряемое национальным подъемом в стране, направило в критские воды военные суда и высадило десант в помощь повстанцам. Европейские державы не хотели, однако, допустить успеха «мятежа», который мог послужить заразительным примером для населения других христианских областей Турции. Особенно рьяно выступила в защиту «верховных прав» султана Германия, рассчитывавшая укрепить свое влияние в Стамбуле: она призвала к коллективным санкциям против Греции. Большинство держав все же склонилось к предлагаемому Россией компромиссному решению: добиваться предоставления Криту автономии в рамках Османской империи, одновременно побудив Грецию прекратить «вмешательство». По инициативе российской дипломатии 21 января (2 февраля) 1897 года Турции и Греции были вручены тождественные ноты держав такого содержания. В случае отказа предполагалось прибегнуть к мерам принуждения⁴⁴.

Турция формально согласилась принять «совет» держав, Греция же продолжала настаивать на присоединении Крита, если на то будет выявленная плебисцитом воля его населения. Тогда державы договорились о морской блокаде острова. Северное его побережье занял междуна-

родный десант. Эти меры не остановили противостоящие стороны. В апреле вспыхнула Греко-турецкая война.

Вооруженный конфликт на Ближнем Востоке таил серьезную опасность. Решительная победа одной из сторон могла нарушить баланс сил в регионе. Не исключено было вмешательство как отдельных великих держав, так и малых балканских государств. Наконец, в Стамбуле возрастала угроза резни греков и армян. В Петербурге считали поэтому желательными локализацию и скорейшее прекращение войны. При этом стремились к сохранению европейского «концерта», но, сознавая его непрочность, добивались взаимодействия с Францией и заинтересованной в поддержании статус-кво на Балканах Австро-Венгрией. Исполдволь готовились и к тому, чтобы в случае расширения масштабов конфликта заручиться материальными гарантиями охраны российских интересов в проливах.

Не без влияния России, Франции и Австро-Венгрии Сербия, Болгария и Румыния заявили о своем нейтралитете в начавшейся войне. Как только первые сражения выявили военную слабость Греции, правительства России, Франции и Англии предложили воюющим сторонам свое посредничество в заключении перемирия и урегулировании критского вопроса. Султан требовал отказа Греции от претензий на Крит, передачи ему Фессалии и уплаты большой контрибуции. Понадобилось личное обращение Николая II к Абдул-Хамиду, чтобы последний умерил свои претензии. В мае 1897 года последовало заключение перемирия, а в сентябре — прелиминарный мир на основах довоенного статус-кво с незначительным исправлением границы в Фессалии и выплатой Турции умеренного вознаграждения⁴⁵.

В ходе войны Крит попал под контроль шести европейских держав. Греческие войска покинули остров. Основы его будущего статуса были по предложению России разработаны послами держав в Стамбуле. По условиям мира Порты признала административную автономию Крита при гарантии жизни и имущества мусульман и сохранении на острове турецкого флага. Длительные споры вызвала кандидатура христианского генерал-губернатора (верховного комиссара) Крита. В конечном счете им стал сын греческого короля принц Георг, получивший мандат от России, Франции, Англии и Италии. Такое решение соответствовало видам Петербурга. Германия и Австро-Венгрия выступили против него, отозвали с острова свои контингенты и вывели военные корабли из критских вод⁴⁶.

События на Крите и греко-турецкая война знаменовали собой заключительную фазу ближневосточного кризиса 90-х годов. В ходе него России удалось предотвратить нежелательные радикальные перемены в регионе, несвоевременный раздел Османской империи в условиях, ког-

да все больше внимания и сил требовали дальневосточные дела. Российская дипломатия сумела не допустить изолированных действий Англии, заменив их совместными акциями «концерта» держав. Она не пошла также на поводу у Германии, стремившейся спровоцировать русско-английский, а при удаче — и русско-французский конфликт. Опорой в проведении этой линии России послужил союз с Францией. Вместе с тем разногласия мешали партнерам эффективно взаимодействовать в таких важных вопросах, как судьба черноморских проливов или финансовый контроль держав над Турцией. Двуличная политика Германии приобретала в ходе кризиса все более явный протурецкий крен, позволив ей, к неудовольствию России, усилить свои позиции в Стамбуле. Вместе с тем обозначилась возможность ограниченного взаимодействия на Балканах с Австро-Венгрией.

Соглашение с Австро-Венгрией. Еще в 1896 году, во время посещения Вены царем и Лобановым-Ростовским, министры иностранных дел двух стран договорились о поддержании постоянных контактов и признали своей общей целью сохранение существующего порядка вещей на Балканском полуострове. Лобанов считал необходимым «поставить Балканы под стеклянный колпак», пока Россия не разделается «с другими более спешными делами» (имелся в виду Дальний Восток)⁴⁷. В дальнейшем потребность развязать себе руки с целью активизации усилий на дальневосточном направлении еще более возросла, а перипетии кризиса подтвердили наличие почвы для согласованных действий двух держав. Австро-Венгрию побуждали к временному отказу от активной экспансии как внутренний кризис на национальной почве, так и неудача попыток реанимировать Средиземноморскую антанту с Англией и Италией и получить обязательство Германии оказать вооруженную поддержку в случае конфликта с Россией из-за балканских дел. Инициатива сближения исходила от Вены. В начале 1897 года Голуховский через уезжавшего советника российского посольства А.К. Бенкендорфа передал Муравьеву, что придает большое значение сотрудничеству с Россией. Преемник Лобанова не преминул откликнуться, и переговоры завязались⁴⁸. Германия, которая была в курсе установившихся контактов, проявила заинтересованность в австро-русском соглашении, стремясь скорее отвлечь внимание России на Дальний Восток. Франция не имела формальных оснований для возражений.

В апреле 1897 года во время визита императора Франца-Иосифа в Петербург Муравьев и Голуховский провели обстоятельные переговоры и достигли принципиального соглашения, тогда же одобренного монархами. Немного позднее оно было оформлено в виде обмена письмами двух министров иностранных дел. Существо соглашения состояло, как отмечалось, в обязательстве участников поддерживать статус-

кво на Балканах и в отказе их от территориальных притязаний на полуострове. Стороны договорились также содействовать поддержанию, укреплению и мирному развитию малых Балканских государств. Подтверждался санкционированный международными трактатами принцип закрытия Босфора и Дарданелл для военных судов всех стран. Предусматривалось, что в случае установления нового порядка вещей на Балканском полуострове (читай: краха Османской империи) Россия и Австро-Венгрия должны будут заключить особое соглашение. Эти договоренности имели важное значение: они обеспечили мирное развитие русско-австрийских отношений и ограниченное взаимодействие двух стран на ближайшее десятилетие.

Вместе с тем уже в ходе переговоров проявились довольно существенные разногласия, нашедшие затем отражение в письмах министров. Голуховский предложил констатировать, что вопрос о Константинополе и проливах имеет общеевропейский характер и не должен являться предметом отдельного соглашения между Австро-Венгрией и Россией. Муравьев не разделял этого мнения. Голуховский хотел подтвердить право своей страны заменить оккупацию Боснии и Герцеговины аннексией и присоединить Новобазарский санджак, ставил вопрос об образовании независимого княжества Албании*, предлагал в случае необходимости разделить остальную территорию Балкан между малыми государствами, базируясь на принципе «равновесия сил»**. Муравьев не принял этих предложений, сославшись на их несвоевременность, и дал понять, что в случае реализации австрийских притязаний Россия потребовала бы компенсаций или обсуждения проблемы державами — участницами Берлинского трактата⁴⁹. Отмеченные противоречия неминуемо должны были вскрыться, коль скоро политика поддержания статус-кво оказалась бы неэффективной или перестала удовлетворять одну из сторон.

3. Первые войны за передел мира. Гаагская конференция

В соглашении 1897 года с Австро-Венгрией, пожалуй, наиболее ярко проявилось стремление российского правительства заморозить ближневосточный вопрос до лучших времен. Благоприятнее складывалась обстановка на Тихом океане, куда все более осознанно перемещался центр внимания Петербурга. В конце 1897 года, когда русская эскадра вошла в Порт-Артур, Муравьев в инструкции новому послу в Турции А.И. Зиновьеву писал: «В настоящее время преимущественно внимание наше

* Албания по замыслу Вены должна была преградить Сербии выход на Адриатику.

** Австро-Венгрия стремилась избежать создания там большого славянского государства, могущего стать оплотом российского влияния и ее соперником.

отвлечено на Дальний Восток, где самой силой вещей на первый план выдвигаются жизненно важные для России вопросы, для разрешения которых необходимо располагать полной свободой действий...». Он пояснил далее, что речь не идет, конечно, об отказе от «великой миссии» России на Ближнем Востоке и, в частности, в проливах, но ее выполнение «должно быть отложено до той минуты, когда Россия в состоянии будет сосредоточить на этом вопросе все свои силы»⁵⁰.

Россия и Испано-американская и Англо-бурская войны. Политика утверждения на Тихом океане оказала самое серьезное влияние на позицию России в ходе первых войн за передел мира. Когда весной 1898 года вспыхнула Испано-американская война, царское правительство заняло позицию нейтралитета не без оттенка благожелательности к Соединенным Штатам. Такая линия соответствовала традиции дружественных русско-американских отношений, но объяснялась, конечно, не только и не столько памятью прошлого. На Дворцовой площади опасались проявившейся тенденции к англо-американскому сближению и считали предпочтительным не портить отношений с заокеанской республикой по вопросам, не задевавшим непосредственно русских интересов. Социальные и политические симпатии к монархической Испании отступали перед этими соображениями на задний план.

Еще в декабре 1897 года королевский министр иностранных дел Гуллон обратился к царскому послу Д.Е. Шевичу с просьбой, чтобы российское правительство «в случае крайней надобности» воздействовало на Вашингтон, побудив его не усложнять положения «какими-нибудь радикальными и агрессивными решениями по отношению к Испании». В ответ русский дипломат сразу предупредил, что при всей симпатии Петербурга к Испании и желании помочь ей Россия едва ли сочтет возможным вмешаться в конфликт, не касающийся ее непосредственно. Речь могла бы идти лишь об участии в обращении к Соединенным Штатам с дружеским советом от имени всех великих держав. Из Петербурга Испании посоветовали передать спорный вопрос на решение арбитражного суда, от чего королевское правительство отказалось⁵¹.

В марте 1898 года, когда Соединенные Штаты начали предъявлять Испании ультиматумы, мадридское правительство обратилось к европейским державам с просьбой об оказании «добрых услуг». Королева-регентша Мария Христина лично просила Шевича о помощи России в организации коллективной акции держав⁵². Российское правительство не было заинтересовано в усилении Соединенных Штатов на Тихом океане. Но как раз в это время оно само закреплялось на Ляодунском полуострове и искало пути для сглаживания отношений с дальневосточными соперниками. Поэтому оно отказалось брать на себя инициативу, согласившись лишь на участие в общем демарше держав в Вашингтоне.

Такой беззубый демарш был предпринят и фактически сразу же отклонен президентом Мак-Кинли.

В последние дни перед началом войны возник вопрос о новом обращении держав к Соединенным Штатам. На этот раз русская дипломатия уклонилась от участия, усмотрев в проекте намерение Англии «вбить клин между Соединенными Штатами и монархическими державами Европы (Германией и Россией)». Муравьев считал также, что реальное вмешательство Европы в дела Соединенных Штатов может иметь следствием ответное вмешательство Америки в европейские дела, которого нельзя допустить. Поэтому лучше использовать «доктрину Монро» в своих интересах. Германия, Франция и Италия также отказались от участия в новом демарше, и проект не был осуществлен⁵³.

В ходе войны испанская дипломатия предпринимала безуспешные попытки добиться помощи европейских держав. Они были поглощены взаимным соперничеством в других регионах и предпочитали соблюдать нейтралитет. Когда вскоре определился военный успех Соединенных Штатов и возник вопрос о мирном посредничестве, совместными усилиями российской и французской дипломатии удалось отклонить невыгодные им английские добрые услуги и в качестве посредника испанское правительство избрало Францию. Хотя последняя, в отличие от Англии, не претендовала на испанское колониальное «наследство», ей не удалось сколько-нибудь серьезно умерить аппетиты победителя.

25 октября (6 ноября) 1898 года испанское правительство обратилось к России с просьбой организовать коллективное выступление держав против требования Америки об уступке ей Филиппин. Столь значительное усиление позиций Соединенных Штатов на Тихом океане шло вразрез с интересами Петербурга. Но там рассудили, что объединить державы вряд ли удастся, а присоединение Филиппин к Америке все же лучше, чем к главному сопернику России — Англии. Николай II наложил «глубокомысленную» резолюцию: «России филиппинский вопрос, к счастью, не касается». Просьба Мадрида осталась без ответа⁵⁴. Кстати, по тем же соображениям царское правительство не протестовало в августе 1898 года против аннексии Соединенными Штатами Гаваев.

Ценой отказа от поддержки Испании и согласия на усиление американских позиций на Тихом океане России удалось нейтрализовать возможное противодействие Соединенных Штатов ее утверждению на Ляодуне и сохранить внешне хорошие отношения с Вашингтоном. Но англо-американское сближение на Дальнем Востоке уже делало первые реальные шаги и таило в себе угрозу российской экспансии в регионе. Соединенные Штаты, утвердившись на Филиппинах, в сентябре 1899 года выступили с доктриной «открытых дверей» в Китае, недвусмысленно направленной против практиковавшейся Россией и не ею од-

ной, политики сфер влияния. Не желая портить отношений с Америкой и остаться в изоляции, Россия, следуя примеру некоторых других держав, не отвергла американской инициативы прямо, а сопровождала свое признание существенными оговорками в отношении применимости «доктрины открытых дверей» в Маньчжурии⁵⁵.

Между тем осенью 1899 года обстановка для развития экспансии изменилась в благоприятную для российского правительства сторону. Его главный соперник в Азии — Великобритания — оказался на длительное время скован тяжелый колониальной войной против буров. Вскоре после ее начала Николай II в личном письме к сестре признавался, как ему «приятно сознание», что только в его руках «находится средство вконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое — отдать приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все. Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для нее месте»⁵⁶. Эта бравада (царь ниже сам признавал, что «время еще не пришло» и «мы недостаточно готовы к серьезным действиям») тем не менее весьма показательна как стремление соперников Англии воспользоваться ее трудным положением в своих целях.

Царское правительство приступило к серьезному обсуждению этого вопроса, а затем и к некоторым практическим шагам. Инициатива обсуждения принадлежала Муравьеву. В конце января 1900 года он представил Николаю II обширную записку, в которой задавался вопросом, не следует ли воспользоваться благоприятными обстоятельствами, когда главный соперник России поглощен войной с бурами, «в видах достижения с возможно меньшею затратою сил одной из стоящих на очереди политических задач»? Сам министр приходил к заключению, что в сложившейся ситуации нет необходимости в каких-либо неотложных чрезвычайных мерах «ни в виде приобретения путем соглашения какой-либо стоянки для нашего флота, ни при посредстве военного занятия какой бы то ни было территории или стратегической позиции». Тем не менее он рекомендовал принять меры по укреплению позиций России на широком фронте от Босфора до Квантунского полуострова. Следовало продолжить начатое в 1899 году наращивание русских вооруженных сил в Туркестане и Закаспийской области, Приамурском военном округе и на Квантунском полуострове, усилить Тихоокеанскую эскадру и завершить железную дорогу Оренбург — Ташкент. По мнению Муравьева, это позволило бы России добиться существенных уступок:

а) в Турции — побудить султана прекратить работы по укреплению Босфора и отграничить определенный район по южному берегу Черного моря, где ни одной иностранной державе не будут предоставляться железнодорожные концессии;

б) в Афганистане — заявить сент-джеймскому кабинету о решении восстановить прямые, помимо Англии, сношения с Кабулом, а впоследствии при благоприятной обстановке учредить в афганской столице дипломатическое представительство;

в) в Персии — принять целый ряд мер к расширению экономических позиций России, а заодно предупредить шаха, что если Англия займет какой-либо порт или территорию у Персидского залива, то Россия примет ответные меры;

г) на Дальнем Востоке — прочно укрепиться в Порт-Артуре, связав его железнодорожной веткой с Россией, и, воздерживаясь пока от всяких решительных действий, готовиться ко времени, когда можно будет «твердо ставить свою волю» и поддерживать ее при необходимости силой⁵⁷.

Царь одобрил записку МИД и предложение Муравьева сообщить ее другим заинтересованным ведомствам, Обсуждение происходило, таким образом, не на Особом совещании, а в форме обмена письмами ведущих сановников. «Силовые» рекомендации Муравьева встретили в целом благоприятный отклик военного министра Куропаткина и управляющего Морским министерством Тыртова. Куропаткина больше всего интересовал ближневосточный аспект — он поддержал идею добиваться прекращения фортификации Босфора и считал особо важным заручиться благожелательным отношением к русским планам со стороны Германии. Тыртову, напротив, идея обязать Турцию не укреплять Босфор показалась странной, так как прямо выдавала будущие намерения России. Он соглашался с необходимостью выяснения проблемы, упиравшейся в недостаток средств на подготовительные мероприятия. Со своей стороны, глава морского ведомства выдвинул пожелание о приобретении морской базы на юге Кореи⁵⁸.

Довольно энергично возражал против дополнительных вооружений только Витте, исходивший как из фискальных соображений, так и из опасения втянуться в бесперспективное соревнование с морскими державами. Министр финансов рекомендовал ограничиться дипломатическими мерами. Особое сомнение Витте вызвало выдвижение вопроса о Босфоре. «Мне представляется, — писал министр, — что эта цель может быть достигнута или ценой самой решительной европейской войны, или же для закрепления достигнутых результатов придется пролить много крови и, быть может, пойти на серьезные уступки в других местах»⁵⁹.

В МИД результаты обсуждения были суммированы в особой записке, представленной царю в конце февраля 1900 года. Николай II, одобливший ранее предложения Муравьева, не высказал возражений. Усиление русских вооруженных сил в Средней Азии и на Дальнем Вос-

токе продолжалось, хотя масштабы его ограничивались финансовыми возможностями. Удалось осуществить ряд предложений МИД: получить обязательство от Турции по вопросу о железнодорожном строительстве в Южном Причерноморье, отказаться от обещания не вступать в прямые отношения с Афганистаном, расширить экономические позиции в Персии. В Маньчжурии к середине 1900 года было уложено около 1300 верст железнодорожных путей, то есть больше половины проектируемой протяженности КВЖД и ЮМЖД⁶⁰.

Россия, как и некоторые другие державы, извлекла определенные выгоды из занятости Англии войной в Африке, но этим дело и ограничилось. Петербург не поддавался соблазну вмешаться в конфликт, не чуждому мечтам царя и подогреваемому Германией. Муравьев сумел убедить Николая II, что «мысль об участии России в каком бы то ни было союзе или коалиции держав против Англии должна быть совершенно исключена». Оставалась еще возможность досадить Лондону предложением мирного посредничества континентальных держав. Инициативу такого шага германская и российская дипломатия тщетно пыталась возложить друг на друга. В конечном счете и дипломатическое вмешательство не состоялось⁶¹.

Инициатор Гаагской мирной конференции. Дальневосточная ориентация политики сыграла свою роль и в такой большой международной акции царского правительства, как созыв 1-й Гаагской мирной конференции. Замысел этой конференции родился в феврале–марте 1898 года, как раз тогда, когда Россия утверждалась на Ляодунском полуострове. Первый толчок, исходивший от Куропаткина, имел чисто военное (точнее, военно-финансовое) обоснование и объяснялся тем, что Россия с трудом поспевала в гонке вооружений за более развитыми и богатыми державами. Военный министр не упускал, впрочем, из виду также возможности для правительства и лично царя заработать на этой инициативе политический капитал⁶². Здесь он удачно попал в цель, так как у Николая II «великие планы» экспансии причудливо сочетались со стремлением войти в историю в образе миротворца, подобно Александру III.

Царь, поддержав Куропаткина, направил его к Муравьеву. Министр иностранных дел солидаризировался с замыслом, сразу указав при этом на главный с точки зрения дипломатического ведомства аргумент: «Теперь, когда мы делаем решительные шаги на Дальнем Востоке, весьма будет важно дать фактическое доказательство нашего миролюбия Европе»⁶³. Та же мысль прозвучала и во всеподданнейшей записке МИД по поводу конференции от 24 марта (5 апреля) 1898 года. Среди сторонников конференции оказался Витте. Министр финансов опасался, с одной стороны, ослабления стонущей под бременем военных расходов континентальной Европы по сравнению с морскими державами, а с дру-

гой — успеха антимилитаристской пропаганды партии II Интернационала⁶⁴. Он исходил также из своего концептуального взгляда о выгодах мира для быстрого развития России.

Помимо проблемы уменьшения экономических тягот от гонки вооружений российская дипломатия предполагала вынести на обсуждение конференции вопросы о способах мирного разрешения международных конфликтов и о правовом регулировании ведения войны. С развитием экономических, политических и культурных связей государств, созданием единого мирового рынка и прогрессом цивилизации возникала все большая потребность в правовом регулировании международных отношений. Увеличивался вес в общественном мнении пацифистских тенденций. Одновременно действовала и преобладала тенденция соперничества, разобщения государств и народов, находившая идеологическое обоснование в воинствующем национализме, культе силы, теории о делении наций на «цивилизованные» и «нецивилизованные». Все же делались робкие, непоследовательные шаги на пути к новым правилам международного общения. Так, в 1864 году была заключена Женевская международная конвенция о раненых и больных. Возникают такие организации, как неправительственный Институт международного права и Межпарламентский союз. В 1874 году в Бельгии состоялась созванная по инициативе России международная конференция о законах и правилах сухопутной войны, закончившаяся, правда, неудачей. Новый почин российской дипломатии шел, таким образом, в русле отмеченного прогрессивного направления и продолжал традицию, заложенную ранее.

Проблема конференции обсуждалась по указанию царя в середине июня 1898 года на совещании в МИД с участием заинтересованных министров. Муравьев констатировал положительное отношение к замыслу различных ведомств, зачитал проект обращения к другим странам и поставил вопрос о выборе благоприятного момента для такого выступления⁶⁵.

В дальнейшем проект циркулярной ноты к зарубежным государствам дорабатывался в МИД и в августе был представлен на одобрение Николаю II. Во всеподданнейшей записке Муравьев вновь указывал на необходимость «иметь в виду всю государственную важность предстоящих нам на Дальнем Востоке задач, осуществление коих может быть достигнуто лишь при условии сохранения нормальных отношений со всеми соперничающими в Китае державами до той поры, когда Россия станет твердой ногой на берегах Тихого океана»⁶⁶. Царь утвердил проект, и 12(24) августа 1898 года он был вручен представителям иностранных государств в Петербурге. В этом обращении правительства в общей форме призывались к изысканию «на путях международной дискуссии наиболее действенных средств к тому, чтобы обеспечить всем народам

блага действительного и прочного мира, и прежде всего — положить конец прогрессирующему развитию вооружений»⁶⁷.

Выступление России оказалось неожиданным и вызвало сложную реакцию. Общественное мнение разных стран с энтузиазмом приветствовало его, но одновременно нередко проявляло недоверие к искренности побуждений царского правительства. Политические деятели других держав искали в инициативе Петербурга своекорыстные мотивы и стремились, не отвергая сразу ставшую популярной идею, оградить собственные интересы. Правительство кайзера Вильгельма увидело в русском предложении стремление затормозить военное развитие Германии. Поэтому намечалось провалить на конференции любые предложения, могущие препятствовать свободе вооружений. Англию больше всего беспокоила перспектива ограничения роста военно-морских сил. Соединенные Штаты ссылались на географическую удаленность от Европы и специфику своей внешнеполитической доктрины, чтобы оправдать стремление не подпасть под общую регламентацию. Франция усмотрела в предложении России чуть ли не угрозу союзным обязательствам. С целью разуверить французских политиков в Париж направились сразу два министра — Муравьев и Куропаткин. Успокоительные разъяснения пришлось давать и некоторым другим державам. В конечном счете все они согласились участвовать в конференции.

Тем временем в Петербурге шла разработка ее программы. Активную роль в этом помимо МИД играли военное, морское и финансовое ведомства. Были намечены две группы вопросов, одна из которых касалась вооружений, а другая — правового регулирования международных споров и ведения войны. Под самый новый год — 30 декабря 1898 года (11 января 1899 г.) — проект программы циркулярно сообщили другим правительствам. После этого задача российской дипломатии состояла в том, чтобы сохранить предложенную повестку дня в неприкосновенности, в чем она и преуспела.

Местом проведения конференции избрали нейтральную Голландию — родину международного права. У России были и некоторые специфические мотивы для такого выбора: монархический режим в Нидерландах, династическое родство двух царствующих домов, положение русского посланника в Гааге К.В. Струве, являвшегося старшиной дипломатического корпуса. Голландия по согласованию с Россией пригласила на конференцию правительства 26 стран, в том числе всех европейских, кроме карликовых государств, важнейших азиатских (Китая, Персии, Турции, Японии, Сиам) и двух американских (США и Мексики).

Российскую делегацию на конференции возглавил опытный дипломат, посол в Лондоне Е.Е. Стааль. Его ближайшим помощником являлся правовед с мировым именем, член Совета МИД Ф.Ф. Мартенс. В делега-

цию входили представители Военного и Морского министерств и финансового ведомства, являвшиеся экспертами в своих областях.

Секретная инструкция делегации от 23 апреля 1899 года формулировала главные задачи конференции следующим образом: «Изыскать путь для облегчения экономического бремени, возлагаемого на государства современными вооружениями; найти средства для возможного предотвращения войны и смягчения бедствий ее в случаях, где бы она оказалась неизбежной...». Отмечалось, что эти задачи, направленные к благу всего мира, вполне совпадают с интересами самой России, а успешное их решение пошло бы ей на пользу более, чем кому бы то ни было. Далее в инструкции говорилось о великом будущем быстро развивавшейся России. «И в то время как другие нации в Европе навсегда замкнуты в свои тесные исторические границы целый новый мир открывается для приложения трудов и гения русского народа (подразумевается, конечно, Азия. — *Авт.*)». Для предстоящих свершений России необходимы материальные средства и прежде всего мир, особенно в Европе. Поэтому всякое сбережение в военном бюджете есть важное приобретение, а каждый год мира — новая победа России (в этих пассажах явно чувствовалось влияние взглядов Витте)⁶⁸. Делегация везла с собой целый ряд практических предложений, наиболее важные из которых вырабатывались в ходе обмена мнениями заинтересованных ведомств.

Конференция открылась 6(18) мая 1899 года — в день рождения Николая II. Работа ее была организована таким образом, что наибольшее влияние на ход обсуждения имели великие державы. Председателем конференции стал первый делегат России Стааль. Главными рабочими органами являлись бюро из первых представителей всех государств-участников, рабочий комитет из первых делегатов великих держав, где и решались важнейшие проблемы, комиссии по вопросу о вооружениях и об употреблении новых средств ведения войны, об арбитраже и по законам и обычаям войны (председатель — Мартенс), а также секретариат.

Русская делегация на конференции имела твердую поддержку со стороны представителей Франции. Из государств, не принадлежавших к великим державам, Стааль мог с уверенностью рассчитывать на шесть европейских стран (Бельгию, Болгарию, Голландию, Данию, Швецию и Швейцарию), а также Сиам. Оппозицию линии России возглавляли Германия и действовавшая в унисон с ней Австро-Венгрия. При таком соотношении сил реализовать русскую программу в полном объеме не представлялось возможным, и российская делегация пошла по пути компромисса, пожертвовав предложениями в области ограничения вооружений ради согласия в международно-правовой сфере.

Уже через месяц после начала конференции стало ясно, что некоторые практические результаты все же будут достигнуты. 8(20) июня

конференция избрала редакционный комитет, на который возлагалась выработка окончательных формулировок согласованных решений. От России в комитет вошел Мартенс. 17(29) июля 1899 года состоялось подписание заключительных актов. В части ограничения вооружений все свелось к торжественной и малосодержательной резолюции, где облегчение военного бремени признавалось весьма желательным, но отодвигалось на будущее. Таким образом, предложения России о неувеличении на определенный срок существующих сухопутных и морских сил и замораживании на тот же срок военных бюджетов оказались нереализованными.

Была заключена конвенция «О мирном разрешении международных споров», рекомендовавшая участникам конфликтов прибегать к арбитражу. В этих целях предусматривалось учреждение в Гааге Постоянной палаты третейского суда. Обращение к арбитражу не носило, однако, обязательного характера. Это соглашение явилось первым робким шагом на пути к цивилизованному улаживанию взрывоопасных ситуаций.

Другая важная конвенция устанавливала законы и обычаи сухопутной войны. В отношении морской войны договорились лишь о применении к ней начал Женевской конвенции 1864 года о раненых и больных (третья конвенция). Кроме того, были приняты три декларации: 1) о воспрещении на пятилетний срок метать снаряды и взрывчатые вещества с воздушных шаров или подобными новыми способами; 2) о неупотреблении снарядов с целью распространения удушающих и вредоносных газов; 3) о неупотреблении разрывных пуль⁶⁹. Эти конвенции и декларации призваны были несколько смягчить ужасы новых войн и ограничить разрушительный характер военных действий. Российская делегация, в отличие от посланцев некоторых других великих держав, подписала все акты конференции без всяких оговорок, после чего они были своевременно ратифицированы в Петербурге.

Положительное значение 1-й Гаагской мирной конференции признавалось ее участниками. Стааль в телеграмме от 14(26) июля 1899 года отмечал общий миролюбивый дух этого форума, свидетельствующий о том, что «начинания России отвечают насущной потребности времени». По его мнению, документы конференции должны были оказать могучее воздействие на упорядочение ведения войны и устранение излишней ее жестокости. Наконец, важнейшим результатом он считал конвенцию о миролюбивых средствах разрешения международных споров⁷⁰. Мартенс в выпущенной вскоре после конференции брошюре писал: «...только те постановления международных конгрессов или конференций, которые имеют общечеловеческое и культурное значение, оказываются жизнеспособными и могут рассчитывать на дальнейшее развитие и применение. Вот почему я позволяю себе думать, что постановления Гаагской

мирной конференции, которые все имеют исключительно культурный характер и значение, будут жить всегда и никогда не будут забыты благодарной памятью народов»⁷¹.

Действительно, начатый в 1899 году в Гааге процесс сыграл свою положительную роль как в мирном урегулировании некоторых международных конфликтов, так и в смягчении ужасов войны, пролагая, пусть еще несмело, путь к новым отношениям между народами. Российское правительство своей инициативой и энергичным участием достигло, казалось, и цели — некоторого смягчения общей напряженности, которое должно было, по его расчетам, сказаться и на политике на Дальнем Востоке.

4. Политика на Среднем Востоке

Персия: новые методы экспансии. В 1895 году Куропаткин, командовавший в то время Туркестанским военным округом, посетил с чрезвычайной миссией Тегеран. Вернувшись в Россию, он представил царю отчет, в котором доказывал необходимость утвердиться на прилегающих к границам России рынках. Генерал отмечал, что торговля с Персией заметно увеличилась за последние 20 лет, но ее баланс — не в пользу России, а на персидском рынке продолжают преобладать англичане. Куропаткин предлагал политику активного экономического проникновения в Персию, включая займы и концессии в качестве важнейших инструментов ее осуществления. Он считал, что нельзя ограничиваться рынками Северной Персии и следует смотреть дальше, нащупывая подходы к центральной и южной частям этой страны⁷².

Отчет Куропаткина — яркое свидетельство того, как в конце XIX века в русских правящих кругах происходила переоценка внешнеполитических методов. Государственные деятели стали понимать, что экономический экспансионизм не уступает привычному военно-дипломатическому, что традиционные соперники с успехом его используют и что, если не поторопиться, можно от них отстать. Основателем новой политики стал, как отмечалось, министр финансов Витте.

Он сознавал слабость русского частного капитала, замкнутость промышленности в национальных границах и ее неспособность конкурировать на мировом рынке без опеки со стороны государства. Но министр финансов предвидел, что рост промышленности рано или поздно сделает Россию конкурентоспособной, а потому уже сейчас, пока не закончен раздел сфер влияния, нужно было закрепить за собой прилегающие к ее границам рынки. Эту задачу следовало взять на себя государству — казне и торгово-финансовым и политическим органам.

Витте, как известно читателю, поставил вопрос о необходимости расширения русско-азиатской торговли уже в 1893 году, сразу же по вступлении в управление Министерством финансов, когда по его инициативе

было создано Особое совещание по торговле с азиатскими государствами. Это совещание признало, в частности, необходимым приобрести Ссудное общество Персии⁷³.

Ссудное общество Персии — частный банк, созданный русским предпринимателем Я.С. Поляковым в 1890 году на основе концессии сроком на 75 лет, дававшей право заниматься ссудными операциями под залог ценных бумаг, векселей и товаров. Поляков планировал привлечь московские торговые фирмы, связанные с персидским рынком. Однако он не сумел этого добиться, а потому не смог и расширить операции своего банка. Между тем Витте пришел к мысли создать в Персии кредитное учреждение на государственные капиталы, чтобы предоставлять постоянно нуждавшемуся в деньгах шаху займы, получая взамен концессии, и контролировать финансовую систему страны. По политическим соображениям такой банк должен был иметь вид частного предприятия. Поэтому русское правительство выкупило у Полякова акции и саму концессию, и с 1894 года Ссудное общество Персии, переименованное в Ссудный банк Персии (с 1902 г. — Учетно-ссудный банк Персии), начало свои операции — «формально как частное учреждение, а в действительности — как филиал русского Государственного банка, который не только оплатил расходы, связанные с покупкой Ссудного банка Персии, но и предоставил его администрации в виде оборотного капитала 375 тыс. руб.»⁷⁴.

Ссудный банк Персии стал главным инструментом политики «капиталистического завоевания» Персии, а Министерство финансов и его агенты — равноправными партнерами МИД в развитии русско-персидских отношений.

Заем 1900 года и англо-русские противоречия в Персии. В конце XIX века Тегеран оказался в долговой зависимости от Лондона. Англичане контролировали выпуск банкнот и чеканку монеты через созданный в 1889 году Шахиншахский банк. В 1892 году в Лондоне был заключен крупный персидский заем, который, однако, не решил финансовых проблем Персии. В поисках выхода из финансового кризиса казначейство страны вновь обратилось к Шахиншахскому банку и получило ссуду под залог доходов таможен побережья Персидского залива. Когда срок ссуды истек, английское правительство потребовало погашения всех долгов, а новый заем было согласно предоставить только на кабальных условиях. Тогда Тегеран обратился за помощью к России.

В 1895–1898 годах Ссудный банк Персии предоставил шахскому казначейству ссуды, которые ушли на частичное погашение английского долга. Одновременно от Тегерана добивались предоставления различных концессий. В 1893 году А.С. Поляков, брат Я.С. Полякова, создав Персидское страховое и транспортное общество, получил концессию

на строительство колесной дороги от Энзелийского залива до Казвина. В 1895 году при поддержке Ссудного банка Персии он расширил эту концессию, получив право продолжить шоссе от Казвина до Тегерана, а также построить дорогу Казвин — Хамадан⁷⁵. Сооружение этих дорог вместе с переоборудованием Энзелийского порта должно было, по мысли русского правительства, способствовать проникновению русских товаров на рынки Северной Персии. Поэтому Министерство финансов поддержало концессионеров средствами государственной казны, купив дополнительные выпуски акций⁷⁶. Кроме того, предоставив Персии ссуду на погашение английского долга, русское правительство получило временный контроль над семью северными персидскими таможенными — ответный шаг на временный контроль англичан над южными таможенными Персии⁷⁷.

Успехи России серьезно тревожили Лондон. Англичане склонялись к мысли договориться с русскими по спорным вопросам. Еще в 1892 году лорд Керзон предложил разделить Персию на сферы влияния по линии Сеистан—Керман—Исфаган—Хамадан—Керманшах. В самом конце XIX века в фокусе переговоров двух держав оказался проект предоставления Персии коллективного займа — или англо-франко-русского, или англо-русского.

Позиция Англии на этих переговорах определялась не столько выгодностью предоставления Персии займов, сколько кризисом политики «блестящей изоляции». Предоставление Персии совместного займа могло стать началом англо-русского сближения.

На позицию России соображения общеевропейской политики влияли в гораздо меньшей степени: русско-французский союз давал Петербургу достаточно прочную опору в Европе. Витте стремился подключиться к важной в политическом отношении операции кредитования шаха и опасался противодействия Лондона. Вот почему на первых порах Петербург не исключал возможности совместного займа.

Проект англо-русско-французского займа обсуждался весной 1899 года российским правительством и получил его одобрение. Была определена и общая сумма займа — не свыше 60 млн франков, хотя И.А. Зиновьев, выступавший в роли главного консультанта по персидским делам, считал ее слишком большой и разорительной для Персии⁷⁸. Шахское правительство в принципе не возражало против коллективного займа. Однако осенью 1899 года переговоры застопорились. Главной причиной стало изменение международной обстановки — Англо-бурская война. Как только она началась, Петербург не только отказался от идеи совместного займа, но и предпринял попытку укрепить свое влияние на Среднем Востоке, используя временное ослабление Англии.

В 1900 году Ссудный банк Персии предоставил шахскому правительству 5-процентный заем в размере 22,5 млн руб. сроком на 75 лет. Обес-

печением займа служили доходы таможен, за исключением таможен южных провинций, причем в случае нарушения платежей по займу банк устанавливал над ними свой контроль. Часть займа должна была пойти на погашение задолженности Шахиншахскому банку. Кроме того, персы обязывались не заключать в течение десяти лет новых долгосрочных займов без согласия России.

Переговоры о займе носили секретный характер, и, когда в Лондоне узнали об их результатах, это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Англичане пытались протестовать, доказывая, что их интересы не ограничиваются побережьем Персидского залива и областью Фарса, и снова предлагали договориться, чтобы избежать соперничества. Однако для Петербурга необходимость в переговорах уже отпала: условия займа были таковы, что разом перечеркивали успехи британской дипломатии за последние десять лет и, превращая Россию в единственного кредитора Персии, создавали прочную основу для укрепления там ее влияния.

Успехи экономической экспансии. Заключение займа 1900 года привело к расширению деятельности Ссудного банка Персии. Он приобрел первенствующее значение в экономической жизни этой страны, открыл новые отделения в Тевризе, Реште, Мешхеде, Исфгане⁷⁹. При его активном участии в Персию стали ввозиться новые капиталы, которые вкладывались в страховые и транспортные компании и особенно в дорожное строительство. Эти капиталы были чисто государственными (из французских займов), что составляло отличительную черту русской экономической экспансии в Персии⁸⁰.

В российском правительстве не существовало единого мнения, куда прежде всего следует вкладывать деньги. Витте, опираясь на свой опыт экономической экспансии на Дальнем Востоке, предложил начать в Персии железнодорожное строительство. В Министерстве финансов был подготовлен проект железнодорожной концессии на строительство дороги от Тегерана до кавказской границы, напомилавший аналогичные документы по созданию КВЖД и южно-маньчжурской ветки⁸¹. Однако Муравьев был решительно против. Министр иностранных дел считал, что нужно придерживаться старой линии на запрещение железнодорожного строительства в Персии. В 1890 году от шаха было получено устное обещание не предоставлять в течение десяти лет никаким иностранцам концессий на постройку железнодорожных путей. Теперь по завершении десятилетнего срока Петербург добился от шахского правительства продления этого обязательства еще на одно десятилетие.

Временно отказавшись от планов железнодорожного строительства, Министерство финансов подготовило проект концессии на сооружение грунтовой дороги от русской границы до Тегерана. В персидскую столицу был отправлен директор Петербургской конторы Государственного

банка П.Л. Барк, который на переговорах с первым министром шаха дал понять, что технические условия сооружения проектируемой дороги будут таковы, что по ней впоследствии можно будет проложить рельсы⁸². Тегеран не отказывался предоставить концессию, однако связывал ее с заключением нового займа. В Петербурге с пониманием отнеслись к просьбе шахского правительства, хотя и выдвинули встречные требования: Ссудный банк Персии предоставлял 10-миллионный заем при условии заключения русско-персидского торгового договора, концессии на прокладку шоссе Джульфа — Тавриз и концессии на сооружение керосинопровода от Каспийского моря до Персидского залива.

Проблем с заключением нового торгового договора не было. Персидское правительство само обратилось к Петербургу с предложением пересмотреть невыгодные для обеих сторон обязательства ст. 3 Особого акта Туркманчайского трактата. К осени 1901 года был выработан текст соглашения. По новому договору были существенно снижены пошлины на те товары, вывоз которых составлял главную часть русского экспорта, и одновременно, чтобы компенсировать потери персидской казны, повышались пошлины на товары, в вывозе которых Россия не была заинтересована. Торговый договор ставил русскую торговлю в Персии в исключительно благоприятные условия и одновременно наносил удар по возможным конкурентам. Неслучайно англичане прилагали всевозможные усилия, чтобы сорвать переговоры, а потом, когда эта попытка не увенчалась успехом, не допустить ратификации договора. Однако их противодействие оказалось тщетным: 27 октября 1901 года договор был подписан, а в декабре 1902 года ратифицирован.

Параллельно с переговорами о торговом договоре шли переговоры о концессии на керосинопровод. Осуществление этого проекта должно было существенно снизить цены на русскую нефть, экспортируемую в Индию, Юго-Восточную Азию и даже на Дальний Восток, что позволило бы бакинским нефтепромышленникам с успехом конкурировать с американскими. В начале 1900-х годов, когда Россия переживала экономический кризис, эта задача представлялась важным государственным делом. Однако Петербург опоздал буквально на несколько месяцев.

В июне 1901 года в Тегеране в обстановке абсолютной секретности австралийский золотопромышленник д'Арси получил концессию на разведку, добычу, транспортировку и продажу нефти в Южной Персии. Позднее выяснилось, что за его спиной стояла английская дипломатическая миссия, а персидский премьер получил огромную взятку. В условия концессии входило обязательство шахского правительства не выдавать никому разрешения на сооружение нефтепроводов на юге Персии, что препятствовало осуществлению планов Петербурга.

Русская дипломатия решила принять вызов, тем более что проект кессинопровода сулил не только коммерческие, но и политические выгоды. Если бы Россия имела в Персидском заливе свои торговые интересы, следующим шагом могло стать укрепление ее политического влияния в регионе. С этой целью были задуманы и некоторые другие акции: организация на государственные субсидии рейсов русских коммерческих судов в Персидский залив (1901–1903 гг.), посещение его русскими военными кораблями «Варяг» (1901 г.) и «Аскольд» (1903 г.). Существовали и более далеко идущие планы, вроде проведения железной дороги к Персидскому заливу и даже устройства там «второго Порт-Артура» — незамерзающей военно-морской базы. Одним словом, у русских политиков были все основания бороться за свой проект.

Петербург категорически заявил, что без этой концессии нового займа не будет. Персидское правительство оказалось в щекотливом положении: деньги были нужны безотлагательно, а английская миссия всячески протестовала против нарушения прав своего подданного. Лишь когда в Петербурге стало известно, что д'Арси сам предлагает шаху деньги, русские финансисты пошли на попятный. Тегеран получил 10-миллионный заем на тех же условиях, что и в 1900 году. За это русское правительство получило концессию на сооружение и эксплуатацию колесной дороги от кавказской границы через Тавриз до Казвина, причем было оговорено, что для нужд дороги будет сооружена телеграфная линия и движение по дороге будет освобождено от персидского таможенного сбора⁸³. Учетно-ссудный банк получил право чеканки монеты, чем ликвидировалась монополия Шахиншахского банка.

Успехи русской экономической экспансии в Персии — займы 1900 и 1902 годов, обеспечившие полный контроль России над персидскими финансами, торговое соглашение 1901 года, благодаря которому Россия в кратчайший срок заняла первое место в персидском товарообороте, выгодные концессии — способствовали укреплению политического влияния России в стране. Как справедливо отметил Б.В. Ананьич, Петербург создал условия для продвижения на юг, что «не могло не отразиться на дипломатической борьбе Англии и России, ибо, с одной стороны, эти преимущества укрепляли уверенность царизма в своих силах и в намерениях никоим образом не соглашаться на раздел Персии на сферы влияния, а с другой — вызвали серьезное беспокойство английской дипломатии и стимулировали ее стремление любыми средствами добиться раздела Персии и остановить экономическое наступление России к Персидскому заливу»⁸⁴.

Англо-русские переговоры 1903 года. В 1903 году русская экономическая экспансия в Персии достигла своего апогея. Учетно-ссудный банк был реорганизован: его капитал существенно увеличивался за счет

казны, что позволило ему значительно расширить свои операции. В итоге он превратился в главного посредника между русскими промышленниками и персидскими купцами.

В декабре 1902 года управляющий Учетно-ссудным банком Э.К. Грубе так сформулировал цель своей финансовой политики: использование задолженности Персии, чтобы безраздельно подчинить ее своему влиянию. Для этого он предлагал: 1) подчинить Монетный двор; 2) получить бессрочную концессию на прокладку железной дороги к югу; 3) получить согласие персидского правительства не приглашать на службу иностранцев без ведома России⁸⁵. Второй пункт вызвал возражения Витте. Он считал, что прокладка железной дороги к Персидскому заливу не отвечает интересам России, так как может иметь обратный эффект — наводнение английскими товарами северных и центральных рынков Персии, уже закрепленных за Россией. Поэтому, когда в начале 1903 года начались переговоры о новом персидском займе, в качестве одного из его главных условий Витте назвал обязательство шаха не давать иностранцам концессий на строительство железных дорог от Персидского залива до Каспийского моря. Одновременно предполагалось получить две концессии на железные дороги: Кушка — Мешхед — Тегеран и кавказская граница — Тавриз — Казвин — Тегеран. Наконец, от шахского правительства требовалось не брать даже краткосрочных ссуд в Шахиншахском банке, что означало полное и окончательное подчинение Персии русскому кредиту⁸⁶. Шахское правительство нашло эти условия чрезмерно обременительными, но вынуждено было просить ссуду в 1 млн туманов. Витте дал согласие, потребовав в ответ превратить Учетно-ссудный банк в главного поставщика серебра для Монетного двора Персии⁸⁷. Персы отказались от такой сделки.

Как видим, русская политика в Персии приобрела явно наступательный характер. В Лондоне были вынуждены считаться с реальной угрозой выхода России к Персидскому заливу, тем более что Учетно-ссудный банк стал регулярно отправлять туда пароход «Корнилов» с грузом русских товаров (всего состоялось четыре рейса, из них два — в 1903 г.). Поэтому английский кабинет вновь выступил с инициативой разделить Персию на сферы влияния.

Момент для начала переговоров представлялся Лондону благоприятным. Завершение южноафриканской войны развязало ему руки, в то время как заключение англо-японского союзного договора и резкое обострение русско-японских противоречий из-за Маньчжурии и Кореи могло по мысли английских правящих кругов сделать Россию более уступчивой. Кроме того, в англо-французских отношениях наметился явный прогресс, обе стороны постепенно преодолевали колониальные разногласия и шли к сближению. В Лондоне надеялись, что Франция

сможет повлиять на своего союзника или выступит посредником. Англичане не раз намекали французам, что готовы к сближению с Россией, но «всегда находили у русских дверь на запоре»⁸⁸.

В Париже с пониманием отнеслись к этим намекам. Летом 1903 года Делькассе дал понять русскому правительству, что англичане хотят заключить с Россией соглашение по всем спорным вопросам. В Петербурге не возражали против переговоров, и уже 29 июля Ленсдаун встретился с русским послом в Лондоне А.К. Бенкендорфом. Разговор шел в основном о Маньчжурии, но закончил его Ленсдаун так: «Если бы Россия полностью ознакомила нас со своими планами и если бы она приняла во внимание, что за всякую уступку, которую она получит от нас, мы должны ожидать соответствующей уступки от нее, то я надеюсь, что мы могли бы положить конец тому несчастному соперничеству, которое так давно преваляется в наших отношениях в Китае, как и в прочих частях Азии»⁸⁹.

На какие же уступки были готовы англичане и что они требовали от России? Об этом Петербургу стало известно лишь в ноябре 1903 года, когда переговоры между Ленсдауном и Бенкендорфом возобновились. Англичане хотели, чтобы Россия признала Афганистан и Тибет полностью находящимися в сфере влияния Англии. Взамен они были готовы признать «преобладающие интересы России, как соседней державы, в Маньчжурии». Что же касается Персии, то ее предлагали поделить: север признавался сферой интересов России, юг и Сеистан — сферой интересов Англии⁹⁰. Такая постановка вопроса не могла удовлетворить Петербург: фактически англичане требовали уступок, ничего не давая взамен, поскольку и север Персии, и Маньчжурию Россия уже закрепила за собой, в то время как не оставляла надежды добиться установления прямых отношений с Афганистаном, закрепиться в Тибете и Персидском заливе. Правда, на лондонских переговорах Бенкендорф допускал возможность пойти на уступки в Афганистане и Тибете, но он не видел причин, «по которым развитие русской торговой деятельности должно ограничиваться северной частью страны». Россия должна была получить «торговый выход» к Персидскому заливу путем строительства железной дороги на юг⁹¹.

Англо-русские переговоры не получили развития, поскольку началась Русско-японская война. Однако представляется, что они вряд ли увенчались бы успехом даже в том случае, если бы удалось урегулировать русско-японский конфликт. Программа раздела Персии противоречила намерениям Петербурга утвердить свое преобладание во всей стране. В Лондоне это понимали и поэтому параллельно с англо-русскими переговорами поощряли агрессивные планы Японии. Объясняя причины такой линии, английский премьер Бальфур писал своему королю в конце декабря 1903 года, что война России и Японии, «в которую

Англия не была бы вовлечена и в которой Япония не потерпела бы серьезного поражения, имела бы не только отрицательные стороны. Россия создала бы себе непримиримого врага, и с ней было бы легче иметь дело и в Европе, и в Азии, чем сейчас»⁹². Последующие события показали, что расчет английской дипломатии оказался правильным.

Тибет в русско-английских отношениях. Британские власти Индии с неодобрением отнеслись к соглашению 1895 года с Россией о памирском разграничении. Лорд Керзон был сторонником и глашатаем «политики продвижения», которая означала территориальные захваты в приграничной с Индией полосе под предлогом обороны британской колонии. Он мечтал превратить Афганистан из «буфера» в наступательный плацдарм. Однако памирское разграничение стало сдерживающим фактором. Тогда взоры британского империализма обратились к Тибету.

Тибет являлся китайским протекторатом и долгие годы был закрыт для посещения европейцев. В конце XIX века англичане предпринимают неоднократные попытки завязать прямые отношения с этой страной, пользуясь недовольством ламаистской верхушки политикой Пекина. В Ххасе вынашивались планы отделения от Китая. Однако, зная об участии своих соседей, далай-лама и его окружение отнюдь не были склонны заменить китайский протекторат английским. В 1898 году в Россию прибыл посланник далай-ламы Агван Доржиев, бурят по происхождению и русский подданный, который проник в Тибет, выдав себя за монгола, получил образование в одном из тибетских монастырей и в конце концов стал доверенным лицом верховного правителя этой страны. При посредстве финансиста и востоковеда Э.Э. Ухтомского Доржиев добился аудиенции у царя, которому передал послание Далай-ламы с предложением установить добрососедские отношения. Через два года Доржиев снова приехал в Россию, встретился в Ялте с Николаем II и вел переговоры с Витте, Ламздорфом и Куропаткиным. Формально речь шла о том, чтобы учредить в одном из городов на границе Тибета русское консульство, но реальные планы Доржиева шли гораздо дальше. Он предлагал ни больше ни меньше, как заменить китайский протекторат русским, заверяя министров, что господствующая в Тибете партия выступает за Россию. Министры не спешили с ответом и воздерживались от каких-либо обещаний. Тем временем англичане узнали о переговорах и, в свою очередь, стали воздействовать на Тибет, обещая свою помощь и поддержку в борьбе с Китаем⁹³.

Одновременно Керзон развернул агитацию в английской прессе, фабрикуя сведения о существовании секретных соглашений о замене китайского протектората над Тибетом русским. Когда общественное мнение было подготовлено, англо-индийская армия под командованием полковника Ионгхесбанда начала в ноябре 1903 года вторжение в Тибет.

Россия протестовала, но Ленсдаун резко ответил Бенкендорфу: «Мне кажется в высшей степени странным, что эти протесты сделаны правительством государства, которое во всем мире никогда не колебалось нападать на своих соседей, когда обстоятельства, казалось ему, этого требовали»⁹⁴. Начавшаяся Русско-японская война помешала России оказать действенное сопротивление английской агрессии. В августе 1904 года англо-индийский экспедиционный отряд вступил в Ахасу. Оккупация Тибета английскими войсками продлилась до 1906 года.

Российская политика на Среднем Востоке в конце XIX — начале XX века достигла заметных успехов. Россия прочно утвердилась в Персии, оттеснив британского конкурента. Вслед за экономическими успехами шло усиление политического влияния. Все это не могло не привести к обострению англо-русских противоречий, вынуждало Англию пытаться договориться с Петербургом, а когда это не получилось — искать союзника, способного ослабить Россию и склонить ее к уступкам. Таким союзником стала Япония, экспансионистские интересы которой сталкивались с российскими на Дальнем Востоке. Таким образом, англо-русские противоречия на Среднем Востоке стали одним из факторов, обусловивших возникновение Русско-японской войны.

Внешняя политика России традиционно развевывалась на двух основных театрах — европейском и азиатском, мостом между которыми служил Балканско-Ближневосточный регион. Активность Российской державы на этих направлениях была, естественно, взаимосвязана, но главное внимание и силы направлялись, как правило, на европейско-ближневосточные дела. Значение азиатского театра хотя и менялось, но в целом оставалось подчиненным. На рубеже XIX–XX веков это соотношение изменилось в пользу дальневосточного направления.

Отмеченный сдвиг имел свои внешние и внутренние предпосылки. Франко-русский союз уравновесил превосходство Германии и ее союзников и до некоторой степени стабилизировал положение в Европе. Тем самым создавались условия для проявления активности в других местах. Ближневосточный кризис 90-х годов показал, что у царизма не хватает сил для решения вопроса о черноморских проливах даже в минимальном варианте (занятие Верхнего Босфора), а союзная Франция не намерена помогать ей в этом. Некоторая стабилизация положения на Балканском полуострове была достигнута благодаря соглашению 1897 года с Австро-Венгрией. В Средней Азии Россия частично урегулировала отношения с Англией разграничением на Памире. Наиболее острыми оставались противоречия двух держав в Персии.

Регионом значительной активизации русской политики стал в это время Дальний Восток. Из внутренних причин здесь можно назвать стремление российского капитализма к экстенсивному развитию и потребность в землях для переселения крестьян из европейской части страны — тому и другому способствовало строительство Великой Сибирской железной дороги. В международном плане Россия оказалась вовлеченной в общий процесс империалистической экспансии на Тихом океане. В ходе борьбы выявилась возможность приобретения незамерзающего океанского порта, что было одной из важных задач российской внешней политики. Наконец, на Дальнем Востоке в начале рассматриваемого периода вырисовывались более или менее благоприятные дипломатические перспективы взаимодействия с Францией и отчасти с Германией, а также союза с Китаем.

Втягиваясь в борьбу на Тихом океане, царское правительство, разумеется, не забывало о европейских и ближневосточных интересах. И Витте, и Куропаткин, и министры иностранных дел по-прежнему считали, что главные интересы России лежат в Европе. Тем не менее взгляды правительства по этому вопросу постепенно менялись если не по существу, то в смысле очередности решения насущных задач: на первый план выдвигались, казалось, легче достижимые дальневосточные замыслы.

Глава IV. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение Русско-японской войны

Корни конфликта. Русско-японская война явилась результатом столкновения экспансионистских интересов великих держав в западной части Тихого океана. Длительное время наиболее активную роль здесь играли страны, раньше других вставшие на путь капитализма, крупнейшие колониальные державы — Англия и Франция. Новая тенденция в международных отношениях региона проявилась в переходное десятилетие — 1894–1904 годы, когда инициативу захватили молодые, быстро прогрессирующие буржуазные страны, среди которых выделялись Япония и Германия. В то же время по ряду причин внутреннего и международного характера усилилось внимание российского правительства к Дальневосточному региону.

Колониальные амбиции Японии оказались направленными как на юг (острова Рюкю, Тайвань), так и на север (Корея, Маньчжурия). На последнем направлении главным соперником Японии была Россия, в свою очередь стремившаяся усилить позиции в Северном Китае и Корее. Экспансионистские замыслы представителей японской доктрины «пан-азиатизма» распространялись и на российскую территорию. Устами дипломата Оиси Масами они провозгласили идею оттеснения империи Романовых за Урал и превращения Сибири и русского Дальнего Востока в колонию для всех развитых наций¹. Придавали ли в Лондоне и Вашингтоне серьезное значение этому обещанию поделиться награбленным или нет, но противоборство России и Японии было безусловно выгодно и Британии, и США. Поэтому они уже с 90-х годов содействовали тому, чтобы экспансия Японии развивалась именно в северном направлении.

Главные задачи дальневосточной политики России в конце XIX века могут быть суммированы как стремление связать железной дорогой отдаленную окраину с Центральной Россией и приобрести незамерзающий порт на Тихом океане, создав тем самым предпосылки для проведения более активной политики в регионе, а до этого времени — поддерживать там статус-кво.

Корни Русско-японской войны уходили к строительству Великой Сибирской железной дороги, Японо-китайской войне 1894–1895 годов и вмешательству России, Германии и Франции в условия мирного урегулирования, наконец, к полосе захватов державами китайских портов, начатых в 1897 году Германией.

Энергичное начало Россией в первые годы последнего десятилетия XIX века строительства Великой Сибирской железной дороги вызвало беспокойство ее соперников на Дальнем Востоке. Более развитые западные державы опасались не столько экономической конкуренции, сколько усиления русской военной мощи в регионе. Японию тревожило и то и другое. Масштабы угрозы, как часто бывает, не без умысла преувеличивались. Российское правительство преследовало сооружением магистрали не столько цели внешней экспансии, сколько решение своих внутренних экономических и социальных проблем. Разумеется, оно не игнорировало и международного, в том числе военно-стратегического аспекта. Но и здесь на первом плане стояла задача обеспечить оборону уязвимых дальневосточных пределов. Были, правда, связанные с дорогой планы создать собственную опорную базу для военного флота², но их осуществление требовало еще приобретения незамерзающего порта. Так или иначе, но конкурирующие с Россией державы должны были учитывать предстоящее появление на Дальнем Востоке нового важного фактора. В Токио же, по свидетельству японского историка Харосэ Такэо, с самого начала рассматривали транссибирскую дорогу как серьезную угрозу своим экспансионистским планам и строили политику в расчете опередить соперника³.

Япония спешила утвердиться на Азиатском континенте, развязав войну с Китаем. Вопрос о позиции России в отношении этой войны обсуждался царским правительством несколько раз. На Особом совещании 9 августа 1894 года под председательством осторожного Н.К. Гирса было намечено воздерживаться от вмешательства и совместно с другими державами добиваться сохранения статус-кво в Корее, чтобы не допустить использования последней во враждебных России целях. Ко времени следующего Особого совещания (20 января 1895 г.) определился военный успех Японии. Возник вопрос что предпочтительнее — сообщая с другими державами постараться склонить Японию к умеренности или же вести собственную линию, добиваясь для себя территориальных гарантий свободы плавания через Корейский пролив? Совещание пришло к выводу о желательности проводить политику коллективного воздействия держав на Японию и увеличить в целях давления на Токио Тихоокеанскую эскадру⁴.

По завершении военных действий между Японией и Китаем российское правительство длительное время не имело определенной информации о требованиях, которые намерена предъявить победившая сторона. 9(22) февраля 1895 года японский посланник в Петербурге Ниси сообщил директору Азиатского департамента МИД Д.А. Капнисту, что в числе других условий мира Япония потребует передачи ей Порт-Артура на Ляодунском полуострове или Вэйхайвэя. О претензиях победитель-

ницы на Ляодун донес с некоторым запозданием и русский посланник в Токио М.А. Хитрово. Наконец, 22 марта (3 апреля) сведения о выдвинутых Японией требованиях поступили из Пекина от посланника А.П. Кассини⁵.

Утверждение Японии на материке в непосредственной близости от Пекина, Сеула и проектируемой Петербургом железной дороги угрожало интересам и безопасности континентальных стран — Китая, Кореи и России. Последняя оказалась бы, в частности, отрезанной от незамерзающих портов на Тихом океане. В связи с этим с еще большей остротой вставал вопрос о дальнейшем направлении русской дальневосточной политики. Речь шла о том, пойти ли на сделку с победительницей, получив для себя компенсацию в Корее или Китае, либо добиваться недопущения Японии на материк, что открывало перспективу сближения с Китаем.

На Особом совещании 30 марта 1895 г. между главами ведомств, причастных к внешней политике, выявились серьезные расхождения. Председательствовавший генерал-адмирал великий князь. Алексей Александрович в духе настроений царя предложил линию на соглашение с Японией. Министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский занял осторожную позицию: он считал нежелательным ссориться с Японией, но скептически оценивал и перспективы сближения с ней. Военный министр П.С. Ванновский с солдатской прямоотой требовал добиваться от Японии отказа от приобретений в Маньчжурии и ухода из Кореи. Решающую роль сыграл на этот раз С.Ю. Витте, убедительно доказавший необходимость воспрепятствовать утверждению Японии на материке и использовать ситуацию в целях выгодного сближения с Китаем. Ему удалось склонить большинство участников обсуждения на свою сторону⁶. Николай II, хотя и не без колебаний, утвердил рекомендации совещания.

5(17) апреля 1895 года между Японией и Китаем был подписан Симоносекский мирный договор, ставивший под вопрос суверенитет Кореи и «узаконивший» японскую аннексию Ляодунского полуострова с Порт-Артуром, Тайваня и островов Пэнхуледао. Договор существенно изменял соотношение сил на Дальнем Востоке в пользу Японии, что вызвало ответные шаги других держав. Англия и Франция приняли меры к закреплению своего преобладания в районах их традиционной экспансии в Китае. Россия избрала другой путь. Чтобы уменьшить риск конфликта с империей микадо, русская дипломатия обратилась к западным державам с предложением о совместном противодействии японским притязаниям на материке. Сначала Германия, а затем без особого энтузиазма и союзная Франция согласились с этим.

11(23) апреля посланниками трех держав было сделано совместное заявление Японии о том, что их правительства советуют ей отказаться

от Ляодунского полуострова. «Дружеские рекомендации» сильных соперников, подкрепленные совместной военно-морской демонстрацией, возымели действие. Япония вынуждена была отступить. В уже подписанный и даже ратифицированный Симоносекский договор были внесены изменения. 28 апреля (10 мая) японское правительство официально объявило о своем решении вернуть Ляодун Китаю за дополнительную контрибуцию⁷. «Японию, таким образом, не только лишили единственного намеченного ею на материке территориального приобретения, — отмечает Б.А. Романов, — но и сама дипломатическая процедура, с этим связанная, не обошлась для нее без некоторого формального унижения»⁸.

Успех вмешательства держав был обеспечен прежде всего реальным весом России как великой дальневосточной державы и ее военным потенциалом. Важную роль сыграла и русская дипломатия, сумевшая противопоставить Японии единый фронт трех держав. В результате влияние России как в Китае, так и в Корее значительно выросло.

Вынужденная ревизия Симоносекского договора выявила для японских политиков врага номер один на пути их далеко идущих аннексионистских планов. С этого времени Страна восходящего солнца, используя полученную от Китая контрибуцию, развернула подготовку к тотальной войне против России. Япония спешила завершить военные приготовления раньше, чем будет построена Великая Сибирская дорога. Наметилась также тенденция к антирусскому сближению Японии с Англией и Соединенными Штатами.

Апогей «политики Витте». Предложенная Витте и осуществленная российским правительством линия оправдала себя не только непосредственным результатом (уход Японии с Ляодуна), но и по крайней мере в ближайшей перспективе. Инициатива России в частичном пересмотре Симоносекского мира привела к улучшению ее отношений с Пекином. Способствовала этому и другая важная услуга России Китаю — гарантия заграничного займа, необходимого цинскому правительству для выплаты контрибуции Японии. Благодаря русской гарантии Китай не только избежал грозившего ему иностранного финансового контроля, но и получил заем на сравнительно благоприятных условиях⁹. Царскому правительству предстояло теперь извлечь выгоды из улучшения русско-китайских отношений, чем и занялись Министерство финансов и МИД. Речь шла о двух крупных взаимосвязанных проектах — проведении конечного участка транссибирской магистрали через территорию Китая и заключении с ним антияпонского союза.

К 1895 году перед Россией стояла сложная проблема, связанная с завершением постройки Великой Сибирской железной дороги. Изыскания на конечном Амурском участке, осуществлявшиеся летом 1894 года, выявили огромные технические трудности сооружения здесь рельсового

пути. Эти сложности и изменившаяся в пользу России международно-политическая обстановка на Дальнем Востоке вдохнули новую жизнь в идею Витте о проведении конечного участка дороги между Сретенской и Владивостоком через Маньчжурию. В своем первоначальном варианте спрямление этой огромной железнодорожной дуги мыслилось по трассе Новый Цурухайтуй — Мергень — Благовещенск — Хабаровск, причем предполагалось тем или иным путем добиться присоединения этой территории к России. В более благоприятной международной обстановке и после учреждения Русско-Китайского банка, одной из задач которого было финансирование окончания сооружения Сибирской дороги, министр финансов вернулся к этому вопросу с новыми идеями. Он хотел получить от Китая концессию на постройку конечного отрезка пути по прямой линии от Читы до Владивостока. Появление этого варианта объяснялось как стремлением сократить путь (что для железной дороги подобного масштаба было немаловажно), так и несогласием Витте с идеей «выпрямления» русско-китайской границы, то есть аннексии части территории Китая¹⁰. Реализация названного плана обусловила основные направления дипломатических усилий России в Дальневосточном регионе на ряд последующих лет.

Точка зрения Витте одержала верх далеко не сразу. В русских правительственных кругах шла борьба по вопросам о направлении дороги и средствах обеспечения ее безопасности. Основными оппонентами Витте выступали генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовской и директор Азиатского департамента МИД Д.А. Капнист. Оба они упрекали министра финансов в том, что он упускает из виду громадный политический риск нового предприятия и недостаточно соблюдает интересы русского капитала. По их мнению, «проложение участка Великой Сибирской железной дороги в 2000 верст по району, который долгое время будет для нас чужеземным», стало бы «крупною историческою ошибкою». Витте в ответ доказывал, что Россия вынуждена «следовать образу действия своих экономических соперников», которые напрягают все усилия для получения в Китае железнодорожных и иных концессий¹¹. Надо признать, что министр трезво оценивал новый этап борьбы держав на Дальнем Востоке. Однако из этого не следует, будто его проект не был рискованным.

Настояния Витте увенчались успехом. Николай II поручил ему и Лобанову-Ростовскому согласовать условия переговоров о железнодорожной концессии в Маньчжурии.

Вскоре Витте представил Николаю II доклад о предполагаемом строительстве, проект концессии на постройку железной дороги и политический меморандум — руководство для российского посланника в Пекине на предстоящих переговорах¹². 27 ноября они получили высо-

чайшее одобрение. Вслед за тем Лобанов-Ростовский предложил Кассини поставить данный вопрос перед китайским правительством. Однако дипломатическое ведомство действовало крайне медленно. Инструкция о начале переговоров была получена Кассини только в апреле 1896 года. 16 апреля он в первый раз поставил данный вопрос в Цзунлиямыне (Управлении иностранными делами), а явившись туда вторично 18 апреля, получил неожиданный отказ, обоснованный тем, что китайская сторона якобы намерена осуществлять железнодорожное строительство в Маньчжурии собственными силами.

Медлительность МИД побудила Витте, не дожидаясь результатов дипломатической переписки, взять ведение переговоров о железнодорожной концессии на себя. С этой целью он воспользовался поездкой в Европу одного из главных китайских сановников — канцлера и члена Цзунлиямыня Ли Хунчжана. По настоянию Витте Ли Хунчжан начал свое турне с России, где ему предстояло присутствовать на торжественной коронации Николая II. Канцлер прибыл в Петербург за месяц до этого события, что дало возможность русским министрам провести с ним необходимые переговоры.

Отношение китайской стороны к вопросу о сближении с Россией и о строительстве русской железной дороги через Маньчжурию было непростым. Пекин стремился заручиться поддержкой России на случай новой японской агрессии, если соглашение о союзе не будет содержать обременительных для Китая условий. Что касается железнодорожного проекта, то китайское правительство отдавало себе отчет как в выгодах, так и в опасности этого предприятия. Относясь по опыту общения с западными державами с естественным недоверием к зарубежным концессиям, оно склонно было тем не менее подчинить этот вопрос более важному делу о союзе.

В мае 1895 года министром путей сообщений князем М.И. Хилковым было получено разрешение царя произвести рекогносцировку будущей маньчжурской линии. Цинское правительство дало разрешение на проезд в Маньчжурию русских изыскательских партий и обязало местные власти оказывать им всяческое содействие. Агент Министерства финансов в Пекине Д.Д. Покотиллов в своем донесении от 23 ноября 1895 года отметил ту «готовность и быстроту, с которой Цзунлиямынь дал свое согласие» на эту просьбу России¹³.

Вопрос о союзе, как и связанный с ним железнодорожный проект, цинское правительство предпочитало обсуждать не в Пекине, а непосредственно с российским правительством во время визита Ли Хунчжана. Он обладал полномочиями вести с русскими представителями переговоры по всему кругу проблем, интересующих обе стороны, и подписать от имени Китая любые важнейшие международные акты. В импе-

раторском указе-инструкции канцлеру говорилось: «Мы надеемся, что ты проникся нашими помыслами и укрепишь дружественные отношения между государствами, осторожно и со всем вниманием осуществишь дело»¹⁴. Известный китаевед Г.В. Ефимов делает справедливый вывод, что последние слова указа относятся к вопросу о союзе с Россией, уже в течение года находившемуся в центре внимания цинских политиков¹⁵.

На переговорах, проходивших в Петербурге и Москве, важнейшей целью китайской стороны было добиться заключения союза с Россией, а для русской помимо союза — получить концессию на постройку железной дороги через Маньчжурию. Переговоры завершились подписанием 22 мая (3 июня) 1896 года секретного русско-китайского союзного договора, заключенного на 15 лет¹⁶. Одновременно вступал в силу контракт китайского правительства с Русско-Китайским банком на постройку дороги, которая получила, название Китайская Восточная железная дорога (КВЖД). В результате взаимных компромиссов каждая из сторон добилась своих главных целей.

Московский договор в своей политической части был взаимовыгодным. Он позволял каждому участнику рассчитывать на поддержку контрагента при нападении со стороны Японии. Обязательства взаимопомощи распространялись и на случай японской агрессии против Кореи, в судьбе которой Россия и Китай были заинтересованы, Договор не сопровождался, однако, военной конвенцией, которая конкретизировала бы предполагаемое взаимодействие. Оговаривалось лишь право России в случае войны с Японией использовать все порты Китая и проектируемую железную дорогу для переброски войск.

Экономическая часть договора (ст. 4 и 5) в известной мере служила компенсацией Китая царскому правительству за помощь при мирном урегулировании с Японией и получении заграничного займа. В этих статьях вопрос о строительстве русской железной дороги через Маньчжурию получил в принципе благоприятное разрешение.

Конкретные условия, на которых должна была строиться дорога, в договоре 1896 года не оговаривались*. Они подлежали дальнейшему обсуждению. Императорский указ о согласованном с китайской стороной контракте на постройку КВЖД был дан 16 августа 1896 года, а сам контракт подписан китайским посланником в Берлине и Петербурге Сюй Цзинчэном 27 августа. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Пекине 20 сентября.

Срок концессии устанавливался в 80 лет, считая со дня начала эксплуатации дороги; через 36 лет китайское правительство получало пра-

* Ли Хунчжан не преминул использовать сделку для личного обогащения. Витте со-
здал для подкупа китайских сановников особый фонд.

во ее выкупа, однако на очень тяжелых условиях. Статья 6 контракта передавала Обществу КВЖД «земли, действительно необходимые для постройки, эксплуатации и защиты линии, равно как и земли в окрестностях дороги, необходимые для снабжения дороги песком, камнем, известью и проч.». Причем китайские государственные земли передавались бесплатно, частные — за выкуп. Общество приобретало «абсолютное и исключительное право управления его землями» и «право сооружения на этих землях построек любого рода». На территории дороги — ее полосе отчуждения — Россия располагала теми же правами и привилегиями, какие имели другие великие державы в Китае, в частности возможностью создать свою вооруженную охрану.

Из акционерного капитала Общества КВЖД, образованного Русско-Китайским банком для постройки дороги, 700 акций по 5 тыс. руб. каждая предназначались для русского правительства, остальные 300 — для частных лиц (фактически они попали в руки воротил Русско-Китайского банка). Русское правительство оказывалось таким образом хозяином дороги и осуществляло над нею свой полный контроль.

Соглашение о КВЖД было крупным успехом политики Витте. Создание нового общества и будущая дорога расширяли экономические и политические возможности царизма на Дальнем Востоке. Наряду с Русско-Китайским банком КВЖД становилась важным рычагом российской политики в регионе. Проведение первой трассы через бездорожную Северную Маньчжурию представляло определенный интерес и для Китая, стимулируя рост торговли и переселенческого движения. Кроме того, по условиям договора цинское правительство должно было получить, как только откроется движение, и денежную компенсацию в 5 млн таэлей (около 7,6 млн руб. золотом).

В 1895–1897 годах политика России в Корее также достигла известных успехов. Корея во время японо-китайской войны была почти полностью оккупирована японцами, которые установили там жесткий военный контроль, а позднее организовали прояпонский переворот. Русская дипломатия в двух документах (меморандуме Вебера — Комуры и соглашении Лобанова — Ямагаты) добилась подтверждения Токио независимости Кореи и признания равного положения там России и Японии. Ей удалось также настоять на выводе основного контингента японских оккупационных войск. Деятельность русских представителей в Корее способствовала восстановлению там власти короля Коджона, стремившегося к проведению независимой от Токио политики. В 1896 году он обратился к России с предложением о сближении вплоть до заключения союза. Хотя соглашения с Японией не позволяли Петербургу пойти на это, российское правительство удовлетворило просьбу Кореи о присылке военных инструкторов и финансового советника. В 1897 году они

успешно начали свою деятельность¹⁷. В том же году был, как упоминалось, основан Русско-Корейский банк. Витте уже собирался избрать в качестве незамерзающего порта с проведением туда ветки КВЖД Ыйчжу (ныне — Синьдзю) в устье Ялуцзяна. Однако тактический зигзаг царской дипломатии помешал закреплению успехов в Корее, одновременно обострив и отношения с Японией.

Дальнейшая экспансия держав в Китае. Корректировка тактики Петербурга. В 1897–1898 годах эстафету дележа Поднебесной империи подхватила у Японии Германия, оккупировавшая Циндао, а затем навязавшая Пекину договор об аренде бухты Цзяочжоу и своих преимущественных «правах» в Шаньдунской провинции. Действия Германии вызвали цепную реакцию со стороны конкурировавших держав — Франции, Англии, Японии, Соединенных Штатов. Не осталось в стороне и царское правительство, которое активизировало усилия по приобретению незамерзающего порта на дальневосточных берегах.

С зимы 1895/96 года характер русско-японских отношений уже исключал возможность пребывания русской эскадры в портах Японии. Морской министр П.П. Тыртов предложил обратиться к Китаю за разрешением использовать для зимовки Цзяочжоу и две другие бухты. Согласие Пекина было получено, однако оно носило временный характер. На переговорах с Ли Хунчжаном о КВЖД Витте ставил вопрос о проведении ветки этой дороги к одному из портов на Желтом море. Ли Хунчжан не ответил отказом, но из-за разногласий о ширине колеи дороги вопрос остался нерешенным. Теперь захватнические действия Германии и опасения, как бы Англия не поступила подобным же образом с Порт-Артуром, побудили царское правительство изменить тактику.

В записке Николаю II министр иностранных дел М.Н. Муравьев предложил приобрести стоянку для русского флота на Ляодунском полуострове. Напряженность отношений с Японией после демарша трех держав, говорилось в этой записке, поставила Россию перед необходимостью «содержать на Тихом океане значительный флот и иметь в своем полном распоряжении удобный для зимних стоянок, вполне оборудованный и обильно снабженный порт». Указав на недостатки корейских портов, министр рекомендовал занять судами русской эскадры порт Дальнявань. Осуществление этого замысла означало бы ревизию прежней линии мирной, экономической экспансии при союзе с Китаем.

Записка Муравьева побудила царя поставить вопрос на обсуждение министров (Особое совещание 14 ноября 1897 г.). Мнения разделились. Витте настаивал на том, чтобы действовать не против союзного и благожелательно настроенного Китая, а против Германии, направив с этой целью эскадру в Цзяочжоу. При этом министр финансов выступал за приобретение Россией незамерзающего порта, но иными методами и в иное

время, то есть путем соглашения с Китаем и после окончания постройки КВЖД. П.П. Тыртов выразил сомнение в пригодности Даляньваня для русского флота и вновь высказался в пользу приобретения незамерзающего порта в Корее.

Муравьев аргументировал свою позицию ссылкой на «особые обстоятельства», которые не позволяют России противодействовать Германии. Он имел в виду, что царь слышал от Вильгельма II о намерениях Германии приобрести порт в Китае, но не стал вступать в пререкания. Военный министр Ванновский поддержал Муравьева. Совещание рекомендовало все же не занимать Даляньвань и Порт-Артур ввиду наличия договора с Китаем от 22 мая 1896 года и в целях поддержания престижа России на Востоке¹⁸.

Однако когда Ли Хунчжан обратился к русскому правительству, а затем и к Японии с просьбой защитить Китай от Германии, он не получил помощи ни от одной из сторон.

Вопрос об утверждении России на Ляодуне оказался лишь на короткое время отсроченным. Николай II явно склонялся к точке зрения Муравьева. Витте, стремясь доказать преимущества своего плана, фактически достиг обратного результата. Когда через неделю после Особого совещания Ли Хунчжан просил о предоставлении Россией гарантий по новому займу (для уплаты контрибуции Японии), министр финансов неожиданно для цинского правительства выдвинул ряд весьма жестких условий, касавшихся Маньчжурии, Монголии и проведения ветки КВЖД к Желтому морю¹⁹. Китай от такой сделки отказался.

2 декабря 1897 года по приказу царя русская военная эскадра вошла в Порт-Артур, чтобы больше не покидать его. 24 февраля 1898 г. собралось новое Особое совещание под председательством великого князя Алексея Александровича. Тон на нем задавали представители военного и морского ведомств. Большинство участников, включая нового военного министра А.Н. Куропаткина, вопреки мнению Витте, высказались за аренду у Китая всей южной части Ляодунского полуострова и проведение железной дороги к Порт-Артуру, который намеревались превратить в русскую военноморскую базу. Царь утвердил рекомендации совещания и почти одновременно повелел министру финансов отпустить крупные дополнительные средства на военное судостроение, имея в виду прежде всего усиление Тихоокеанской эскадры.

Переговоры об аренде, начатые в Пекине, продвигались с большим трудом. Благоприятному завершению их содействовал Витте, вновь прибегнувший к подкупу китайских сановников. 15(27) марта конвенция была наконец подписана. Китай уступал России в аренду на 25 лет Квантунский полуостров (южная часть Ляодуна) с Порт-Артуром (ныне — Ляюшунь) и Таляньванем (ныне — Далянь). Концессия Общества КВЖД

распространялась на соединительную ветку до Тальяньвана или иного более удобного пункта на побережье полуострова²⁰. Контракт на сооружение южной ветки КВЖД был подписан 24 июня. Для более эффективной эксплуатации нового пути из Европы в страны Дальнего Востока Общество КВЖД создало собственное морское пароходство с главным портом приписки — городом Дальний.

Таким образом, весной 1898 года проблема приобретения незамерзающего порта на Тихом океане оказалась решенной. Российское правительство могло поздравить себя с успехом. Но успех этот был куплен ценой отказа от прежней тактики и осложнения ситуации в регионе. Конвенция об аренде была навязана Китаю, что лишь отчасти удалось замаскировать видимостью добровольного соглашения. Русско-китайский союз оказался основательно подорванным. Обострились отношения России и с конкурирующими державами. Чтобы выиграть время для закрепления на новых позициях, требовалось сгладить противоречия с главными соперниками на Дальнем Востоке — Англией и Японией.

Переговоры с Англией начались как раз в период борьбы за аренду Квантунского полуострова. Проблемы, по которым они велись, быстро сузились от общего сближения двух держав до вопросов разграничения сфер их железнодорожных интересов в Китае. Но и в таком суженном виде переговоры протекали долго и трудно. Позиция российского правительства вырабатывалась как компромисс между политическим подходом МВД (Муравьев) и Министерства финансов (Витте), в большей мере учитывавшего внешнеэкономические интересы.

Русско-английское соглашение о сферах железнодорожных интересов в Китае было заключено 16(29) апреля 1899 года²¹. Стороны пошли на некоторые взаимные уступки. Сферой английских интересов признавался огромный бассейн Янцзы, а русских — весь «Застенный Китай», то есть Маньчжурия и Внешняя Монголия. Российской стороне удалось сохранить право на льготные железнодорожные тарифы в Маньчжурии. Зато Англия добилась признания своего контроля за Шанхайгуаньской линией, что подрывало монопольное положение русских железных дорог в Маньчжурии. Россия резервировала за собой возможность добиваться от китайского правительства концессии на строительство ветки от КВЖД к Пекину, однако реализовать этот замысел ей не удалось.

Отношения России с Китаем, существенно изменившиеся уже после аренды Ляодуна, теперь еще более ухудшились. Сговор двух великих держав за спиной Китая вызвал резко отрицательную реакцию в Пекине. Ли Хунчжан прокомментировал соглашение как раздел Китая. Китайское правительство в специальной ноте Англии и России заявило, что «не может признать его обязательным для себя, так как это соглашение

было заключено без участия Китая, и что, конечно, согласие Китая необходимо для получения какой-либо концессии в его пределах»²².

Петербургу пришлось поступиться и приобретенными было преимущественными позициями в Корее. Японское правительство стало добиваться пересмотра контракта русского финансового советника К.А. Алексеева с корейскими властями. Русская дипломатия вопреки сопротивлению Витте пошла на уступки. Тогда корейское правительство, почувствовав перемену в соотношении сил, сообщило, что не нуждается больше в русской помощи в финансовой и военной областях. Алексеев и военные инструкторы России были отозваны из страны. Одновременно прекратилась деятельность Русско-Корейского банка и отпал вопрос о займе для Сеула. В апреле 1898 года Россия и Япония подписали новый протокол о Корее. Царское правительство фактически признало преимущественные экономические интересы соперницы в этой стране. Назначение туда советников и посылка инструкторов могли теперь осуществляться только по взаимному согласию Петербурга и Токио²³.

Несмотря на полученные уступки, правительство микадо рассматривало утверждение России на Ляодунском полуострове, откуда она недавно заставила уйти Японию, как оскорбление национального самодлюбия. Антагонизм двух держав углублялся.

Ростки «нового курса». Используя в 1897–1898 годах силовые методы, российское правительство еще не склонно было к общему пересмотру тактики в регионе. На рубеже столетий оно не преследовало новых амбициозных целей на Дальнем Востоке, а стремилось к закреплению на уже занятых позициях. Об этом ясно свидетельствуют упоминавшаяся всеподданнейшая записка Муравьёва начала 1900 года и обсуждение ее царскими министрами²⁴. Однако предпосылки к ревизии виттевской линии мирной экономической экспансии уже созрели. Они проявлялись в настроениях царя, выступавшего конечной инстанцией всех внешнеполитических решений, и в деятельности безобразовской клики — националистической реакционной группировки, близкой к придворным кругам и самому Николаю II.

Об авантюристических склонностях царя Витте писал в «Воспоминаниях», что тот имел «стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами». Куропаткин также свидетельствует в дневнике, что у Николая II роились «великие мысли в голове», в действительности сводившиеся к размашистым аннексионистским замыслам в Азии²⁵. Авантюристическими царскими устремлениями умело воспользовались безобразовцы.

Вся «безобразовская» эпопея является ярким примером того, к каким трагическим последствиям для страны могут привести безответственные, подчиненные интересам личной наживы действия кучки лиц,

завоевавших доверие царя. Они умело эксплуатировали тщеславие и внешнеполитические амбиции молодого Николая II, а также его давнюю неприязнь к «варварской» Японии, где еще в бытность цесаревичем с ним произошел неприятный и загадочный инцидент — нападение полицейского.

Сам по себе отставной ротмистр А.М. Безобразов с его хлестаковскими замашками и авантюрными планами не представлял бы интереса, если бы его не поддерживали близкий к царю великий князь Александр Михайлович и несколько высокопоставленных сановников. В противовес осторожной и взвешенной политике Витте на Дальнем Востоке они легкомысленно шли на обострение отношений с Японией, что в немалой мере способствовало развязыванию войны 1904–1905 годов. Безобразовщина была симптомом начавшегося кризиса самодержавной системы, при котором государственные интересы приносились в жертву интересам групповым и личным.

Начало активной деятельности безобразовцев относится к 1898 году. В феврале ее лидеры В.М. Вонлярлярский и Безобразов через графа И.И. Воронцова-Дашкова обратились к царю с запиской. В апреле шурин Николая II великий князь Александр Михайлович передал ему вторую записку безобразовцев. В этих обращениях обосновывались выгоды предполагаемого большого лесного предприятия в Корее и формулировались некие «новые политические соображения». Замысел их состоял в том, чтобы противопоставить захвату концессий в Корее иностранцами учреждение российского предприятия — Восточно-Азиатской компании для эксплуатации природных богатств Кореи и Восточной Азии вообще. Деятельность компании представлялась авторами записок как «новый способ завоевания малокультурных стран». По мнению устроителей, эта внешне чисто коммерческая компания должна была иметь «вполне конфиденциальную цель», заключающуюся в проведении в Корее «русского начала». Предприятие направлялось бы непосредственно «державною волею русского императора».

Реализовать эти цели компания, по мнению ее учредителей, могла только при участии в ней лиц, «безусловно преданных правительству» и готовых «сослужить службу русскому царю», не требуя «немедленного дивиденда» и не останавливаясь «перед необходимыми затратами на расходы скорее общегосударственного значения, чем коммерческого»²⁶.

Во второй записке царю предлагалось разместить на площади огромной лесной концессии на Ялу, протянувшейся вдоль всей китайско-корейской границы, «наш боевой авангард, переодетый в платье лесных рабочих, стражников и вообще служащих», численностью «до 20 и более тысяч человек», которые, по мнению авторов записки, должны бу-

дут предотвратить возможность нападения японцев на южную линию КВЖД и изоляции Порт-Артура,

Николай II благосклонно отнесся к этим проектам, признав за ними «государственную важность». Он повелел перекупить ялущянекую лесную концессию и ассигновал деньги из «кабинетских» (личных) средств на экспедицию в Корею с задачей «всестороннего уяснения дела». Возглавить начинание должны были, по его указанию, великий князь Александр Михайлович и Воронцов-Дашков, а «исполнительская часть» возлагалась на Безобразова и Вонлярлярского. Весной 1899 года экспедиция Вонлярлярского возвратилась, представив «лишь скудные сведения и никаких точных исследований».

Несмотря на это, царь «дал ход» проекту Восточно-Азиатской промышленной компании, представленному ему Безобразовым. По этому проекту компания являлась товариществом на паях с капиталом в 2 млн руб., по 5 тыс. руб. на пай. Половина капитала переходила в руки Кабинета его императорского величества, то есть царской фамилии. Вторая половина делилась поровну между двумя группами пайщиков: 15 высокопоставленными лицами, близкими ко двору, и «практическими деятелями», то есть самими безобразовцами.

Наконец, встал вопрос об утверждении устава компании. Но не без участия Витте рассмотрение его было отложено в связи с обострением обстановки на Дальнем Востоке (восстание ихэтуаней). Задержка вызвала недовольство безобразовцев и резко обострила их нападки на линию Витте и лично на министра финансов.

Маневр с концессией на Ялу и борьбой за «чисто русские» политические интересы, «русское дело» на Дальнем Востоке был рассчитан удачно. Николай II давно стремился уйти из-под «опеки» Витте и начать самостоятельные действия в дальневосточной политике. Брошенные безобразовцами семена упали, таким образом, на хорошо подготовленную почву. Царю казалось, что он получил наконец опору в людях, которые были движимы идейными соображениями, действовали исключительно в интересах монарха и находились под его полным покровительством. Взгляды и деятельность безобразовцев и в последующем встречали симпатию и поддержку царя, что привело к тяжелым последствиям.

Подавление восстания ихэтуаней и усиление соперничества держав в Китае. Дальнейшее обострение международной обстановки в Тихоокеанском регионе было связано с подавлением национально-освободительного восстания ихэтуаней. Япония предложила свои услуги в качестве карателя, выступающего от лица всех заинтересованных стран. Однако европейские державы и Америка, опасаясь последующих притязаний империи микадо, не рискнули предоставить ей такую исключительную роль, и Токио пришлось удовлетвориться посылкой в Китай

наиболее крупного по сравнению с другими участниками интервенции контингента. Царское правительство помимо участия в общем походе на Пекин послало войска в Маньчжурию. Если из собственно Китая русские части были выведены раньше всех, то эвакуацию из Маньчжурии царская дипломатия постаралась обставить условиями, позволяющими закрепить там преобладающее влияние России. Это привело к дальнейшему обострению противоречий с Японией, выдвинувшей претензии на влияние в Южной Маньчжурии, а также с Соединенными Штатами и Англией, считавшими этот обширный край подходящим для прибыльного вложения своих капиталов. Притязания Петербурга задевали, хотя в меньшей степени, претензии и других великих держав.

Российское правительство было заинтересовано в скорейшем урегулировании ситуации, сложившейся в результате похода иностранных войск на Пекин и его занятия. 12 августа 1900 года Россия предложила всем державам вывести свои войска из китайской столицы, приступив к эвакуации русских подразделений. На переговорах держав с представителем китайского правительства Ли Хунчжаном* русская дипломатия выступала за минимальную сумму контрибуции, которую державы намеревались потребовать от Китая. Россия отказалась принимать участие в карательных походах против повстанцев и мирного населения, проводившихся союзными войсками вплоть до апреля 1901 года. Все это, естественно, не способствовало взаимопониманию Петербурга с другими державами-интервентами.

Иную линию проводило царское правительство в Маньчжурии, которую уже рассматривало как свою сферу влияния. После разрушения восставшими КВЖД Маньчжурия была полностью оккупирована русскими войсками. Они не проводили массовых репрессалий в отношении мирного населения, но очаги сопротивления восставших, китайских войск и хунхузов подавлялись беспощадно.

С окончанием военных действий русское командование по указанию из Петербурга стало возвращать управление населением Маньчжурии в руки местных китайских властей и регулировать все возникавшие проблемы непосредственно с ними. Главный начальник Квантунской области Е.И. Алексеев и командующий Приамурским военным округом генерал Гродеков заключили временное соглашение с высшей местной властью в Маньчжурии в лице военного губернатора края — мукденского цзянцзюня²⁷.

Соглашение с Мукденом, состоявшее из 12 пунктов, частично восстанавливало в крае власть мукденского губернатора, на которого возлагалось поддержание общественного порядка и спокойствия. Китай-

* Кстати, Россия первой признала его полномочия.

ские войска, ответственные за военные столкновения в Маньчжурии, подлежали разоружению, а возведенные ими укрепления — ликвидации²⁸. Для восстановления нарушенных военными действиями хозяйственных связей края китайским властям была предоставлена миллионная ссуда,

Соглашение привлекло к себе пристальное внимание соперничавших с Россией держав, не без основания усмотревших в нем ее желание первой занять в крае исключительное положение. Еще больше встревожили их начавшиеся в 1901 году сепаратные переговоры России с пекинским правительством о Маньчжурии.

Эти переговоры касались будущих взаимоотношений России и Китая в этом крае. Основной проблемой являлись условия вывода русских войск. Безосновательное затягивание эвакуации царским правительством, добивавшимся для себя важных выгод, привело к тому, что эта проблема из двусторонней переросла в международную.

Разработка проекта соглашения о выводе войск была поручена царем А.Н. Куропаткину, графу В.Н. Ламздорфу, назначенному в июне 1900 года министром иностранных дел России, и С.Ю. Витте. В позициях министров и представляемых ими ведомств выявились существенные разногласия.

Куропаткин выступал за то, чтобы оставить часть русских войск в Маньчжурии, то есть за фактическое продолжение ее оккупации. Витте высказался против сохранения в крае русских войск на неопределенный срок, справедливо усматривая в этом почву для возникновения конфликтов с Китаем или державами. Вместе с тем он считал необходимым потребовать от цинского правительства, чтобы оно не предоставляло в Маньчжурии и Монголии каких бы то ни было концессий иностранцам без согласия России, пытаясь утвердить ее экономическую монополию в этих регионах. Ламздорф в основном поддерживал точку зрения Витте, но хотел добавить к экономическим некоторые политические условия. В конечном счете в согласованном тремя министрами проекте говорилось о предстоящем выводе русских войск, но никаких конкретных сроков не назначалось. Зато формулировались притязания на особое положение России в Северном Китае²⁹.

Проект был утвержден Николаем II и в феврале 1901 года вручен китайскому посланнику в Петербурге Ян Ю. Пекин довел предъявленные условия до сведения других держав, большинство которых выступило с резкими протестами в адрес России. Англия и Германия договорились о совместном противодействии российским притязаниям. Япония обещала цинскому правительству свою поддержку на случай конфликта с Россией. Не без влияния держав китайское правительство заявило о своем несогласии с рядом пунктов проекта соглашения³⁰.

Российская дипломатия несколько смягчила часть своих требований³¹, но одновременно предложила Китаю подписать соглашение в двухнедельный срок; в противном случае, говорилось в ноте, российское правительство оставляет за собой «свободу действий».

Пекин снова обратился за посредничеством к державам, сделавшим все, чтобы воспрепятствовать подписанию соглашения. Тогда 21 марта МИД России заявил об отказе от дальнейших переговоров³². Срыв соглашения о Маньчжурии означал серьезную неудачу русской дипломатии. Политика «особых отношений» с Китаем больше не срабатывала. Сохранение же неопределенного положения представлялось рискованным. На горизонте замаячила зловещая тень англо-японского союза.

Царским министрам пришлось вновь приняться за обсуждение методов дальневосточной политики. 19 июля Ламздорф в письме на имя Куропаткина и Витте изложил свои доводы против аннексии Маньчжурии в пользу постепенного вывода оттуда русских войск³³. Витте полностью поддержал его. Куропаткин же, руководствуясь военно-политическими соображениями, вновь выступил против полной эвакуации и за присоединение в будущем северной части края к России³⁴.

Между тем китайское правительство отдавало себе отчет в том, что решение вопроса о Маньчжурии может быть достигнуто только путем соглашения с Россией. Ли Хунчжан предложил возобновить переговоры. В ответной телеграмме от 27 июля Витте выдвинул условием вывода русских войск до лета 1903 года обеспечение за Россией через Русско-Китайский банк важных экономических преимуществ в Маньчжурии (право первого выбора банком предоставляемых иностранцам концессий и т. п.). Некоторые другие условия, затрагивающие интересы иностранных держав, были теперь опущены.

На этот раз переговоры велись в Пекине. Китайская дипломатия затягивала их. Только в октябре общее соглашение о выводе войск и «банковский договор» были как будто согласованы. Но в этот момент вмешались некоторые державы, и особенно рьяно — США, на что, по видимому, и рассчитывали в Пекине. Конкурентов России возмущала прежде всего предполагавшаяся «монополия» Русско-Китайского банка в Маньчжурии. Вмешательство держав дало повод цинской дипломатии отойти от предварительной договоренности. Ли Хунчжан скоропостижно скончался, а его преемник Ван Вэншао занял на возобновившихся в декабре переговорах более твердую позицию,

Российское правительство некоторое время питало необоснованную надежду договориться с Японией, нейтрализовав ее сопротивление своим маньчжурским планам уступками в Корее. Царских министров ввела в заблуждение миссия маркиза Х. Ито, которая в действительности сыграла роль прикрытия готовившегося союза Японии с Англией. В Петер-

бурге недооценили возможности отхода Англии от традиционной политики неучастия в блоках и не разглядели двойной игры Токио.

30 января 1902 года китайское правительство отказалось от заключения «банковского договора», мотивируя свое решение протестами других держав. Почти одновременно стало известно о подписании англо-японского союзного договора. Образование на Дальнем Востоке враждебной России группировки держав и как следствие этого возросшее упорство Пекина свидетельствовали о новой, еще более серьезной неудаче российской дипломатии.

Теперь Петербургу нужно было пересматривать тактику с учетом новых реалий. Прежде всего царское правительство попыталось противопоставить англо-японской группировке русско-французский союз, но в Париже дальнейшей совместной декларации³⁵ не шли: в это время несколько улучшились его отношения с Англией и одновременно сохранялась германская опасность в Европе. Царская дипломатия внесла коррективы в свою линию в Китае. 26 марта (8 апреля) 1902 г. Россия наконец подписала с ним соглашение о поэтапном выводе войск из Маньчжурии. Эвакуация должна была осуществляться в течение полутора лет, то есть к 26 сентября 1903 года, — сначала из юго-западной части Мукденской провинции, затем из остальной части Мукденской и всей Гиринской провинции и в последнюю очередь из Хэйлунцзянской провинции, если «не возникнет смут и образ действий других держав тому не воспрепятствует»³⁶. Все же позиции Витте — Ламздорфа, отстаивавших более умеренную внешнеполитическую линию, оказались заметно ослабленными.

Усиление сторонников «нового курса». Накануне Русско-японской войны разногласия в правящих кругах России по дальневосточным делам углубились, причем инициатива перешла к сторонникам более решительных действий, а адепты прежней линии оказались в обороне. Любопытная особенность ситуации состояла в том, что генерирующим, да и организующим центром «нового курса» выступала закулисная клика, лишь постепенно легализовавшаяся и находившая отдельных сторонников в правительстве; в то же время защитники старой политики, теряя влияние, все же оставались на своих постах либо, как в случае с Витте, замещались людьми нейтральными. Вероятно, вследствие этого успех сторонников «нового курса» определился не сразу и политика российского правительства до самой войны носила непоследовательный характер.

Витте, как свидетельствует его доклад царю о поездке в Маньчжурию летом 1902 года, все еще призывал завершить историческое поступательное движение России к Тихому океану мирно и постепенно. Он считал войну с Японией в ближайшие годы «большим бедствием» для России, которое будет иметь самые неблагоприятные последствия в виде

ослабления позиций России в Европе и на Ближнем Востоке, а также вероятного отрицательного воздействия на внутреннее положение империи. Практические предложения министра финансов сводились к тому, чтобы пойти на требуемые Японией уступки в Корее и нормализовать отношения с Китаем³⁷. Близких Витте взглядов по этим вопросам придерживался и Ламздорф,

В докладе министра финансов нашли отражение и проблемы развития дальневосточных окраин, улучшения жизни и быта строителей КВЖД, а также русской колонизации полосы отчуждения дороги. Речь шла о скупке дорогой земель в районах ее крупных станций*, образовании здесь «целых солдатских поселков» из военнослужащих, увольняемых в запас, и др. Николай II утвердил «Правила о водворении русских подданных» на землях КВЖД, но основные внешнеполитические советы Витте проигнорировал.

Царю гораздо больше импонировал рекомендуемый безобразовцами «решительный метод» политики на Дальнем Востоке. Они предлагали, опираясь на военную силу, занять в отношении Японии твердую позицию, игнорировать протесты цинского правительства по поводу Маньчжурии и принимать все меры к упрочению там русского влияния вплоть до присоединения края к России. Сам Безобразов в докладе царю в 1903 году утверждал, будто интересы России «по сплошному протяжению ее территории интенсифицируются прогрессивно от запада к востоку». Он предлагал путем «континентального соглашения» в Европе создать могучий рычаг, который можно будет «прилагать на Западе, чтобы облегчить себе исключительно трудную работу на Дальнем Востоке, при разрешении назревающего вопроса о судьбах Китайской империи»³⁸.

Главным объектом нападок безобразовцев стало детище Витте — КВЖД. В Берлине была отпечатана анонимная брошюра «Маньчжурский вопрос. Посвящается С.Ю. Витте», пристрастно критиковавшая политику МИД и Министерства финансов на Дальнем Востоке. Царя призывали взять «некомпетентное» железнодорожное предпринимательство Витте под специальный контроль.

Промежуточную позицию занимал Куропаткин, добивавшийся военных гарантий в Маньчжурии и присоединения к России северной части края. В то же время его сближало с Витте и Ламздорфом понимание того, что главные интересы страны лежат все же не в Китае и Корее, а в Европе и на Ближнем Востоке.

Успеху безобразовцев способствовала внутренняя ситуация в стране — экономический кризис, вызвавший нападки некоторой части обще-

* До мая 1903 года главным инженером КВЖД А.И. Юговичем было скуплено 143 700 десятин земли, в том числе на станциях — 100 000 десятин.

ства на дальневосточную политику Витте, подъем забастовочного, крестьянского и оппозиционного общественного движений. Перед угрозой революционных потрясений с кликой сомкнулся влиятельный министр внутренних дел В.К. Плеве, рассчитывавший на гребне шовинизма предотвратить социально-политический взрыв.

К 26 марта 1903 года предстояло завершить второй этап вывода русских войск из Маньчжурии (первый был осуществлен в назначенный срок). Военное министерство стало настаивать на том, чтобы связать эвакуацию с предъявлением Китаю новых требований или «гарантий», обеспечивающих русские интересы в крае. Ламздорф и Витте в принципе не возражали против дополнительных условий, хотя и более умеренного характера. На предварительном совещании, состоявшемся в МИД 11 января 1903 года, было намечено, освобождая Маньчжурию в установленные сроки, сопроводить вывод войск «гарантиями» с китайской стороны. Они включали отказ Китая от изменения существующего управления в Маньчжурии и от отчуждения земель, освобождаемых русскими войсками, устранение влияния иностранцев в пограничных с Россией районах Китая, обеспечение безопасности плавания по Амуру и даже воспрещение китайцам заселять местность вдоль КВЖД³⁹. Эти требования ущемляли суверенитет Китая над Маньчжурией.

25 января проект «гарантий» был рассмотрен Особым совещанием под председательством министра иностранных дел. Куропаткин занял при обсуждении «решительную позицию». Он настаивал на установлении «непосредственного контроля» над Северной Маньчжурией. Военный министр предлагал затягивать вывод войск и даже после «полной эвакуации» оставить военные посты в полосе отчуждения дороги, а также вдоль Сунгари и Амура.

Витте и Ламздорф выступили против присоединения к России Северной Маньчжурии, считая, что такой шаг обострит отношения с Китаем и Японией. Совещание рекомендовало компромиссную линию, учитывающую настояния военного министра в части сохранения военных постов⁴⁰.

Значительное место в работе совещания 25 января заняло обсуждение напряженных отношений с Японией. Совещание высказалось за урегулирование спорных вопросов с ней путем переговоров.

Между тем возвратившийся в марте 1903 года из Маньчжурии Безобразов представил царю доклад о якобы блестящем состоянии дел ялуцзянского предприятия и о важности организованной там военной охраны. Резким контрастом этому выглядела в его оценках деятельность в Маньчжурии трех ведомств — дипломатического, финансового и военного, которые-де довели положение России до «весьма неблагоприятного», поставив страну перед лицом «поражения экономического,

а может быть, и военного»⁴¹. Безобразовцы постоянно напоминали царю о необходимости иметь на Ялу «заслон» на случай обострения отношений с Японией и в связи с приближавшимся сроком эвакуации из края русских войск.

По их инициативе на Особом совещании 26 марта был поставлен вопрос о создании частного общества для эксплуатации русских концессий в Маньчжурии и Корее и об организации соответствующей охраны.

Открывший совещание и председательствовавший на нем Николай II выступил за создание такого общества для препятствия дальнейшему распространению японского влияния в Корее, грозящего перекинуться на Маньчжурию. Те же соображения о важности «заслона» на Ялу лежали в основе записки безобразовца А.М. Абазы, которая была представлена совещанию. В этом документе утверждалось, что ввиду важности концессии она должна возглавляться особым статс-секретарем, доверенным лицом правительства. Абаза выступал за приостановку эвакуации русских войск из Маньчжурии, используя в качестве предлога «появление на Ялу нескольких тысяч японцев» и создание там китайской лесопромышленной компании. Он призывал обратиться с «твердыми требованиями» как к Китаю, так и к Японии, не допуская в переговорах с ними никаких уступок.

Министр финансов обстоятельно возражал Абазе. Он изложил свое понимание ситуации на Дальнем Востоке и задач России на ближайшие 5–10 лет, состоявших, по его мнению, в завершении начатых дел, для чего необходимы спокойствие в регионе и отказ от каких бы то ни было, в том числе и скрытых, агрессивных целей. Витте считал, что проектируемая компания имеет право на существование, но лишь в том случае, если будет носить исключительно коммерческий характер.

Ламздорф поддержал Витте, подчеркнув, что приостановка эвакуации войск из Маньчжурии может вызвать противодействие держав, и в первую очередь Японии. Плеве, напротив, выступил в поддержку безобразовцев. Он высказался как в пользу образования общества, так и за объединение деятельности всех русских учреждений, работавших в Маньчжурии, под руководством специального представителя правительства.

Совещание пришло к мнению, что будущая компания должна все же действовать на чисто коммерческих началах и ограничить свою деловую активность лесоразработками. Предполагалось поставить ее под контроль начальника Квантунской области Алексева⁴².

Половинчатость принятого решения вызвала недовольство безобразовцев, которые использовали все свое влияние на самодержца. 2 мая Николай II по телеграфу приказал Е.И. Алексеву подготовиться к проведению в жизнь под его (царя) непосредственным руководством «ново-

го курса» политики на Дальнем Востоке. Задача состояла в том, чтобы выполнить соглашение от 26 марта и одновременно «не допустить проникновения в Маньчжурию иностранного влияния в каком бы то ни было виде». Для этого намечалось: 1) «дать широкое развитие деятельности русских предпринимателей в Маньчжурии... в особенности в районах, представляющихся важными в политическом и военном отношениях» (здесь явно имелась в виду безобразовская компания) и 2) «в минимальный срок и не останавливаясь перед нужными расходами, поставить нашу боевую готовность на Д. Востоке в полное равновесие с нашими политико-экономическими задачами, дав очевидное для всех доказательство решимости отстаивать наше право на исключительное влияние в Маньчжурии»⁴³.

Обращают на себя внимание фразеология телеграммы и новая логика Николая, явно позаимствованная им у безобразовского окружения. Налицо была кардинальная перемена внешнеполитической тактики в пользу «решительного метода».

Царь намечал и перестройку аппарата управления: он предупредил Алексеева, что тому предстоит сосредоточить в своих руках «высшее и ответственное на Дальнем Востоке управление по всем ведомствам», но при этом согласовать общие основания русской экономической политики в регионе с Безобразовым. Стремление Николая II вести «собственную» политику на Дальнем Востоке стало, таким образом, реализовываться.

Однако следовало еще убрать с пути наиболее упорных противников «нового курса», поставить во главе его своих людей. Царь назначил Безобразова статс-секретарем, а другому участнику клики — военному агенту в Китае К.И. Вогаку присвоил придворное звание генерала свиты.

7 мая было вновь созвано Особое совещание по вопросу о лесопромышленном товариществе на Ялу. Тон на нем задавали Безобразов и Вогак. Председательствовавший царь не скрывал своих симпатий, Безобразов, выступивший первым, резко критиковал рекомендации совещания от 26 марта. Он фактически предлагал идти в дальневосточной политике напролом. По мнению статс-секретаря, следовало «обойтись без сложных и малообещающих переговоров в Пекине». Он предостерегал против политики уступок, которая, по его словам, в Азии всегда приносит одни отрицательные результаты, и в заключение призвал подкрепить «новый курс» увеличением войск на Дальнем Востоке.

Куропаткин находился в отъезде. Витте, поддержанный на совещании одним Ламздорфом, возражал, заявляя, что политическая подоплека рассматриваемого дела уже ясна для Китая, Японии и других держав. Если будут предприниматься дальнейшие шаги в том же направлении, может возникнуть война. А она в сложившихся условиях была бы для

России огромным бедствием. Министр ссылался также на финансовые трудности, препятствующие усилению армии на Востоке.

Совещание ознаменовалось решительным успехом безобразовской клики. Почти все рекомендации предыдущего обсуждения были изменены в желательном для нее духе⁴⁴.

Политическая линия Витте-Ламздорфа терпела поражение. 31 мая устав Русского лесопромышленного товарищества на Дальнем Востоке* был утвержден в том виде, какого добивались инициаторы.

Еще раньше состоялось совещание по вопросу об эвакуации из Маньчжурии. Было принято решение оставить пока войска в ряде городов (Харбин, Цицикар, Хайлар, Нингута, Хуньчунь и др.), а также по Сунгари и вдоль тракта Цицикар — Благовещенск⁴⁵. Это была попытка сохранить под своим военным контролем ряд стратегически важных центров края.

В начале июня Безобразов вторично отправился на Дальний Восток, чтобы, исполняя волю царя, обсудить с Е.И. Алексеевым меры по осуществлению «нового курса».

К совещаниям в Порт-Артуре, происходившим 18–28 июня, привлекли также Куропаткина, который инспектировал войска в Маньчжурии. Но он был и единственным авторитетным представителем ответственных за внешнюю политику ведомств. Как МИД, так и Министерство финансов фактически остались в стороне, что отвечало желаниям безобразовцев. Несмотря на известные расхождения, участники совещания выступили за жесткий курс дальневосточной политики, особенно в отношении Китая. Было признано возможным отступить от точного выполнения обязательств по договору с Китаем от 26 марта 1902 года, предъявив Пекину требования о «гарантиях». Совещание, правда, несколько сократило их список. При условии принятия Китаем этих настояний эвакуация войск из всех трех провинций Северо-Востока могла быть осуществлена в течение 1903–1904 годов. Непринятие же их должно было повлечь за собой «сохранение за Россией свободы действий в Маньчжурии», то есть бессрочное продление оккупации края с возможной в перспективе аннексией.

Участникам порт-артурских встреч пришлось констатировать неподготовленность России к войне на Дальнем Востоке. Они даже рекомендовали воздерживаться от активной политики в Корее, чтобы не вызвать преждевременного столкновения с Японией. Это не помешало совещанию выступить за сохранение «охранной стражи» лесопромышленного товарищества на Ялуцзяне⁴⁶.

Безобразов не был удовлетворен характером рекомендаций. Клика активизировала усилия по отстранению Витте и привлечению на свою

* Так стало именоваться безобразовское предприятие.

сторону Е.И. Алексеева, что ей вскоре и удалось. Дальнейшая борьба в правящих кругах России развертывалась на фоне быстро назревавшей войны, приближение которой было лишь слегка завуалировано русско-японскими переговорами.

На пути к войне. Российская дипломатия предполагала нейтрализовать враждебный блок на Дальнем Востоке, заключив, хотя бы временные, до укрепления своих сил в регионе, сделки с его членами. При этом в Петербурге не склонны были проявлять инициативы, а предпочитали выжидать предложений Японии и Англии. В то, что маленькая Япония осмелится напасть на русского колосса первой, царь и его новые советники не верили. Но прогнозы их оказались ошибочными.

В 1903 году осуществление военной и морской программ Японии в расчете на столкновение с Россией подходило к концу. Близился и тревожный для Токио срок завершения строительства Великой Сибирской дороги. Все же ранее принятия окончательного решения японское правительство хотело получить уверенность, что Россия останется изолированной, и обеспечить себе финансово-экономическую и морально-политическую поддержку из-за рубежа. Если на помощь Англии позволял рассчитывать договор с ней, то симпатии других держав, прежде всего Соединенных Штатов, еще предстояло закрепить. Япония начала переговоры с Россией, на которых стремилась не столько достигнуть компромисса, сколько вырядиться в тогу защитницы интересов всех держав в Маньчжурии и Корее против русского экспансионизма.

Как в Лондоне, так и в Вашингтоне Россию считали более опасным соперником в регионе, чем Японию. Поэтому изменение соотношения сил в пользу Токио не представлялось западным державам опасным, тем более что война могла ослабить обоих участников. И Англия пошла на заключение союза с Японией, который не обязывал ее участвовать своими силами в русско-японской войне, но призван был нейтрализовать связанную с Россией Францию. Соединенные Штаты выступили с заявлением о сочувствии целям этого союза. Президент Т. Рузвельт, со своей стороны, обещал Токио принять меры против вовлечения в русско-японский конфликт Франции и Германии. В Берлине мечтали переключить внимание России с Европы на Дальний Восток. Поэтому Вильгельм II гарантировал русскому царю безопасность западной границы. В то же самое время Германия обещала Токио в случае войны нейтрализовать Францию. Западные державы не поскупились на посулы поддержки Японии и в финансово-экономической сфере.

Предложение Токио «войти в рассмотрение положения дел на Дальнем Востоке, где встречаются их, России и Японии, интересы», поступило 15(28) июля 1903 года (вербальная нота японского посланника С. Курино). Почти синхронно с инициативой урегулирования русско-англий-

ских противоречий в Средней Азии выступила Великобритания, явно стремившаяся использовать сложное положение России к своей выгоде*. Ламздорф испросил разрешения царя обсудить ситуацию на Дальнем Востоке на Особом совещании. Николай II согласился, но, со своей стороны, предпринял шаги, свидетельствовавшие о намерении закрепить контроль над дальневосточной политикой за сторонниками более решительного курса,

30 июля он подписал указ об учреждении наместничества на Дальнем Востоке с сосредоточением в ведении наместника (Е.И. Алексеева) всех вопросов обороны, экономических и даже дипломатических сношений с соседними государствами и подчинением его не министрам, а Особому комитету Дальнего Востока под своим личным председательством. Внешне этот акт демонстрировал повышенное внимание Петербурга к региону. С точки зрения борьбы внутри правящих кругов он означал очередной успех безобразцев и их единомышленников. Но в механизм управления наместничество вносило вредный параллелизм и неразбериху. Одновременно понижался уровень дипломатических переговоров с дальневосточными странами, в частности с Японией. Они переносились из столицы в Порт-Артур, где их предстояло вести не министру иностранных дел, а наместнику. Такая перемена не могла, конечно, импортировать претендовавшей на равенство с великими державами Японии.

Как раз в день провозглашения наместничества Курино вручил Ламздорфу проект двустороннего соглашения по Дальнему Востоку. Статья 1 документа декларировала уважение независимости и территориальной неприкосновенности Китая и Кореи. В Маньчжурии японская дипломатия выступила под флагом «равного благоприятства для торговли и промышленности всех наций». Одновременно Япония претендовала на такие политические и экономические преимущества в Корее, которые фактически означали бы предоставление ей там свободы рук. На это Россия не могла пойти в силу важного стратегического значения Корейского полуострова. Еще труднее было достичь соглашения о Маньчжурии, где Токио добивался не только отказа России от притязаний на особое положение, но и признания японских железнодорожных интересов в южной части края. За конкретными разногласиями вырисовывалась борьба за преобладание в западной части Тихого океана.

Претензии Японии показались даже склонному к компромиссу Витте «чрезмерными». Он надеялся, однако, что в ходе переговоров их удастся урезать. Министр советовал принять японские условия, за исключением пункта о соединении корейской железной дороги с КВЖД и Шаньхайгуань-Нючжуанской линией⁴⁷.

* Об англо-русских переговорах 1903 года см. предыдущую главу.

1 августа собралось Особое совещание в составе Ламздорфа, Витте и Куропаткина. Безобразов, также приглашенный, демонстративно не явился. Министры рекомендовали отказаться от присоединения Маньчжурии или какой-либо ее части. Намечалась эвакуация русских войск в годичный срок, но с отводом их не на территорию России, а в полосу отчуждения КВЖД и с продолжением оккупации города Хуньчуня близ корейской границы (уступка Куропаткину). Совещание по-прежнему настаивало на «гарантиях» со стороны Китая, правда сократив их число.

Ламздорф, Витте и Куропаткин предложили согласиться на «политическое и коммерческое преобладание» Японии в Корее «в обмен на признание особой заинтересованности России в Маньчжурии». Они высказались за прекращение активной деятельности Русского лесопромышленного товарищества и перевод его «на совершенно иные, чисто коммерческие начала»⁴⁸.

Безобразов резко критиковал предложения трех министров и настаивал на необходимости отделаться от Витте. Алексеев, со своей стороны, заявил протест против рекомендаций совещания 1 августа. Царь солидаризировался с ними и 15 августа отправил Витте в отставку. Ламздорф сам выразил желание уйти с занимаемой должности, но по настоянию царя остался.

20 сентября переговоры с Китаем о гарантиях, зашедшие в тупик, были прерваны русской стороной, а 22 сентября Японии были вручены встречные русские предложения⁴⁹. Главным пунктом расхождений явилось настойчивое стремление российской дипломатии добиться «признания Японией Маньчжурии и ее побережья во всех отношениях вне сферы ее интересов» (ст. 77).

В результате проведения «нового курса» царя и безобразовцев на Дальнем Востоке складывалась странная и двусмысленная ситуация: Россия, официально отрицая стремление к аннексии Маньчжурии, упорствовала в нежелании вывести войска и объявляла край зоной своих исключительных интересов. Нельзя не согласиться с мнением известного отечественного историка Б.А. Романова, что чем дальше шло дело, тем менее понятным становилось, к чему же стремится Петербург. Даже Плеве признавался Куропаткину, что ему «неизвестно, куда же мы идем»; Куропаткин, в свою очередь, задавался вопросом — «чего же хотим?»⁵⁰ В очевидной нерешительности пребывал и сам творец «нового курса» — Николай. Во всяком случае, на предложения безобразовцев об открытом присоединении Маньчжурии он ответа не давал.

В ходе последующих русско-японских переговоров, шедших весьма медленно, через дополнительную инстанцию в Порт-Артуре, Россия оказалась вынужденной согласиться на включение в повестку дня также вопроса о Маньчжурии.

В октябре Китай заявил о категорическом отказе вести с Россией дальнейшие переговоры о «гарантиях». Он подписал с Японией и США торговые договоры, по которым этим державам предоставлялось в крае несколько новых открытых портов. Позиции японской дипломатии на переговорах с Россией получили, таким образом, весомое подкрепление. Япония могла теперь заявить, что «обладает в Маньчжурии трактатными правами и торговыми интересами», к обеспечению которых она и стремится⁵¹.

Одновременно она пошла на некоторые видимые уступки России. Министр иностранных дел Комура предложил заменить ст. 7 русского проекта, на которую, как он заявил, Япония никогда не согласится, тремя новыми. Новая ст. 7 содержала обязательство России уважать территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии и не стеснять там свободы японской торговли. Статья 8 говорила о признании Японией русских специальных интересов в Маньчжурии (уже не только железнодорожных) и праве России принимать меры для защиты своих интересов в рамках ст. 7. Формальная уступка была сделана и по вопросу о японской железной дороге в Корею.

Предложения Японии как будто давали надежду сблизить позиции участников переговоров. Они были переданы царем на рассмотрение Алексеева и посла в Токио Розенаг Сам Николай отбыл за границу и только по возвращении дал распоряжение продолжать переговоры.

Передача русского ответа затянулась, таким образом, на 40 дней — до 30 ноября (12 декабря). Царское правительство продемонстрировало если не пренебрежение, то, во всяком случае, весьма прохладное отношение к переговорам, что было на руку военной партии в Японии.

Комура, не отрицая сделанных Россией уступок, подчеркнул, что «неупоминание о Маньчжурии» и отказ признать «трактатные права Японии» делают полученный ответ «в высшей степени неудовлетворительным».

В Токио решили перейти к языку угроз. Япония потребовала ввести в соглашение «все те области Дальнего Востока, где встречаются интересы двух империй», то есть не только Корею, но и Маньчжурию, и «пересмотреть свое положение в этом деле»⁵². Курино, передавая ноту 10(23) декабря, подчеркнул, что «возникли бы серьезные затруднения и даже осложнения, если бы нам не удалось прийти к соглашению».

В ответ на это Алексеев предложил прервать переговоры. Однако на совещании министров, созванном царем 15 декабря, Куропаткин и Ламздорф выступили за продолжение переговоров и дальнейшее смягчение русских условий. Николай согласился с ними, заявив, что «война невозможна» и что в договор придется включить статью о Маньчжурии. Такая линия поведения диктовалась очевидной неготовностью России к схватке на Дальнем Востоке.

24 декабря (6 января) 1904 года Розен передал Комуре новые русские предложения. Россия соглашалась рассматривать вопрос о положении Японии в Маньчжурии, однако настаивала на ответных уступках в Корее. В проекте, в частности, говорилось, что Россия в Маньчжурии «не будет чинить препятствий Японии и другим державам в пользовании правами и преимуществами, приобретенными ими в силу существующих договоров с Китаем, за исключением устройства селтльментов»⁵³.

Этот документ не удовлетворил Токио. 31 декабря (13 января) Япония адресовала России вербальную ноту, по существу представлявшую собой ультиматум, с требованием принять японские условия. Нота не предусматривала, правда, никакого срока для ответа⁵⁴. Сторонники «нового курса» в царском правительстве и сам Николай II недооценили опасности момента. С ответом опять не торопились. Проект его обсуждался лишь 15 января. В основу были положены предложения Ламздорфа, предусматривавшие дальнейшие уступки как в Корее, так и в Маньчжурии (включая признание там трактатных прав Японии). Текст ноты был утвержден 21 января и отправлен на следующий день. Но было уже поздно.

Телеграмма Розену с этим ответом была, видимо, умышленно задержана на японском телеграфе в Нагасаки и доставлена в Токио только 26 января (7 февраля). А 24 января (5 февраля) Д. Комура на заседании правительства предложил прервать переговоры, ведущиеся Россией «в необъяснимых промедлениях». В тот же день секретарь японской миссии в Петербурге сообщил российскому МИД о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений. Дипломаты уступали арену военным. В ночь на 27 января японский флот атаковал русскую эскадру в Порт-Артуре.

Возникают вопросы: были ли русско-японские переговоры заранее обречены на неудачу? Могла ли российская дипломатия хотя бы помешать Японии выступить в роли стороны, стремившейся к компромиссу и к тому же защищавшей не только свои интересы, но и интересы других держав?

Не вызывает сомнения, что Япония затратила слишком много усилий и средств на подготовку к войне, чтобы удовлетвориться частичными уступками со стороны России. Дальнейшая затяжка решения спорных проблем была для Токио невыгодна и даже опасна, так как завершение строительства транссибирской дороги и сосредоточение русских военно-морских сил на Дальнем Востоке могли радикально изменить ситуацию к выгоде России. Наконец, благоприятная для Японии международная ситуация могла в случае ее нерешительности измениться. Нельзя было, однако, и слишком форсировать события, чтобы не разоблачить свою истинную роль зачинщицы конфликта, думающей лишь о достижении собственных целей.

Царское правительство, хотя и признавало недостаточность своих военных приготовлений на далекой окраине, недооценивало опасность возможного конфликта. Приступая к переговорам, оно не было готово ни расстаться со своими замыслами монопольного положения в Маньчжурии, ни предоставить Японии свободу рук в Корее. В ходе политико-дипломатической дуэли российское правительство под давлением обстоятельств шло на уступки, но, будучи разобщено и отягощено «безответственными влияниями», проявляло непоследовательность и отсутствие гибкости. Колеблющаяся линия правительства затрудняла деятельность дипломатии, к тому же по воле царя раздвоенной и в силу этих обстоятельств медлительной и малоэффективной.

В таких условиях говорить о возможности хотя бы временно примирить интересы соперников и переиграть японскую дипломатию, очевидно, не приходится.

Вторая половина 90-х годов XIX века и первые годы нового столетия были временем кардинальных сдвигов в международных отношениях. Перегруппировка сил великих держав захватила также Тихоокеанский регион, где завязался один из главных узлов их противоречий. Здесь инициатива передела территорий и «сфер влияния» принадлежала Японии и Германии, от которых стремились не отстать конкуренты. Среди последних выделялись Англия, Соединенные Штаты и Россия.

В рассматриваемый период центр внимания русской внешней политики постепенно переместился на Дальний Восток, Это выразилось в строительстве Великой Сибирской железной дороги, активизации экспансии в Китае (деятельность Русско-Китайского банка, проведение КВЖД и ЮМЖД, приобретение на правах аренды незамерзающих океанских портов), перемещении в регион значительной части военно-морского флота и некотором наращивании сухопутных сил. В отношении целей и методов дальневосточной политики в правящих кругах России противоборствовали два направления. Одно из них, возглавляемое Витте и Ламздорфом, выступало сторонником подчинения Китая русскому влиянию, используя известное совпадение интересов двух держав в борьбе против заморской, прежде всего японской, экспансии и опираясь на союзный договор 1896 года. Представители этого течения стояли за постепенное и мирное внедрение, отнюдь не исключавшее, впрочем, силового давления. Другое направление склонялось к разделу Цинской империи и утверждению в ее более географически близких к России районах с помощью военно-силовых методов и прямой аннексии. На практике осуществлялась непоследовательная, а потому недостаточно действенная, но определенно экспансионистская политика.

К характерному разному ведомств, участвовавших в решении внешнеполитических вопросов, добавилось на рубеже веков влияние неправительственной, но близкой к придворным кругам и пользовавшейся симпатией самодержца безобразовской клики. Возросла также личная роль Николая II, более склонявшегося к «решительному методу».

Ахиллесовой пятой политики России на Дальнем Востоке оказалась растущая изоляция. Союз с Китаем был сведен на нет насильственной арендой Ляодунского полуострова, англо-русским соглашением о сферах железнодорожных интересов, стремлением царизма утвердиться в Маньчжурии. Русско-французский союз, стабилизируя положение в Европе, служил косвенной поддержкой, но непосредственно в дальневосточных делах не играл большой роли. Между тем активизация политики в регионе привела Россию к противоборству с целой коалицией держав, ядром которой стал англо-японский союз. Япония не только отстаивала собственные экспансионистские притязания к Корее и Маньчжурии, но и выступала в роли ландскнехта Англии, Соединенных Штатов и некоторых других заинтересованных держав. Этой опасности в Петербурге явно недооценили.

Глава V. Годы войны с Японией и первой русской революции

1. Русско-японская война

Днем 27 января 1904 г. в Зимнем дворце состоялась церемония объявления войны. После молебна в дворцовой церкви в зал, где собрались высшие сановники, офицеры гвардии и столичного гарнизона, «вошел Николай II в скромном пехотном мундире и с обычным безразличным ко всему видом. Все заметили только, что он был бледен и более возбужденно, чем всегда, трепал в руке белую перчатку.

Повторив известное уже всем краткое сообщение о ночном нападении на нашу Порт-Артурскую эскадру, он закончил бесстрастным голосом: "Мы объявляем войну Японии"»¹. Раздалось казенное «ура», прокатившееся эхом по бесчисленным залам дворца. Министерство иностранных дел довело принятое решение до сведения других государств. Жители России узнали о случившемся из царского манифеста.

Военно-политическая программа царизма. Как уже говорилось, накануне войны в правящих кругах России не было единства относительно задач дальневосточной политики. Размашистому аннексионизму безобразовцев противостояли более умеренные программы С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорфа и отчасти А.Н. Куропаткина.

После нападения Японии раздраженный царь заявил Ламздорфу, что война будет вестись до решительного конца и результатом ее должна стать полная нейтрализация империи микадо, «так чтобы она не могла больше иметь ни войска, ни флота». На это министр осторожно возразил, что России следовало бы при будущем мирном урегулировании проявить разумную сдержанность, иначе она столкнется с коалицией или международным конгрессом, как это случилось в 1878 году. Ламздорф считал достаточным ограничиться закреплением довоенных позиций России в Маньчжурии и изгнанием Японии из Кореи. Николай II сослался в ответ на общественное настроение, не позволяющее быть снисходительным в отношении наглого обидчика².

Выявившиеся расхождения с Ламздорфом побудили царя взять решение вопросов о будущем мире в свои руки, не перепоручая их МИД. Материалы для него готовили безобразовцы А.М. Абаза и К.И. Вогак. В обычном порядке, на межведомственном совещании при МИД, обсуждалось лишь будущее экономических предприятий на Дальнем Востоке.

Первые военные неудачи не оказали на Николая II отрезвляющего влияния. В сентябре 1904 года в письме к наместнику и главнокомандую-

щему вооруженными силами на Дальнем Востоке Е.И. Алексееву он высказал мнение, что «единственное осязаемое вознаграждение» за такую войну заключается в присоединении Маньчжурии, так как Корея «малоценна», а рассчитывать на получение контрибуции «с разоренной» Японии не приходится³.

В царском манифесте от 18 февраля 1905 г. провозглашалось, что Россия ведет войну не только за свою честь и достоинство, но и за «господство» на Тихом океане. После вмешательства встревоженного возможными последствиями Ламздорфа Николай разрешил пояснить другим правительствам, что речь идет о намерении «господствовать на своем берегу Тихого океана, как то мировой державе подобает»⁴. Амбициозные царско-безобразовские проекты были опасны и нереальны.

Не менее экспансионистской была программа правящих кругов Японии. Они рассчитывали утвердиться на континенте — в Корее, Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке, лишить Россию права держать на Тихом океане военный флот, добиться для себя больших экономических преимуществ и льгот⁵. Таким образом, Русско-японская война являлась империалистической схваткой за передел мира, несправедливой с обеих сторон.

На первый взгляд казалось, что огромная Российская империя с ее многочисленными вооруженными силами и неисчислимыми ресурсами легко задавит маленькую Японию. В действительности царизм плохо подготовился к войне на Дальнем Востоке. Если Япония рассматривала предстоящее столкновение как тотальное и мобилизовала все свои возможности, то в Петербурге считали вероятный конфликт локальным, не требующим полного напряжения сил государства. В Дальневосточном регионе находилась едва десятая часть русской армии мирного времени — всего около 100 тыс. человек, которые были разбросаны на огромной территории от Читы до Владивостока и от Благовещенска до Порт-Артура. Доставка подкреплений чрезвычайно затруднялась слабой пропускной способностью и незавершенностью Сибирской железной дороги. На Тихом океане было сосредоточено немногим более трети русских военных кораблей, уступавших японскому флоту в численности и особенно в артиллерийском вооружении. Оборудование и укрепление главной базы русской Тихоокеанской эскадры — Порт-Артура — к моменту японского нападения далеко не завершилось⁶. Япония знала об этих слабостях благодаря хорошо поставленной разведке.

Россия в военных планах, принятых в 1903 году⁷, исходила из неизбежности длительного пассивного периода сосредоточения сухопутных войск. Переход в наступление намечался только на седьмом месяце войны, когда русская армия будет насчитывать 300 тыс. человек и, как предполагалось, вдвое превысит по численности японскую. Назначен-

ному главнокомандующим сухопутными силами А.Н. Куропаткину последовательные этапы борьбы представлялись следующим образом: 1) состязание флотов за главенство на море; 2) противодействие флота десанту японцев; 3) оборонительные действия русской армии до сбора значительных сил; 4) переход в наступление и вытеснение японцев сначала из Маньчжурии, а затем из Кореи; 5) десант в Японию и овладение ее столицей. По его предположениям победоносная война должна была продлиться полтора года и стоить 700–800 млн руб.⁸ Расчеты царских стратегов оказались совершенно несостоятельными.

Исключительная роль в начавшейся войне принадлежала фактору господства на море. От него зависела возможность для Японии перебрасывать войска на континент, не говоря уж о грезившемся русскому командованию в отдаленном будущем десанте на Японские острова. Перед главными силами русского флота ставилась задача удерживать главенство в Желтом море и Корейском проливе и не допустить высадки вражеских войск на западном побережье Кореи и в устье Ялу. Однако необходимого для решения этой задачи превосходства над японцами не было. Взаимодействия с сухопутными силами при отражении японских десантов вообще не предусматривалось. План не учитывал возможности, что японцы, как они это действительно сделали, осуществят высадку в Корею еще до объявления войны⁹. Коварная минная атака японцев против Тихоокеанской эскадры в ночь на 27 января застала ее командование (вице-адмирал О.В. Старк) врасплох и нанесла русскому флоту тяжелый урон — были выведены из строя 2 броненосца и крейсер.

В результате указанных промахов ни обеспечить господство на море, ни помешать японским десантам не удалось. Попытки нового командующего эскадрой талантливого вице-адмирала С.О. Макарова активизировать действия русского флота не удались: 31 марта он погиб при взрыве флагманского броненосца «Петропавловск». Подорвался на mine и еще один русский броненосец, после чего Е.И. Алексеев предписал эскадре притереться строго оборонительного образа действий.

Пользуясь своим превосходством на море, Япония в апреле–июне 1904 года осуществила высадку десантов в Южной Маньчжурии и приступила к наступательным операциям сразу в двух направлениях — против основной маньчжурской группировки русских войск и против Порт-Артура. Она получила возможность сосредоточивать силы в Маньчжурии быстрее, чем могла перебрасывать войска из европейской части страны Россия. Японской армии удалось сбить заслон на Ялу и отрезать, а затем и блокировать Порт-Артур.

Первые военные успехи империи микадо имели важное морально-политическое значение. Они создали, в частности, условия для размещения столь нужного Токио займа в Англии и Соединенных Штатах.

В июле 1904 года Страна восходящего солнца предприняла и первую попытку мирного зондажа, носившего чисто разведывательный характер. Через посредников от нее поступило предложение о встрече между японским посланником в Лондоне Г. Хаяси и приехавшим в Германию для заключения торговой конвенции Витте. Вопреки мнению Витте, считавшего момент удобным для заключения «мира не унижительного», царское правительство не откликнулось на японскую инициативу¹⁰.

Между тем Куропаткин упорно следовал своей схеме предварительного накопления сил. Он оказался непригодным к роли полководца в современной войне с развитым государством. Стиль его командования характеризовали боязнь риска, колебания, недоверие к подчиненным и мелочная опека, неумение наладить взаимодействие соединений. Положение усугублялось отсутствием настоящего единоначалия и необходимостью считаться с пожеланиями не только Петербурга, но и некомпетентного Алексеева, который был отозван только в середине октября.

В августе произошло первое сражение главных сил русской и японской армий на заранее подготовленных Куропаткиным позициях у Ляояна. Соотношение сил было в пользу России (155 батальонов с 483 орудиями против 106 батальонов с 414 орудиями). Но русское командование, преувеличивавшее мощь противника, считало свое превосходство недостаточным и действовало крайне нерешительно. В ходе боев сложилась обстановка, позволявшая нанести контрудар по слабому левому флангу японских войск и опрокинуть малочисленные части 1-й японской армии генерала Куроки, переправившиеся на правый берег реки Тайцзыхе. Куропаткин, однако, отдал приказ отступать на север к Мукдену. В армии горько шутили: Куропаткину Куроки на практике дает уроки по тактике.

Победа под Ляояном была использована Токио для получения следующего, более крупного англо-американского займа. Воодушевленный успехом, японский кабинет министров одобрил программу военных целей, далеко превосходившую более ранние наметки. Аппетиты японских империалистов обгоняли их достижения на полях войны.

Война и общественные движения. Побеждавшие в правительственных кругах накануне столкновения с Японией сторонники «решительного» курса имели свой рецепт борьбы, с внутренним социально-политическим кризисом: преодолеть его на волне шовинизма, подогретого международными успехами, или даже маленькой победоносной войной. Предполагалось, таким образом, использовать едва ли не самое сильное средство в руках правящего класса.

Поначалу война в известной мере переключила внимание народных масс на «внешнего врага», тем более что инициатива развязывания конфликта была за Японией. Сыграла свою роль инспирированная властями ура-патриотическая кампания. Война создала для рабочих и кре-

стьян много специфических житейских трудностей, отнимавших время и силы. Нельзя, наконец, забывать, что в военное время всякое проявление недовольства каралось особенно жестоко. В результате в первый год войны произошло значительное ослабление размаха забастовочной борьбы рабочих¹¹. Серьезный спад наблюдался и в крестьянском движении¹².

Война не смогла, однако, заглушить классовые противоречия в стране. Она не вызвала сколько-нибудь устойчивой волны массового шовинизма. Среди причин этого следует указать на тонкость «среднего слоя» в русской деревне, а также сравнительную незначительность прослойки «рабочей аристократии». На деле вместо легкой победоносной войны царизм втянулся в затяжную схватку, которая принимала все более неблагоприятный для него оборот. Сказывалось также влияние субъективных факторов. Цели кровавого столкновения на далекой китайской земле были непонятны и чужды трудящимся массам. Министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов в позднейшем докладе Николаю II свидетельствовал: «Нельзя скрывать от себя, что война на Дальнем Востоке никакой популярностью среди населения не пользуется, что никакого подъема патриотического чувства в народе нет и не было...»¹³.

Откровенные шовинистические настроения были присущи помимо официальной печати лишь крайне правым газетам, выражавшим интересы крепостников-помещиков.

Либеральная буржуазия поддерживала войну без особого энтузиазма, с оговорками, так как расходилась с правительством в определении приоритета внешнеполитических задач. Позднее под влиянием военных неудач и роста народного недовольства она стала переходить от фронды к оппозиционности правящему режиму. С осени 1904 года часть либерально-буржуазных идеологов, группировавшихся вокруг журнала «Освобождение» (редактор П.Б. Струве), заняла пораженческую позицию.

Меньшевики, а также эсеры и анархисты выступали с требованием скорейшего мира. Они доказывали, что интересам народа не отвечают ни победа царизма, ни успех Японии.

Свою тактику в отношении войны проводила партия большевиков. Она призывала к борьбе против этой империалистической схватки и использованию создаваемого войной кризиса для дела революции. Признавалось, что поражение царизма было бы наименьшим злом, поскольку ослабляло самодержавие. Ленинская партия ориентировалась в своей борьбе на взаимодействие с международным социалистическим движением. Эта трехчленная позиция содержала в себе, хотя и в менее развитом виде, основы будущей антивоенной платформы партии в 1914–1917 годах.

Движение протеста против войны было сначала слабым и разрозненным. Произошло несколько антивоенных манифестаций студенчества и интеллигенции¹⁴. В январе — марте и мае 1904 года состоялись также первые пролетарские демонстрации против войны, связанные с мобилизацией или стачками. Они были немногочисленными¹⁵.

С осени 1904 года политическая атмосфера в России начала накаляться. Главной причиной этого послужили поражения царской армии в Маньчжурии и новые массовые мобилизации. Постепенно оживлялась стачечная борьба пролетариата. Увеличилось количество рабочих демонстраций, около трети из которых носили антивоенный характер. Инициатива протеста принадлежала в ряде случаев местным социал-демократическим организациям¹⁶.

Недовольство крестьянства прорывалось в форме стихийных волнений. В сентябре—декабре имели место десятки случаев «беспорядков» среди солдат, преимущественно запасных, не желавших ехать сражаться в далекую чуждую Маньчжурию.

Антивоенные настроения получили также заметное распространение среди интеллигенции. Они проявились на некоторых собраниях учителей, врачей и инженеров. По всей стране прокатились сходки и митинги студентов против войны¹⁷.

Либеральная буржуазия стремилась использовать ситуацию для расширения своего влияния. Она развернула «банкетную кампанию» выпрашивания реформ, к которой в некоторых случаях примыкали и рабочие. Последнему способствовали призывы меньшевиков поддержать либералов, чтобы придать «побольше храбрости» и побудить их выдвинуть радикальные требования.

Все же высшей точкой пролетарского движения в 1904 году стала декабрьская всеобщая стачка рабочих Баку, переключавшаяся с выступлениями 1902 и 1903 годов. Она имела также отчетливую антивоенную направленность¹⁸.

Русская дипломатия в начальный период войны. Вспыхнувшая война выдвинула перед царским МИД задачи ее дипломатического обеспечения. Наилучшим для России вариантом могло, по-видимому, стать возрождение тройственной комбинации 1895 года. Некоторые предпосылки к этому как будто имелись. Речь идет о франко-русской декларации 1902 года и благожелательных заверениях, полученных незадолго до войны от кайзера Вильгельма. Тем не менее от попыток создать антияпонскую коалицию пришлось почти сразу отказаться. В Петербурге знали, что Франция завершает урегулирование отношений с Англией, вследствие чего шансы на активное взаимодействие с первой против англо-японского союза серьезно понижались. Германия же заняла с началом войны двусмысленную позицию. Она обещала Петербургу не со-

здавать осложнений на русской западной границе, продемонстрировав явную заинтересованность в отвлечении сил России на восток. В то же время Токио получил из Берлина заверения, что Германия примет в случае необходимости меры, чтобы нейтрализовать возможные попытки Франции прийти на помощь союзнице. Выступление какой-либо из держав на стороне России обязывало Англию по договору с Японией 1902 года встать на сторону последней. Наконец, президент Соединенных Штатов Т. Рузвельт предупредил как Францию, так и Германию о том, что их присоединение к России не оставило бы его страну безучастной, побудив ее поддержать империю микадо¹⁹.

В этой ситуации царская дипломатия сочла целесообразным ограничить свою ближайшую задачу обеспечением прочного и по возможности благожелательного для России нейтралитета других стран. На Дворцовой площади были уверены в победоносном исходе единоборства с Японией. Что касается нейтралитета, то озабоченность царского МИД вызывала главным образом позиция трех государств: союзной Японии, Англии, сочувствующих этому союзу Соединенных Штатов и весьма заинтересованного в происходящих событиях Китая. Известия из Лондона, Пекина и Вашингтона в значительной мере рассеяли первоначальные опасения.

29 января посол в Лондоне А.К. Бенкендорф телеграфировал, что король подписал указ, обязывавший его подданных соблюдать строгий нейтралитет²⁰. Как выяснилось немного позднее, Англия действовала по взаимному уговору с Францией, выступившей одновременно с аналогичным заявлением. Это позволяло обоим государствам предстать перед своими союзниками в роли гаранта нейтралитета друг друга.

30 января российский посланник в Пекине П.М. Лессар сообщил о намерении Китая поддерживать нейтралитет. Его донесение получило подтверждение 1 февраля в заявлениях китайского представителя в Петербурге²¹. Наряду с этим поступали тревожившие царское правительство сведения о передвижениях китайских войск, сосредоточении их в Северо-Восточных провинциях и даже о посылке частей в Маньчжурию. Хотя действия цинских властей носили, по-видимому, характер мер предосторожности, не было гарантии, что, когда определится успех одной из сторон, Китай не постарается примкнуть к ней. Это побуждало Россию, как и Японию, пристально следить за его поведением, время от времени обвиняя Пекин в отклонении от нейтралитета в пользу противника.

Немного позже Англии и Китая официально определили свою позицию Соединенные Штаты. Администрация Рузвельта выжидала, пока выявится линия Франции и Германии. Кроме того, 29 января государственный секретарь Дж. Хей в обращении к державам возбудил вопрос о международном признании нейтрализации Китая. Смысл этой иници-

циативы, поддержанной Германией и другими державами, заключался в том, чтобы территориально локализовать военные действия в Китае, уменьшив ущерб интересам других держав и опасность нового восстания там против иноземцев.

Царская дипломатия первоначально отнеслась к этому предложению отрицательно, опасаясь, что оно стеснит свободу действий России и поставит ее в неблагоприятное положение²². Ламздорф не без иронии указывал, что, если другие державы действительно хотят локализовать военные действия, им следовало бы позаботиться о защите пограничного Японией нейтралитета Кореи²³. После дальнейших уточнений Россия, как и Япония, дала согласие на нейтрализацию Китая, за исключением территории Маньчжурии, где развернулись боевые действия, а Соединенные Штаты официально примкнули к нейтралам.

Хотя задача обеспечения нейтралитета других стран оказалась решенной, международная обстановка в целом складывалась для царского правительства не вполне благоприятно. Казалось бы, грубое нарушение Японией международного права при нападении на Россию и высадке в Корее должно было поставить Токио в изолированное положение. Русская дипломатия постаралась использовать полученный шанс и дважды — в манифесте об объявлении войны и в заявлении державам от 9 февраля — обвинила противника в вероломстве и попрании законов, регулирующих отношения между цивилизованными народами. Ее выступления получили отклик общественности некоторых стран, однако ни одна из великих держав официально не осудила поведение Японии.

Последней удалось создать в правительствах и общественности многих государств впечатление, будто она сражается не только за свои, но и за общие интересы держав на Дальнем Востоке, добиваясь от России «возвращения» Маньчжурии Китаю и невмешательства в дела Кореи. Особые надежды возлагались в Токио на союзную Англию и Соединенные Штаты, куда с началом войны были направлены специальные представители. Эти державы рассматривали Японию как своего ландскнехта в борьбе с опасным русским соперником. Они оказывали ей финансовую, торговую и иную поддержку. Так, Англия еще перед началом войны информировала Петербург, что не допустит прохода через Дарданеллы ни одного русского корабля, который мог бы принять участие в боевых действиях на Дальнем Востоке, и что попытки подобного рода имели бы катастрофические последствия для отношений двух стран²⁴. Подобные предупреждения повторялись и в ходе войны.

Россия могла рассчитывать лишь на благожелательный нейтралитет Франции. Правда, Германия также заверяла царское правительство в дружественных чувствах, но в Петербурге трезво оценивали ее линию скорее как беспристрастную. Позиция малых и зависимых стран в серье-

езный расчет не шла, хотя некоторые из них выражали свое сочувствие России.

То или иное отношение держав было важно прежде всего с точки зрения их реакции на условия будущего мира. В МИД России не без основания опасались повторения 1878 года, когда вмешательство Европы лишило Россию значительной части плодов ее победы в войне с Турцией. Поэтому Ламздорф с началом войны с Японией предписал русским послам воздерживаться от всяких суждений и дискуссий о будущем образе действий России²⁵. Предложение о нейтрализации Китая было принято Петербургом при условии, что оно вовсе не будет касаться вопросов политического характера²⁶. Возможность иностранного вмешательства решительно отвергалась в письме Николая II королю Англии Эдуарду VII, посланном в начале апреля²⁷. 14 апреля царский МИД разослал циркулярное сообщение о неприемлемости вмешательства третьей стороны или сторон в условия конечного русско-японского мирного урегулирования²⁸.

Позиции других держав представлялись важными также в плане получения иностранных займов для ведения войны и размещения за границей военных заказов. Первую финансовую операцию царское правительство совершило весной 1904 года в Париже на сумму 300 млн руб. из 5 % годовых, получив больше, чем почти одновременно получила Япония, и на лучших условиях²⁹.

Военные заказы за рубежом в значительной мере приходились на Германию. Это обстоятельство, а также заинтересованность царизма в строгом нейтралитете соседней империи были использованы Берлином с целью склонить Россию к подписанию в июле 1904 года торговой конвенции, более выгодной немецкой стороне, чем договор 1894 года. Правда, заключавший конвенцию С.Ю. Витте сумел выторговать у правительства кайзера согласие на размещение в Германии русского займа на сумму 231 млн руб.³⁰

Еще в конце июня австрийский посол в Петербурге А. Эренталь предложил царскому правительству подписать соглашение о взаимном нейтралитете в случае неспровоцированной войны с третьей державой. Инициатива Австро-Венгрии в первую очередь объяснялась намерением активизировать политику на Балканах и опасением столкновения на этой почве с Италией. Но был в ней также более далекий расчет, направленный на воссоздание в той или иной форме блока трех империй. Для царского правительства это предложение явилось неожиданностью³¹. Все же в обстановке войны его сочли небесполезным как дополнительную гарантию безопасности западной границы. 2 октября Ламздорф и Эренталь подписали секретную Декларацию о взаимном нейтралитете, причем царская дипломатия добилась подтверждения

верности политике совместных действий на Балканах и оговорила неприменимость условий соглашений к Балканским странам³².

Россия и перегруппировка держав. Русско-японская война ускорила процесс перегруппировки великих держав вокруг Англии и Германии, затронувший также Россию. С началом войны сент-джеймский кабинет проводил политику ее локализации с целью предотвратить возможность столкновения Британии с Россией и Францией. Активизировались переговоры об англо-французском соглашении, завершившиеся в конце марта 1904 года оформлением «сердечного согласия» двух держав. Россия была информирована своей союзницей о содержании соглашения примерно за две недели до его подписания. Делькассе уверял Нелидова, что интересы России нисколько не пострадают, дружественные отношения с ней останутся краеугольным камнем французской политики, а сближение Франции с Англией может оказаться полезным самому русскому союзнику при будущем мирном урегулировании³³. Официальная реакция Петербурга была одобрительной³⁴.

Действительное отношение его оказалось довольно сложным. Царская дипломатия усматривала в соглашении некоторые положительные моменты, как, например, признание Англией конвенции 1888 года о нейтрализации Суэцкого канала или обеспечение свободы входа в Средиземное море с запада. В то же время общеполитические последствия возникновения новой группировки вызвали сомнения: как она повлияет на ситуацию в Европе, сможет ли теперь Россия сохранить положение «равноудаленности» и продолжать играть на противоречиях между Германией и Францией? На докладе Ламздорфа о проекте англо-французского соглашения царь наложил сдержанную резолюцию: «Поблагодарить за любезное сообщение. Нам к этому соглашению присоединиться не следует, так как оно нас не касается непосредственно»³⁵.

С формальной стороны от России, как и от других участниц конвенции 1885 года об упорядочении финансов Египта, ожидалось лишь согласие на проект декрета хедива (египетского правителя), вносивший выгодные Англии изменения в функции Кассы египетского долга*. Одновременно с этим пожеланием Форин офис прозондировал почву, как отнесется царское правительство к перспективе общего улучшения отношений с Англией на основе урегулирования спорных вопросов. Активную роль в предпринятой разведке сыграл король Эдуард VII, определенно высказавшийся в пользу англо-русского сближения в беседах с посланником в Копенгагене Извольским, а затем с Бенкендорфом и в письме к царю³⁶.

* Касса египетского долга — международная комиссия по контролю за уплатой египетского заграничного долга, в которой главную роль играли Англия и Франция.

В Петербурге к английскому зондажу отнеслись сдержанно. 15 апреля Ламздорф писал послу в Лондоне, что слова короля, хотя и очень важные, не представляют собой чего-либо принципиально нового. Время войны неблагоприятно для переговоров. После ее окончания, если поведение английского правительства будет соответствовать его дружеским заверениям, Россия, в свою очередь, проявит добрую волю к заключению возможно полного соглашения по всем интересующим обе стороны вопросам. В таком духе Николай II ответил королю Эдуарду³⁷. Что касается частного вопроса о декрете хедива, то царская дипломатия связала свое согласие с получением заверений от Англии в том, что ее политика в Тибете не будет носить агрессивного характера³⁸.

В дальнейшем, однако, отношения между двумя державами вновь ухудшились. Вопреки обещаниям Англия продолжала развивать агрессию в Тибете. Британская дипломатия предприняла первые шаги с целью активизировать вмешательство Англии и Франции в вопрос о македонских реформах, чем вызвала недовольство в Петербурге. Постоянные трения между Россией и Англией порождали связанные с войной вопросы морской контрабанды и каперства.

Острый конфликт вызвал известный «гульский инцидент», когда корабли 2-й русской Тихоокеанской эскадры, посланной с Балтики на Дальний Восток, в условиях сильного тумана обстреляли у Доггер-Банка английскую рыболовную флотилию, по ошибке приняв ее за противника³⁹. Кабинет Бальфура не ограничился дипломатическим протестом. Он потребовал суда над самим командующим русской эскадрой вице-адмиралом Рожественским и другими виновными командирами. Вслед русской эскадре были посланы английские военные корабли, которые фактически блокировали ее в испанском порту Виго. Последовал призыв резервистов британского флота. В воздухе запахло порохом.

Обстановка немного разрядилась после того, как по инициативе русской стороны было намечено передать выяснение обстоятельств «гульского инцидента» Международной следственной комиссии, предусмотренной Гаагской конвенцией 1899 года. Определенное воздействие на Лондон оказала Франция. Делькассе предписал П. Камбону самым решительным образом предостеречь сент-джеймский кабинет против поспешных и неосторожных решений, способных вызвать войну. Посол пошел несколько дальше и прибавил от себя, что в случае разрыва Англии с Россией только что установившееся англо-французское согласие будет разрушено, причем сочувствие французского народа окажется на стороне союзницы⁴⁰.

Англо-русский конфликт постаралась использовать в своих целях германская дипломатия. В самый острый момент «гульского кризиса» кайзер Вильгельм по телеграфу предложил царю парализовать угрозу

войны, создав комбинацию двух империй и потребовав от Франции присоединиться к ней⁴¹. Одновременно аналогичное предложение было передано русскому послу Н.Д. Остен-Сакену.

Царские дипломаты легко разгадали замысел Германии — использовать ситуацию с целью решения одной из своих политических задач: либо разорвать русско-французский союз, либо обеспечить себе содействие России и Франции в обостряющемся соперничестве с Англией. И то и другое было неприемлемо для Петербурга. Вместе с тем Ламздорф и Остен-Сакен хотели бы сохранить расположение Германии, имея в виду предстоящее мирное урегулирование с Японией.

Маневрирование русского МВД затруднил Николай II. Раздраженный поведением Англии, он решительно выступил в пользу предложенной Берлином комбинации. 16 октября царь телеграфировал Вильгельму, что вполне разделяет его чувства и согласен с рекомендуемым кайзером средством «уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство»⁴²: Начались переговоры, которые длились почти два месяца, но оказались безрезультатными. Ламздорф сумел убедить Николая II в том, что перемена внешнеполитической ориентации не будет выгодна⁴³.

К тому времени накал в русско-английских отношениях, вызванный «гульским инцидентом», уже заметно спал. 9 декабря в Париже состоялось первое предварительное заседание Международной следственной комиссии. Ее работа продолжалась почти до середины февраля 1905 года, а заключения носили компромиссный характер. Констатировалось, что огонь, открытый по приказу Рождественского, не оправдывался обстоятельствами, но тут же признавалась невиновность командного состава русской эскадры. Комиссия высказалась в пользу возмещения убытков, хотя и в меньших по сравнению с заявленными англичанами размерах⁴⁴.

На последней стадии урегулирования «гульского инцидента» британская дипломатия заняла примирительную позицию. Более того, Бенкендорфу и русским представителям в комиссии вновь делались откровенные намеки на желательность достичь дружественного соглашения двух держав по персидским и среднеазиатским делам⁴⁵.

Влияние военного поражения и начала революции на внешнюю политику. Почти на рубеже 1904 и 1905 годов пал Порт-Артур, с середины июля выдерживавший осаду превосходящих сил неприятеля. Японский флот приобрел безраздельное господство на море. Главные силы русской Тихоокеанской эскадры были уничтожены, утрачивалась база, на которую могла бы опереться следовавшая из Европы 2-я Тихоокеанская эскадра. Япония высвобождала целую армию с многочисленной тяжелой артиллерией, которую могла теперь направить против главных сил Куропаткина.

Падение Порт-Артура вызвало широкий международный резонанс. Правящие круги Европы и Америки были встревожены как обнаружившейся военной несостоятельностью самодержавия, так и неизбежными социальными последствиями его неудач. Нарушалось европейское и дальневосточное равновесие, развеивались надежды на царскую Россию как резервную жандармскую силу в случае революций в Европе. Более того, реальные очертания приобретала революционная буря в самой России, которая могла получить отклик в других странах.

Японская дипломатия сочла момент благоприятным для возобновления мирного зондажа. Однако царское правительство еще не утратило надежд на конечную победу, и этот дипломатический зондаж опять остался без последствий⁴⁶.

В России падение Порт-Артура компрометировало царизм. Оно свидетельствовало о несостоятельности самодержавной системы, усиливало недовольство различных слоев населения, стимулировало назревание социального кризиса. Царское правительство не сознавало необходимости идти дальше обещаний умеренных реформ, содержащихся в указе от 12 декабря 1904 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Но эти посулы безнадежно запоздали. В январе 1905 года в России началась революция.

Запалом послужили трагические события Кровавого воскресенья 9 января в Петербурге. Из всех слоев русского общества наибольшую энергию и волю к борьбе обнаружили рабочие. Уже в январе–июне 1905 года стачечная волна в стране достигла невиданной как в русском, так и в международном рабочем движении высоты: бастовало 1290 тыс. человек⁴⁷. Около половины выступлений сопровождалось политическими требованиями. Во всех наиболее крупных выступлениях рабочих звучали антивоенные лозунги.

Под влиянием пролетарских забастовок активизировалось крестьянское движение. Крестьянских выступлений за первые полгода революции оказалось вдвое больше, чем в 1900–1903 годах⁴⁸. Эти выступления вместе с военными неудачами поколебали главную опору царизма — вооруженные силы. До середины июня 1905 года в армии и на флоте имели место 34 случая массового неповиновения, 24 из которых — по политическим мотивам⁴⁹. Самым крупным из них, имевшим международный резонанс, явилось летнее восстание на броненосце «Потемкин».

Когда к военным поражениям добавился внутренний кризис, престиж царизма понес сильный урон. Конкурирующие державы стремились использовать это в своих целях. Так, Англия в конце 1904 года направила в Кабул миссию Л. Дейна, добиваясь усиления своего военно-политического влияния в Афганистане. В январе 1905 года министр иностранных дел Англии Ленсдаун предложил, чтобы его страна и Франция совмест-

но выступили с новым проектом реформ в Македонии, так как Россия якобы утратила теперь интерес к Балканам⁵⁰. Планы радикальной перекройки в свою пользу Балканского полуострова вынашивались в Вене⁵¹.

Другая тенденция проявилась в попытках побудить царизм ради подавления революции окончить войну с Японией и заключить сделку с русскими либералами.

Воздействие извне совпало с отдельными выступлениями в пользу компромиссного мира в самой России. В январе 1905 года за необходимость окончить войну ради спасения самодержавия высказался на страницах «Гражданина» князь В.П. Мещерский⁵². 21 января на заседании Комитета финансов С.Ю. Витте указал на бесперспективность и опасность продолжения войны⁵³. Ламздорф был в принципе согласен с ним, но считал нужным выждать более благоприятный момент. Первые доклады царю о желательности мира он представил в конце января и начале февраля. Николай II отвечал, что прежде, чем приступить к мирным переговорам, необходимо одержать какую-либо победу⁵⁴. Петербург требовал от Куропаткина военного успеха.

6–25 февраля под Мукденом развернулось крупнейшее за всю войну сухопутное сражение. Численно противостоявшие силы были почти равны. План русского командования преследовал ограниченную цель оттеснения японских войск за реку Тайцзыхе. Японское командование проявило больше смелости и инициативы. Маршал Ойяма стремился осуществить охват основной массы русских войск с флангов, который привел бы к их разгрому. Активные действия японской армии упредили русское наступление, после чего Куропаткин уже не старался реализовать свой первоначальный план, а лишь отражал атаки противника.

Создававшаяся в ходе боев угроза окружения главных сил русской армии побудила его отдать приказ об отходе на север от Мукдена — к Телину, а затем еще дальше — на Сынгайские позиции⁵⁵.

В результате мукденского поражения русская армия была окончательно вытеснена из Южной Маньчжурии. Она потеряла в боях около трети личного состава. Боевой дух войск резко упал. Тем не менее сражение не принесло Японии ожидаемого успеха. Силы японской армии были серьезно истощены. С этого времени борьба в Маньчжурии приняла затяжной, позиционный характер.

Тяжелая неудача под Мукденом нанесла еще один удар по международному престижу царизма. Ближайшим ее последствием явился отказ французских банкиров предоставить России новый заем, все условия которого уже были согласованы. Недоверие к кредитоспособности царизма выражала английская печать. Напротив, Япония получила в марте 1905 года самый крупный с начала войны англо-американский заем на более благоприятных, чем раньше, коммерческих условиях.

После Мукдена Делькассе в беседе с Нелидовым дал понять, что не откажется от роли посредника в мирном урегулировании, если его об этом попросят. Посол сопроводил свое донесение об этой беседе специальной запиской о желательности мира и выгодах французского посредничества. Он утверждал, что продолжение войны и внутренних неурядиц грозит катастрофой для русского кредита и способно окончательно подорвать сам союз с Францией⁵⁶. Ламздорф представил записку Нелидова царю, не скрыв, что разделяет изложенные в ней взгляды.

Царь согласился использовать французское посредничество для выяснения перспектив «благопристойного» мира. 8 марта Ламздорф через Нелидова просил Делькассе постараться выяснить, склонна ли Япония к примирению, которое не затронуло бы великодержавного достоинства России. Предварительные условия царского правительства исключали уступку какой-либо части русской территории, уплату контрибуции, уступку железной дороги на Владивосток и ликвидацию русского военного флота на Тихом океане⁵⁷.

Делькассе вступил в объяснения с японским посланником в Париже. В начале апреля после ряда проволочек выяснилось, что Япония не согласна ни принять сформулированные Петербургом ограничения, ни сообщить свои прелиминарные условия. Тогда французский министр предложил России обратиться к Англии, чтобы побудить ее воздействовать на японцев⁵⁸. Однако Николай II категорически отверг мысль об английском посредничестве. Царское правительство предпочло сделать последнюю ставку на эскадру Рожественского.

В ночь с 13 на 14 мая эта эскадра, совершив 220-дневный поход и пройдя через три океана, вошла в Корейский пролив, где ее поджидал японский флот. Шансов на успех было мало. Примерное численное равенство наблюдалось только в броненосцах. Но японские броненосцы превосходили русские в скорости, качестве брони и особенно в артиллерийском оснащении. Японская эскадра могла производить 360 выстрелов в минуту против 134 у русской, а фугасное действие японских снарядов было в 10–15 раз сильнее русских. Японский флот имел в 4,5 раза больше крейсеров, а миноносцев и эсминцев — в 7 раз больше, чем русский.

Неблагоприятное соотношение сил усугублялось промахами русского командования. Вице-адмирал Рожественский не верил в возможность победы над японским флотом и преследовал единственную цель — прорыв во Владивосток. Он заранее уступил инициативу противнику, предполагая вести сражение в зависимости от действий последнего. В противоположность этому японский адмирал Того ставил целью навязать бой русской эскадре, взять в полукольцо ее головные суда и сосредоточенным огнем по флагманским кораблям лишить управления. Ночные атаки

японских миноносцев должны были закрепить успех дневного боя. Этот план японцам в основном удалось осуществить.

Хотя в ходе сражения в Цусимском проливе японское командование также допускало ошибки, Рождественский не сумел ими воспользоваться. Не спасло положения и мужество русских моряков. Во Владивосток прорвались лишь один крейсер и два эсминца. Три крейсера повернули на юг и были интернированы в Маниле. Все остальные русские корабли погибли в бою или были захвачены неприятелем. В сражении пало более 5 тыс. русских моряков и около тысячи получили ранения и контузии. Потери японского флота были сравнительно незначительны⁵⁹.

Цусимский разгром нанес очередной тяжелый удар по престижу царизма. Необходимость покончить с войной и сосредоточить силы на борьбе с революцией стала очевидной даже для самых твердолобых министров и сановников. 24 мая в Царском Селе состоялось военное совещание под председательством Николая II. На нем обсуждался вопрос о возможности продолжения войны и перспективах мира. Хотя военный министр В.В. Сахаров и отдельные генералы еще говорили о неприемлемости мира без победы, большинство участников и сам царь присоединились к мнению великого князя Владимира Александровича, что при сложившемся положении «важнее внутреннее благосостояние, чем победа» и что «надо теперь же приступить к переговорам о мире», одновременно принимая меры к продолжению кампании на случай их неудачи⁶⁰.

Еще раньше, на второй день после Цусимы, Япония тайно просила Рузвельта выступить с предложением посредничества якобы от его собственного имени. Президент, начинавший опасаться резкого нарушения баланса сил на Дальнем Востоке, откликнулся на этот призыв. 26 мая Рузвельт предложил воюющим сторонам собраться на конференцию для выяснения возможных условий примирения⁶¹. Сначала Япония, уже истощившая свои силы и жаждавшая мира, а 30 мая и Россия приняли это предложение.

Мирные переговоры и Портсмутский договор. Царское правительство намеревалось вести переговоры с Японией «без всякого посредничества». Добрые услуги президента Соединенных Штатов, по мнению Петербурга, должны были сводиться к организации встречи⁶². В результате контактов через Америку была достигнута договоренность, что русские и японские делегаты соберутся в Вашингтоне в конце июля. От заключения в связи с переговорами перемирия Япония уклонилась. Своих предварительных условий она не сообщила.

Во главе российской делегации сначала предполагалось поставить маститого дипломата Нелидова, а затем посла в Риме Н.В. Муравьева. Только после их отказа первым уполномоченным при содействии Ламздорфа был назначен антипатичный царю Витте. Этот крупный политик

не являлся профессиональным дипломатом, но, судя по предыдущей деятельности, хорошо разбирался в проблемах Дальнего Востока. Вторым уполномоченным стал посол в Вашингтоне Р.Р. Розен, опытный и довольно прозорливый дипломат, который предпочел не мешать Витте вести дело, как тот считал нужным. Из экспертов делегации выделялся крупный правовед-международник Ф.Ф. Мартенс.

Инструкции русским уполномоченным были составлены в результате письменного обмена мнениями высших царских сановников⁶³. Расчеты царской дипломатии заключить «благопристойный» мир основывались на представлении, что Россия, несмотря на поражения, способна вести длительную войну, между тем как военные и финансовые ресурсы Японии истощены. Принималась во внимание также заинтересованность в мире Соединенных Штатов и Англии, опасавшихся чрезмерного усиления Японии в Дальневосточном регионе и могущих произвести на нее финансовое давление. Витте, взявшись за трудную миссию, привнес некоторые новые идеи. Он считал возможным умерить японские претензии на базе сближения вчерашних противников путем соглашения с Японией о взаимной охране новых позиций на Дальнем Востоке. Витте поставил перед собой и сверхзадачу — использовать заграничную поездку в целях подготовки нового большого иностранного займа.

По дороге в Америку Витте встречался с руководящими деятелями Франции — председателем Совета министров М. Рувье и президентом Э. Лубе. Оба они не скрывали прямой заинтересованности в возвращении русской военной силы в Европу и настойчиво советовали заключить мир, не останавливаясь перед уплатой контрибуции. На запрос Витте о возможности займа Рувье ответил, что необходимой предпосылкой этой финансовой операции служит окончание войны⁶⁴. Определенную роль сыграло и состоявшееся во время следования Витте в Америку дружеское свидание Николая II и кайзера Вильгельма в Бьёрке. Оно несколько подкрепило поколебленный международный престиж царизма и тем самым косвенно улучшило шансы русской делегации на мирных переговорах. О подписанном царем в Бьёрке союзном договоре с Германией ни Витте, ни сам Ламздорф в то время не знали.

Япония как победительница намеревалась предъявить России целый комплекс далеко идущих требований, касавшихся Кореи, Маньчжурии, уступки Сахалина, уплаты контрибуции, отказа от военно-морского флота на Тихом океане, предоставления подданным микадо прав рыбной ловли вдоль русского дальневосточного побережья и др. Правда, японская делегация располагала определенной свободой маневра: претензии подразделялись на «безусловно обязательные», отстаиваемые в зависимости от обстановки, и предоставляемые всецело на усмотрение уполномоченных⁶⁵. Позиция Японии на переговорах была подкре-

плена июльским соглашением У. Тафта — Т. Кацуры и возобновлением (в августе) на новых условиях англо-японского союзного договора. Как Соединенные Штаты, так и Англия признала право Японии установить протекторат над Кореей⁶⁶. Англия и Соединенные Штаты, к которым на этот раз присоединилась также Германия, предоставили Японии еще один крупный заем.

Мирная конференция открылась 27 июля в американском приморском курортном городке Портсмуте. Она продолжалась почти месяц и проходила очень напряженно⁶⁷. В ходе переговоров не раз возникали кризисные ситуации, грозившие разрывом. Однако обе стороны стремились довести переговоры до благополучного конца, и добрая воля все же взяла верх. Важное значение имело то обстоятельство, что заведомо неприемлемые для царского правительства притязания Японии не попали в число «безусловно обязательных». Витте твердо отстаивал великодержавный престиж России. Он категорически отказывался признать правомерность тех притязаний, которые не базировались на реальных успехах японского оружия. Русский уполномоченный сумел также до некоторой степени повлиять на американское и мировое общественное мнение, разоблачив миф о «бескорыстии» империи микадо.

Наиболее острое положение на конференции сложилось в начале августа, когда обсуждение дошло до японских требований, затрагивавших великодержавное достоинство России. Попытки Витте найти выход из положения на путях общеполитического сближения с Японией успеха не имели. В Петербурге Ламздорф организовал переписку глав ведомств, которые пришли к единодушному выводу о неприемлемости японских притязаний. Проблеск надежды появился 5 августа, когда Комура внес предложение о разделе Сахалина с выплатой Россией компенсации за остающуюся у нее северную часть острова. Почти одновременно в переговоры вмешался президент Рузвельт, который посоветовал России примириться с утратой Сахалина, а вопрос о контрибуции передать в международный арбитраж.

В конечном счете Николай II под воздействием американской, германской и французской дипломатии согласился на раздел Сахалина⁶⁸. Он принял это важное решение единолично. 16 августа принципиальное соглашение между двумя делегациями было достигнуто, 19-го — уполномоченные сторон подписали наконец протокол о перемирии, а 23-го — сам мирный трактат.

Портсмутский договор⁶⁹ фиксировал перераспределение сфер влияния на Дальнем Востоке в пользу Японии. Царское правительство признало ее преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее и обязалось не противиться мерам, которые Токио сочтет нужным принять для своего утверждения там. Япония получала не толь-

ко исключительные возможности экспансии в самой Корее, но и важный стратегический плацдарм на континенте по соседству с Китаем и русскими дальневосточными пределами. Царское правительство уступило Японии свои арендные права на Ляодунском полуострове с военно-морской базой Порт-Артур и торговым портом Дальний вместе со всеми концессиями и государственным имуществом. Это было крупной потерей как в политико-стратегическом, так и в экономическом отношении, Обе стороны обязались не ставить препятствий предпринимательской деятельности других государств в Маньчжурии, что являлось уступкой пожеланиям Соединенных Штатов и Англии. Вместе с тем договор предусматривал сохранение на полтора года военной оккупации Маньчжурии, которая стесняла иностранную коммерческую инициативу и давала Японии и России время принять меры к закреплению своих экономических позиций в соответствующих частях края.

Царское правительство было вынуждено уступить Японии более богатую южную часть Сахалина (до 50-й параллели) с прилегающими островами, чем ликвидировалось компромиссное разграничение на Дальнем Востоке, достигнутое между двумя государствами в 1875 году. Приобретенная территория имела для Японии не только экономическое, но и стратегическое значение, позволяя ей в случае необходимости запереть пролив Лаперуза и облегчая возможность закрытия Татарского пролива. Безвозмездно перешла к Стране восходящего солнца также ЮМЖД до станции Куанченцзы со всеми ее ответвлениями, имуществом, правами и привилегиями. Общая стоимость прямых материальных потерь России, не считая территории, превысила 100 млн руб.⁷⁰ К этому нужно приплюсовать денежную компенсацию в форме оплаты разницы в расходах на содержание военнопленных, впрочем, сравнительно скромную.

Из экономических статей трактата самым тяжелым для России было обязательство заключить с Японией соглашение, которое предоставило бы японским подданным право рыбной ловли вдоль всего русского дальневосточного побережья. Предусматривалось также соединение русских и японских (точнее, отошедших к Японии) железных дорог в Маньчжурии, дабы способствовать развитию сношений и торговли. Это условие таило в себе опасность продвижения иностранных товаров в Северную Маньчжурию и дальневосточные пределы России. Предстояло, наконец, заключить новый договор о торговле и мореплавании на началах действовавшего до войны, а пока опираться на принцип наибольшего благоприятствования.

Специальные условия касались ликвидации последствий войны (обмена военнопленными, эвакуации из Маньчжурии и пр.). Обе стороны обязались не принимать военных мер на русско-корейской границе,

не использовать маньчжурских дорог в военных целях, не строить военных укреплений на Сахалине и прилегающих островах и не препятствовать свободному плаванию в проливах Татарском и Лаперуза. Эти условия, в случае добросовестного их выполнения, создавали предпосылки для нормализации и последующего улучшения русско-японских отношений.

В результате военного поражения царизма политические и экономические позиции России на Дальнем Востоке оказались серьезно подорванными. Страна лишилась также части территории, понесла значительные людские и материальные потери, вынуждена была поступиться на будущее частью природных богатств (японское рыболовство в русских водах). Напротив, Япония существенно укрепила свое положение и получила удобные плацдармы для развития экспансии в регионе. Все же условия договора щадили великодержавный престиж России. В этом смысле можно говорить об известном успехе русской дипломатии и лично Витте, сумевших в трудной обстановке добиться мира «почти благопристойного». Прекращение войны позволяло самодержавию сосредоточиться на борьбе с революцией и уделять больше внимания европейским и ближневосточным делам.

2. После Портсмутского мира: новая обстановка и выработка программы

Поражение России в войне с Японией повлияло на процесс перегруппировки великих держав на мировой арене, способствовав выдвиганию антагонизма между Германией и Англией на первый план. На Дальнем Востоке начали обостряться японо-американские противоречия. Все это побуждало Петербург заново определять свою линию.

Наряду с перегруппировкой наблюдалось стремление империалистических держав воспользоваться ослаблением одной из стран, чтобы расширить за ее счет собственные позиции. Германия развивала экспансию на Ближнем и Среднем Востоке, Австро-Венгрия — на Балканах, Англия — в Средней Азии, а Япония и Соединенные Штаты — на Дальнем Востоке.

Деятельность царской дипломатии серьезно осложняла революция. Возникла потребность заручиться финансовой и морально-политической поддержкой других правительств для ее подавления. Революционный кризис вместе с военной дезорганизацией определял потребность во внешнеполитической передышке для осуществления назревших реформ. Революция повлияла на внешнюю политику и в другом плане: решившись пойти на уступки либералам, следовало учесть их запросы в международной политике. Наконец, пробуждение Азии, первой ла-

сточкой которого явилась революция в Персии, ставило вопрос о сотрудничестве с другими державами в борьбе с антиимпериалистическим национально-освободительным движением полукOLONиальных народов.

Перемены в международной обстановке, а также тяжелые уроки пережитых неудач побуждали к серьезному пересмотру задач и методов осуществления внешней политики. Но первоначальная реакция царского правительства на перемены в мире была весьма консервативной и неадекватной. Ламздорф видел в стремлении других держав войти в соглашение с Россией доказательство того, что авторитет ее по-прежнему высок, а потому не усматривал надобности ревизовать основы своей прежней «системы»⁷¹. Еще более решительно отвергал министр потребность в преобразованиях аппарата внешних сношений. Так, он категорически отклонил предложение члена Государственного совета, экс-дипломата П.А. Сабурова о создании совещательного органа по вопросам внешней политики.

От Бьёркского договора к возобновлению переговоров с Англией. В основе «системы» Ламздорфа лежали, как известно, союз с Францией и равноудаленность от Берлина и Лондона. Первенствующее значение, которое продолжало придавать царское правительство союзу с Францией, вместе с нежеланием порывать с политикой лавирования между Германией и Англией объясняют отказ его от подписанного Николаем II еще 11 июля 1905 года Бьёркского договора. Условия последнего мало чем отличались от проекта, обсуждавшегося Россией и Германией в конце 1904 года. Они предусматривали взаимопомощь участников всеми сухопутными и морскими силами в случае нападения одной из европейских держав. Россия должна была побудить Францию присоединиться к новому союзу⁷².

Согласие царя на подписание предложенного кайзером Вильгельмом документа, вероятно, объяснялось в первую очередь желанием заручиться германской поддержкой против революции, а также получить союзника на случай столкновения с Англией. С внешнеполитической точки зрения этот акт личной дипломатии Николая II был недалековидным. Речь шла о коренной перестройке международных связей России в заведомо неблагоприятный для нее момент. Шансы на присоединение Франции были ничтожно малы. В случае же отказа Парижа новый договор вступал в прямое противоречие с русско-французским союзом.

Ламздорф, узнавший о проявленной царем инициативе лишь спустя неделю после подписания Портсмутского мира, сразу повел борьбу за отмену бьёркского документа. Его поддержали возвратившийся из Америки в ореоле дипломатического успеха Витте и влиятельный великий князь Николай Николаевич.

Под их воздействием царь 24 сентября направил Вильгельму II письмо, где предлагал отсрочить вступление Бьёркского договора в силу

до окончательного выяснения позиции Франции и, быть может, необходимого в этой связи изменения редакции⁷³.

Зондаж возможности вступления Франции в проектируемую тройственную группировку принес, как и следовало ожидать, отрицательный результат⁷⁴. Между тем подошло время решать вопрос о займе, необходимом для ликвидации последствий войны и борьбы с революцией. Чтобы успокоить старую союзницу, Ламздорф и Витте дали в середине октября французам категорические заверения, что в отношениях между Россией, Германией и Францией ничего не произойдет без ведома парижского кабинета⁷⁵.

Дальнейшая судьба Бьёркского договора зависела от того, захочет ли Германия примириться с невыгодной для нее модификацией условий. Изъятие Франции не делало его вовсе беспредметным, поскольку сохранялась антианглийская направленность. Россию такой союз избавил бы от опасности объединения ее главных соперников. Германия получала ценного партнера на случай столкновения с английским конкурентом, правда при условии, что в конфликт не будет вовлечена Франция. Немецкая дипломатия предпочла настойчиво отстаивать подписанный в Бьёрке документ, чем предопределила крушение союза. Бесплодная переписка продолжалась до второй половины ноября. В итоге каждая из сторон осталась при своем толковании сложившегося положения вещей, то есть в Берлине исходили из неизбежности Бьёркского договора, а в Петербурге считали, что предложенной дополнительной декларацией оговорили приоритет союза с Францией. Немецкие политики, видимо, ожидали, что внутренние неурядицы и англо-японский нажим в Азии побудят царизм произвести переоценку ценностей. Эти надежды не оправдались, хотя царское правительство некоторое время охотно играло в почти союзную близость с Германией.

Период выжидания в русско-германских отношениях длился до тех пор, пока в конце февраля 1906 года Россия не оказалась вынужденной занять на Альхесирасской конференции откровенно профранцузскую позицию. Положение усугубило разглашение газетой «Тан» новых инструкций первому русскому делегату в Альхесирасе А.П. Кассини. В результате в русско-германских отношениях наступило резкое охлаждение.

По-иному складывались после Портсмутского мира отношения с Англией. Царский МИД считал урегулирование с ней в принципе «весьма желательным и полезным». Еще весной 1905 года была достигнута договоренность возобновить после окончания войны с Японией переговоры по спорным среднеазиатским делам. Однако второй англо-японский союз создал для России новую ситуацию. Он был расценен царским МИД как «направленный главным образом против России» и преследующий цель не только сделать его участников «вершителями

судеб Дальнего Востока», но и положить предел укреплению русского влияния в Азии⁷⁶. Царская дипломатия на время отказалась от мысли о возобновлении переговоров с Лондоном.

В правящих кругах России наметились два течения. Представители одного из них, к которому примыкали сам царь и военная верхушка, вернулись к традиционной англофобии. Они считали теперь соглашение с Великобританией невозможным и надеялись, следуя советам правой печати, противопоставить англо-японской группировке на Дальнем Востоке союз России, Франции, Германии и Соединенных Штатов.

Другое течение, представленное Ламздорфом и его единомышленниками, предлагало выждать и посмотреть, как проявит себя новый союз на практике. Если отношения с Японией удастся нормализовать, а английская политика окажется сдержанной, то перспективу соглашения с Великобританией нельзя считать вовсе утраченной. В этот выжидательный период можно будет заняться урегулированием отдельных спорных вопросов, благоприятное решение которых способно проложить путь к более общему соглашению. Успех такой политики способен был, по мнению Ламздорфа, нейтрализовать англо-японский союз и даже привести в будущем к его самораспаду.

В ходе борьбы указанных течений второе постепенно брало верх. Дипломатическая разведка позиций Франции и Соединенных Штатов показала, что ни та ни другая держава не намерены открыто противостоять англо-японской группировке на Дальнем Востоке. От объяснений с Германией в Петербурге предпочли в таких условиях воздержаться, сознавая, что договоренность с ней потребует подтверждения неприемлемого для России Бьёркского договора.

Сторонникам выжидательной политики сознательно подыгрывала британская дипломатия. Английское правительство избегало в эти месяцы шагов, которые могли быть восприняты как наступление на русские позиции в Азии. Когда в ноябре 1905 года к власти в Лондоне пришли либералы, новый министр иностранных дел Э. Грей официально обещал Бенкендорфу, что Англия не будет нарушать статус-кво по всей линии соприкосновения интересов двух держав в Азии, пока Россия не оправится от потрясений и не сможет заключить соответствующего соглашения⁷⁷. Ламздорф передал в ответ, что русское правительство «с особым удовольствием принимает к сведению решение Лондонского кабинета... и надеется, что искренность этих заверений будет доказана Англиею на деле»⁷⁸. Атмосфера русско-английских отношений стала постепенно разряжаться.

В дни Московского вооруженного восстания в декабре 1905 года председатель Совета министров Витте даже пришел к мысли, что именно Англия своим авторитетом «великой либеральной и коммерческой дер-

жавы» может оказать наиболее действенную помощь «партии порядка» в России. Демонстративная поддержка со стороны Туманного Альбиона мыслилась им в форме приезда в Россию английского короля, который подписал бы соглашение по спорным азиатским вопросам непосредственно с Николаем II. Подобный жест доверия поддержал бы престиж царского правительства и облегчил бы ему получение большого заграничного займа.

Стремясь выиграть время, Витте просил знакомого ему английского журналиста Э. Диллона срочно поехать в Англию и передать его предложение непосредственно Грею. Диллон, однако, не рискнул взять на себя такую миссию без согласования с посольством, и дело, к неудовольствию русского премьера, пошло по обычным дипломатическим каналам. В конечном счете сент-джеймский кабинет, учитывая настроение английской общественности, не разделил идею Витте⁷⁹. Все же дальнейшее развитие событий благоприятствовало русско-английским отношениям. Обе державы решительно поддержали Францию на Альхесирасской конференции. Англия приняла участие во внешнем займе царизма. Россия, в свою очередь, оказала ей содействие в успешном урегулировании конфликта с Турцией по поводу египетской границы. В Персии между двумя странами наметилась договоренность о совместном финансировании шахского правительства.

Так, весной 1906 года сложилась обстановка, позволявшая возобновить англо-русские переговоры.

В конце 1905 — начале 1906 года в основе системы международных связей России оставался союз с Францией. Но соотношение сил внутри него изменилось не в пользу Петербурга. Пожалуй, впервые сложилась ситуация, когда Россия была больше заинтересована в военной поддержке Франции, чем та в поддержке России. При этом сохранилась и даже усилилась потребность царизма в финансовом содействии союзницы. Сдвиги в соотношении сил в группировке породили новые, малоблагоприятные для России тенденции, в частности, стремление Франции использовать союз при отстаивании своих колониальных интересов (Марокко) или подключить партнера к соглашению с Англией.

Царская дипломатия старалась противиться этим тенденциям. Ламздорфу хотелось ограничить рамки взаимодействия поддержанием европейского равновесия, а в марокканском вопросе проводить внешне беспристрастную, примирительную линию. Но потребность в займе не позволила России удержаться на этой позиции. Франция смогла также ликвидировать антианглийское острие Двойственного союза. В апреле 1906 года состоялась очередная встреча начальников русского и французского генштабов. Она подтвердила близость взглядов на задачи совместной борьбы против германской опасности. В то же время

французская сторона решительно отказалась подтвердить обязательства взаимопомощи против Англии, вошедшие в протоколы совещаний 1900 и 1901 годов⁸⁰.

После дополнительных объяснений с министром иностранных дел А. Буржуа русский посол А.И. Нелидов вынужден был констатировать существенное изменение в дружественных отношениях России и Франции: если раньше их «связывала общность интересов по отношению не только к Германии, но и к Англии», то теперь Россия остается перед лицом не исключенной для нее возможности борьбы с Англией в одиночестве. Буржуа не смог отрицать этого, хотя указал на горячее желание Франции всячески способствовать устранению недоразумений между двумя близкими ей державами⁸¹.

Политика России в Балканско-Ближневосточном регионе и на Севере Европы. После Портсмутского мира в русской печати высказывались пожелания об активизации политики на традиционном балканско-ближневосточном направлении. Царское правительство само стремилось укрепить здесь свои ослабленные позиции: восстановить влияние в Турции и малых государствах Балканского полуострова, придать больше энергии кооперации с Веной в деле реформ в европейских владениях султана. Трудности на пути решения этих задач создавали недостаток экономических возможностей, значение которых в начале XX века существенно возросло, а также колебания Австро-Венгрии между продолжением сотрудничества с Россией и сговором с Портой. Стратегической линией царизма оставалась консервация на время восточного вопроса.

Осенью 1905 года царская дипломатия развила значительную активность, добиваясь совместно с Австро-Венгрией проведения финансовых реформ в Македонии. Петербург и Вена пошли в этом случае на расширение круга участников соглашения: они привлекли заинтересованных в турецких финансах Англию, Италию, Францию и Германию. В сентябре-октябре в Ускюбе под председательством российского гражданского агента при оттоманском генеральном инспекторе областей Европейской Турции Н.Н. Демерика представители шести держав разработали «финансовый регламент» для трех вилайетов и предложения по бюджету последних. В ноябре-декабре по инициативе России состоялась морская демонстрация держав (без Германии), побудившая султана принять эти рекомендации⁸².

На практике осуществление финансовых реформ затянулось. Порта обусловила их принятие согласием держав на 3-процентное повышение турецких ввозных пошлин. Выработка европейским «концертом» условий предполагаемого повышения длилась почти пять месяцев, после чего начался очередной торг с Турцией, тянувшийся еще около года.

Отношения России с Турцией в конце 1905 — начале 1906 года характеризовались взаимным недоверием. Если Порта была недовольна

активностью царской дипломатии в вопросе о реформах и покровительством России малым Балканским странам, то в Петербурге подозревали султанское правительство в намерении примкнуть к англо-японскому союзу. Симптоматичным был, в частности, отказ Турции прекратить работы по модернизации укреплений Босфора, на чем настаивал Петербург.

В 1905 году Россия заключила торговый договор с Болгарией — одно из первых в истории этой страны равноправных соглашений с великой державой, отменявшее право капитуляций. В начале следующего года был подписан новый торговый договор с Румынией, а в феврале 1907 года — и с Сербией. Все они строились на принципе наибольшего благоприятствования и несколько облегчали малым Балканским странам сопротивление экономической экспансии Германии и Австро-Венгрии.

Когда в начале 1906 года возник конфликт между Австро-Венгрией и Сербией, заключившей договор о таможенном союзе с Болгарией, Россия заняла позицию формального невмешательства. Попытки австрийской дипломатии привлечь Петербург к мерам давления на эти славянские страны не увенчались успехом. Россия дала понять в Белграде и Софии, что ничего не имеет против целей, положенных в основу их договора⁸³.

Поддержка Болгарии и Сербии оказывалась и в дальнейшем. В марте 1906 года ранг русского представителя в Софии был поднят до посланника, что должно было способствовать росту международного престижа княжества. В мае состоялся визит в Петербург начальника штаба болгарской армии Р. Дмитриева, приведший к расширению русских военных поставок Болгарии⁸⁴. В то же время царская дипломатия удерживала кн. Фердинанда от преждевременных попыток провозглашения независимости и отказалась расширить сферу действия русско-болгарской конвенции 1902 года на Турцию. Конфликт Австро-Венгрии с Сербией перерос в 1906 году в таможенную войну, в которой сочувствие России было на стороне последней. Царская дипломатия предпринимала осторожные попытки сгладить остроту австро-сербских отношений. Русское Общество пароходства и торговли заключило с правительством Сербии контракт о транспортировке сербских сельскохозяйственных продуктов из Салоник в Александрию.

В Цетинье царской дипломатии приходилось парализовать колебания правительства князя Николая и удерживать его в лоне традиционной прорусской политики, используя такое средство, как субсидии,

И все же принимавшиеся меры оказались недостаточными для восстановления престижа России в малых Балканских странах. Помимо создаваемого ими ослабления царизма в результате войны и революции отрицательно сказывались осторожность Петербурга, более чем когда-

либо опасавшегося преждевременного возбуждения восточного вопроса, а также следование его политике взаимодействия с Веней.

Русско-японская война с очевидностью продемонстрировала, что после воссоздания Черноморского флота закрытие турецких проливов для военных судов всех стран не отвечает более интересам царизма. Уже летом 1905 года русским МИД была составлена записка, рекомендовавшая добиваться признания закрытия проливов как обязательства других держав перед султаном, из которого тот мог бы делать исключения по своему усмотрению⁸⁵. В конце сентября Ламздорф возбудил вопрос, целесообразно ли поддержание прежнего статуса проливов и не следует ли пересмотреть действующие на этот счет соглашения, перед военным и морским министрами и председателем Совета государственной обороны. Выяснилось, однако, что деморализованные поражением военные ведомства России опасаются постановки этого вопроса даже в дипломатическом плане. А.Ф. Редигер, А.А. Бирилев и великий князь Николай Николаевич единодушно рекомендовали в ответ отложить дело до улучшения общего и военно-политического положения⁸⁶.

Районом сравнительно активной политики царизма оказалась в то время Северная Европа. Россия имела здесь серьезные экономические (ввозная торговля) и стратегические (оборона столицы и Прибалтики, возможность выводить русский военный флот в Атлантику) интересы. Она сталкивалась также с необходимостью ликвидации последствий Крымской войны (конвенция о демилитаризации Аландских островов, договор Франции и Англии о гарантиях целостности Шведско-Норвежского королевства). Фактическая утрата в ходе войны с Японией Тихоокеанского и Балтийского флотов вместе с задачей воссоздания военноморской мощи подняли в глазах Петербурга значение режима датских проливов. Внимание царизма к Северо-европейскому региону возросло также в связи с ролью последнего в нелегальной доставке в Россию оружия для революционеров. Активизацию русской политики стимулировал разрыв в 1905 году унии Швеции и Норвегии.

Указанные обстоятельства побудили царский МИД разработать ряд взаимосвязанных предложений, своего рода план северной политики. Он был изложен в виде специальной записки, представленной Ламздорфом Николаю II 13 октября 1905 г. и тогда же получившей царское одобрение. Согласно этому документу, предполагалось договориться с Германией о совместной гарантии неприкосновенности Дании в обмен на закрытие той во время войны Зунда и Бельтов (датские проливы) для военных судов других стран. Далее, намечалось предоставить Норвегии доказательства отсутствия каких-либо агрессивных замыслов России, заключив конвенцию о ее целостности, а в дальнейшем побудить Норвегию объявить себя нейтральной страной и добиться международного

признания ее нейтралитета. Это сделало бы англо-французский договор 1855 года ненужным и позволило бы аннулировать его. Следовало также использовать заинтересованность Швеции в обеспечении ее целостности в целях отмены конвенции об Аландских островах⁸⁷.

На практике в конце 1905 — начале 1906 года этот план удалось существенно продвинуть только по линии отношений с Норвегией. Россия была первой страной, признавшей независимость нового государства и установившей с ним дипломатические отношения. Норвегия признавалась царским правительством «во всей ее территориальной целостности», что означало гарантию неприкосновенности территории страны⁸⁸. Между двумя соседними государствами с самого начала установились дружественные отношения, что побудило Христианию (Осло) отказаться от возобновления гарантийного договора с Англией и Францией.

Идея соглашения с Германией и Данией о Балтийских проливах не была реализована. Проект такого соглашения стал разрабатываться в царском МИД после получения известий о втором англо-японском союзе. Предполагалось, что при этом будет гарантирована территориальная неприкосновенность Дании, а Россия получит право проводить военный флот через Кильский канал. Но когда в замысел посвятили российского посла в Берлине Остен-Сакена, он высказал обоснованные опасения, как бы осуществление проекта не привело «к излишней связанности наших действий по отношению к Германии». Его соображения усилили сомнения самого Ламздорфа. В результате в Петербурге сочли более целесообразным не проявлять инициативы, а выждать предложений со стороны соседней империи⁸⁹. Их, однако, не последовало, так как Германия предпочла искать обеспечение своих интересов в двустороннем соглашении с Копенгагеном. До переговоров со Швецией и попыток пересмотреть статус Аландских островов у царской дипломатии в этот период не дошли руки.

Дипломатия в борьбе с революцией. Проблема интервенции. В критический для самодержавия период конца 1905–1906 годов царская дипломатия оказалась втянутой в борьбу с революцией.

Царизм стремился использовать заключение мира, чтобы погасить революционное движение. Окончание войны вызвало в массах естественное чувство облегчения и в сочетании с посулами реформ повлияло на настроения рабочих и крестьян. В сентябре количество участников забастовок уменьшилось втрое по сравнению с августом и достигло самого низкого в 1905 году уровня⁹⁰. Более чем вдвое сократилось число крестьянских выступлений⁹¹. Но спад народного движения оказался лишь кратковременной передышкой накануне высшего подъема революции. Уже в октябре самодержавие было потрясено всеобщей политической стачкой, и власти искали выхода в сочетании дальнейших обещаний

(Манифест 17 октября) с вооруженным подавлением народа. В декабре революционные силы поднялись на вооруженное восстание.

В период наивысшего подъема революции царское правительство столкнулось с нехваткой войск, которые можно было бы использовать в карательных целях. Остававшиеся в Европейской России воинские контингенты в значительной мере подверглись влиянию революционных событий или не могли быть сняты с западной границы по соображениям внешней политики. В такой ситуации царское правительство возлагало особые надежды на возвращение регулярных частей из Маньчжурии. Другой острой проблемой был иностранный заем. Витте, возглавивший в октябре 1905 года вновь учрежденный Совет министров, стремился подчинить внешнюю политику главной цели — «успокоению» страны. Проложить дорогу к возвращению армии и заграничному займу должны были, по его мнению, скорейшая стабилизация положения на Дальнем Востоке и урегулирование при посредстве России кризиса во франко-германских отношениях⁹².

Условия Портсмутского трактата вызвали недовольство влиятельных военно-феодалных кругов как в России, так и в Японии⁹³. Все же 1 октября 1905 года договор был ратифицирован монархами обоих государств и вступил в силу. 17 октября представители командования русской и японской армий подписали соглашения, конкретизировавшие порядок эвакуации Маньчжурии и передачи Японии ЮМЖД. В начале 1906 года официальные дипломатические отношения между недавними противниками были восстановлены.

Осложняли ситуацию второй англо-японский союз и известия о принятии Японией новой обширной программы перевооружения армии и флота⁹⁴. Определенные трения вызвала также попытка России продолжать рассматривать Корею как самостоятельную страну и сохранить с ней дипломатические отношения. После отказа других держав поддержать эту линию российский МИД вынужден был уступить и ограничиться посылкой в Сеул генерального консула⁹⁵. Пришлось согласиться и на получение разрешения на деятельность этого представителя не от корейского императора, а от японского правительства, узурпировавшего внешне сношения Кореи.

Уступки русской стороны способствовали смягчению отношений с империей микадо. В конце марта 1906 года посланник в Пекине Д.Д. Покотилев сообщил, что эвакуация японских войск из Маньчжурии в основном закончена⁹⁶. Хотя эта информация не касалась Ляодунского полуострова и Кореи, она свидетельствовала об отсутствии у Японии на ближайшее время агрессивных замыслов против России.

Прочность дальневосточного тыла в известной мере зависела также от взаимоотношений с Китаем, временами принимавших в годы войны

напряженный характер. России предстояло провести переговоры с Пекином по вопросам, вытекавшим из Портсмутского договора. Царское правительство стремилось к восстановлению с Цинской империей добрососедских отношений. Русско-китайские переговоры начались в конце 1905 года, после завершения миссии в Пекин Комуры и подписания японо-китайских соглашений. Царская дипломатия решила не требовать от китайского правительства тех же привилегий в северной части Маньчжурии, которые Япония получила в южной, а ограничить задачу обеспечением беспрепятственного движения по КВЖД, на тракте Благовещенск — Цицикар и по реке Сунгари. Покотилов исходил в объяснениях с цинскими делегатами из особо близких отношений России с Китаем, базирующихся на дружественных соглашениях прошлых лет. Начатые в таком духе переговоры получили в 1906 году благоприятное, хотя и медленное развитие⁹⁷.

Стабилизация положения на Дальнем Востоке позволила царскому правительству осуществить вывод из Маньчжурии регулярных войск, столь нужных ему в европейской части страны. Правда, в месяцы высшего подъема революции оно мало преуспело в решении этой задачи, не столько по внешнеполитическим соображениям, сколько вследствие развития революционного движения, парализовавшего на время Сибирскую железную дорогу, что потребовало использования войск в карательных целях еще в пути. Больших результатов добились царские власти в первые месяцы 1906 года. К апрелю боевой состав русских войск в Маньчжурии сократился вдвое, то есть было выведено около 250 тыс. человек.

Переговоры об иностранном займе царское правительство возобновило сразу же после заключения мира. Трудности на пути осуществления финансовой операции создавали революционные события в России и франко-германский конфликт из-за Марокко.

Лишь 4(17) апреля 1906 года соглашение о займе было наконец заключено⁹⁸. Этим шагом правительства и буржуазия западноевропейских стран оказали самодержавию значительную финансовую и морально-политическую поддержку в борьбе с революцией. Благодаря займу царское правительство смогло сохранить прежнюю финансовую систему, преодолеть отрицательные экономические последствия войны, чувствовать себя независимым от собравшейся в конце апреля Государственной думы. Вместе с тем нет оснований преувеличивать успех царизма. Коммерческие условия займа единодушно признавались русской печатью чрезвычайно тяжелыми⁹⁹, сумма оказалась почти на 1/5 меньше, чем хотело получить царское правительство. Германия, недовольная профранцузской позицией России на Альхесирасской конференции, в последний момент отказалась участвовать в этой финансовой операции. Ее приме-

ру последовали Америка и Италия. В результате заем был на 9/10 франко-английским, и лишь привлечение голландских и австрийских банкиров позволило придать ему хоть в какой-то мере «внеблоковый» вид.

Одна из серьезных забот царского правительства заключалась в том, чтобы препятствовать нелегальной доставке оружия из-за границы. Царские дипломаты и консулы рука об руку с иностранной агентурой Департамента полиции вели наблюдение за следовавшими в Россию грузами, информируя петербургское начальство о подозрительных отправлениях. Ведомство Ламздорфа делало неоднократные представления правительствам соседних государств, а также стран, откуда оружие поступало морским путем (Англия, Бельгия, Дания), с просьбой установить надзор, который исключил бы отправку оружия и бомб для русских революционеров. Эти настояния были активизированы после принятия Советом министров России специального постановления, запрещающего ввоз в страну оружия, кроме охотничьего¹⁰⁰. Почти все правительства отнеслись к упомянутым ходатайствам положительно и предупредили торговцев своих стран, что участники подобных контрабандных операций не вправе ожидать защиты со стороны государства. Наибольшее сочувствие царизму, как было специально отмечено в отчете МИД за 1905 год, «проявило германское правительство, которое не только приняло все предложенные меры, но и заявило о своей готовности издать, в случае нашей о том просьбы, формальное со своей стороны разрешение вывозить оружие в Россию»¹⁰¹.

Солидарность кайзеровской Германии с самодержавием нашла в 1905 году отражение и в других практических шагах. Еще в феврале германское правительство установило своего рода «санитарный кордон» вдоль русско-прусской границы, введя стеснительные правила для эмигрантов и создав целую сеть контрольных станций¹⁰². В октябре, в разгар всеобщей забастовки, по инициативе Вильгельма II было установлено почтовое сообщение между Мемелем, Кронштадтом и Петергофом с помощью германских и русских миноносцев.

Откровенная враждебность германского правительства к русской революции поощрила Ламздорфа выступить в январе 1906 года с идеей более тесной кооперации с ним в этой области. Царский министр полагал, будто революция в России поддерживается, а в известной мере и направляется из-за рубежа — интернациональными еврейско-масонскими кругами и международным социализмом. Эти силы стремятся к торжеству на земле республиканизма, атеизма и космополитизма, что создает почву для объединения против общей опасности консервативно-монархических стран и вселенских церквей, в первую очередь России и Германии. Ламздорф имел в виду не совместные репрессалии, которые он считал ошибкой Священного союза прошлого века, а по-

стоянный деятельный контакт между государственной полицией соответствующих стран.

Николай II поддержал рекомендации своего министра, который 8 января вступил в обмен мнениями с германским послом Альвенслебеном и вручил ему соответствующую памятную записку. Однако ответа из Берлина на это предложение до самой отставки Ламздорфа в конце апреля так и не последовало. Главная причина неожиданной «глухоты» правительства кайзера крылась, по-видимому, в отмечавшемся охлаждении в начале 1906 года русско-германских отношений¹⁰³.

В русской и заграничной печати 1905–1906 годов не раз поднимался вопрос о возможности чужеземного военного вмешательства в российские дела в пользу царизма. Дебатировался он и в кругах II Интернационала. Правые силы в России использовали угрозу интервенции для запугивания своих политических противников. Большевики призывали революционный народ и международный рабочий класс к бдительности, выражая вместе с тем веру в способность мирового социалистического пролетариата сорвать замыслы европейской реакции.

В 1905 году повод для толков об интервенции дали два обстоятельства. Первое из них состояло в том, что Германия и Австро-Венгрия, обеспокоенные перспективой распространения революционного движения на их польские владения, установили на границах с Россией военно-полицейский кордон. Другим обстоятельством явилось намерение некоторых правительств (Англии, Соединенных Штатов) послать в русские порты военные суда для охраны своих подданных.

Царское правительство рассчитывало на подавление революций собственными силами и стремилось избежать иностранного вмешательства. Поэтому оно держало соседние империи в курсе мер, принимавшихся для восстановления «порядка» в польских губерниях. Германию, проявлявшую особую заинтересованность в судьбе прибалтийских баронов, специально информировали также о карательных операциях в Лифляндии и Курляндии. 16 декабря 1905 года Ламздорф направил циркулярную телеграмму в ряд европейских столиц и Вашингтон, предупреждая о возможных неблагоприятных последствиях посылки в Россию иностранных военных судов. Он заверил, что русские власти сами приняли все необходимые меры для охраны подданных других государств¹⁰⁴. Обращение Ламздорфа оказало свое действие.

Германия и Австро-Венгрия тоже предпочитали избегать прямого военного вмешательства в дела России. Обе империи, в особенности Двудеиная монархия, переживали серьезные внутренние трудности, а внимание Берлина было, кроме того, отвлечено марокканским кризисом. Канцлер Бюлов недвусмысленно определил позицию германского правительства в личном письме послу в Лондоне П. Меттерниху от 6 но-

ября (24 октября) 1905 года: «В отношении русских событий мы исполнены участия к императору Николаю и доброжелательны к разумной реорганизации, но не собираемся там вмешиваться и не повторим глупости 1792 г.»¹⁰⁵.

В 1906 году новый импульс толкам об интервенции придало июньское посещение кайзером Вильгельмом Вены. В ходе него, по сообщению официальной австрийской «Пештер Ллойд», было принято решение усилить гарнизоны на австро-русской и русско-германской границах¹⁰⁶. Вскоре последовала публикация статьи «Иностранные державы и положение дел в России» в официальном органе царского правительства¹⁰⁷. Она вызвала широкий отклик в русской и иностранной печати, а также опровержения некоторых кабинетов.

Правительство Николая II явно использовало в этом случае призрак интервенции, чтобы припугнуть кадетов и не допустить апелляции Думы к народу. В то же время существование позиции официального Петербурга не изменилось. В переданном в июле через агентство Рейтер заявлении царского МИД повторялось, что вмешательство какой-либо иностранной державы в русские дела недопустимо ни при каких обстоятельствах¹⁰⁸.

В Германии даже экспансивный кайзер считал возможным прибегнуть к интервенции и аннексировать балтийские провинции России лишь в случае краха царизма и ожидаемого тоща распада империи Романовых¹⁰⁹. Берлин и Вена должны были учитывать позицию социалистов европейских стран, а также ревниво-подозрительное отношение Франции и Англии.

Все же, вспыхни революционный пожар на польских землях Габсбургов и Гогенцоллернов, существовала реальная перспектива интервенции, пусть и ограниченной по масштабам. Негативная позиция царского правительства тоже могла измениться, если бы самодержавие оказалось перед угрозой свержения.

А.П. Извольский и дальнейшая разработка внешнеполитического курса. В конце апреля 1906 года в России почти одновременно со сменой правительства была опубликована новая редакция Основных законов и созвана I Государственная дума. Шаткость положения вынудила царизм пойти на расширение своей социальной опоры, инкорпорировать в состав определяющих политику государства верхушку буржуазии. Самодержавие сделало еще один шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Наиболее приемлемой для сотрудничества с крупным капиталом областью являлась внешняя политика. Как помещики, так и буржуазная верхушка выступали сторонниками великодержавного курса на международной арене. Оставалось согласовать вопросы о приоритете направлений и целей, способах достижения последних, о внешнеполитическом аппарате. При этом царское правительство могло лавировать между классовыми интересами, оставляя себе известную свободу

маневра. Задача нашла подходящего исполнителя в лице способного дипломата — нового министра иностранных дел Александра Петровича Извольского, деятеля более современного, чем Ламздорф.

Извольский хотя и вышел из дворянской среды, но принадлежал к числу либеральных бюрократов, сознававших необходимость реформ и сотрудничества с общественными кругами. В отличие от Ламздорфа, он намерен был искать пути взаимодействия с Государственной думой, хотел провести давно назревшие преобразования министерского аппарата, шире использовать печать и официальные документальные публикации для формирования общественного мнения. Извольский в основном продолжал главные направления внешней политики царского правительства, определившиеся после Портсмутского мира. В то же время он, хотя и не сразу, внес в нее новые черты и нюансы, выходявшие за рамки конъюнктурных. Главной его линией стали политика соглашений и балансирования, а также — реформа самого МИД.

Предпринятая по инициативе Извольского реформа ведомства преследовала цели заменить архаическую организацию более современной, а также внести коррективы в систему прохождения дипломатической службы. Подготовкой проекта преобразований занималась созданная в 1906 году специальная комиссия во главе с товарищем министра иностранных дел К.А. Губастовым, а затем его преемниками — Н.В. Чарыковым и С.Д. Сазоновым. Подход этой комиссии, состоявшей из ведущих чиновников и экспертов министерства, отличался осторожностью и медлительностью. Параллельно вопросами реформы занимался сам Извольский, дававший поручения некоторым близким сотрудникам (М.А. Таубе, А.А. Гирсу). В результате была выработана новая структура МИД, предусматривавшая разграничение политических и неполитических сфер деятельности, введение системы отделов, преобразование газетной экспедиции в отдел печати и создание юрисконсультского отдела. Осуществление намеченных мер на практике затянулось, и еще в 1907 году внутренняя система организации МИД оставалась прежней. Не удалось преодолеть замкнуто-кастового характера личного состава ведомства, что вызывало подчас острую критику печати¹¹⁰.

Выработанная при министерстве Вите новая редакция Основных законов не предусматривала контроля Думы над внешней политикой, верховное руководство которой осталось исключительной прерогативой императора, назначавшего ответственного лишь перед ним министра иностранных дел. В 1906 году Извольский внес в Совет министров вопрос о возможности предварительного рассмотрения законодательными учреждениями некоторых международных соглашений специального характера. Коллеги министра по кабинету, а затем и царь отклонили это робкое предложение. Накануне открытия II Государственной думы Из-

вольский получил разрешение Николая II давать ей разъяснения по вопросам внешней политики в тех случаях, когда сам министр сочтет это нужным. На практике он воспользовался этим позднее подтвержденным правом только в III Думе¹¹¹.

До того взаимодействие МИД с общественностью осуществлялось главным образом через печать, контакты с которой заметно расширились. Бюро печати министерства составляло ежедневные обзоры русских и иностранных газет, Извольский внимательно следил за реакцией печати на внешнеполитические шаги правительства, старался заручиться поддержкой общественного мнения и влиять на него. Довольно значительный размах приняло также издание сборников дипломатических документов, призванных показать, как русское правительство печется о защите международных интересов страны.

Извольский пришел к руководству МИД с претензией на разработку «большой национальной программы». Он сознавал потребность во внешнеполитической передышке и был здесь единомышленником Столыпина и продолжателем курса Витте–Ламздорфа, хотя и расходился с ними в отношении сроков такой передышки. Извольский оценивал ее не в 20–25, а всего в 10 лет. Он ожидал осложнений в Европе (распада Австро-Венгрии или событий на Балканском полуострове), от которых Россия не сможет остаться в стороне, не рискуя превратиться во второ-степенную державу. Министр полагал, наконец, что Россия сумеет восстановить свой престиж «только удачной войной с кем-нибудь», хотя не имел при этом в виду большого европейского конфликта¹¹².

Извольский целиком унаследовал задачу использования дипломатии для борьбы с революцией. Он считал необходимым внести существенный корректив в направленность международных усилий России. По его мнению, в конце XIX — начале XX века русская внешняя политика отклонилась от центра исторических великодержавных интересов страны, лежащего в Европе и на Ближнем Востоке. «Мы должны поставить наши интересы в Азии на надлежащее место, — говорил министр, — иначе мы сами станем государством азиатским, что было бы величайшим бедствием для России»¹¹³. Он предполагал активизировать европейскую политику как на Балканах и Ближнем Востоке, так и на Севере Европы.

Блоковая политика царского правительства должна была, в представлении Извольского, зиждиться на четырех китах: 1) поддержании и укреплении союза с Францией как основы всей политики петербургского кабинета; 2) постепенной ликвидации напряженности в Азии путем справедливого политического и экономического урегулирования с Японией и Англией; 3) поддержании возможно лучших отношений с Германией как существенном факторе политики, не увлекаясь на путь Бьёрке, но и не жертвуя этими отношениями ради соглашения с Англи-

ей; 4) продолжении линии «совместных действий» с Австро-Венгрией на Балканах и сохранении по возможности преимущественной роли двух держав в деле македонских реформ¹¹⁴. Это требовало заключения новых и развития старых соглашений.

В дипломатической деятельности Извольский придавал важное значение личным контактам с руководителями внешней политики других государств. Он ежегодно совершал поездки в европейские страны, прежде всего союзную Францию, неизменно сопровождал царя в его zahlreichen визитах.

Новый министр проявлял больше гибкости в решении поставленных задач, чем его предшественник. Так, преследуя цель урегулирования с Японией, он предлагал «не препираться о мелочах, а взглянуть на дело широко и твердо вступить на путь вполне лояльной открытой политики»¹¹⁵. Вместе с тем при нем намечалось постепенное восстановление таких отношений с Китаем, которые существовали до 1898 года, то есть не только добрососедских, но и союзных. В поисках компромиссного соглашения с Англией Извольский склонен был принять английскую идею раздела Персии на сферы влияния.

Министр считал важным уравновесить шаги в сторону Англии и Японии развитием отношений с Германией и Австро-Венгрией. Принятые при Извольском царским правительством международный курс и дипломатические методы отличались большим реализмом и гибкостью. Они в определенной мере отвечали сдвигам в социальной базе власти.

3. Первые результаты политики соглашений и балансирования

Укрепление русско-французского союза. Заем, полученный Россией в апреле 1906 года, и состоявшаяся в том же месяце встреча начальников французского и русского генштабов подкрепили Двойственный союз, подтвердив в то же время наличие некоторых малоблагоприятных для царизма тенденций. Они продолжали действовать едва ли не до самого конца революции в России. Царское правительство в своей контрреволюционной борьбе нуждалось в морально-политической поддержке западных держав. Однако далеко не все его действия встречали понимание даже в союзной Франции. Парижский кабинет и финансовый воротил страны больше всего беспокоило влияние русских событий на доверие публики к кредитоспособности царизма. Особенно огорчало их неумение царского правительства наладить контакт с «разумной» частью Думы.

В июне французская дипломатия предприняла попытку осуждения еврейских погромов в Белостоке, причем акцент делался не столько на белостокских событиях, сколько на «ненормальных» взаимоотноше-

ниях правительства с Думой. Однако дипломатический запрос был отклонен, как и аналогичные представления некоторых других держав¹¹⁶.

Произвольный роспуск царским правительством оппозиционной I Думы встретил негативную реакцию со стороны французской печати и вызвал тревогу среди держателей русских ценных бумаг. Французский банкир Э. Нецлин жаловался министру финансов В.Н. Коковцову, что предпринятый шаг «подействовал на наш рынок, как удар грома...»¹¹⁷. На Кэ д'Орсэ опасались, что решение о роспуске Думы принято по совету кайзера Вильгельма и может послужить прологом к русско-германскому сближению. Извольский и Коковцов поспешили дать Франции разъяснения и заверения. Министры ручались, что союз с ней останется основой русской политики, институт Думы будет сохранен, а реформы продолжены.

Союзнница проявляла повышенный интерес и к англо-русским переговорам. Когда в апреле британская дипломатия предложила согласование позиций в отношении Багдадской железной дороги, французское правительство посоветовало принять это предложение «за исходную точку для соглашения между Россией и Англией относительно их взаимного положения и интересов в Персии»¹¹⁸. Отступление России перед резким вмешательством Германии обеспокоило Париж. Французская дипломатия стала внимательно следить за ходом англо-русских переговоров, не стесняясь время от времени давать России советы.

Осенью 1906 года в отношениях союзниц проявилась взаимная неудовлетворенность. В сентябре Извольский высказал французскому поверенному в делах Бутирону недовольство царского правительства по поводу систематически враждебного в отношении «партии порядка» в России тона парижской печати¹¹⁹. В том же месяце французские газеты опубликовали доверительное письмо Коковцова Столыпину о тяжелом положении русских государственных финансов¹²⁰.

Стремясь снять накопившееся раздражение, Извольский предпринял в октябре 1906 года поездку в Париж. Там он имел объяснения с новым председателем Совета министров Ж. Клемансо, министром иностранных дел С. Пишоном и президентом К. Фальером. С обеих сторон была подтверждена приверженность Двойственному союзу. Извольскому пришлось давать пояснения относительно внутренней политики царского правительства, боеспособности русской армии, внешнеполитического курса. Он старался вселить в собеседников уверенность в прочности положения царизма, обещал, что конституционные учреждения будут во всяком случае сохранены, а боеспособность русской армии восстановлена уже весной 1907 года. Извольский заверял, что Россия чужда идее реванша на Дальнем Востоке и искренне стремится к урегулированию с Англией, которое, однако, не следует торопить. Французские

государственные деятели обещали, со своей стороны, проводить миролюбивую и сдержанную внешнюю политику.

По некоторым из затронутых сюжетов русскому министру был учинен форменный допрос, так что у Извольского временами складывалось впечатление, что с ним говорили как с представителем второстепенной державы. Клемансо, характеризуя блоковую политику Франции, фактически поставил отношения с Россией и Англией на одну доску. Пишон не скрыл заинтересованности парижского кабинета в англо-русском соглашении и готовности, если потребуется, предложить свои услуги в этом деле¹²¹. Оба политика настойчиво советовали Извольскому предпринять поездку в Англию, от которой он, однако, уклонился.

В 1907 году польза Двойственного союза для обеих сторон получила новые конкретные подтверждения. Содействие Франции облегчило России урегулирование с Японией. Парижский кабинет, имея за плечами русскую поддержку, с большей уверенностью осуществлял меры по укреплению своих позиций в Марокко. Важный шаг был сделан в экономической области, где переговоры банкиров двух стран привели к образованию большого консорциума с целью финансирования русских предприятий. Правда, попытки консорциума разместить на парижском рынке гарантированные облигации русских железнодорожных обществ натолкнулись на неожиданное препятствие: французское Министерство финансов поставило под сомнение возможность подобных операций без санкции Думы. Лишь после длительной «тяжбы» царской дипломатии удалось побудить правительство Франции изменить свою точку зрения¹²².

В отношениях двух стран имели место и другие неувязки. Франция заключила соглашение с Японией раньше России, и, хотя Петербург был извещен о переговорах двух стран, условия франко-японской сделки не во всем соответствовали видам царского правительства. Русская дипломатия настороженно отнеслась к заключенному без ее предварительного уведомления соглашению Франции, Англии и Испании о поддержании статус-кво в Западном Средиземноморье¹²³. Больше всего беспокоило Петербург, как бы за этим не последовало аналогичного соглашения, касающегося восточной части Средиземного моря.

Во второй половине 1907 года проявилась тенденция к восстановлению удельного веса России в русско-французском союзе. Она объяснялась некоторым прогрессом в воссоздании военной мощи царизма в Европе, подавлением русской революции, а также известной стабилизацией международного положения страны в результате соглашений с Японией, Англией и Германией. Симптоматичной в этом смысле оказалась вспыхнувшая в конце июня — начале июля полемика русской и французской печати по вопросу о ценности союза двух стран.

Застрельщиком дискуссии выступило близкое к МИД «Новое время», обвинившее Францию во вмешательстве во внутренние дела России и поставившее под сомнение военную мощь союзницы, будто бы подрыванную деятельностью крайних партий. Вызов приняла официальная парижская «Тан». Газета не отрицала некоторых ошибок Кэ д'Орсэ, к которым относила непрошенные советы посла Франции в Петербурге Бомпара Извольскому, но категорически возражала против несправедливой оценки боеспособности французской армии. «Тан» напоминала также, что Россия, нуждаясь в деньгах, занимает их преимущественно на парижском рынке. В последующих статьях «Нового времени» обвинения Франции в военной слабости больше не фигурировали. Зато в них повторялся и расширялся счет политических претензий, относившихся к периоду русско-японской войны и революции. Выражалась надежда, что союзница не подаст больше повода думать, что она симпатизирует скорее революционным и крайне оппозиционным партиям России, а не ее правительству¹²⁴.

Полемика «Нового времени» и «Тан» вызвала отклик в обеих странах. Большая часть русской центральной печати критиковала суворинский орган за франкофобское выступление и высказывалась в пользу укрепления связей с Францией и Англией. Правые газеты, а также официальная «Россия» в основном солидаризировались с позицией «Нового времени». Французская пресса в большинстве случаев поддержала «Тан» и отстаивала ценность союза с Россией. Наиболее консервативные органы воспользовались поводом для критики своего правительства, советуя ему извлечь уроки на будущее.

Выпады «Нового времени» отражали определенное недовольство русских правящих кругов внутренним положением во Франции, позицией ее в международных делах последних лет, а также изменением в соотношении сил членов Двойственного союза. Сам Николай II, разумеется не для публики, высказал мнение, что «появление таких статей периодически только полезно»¹²⁵.

В июле состоялось новое совещание начальников французского и русского генштабов. На этот раз оно в порядке очередности происходило в России. Встреча подтвердила значительную общность военно-политических целей двух государств в отношении Германии и ее партнеров по Тройственному союзу. Но французская сторона, как и на предыдущем совещании, уклонилась от подтверждения обязательств взаимопомощи против Англии и кооперации усилий на Дальнем Востоке.

В центре обсуждения оказался вопрос о возможности совместных наступательных действий против Германии. Генерал Палицын информировал французского коллегу о некоторых положительных сдвигах в части сосредоточения русской армии. Вместе с тем возможность ее ак-

тивных действий он ставил пока в зависимость от того, должна ли будет Австро-Венгрия сохранить значительные силы против Италии. Генерал Брэн настаивал на дальнейшем ускорении концентрации русских войск, которое позволило бы своевременно поддержать предполагаемые наступательные операции французской армии против Германии¹²⁶.

Франция приветствовала русско-японское урегулирование и приглашение России с Англией. Первое из них рассматривалось как конец дальневосточных «увлечений» царизма, начало сближения России с нарождающейся англо-франко-японской группировкой на Тихом океане¹²⁷. С еще большим основанием могла быть занесена в актив Кэ д'Орсэ русско-английская конвенция: она позволяла Парижу лучше сочетать союз с Россией и Антанту с Англией, прокладывая дорогу к тройственному согласию.

Заключительным аккордом в развитии русско-французских отношений того времени стал визит Извольского в Париж в октябре 1907 года. Царский министр ехал на этот раз с совсем иным настроением, чем год назад. Он собирался дать ясно понять, что раны недавнего прошлого заживают и что Россия, упрочив свое положение в Азии, намерена вновь играть подобающую ей роль в европейских делах¹²⁸.

Прием, оказанный Извольскому во Франции, во многом оправдал его ожидания. Клемансо и Пишон поздравили министра с успешным завершением переговоров с Англией и Японией. Они выразили удовлетворение результатами поездки Брёна в Россию и недавних финансовых переговоров Коковцова с Ж. Кайо. Отмечалось укрепление доверия французской публики к России, благоприятно сказывающееся на курсе русских ценных бумаг. Президент Фальер выразил желание нанести летом 1908 года визит царю, чтобы лично засвидетельствовать дружественные чувства и преданность Франции.

Парижские политики поблагодарили Извольского за ценную помощь в марокканском вопросе. Они заверили его, что Франция будет стараться действовать в рамках Альхесирасского трактата и не подаст повода к международным осложнениям. Французское правительство, со своей стороны, выразило готовность помогать усилиям России и Австро-Венгрии в деле македонских реформ.

Извольский подтвердил, что царское правительство по-прежнему считает союз с Францией незыблемой основой русской внешней политики. Вместе с тем оно, естественно, стремится поддерживать добрососедские отношения с Германией. Министр высказал некоторые претензии в адрес Кэ д'Орсэ, связанные с франко-японским соглашением и кооперацией Франции, Англии и Испании в Западном Средиземноморье. Хотя его замечания уже не могли ничего изменить, Извольский полагал, что они побудят союзницу впредь относиться к русским интересам с боль-

шим вниманием. В целом парижские переговоры способствовали лучше-му взаимопониманию партнеров и выравниванию их отношений¹²⁹.

Первый этап переговоров с Англией и Японией. Еще весной 1906 года Англия и Япония начали переговоры с Россией: первая — по вопросам взаимоотношений в Среднеазиатском регионе, вторая — по дальневосточным делам, вытекавшим из условий Портсмутского мира, причем царское правительство предоставило инициативу своим контрагентам. Союзная близость Лондона и Токио позволяла им до некоторой степени координировать ведение переговоров.

В апреле Англия внесла предложения, касавшиеся отношения к Багдадской железной дороге, а Япония предложила России отменить так называемый Сыпингайский меморандум, запрещающий свободное передвижение иностранных подданных в Маньчжурии. В конце мая Форин-офис сформулировал свою позицию в тибетском вопросе, а из Токио поступили предложения относительно ЮМЖД. В дальнейшем параллельность переговоров несколько нарушилась. Тем не менее в августе все основные вопросы как с английской, так и с японской стороны были поставлены.

Пока царское правительство обсуждало предложения Форин-офиса о Багдадской железной дороге, сведения о них проникли в английскую печать. Бюлов сразу же предписал послу в Петербурге передать Извольскому, что Германия категорически возражает против решения без ее ведома вопросов, в которых она непосредственно заинтересована. Министр поддался нажиму и в беседе с Шёном заверил его, что русское правительство не примет никаких решений о Багдадской железной дороге, «не войдя предварительно в откровенные объяснения с берлинским кабинетом»¹³⁰. Руководители английской политики поняли, что придать соглашению с Россией антигерманский характер не удастся, и поспешили вывести вопрос о Багдадской дороге из круга дел, подлежащих урегулированию¹³¹.

25 мая английский посол передал Извольскому предложения своего правительства, касавшиеся сравнительно более легкого предмета — Тибета. Существо их сводилось к признанию суверенитета Китая над этой областью и в то же время особых интересов там Англии, вытекавших из соседства Тибета с Индией. Царская дипломатия, видевшая главную задачу в том, чтобы предотвратить поглощение Тибета конкурирующей державой, сочла возможным принять английские пожелания за основу. В то же время она стремилась по возможности провести принцип равенства двух сторон и обеспечить российские интересы религиозного и научно-исследовательского характера. Речь шла о праве русских ламистов непосредственно сноситься с главами тибетской церкви и возможности продолжать посылку в Тибет научных экспедиций. Хотя принци-

пимальная возможность согласовать позиции двух держав выявилась уже к середине июня, обсуждение конкретных условий затянулось до конца лета. В заключение Извольский обещал Никольсону подготовить на основе проделанной совместно работы проект конвенции о Тибете, но не торопился с этим¹³².

25 августа английский посол получил разрешение Лондона перейти к следующему и более трудному вопросу переговоров — афганскому. Но когда неделю спустя Никольсон предложил Извольскому заняться этим, министр не поддержал его инициативу¹³³. Дело было не только в том, что Извольский опасался оппозиции военных кругов, с большим подозрением относившихся к политике Англии в Афганистане. Силой обстоятельств на повестку дня выдвинулся центральный и самый сложный вопрос англо-русских отношений на Среднем Востоке — персидский.

В конце 1905 года в Персии началась антиимпериалистическая и антифеодальная революция, ускоренная известиями о поражении, царизма в войне с Японией и революционных событиях в России. Она приняла опасный для интересов русского самодержавия и Англии размах, так что уже в июле 1906 года Извольский писал Бенкендорфу о необходимости перед лицом событий в Персии найти какую-то формулу общей позиции там двух держав¹³⁴. В августе дополнительный стимул русско-английским контактам придали просьбы шахского правительства о финансовой помощи. Возникла идея совместного с Англией займа Персии, условия которого обеспечивали бы интересы двух великих держав.

18 августа Извольский предложил Никольсону договориться о временном модус вивенди в Персии, который послужил бы основой для совместных действий России и Англии, не предрешая их взаимных прав и положения там в будущем. Британская дипломатия сочла момент подходящим для продвижения вопроса о соглашении. В конце месяца из Лондона поступил ответ о готовности английского правительства объединиться с русским в предоставлении аванса Тегерану на условии разграничения сфер влияния в Персии¹³⁵. В ходе обмена мнениями выявилась склонность царской дипломатии принять принцип территориального размежевания интересов. Но в Петербурге хотели бы, чтобы сфера русского влияния имела выход к Персидскому заливу, чего британские политики ни в коем случае не желали допустить. Отсюда их идея о «нейтральной зоне», которая разъединяла бы русскую и английскую сферы и перекрывала подступы к заливу¹³⁶.

Вопрос о персидском займе и связанных с ним английских предложениях рассматривался царским правительством на Особом совещании 7 сентября. Председательствовавший Извольский решительно выступил за соглашение с Англией, подчеркнув его фундаментальное значение для международного положения России и необходимой ей передышки. Сле-

дующий оратор — Коковцов, определенно высказался в пользу совместного с Англией финансирования шахского правительства и определения сфер влияния в Персии. При этом министр финансов предложил ограничить русскую сферу областью реальных экономических интересов России, лежавших в северной части страны. Большинство участников согласилось с доводами Извольского и Коковцова. Главный оппонент министра иностранных дел начальник генштаба Палицын не отверг в принципе ни совместного с Англией займа, ни возможности соглашения с ней. Он не скрыл, однако, что находит английские претензии в персидском Сеистане чрезмерными, и обещал в ближайшее время представить свои соображения по этому поводу. Совещание высказалось за совместную с Англией финансовую операцию на предложенных ею общих основаниях¹³⁷, то есть приняло идею сфер влияния, от которой Россия при Ламздорфе отказывалась.

В дальнейшем переговоры по вине русской стороны забуксовали. Линия Извольского–Коковцова встретила серьезную оппозицию в военных кругах и придворных сферах. Последние не только следовали традиции, но и опасались в революционное время поссориться с Германией.

Тем временем в трудную фазу вступило русско-японское урегулирование. Из всех поднятых весной и летом 1906 года вопросов лишь отмена Сыпингайского меморандума сравнительно быстро получила благоприятное решение¹³⁸. В железнодорожных делах был достигнут частичный прогресс: в июле состоялась передача Японии северного участка ЮМЖД, но без станции Куанченцзы, о принадлежности которой договориться не удалось. Конвенцию о соединении русских и японских линий в Маньчжурии еще предстояло выработать¹³⁹. Обсуждение финансовых претензий Японии затянулось до конца года.

Большие сложности возникли на переговорах по торговым делам. Представленный японской стороной в конце июля проект нового договора о торговле и мореплавании существенно отличался от трактата 1895 года, отражая великодержавные амбиции Токио и стремление к экспансии на русском Дальнем Востоке. Япония претендовала на предоставление ее подданным права приобретения недвижимости в России, беспшлинного ввоз товаров с Ляодунского полуострова через маньчжурскую границу в Приамурский край, облегчение паспортных правил и сборов для прибывающих в Россию японцев, учреждение японских консульств во Владивостоке, Николаевске и Петропавловске-на-Камчатке и признание за японскими судами свободы плавания по реке Сунгари¹⁴⁰.

Для обсуждения этих притязаний в Петербурге было созвано Особое совещание, которое в октябре представило подробные замечания к токийскому проекту. Часть японских пожеланий, менее важных,

русская сторона согласилась принять, хотя не без оговорок и на основе взаимности. Беспощадный ввоз товаров с Ляодунского полуострова и облегчение паспортных правил и сборов были отклонены. Вопрос о Сунгари предлагалось изъять из торговых переговоров и обсуждать по дипломатическим каналам. Русская делегация внесла, со своей стороны, некоторые дополнения, ставившие целью приблизить обсуждаемый проект к условиям договора 1895 года. Она хотела также распространить на торговлю с Ляодунским полуостровом те таможенные льготы, которыми Россия пользовалась в Маньчжурии¹⁴¹.

Самые острые разногласия возникли при обсуждении рыболовной конвенции. 1 августа 1906 года японский уполномоченный И. Мотоно внес проект, согласно которому подданные его страны получали равные с русскими права рыбной ловли, добычи морского зверя и растений в российских территориальных водах Японского, Охотского и Берингова морей, за исключением тех рек и губ, которые предоставлены туземным племенам¹⁴². Осуществление этих претензий могло затормозить ход освоения края русским населением и послужить препятствием к укреплению позиций России на Тихом океане. Царское правительство не могло возможным принять японские предложения за основу.

Срочно созванное Особое совещание разработало свой проект конвенции. Русская сторона соглашалась расширить понятие «рыбная ловля», включив в него помимо рыбы морских беспозвоночных и водоросли, но не морских млекопитающих. Русский проект предусматривал также исключение из-под действия конвенции всех рек и губ, что составляло более половины протяженности прибрежных вод¹⁴³.

На заседании 30 сентября договорились рассматривать постатейно оба проекта. В дальнейшем объяснения приняли довольно резкий характер. Мотоно настаивал, что понятие «рыбная ловля» должно включать также млекопитающих, и решительно отверг предложенные территориальные ограничения. Русская делегация заявила, что не может согласиться на повсеместный японский промысел без ограничения объекта, равно как и предоставить японским подданным равные права с российскими. Тогда 25 октября Мотоно обратился с нотой к царскому правительству. Он соглашался рекомендовать токийскому кабинету отказаться от права бить бобров и котиков, но не других млекопитающих, а также исключить из территории промысла реки, но не губы. Японский уполномоченный утверждал, что позиция русской делегации лишает его страну преимуществ, предоставленных Портсмутским договором, и закончил угрозой разрыва переговоров и плачевных последствий «для будущей политики обеих стран на Дальнем Востоке»¹⁴⁴.

В начале ноября Извольский дал Мотоно примирительный ответ. Царское правительство соглашалось обсуждать вопрос о ловле неко-

торых видов морских млекопитающих. Оно предлагало также пойти по пути разграничения категорий губ, часть которых могла бы арендоваться японцами. Русские делегаты заявили о готовности отказаться в пользу Японии от закрытия большей части губ. Открываемые теперь для аренды воды омывали более 2/5 дальневосточного побережья. Однако японская дипломатия фактически продолжала настаивать на открытии всех губ. В результате в конце ноября переговоры снова зашли в тупик¹⁴⁵.

В правящих кругах России после борьбы верх одержали сторонники компромиссного политического урегулирования, к которым принадлежали Извольский и Столыпин. Были предприняты попытки ослабить нажим империи микадо при посредстве Франции и Англии. Французская дипломатия по просьбе Петербурга использовала заинтересованность Японии в крупной финансовой операции на парижском рынке, чтобы преподать ей советы умеренности. Меньшую готовность помочь проявила Англия, что объяснялось ее союзными с Японией отношениями, а быть может, и желанием использовать русско-японские осложнения в собственной дипломатической игре. Зондаж царской дипломатии в Вашингтоне показал, что Соединенные Штаты не склонны к вмешательству¹⁴⁶.

В такой затруднительной ситуации Извольский пришел к мысли, которую еще в 1905 году выдвигал Витте: сделать предпосылкой полюбовного урегулирования общеполитическое сближение двух стран и размежевание их сфер интересов. В конце декабря царское правительство приняло решение о досрочном выводе русских войск из Маньчжурии. Извольский использовал это, чтобы предложить Японии сойтись на почве поддержания статус-кво на Дальнем Востоке.

Отношения с Германией и Австро-Венгрией. Стремясь восстановить добрососедские отношения с Германией, Извольский не упускал случая продемонстрировать лояльность русской политики к Берлину. Свой первый визит иностранному дипломату в качестве министра он нанес германскому послу Шёну, причем декларировал первостепенную роль связей с Германией для России и стремление придать им максимально дружественный и искренний характер¹⁴⁷.

Самым естественным путем к кооперации с Германией Извольскому представлялась совместная борьба с революционным движением. В июне он возобновил предложение Ламздорфа о взаимодействии полицейских ведомств двух стран в борьбе против «революционно-анархистских» элементов. Месяц спустя германское правительство ответило принципиальным согласием. Оно считало, однако, излишним заключать новое соглашение, рекомендуя ограничиться развитием международного протокола 1904 года о борьбе против анархистов. Царская дипломатия не выдвинула возражений. Было намечено провести встречу делега-

тов двух стран в Берлине. Реализация этого замысла затянулась по разным причинам до следующего года¹⁴⁸.

Лед в русско-германских отношениях всерьез тронулся лишь в октябре в результате посещения Извольским Берлина и переговоров, которые он провел там с кайзером, Бюловом и помощником статс-секретаря по иностранным делам О. Мюльбергом. Объяснения касались трех главных вопросов — общего характера русско-германских отношений, англо-русских переговоров, а также Багдадской железной дороги и интересов России в Персии.

Извольский уверял собеседников, что сознает общность интересов России и Германии и стремится к сближению двух империй. Он говорил о желательности согласовывать их политику на Ближнем Востоке и Балканах. Вместе с тем министр доказывал, что основы русской внешней политики должны остаться неизменными, так как они вытекают из соотношения сил в Европе и сложившихся не без немецкой инициативы группировок. Извольский подчеркнул при этом мирный оборонительный характер Двойственного союза.

Он мотивировал необходимость соглашения с Англией опасностью в противном случае новой войны в Азии, которая привела бы к следующей революции и возможному тогда распаду Российской империи. Министр сумел получить обещание, что англо-русское урегулирование, если оно будет выдержано в региональных рамках, не вызовет отрицательной реакции Германии и не приведет к ее вмешательству. Ради этого Извольский дал категорические заверения, что переговоры с Англией преследуют ограниченную цель устранить напряженность в отношениях двух стран в Азии и не вовлекут Россию в антигерманский блок. Он обязался в случае, если бы в ходе переговоров оказались затронутыми немецкие интересы, вступить в объяснения с Германией, дабы не нанести ей какого-либо ущерба¹⁴⁹.

Менее результативным оказалось обсуждение конкретных вопросов ближневосточной политики. Извольский выдвинул идею о признании Германией русской сферы интересов в Персии в обмен на отказ России от противодействия плану строительства Багдадской железной дороги. Мюльберг не отверг такой возможности, но просил Извольского конкретизировать его предложение в письменной форме. Он указал на желательность включить в русский меморандум условие, что Россия не станет возражать против соединения будущих железных дорог Персии с Багдадской линией. Пойти на подобную уступку царскому правительству было бы нелегко. Когда Извольский попробовал выяснить отношение Германии к английской идее о привлечении к сооружению Багдадской дороги других держав на условии разграничения контроля над ее различными частями, Мюльберг решительно отверг такую воз-

можность. Он заявил, что, независимо от участия иностранных капиталов, предприятие должно сохранить германский характер. На Вильгельмштрассе фактически отказались принять во внимание обеспокоенность, выраженную Извольским по поводу концессии на открытие немецкого банка в Тегеране¹⁵⁰.

Общие результаты берлинских переговоров Извольского были все же достаточно благоприятны. Он мог теперь без больших опасений сосредоточиться на завершении диалога с Англией. В отношениях с Германией как будто удалось восстановить взаимное доверие. Министр признавал, однако, что последнее требуется закрепить изысканием областей сотрудничества и разграничением интересов.

В сентябре 1906 года министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховский возбудил перед Россией вопрос о необходимости упредить Англию и самим разработать проект судебных реформ в Македонии, которые проводились бы исключительно под австро-русским контролем¹⁵¹. Договорились поручить это дело гражданским агентам двух стран, с тем чтобы после одобрения проекта обоими правительствами сообщить его другим державам.

Вскоре внешнеполитическое ведомство Австро-Венгрии возглавил бывший посол в России А. Эренталь. Он выступил с идеей осуществить экспансионистскую программу Австро-Венгрии на Балканах с ведома Германии и России, сплотив три державы на контрреволюционно-монархической основе. Такое единение должно было одновременно предотвратить англо-русское сближение. Эренталь предполагал воссоздать Союз трех императоров путем ряда последовательных шагов: обмена письмами суверенов о солидарности в поддержании монархического принципа, присоединения Германии к австро-русской декларации 1904 года о взаимном нейтралитете и, наконец, отказа России от союза с Францией¹⁵².

Эренталь направился в Петербург под предлогом вручения отзывных грамот. Он передал Николаю II послание императора Франца Иосифа о солидарности в борьбе за монархический принцип против «подрывных и анархистских элементов». В беседе с царем Эренталь развивал идею о необходимости решать внешнеполитические проблемы исходя из консервативно-монархических интересов и обещал на новом посту содействовать укреплению связей между тремя империями. Николай II поддержал мысль о важности взаимодействия соседних монархий. В ответе Францу Иосифу он благодарил за сочувствие и писал, что высоко ценит согласие между двумя правительствами¹⁵³.

Извольский в объяснениях с Эренталем повторил версию о вынужденном характере урегулирования с Англией. Он прокламировал свою верность согласию двух империй на Балканах. Вместе с тем министр вы-

сказал пожелание о смягчении политики Австро-Венгрии в отношении малых Балканских стран и активизации преобразовательной деятельности в Македонии. Наконец, Извольский предложил собеседнику — и тут он отошел от линии Ламздорфа — заглянуть в будущее и подумать о согласовании целей двух держав, когда поддержание статус-кво на Балканах станет невозможным. Эренталь не захотел раскрывать своих планов и уклонился от предложенного обсуждения, сославшись на неготовность¹⁵⁴.

Демонстрация в ходе визита Эренталя монархической солидарности служила для царского правительства морально-политической поддержкой. На Балканах наряду с видимым желанием продолжать политику совместных действий проявилось определенное отличие подходов. Вскоре обозначилось расхождение позиций в отношении судебных реформ в Македонии: Эренталь хотел свести преобразования к контролю за существующим турецким аппаратом, что, по мнению царских дипломатов, никак не могло удовлетворить население вилайетов.

Соглашения с Японией и Англией. В 1907 году подновленная внешняя политика царизма принесла первые успехи в виде ряда соглашений, укрепивших его международное положение. Раньше других была заключена серия соглашений с Японией, среди которых центральной являлась политическая конвенция.

Переговоры о ней начались в январе по инициативе русской стороны. Японское правительство отнеслось к предложению сочувственно. В феврале царская дипломатия сформулировала проект конвенции. В конце месяца из Токио был получен ответный проект. Эти документы свидетельствовали о близости взглядов двух правительств на цели соглашения и общности их подхода к маньчжурскому вопросу. Значительно труднее оказалось согласовать линию разграничения сфер интересов участниц конвенции. Япония претендовала не только на 2/3 территории Маньчжурии, но и на юго-восточную часть Монголии.

Англия, информированная союзницей, предложила подключиться к соглашению, гарантировав вместе с Японией границы России с Китаем, от чего Петербург и Токио по разным причинам уклонились. Попытку вмешательства предприняла Германия. 2 июня Шён вручил Извольскому меморандум, где говорилось, что правительство кайзера готово с пониманием отнестись к урегулированию Россией спорных вопросов с Японией и Англией, но будет протестовать против действий, направленных к вступлению ее в антигерманский союз с этими державами и Францией. Извольскому пришлось еще раз заверить посла, что речь идет о соглашениях по конкретным вопросам регионального характера¹⁵⁵.

В середине июня переговоры с Японией вступили в заключительную стадию. 14 июня в Петербурге было созвано большое межведомственное

совещание по вопросу о готовившемся соглашении. Извольский выступил на нем в защиту конвенции, доказывая, что она вместе с соглашениями Англии и Франции с Японией станет серьезным стабилизирующим фактором на Дальнем Востоке. Он усматривал выгоду также в том, что удастся отойти от провозглашенных в Портсмутском трактате принципов открытых дверей и равных возможностей в Маньчжурии. Совещание единодушно высказалось за политическое соглашение с Японией. Выдвинутые на нем пожелания в отношении разграничительной линии не носили императивного характера¹⁵⁶.

Конвенция была подписана в Петербурге 17 июля. Она состояла из открытой и секретной частей. Каждая из сторон обязалась уважать территориальную целостность другой и все ее права, вытекавшие из трактатов с Китаем, Портсмутского договора и специальных соглашений России с Японией (ст. 1). Обе стороны признавали независимость и целостность Китая, принцип равноправия торговли и промышленности всех наций в этой стране и обещали поддерживать и защищать статус-кво и указанный принцип всеми мирными средствами (ст. 2)¹⁵⁷.

Секретная часть конвенции устанавливала разграничение Маньчжурии на японскую и русскую сферы влияния (ст. 1). Царское правительство признавало «отношения политической солидарности» между Японией и Кореей, заключенные между ними соглашения и обязалось «не вмешиваться и не чинить препятствий дальнейшему развитию этих отношений». Япония же обещала, что Россия будет пользоваться в Корее равными правами с остальными державами (ст. 2). Наконец, Япония обязалась, «признавая во Внешней Монголии специальные интересы России, воздерживаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам» (ст. 3)¹⁵⁸. Таким образом, компромисс был достигнут опять-таки за счет третьих стран.

Стремление обоих правительств к общеполитическому сближению благоприятно сказалось на переговорах по всем другим вопросам. 31 мая Извольский и Мотоно подписали Временную конвенцию о соединении русских и японских железных дорог в Маньчжурии и протокол о станции Куанченцзы. Конвенцией предусматривалось соединение линий и установление прямого пассажирского и товарного сообщения в обоих направлениях. Протокол фиксировал размер компенсации Японии за ее отказ от прав на упомянутую станцию¹⁵⁹.

Трактат о торговле и мореплавании и рыболовная конвенция были подписаны в Петербурге за два дня до общеполитического соглашения. Первый из них помимо самого договора включал так называемые «отдельные статьи» об особом положении Японии и России в отношении торговли с некоторыми странами¹⁶⁰, специальный протокол о порядке торговли с ляодунской территорией и дополнительные ноты. Япония

обещала воспользоваться оговоренными преимуществами в отношении Кореи и стран Восточной Азии только после 1911 года. Предусматривалось открытие равного числа новых консульств в обеих странах¹⁶¹. Договор имел не столько экономическое — объем русско-японской торговли был невелик, — сколько политическое значение. «Особое положение» России и Японии в отношении торговли с некоторыми странами разграничивало сферы их экономического влияния, как бы дополняя собой политическую конвенцию.

Рыболовная конвенция предоставляла японским подданным право ловли в русских водах рыбы, водорослей и морских млекопитающих, за исключением морских бобров и котиков. Лов и обработка продуктов моря должны были производиться на выделенных для этой цели рыболовных участках, сдаваемых в аренду с торгов. Царской дипломатии удалось добиться исключения из сферы действия конвенции устьев рек, мест поселения туземных племен, а также 34 бухт. Япония, хотя и с некоторыми ограничениями, была допущена к промысловой деятельности в Амурском лимане. Срок действия конвенции устанавливался в 12 лет¹⁶². С экономической точки зрения это было наиболее тяжелое для России соглашение, которое фактически облагало ее ежегодной данью, исчислявшейся миллионами рублей.

Но вместе с тем урегулирование с Японией позволило царскому правительству стабилизировать неустойчивое положение на Дальнем Востоке, существовавшее после Портсмутского мира. Япония сумела использовать выгодное ей соотношение сил, чтобы истолковать некоторые предварительные положения мирного договора в свою пользу. Рыболовная конвенция и отчасти трактат о торговле и мореплавании создавали благоприятные условия для экспансии японского капитала на русском Дальнем Востоке. Все же наиболее важные экономические позиции царской дипломатии удалось отстоять. Она добилась некоторых компенсаций за счет третьих стран. Переговоры привели к сближению двух держав в борьбе с американской конкуренцией в Китае. Царскому правительству было теперь легче сосредоточить внимание на других, более важных регионах. Соглашения с Японией положили начало новому размежеванию сил на Дальнем Востоке и способствовали вовлечению России в систему связанных с Токио государств Антанты.

Англо-русские переговоры протекали в 1907 году более интенсивно, чем прежде, приняв характер подготовки комплексного соглашения. Помимо прогресса в русско-японских отношениях они стимулировались революционными событиями в Персии, а также состоянием связей обеих держав с Германией.

1 февраля вопрос «о соглашении с Англией на почве персидских дел» рассматривался в Петербурге большим межведомственным со-

вещанием. Его участники обсудили английский проект и признали его в целом приемлемым. Была принята во внимание возможность нейтрализовать Германию, договорившись о Багдадской железной дороге. Разногласия вызвал вопрос о границах «русской» зоны в Персии. Коковцов и Извольский по-прежнему исходили из реальных экономических интересов. Палицын, аргументируя военными соображениями, настаивал на включении в нее всего Хорасана до местечка Кусан на афганской границе. Большинство склонилось на сторону начальника Генерального штаба, и Извольский обещал предложить англичанам линию Палицына, рассматривая ее для себя как максимум русских пожеланий¹⁶³.

В феврале же Извольский и Никольсон приступили к обсуждению афганского вопроса. Проект, внесенный английской стороной, предусматривал отказ России от претензий на политическое влияние в Кабуле и признание ею руководящей роли Англии во внешнеполитических делах Афганистана¹⁶⁴. В тибетском вопросе оставались еще несогласованными два момента — о праве России посылать научные экспедиции и о выводе английских войск из долины Чумби.

В марте круг рассматриваемых вопросов расширился, включив сложную проблему статуса черноморских проливов. Формально инициаторами выступили посол в Лондоне Бенкендорф и советник посольства Поклевский-Козелл. Они полагали, что уступка Англии в таком вопросе стимулирует благоприятное завершение переговоров и англо-русское сближение. В действительности царские дипломаты подыграли Форин-офису, где давно ждали подобной инициативы и рассчитывали за полууступки в части проливов получить весомые компенсации в других делах.

В первом меморандуме Грея, суммировавшем результаты объяснений с Бенкендорфом и Поклевским, выражалось согласие английского правительства благожелательно отнестись к постановке Россией вопроса о праве прохода ее военных судов через проливы. Вместе с тем он содержал целый ряд условий и оговорок, значительно снижавших ценность английского «согласия», как, например, одновременное предоставление другим державам права вводить военный флот через Дарданеллы в Мраморное море. Британские политики хотели получить реальные ответные уступки в еще не завершенных делах средневосточного урегулирования, а также компенсации в таких «родственных» вопросах, как капитуляции в Египте и Багдадская железная дорога¹⁶⁵. Включение в круг русско-английских переговоров международной проблемы проливов легко могло вызвать германское вмешательство.

Царская дипломатия предпочла поэтому зарезервировать за собой право поднять вопрос о проливах в более благоприятное время, приняв к сведению добрую волю английского правительства. Она обещала учесть тогда пожелания Лондона о компенсациях и привлечении Фран-

ции к обсуждению. В ответной памятной записке от 1 апреля Извольский постарался зафиксировать позицию Форин-офиса в несколько более благоприятном для России виде, чем она была на самом деле¹⁶⁶. Грей не замедлил внести уточнения и новые оговорки¹⁶⁷. На этот второй меморандум Форин-офиса Извольский ответил лишь в конце июня. Он принимал к сведению все замечания Грея и указывал, что русское правительство, как и английское, не хочет в настоящий момент связывать себя определенной формулой. Оно рассчитывает, однако, что выдвинутое в лучшее время конкретное предложение России встретит благожелательный прием со стороны Англии¹⁶⁸. Такой общей малообязывающей договоренностью и завершилось на сей раз обсуждение столь важного для России вопроса.

Оно тем не менее способствовало продвижению переговоров в других направлениях. В конце марта Извольский и Никольсон в основном достигли согласия относительно границ зон двух держав в Персии и права каждой из них принимать в «своей» зоне необходимые меры борьбы с антиимпериалистическим движением¹⁶⁹. Казалось, эта часть соглашения близка к завершению. Но в июне британская дипломатия неожиданно выдвинула дополнительное пожелание: включить в преамбулу указание на специальные интересы Англии по поддержанию статус-кво в Персидском заливе. Извольский протестовал, опасаясь оппозиции противников соглашения в русских правящих кругах и возможного германского вмешательства. В конечном счете договорились, что, хотя вопрос о Персидском заливе в соглашение не войдет, Англия примет к сведению признание русским правительством ее специальных интересов там, о которых Грей сделает заявление в парламенте¹⁷⁰.

Еще раньше был достигнут компромисс по спорным вопросам соглашения о Тибете¹⁷¹. Наибольшие трудности на заключительной стадии переговоров создало урегулирование в Афганистане. Русские военные власти опасались превращения этой страны в главный стратегический плацдарм Англии на случай войны с Россией. Особое совещание 14 апреля высказалось в пользу соглашения по Афганистану и признания исключения этой страны из сферы русского влияния. Одновременно были сформулированы условия, согласно которым Англия обязалась не присоединять афганской территории, не оккупировать какой-либо ее части, воздерживаться от вмешательства во внутренние дела страны и не предпринимать в Афганистане действий, направленных против России¹⁷².

Попытки Извольского отстаивать эти пожелания на переговорах встретили резкий отпор, исходивший прежде всего от британских властей Индии. После длительного торга были найдены компромиссные формулы, которые царская дипломатия признала достаточно обеспечи-

вающими русские интересы. Это подтвердило Особое совещание 11 августа, одоббившее проект соглашения по Афганистану¹⁷³.

Конвенция России и Англии по делам Персии, Афганистана и Тибета была подписана в Петербурге 18 августа 1907 года — на целый месяц позже русско-японской.

В Персии Россия и Англия провозглашали свою заинтересованность в сохранении порядка и мирном развитии, что могло послужить основанием для эвентуального вмешательства. Статьи I—III устанавливали границы русской (Северная Персия), английской (юго-восток страны) и нейтральной зон¹⁷⁴, а также обязательства сторон в отношении концессий в этих зонах. Статьи IV и V касались гарантий платежей по займам русского Учетно-ссудного банка и английского Имперского банка.

В конвенции, касающейся Афганистана, английское правительство обещало не стремиться к изменению политического положения в этой стране, использовать свое влияние только в миролюбивом плане, не принимать и не поощрять мер, угрожающих России. Царское правительство, в свою очередь, признавало Афганистан лежащим вне сферы своего влияния и обязалось пользоваться для политических сношений с этой страной английским посредничеством (ст. I). Русские и афганские пограничные власти могли непосредственно сноситься по местным вопросам неполитического характера (ст. III). Англия брала обязательство не присоединять и не занимать какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление страной, если эмир будет выполнять условия договора от марта 1905 года (ст. II). Признавался принцип торгового равноправия двух держав в Афганистане (ст. IV).

Россия и Англия обязались уважать территориальную целостность Тибета и не вмешиваться в его внутреннее управление (ст. I), сноситься с ним только через посредство китайского правительства. Последнее не исключало непосредственных сношений с тибетскими властями английских коммерческих агентов, а также права русских и британских ламаистов непосредственно сноситься с главами тибетской церкви по религиозным вопросам (ст. II). Договаривающиеся стороны отказывались от посылки представителей в Лхасу, от приобретения концессий и других прав в Тибете и от притязаний на доходы последнего (ст. III—V). В приложениях фиксировались условия предстоящего вывода английских войск из долины Чумби, а также посылки в Тибет научных экспедиций¹⁷⁵.

Русско-английскую конвенцию правомерно оценить в двух планах: выгоды ее условий для каждой из сторон и последствий урегулирования. Думается, что условия в общем и целом отвечали соотношению сил и фиксировали занимаемые двумя странами к тому времени позиции. Другое дело, что момент соглашения был недостаточно благоприят-

тен для ослабленной России. Однако царизм, нуждавшийся в морально-политической поддержке и передышке, не имел возможности надолго отложить урегулирование. В отдельных вопросах Извольский мог бы добиться большего, не оглядываясь он на Германию.

Русско-английская конвенция задевала интересы третьих стран и послужила препятствием к возможному улучшению отношений России с Персией, Афганистаном и Китаем. Она вызвала серьезные опасения в Турции. Соглашение повлияло на расстановку сил великих держав. Англо-русские противоречия в Азии удалось смягчить. Россия, косвенно уже связанная с Антантой через Двойственный союз и Японию, сделала прямой шаг в сторону этой группировки. Германия усмотрела в конвенции очередное звено в цепи направленной против нее британской политики «окружения». Австро-Венгрия увидела в случившемся подтверждение своим подозрениям относительно возможности новой ориентации русской политики на Балканах.

В русской печати конвенцию толковали по-разному: одни видели в ней проявление стремления царского правительства к миру и нейтралитету, другие — формирование антигерманской группировки и орудие более активной политики на Ближнем Востоке. В правящих кругах преобладало понимание в духе первой трактовки. Соглашение с Англией думали уравновесить сделками с Германией и развитием взаимодействия с Австро-Венгрией.

Впоследствии первоначальные намерения русского правительства пришли в противоречие с империалистической природой царизма и ходом развития международных отношений. За подавлением революции проявилась тенденция к активизации русской политики на Балканах и Ближнем Востоке, где в то время разрывалась экспансия германо-австрийского блока. Это создавало основу для конфликтов с соседними империями. В таких условиях конвенция по региональным вопросам послужила предпосылкой к общеполитическому сближению России и Англии, становлению Тройственного согласия. Но ранее предстояло потерпеть неудачу надеждам Петербурга сбалансировать крен в политике развитием отношений с Германией и Австро-Венгрией.

Попытки лавировать между блоками. В 1907 году царская дипломатия прилагала много усилий в этом направлении. Упомянувшееся Особое совещание 1 февраля склонилось к соглашению с Германией о непротиводействии строительству Багдадской дороги в обмен на признание интересов России в Северной Персии и некоторые дополнительные уступки, касавшиеся железнодорожного строительства в Персии и Северо-Восточной Турции¹⁷⁶. После этого Извольский вступил в переговоры с Шёном, которые длились полгода, но не привели к положительному результату. Вскрывшиеся разногласия относились как к определению

интересов двух держав в Персии, так и в особенности к проблеме соединения Багдадской дороги с будущими персидскими линиями. Последнего царское правительство старалось избежать или хотя бы надолго отсрочить.

Столь же неудачно закончилась попытка согласовать политику двух держав на Балканах. На Вильгельмштрассе стремились побудить Россию ассоциироваться с линией Германии и Австро-Венгрии: поддерживать сохранение Османской империи в прежнем виде, отказавшись от активной реформаторской деятельности в европейских вилайетах и перспективной в этом плане кооперации с Англией. Извольский думал противопоставить сказанному идею русско-германского соглашения о сохранении на полуострове территориального статус-кво с обязательством не поддерживать там каких-либо агрессивных действий против другой стороны. Оба замысла оказались неприемлемыми для Германии и не вышли из стадии предварительного обсуждения¹⁷⁷.

В некоторых менее важных вопросах русско-германские отношения все же удалось продвинуть вперед. Так, в марте была согласована позиция России, Германии и Австро-Венгрии в отношении повестки дня готовившейся в то время 2-й Гаагской мирной конференции. Три державы единодушно выступили против расширения ее программы за счет включения пункта об ограничении вооружений (английская инициатива)¹⁷⁸.

В июле в Берлине под эгидой германского МИД состоялась наконец встреча представителей русской и немецкой государственной полиции, посвященная развитию соглашения 1904 года о борьбе против анархистов. Директор Департамента полиции М.И. Трусевич изложил пожелания своего ведомства, встретившие довольно сдержанный прием¹⁷⁹. Окончательный ответ немецкой стороны, хотя и положительный, последовал только в декабре, когда дело уже утратило для царского правительства былую остроту.

В тесном сотрудничестве с Вильгельмштрассе действовала царская дипломатия при разработке проекта договора о нейтралитете и территориальной целостности Норвегии. Инициатива заключения договора исходила от Христиании, но за основу обсуждения был принят русский проект, предварительно конфиденциально согласованный с Германией¹⁸⁰. В начале апреля Извольский предложил германскому правительству перейти от сотрудничества по частному вопросу о норвежском договоре к более общему соглашению по делам Балтийского региона. Он рассчитывал при этом на содействие немецкой дипломатии в отмене конвенции об Аландских островах. Сначала инициатива Извольского не встретила отклика в Берлине. Там считали достаточным продолжать кооперацию в части, касающейся норвежского договора, и не хотели помогать России в ремилитаризации Аландов¹⁸¹. В июне проект норвеж-

ского договора был согласован между державами, но в последний момент подписанию его помешала Англия.

Британская дипломатия усмотрела в предложениях Извольского о Норвегии, отмене Канроберовского договора 1855 года и конвенции об Аландах стремление устранить влияние Англии и Франции в этом регионе и установить там русско-германское согласие. Она противопоставила этому идею соглашения четырех великих держав, которое включало бы аландский вопрос и гарантию территориального статус-кво в Скандинавии. В дальнейшем переговоры свелись к подготовке договора о территориальной целостности Норвегии, причем русское и германское дипломатические ведомства по-прежнему действовали в тайном контакте¹⁸².

21–24 июля состоялась встреча кайзера Вильгельма II с Николаем II в Свинемюнде. Царская дипломатия рассчитывала использовать ее, чтобы закрепить улучшение русско-германских отношений. В подтверждение верности «духу Бьёрке» Извольский предложил Бюлову проекты двух соглашений — о Багдадской дороге и Персии и по балтийским делам. Ближневосточный проект не содержал удовлетворявших германскую сторону уступок, и канцлер предпочел уклониться от его рассмотрения, предложив продолжить переговоры по обычным дипломатическим каналам. Проект «Балтийского протокола» декларировал исключение из дел региона влияния неприбрежных государств, предусматривал поддержание там территориального статус-кво и возможность заключения с этой целью специальных соглашений со Швецией и Данией, Бюлов солидаризировался с общим подходом Извольского к балтийским делам, проект же соглашения обещал изучить и дать ответ позднее.

Малорезультативным оказалось обсуждение балканского вопроса. Обе стороны по разным причинам отрицательно отнеслись к намерению болгарского князя Фердинанда провозгласить себя королем. Извольскому не удалось добиться обещания, что германская дипломатия поддержит перед Турцией проект судебных реформ в Македонии. Канцлер воздержался от каких-либо конкретных авансов в интересовавшем русского министра вопросе о черноморских проливах. В целом свидание в Свинемюнде имело скорее значение демонстрации дружественных отношений, в которой обе стороны были заинтересованы¹⁸³.

В августе Извольский получил ответ Вильгельмштрассе на свой балтийский проект. Немецкая дипломатия принимала идею соглашения о поддержании статус-кво, но не хотела подчеркивать направленность его против неприбрежных государств, то есть в первую очередь Англии. Против такой поправки Извольский не возражал. Он настаивал, однако, на сохранении предполагаемого соглашения в тайне¹⁸⁴.

В дальнейшем подписание протокола несколько затянулось и состоялось только 16 октября. Во вводной его части провозглашалась общность интересов и стремлений двух держав и верность принципу поддержания в регионе территориального статус-кво. Документ включал положения о неприкосновенности территориальных прав сторон и возможности специальных соглашений со Швецией и Данией об их территориальной целостности. Германское правительство обещало не считать противоречащей принципам соглашения отмену конвенции об Аландских островах. Протокол намечалось до времени хранить в секрете¹⁸⁵.

Заклучив балтийское соглашение с Германией, царское правительство сумело несколько сбалансировать курс внешней политики. Под восстановление добрососедских отношений двух империй была подведена известная реальная база. Делался первый шаг к отмене такого наследия Крымской войны, как конвенция об Аландских островах. Русско-германский протокол завершил серию соглашений, которая призвана была на время обезопасить Россию от внешних потрясений. Для Германии протокол тоже имел не только региональное значение, укрепляя ее позиции в соперничестве с Англией.

Все же практические последствия нового соглашения оказались не столь значительными. Оно не послужило поворотным пунктом ни в международных, ни в русско-германских отношениях. В отличие от конвенций России с Англией и Японией протокол не касался регионов, где интересы двух империй сталкивались наиболее остро. Реализовать вексель, выданный Германией в отношении режима Аландских островов, царскому правительству не удалось. Скоро выяснилось также, что германская дипломатия некорректно использует балтийское соглашение в своих попытках возбудить недоверие к русской политике у Англии и Франции¹⁸⁶.

Еще менее результативным оказалось развитие русско-австрийских отношений. В апреле-мае Эренталь, ободренный согласованием позиций Вены, Берлина и Петербурга о программе Гаагской конференции, попытался сделать следующий шаг на пути к Союзу трех императоров. На этот раз он избрал почвой для продвижения к цели балканские дела. Австрийский министр предложил России подкрепить политику совместных действий присоединением союзных Германии и Франции. Извольский дипломатично отклонил венскую инициативу, сославшись на состояние франко-германских отношений и указав, что Россия и Австро-Венгрия сами еще не договорились о дальнейших реформах в Македонии. Затем последовало резкое вмешательство британской дипломатии, что побудило Эренталья взять свое предложение назад¹⁸⁷. Он мог еще раз убедиться в неосновательности надежд возродить консервативно-монархическую группировку.

Австрийская дипломатия приступила к непосредственной подготовке поворота в своей балканской политике. Она стала всячески тормозить выработку и принятие проекта судебных преобразований в вилайетах. Дело затянулось до сентября. Проект в конце концов удалось согласовать, но Порты отказывалась принять его, а расхождения держав не позволяли прибегнуть к коллективным мерам принуждения.

Извольский попытался придать взаимодействию с Австро-Венгрией новый импульс, направившись в середине сентября с визитом в Вену. Его переговоры с австрийскими политиками касались трех главных сюжетов: осуществления Мюрцштегской программы реформ, австро-итальянских отношений и перспектив сотрудничества двух империй в случае непредвиденного нарушения статус-кво на Балканах.

Эренталь на словах подтвердил верность политике реформ, что, впрочем, служило лишь маскировкой истинных намерений Балльплатц¹⁸⁸. Извольский, в свою очередь, поддержал инициативу австрийского министра обратиться с тождественной нотой к правительствам Болгарии, Греции и Сербии и призвать их прекратить разжигание волнений в Македонии¹⁸⁹. Эренталь заверил русского коллегу, что на его недавних встречах с итальянским министром иностранных дел Т. Титтони не было заключено какого-либо соглашения об Албании или других балканских провинциях. При обсуждении вопроса о будущем политики двух держав на Балканах Эренталь не стал раскрывать планов своего правительства. Извольский, напротив, неосмотрительно приоткрыл карты, заговорив о необходимости для России обеспечить себе свободный выход в Средиземное море и готовности — в случае согласия Австро-Венгрии — оказать поддержку ответным притязаниям последней¹⁹⁰. Такая постановка вопроса представляла собой отход от политики дамздорфа и таила в себе серьезную опасность.

Посещение Извольским Вены создало видимость близости двух империй, как будто бесполезную для блоковой линии царской дипломатии. Австрийская дипломатия использовала эту эфемерную близость, чтобы до времени маскировать подготовку сговора с Турцией и перехода к активной экспансии на Балканах в опоре на Германию.

* * *

В 1904–1907 годах внешняя политика России проходит в своем развитии три периода: война с Японией, кризисное состояние послевоенных месяцев, когда воздействие поражения и подъема революции сказалось особенно сильно, и, наконец, известное обновление, связанное с изменением международного положения России и социально-политической эволюцией самодержавия.

Вопреки мнению некоторых зарубежных авторов, будто на рубеже XIX–XX веков ведущую роль в разделе Китая и Кореи на сферы влияния

играла Россия¹⁹¹, Русско-японская война явилась результатом столкновения экспансионистских усилий целого ряда держав. Инициатива ее развязывания принадлежала Японии, которая получила поддержку Англии и Соединенных Штатов.

В годы войны и революции произошли существенные сдвиги в системе европейских и дальневосточных отношений. Самым важным из них явилось оформление англо-французской Антанты, повлиявшей на франко-русские и англо-русские связи. Союз Петербурга и Парижа утратил антибританскую направленность. Россия не без поощрения Франции заключила соглашение с Англией. Она постаралась сбалансировать этот шаг протоколом с Германией, имевшим, однако, сравнительно ограниченное значение, и сохранила соглашение с Австро-Венгрией. На Дальнем Востоке укрепились англо-японские союзные связи. Немного позже как Франция, так и Россия сами заключили соглашения с Японией.

Получилась сложная комбинация, в которой Россия, продолжая опираться на союз с Францией, имела в то же время соглашения с двумя державами каждого из противоположных союзов. Эта система отражала стремление Петербурга к балансированию между Германией и Англией с их группировками. При видимой равнозначности русско-английское соглашение было шире и важнее русско-германского. Россия оказалась связанной с Англией не только прямо, но и косвенно — через Францию и Японию. Наконец, русско-австрийская антанта, имевшая характер соглашения о незаинтересованности, переживала пока скрытый кризис.

В рассматриваемый период в России произошла определенная перегруппировка социальных сил, на которые ориентировалась внешняя политика. Война с Японией внесла серьезный раскол в русское общество. Царизм поддерживали лишь дворянство и сравнительно небольшая часть буржуазии (преимущественно заинтересованная в дальневосточных предприятиях). Впервые некоторые партии и организации выступили с проповедью пораженчества, которая повлияла на настроения народных масс, не понимавших целей войны.

В дальнейшем в ходе революции царизм и дворянство пошли на соглашение с умеренной частью буржуазии, в том числе в вопросах иностранной политики. В свою очередь, правая часть либерального лагеря перешла на позиции великодержавного национализма.

Механизм принятия внешнеполитических решений также претерпел в России известную эволюцию. При сохранении ведущей роли за тандемом царя и министра иностранных дел во внешней политике возросло значение коллегиального правительства в лице Совета министров и отчасти Совета государственной обороны. Они потеснили, но не свели на нет Особые межведомственные совещания. Был предусмотрен, хотя

и строго ограниченный, контакт между Министерством иностранных дел и Государственной думой.

В 1907 году политика соглашений и балансирования, проводимая царским правительством, принесла первые плоды. Была достигнута некоторая консолидация как международного, так и внутреннего положения России. Передышка позволяла перейти к осуществлению назревших реформ, являясь их важнейшим условием. Но в среде господствующих классов и в правящих кругах проявилась также тенденция к преждевременной активизации внешней политики. На этом авантюристическом пути ее адептов поджидали горькие разочарования.

Глава VI. Россия в международных отношениях 1908–1909 годов.

Политика балансирования

1. Накануне боснийского и нового марокканского кризисов

Принятый царским правительством курс соглашений и балансирования уже в ближайшие годы прошел проверку действием. В иную, более спокойную эпоху он имел бы шансы принести длительную передышку, нужную для успеха внутренней консолидации и восстановления военной мощи страны. Но во взрывоопасной ситуации начала XX века вероятность такого благоприятного исхода значительно понижалась.

Послереволюционный период в истории России связан с реформаторской деятельностью П.А. Столыпина. Он был одной из ключевых фигур российской истории тех лет, человеком незаурядного административного таланта и воли, убежденным сторонником сильной царской власти и одновременно поборником модернизации России. Центральное место в замыслах Столыпина занимала названная позднее его именем аграрная реформа, призванная в корне изменить лицо российской деревни, создать в лице крестьянина-собственника надежную опору правительства и разрядить социальную напряженность в деревне. Был у Столыпина и ряд других проектов преобразований, для реализации которых ему хотелось бы получить 20 лет покоя — внутреннего и внешнего. Поэтому в области внешней политики Столыпин выступал сторонником сбалансированного имперского курса, основанного на принципах разумной осторожности, сохранения престижа и достоинства России как великой мировой державы и вместе с тем категорического неприятия любых авантур, подобных безобразовской линии на Дальнем Востоке, приведшей к Русско-японской войне.

Министр иностранных дел А.П. Извольский разделял общий подход Столыпина, хотя и расходился с ним в оценке сроков необходимой передышки и перспективности дипломатических комбинаций. Планам Столыпина не суждено было осуществиться. Быстро исчерпав кредит доверия у царя и дворянства, оправившихся от испуга перед революцией, он не сумел так же быстро реализовать свои реформаторские замыслы, которые требовали крупных финансовых затрат, опытных кадров и поддержки со стороны общества. В результате Столыпин стал терять популярность, и к моменту его убийства в сентябре 1911 года Д. Богровым

карьера председателя Совета министров была фактически завершена: смерть избавила его от неминуемой отставки.

Внутренняя ситуация в России и после революции оставалась достаточно сложной. Политика «успокоения и реформ» не смогла искоренить забастовочного движения (более миллиона стачечников в 1907–1910 гг.), продолжались антипомещичьи и антикулацкие выступления крестьян. Несмотря на кризис, который переживали все революционные и оппозиционные партии, они не прекращали своей деятельности. Все это, несомненно, затрудняло проведение внешнеполитического курса Столыпина–Извольского.

Обострение ситуации на Ближнем Востоке. Разногласия в царском правительстве. 1908 год оказался одним из наиболее напряженных в международных отношениях начала века. Царскую Россию больше всего тревожило положение на Ближнем Востоке. Захват центральными державами преобладающих позиций в этом регионе знаменовал бы серьезный стратегический успех политики «Дранг нах Остен», грозил свести на нет вековые усилия самодержавия на Балканах, позволил бы Германии установить контроль над проливами и обеспечил бы ей выход к Персии. Здесь же с особой силой проявлялся фактор подъема революционно-демократической борьбы (национально-освободительное движение балканских народов, революция в Персии, революционное брожение в Турции). Напор германизма побуждал царское правительство искать поддержки у других заинтересованных держав, среди которых особенно выделялась своим решительным настроем Англия. Вместе с тем в Петербурге не оставляли надежд достигнуть приемлемой сделки с центральными империями.

Отход Австро-Венгрии от политики «совместных действий» с Россией на Балканах стал очевиден уже в начале 1908 года. Царской дипломатии удалось перехватить донесение турецкого посла в Вене, из которого явствовало, что Двуетная монархия отказалась поддержать уже было согласованный с Россией проект судебных реформ в Македонии отнюдь не бескорыстно. В обмен Австро-Венгрия добивалась от султана признания своего преобладающего положения в Салоникском и Косовском вилайетах и согласия на постройку железной дороги из Боснии через Новобазарский санджак до Митровиц, уже соединенных железнодорожной линией с Салониками. За этим последовало публичное заявление А. Эренталя в парламенте о проекте постройки этой дороги, которое А.П. Извольский расценил как разрыв с Мюрцштегским соглашением¹. 25 мая, по сведениям посла в Турции И.А. Зиновьева, министр иностранных дел Порты и австрийский посол подписали военную конвенцию и «Особый протокол» о концессиях в Салоникском и Косовском вилайетах, становившихся впредь областями монопольной эксплуата-

ции центральных империй. Месяц спустя оба документа были ратифицированы².

Германия в феврале 1908 года добилась принципиального согласия султана на постройку следующего участка Багдадской дороги протяженностью 840 километров, а 20 мая были подписаны соответствующие контракты, знаменовавшие новый большой успех Берлина в закабалении Турции. Германия также значительно расширила торговлю с ней и укрепила свои позиции среди заимодавцев султанского правительства. Начались переговоры о германо-турецком политическом, а затем и военном соглашениях, направленных против России и отчасти Англии.

Найти средства противодействовать экспансии центральных держав было нелегко. Отношения России с Турцией по-прежнему носили натянутый характер. Рассчитывать на активную помощь союзной Франции в то время не приходилось. Французская дипломатия не поддержала идеи принудительных мер по отношению к Турции в связи с программой судебных реформ в Македонии, опасаясь ущерба держателям турецких ценностей. Вообще, по заключению посла А.И. Нелидова, союзническая поддержка русской политики на Ближнем Востоке в силу внутреннего положения Франции и принятого республикой политического направления не могла быть деятельной.

Более перспективными в плане влияния на Турцию представлялись отношения с Англией. На рубеже веков британское правительство отказалось от прежней линии на сохранение целостности Османской империи и взяло курс на ее расчленение, стремясь к захвату арабских земель. Оно намеревалось расширить взаимодействие с Россией. В письме от 13 января 1908 года посол в Лондоне А.К. Бенкендорф констатировал: «В отношениях Англии к России произошли большие перемены в лучшую сторону, и все указывает на прочность этого нового направления»³. Но развитие сотрудничества с Лондоном в Ближневосточном регионе могло усилить уже обозначившийся сдвиг русской политики в сторону Антанты.

При определении курса царскому правительству приходилось учитывать также и внутреннее положение России. Существовал соблазн укрепить третьеиюньский режим успехами вовне. В общественном мнении тоже появилось течение сторонников активизации международной политики.

В такой ситуации у начальника Генерального штаба Ф.Ф. Палицына родилась идея прибегнуть к силовому давлению на Порту, чтобы побудить ее освободить занятые турецкими войсками спорные территории на границе с Персией, близкие к российскому Закавказью.

Сложная ситуация на Ближнем Востоке подверглась обсуждению на совещании министров и военных деятелей 21 января 1908 года. Вы-

ступивший первым А.П. Извольский говорил о тревожных симптомах на персидском и балканских театрах и о том, что развитие событий в регионе неподконтрольно России. Если дело дойдет до кризиса, то в случае пассивной позиции страна «рискует разом потерять плоды вековых усилий, утратить роль великой державы». Выход из трудного положения министр иностранных дел советовал «искать в тесном сближении с Англией», полагая, что «легко было бы скомбинировать совместные, военного характера мероприятия двух государств в Турции». Извольского поддержал Палицын, отметивший крайнюю опасность укрепления военного положения Турции в Малой Азии.

Но помощник военного министра А.А. Поливанов напомнил об общей военной неподготовленности страны, указав, что приведение армии в порядок «потребуется громадных средств и долгого еще времени». Морской министр И.М. Диков констатировал, что «Черноморский флот в настоящее время не готов к военным действиям» вообще и для акций против Босфора в частности. Министр финансов В.Н. Коковцов не считал возможным прибегнуть к активным действиям «для насильственного решения турецко-персидской распри». Более важным представлялся ему балканский вопрос. Но и тут Россия, по его мнению, не должна была выходить за рамки дипломатических мер и действовать изолированно.

Когда же Извольский снова попытался поднять вопрос о возможности «сойти с почвы строго охранительной политики» и вести дело с твердостью, подобающей великой державе, в дискуссию вмешался председательствовавший Столыпин. Он категорически заявил, что «в настоящее время министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может. Новая мобилизация в России придала бы силы революции, из которой мы только начинаем выходить». Председатель Совета министров закончил словами: «В случае серьезных осложнений на Балканах придется надеяться лишь на дипломатическое искусство министра иностранных дел. В руках его теперь рычаг без точки опоры, но России необходима передышка, после которой она укрепитя и снова займет принадлежащий ей ранг великой державы»⁴.

Несколько дней спустя Совет государственной обороны в специальном постановлении подтвердил, что «вследствие крайнего расстройтва материальной части в армии и неблагоприятного внутреннего состояния необходимо ныне избегать принятия таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения»⁵. Столкновение взглядов в правительстве закончилось победой сторонников более осторожной линии.

Дипломатические маневры Извольского. Ревельское свидание. В сложившейся ситуации Извольский, естественно, не мог действовать решительно. Дипломатические маневры его носили непоследовательный

характер, ибо корректировались потребностью в балансировании между группировками держав. Все же 4 февраля он вручил австрийскому послу Л. Берхтольду ноту и письмо по поводу железнодорожных и других экономических планов Вены на Балканах, расценив их как попытку нарушения статус-кво в регионе, которая принудила бы Россию принять соответствующие меры для ограждения ее интересов. В тот же день Извольский заявил британскому послу А. Никольсону, что хотел бы «выйти из совместных действий с Австрией и объединиться... с теми державами, которые искренне желают реформ»⁶.

В феврале же российский МИД решил удовлетворить просьбу Сербии о поддержке перед Турцией концессии на строительство Дунайско-Адриатической линии, о чем официально оповестил державы⁷. Россия взялась также за разработку нового проекта судебной реформы в Македонии. Предпринятые шаги соответствовали боевому настроению русской печати, единодушно и резко осуждавшей планы Австро-Венгрии.

Между тем Англия благожелательно отнеслась к предложению Извольского о сотрудничестве в деле македонских реформ. Форин-офис разослал заинтересованным державам свою программу преобразований в Македонии, предусматривавшую фактическую автономию этого края под контролем европейского «концерта». Английский проект был рассчитан на то, чтобы оторвать Россию от Австро-Венгрии и теснее связать ее в балканских делах с западными державами. 29 февраля царская дипломатия выступила с контрпредложением, несколько умерявшим радикализм английского замысла.

В дальнейшем согласование английской и русской программ прогрессировало достаточно успешно, и 24 марта Никольсон с удовлетворением писал английскому дипломату Э. Гошену, что «Мюрцштегская программа мертва, как дверной гвоздь»⁸. Такая оценка посла скорее выдавала желаемое за действительное и была, во всяком случае, преждевременной. Сделав шаг в сторону Лондона, царская дипломатия не оставила попыток договориться с соседними империями. Николай II в беседе с австрийским послом хотя и пожурил Эренталя за несвоевременность его железнодорожного проекта, но высказался за политику сотрудничества с Австро-Венгрией на Балканах как единственно правильную, которую нужно проводить и далее, несмотря на все трудности. В Вене поверенный в делах царского правительства С.Н. Сербеев выразил надежду, что тень Санджакского проекта, павшая на дружественные отношения России с Австро-Венгрией, носит преходящий характер⁹.

В речи в Думе 4 апреля Извольский обосновывал свою компромиссную позицию в железнодорожном вопросе и в деле македонских реформ, не отрицая при этом полезности русско-австрийского соглашения¹⁰. Царская дипломатия старалась повлиять на Вену и через Германию.

Сам Эренталь маневрировал. 18 апреля он адресовал России памятную записку, в которой намекал на необходимость по-новому трактовать соглашение 1897 года и скоординировать политику обеих держав на Балканах на будущее. Эренталь высказался за обсуждение железнодорожных проектов и реформ в Македонии. Извольский приветствовал такую широкую постановку вопроса и обещал дать ответ после внимательного изучения австро-венгерского документа¹¹.

В этот момент британская дипломатия, знавшая о колебаниях Петербурга в балканских делах, предприняла попытку закрепить англо-русское сближение. 26 апреля от нее последовал запрос, как отнесутся в России к визиту короля Эдуарда. Царское правительство дало благоприятный ответ.

Ревельское свидание, состоявшееся 27–28 мая 1908 г., получило в исторической литературе противоречивую оценку. Значение его, видимо, не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Английские государственные деятели явно стремились направить обмен мнениями в сторону грядущего столкновения с Германией. Отсюда — заявление постоянного помощника министра иностранных дел Ч. Гардинга о выдающейся роли, которую предстоит сыграть России в момент вероятного в будущем обострения англо-германских отношений из-за морских вооружений, и о желании Англии видеть Россию как можно более сильной на суше и на море. Отсюда же — и его слова об абсолютной необходимости установить между Россией и Англией такие же сердечные и дружественные отношения, которые существуют между Англией и Францией¹². То, что Гардинг излагал дипломатическим языком, первый морской лорд адмирал Дж. Фишер выложил Столыпину с солдатской прямоотой: восстановите свои силы на западной границе и пополните запасы военного снаряжения¹³.

Иным был подход царских государственных деятелей. Они стремились прежде всего согласовать линию двух держав в текущих конкретных вопросах: о македонских реформах, железнодорожном строительстве на Балканском полуострове, мерах борьбы с персидской революцией. Проблем общеполитического сближения как Столыпин, так и Извольский касались осторожно, хотя и не отрицали необходимости сделать западную границу непроходимой для Германии.

Каких-либо общеполитических или военных соглашений в ходе свидания заключено не было. Извольский и Гардинг в основном согласовали проект реформ в Македонии, направленный на ее «автономизацию» под усиленным контролем держав. Собеседники обменялись мнениями по целому ряду других интересующих обе стороны вопросов: от Северного моря и Балтики до афганских границ. Среди них выделялся, пожалуй, персидский.

В конечном счете ревальское свидание все же способствовало англо-русскому сближению как расширением взаимопонимания, так и согласованием обоюдодоприемлемой программы в македонских делах. В накаленной обстановке 1908 года эта встреча получила сильный международный резонанс. Особенно нервно реагировали политические деятели и пресса Германии.

Ревальское свидание вызвало тревогу и в Турции, ускорив ее сближение с австро-германским блоком. Отрицательной была также реакция Австро-Венгрии, которая рассматривала случившееся как попытку игнорировать ее роль в балканских делах. Тем не менее Эренталь надеялся, что в Петербурге не откажутся от возможности сделки с Австро-Венгрией.

Действительно, Извольский вскоре после Ревеля предпринял шаги, чтобы не без выгоды для России сбалансировать видимую подвижку политики в сторону Англии. Он стал убеждать германских политиков поддержать новый проект реформ в Македонии. Так, 22 июня Извольский беседовал с Якоби — личным представителем кайзера при Николае II. Он внушал ему, что будущее политическое положение находится в германских руках. России пришлось по вине Эренталя обратиться в македонском вопросе за поддержкой к Англии. «От того, поддержит ли Германия новый русский проект, будет зависеть, сможет ли восстановиться в той или иной форме старая группировка трех консервативных держав или же Россия будет вынуждена еще теснее связать себя с Англией»¹⁴.

Извольский попытался также прояснить перспективы отношений с Австро-Венгрией. 19 июня австрийскому послу была передана памятная записка, излагавшая мнение российского МИД по возбужденным Эренталем два месяца назад вопросам. Касаясь железнодорожных проектов, Извольский предлагал компромиссное решение: признать право всех Балканских государств на концессии, соответствующие их экономическим интересам, и взаимно не противодействовать предлагаемым Митровицкой и Дунайско-Адриатической линиям. В отношении македонских реформ делалась попытка склонить Двудиную монархию к принятию последнего русского проекта.

Но самая существенная часть памятной записки касалась трактовки соглашения 1897 года. Сначала подтверждалась верность зафиксированному в нем принципу незаинтересованности и желательность поддержания статус-кво так долго, как позволят обстоятельства. Далее, однако, Извольский выражал готовность обсудить в дружественном духе вопросы об аннексии Австро-Венгрией Боснии, Герцеговины и Новобазарского санджака и о видах России на Константинополь с прилегающей территорией и проливы. Он, правда, четко оговаривал, что оба вопроса имеют европейский характер и не могут быть решены путем сепаратного соглашения между Россией и Австро-Венгрией¹⁵.

Революция в Турции и Россия. Успех младотурецкой революции 1908 года спутал карты европейской дипломатии, вынудив вносить серьезные коррективы в балканскую политику. Развитие событий могло поставить на повестку дня восточный вопрос в целом, что отодвинуло бы македонские реформы на второй план. Европейские державы были едины в стремлении не допустить, чтобы революция покончила с полуколониальным положением Турции. Вместе с тем каждая держава отстаивала на Ближнем Востоке свои специфические интересы.

Царское правительство первоначально реагировало на известия из Турции с настороженной сдержанностью. Оно искало кооперации с другими кабинетами в деле защиты в стране иностранных подданных и сохранения «прав», приобретенных державами. Петербург рекомендовал малым Балканским государствам отнестись к турецким событиям с полным спокойствием и не предпринимать никаких шагов. В дальнейшем перспективы младотурецкого переворота стали рассматриваться в русских правящих кругах несколько более оптимистично. На такую оценку повлияли умеренный характер самого переворота, а также мнение посла Зиновьева, который заявил, что режим Абдул-Хамида II последнее время окончательно подпал под влияние Германии и Австро-Венгрии.

21 июля вопрос об обеспечении интересов России в связи с событиями в Турции обсуждался Особым совещанием. На нем Извольский констатировал, что революция изменила положение вещей «не в нашу пользу». Ситуация в Турции может в любой момент обостриться и потребовать вмешательства. Тогда вероятны совместные действия «концерта» европейских держав. Но участие в них министр находил приемлемым лишь при условии обеспечения российских интересов, а это требовало готовности к занятию Верхнего Босфора. Международная конъюнктура для такой акции казалась Извольскому в тот момент более выгодной, чем прежде, поскольку, по его расчетам, Англия не пошла бы теперь против России.

Обсуждение опять выявило неподготовленность царского правительства к какому-либо самостоятельному выступлению. Было признано возможным участие в совместных действиях держав — морской демонстрации, для чего требовалось послать суда из Балтийского моря. В отношении же верхнебосфорского проекта совещание констатировало желательность скорейшей подготовки, а также разработки плана действий по внезапному занятию северного пролива без объявления войны Турции¹⁶.

Царь одобрил рекомендации этого совещания. Вскоре Палицын сообщил Извольскому, что штаб командующего войсками Одесского округа и штаб начальника военно-морских сил Черного моря приступа-

ют к выработке мер на случай срочной десантной экспедиции наличными средствами. Одновременно было организовано совещание представителей сухопутного и морского генштабов России, которое рассматривало вопрос об осуществлении экспедиции в будущем, при более тщательной материальной подготовке.

25 июля Извольский изложил официальную позицию царского правительства в отношении младотурецкого переворота в циркулярной телеграмме. В ней говорилось, что Россия будет с «живым сочувствием и интересом следить за стараниями Турции обеспечить осуществление предпринятых ею реформ и будет избегать всякого вмешательства, которое могло бы затруднить достижение этой цели». Сообщалось, что русское правительство прекращает свое участие в македонских преобразованиях, хотя и не исключает возможности возобновления коллективных усилий держав, если меры самой Турции не приведут к действительному улучшению положения¹⁷.

На первых порах авансы царской дипломатии встретили в Стамбуле сдержанное отношение: там опасались вмешательства России. В дальнейшем, однако, настроения в младотурецких кругах стали меняться. Дипломатический представитель Турции в Петербурге заявил о желании своего правительства перейти от существовавшего между двумя государствами недоверия к самому близкому сотрудничеству¹⁸.

В начале сентября царское правительство предложило отозвать из Македонии иностранных офицеров, занимавшихся там налаживанием полицейской службы. Для улучшения отношений с младотурками в Стамбул был срочно направлен драгоман А.Н. Мандельштам, лично знакомый со многими деятелями победившего движения. Извольский предписал ему войти в «негласное соглашение с главнейшими деятелями в целях убеждения их в благорасположении России к создаваемому новому строю» и воздействовать в том же смысле на турецкую печать¹⁹.

В борьбе за влияние в Стамбуле Россия сталкивалась с конкуренцией других держав. Больше всего здесь преуспела Англия, к советам которой правительство Кямиль-паши внимательно прислушивалось. Германия, со своей стороны, возобновила переговоры с Турцией о железнодорожном строительстве в Малой Азии. Франция предоставила Оттоманскому банку новый заем, обеспечив себе значительную долю турецких военных заказов. Англия, Германия и Франция намеревались прислать советников для реорганизации турецкого флота, армии и финансов.

Австро-Венгрия за этой ведущей тройкой не поспевала. Ее попытки сохранить в силе соглашения о концессиях в двух македонских вилайетах и военную конвенцию встретили сопротивление правительства Кямиль-паши. Под угрозой оказался также статус оккупированных

Двуединой монархией по Берлинскому трактату славянских провинций. Это побуждало Вену испробовать взаимодействие с тоже отстававшей Россией. В начале августа Эренталь в беседе с послом Урусовым заявил о готовности приступить к переговорам на основе русской памятной записки от 19 июня. С этой целью министр выразил желание лично встретиться с Извольским²⁰.

Последний увидел в сложившейся ситуации шанс добиться дипломатического успеха: получить желанное право прохода военных судов России через проливы. Русский министр рассчитывал, что заключит сделку с Австро-Венгрией, Германия по традиции не станет противодействовать тому, о чем договорились две империи, Франции не позволит выступить против нее союзное положение, Англия же должна будет заплатить по векселю 1907 года.

С целью прозондировать позиции держав Антанты Извольский использовал неофициальные встречи с председателем Совета министров Франции Ж. Клемансо и королем Эдуардом VII, состоявшиеся 11 и 13 августа 1908 года на курортах в Карлсбаде и Мариенбаде. Французский и английский политики опасались в то время столкновения с Германией из-за Марокко, где Франция, используя междоусобную борьбу, заняла порт Касабланку. Они хотели знать, в какой мере могут в случае конфликта рассчитывать на помощь России. Извольский обещал им дипломатическую поддержку в марокканских делах в обмен на обещание аналогичной поддержки политики России на Балканах²¹.

Почти сразу вслед за встречами в Карлсбаде и Мариенбаде поступил ответ из Вены на памятную записку российского МИД от 19 июня. В железнодорожном вопросе Балль-платц в основном принимал предложение Извольского, но расширял собственные претензии помимо Митровицкой линии еще на Далматинскую, которая шла бы через территорию Черногории к Скутари. Нота содержала также указание на вероятность аннексии Боснии и Герцеговины. Царскому правительству предлагалось дать заверение, что «оно будет соблюдать в отношении этой меры благожелательную и дружественную позицию». Взамен Австро-Венгрия обещала, «если представится случай», вступить в «доверительный и дружественный обмен взглядами» по поводу «Константинополя, прилегающей к нему территории и проливов»²².

Ответ Вены фактически ставил весь вопрос в иную плоскость. Раньше речь шла о согласовании политики двух держав на случай нарушения, вопреки их желанию, статус-кво на Балканах. Теперь Австро-Венгрия сама предполагала нарушить статус-кво, обещая взамен поддержки положительно отнестись к русскому пожеланию в неопределенном будущем. Извольский не отверг нового опасного поворота, скрыв, однако, свое решение от Совета министров.

Логика рассуждений руководителей царского МИД видна из переписки Извольского с товарищем министра Н.В. Чарыковым непосредственно накануне свидания в Бухлау. Оба дипломата исходили из того, что аннексия Боснии и Герцеговины — дело решенное и помешать ему Россия не в состоянии. Обострять отношения с Австро-Венгрией, а следовательно, и с Германией, рискуя войной по такому поводу, было бы безумием. Поэтому единственный практичный выход — договориться с Веной о компенсациях в пользу России и Балканских стран.

Правда, будет нанесен удар надеждам Сербии и Черногории в отношении аннексируемых провинций. Но, с другой стороны, это может способствовать созданию в будущем антиавстрийской коалиции балканских государств. Внутри Двуетидной монархии заметно усилится славянский элемент, сочувствующий России, что не послужит укреплению стабильности «лоскутной» империи. Опасения Извольского и Чарыкова вызывала главным образом возможность одновременного с аннексией провозглашения независимости Болгарий, что могло бы привести к турецко-болгарскому военному конфликту. Поэтому намечалось приложить все усилия, дабы побудить Болгарию не спешить и не провозглашать себя королевством синхронно с акцией Двуетидной монархии²³.

Сделка в Бухлау и ее ближайшие последствия. 3(15) сентября 1908 года состоялась встреча Извольского с Эренталем в Бухлау. Хотя преувеличивать ее значение в боснийском кризисе, по-видимому, нет оснований (исход последнего предопределило неблагоприятное для России соотношение сил), несомненно, что допущенный там царским министром просчет значительно облегчил его контрагенту дальнейшую дипломатическую игру.

По свидетельству Извольского, переговоры в Бухлау длились целый день, протекали весьма бурно и привели к согласованию позиций только после «жаркого спора». Началось с взаимных обвинений в нарушении верности австро-русскому сотрудничеству. Атмосфера несколько разрядилась после демонстрации доброй воли в железнодорожном вопросе: договорились о поддержке проектов друг друга.

Следующий, еще более сложный вопрос касался предрешенной Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины. Извольский попытался было ограничиться подтверждением общих обещаний 1897 года, но под нажимом Эренталья ему пришлось обязаться занять «дружественную и благожелательную позицию». Затем борьба переместилась в плоскость юридического оформления. В конечном счете Эренталь признал необходимость решения вопроса на международной основе и даже созыва «заключительной конференции», которая не должна была, однако, обсуждать дела по существу, а лишь формально одобрить свершившийся факт. Эренталь назвал в качестве возможного срока аннексии начало

октября (н. ст.) и, во всяком случае, обещал заблаговременно предупредить Извольского.

Затем перешли к вопросу о компенсациях. Извольский хотел, чтобы Австро-Венгрия обязалась «соблюдать доброжелательную и дружественную позицию» в случае постановки Россией вопроса о свободе прохода ее военных судов через проливы*. Эренталь пообещал «дружественное и благожелательное отношение» Вены, когда Россия возбудит вопрос об изменении Лондонской конвенции 1871 года, а также поддержку этого русского настояния перед Германией.

Оба собеседника признали, что последствиями аннексии могут явиться провозглашение независимости Болгарии и окончательное присоединение Крита к Греции, и договорились не чинить препятствий этим изменениям. Но когда Извольский поставил вопрос о территориальных компенсациях для Сербии и Черногории путем раздела между ними Новобазарского санджака и исправления их границ с Боснией и Герцеговиной, Эренталь категорически отверг его пожелание, аргументируя враждебной политикой этих государств в отношении Австро-Венгрии. Он обещал лишь вывести войска из Новобазарского санджака, возвратив его Турции. Австрийский дипломат согласился еще на отмену ограничений прав Черногории на порт Антивари с прилегающей территорией** и на включение Сербии и Болгарии в состав Дунайской комиссии.

Таковы были условия намеченной в Бухлау предварительной сделки. Извольский находил их вполне приемлемыми. Он придавал особое значение тому, что «при счастье и искусном ведении дела есть шансы ныне же, то есть не дожидаясь ликвидации Турецкой империи, изменить в нашу пользу постановления о проливах»²⁴. Грубая ошибка министра состояла в том, что в основном вопросе (аннексия и статус проливов) баланс интересов отнюдь не был соблюден. Как справедливо отметил отечественный исследователь В.М. Хвостов, «Эренталь получал синицу в руки, а продавал он русским — журавля в небе»²⁵.

Для того чтобы превратиться в соглашение, сделка в Бухлау нуждалась во взаимоприемлемой редакции, докладе правительствам и утверждении. Ни Эренталь, ни Извольский не торопились с этим. Первый — потому, что намеревался обмануть контрагента и поставить его перед свершившимся фактом, второй — поскольку реализация выгодной ему части договоренности нуждалась в основательной подготовке. Царский министр надеялся после объявления Австро-Венгрией аннексии выступить с циркулярной нотой «в горчаковском стиле» и настоять на созыве европейской конференции для пересмотра Берлинского трактата, где

* Оговаривалось, что такое право не должно затрагивать независимости и целостности Османской империи и распространялось бы на все черноморские государства.

**Без разрешения создавать там военную базу.

Россия выступила бы в роли защитницы интересов балканских государств и самой Турции, а в благоприятном случае получила бы заветный приз.

Содержание сделки в Бухлау постарались скрыть от общественности. Официальное коммюнике о встрече состояло из общих фраз. Прокламировалось мнимое намерение обоих государств занять в отношении нового турецкого режима позицию «благожелательного выжидания».

Если Эренталь явился в Бухлау после двукратного рассмотрения вопроса об аннексии правительством и после встреч со статс-секретарем по иностранным делам Германии Шёном и итальянским министром иностранных дел Титтони, то Извольскому аналогичная работа еще только предстояла. В письме Чарыкову от 3 сентября он просил доложить о результатах переговоров царю и взяться за подготовку нужной реакции русской печати. Николай II высказал полное удовлетворение достигнутой договоренностью, особенно в части проливов²⁶. Непосвященность в дело Совета министров самодержца не смущала.

Несколько дней спустя Извольский подготовил проект памятной записки, суммировавшей результаты переговоров в Бухлау в выгодном ему свете. 10 сентября министр уведомил Эренталя, что, согласно договоренности в Бухлау, он представил царю проект ответа на австрийскую ноту, который сразу после утверждения будет сообщен в Вену. Извольский напомнил, что обусловил свое согласие на аннексию указанием на общеевропейский характер вопроса и необходимость компенсации²⁷. Он ошибочно полагал теперь, что по линии Австро-Венгрии дело урегулировано и ожидать от нее каких-либо сюрпризов не приходится.

Далее Извольский попытался добиться благорасположения Англии и Франции. 11 сентября в Париже состоялась очередная встреча начальников французского и русского генштабов. На ней Ф.Ф. Палицын с санкции Извольского принял предложение о мобилизации Франции и России в ответ на германскую мобилизацию не только против одной из союзниц, но и против Англии²⁸. Это, казалось, давало основания рассчитывать на ответную благожелательность западных держав в интересующих Россию вопросах.

12–13 сентября Извольский встретился в Берхтесгадене со своим германским коллегой Шёном. Главной темой обмена мнениями стало положение на Ближнем Востоке. Извольский рассказал собеседнику о встрече в Бухлау, планах Австро-Венгрии и намечаемых им в этой связи компенсациях для России и других стран. Шён постарался уточнить, в какой форме предполагает русский министр решать вопрос о проливах и согласованы ли его намерения с Англией. Позиция самой Германии не выглядела у Шёна отрицательной, но немецкий дипломат поставил вопрос о компенсациях для его страны на Востоке. Извольский обещал

обсудить эту тему с Бюловом на обратном пути, после посещения Парижа и Лондона. У него сложилось впечатление, что почва для соглашения с Германией может быть найдена²⁹.

Из Берхтесгадена Извольский проследовал в Дезио, где 16–17 сентября встретился со своим итальянским коллегой Т. Титтони. В центре внимания собеседников оказались опять-таки ближневосточные дела. Русский министр подтвердил подозрения итальянцев в отношении аннексионистских планов Австро-Венгрии. К предложениям Извольского относительно компенсаций Титтони отнесся в общем-то благосклонно, но сформулировал свои контрпретензии на Триполи и Киренаику. Несколько позднее Титтони заявил в парламенте, что в Дезио была достигнута полная согласованность русской и итальянской точек зрения³⁰. Вслед за этим ободряющим свиданием поступили новости из Петербурга, которые подействовали на предвкушавшего успех Извольского как холодный душ.

19 сентября Чарыков по поручению министра и с разрешения царя информировал о проекте ответа на австрийскую записку Столыпина, Коковцова, Редигера и Дикова. Председатель Совета министров и министр финансов выразили возмущение, что Извольский скрывал свои переговоры с Веной и что правительство узнало так поздно «о деле столь громадного национального и исторического значения, затрагивающего интересы внутреннего состояния империи и угрожающего возможными затруднениями предстоящему и необходимому заграничному займу». Таким образом, Совет министров подтвердил свою претензию быть в курсе важнейших внешнеполитических дел.

Министры срочно собрались на совещание, пригласив на него также исполнявшего должность начальника Генерального штаба. Чарыков вынужден был доложить о всем ходе переговоров с Австро-Венгрией по балканскому вопросу, включая встречу в Бухлау. Столыпин и Коковцов «при сочувственной поддержке прочих» подвергли позицию Извольского резкой критике. Они утверждали, что «Россия хотя и не может воспротивиться присоединению, но должна явиться на конференцию защитницей интересов своих, Турции и балканских государств, а отнюдь не пособницей или укрывательницей Австрии». По мнению министров, переговоры и сделки с Веной грозили «повести к величайшим осложнениям на Ближнем Востоке», в то время как для России всякий риск внешних осложнений должен быть исключен. Наконец, недопустимо «при заявленном нами сочувствии новому строю в Турции участвовать одновременно в враждебном движении против Турции». Коллеги Извольского разошлись с ним во взглядах на предполагаемую тактику.

Совещание постановило доложить царю через Столыпина, что «не может взять на себя ответственность за могущие быть последствия

от того, что делалось без его ведома». Министры рекомендовали ответить на памятную записку Австро-Венгрии не требованием компенсаций, а мотивированным протестом против аннексии Боснии и Герцеговины и требованием предварительного пересмотра Берлинского трактата всеми европейскими державами. Наконец, решено было рекомендовать Извольскому, если он не сочтет возможным принять точку зрения Совета министров, немедленно возвратиться в Россию³¹.

Министр иностранных дел получил эти известия по приезду в Париж почти одновременно с новостью, что Франция уже уведомлена австрийским послом о предстоящем в ближайшие дни объявлении об аннексии. Во французской столице его поджидало также письмо Эренталя. Австрийский министр, ссылаясь на свое обещание предупредить о присоединении Боснии и Герцеговины «несколько заранее», сообщал о предполагаемом решении Вены, которое будет осуществлено 7 октября (24 сентября). Извольскому стало ясно, что в Бухлау его обошли, поставив в уязвимое положение перед Балканскими странами, Турцией, а также Францией и Англией, и что поиски выхода будут затруднены отсутствием взаимопонимания с собственным Советом министров.

2. Дипломатическое поражение царизма и его последствия

Несмотря на возникшие трудности, Извольский не считал начатую им большую дипломатическую игру проигранной. Его расчеты строились на благосклонности царя, заинтересованности Франции и Англии в русской поддержке в ходе разразившегося нового марокканского кризиса, возможности использовать расхождения Австро-Венгрии с ее союзницами и противоречия ее с Балканскими странами и Турцией. Прежде всего требовалось обеспечить себе тыл, по возможности отмежеваться от соучастия в аннексии и получить максимально широкую поддержку предложениям о международной конференции и компенсациях.

Неудача царской дипломатии в вопросе о проливах. В телеграмме в Петербург от 21 сентября 1908 года Извольский оправдывался за свои переговоры с Эренталем, утверждая, что венский кабинет принял решение присоединить Боснию и Герцеговину совершенно независимо от них, «в очевидном расчете поставить нас перед свершившимся фактом, из-за которого мы вряд ли пойдем на войну». Министр продолжал считать, что только путь компенсаций способен привести к мирному и небезвыгодному для России и Балканских государств исходу. Предложенный же совещанием министров протест остался бы бесполезным «либо привел бы нас к столкновению с Австрией».

Извольский рекомендовал воздержаться от вручения венскому кабинету подготовленного Чарыковым и Коковцовым меморандума и ответить только на сообщение об аннексии, «составив этот ответ в более общих выражениях и сообщив его другим державам». Он отвергал рекомендацию совещания вернуться в Россию, находя предстоящие беседы в Париже, Лондоне и Берлине «особенно полезными в настоящее время». В заключение Извольский предупреждал, что образ действий Совета министров может побудить его подать в отставку, и просил согласия царя на продолжение своей заграничной миссии³². Этот демарш увенчался относительным успехом: Николай II разрешил министру продолжать поездку по европейским столицам.

Гораздо труднее было разуверить в наличии сепаратного сговора России с Двуетидной монархией Францию и Англию. Раньше, чем приступить к деловым переговорам с ними, Извольскому пришлось дать письменные объяснения (Форин-офис — через британского посла в Париже Ф. Берти). В специальном меморандуме он уверял, будто при встрече с Эренталем в Бухлау не знал, что решение об аннексии уже принято, и не был уведомлен о сроке. В конечном счете французские и английские политики так и не поверили Извольскому, что вряд ли могло способствовать успеху его миссии.

Сдержанный прием, оказанный Извольскому в Париже, оттеняла позиция французской печати. Газеты обвиняли его в умышленном сокрытии сделки с Эренталем с целью не мешать заключению нового русского займа. Извольскому пришлось публично оправдываться в интервью редактору влиятельной «Тан».

В переговорах с французскими государственными деятелями министр выдвинул идею международной конференции. Извольский обещал им сотрудничество в марокканском конфликте, рассчитывая в ответ заручиться поддержкой Франции в вопросе о проливах. Эта надежда оправдалась лишь отчасти. Председатель Совета министров Ж. Клемансо и министр иностранных дел С. Пишон в общих словах выразили сочувствие его замыслу, но от обсуждения конкретных условий, а тем более действий, уклонились. Французские политики подчеркивали необходимость уважать суверенитет Турции и советовали Извольскому предварительно согласовать вопрос с Лондоном. Возражения Пишона вызвало предложение русского министра о территориальных компенсациях в пользу Сербии и Черногории. Посол Нелидов довольно верно охарактеризовал позицию Франции как «безучастие», которое он объяснял отсутствием непосредственной материальной заинтересованности союзницы в балканских делах³³. В действительности была и более важная причина, о которой ни Извольский, ни Нелидов тогда не догадывались: французское правительство надеялось ценой примирительной

позиции в вопросе об аннексии добиться при посредничестве Австрии большей уступчивости Германии в марокканском конфликте.

Казалось, реакция союзной Франции должна была охладить русского министра. Тем не менее Извольский решил попытать счастья в Лондоне. Его могли привлекать два момента: решительное осуждение Англией австрийской акции и как будто обозначившаяся в тот момент перспектива изменить статус проливов по согласованию с Турцией. Здесь нужно вновь обратиться к перипетиям внутриправительственной борьбы в России.

По решению совещания министров Столыпин и Чарыков испросили разрешения царя, находившегося в финских шхерах, прибыть к нему для доклада. Дорогой они договорились о плане действий, который намеревались отстаивать. Главная цель — не дать втянуть себя в европейскую войну и осуществить выгодное России сближение с Турцией. Намечались практические меры: отозвать Извольского в Петербург, не отвечая до его возвращения на австрийский меморандум; выработать проект обращения к державам с предложением совместно пересмотреть Берлинский трактат, установив компенсации для Турции, России и балканских государств и др.

21 сентября царь принял Столыпина и Чарыкова, но, оказавшись перед необходимостью выбора между прежней и новой линиями, предпочел занять уклончивую и половинчатую позицию. На словах Николай II отмежевался от сделки в Бухлау и даже осудил ее. Он согласился с мыслью воздержаться пока от ответа на австрийский меморандум, в то же время по-прежнему не считал нужным прерывать поездку Извольского. Царя весьма заинтересовала идея русско-турецкого сближения, и он просил Чарыкова представить более развернутые соображения по этому вопросу³⁴.

На следующий день временно управляющий МИД развил свои мысли о соглашении с Турцией в виде доклада. Чарыков предлагал договориться с турецким правительством о защите на предстоящей конференции общих интересов. При этом Россия могла бы поддержать целый ряд пожеланий Турции: о немедленной эвакуации Австрией Новобазарского санджака, о пересмотре ст. 29 Берлинского трактата, ограничивавшей суверенитет Турции над Македонией, о пересмотре ст. 61 того же договора, ограничивавшей суверенитет Турции над армянскими областями в Малой Азии, об отмене режима капитуляций в Османской империи и об упразднении иностранных почтовых учреждений в Турции. Наконец, Россия отказывалась от остатков причитавшейся ей контрибуции. Со своей стороны, турецкое правительство обязалось бы: 1) не возражать против провозглашения Болгарии независимым королевством; 2) в случае согласия держав — не отвергать открытия проливов для военных судов России и других черноморских стран при соблюдении абсо-

лютой безопасности турецкой территории и сооружений по соседству с проливами. Николай II целиком одобрил замысел Чарыкова.

После этого проект был сразу доведен до сведения Турции. 26 сентября посол Порты Турхан-паша сообщил о согласии его правительства принять русский проект за основу для соглашения, внося в него некоторые изменения и дополнения. Добавлялась также оговорка, важность которой в царском МИД недооценили: пожелание обеспечить этому проекту поддержку со стороны Англии и Франции³⁵.

Чарыков считал поправки «нестрашными» и видел в ответе лишь то, что хотел увидеть, — против русской «формулы о проливах Турция не возражает». Он поспешил, доложить царю, будто вместе с заверениями, полученными Извольским, переговорами с Портой «сделан новый крупный шаг по пути мирного разрешения этого векового вопроса». Столыпину Чарыков также сообщил о получении «решительного известия». «Таким образом, — заключал он, — один из пунктов русской правительственной программы — сближение с Турцией — можно считать вступившим в период практического осуществления». В том же оптимистическом тоне сообщение о «согласии» Турции было передано в Лондон Извольскому³⁶.

В действительности для оптимизма не было достаточных оснований. Порта заняла в вопросе о проливах двуличную позицию. Не отвергая прямо русское предложение, она сообщила о нем в Лондон и Берлин с указанием на свое отрицательное отношение. Посол в Стамбуле И.А. Зиновьев не ошибался, когда писал: «Настоящее турецкое правительство не особенно расположено к разрешению вопроса о проливах в желаемом России смысле»³⁷.

Извольский прибыл в Лондон вечером 26 сентября в качестве гостя короля и, в отличие от Франции, был внешне тепло принят. Беседа его с Эдуардом VII подтвердила общность мнения обеих сторон: единственным выходом из созданного аннексией положения служит созыв международной конференции. В последующие дни Извольский вел переговоры с английскими министрами, преимущественно с Греем. В центре внимания оказались вопросы о проливах и программе конференции.

Царский министр сначала думал включить первый из них в повестку дня будущего форума, но Грей отклонил эту идею, сославшись на вероятную отрицательную реакцию английского общественного мнения и нежелательность возбуждать тревогу и опасения Турции. Тогда Извольский предложил другой вариант — не выносить вопрос о проливах на конференцию с самого начала, а сделать это позднее, когда между Россией и Турцией при сочувственном отношении Англии будет достигнуто соглашение. Он сформулировал предложения о новом статусе проливов в виде трехчленной формулы: 1) принцип закрытия Босфора

и Дарданелл сохраняется, но не будет больше распространяться на черноморские страны; 2) последние получат право, пока Порта не находится в состоянии войны, проводить через проливы в обоих направлениях свои военные суда всех размеров и классов; 3) в интересах безопасности Турции проход через проливы не могут совершать одновременно более трех военных судов какой-либо прибрежной державы³⁸. Грей резервировал ответ английской стороны до рассмотрения дела Советом министров.

1(14) октября, после обсуждения вопроса английскими министрами, он вручил Извольскому меморандум, где говорилось, что Англия в принципе не против открытия проливов для военных судов всех стран, причем необходимой предпосылкой для такого, как и всякого иного, решения считалось согласие Турции. Но король Эдуард, Грей да и другие английские министры понимали, что предлагаемый вариант способен лишь ухудшить положение России, будет означать провал Извольского, может привести к его падению и сказаться на самой ориентации России. Поэтому на следующий же день Грей передал русскому министру личное письмо, где уверял, что стремится к соглашению, которое бы удовлетворило Россию и черноморские страны и в то же время не поставило в невыгодное положение Турцию и другие державы³⁹.

В ответ Извольский предпринял последнюю попытку спасти от полного фиаско эту часть своей миссии. Он предложил формулу, согласно которой в мирное время правом прохода через проливы пользовались бы военные корабли только черноморских стран, а в военное время — всех воюющих государств. Эти условия улучшали положение России в мирный период, но ухудшали в военный. В последнем случае оставалось надеяться лишь на успех операции по блокированию Босфора. Грей выразил готовность принять новую формулу Извольского. Он настаивал, однако, на неудобстве поднимать вопрос о проливах в данный момент и обещал, когда наступит благоприятное время, использовать влияние Англии на турецкое правительство, чтобы обеспечить его согласие⁴⁰. Этим небольшим сближением позиций дело и закончилось.

Борьба за созыв международной конференции. Военная тревога. Большее сходство в позициях России и Англии проявилось при обсуждении программы предполагаемой конференции. В отличие от Пишона Грей не имел оснований проявлять снисходительность к австрийской аннексии. К тому же Форин-офис стремился продемонстрировать единство держав Согласия, отчасти компенсировав свою несговорчивость в вопросе о проливах, и поддержать личный престиж Извольского.

Русский министр предложил программу из девяти пунктов, которая предусматривала компенсации славянским странам и Турции, уже фигурировавшие в его переговорах с Эренталем, французскими политика-

ми и в проекте Чарыкова. Удовлетворение этих пожеланий могло, казалось, проложить дорогу к антиавстрийскому сплочению Балканских государств и Турции. Какие-либо изменения в пользу России не предусматривались, чем подчеркивалось, что она выступает лишь в защиту международного права и интересов Балканских стран.

Грей в основном принял предложения Извольского и способствовал присоединению к ним французской дипломатии. В первоначальный вариант были внесены две поправки. Против первой из них (признание присоединения Крита к Греции) русский министр не имел возражений. Вторая поправка касалась Сербии и Черногории. Англия солидаризировалась с Францией в том, что эти страны не должны получить территориальных компенсаций за счет Турции, а ограничатся уступками преимущественно экономического характера. Извольскому пришлось согласиться, после чего совместная программа трех держав была опубликована в печати⁴¹.

Извольский питал также надежду на компромисс с центральными империями, действуя через Берлин. Однако выступление России, Англии и Франции с единым предложением о конференции побудило Германию занять позицию безоговорочной поддержки действий Двухединой монархии.

Извольский пробыл в германской столице четыре дня, встречаясь с Бюловом, Шёном и получив аудиенцию у кайзера. Но Вильгельм II, следуя предварительной договоренности с канцлером, от обсуждения внешнеполитических сюжетов уклонился. Германские политики, как и австрийские, принимали идею конференции лишь при условии предварительного согласия держав по всем вопросам. В части программы конференции они не только отказались поддержать мысль Извольского о территориальных компенсациях Сербии и Черногории, но и рекомендовали ограничить ее всего двумя пунктами — признанием независимости Болгарии и санкционированием аннексии Боснии и Герцеговины. Не более результативным оказалось обсуждение вопроса о проливах. Извольский хотел заручиться благорасположением Берлина, коль скоро в ходе русско-турецких переговоров стороны придут к соглашению, но получил лишь общий неопределенный ответ, что все будет зависеть от обстоятельств⁴². Извольский был сильно разочарован.

В результате вояжа в столицы европейских держав русский министр, по его словам, впервые ясно почувствовал, что Европа разделилась на две противоположные группировки и что Россия, вопреки первоначальному желанию ее правительства, оказалась в составе одной из них.

На первом же заседании правительства после возвращения Извольского Столыпин потребовал от него отчета о переговорах в Бухлау и столицах великих держав. Министр иностранных дел отчитываться отказался, сославшись на запрещение царя и предполагаемое выступле-

ние перед Думой⁴³. Тем не менее избежать объяснений и оправданий ему не удалось. Тучи на европейском горизонте быстро сгущались, и вскоре сам министр вынужден был вынести «неприятные» вопросы на обсуждение правительства.

Пришли известия, что Австрия сосредоточила на границах Сербии три армейских корпуса и Дунайскую флотилию. 19 октября Извольский доложил царю полученное через германского посла в Петербурге Пурталеса сообщение о полной поддержке Германией позиции Австро-Венгрии. Посол не считал нужным скрывать, что такая линия его правительства объясняется все большим сближением России с враждебной Германии группировкой держав.

Затем резко обострился марокканский конфликт. Поздно вечером 21 октября французское посольство передало в царский МИД тревожную телеграмму Пишона о вероятности нападения Германии на Францию. С этим сообщением глава МИД явился на затянувшееся до ночи заседание Совета министров. 22 октября на Особом совещании Извольский связал почти ультимативные требования Германии к Франции со всеми событиями последнего времени и с визитом Вильгельма II в Вену и высказал мнение, что Германия намеренно ищет столкновения.

Встревожен был не один министр иностранных дел. Начальник Генерального штаба Палицын обратился с письмом к Столыпину, подчеркивая опасность ситуации для России, которая рискует оказаться втянутой в войну в силу союзного договора. Он настаивал на том, чтобы русская дипломатия использовала свое право влиять на развитие событий, непосредственно затрагивающих судьбы страны⁴⁴.

Министр иностранных дел пристально следил за ходом франко-германских переговоров. Его также заботила позиция Англии и Италии. Британский посол Никольсон высказал личное мнение, что в случае европейской войны его страна не останется в стороне. В том же смысле, хотя и более осторожно, ответил Грей. Вероятная позиция Италии вырисовывалась как нейтральная. В такой обстановке царская дипломатия, рекомендуя Франции сдержанность, в то же время подтвердила верность России союзу «при всех случайностях»⁴⁵.

В эти напряженные дни был предпринят шаг, призванный несколько смягчить остроту отношений с Австро-Венгрией. 23 октября Николай II отправил письмо императору Францу Иосифу. Царь заверял в своей верности монархическим и консервативным принципам и прокламировал стремление к дружественному разрешению возникших затруднений. В заключение он предлагал обсудить спорные вопросы на международной конференции⁴⁶.

Вскоре обстановка несколько разрядилась. Из Парижа и Берлина поступили сведения, что переговоры двух держав приняли более спокойный оборот и позволяют надеяться на благоприятный результат.

25 октября Совет министров России вновь занялся обсуждением вопросов об отношении к аннексии и о выступлении Извольского в Думе. По первому пункту министр иностранных дел изложил аргументы о бесполезности протеста против аннексии. Наиболее практичный путь заключения сделки с Австро-Венгрией стал невозможным вследствие «преувеличенно страстного» отношения к аннексии русского общественного мнения. Остается последний выход — передать весь вопрос на международное обсуждение.

Столыпин в ответ подчеркнул недопустимость игнорировать Совет министров в вопросах внешней политики. Он напомнил, что Особое совещание 19 сентября уже вынесло решение протестовать против аннексии, которому и нужно следовать. Всякие поиски компенсаций за счет Турции привели бы к войне, а ее необходимо избежать. В ходе прений большинство глав ведомств поддержало Столыпина. Но когда дошло до принятия решения, то были отклонены оба варианта — протестовать против аннексии или добиваться передачи спора на международную конференцию, а намечено пока «дело длить и вести в затяжку». Царские министры, видимо, рассчитывали, что удастся либо договориться с Турцией, либо повлиять на Германию.

Большой интерес в обществе вызывало обещанное выступление Извольского в Думе. Даже сторонники такого выступления из числа министров считали, что оно должно состояться в более благоприятный момент и после необходимой подготовки, Совет министров хотел также заранее знать о содержании предстоящего заявления⁴⁷.

1 ноября от Австро-Венгрии была получена нота, в которой она подтверждала свою позицию в отношении международной конференции: роль этого форума должна была свестись к формальной регистрации того, о чем договорятся Вена и Константинополь. Три недели спустя последовал ответ Франца Иосифа царю. Император расхваливал австро-русское сотрудничество, оправдывал аннексию и напоминал, что одновременно предложил значительные преимущества России (имея в виду изменение статуса проливов)⁴⁸.

Николай II подумал, что, быть может, желанный приз еще не окончательно уплыл из рук и он сам сумеет добиться того, чего не смогли сделать дипломаты. 29 ноября царь имел приватный разговор с Гинце, личным представителем кайзера Вильгельма II. «Моей мыслью всегда было: Проливы! — откровенно заявил Николай. — ...Все, что я хочу, — это свободный выход и свободный вход»⁴⁹.

Гинце запросил своего патрона, который тоже мнил себя великим дипломатом, и счел, что наступил момент сделать эффективный ход. Реакция кайзера станет понятнее, если учесть, что, оказавшись в марокканском вопросе перед лицом единого фронта трех держав Антанты,

Германия предпочла урегулировать конфликт с Францией путем компромисса. Теперь как будто представлялся случай вбить клин между Россией и Англией.

6 декабря Николай II получил ответ, что кайзер готов оказать поддержку России в вопросе о проливах. Царь был приятно удивлен столь быстрой положительной реакцией. Далее он сделал, однако, непредвиденный Берлином шаг: заявил, что не хочет утяжелять и без того сложной задачи предполагаемой конференции внесением этой новой проблемы. Ее желательно поставить позднее, хотя и в близком будущем, и решить, соблюдая нормы международного права, путем переговоров с заинтересованными державами⁵⁰.

Стало очевидно, что русское правительство, придавая важное значение вопросу о проливах, не намерено в то же время отказываться от идеи конференции и компенсаций для Турции и Балканских стран. Тем временем Эренталь, не без влияния Германии, выразил готовность предварительно согласовать вопрос об аннексии с каждой из держав в отдельности, по дипломатическим каналам. Царский МИД ответил циркулярной депешей великим державам, в которой соглашался принять предложенный Веной способ, так как, несмотря на его неудобства (сложность, медленность), он все же соответствует принципиальной позиции русской стороны и может способствовать благоприятному ходу будущей конференции⁵¹.

12 декабря Извольский осуществил наконец свой замысел апелляции к общественности с думской трибуны, чему предшествовал целый ряд совещаний с лидерами фракций. Министр иностранных дел начал свое выступление с оправдания основ проводимой им политики. Перейдя к событиям на Балканах, он упомянул о некоторых австро-русских соглашениях XIX века, которые продолжают связывать свободу действий России, и подчеркнул невозможность подкрепить протест силой. В такой ситуации Извольский считал лучшим исходом международную конференцию, которая позволила бы также пересмотреть «невыгодные для России, для Турции и для Балканских государств» положения Берлинского трактата. Министр выдвинул также перспективную цель — «сплотить между собою эти (балканские. — *Авт.*) государства и объединить их вместе с Турциейю одною общемою мыслью о защите их национальной и экономической самостоятельности»⁵².

Выступление Извольского было с некоторыми оговорками поддержано думским большинством — от умеренно правых до кадетов. Против выступили, с одной стороны, крайне правые, а с другой — социал-демократы и трудовики. Первые полагали, что достойно разрешить конфликт можно было бы только на основе сближения с Германией. Большевик И.П. Покровский от лица социал-демократической фракции ра-

зоблачил империалистический характер политики царизма на Балканах. Весьма критически выступил также представитель трудовой фракции А.А. Булат⁵³.

Поддержка Россией славянских государств. Позиция Франции и Англии. Думская демонстрация не произвела заметного впечатления на Вену, там были уверены, что Россия на войну не решится. Упорство Петербурга в отстаивании компенсаций для Балканских государств и Турции вызывало недовольство на Балль-платц. Тогда Эренталь осуществил свою угрозу, разгласив некоторые секретные моменты австро-русских переговоров 1897 года и свидания в Бухлау. В Петербург поступали известия о расширявшихся военных приготовлениях Двуетидной монархии, носивших уже не только антисербский, но и антирусский характер.

17 декабря Николай II направил новое письмо Францу Иосифу. Он обвинял Эренталь в вероломстве, заявлял, что считает себя лично оскорбленным сообщением другим правительствам секретных подробностей соглашения 1897 года, и сообщал о своем решении впредь отказаться от каких-либо доверительных сношений с венским кабинетом. Царь также подчеркивал опасность военных мероприятий Австро-Венгрии, могущих спровоцировать общеевропейское столкновение. Это предупреждение, однако, не подействовало. Не помогло и новое обращение царя к Вильгельму II. Кайзер отказался воздействовать на Вену. Он возлагал вину за обострение ситуации на политику России и балканских государств⁵⁴.

Как раз тогда союз Германии с Австро-Венгрией получил дальнейшее развитие. 8 января 1909 года (н. ст.) завершился секретный обмен письмами между начальниками генштабов этих стран, санкционированный правительствами. В результате Германия обязалась считать за *sus foederis* даже такой австро-русский конфликт, который вызвало бы не прямое нападение на Двуетидную монархию, а вмешательство России в австро-сербские отношения⁵⁵.

Неудача подстерегала царскую дипломатию и в отношении ожидавшегося одно время соглашения с Турцией. Правительство Кямиль-паши не без влияния Англии и Германии пришло к заключению о несвоевременности и невыгодности предлагаемой сделки. Правда, из тактических соображений оно предпочитало затягивать окончательный ответ. Когда же в конце января 1909 года к власти в Турции пришли деятели, ориентировавшиеся на Германию, вопрос о русско-турецком соглашении был вообще снят с повестки дня.

Серьезную озабоченность русского правительства вызывало обострение в конце 1908 — начале 1909 года болгаро-турецкого конфликта. Главный спор разгорелся вокруг размера денежных компенсаций Турции за признание независимости Болгарии. Дело дошло до разры-

ва дипломатических отношений и взаимных военных приготовлений. В середине января 1909 года царская дипломатия предприняла демарши в Софии и Стамбуле, настаивая на «необходимости прекращения всяких мероприятий, которые могли бы быть истолкованы как военная угроза». 17 января Извольский внес конструктивное предложение об урегулировании турецко-болгарских финансовых разногласий. Россия отказывалась от невыплаченной части турецкой контрибуции за войну 1877–1878 годов, то есть 125 млн франков, что соответствовало последним претензиям Турции. Болгария должна была вернуть России в рассрочку ту часть этой суммы, которую она согласна была выплатить Турции. Разницу в 43 млн франков Россия принимала на свой счет. Она также предоставляла Болгарии заем на весьма льготных условиях.

Порта первоначально отнеслась к этому предложению с подозрением, опасаясь, что оно будет увязано с вопросом о статусе проливов. Царская дипломатия не намеревалась, однако, усложнять турецко-болгарское урегулирование и дала успокоительные заверения. Хотя само финансовое соглашение было заключено позднее, инициатива царской дипломатии привела к улучшению отношений России с Болгарией, закрепленному в феврале при посещении Петербурга царем Фердинандом. В результате Эренталу не удалось договориться с Болгарией о совместном выступлении против Сербии⁵⁶.

Одним из результатов аннексии Боснии и Герцеговины явилось восстановление дружественных отношений между Сербией и Черногорией и заключение между ними соглашения на случай необходимости совместной защиты их интересов. Затем была предпринята попытка привлечь Турцию к антиавстрийскому соглашению Белграда и Цетинье. Царская дипломатия выразила одобрение этим усилиям при условии, что они не будут направлены против Болгарии⁵⁷. Она сумела также повлиять на Румынию и побудить ее не ввязываться в кампанию Вены против Сербии. Тем не менее на пути формирования балканского союза возникли серьезные препятствия. Турция, выразив сочувствие идее сближения с Сербией и Черногорией, не сочла момент благоприятным для заключения формального соглашения. С трудом преодолевались противоречия югославянских стран с Болгарией.

Взаимодействие России с Францией и Англией развивалось весьма медленно. Правда, 1 января 1909 года царское правительство смогло наконец получить заем на парижском и лондонском рынках с участием Голландии*, необходимый для погашения заграничных краткосрочных обязательств. Коммерческие условия операции, хотя и не столь тяже-

* Из номинальной суммы займа в 1400 млн фр. (525 млн руб.) французская группа банков взяла на себя 1220 млн фр., английская — 150 млн фр. и голландская — 30 млн фр.

лые, как в 1906 году, подверглись критике в русской печати, как невыгодные. Через «Торгово-промышленную газету» Министерство финансов оправдывалось срочностью дела и неопределенным политическим положением. Как позднее отмечал журнал «Новый экономист», заем давал царскому правительству необходимые средства ввиду угрозы конфликта из-за австрийской аннексии⁵⁸.

Дипломатическая поддержка России Англией и особенно Францией была достаточно сдержанной. Британский кабинет готов был проявить больше решимости и твердости, если бы Россия и Франция повели себя так же, но не хотел без нужды обострять отношений с Германией в момент, когда там решался вопрос о дальнейшей программе морских вооружений. Франция в декабре 1908 — январе 1909 года стремилась окончательно урегулировать конфликт с опасной восточной соседкой из-за Марокко. Извольский и русские послы в Париже и Лондоне старались внушить западным державам, что в случае более чем вероятного нападения Австрии на Сербию взрыв общественного негодования в России может вынудить правительство к вмешательству. Однако донесения французских и английских дипломатов из Петербурга вызывали сомнения в том, что царское правительство не отступит перед угрозой конфликта.

В конце января состоялся визит в Германию короля Эдуарда. Одновременно поступили сведения о заключении франко-германского соглашения по марокканским делам. Царское правительство не на шутку встревожилось. Решено было постараться эффективнее использовать авторитет Антанты. 1 февраля 1909 года Извольский направил депешу послам в Париже и Лондоне. Министр настаивал на принятии державами Соглашения совместных мер по сдерживанию Австрии⁵⁹.

Извольский и Столыпин вступили также в объяснения с послами Франции и Англии в Петербурге. Министр иностранных дел то уверял их, что в случае нападения Австрии на Сербию Россия принуждена будет вмешаться, то старался припугнуть вероятностью радикальной перемены ориентации, если его стране придется остаться пассивным зрителем австрийского вторжения. Столыпин указывал послам на серьезную угрозу европейскому миру и просил западные державы о воздействии на Вену через Германию⁶⁰.

Англия и Франция прореагировали на обращение царского правительства по-разному. Из Лондона был получен, как считал Извольский, «вполне успокоительный ответ». Грей предпринял еще одну попытку придать спору Австрии с Сербией и Черногорией европейский характер и предложил первой сообщить державам о тех уступках, которые Вена может предоставить Балканским государствам. Однако Эренталь отклонил английскую инициативу. В Париже Пишон уверял Нелидова, что соглашение Франции с Германией совершенно не касается ближне-

восточных дел, и обещал продолжать оказывать России дипломатическую поддержку в балканских вопросах. Вместе с тем министр указывал на тревожность положения и заявлял о необходимости «избежать опасности и не доводить дело до крайности»⁶¹.

Извольский предпринял еще одну попытку опереться на партнеров. 6 февраля он обратился к Англии и Франции с предложением о совместном выступлении в Вене, которое выяснило бы намерения Австро-Венгрии и предотвратило бы ее нападение на Сербию. Русским послам было поручено заявить, что если державы Антанты не окажут теперь такого сдерживающего влияния на Двуетную монархию, то будет «нанесен смертельный удар нынешней системе нашей внешней политики, т. е. союзу с Францией и соглашению с Англией».

Западные державы попробовали сначала привлечь к воздействию на Вену Германию, но получили отказ. Германия внесла контрпредложение — потребовать от Сербии отменить все чрезвычайные военные меры и начать непосредственные переговоры с Веной. Извольский не без основания расценил эту инициативу как намерение «выдать Сербию на милость вооруженной до зубов Австрии». Между тем Франция проявила склонность принять немецкую идею. На это раздраженный Извольский заметил, что Франция «со всеми потрохами» перешла на сторону Австрии⁶².

Что касается Англии, то она предпочла занять позицию, которая возлагала ответственность на саму Россию. Форин-офис запросил Петербург, какие уступки, по мнению России, должны удовлетворить Сербию. При этом Лондон уточнил, что «было бы невозможно без войны добиться иных уступок для Сербии, кроме экономических»⁶³.

Царскому правительству пришлось еще раз взвесить и уточнить свою позицию. 10 февраля Столыпин созвал секретное совещание с участием Извольского, Коковцова, а также думских лидеров октябристов и правых партий. Министр иностранных дел дал оценку обстановке и наметил дальнейшую линию поведения. Он считал необходимым проявить осторожность и гибкость, чтобы избежать европейской войны. Коковцов согласился с ним, а Столыпин заявил, что такова точка зрения всего кабинета. Вечером того же дня правительство получило поддержку большинства на закрытом заседании Государственной думы⁶⁴.

Вскоре Австро-Венгрия при содействии Германии достигла соглашения с Турцией о компенсациях последней за окончательную утрату суверенитета над Боснией и Герцеговиной. Теперь Двуетная монархия могла сосредоточить все внимание на Сербии.

13 февраля был получен ответ Франции на прямой запрос Нелидова, как она поступит в случае, если Россия объявит войну Австро-Венгрии из-за Сербии. Пишон писал, что «война, возникшая из-за подобного вопроса, не встретила бы сочувствия со стороны общественного мнения

Франции», а потому «интересы обеих держав обязывают их правительства принять все меры к предупреждению конфликта из-за вопросов, не затрагивающих жизненных интересов России»⁶⁵. Он, таким образом, отказывался признать выступление России в защиту Сербии за *casus foederis*. На следующий день поступила телеграмма от Грея: «Теперь пришло время, когда Россия должна решить, намерена ли она оказать Сербии вооруженную поддержку для получения территориальных уступок, или сказать ей в критический момент, что в интересах мира эти требования не могут получить поддержки». Сам британский министр считал, что сербские территориальные притязания не стоят риска европейской войны⁶⁶.

После этого Извольский известил Сербию, что у нее «нет никакой надежды рассчитывать на поддержку западноевропейских держав в вопросе о территориальных компенсациях», и советовал сербам пойти на уступки⁶⁷.

Между тем Австро-Венгрия перешла в отношении Белграда к политике ультиматумов. Она потребовала, чтобы Сербия «ясно, определенно и без посредничества объявила, что она отказывается от своих претензий на политические компенсации и что она решила в будущем выполнять по отношению монархии обязанности доброго соседства». В этом случае Вена милостиво соглашалась вести с ней непосредственные переговоры⁶⁸. Речь шла об отказе Сербии от поддержки со стороны других держав, и прежде всего России. 24 февраля решительные требования в адрес сербского правительства были повторены. Все это сопровождалось открытыми военными приготовлениями.

Сербия вынуждена была отказаться от надежд на территориальные компенсации. Она выразила готовность приступить к отмене военных мер при условии аналогичных шагов со стороны Австрии либо гарантии держав от нападения Двуетидной монархии. Эти заявления не удовлетворили Вену. Австрийская дипломатия попыталась оказать давление на Сербию через Петербург, но встретила резкий отказ. Отношения двух империй оказались на грани разрыва. В этот момент на стороне союзницы вмешалась Германия.

Давление Германии и «дипломатическая Цусима» царизма. 1(14) марта 1909 года Бюлов предписал Пурталесу заявить, что Россия должна признать «свершившиеся факты», так как в противном случае, «к нашему сожалению, мы должны были бы отстраниться и предоставить ход событий своему течению». В ноте Пурталеса, переданной на следующий день, России предлагалось «использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства влияния на белградский кабинет». В случае же отказа, говорилось там, «Германия может только предоставить своей союзнице свободу действий»⁶⁹. Предложение Берлина содержало едва скрытую угрозу и именно так было расценено в Петербурге.

6 марта Совет министров, собравшийся у царя, обсудил вопрос о линии поведения в случае войны между Австрией и Сербией. После заявлений представителей военного и морского ведомств о неготовности России к войне последовало решение соблюдать в упомянутом случае строгий нейтралитет⁷⁰.

7 марта Извольский передал ответ на ноту Пурталеса, очень любезный по форме, но уклончивый по существу. В Берлине его расценили как «возмутительный отказ». Заместитель статс-секретаря по иностранным делам Кидерлен, поощряемый кайзером, составил новую пространную и весьма категоричную инструкцию, переданную Пурталесу за подписью Бюлова: «Вы должны в решительной форме заявить Извольскому, что мы ожидаем точного ответа — да или нет; всякий уклончивый, казуистический или неясный ответ мы будем расценивать как отказ. Мы должны были бы тогда отстраниться и предоставить ход событий своему течению. Ответственность за все дальнейшие события пала бы тогда исключительно на г. Извольского». Всякие ссылки на необходимость предварительно договориться о международной конференции заранее отвергались. 9(22) марта германский посол вручил Извольскому ноту, которую министр квалифицировал как «дипломатический ультиматум»⁷¹. Почти одновременно Австро-Венгрия объявила «состояние тревоги» для корпусов, сосредоточенных против Сербии.

Обстановка складывалась для России столь неблагоприятно, что решено было использовать крайнее средство — личное обращение царя к кайзеру. В день получения «ультиматума» Николай II по телеграфу просил Вильгельма удержать Эрентала «от дальнейших пагубных ошибок». Он взывал к монархической солидарности⁷². Правительство кайзера решило, однако, идти в исполнении своего замысла до конца. Берлин молчал, выжидая ответа на ноту Пурталеса.

10 марта Николай II и Извольский, не советуясь больше ни с объединенным правительством, ни с западными державами, решили подчиниться давлению. Царь в письме матери откровенно объяснил это сознанием военной слабости страны: «Раз вопрос был поставлен ребром — пришлось отложить самолюбие в сторону и согласиться... Тем более, что нам со всех сторон было известно, что Германия совершенно готова к мобилизации»⁷³, Николай телеграфировал кайзеру свое согласие на немецкие настояния.

Заключительные события интересны, пожалуй, лишь попытками Англии и Франции снять с себя вину за неблагоприятный исход пробы сил и поддержать престиж Антанты. У Англии была и своя особая причина взять в отношении Германии и Австро-Венгрии более жесткий тон: решение Берлина сделать новый шаг в гонке морских вооружений.

10 марта Комитет имперской обороны Англии решил оказать в случае войны помощь Франции как на море, так и на суше. Адмиралтейство приняло меры к повышению боеготовности флота. Во Франции были сделаны распоряжения о подготовке к мобилизации и произведены некоторые перемещения войск в направлении германской границы. Англия и Франция договорились о сосредоточении объединенной эскадры у острова Мальта, что выглядело как предупреждение Австро-Венгрии.

В Петербурге Никольсон выразил Извольскому сожаление, что Россия, принимая германский ультиматум, не проконсультировалась с партнерами. Он категорически отклонил попытку русского министра оправдаться слабостью Антанты по сравнению с австрогерманской комбинацией. Французский же посол уверял, будто февральское предупреждение его страны было неверно понято и парижский кабинет всегда оставался верен союзу.

Когда 12 марта посол Германии в Лондоне В. Меттерних предложил Грею вслед за Россией признать аннексию, английский министр отказался сделать это до тех пор, пока не будет найдено мирное решение сербского вопроса и продемонстрировано надлежащее отношение к интересам Черногории. Попытка посла запугать главу Форин офис угрозой миру успеха не имела. О позиции Грея было сообщено другим державам.

Но воля царского правительства к сопротивлению уже была надломлена. 14(27) марта последовал ответ кайзера Николаю II, в котором Вильгельм отказывался дать какие-либо гарантии в том, что Австрия не предпримет военного похода против Сербии. А на следующий день царский МИД посоветовал сербскому правительству уступить австрийским требованиям⁷⁴.

Сербский кабинет некоторое время колебался, видимо выжидая, не принесут ли плодов английские дипломатические маневры. 16 марта последовала частичная мобилизация в Австро-Венгрии, а еще через день Сербия приняла русский совет и отступила по всей линии. Вена признала ее ответ удовлетворительным, отказавшись на время от планов военного разгрома и расчленения соседней страны.

26–27 марта (8–9 апреля) 1909 года державы, подписавшие Берлинский трактат, особыми нотами сообщили Австро-Венгрии о своем согласии на отмену ст. 25 этого акта, то есть на произведенную аннексию. Вслед за этим сравнительно легко решился вопрос об экономических компенсациях в пользу Черногории.

Ближайшим результатом боснийского кризиса стало видимое торжество Двуетной монархии и германо-австрийского блока в целом и, напротив, очевидное поражение России и урон престижу Антанты.

Авторитет царизма на Балканах и Ближнем Востоке вновь оказался поколебленным. Ни одну из главных задач, которые ставила перед собой русская дипломатия, решить не удалось: статус проливов остался неизменным, сближения с Турцией не произошло, от международной конференции пришлось отказаться, Сербия и Черногория не получили удовлетворительных компенсаций. Дипломатические достижения России (предотвращение разгрома Сербии, урегулирование болгаро-турецкого конфликта, некоторое сближение взглядов с западными державами на возможные изменения в статусе проливов, экономические компенсации Черногории) выглядели бледными по сравнению с неудачами. К этому следует добавить унижение от принятия германского «ультиматума», которое сознательно раздувалось русской печатью.

Поражение имело результатом дальнейшую поляризацию сил господствующих классов России по вопросу о внешнеполитической ориентации. Укрепили антигерманские настроения среди октябристов и умеренно правых. Эти партии и группировки сблизились с кадетами на почве признания необходимости противодействия экспансии соседних империй в регионе при опоре на Англию и Францию. Одновременно активизировались крайне правые, которые видели спасительный выход в союзном сближении с Германией. И те и другие остро критиковали «неискусную», «слабодушную» дипломатию Извольского⁷⁵.

Центральные державы поначалу склонны были преувеличивать свой успех и ожидать переориентации русской внешней политики в духе Союза трех императоров. Они недооценивали болезненной реакции правящих кругов России на австрийский «обман» и унижение со стороны Германии. Англия и Франция опасались отхода России от взаимодействия с ними и всячески стремились не допустить такого поворота. Наконец, боснийский кризис способствовал развитию тенденции к сплочению малых Балканских стран. Возникла перспектива создания блока этих государств и использования его Россией в интересах борьбы с австро-германской экспансией.

Глава VII. Дальнейшие испытания (1909–1911 гг.)

1. После кризиса 1908–1909 годов. Блоковая политика. Балканы и Ближний Восток. Персия

Как ни велико было в русских правящих кругах недовольство Извольским, как ни остро переживалось дипломатическое поражение, дальнейшее развитие внешней политики определялось не эмоциями, а объективной ситуацией. Основная задача — избегать по возможности международных осложнений — сохранялась. Стало очевидным, однако, что надо искать более надежные средства обеспечения модус вивенди с другими государствами. Между тем обстановка на Балканах, в Турции и Персии оставалась крайне напряженной, и вопрос сводился к тому, отвечает ли наилучшим образом интересам Российской империи прежняя, но более искусная политика балансирования или же ее целесообразно заменить решительным сближением с одной из существующих группировок.

Выбор царского правительства последовал не сразу. Ему предшествовала разведка перспектив в различных направлениях. Параллельно царский МИД искал способ реабилитировать себя за поражение 1909 года на Балканах теми или иными успехами в других регионах.

Сразу после кризиса в петербургских дипломатических кругах распространился слух о предстоящем уходе Извольского. Если в Австро-Венгрии и Германии были довольны таким поворотом дел, то Лондон и Париж, естественно, были встревожены. Английская и французская дипломатия предприняли шаги в защиту министра и престижа Антанты. Кульминацией этих мер явилась аудиенция у Николая II британского посла Никольсона и французского поверенного в делах Ш. Тушара, состоявшаяся 1 апреля 1909 года. Оба представителя говорили о необходимости сохранения и укрепления Тройственного соглашения. Западные дипломаты оправдывали поведение Извольского в минувшем кризисе. Николай II выслушал их и заверил в «твердом желании России поддерживать entente с Англией и Францией»¹. Извольский сохранил свой пост, хотя престиж его был подорван.

Реакция в России на события в Турции. 31 марта 1909 года в Турции произошел контрреволюционный мятеж. Встревоженные Англия и Франция послали в турецкие воды значительные военноморские силы. В противовес им туда же направила свои военные суда Германия.

7 апреля в Петербурге собралось Особое совещание, которому предстояло определить линию поведения России. Извольский занял на этот раз очень осторожную позицию. Он заявил, что, хотя в политическом отношении обстановка довольно благоприятна для активных действий на Босфоре, «принципиально нужно исключить всякую возможность таких действий, которые имели бы характер военных мер против какой-либо европейской державы и даже против Турции». Его поддержал начальник Генерального штаба, указавший на недостаточную военную подготовленность России по сравнению с Германией и Австро-Венгрией и признавший военную операцию на Босфоре при таких условиях в высшей степени рискованной. Совещание единогласно склонилось к тому, чтобы проявить сдержанность, а в случае, если в Турции или Константинополе наступит «полная анархия», принять участие в совместных с другими державами действиях на Средиземном море².

Исходя из рекомендаций совещания, царь распорядился направить в Средиземное море два-три крейсера с Балтики и на всякий случай держать в готовности Черноморский флот³. Русский МИД достиг соглашения с Францией и Англией о совместных действиях. Послы трех держав в Стамбуле получили аналогичные инструкции. Вскоре близ Дарданелл появились английские военные суда, что побудило Россию провести на Черноморском флоте дополнительные приготовления.

Сразу после переворота 31 марта в Стамбуле и поражения младотурок Сербия предложила Болгарии обмениваться взглядами на турецкие события, имея в виду возможность совместных действий во взаимных интересах. Извольский инструктировал русского представителя в Белграде, чтобы он указал на искреннее сочувствие России сближению двух славянских стран, но одновременно рекомендовал посоветовать сербскому правительству сохранять полное хладнокровие и сдержанность, чтобы не дать Австро-Венгрии повода к активному вмешательству. Несколькими днями позже он повторил свои предупреждения одновременно в Белграде и Софии⁴.

11 апреля мятеж в Турции был подавлен, младотурки вновь утвердили свою власть. В Стамбуле опять усилилось германское влияние.

В ходе апрельских событий в Турции центральные державы провели первую после боснийского кризиса разведку возможности кооперации с Россией. Император Франц Иосиф обратился к Николаю II с письмом. Он хвалил царя за мудрость, проявленную на заключительном этапе боснийского кризиса, и высказывал надежду, что это позволяет «главам христианских государств обратить серьезное внимание на важные события в Константинополе». Николай ответил уже после контрпереворота кратким и сухим письмом, где выражал убеждение в мирном исходе турецких событий. Обида за ущемление престижа была еще слишком

свежа. Возвращавшемуся в Вену военному агенту Марченко Николай II демонстративно ничего не поручил передать от него Францу Иосифу: «Пусть понимают, что нельзя безнаказанно наступать на ногу»⁵.

Интервенция России и Англии в Персии. В 1909 году развитие событий в Персии побудило Россию и Англию прибегнуть к вооруженной интервенции. Вопрос о прямом вмешательстве в персидские дела назревал давно — еще с конца 1907 года. Он имел своих сторонников среди дипломатов и военных. Царское правительство в целом придерживалось сравнительно осторожной линии. Более дальновидные министры и наместник на Кавказе опасались, что интервенция может углубить кризис в Персии и вовлечь еще не окрепшую Россию в длительную борьбу с гражданским населением. Кроме того, нужно было согласовывать политику с Англией, которая относилась к применению военных мер сдержанно, не желая укрепления русского влияния в Тегеране. Дипломаты двух держав пытались примирить шахскую реакцию с персидскими либералами, однако новый подъем революционного движения в Персии помешал этому. Между тем были приняты меры, послужившие материальной подготовкой интервенции: Россия и Англия усилили свои консульские конвои в Персии, царское правительство сосредоточило войска на кавказской границе, а англичане стянули канонерки в Персидский залив.

Поводом для интервенции послужил отказ сторонников шаха, блокировавших революционный Тавриз, пропустить в город продовольствие хотя бы для снабжения иностранных консульств и подданных. Англичане сами предложили направить туда русский отряд, оговорив временный характер предпринимаемой оккупации. Царское правительство после некоторых колебаний дало согласие⁶. В начале апреля в Тавриз и Мешхед вступили русские войска. Начались преследования кавказских революционеров, принимавших активное участие в тавризских событиях. Делались попытки разоружить федаев — членов добровольческих вооруженных отрядов сторонников революции. Одновременно англичане высадили свои десанты в Бушире, Бендер-Аббасе и Линге, где подавили революционное движение.

Когда обстановка в оккупированных городах внешне нормализовалась, англичане вывели свои войска. Был намечен также поэтапный отвод русских отрядов. Но события в Тегеране изменили планы Петербурга. Царская интервенция поощрила персидскую реакцию. 10 июня 1909 года шах, опираясь на казачью бригаду Ляхова, совершил в столице контрреволюционный переворот: разогнал меджлис и энджомены и восстановил старые порядки. В ответ войска федаев во главе с Сепадаром и поддерживавшие конституционалистов бахтиарские отряды двинулись на Тегеран. 20 июня Извольский сообщил в Лондон о намерении

царского правительства в случае вступления бахтиар и федаев в Тегеран послать отряд в Казвин, откуда русская миссия могла бы вызвать его в столицу. Грей предложил, чтобы английский и русский представители в Персии попытались убедить революционных лидеров не вступать в Тегеран. Эта «примирительная» миссия закончилась, однако, неудачей, и русский отряд, переброшенный морем в Энзели, двинулся на Казвин. Грей же выступил в палате общин с оправданием этого шага⁷.

30 июня силы федаев и бахтиар заняли столицу, низложив шаха. Успехом освободительного движения воспользовались персидские либералы. Они провозгласили шахом малолетнего сына Мохаммеда-Али, объявили о восстановлении конституции и созыве нового меджлиса. Приход к власти либералов способствовал усилению английского влияния в Тегеране. Царская Россия сохранила в своих руках такой сильный рычаг воздействия, как военное присутствие. Две державы по предварительной договоренности одновременно признали новый режим, оказав ему морально-политическую поддержку. Предполагалось также предоставить Персии совместный англо-русский аванс в счет будущего займа, но условия его были настолько тяжелыми, что правительство Сепакхара не решилось их принять.

Таким образом, в период обострения ситуации в Персии Петербургу и Лондону в целом удавалось проводить там согласованную политику. Относительная стабилизация, напротив, способствовала выявлению противоречивых интересов партнеров.

Когда к осени 1909 года Тегеран принял требования русской стороны и признал долги и обязательства старого режима, царское правительство приступило к выводу войск из Тавриза и Казвина. Но одновременно в Муганской степи начались набеги кочевых племен шахсевен, и кавказский наместник перебросил новые части в Ардебиль и Астру. Усиления военного присутствия потребовали также действия турок в Западной Персии. Пользуясь ослаблением тегеранского правительства, Порты начала территориальные захваты в районе озера Урмия, что, по мнению русского Генерального штаба, могло крайне осложнить стратегические позиции Кавказского военного округа. Чтобы предотвратить турецкое продвижение, Петербург направил военные отряды в такие города, как Хой, Маку и Урмия. В конце концов оправдались худшие опасения более дальновидных русских политиков: начав с временного ввода войск в Персию, Россия стала расширять свое военное присутствие там и надолго увязла в персидских делах.

Возврат к политике балансирования. Не без труда нормализовались после боснийского кризиса отношения Петербурга с Германией. В Берлине были обеспокоены антигерманской газетной кампанией в России и добивались ее прекращения. Бюлов через Пурталеса предложил опу-

бликовать ряд документов о переговорах двух держав в связи с улаживанием австро-сербского конфликта. Докладывая об этом царю, исполнявший должность управляющего МИД Чарыков отметил, что Германия стремится выяснить, «как Россия к ней относится и намерена относиться в будущем, в особенности в случае вооруженного столкновения между Германией и Англией»⁸.

Чарыков задумал использовать это настроение, чтобы прозондировать возможность соглашения с центральными державами, и прежде всего с Германией. Он подготовил схему соглашения и 5 мая 1909 года представил ее царю. Существо предложения состояло в создании своего рода балканского трио — России, Германии и Австро-Венгрии — на базе соглашения 1897 года с соответствующими последним событиям изменениями. В этом «концерте» Германия выступала бы своего рода гарантом, что Двудеиная монархия воздержится от дальнейшей территориальной экспансии, в противном случае последняя лишалась бы союзной помощи Берлина. Предполагалось также, что Германия окажет России деятельную дипломатическую поддержку в решении вопроса о проливах, в скорейшем сооружении Дунайско-Адриатической железной дороги и признает ее права в Персии, вытекавшие из англо-русского соглашения 1907 года. За это царское правительство могло бы заплатить достаточно высокую цену, приняв обязательство соблюдать нейтралитет в случае нападения Англии на Германию⁹.

Проект Чарыкова весьма показателен как отражение настроений части правящих кругов России. Он свидетельствовал о неизжитых надеждах занять нейтральную позицию в англо-германском конфликте. Вместе с тем основа блоковой политики России — союз с Францией — оставалась неизменной. Да и в самой балканской политике сдвиги намечались не столь радикальные, как может показаться на первый взгляд: предусматривалось, что к соглашению частично примкнут Италия, Франция и Англия, то есть державы, уже задействованные в осуществлении македонских реформ, обсуждении железнодорожных проектов и решении критского вопроса.

Инициатива Чарыкова не встретила возражений царя. Николай II сообщил кайзеру, что дал своим министрам указания о воздействии на печать. Он предложил Вильгельму встретиться летом в Финском заливе близ Бьерке, так как «лучший способ выяснять вопросы — это свидания монархов»¹⁰.

Приглашение Николая II вызвало восторг кайзера. Ему казалось, что удар, нанесенный Германией России во время боснийского кризиса, достиг цели. Начавшиеся вскоре объяснения Пурталеса с Чарыковым выявили, однако, преувеличенность такого оптимизма. Посол, в соответствии с инструкциями из Берлина, выступил за сближение трех мо-

нархий, но сразу оговорил, что Германия не может принять каких-либо обязательств, которые находились бы в противоречии с ее лояльностью и союзнической верностью Австро-Венгрии. Замысел совместной публикации мартовских документов расстроился вследствие вмешательства Столыпина, опасавшегося реакции в Англии и Франции. Председатель Совета министров вообще нашел предложения Чарькова в отношении Германии поспешными и недостаточно осторожными.

Излишне активному дипломату пришлось покинуть свой высокий пост в Петербурге. Товарищем министра иностранных дел вместо него стал родственник и протеже Столыпина С.Д. Сазонов. По возвращении из отпуска резко антиавстрийски настроенного Извольского Пурталес понял, что от публикации документов придется отказаться. На вопрос посла о возможности возобновления близких отношений трех империй министр выдвинул предварительное условие, чтобы Вена дала обязательство не ставить другие державы перед новыми неожиданностями на Балканах¹¹.

Дальнейшие переговоры были отложены до встречи Николая II с кайзером. Свидание в шхерах состоялось 4–5 июня 1909 года и, по оценке исследователя русско-германских отношений И.И. Астафьева, прошло «на редкость бесцветно». Немецкие политики стремились к возрождению Союза трех императоров, но не хотели брать на себя инициативу. Они наперед отказывались жертвовать отношениями с Австро-Венгрией, а свою позицию в вопросе о проливах ассоциировали с прогрессом связей между центральными империями и Россией. Осторожная позиция русской стороны объяснялась нежеланием Извольского и Столыпина нанести ущерб отношениям с Францией и Англией, а также их обоснованным скептицизмом в отношении ценности германских «гарантий» на Балканах.

В результате политические беседы, происходившие главным образом между Извольским и Шёном, не вышли за рамки общих рассуждений. Никаких практических предложений ни с той, ни с другой стороны не последовало.

В прощальной беседе с Шёном Николай II сообщил о своих предстоящих визитах французскому президенту и английскому королю. Царь по собственному почину дал слово, что, «с какими бы требованиями во время этих визитов он ни столкнулся, он ни на что не пойдет, что было бы направлено против Германии или исходило бы из направленно-го против Германии плана»¹².

Свидание в шхерах свидетельствовало, таким образом, о стремлении России вернуться к политике балансирования между Англией и Германией. Однако условия для проведения такой политики теперь явно ухудшились. Проавстрийское вмешательство Берлина в ходе боснийского

кризиса оставило тяжелый след в общественном сознании России. Над будущим довлела опасность развития австрийской экспансии на Балканах при содействии союзной империи. Наконец, беспокойство царского правительства вызывала активизация Германии в Персии.

Россия и державы Антанты. Более благоприятно, хотя и не без трудностей, складывались отношения с Францией и Англией. В июне 1909 года делегация Государственной Думы и Государственного совета посетила Лондон, откуда проследовала в Париж. (Позднее, в начале 1910 года, состоялся ответный визит французских парламентариев в Россию.) Демонстрация прочности союза по парламентской линии была подкреплена визитом Николая II президенту К. Фальеру.

Во время пребывания Николая II в Шербуре 18–19 июля 1909 года состоялись беседы Извольского с французским министром иностранных дел Пишоном. Они были посвящены главным образом минувшему кризису и мерам, которыми можно было бы воспрепятствовать возникновению на Балканах новой конфликтной ситуации. Извольский настаивал на необходимости для России и Франции совместно с Англией найти средства «сохранить интересы балканских народов и предотвратить внезапное открытие Восточного вопроса». Длительное обсуждение оказалось, однако, малорезультативным. Французская сторона не пошла дальше декларирования своего стремления сохранить целостность Османской империи и статус-кво на Балканах. Пишон уверял Извольского, будто Франции надлежит «поддерживать сколь можно дружественные отношения с австро-венгерским правительством». Русский министр оставил у собеседника твердое впечатление, что царское правительство намерено «сохранить двойную ориентацию, которую оно три года назад придало своей политике: тесный союз с Францией, дружественное согласие с Англией»¹³.

Из Шербура царская яхта в сопровождении трех новейших английских линкоров проследовала в Кауз. Там высоким гостям была продемонстрирована мощь английского флота, сосредоточенного незадолго перед тем для парада. Извольский и Грей проанализировали уроки боснийского кризиса и перспективы развития событий в регионе. Они осудили грубое мартовское вмешательство германской дипломатии. Глава Форин-офиса в присутствии премьер-министра Г. Асквита заверил Извольского, что в случае попыток Двуетиной монархии продолжить экспансию на Балканах и захватить Салоники Англия не останется в стороне. Руководители внешней политики двух стран договорились поддерживать существующий режим в Турции, а также статус-кво острова Крит.

Британская дипломатия подняла деликатный вопрос о выводе русских войск из Персии, хотя стремилась не обострять его. Грей фактически соглашался на продолжение русского военного присутствия в зама-

скированной форме (усиление конвоев). Он обещал также поддержать в Тегеране требования России о гарантии ее интересов в Северной Персии. Извольский признал желательность отзыва русских частей, когда соответствующие условия будут созданы. Русский министр резюмировал итог переговоров словами: «Очевидно, мы находимся в полном согласии»¹⁴.

Характерно, что, сделав шаг в сторону Англии и Франции, царская дипломатия сразу же принялась успокаивать Германию. Николай II на обратном пути из Англии вновь встретился с кайзером Вильгельмом в Киле. Извольский, возвращаясь в Россию через Берлин, нанес визит новому канцлеру Т. Бетман-Гольвегу.

Некоторые осложнения между Россией и западными державами возникли осенью 1909 года в связи с реализацией проекта Багдадской железной дороги. Когда Германия добилась от младотурецкого правительства ратификации конвенции о строительстве наиболее трудного и дорогостоящего участка от Эрекли на Мардин, Французско-Оттоманский банк дал согласие участвовать в этом предприятии. В октябре было создано международное акционерное общество с преобладающей ролью германских банкиров, но при участии финансистов Франции, Швейцарии и Австрии. Таким образом, союзница России, пусть неофициально, отказалась от противодействия германскому начинанию.

6 ноября Никольсон информировал царский МИД, что директор Немецкого банка А. Гвиннер предложил английским деловым кругам взять на себя финансирование постройки участка Багдад — Персидский залив. В меморандуме Никольсона говорилось, что если германское правительство действительно откажется в пользу Англии от своих прав на продолжение дороги к югу от Багдада, то британский кабинет, вероятно, откажется от оппозиции предприятию. Это грозило России изоляцией в вопросе, представлявшем для нее существенный интерес. Не удивительна нервная реакция Извольского, заметившего Никольсону, что Англия взяла «совершенно новый и неожиданный курс»¹⁵.

Царское правительство оказалось перед дилеммой, продолжать ли согласовывать позицию с западными державами или попытаться оградить свои интересы путем отдельного договора с Германией.

Прежде чем сделать выбор, оно решило объяснить с лондонским кабинетом. Оказалось, что никаких прямых переговоров по вопросу о Багдадской дороге между английским и германским правительствами пока не велось. Форин-офис обещал, что, если даже предложения Гвиннера получат официальное подтверждение и будут признаны приемлемыми, сент-джеймский кабинет не одобрит их без предварительного обсуждения вопроса с Россией и Францией. Англия соглашалась не возражать против договоренности России с Германией о признании

русских интересов в Северной Персии, если немцы не получат при этом каких-либо уступок в нейтральной зоне.

Прояснение позиции Лондона внесло, казалось, успокоение. Однако в декабре 1909 года в Германию направился для продолжения переговоров о Багдадской дороге английский финансист Э. Кассель, что встревожило уже не только русское, но и французское правительство. Правда, миссия Касселя не увенчалась успехом. Кроме того, против деления дороги на участки, находящиеся под контролем различных держав (английский вариант), выступило турецкое правительство. Англо-германские переговоры на время прервались¹⁶.

Балканско-ближневосточная политика. Соглашение в Раккониджи. 24 декабря 1909 года Извольский обратился с письмом к Столыпину и группе министров, ведомства которых были заинтересованы в вопросе о железнодорожном строительстве в Турции. В нем отмечалось, что дальнейшее негативное отношение России к проекту Багдадской дороги «может оказаться для нее невыгодным, ибо в конце концов Багдадская железная дорога может быть построена вопреки нашему сопротивлению». Извольский предлагал обсудить два вопроса: 1) как оградить преимущественное положение России в Северной Персии и 2) как ослабить опасность возможной постройки железнодорожных линий в Малой Азии по направлению к Черному морю и кавказской границе России. Особенно занимал его последний вопрос, так как основы решения первого уже были намечены на Особых совещаниях в феврале и июле 1907 года (в виде соглашения с Германией), последний же подлежал «коренному пересмотру» в связи с недавними существенными переменами в Турции.

Под упомянутыми переменами министр, видимо, имел в виду не только младотурецкую революцию, но и очевидную к тому моменту неудачу русско-турецкого сближения. Практические шаги в направлении сближения были связаны с именем Чарыкова, назначенного еще в мае 1909 года послом в Константинополе. Чарыков выступал сторонником как балканской конфедерации малых государств региона и Турции, так и непосредственного русско-турецкого сближения на основе отказа от старых взаимных счетов, защиты Россией целостности Османской империи и «взаимных экономических интересов». Ближайшую задачу он видел в том, чтобы «сохранить Турцию от распада в невыгодное для нас время».

По предложению посла царская дипломатия пошла на уступки младотурецкому правительству в вопросах о прекращении реформаторской деятельности держав в Македонии и о статусе Крита, уступки были призваны подготовить почву для более широкого соглашения. Заключение его ожидалось в конце июля во время посещения султаном Николая II в Ливадии. Этот замысел, однако, не осуществился вследствие усилен-

ния германского влияния в Стамбуле. Султан в Крым не поехал. Правда, у царя побывала турецкая правительственная делегация, но дело ограничилось обсуждением вопроса о турецком железнодорожном строительстве в Малой Азии, причем русские дипломаты пообещали смягчить свою ранее сугубо негативную позицию. Проблем общего соглашения и связанного с ним статуса проливов стороны не касались¹⁷.

Неудача русско-турецкого сближения стимулировала в известной мере альтернативный вариант сближения с Италией. Проект соглашения с ней был намечен еще осенью 1908 года, во время свидания Извольского и Титтони в Децио. Большую роль в подготовке проекта сыграл посол в Риме Н. Муравьев. Позиции России и Италии в период боснийского кризиса оказались сравнительно близкими. В октябре 1909 года Николай II совершил наконец давно откладывавшийся визит в Италию, который позволил двум министрам оформить договоренность.

Соглашение в Раккониджи¹⁸ имело несколько аспектов. Первый из них касался обоюдного стремления к сохранению статус-кво на Балканах и к обеспечению независимого существования малых стран региона. В случае каких-либо изменений на полуострове стороны обязались настаивать на применении принципа национальности путем развития балканских государств и исключения какого-либо иностранного господства. Предусматривалось совместное дипломатическое противодействие всяким акциям, противоположным этим целям (п. 1–3). Стороны обязались также не заключать новых соглашений по делам европейского Востока без привлечения друг друга (п. 4). Эта часть договоренности была, очевидно, направлена против австро-германской экспансии в регионе и равно выгодна обоим государствам. Русская дипломатия стремилась подчеркнуть идею защиты прав малых стран («Балканы для балканских народов»).

Следующий важный аспект соглашения касался Турции. Титтони обещал Извольскому благожелательное отношение своего правительства к русским интересам в вопросе о проливах в обмен на аналогичное обязательство по отношению к итальянским интересам в Триполи и Киренаике (п. 5). Нельзя не отдать должное настойчивости, с которой царская дипломатия готовила желательные перемены в статусе проливов. Вместе с тем нет оснований преувеличивать «успех» Извольского. Италии, игравшей на противоречиях ее союзников и Антанты, легче было реализовать свою часть договоренности, нежели России решить сложнейший международный вопрос о Босфоре и Дарданеллах.

Наконец, соглашение в Раккониджи имело достаточно очевидный, хотя и почти не подчеркнутый в самом документе блоковый аспект. Русско-итальянское сближение, дополняя франко-итальянское, отдаляло Италию от Тройственного союза и приближало ее к Антанте. Это было

тогда же отмечено русской печатью и положительно оценено западными державами.

Помимо великодержавных комбинаций оставалась перспектива объединить малые балканские, прежде всего славянские, государства и Турцию. Она встречала довольно широкую поддержку русской общественности и деловых кругов, начинавших проявлять больший интерес к рынкам европейского Востока. Извольский стремился содействовать процессу создания такого регионального союза. Он рассчитывал при этом на помощь Франции и Англии. Однако отношение западных государств к предполагаемой группировке оказалось сложным. Стремясь, как и Россия, создать преграду экспансии германизма, они в то же время не хотели способствовать усилению влияния царского правительства на полуострове.

Усилия царской дипломатии способствовали первым шагам к сплочению Балканских стран, которое соответствовало их собственным интересам. Осенью 1909 года состоялось свидание королей Сербии и Болгарии. В переговорах приняла участие также Черногория. При общности главных целей борьбы против Турции и Австро-Венгрии между славянскими странами вскрылись серьезные противоречия по македонскому вопросу.

19 ноября Извольский обратился к послам при западноевропейских державах и представителям в Балканских странах с циркулярной депешей. В ней он выдвигал идею антиавстрийской конфедерации на полуострове при поддержке России и сочувствии Франции и Англии. Министр считал, что в случае осуществления этого плана натиску германизма на Турцию были бы противопоставлены три преграды: 1) сами балканские государства; 2) соглашение России с Италией; 3) деятельность Франции и Англии¹⁹.

Важной предпосылкой к созданию такого блока на Балканах считалось русско-болгарское сближение, которое должно было парализовать усилия Вены и Берлина привлечь Болгарию на свою сторону. В феврале 1910 года король Болгарии Фердинанд в сопровождении некоторых министров приехал в Петербург. В переговорах с русской стороны приняли участие Извольский, Сазонов и посол в Болгарии Д.К. Сементовский. Царские дипломаты выдвигали в качестве предпосылки соглашения с Россией болгаро-сербское и болгаро-турецкое сближение. Их контрагенты соглашались только на союз с Сербией, Черногорией и Грецией, да и то на условии эвентуальной передачи Македонии и Адрианополя Болгарии. Достигнуть соглашения не удалось. Извольский посоветовал болгарским политикам попытаться договориться о Македонии непосредственно с Турцией и Сербией²⁰.

Весной того же года в Петербург приезжал сербский король Петр, желавший заручиться поддержкой России в борьбе с болгарскими при-

тязаниями на Македонию. Ему обещали содействие при условии, что король будет добиваться союза с Турцией и Болгарией. Тогда же русскую столицу посетил турецкий министр иностранных дел Хильми-паша, обеспокоенный слухами о положительном отношении России к притязаниям Балканских стран на Македонию. К середине апреля выяснилось, таким образом, что примирить сербские, болгарские и турецкие интересы в Македонии не представляется возможным. Вместо предполагаемого единого союза наметились контуры создания греко-болгарской группировки против Турции и Сербии, а также румыно-турецкого сближения против Болгарии.

Трудности с балканским союзом внесли изменения в ранее непреклонную позицию царского правительства в отношении Австро-Венгрии. В начале 1910 года состоялся обмен мнениями, который привел к восстановлению нормальных дипломатических отношений и подтвердил приверженность обеих держав поддержанию статус-кво на Балканах. Полного возврата к принципам соглашения 1897 года, однако, не последовало²¹.

С.Д. Сазонов и потсдамское свидание. Осенью 1910 года произошла давно намечавшаяся смена министра иностранных дел России. Извольский был назначен послом в Париже, а его место занял Сазонов. Новый министр в отличие от своего предшественника не пользовался репутацией человека ярких дарований. Первое время ему не хватало также знаний и опыта. Зато Сазонов не слыл либералом и англоманом. Он был готов, следуя пожеланиям премьеров Столыпина, а затем Коковцова, проводить осторожную, взвешенную политику. Позднее, как увидим, Сазонов своевременно уловил потребность в более твердом международном курсе. В целом новый министр достаточно умело отстаивал интересы России, а по мнению академика В.М. Хвостова, оказался даже дипломатом более «проницательным и тонким, чем Извольский»²².

Если Англия и Франция, а также антантофильские круги в России надеялись, что Сазонов не сойдет с дружественных позиций в отношении западных держав, то германофилы рассчитывали на его «нейтралистские» взгляды и улучшение при нем отношений с Германией.

В Берлине к возвышению Сазонова сначала отнеслись благоприятно. Встав во главе внешнеполитического ведомства, он действительно выступил за улучшение отношений с Германией. Приближалась очередная встреча царя с кайзером. Россия стремилась стабилизировать международную обстановку. Кайзеровское правительство хотело достичь радикальных изменений в раскладке сил в Европе.

В конце октября 1910 года Сазонов, проезжая через Берлин, беседовал с канцлером Бетман-Гольвегом и статс-секретарем ведомства иностранных дел Кидерлен-Вехтером. Германские политики уверяли, что

не желают вмешиваться в доверительные отношения России с Францией и Англией, но хотят укрепить русско-германскую дружбу. В подтверждение своих «добрых» намерений они выразили готовность не поддерживать честолюбивые планы Австро-Венгрии на Балканах, если Россия откажется поддерживать антигерманскую политику Англии. Сазонову это предложение показалось небезынтересным. Были затронуты также вопросы железнодорожного строительства в Османской империи и Персии²³.

Свидание двух императоров в Потсдаме состоялось 22–23 октября (4–5 ноября) 1910 года. В переговорах приняли участие также Сазонов, Бетман-Гольвег и Кидерлен-Вехтер. Монархи в своих беседах касались политических дел лишь в самых общих чертах. Переговоры Сазонова с представителями германского правительства носили более конкретный характер. Они затрагивали, в частности, вопросы железнодорожного строительства в Северной Персии и возможности проведения туда соединительных линий от Багдадской железной дороги. Еще 15 октября в Петербурге состоялось Особое совещание, на котором было установлено, что в объяснениях с Германией Россия может взять на себя обязательство проложить дорогу от Ханекина к Тегерану, но приступит к ее строительству не ранее, чем будут завершены линии в Северной Персии. Эта рекомендация служила для Сазонова ориентиром в Потсдаме.

Бетман-Гольвег и Кидерлен-Вехтер вернулись к проблемам блоковой политики. Сазонов на этот раз по совету посла в Берлине вел себя более осторожно и воздержался от обещаний, каеавшихся отношений с Англией.

Германская сторона заявила, что она не преследует в Персии никаких политических целей, но добивается свободного доступа на персидский рынок. Сазонов выразил готовность не ставить препятствий германской торговле. Результаты переговоров о железнодорожном строительстве в Северной Персии не были зафиксированы в письменной форме. Отчеты, составленные русским министром и германским канцлером, освещают их несколько по-разному. Видимо, русская сторона все же дала принципиальное согласие на постройку линии Тегеран–Ханекин в обмен на отказ Германии от получения концессий в Северной Персии²⁴.

Встреча в Потсдаме не устранила напряженности в отношениях между Россией и Германией и подтвердила наличие существенных противоречий между ними на Ближнем и Среднем Востоке. Официальная оценка встречи обеими сторонами была все же благоприятной. Правящие круги как России, так и Германии считали, что получили необходимый задел для дальнейших переговоров в соответствии со своими задачами.

Петербург проявлял склонность к урегулированию локальных ближне- и средневосточных вопросов. Ему импонировало германское

обещание сдерживать австрийскую экспансию на Балканах, но платить за него сменой блоковой ориентации он не хотел. Подход Берлина был другим. Там стремились прежде всего расшатать и подорвать Тройственное согласие. Поэтому германская дипломатия настойчиво домогалась письменного документа, который фиксировал бы обязательство России не поддерживать Англию в обмен на аналогичное обещание Германии в отношении политики Вены на Балканах. Кидерлен-Вехтер писал Пурталесу, что русская гарантия в отношении Англии является альфой и омегой всего соглашения и должна внести разлад между партнерами по Антанте. Однако осуществить этот замысел Берлину не удалось. Сазонов всеми способами уклонялся от письменного соглашения. Стало ясно, что правительство России не пойдет на сделку, подрывающую Тройственное согласие. Германской дипломатии пришлось довольствоваться напоминанием Сазонову, что царь уже обещал Вильгельму II не поддерживать враждебную Германии политику Англии²⁵. В дальнейшем русско-германские переговоры сосредоточились на ближней средневосточных сюжетах.

Англия и Франция отнеслись к русско-германским контактам настороженно. В Лондоне тревожились как за блоковые интересы, так и за позиции в Персии. Разъяснения Сазонова и Бенкендорфа внесли некоторое успокоение. 17 января 1911 года (н. ст.) лондонская «Таймс» писала, что три державы Антанты в основном и главном согласовали свою политику и, если возникнет необходимость, будут и впредь координировать действия²⁶.

Французский посол в Петербурге Жорж Луи, со своей стороны, предпринимал значительные усилия, стремясь уточнить содержание русско-германских переговоров, и пришел к выводу, что франко-русскому союзу они не угрожают. Министр иностранных дел Пишон выступил в палате депутатов с заявлением о неизбежности союза и о том, что переговоры России с Германией не задевают интересов Франции²⁷.

Русская печать по-разному оценивала свидание в Потсдаме. Газеты крайне правых («Земщина», «Русское знамя», журнал «Гражданин») усматривали в нем стремление освободиться от «тесных англо-французских объятий», отмечали, что попытки Англии сравнить Россию с Германией потерпели крах, ратовали за дальнейшее сближение с Берлином и даже доказывали ненужность союза с Францией. Они предлагали предать забвению все, что было ошибочным и неразумным в политике Извольского.

Напротив, газеты умеренно правых, октябристов и кадетов («Биржевые ведомости», «Голос Москвы», «Русское слово», «Речь») считали, что встреча в Потсдаме и переговоры с Германией не должны повлиять на блоковую политику России, выступали против существенных усту-

пок Германии. Подчеркивалось, что добрососедские отношения с Германией должны сочетаться с незыблемостью Тройственного соглашения²⁸. На этих же позициях стояло «Новое время», писавшее: «Мы неоднократно разъясняли, что потсдамские беседы в своем главном содержании опирались на предположение о сохранении в полной неприкосновенности общей группировки европейских держав»²⁹.

2. Соглашение с Германией. Россия в международных конфликтах 1911 года

Русско-германское соглашение по персидским и железнодорожным делам. Русско-германские переговоры по ближней средневосточным вопросам шли с большим трудом. На Сазонова оказывали давление российские торгово-промышленные круги, опасавшиеся ущемления своих интересов. Правительство кайзера, в свою очередь, стремилось полнее учесть запросы германских монополистических объединений, финансового капитала. В проекты вносились многочисленные изменения и поправки. Заключение соглашения ускорил разразившийся летом крупный международный конфликт из-за Марокко. Оно было подписано 6(19) августа 1911 года³⁰. Германия признала особые интересы России в Северной Персии и обязалась не домогаться там концессий на железные дороги. Кайзеровское правительство заверяло, что преследует в Персии только коммерческие цели. Россия сама обязалась получить у персидского правительства концессию на постройку линии Ханекин–Тегеран после завершения ветки Багдадской железной дороги Садидже–Ханекин. Сооружение линии должно было начаться не позже, чем через два года после окончания строительства этой ветки.

Таким образом, пообещав Германии не противиться сооружению Багдадской железной дороги и даже содействовать проведению ее ветки до Тегерана, Россия смогла закрепить сферу своего влияния в Персии. Кроме того, в Петербурге полагали, что постройка линии Ханекин–Тегеран сможет начаться не ранее чем через 13 лет.

Потсдамское соглашение 1911 года явилось последней масштабной попыткой улучшить русско-германские отношения накануне мировой войны. Оно не устранило, однако, противоречий участников на Ближнем и Среднем Востоке, не говоря уж об их противостоянии в Европе.

Россия и агадирский кризис. Одним из крупных международных конфликтов, который едва не привел к военному столкновению между великими державами, был марокканский (или агадирский) кризис 1911 года.

В течение первого десятилетия XX века Марокко являлось объектом распрей между великими державами, главным образом между Фран-

цией и Германией. Важную роль играла при этом конкуренция между французским и немецким капиталом. В 1904 году во Франции был создан «марокканский комитет» из представителей крупных банков, тяжелой промышленности и правительственных кругов. В Германии в делах Марокко были заинтересованы компании Круппа и братьев Маннесман, Гельзенкирхенское горнопромышленное акционерное общество, Шафгаузенский банковский союз и др. Одна из влиятельных немецких газет «Ди Пост» писала 2 июня 1911 года: «Марокко может обеспечить нас ранными, овощами, яйцами, мехами, ячменем, хлопком. Огромные залежи руды ждут там своей разработки. Там открываются исключительные возможности для нашей индустрии, для нашей торговли, для наших техников. Притом Марокко расположено всего на расстоянии 3–4 дней пути от Гамбурга. Такие страны не валяются дюжинами на земле»³¹.

Весной 1911 года Франция предприняла решительные действия по утверждению своего господства в Марокко. Под различными предлогами ее войска стали продвигаться по марокканской территории, жестоко подавляя сопротивление местного населения. Французское правительство уведомило другие державы, что эти военные акции являются якобы вынужденными и носят временный характер. Правящие круги Германии усмотрели в них прямую угрозу своим интересам, в печати развернулась антифранцузская кампания. В этих условиях товарищ министра иностранных дел Нератов просил поверенного в делах в Берлине Шебеко заявить, что Россия признает действия Франции корректными и естественными и надеется, что Германия отнесется к этому вопросу так же³². Русская печать в целом поддерживала Францию, но отмечала, что исход дела во многом зависит от благоразумия германского правительства.

Когда 8(21) мая 1911 года французские войска заняли столицу Марокко Фес, канцлер Бетман-Гольвег заявил русскому послу, что этим нарушается Альхесирасский трактат и державы получают свободу действий. Он, правда, тут же пообещал договориться с Францией. Докладывая Нератову об этой беседе, Остен-Сакен высказал предположение, что Германия воспользуется случившимся для захвата в виде компенсации какого-либо порта на побережье Марокко. «Быть может, это предмет тайных вождедений Германии»³³, — писал посол.

Он не ошибся в своих прогнозах. 19 июня (1 июля) 1911 года в марокканский порт Агадир вошла германская канонерская лодка «Пантера». Через несколько дней туда прибыл крейсер «Берлин». Официально было заявлено, что германские суда призваны защищать интересы немецких подданных и их имущество в Марокко. Прыжок «Пантеры» преследовал цель демонстрацией силы добиться уступок от Франции, закрепиться в Южном Марокко, а заодно вызвать волну шовинизма и добиться успеха на выборах в рейхстаг³⁴. На Вильгельмштрассе хотели

также прощупать прочность Тройственного согласия, в первую очередь его англо-французского звена.

Действия Германии вызвали возмущение французского общественного мнения. В официальных кругах Франции и Англии эти акции породили раздражение. Россия не располагала какими-либо реальными позициями в Марокко. Но в Петербурге забеспокоились, опасаясь общего осложнения международной обстановки. По просьбе Франции 21 июня (4 июля) русская дипломатия сделала запрос в Берлин о том, насколько действия Германии соответствуют Альхесирасскому трактату 1906 года и франко-германскому соглашению 1909 года. Нератов заявил Пурталесу, что Россия как союзник Франции и участница Альхесирасского акта с большим вниманием относится к возникшей коллизии и стремится к тому, чтобы она не сказалась отрицательно на общем политическом положении. Излагая затем послу в Берлине позицию России, Нератов подчеркивал, что для нее «не столько важны реальные интересы держав в Марокко, сколько соблюдение принципа о сохранении силы за заключенными соглашениями относительно Марокко»³⁵.

Министерство иностранных дел России поддерживало тесную связь с Францией и Англией. Оно выражало Германии свою озабоченность и настоятельно просило по возможности скорее урегулировать вопрос. Кидерлен в ответ винил Францию и ссылаясь на раздражение германского общественного мнения.

Большая часть русской печати отнеслась к рейду «Пантеры» критически. «Новое время» писало, что «Россия непосредственно не заинтересована в марокканском вопросе. Мы имеем к нему отношение только через нашего союзника, законным правам которого мы, конечно, обязаны оказывать наше содействие». Газета указывала, что действия Германии ведут к «чрезвычайному осложнению», и выражала пожелание о «скорейшем уходе германских военных судов из Агадира»³⁶. «Речь», «Русское слово», «Голос Москвы» отвергали доводы германской дипломатии как несостоятельные, советовали правительству координировать свою позицию с Францией и Англией и стараться не допустить перерастания кризиса в военный конфликт.

Иные мотивы звучали в органах печати прогерманской ориентации. Например, «Земщина» считала, что Франция первой нарушила Альхесирасский договор и России не следует защищать ее интересы в этом деле. Газета выражала надежду, что российское правительство «не похоронит Потсдамского соглашения ради французского протектората над Марокко»³⁷.

Между тем на франко-германских переговорах вскрылись острые разногласия. Напряженность возрастала с каждым днем. Францию твердо поддерживала Англия. 8(21) июля канцлер казначейства Д. Ллойд

Джордж выступил с прямым предупреждением в адрес Германии. Речь Ллойд Джорджа обнажила англо-германский антагонизм и вызвала ярость в германских шовинистических кругах. В то же время она отрезвляюще подействовала на германских политиков. В России к речи Ллойд Джорджа отнеслись с пониманием. В печати высказывались надежды, что она умерит германские требования. 17(30) июля Нератов в письме Остен-Сакену высказал убеждение, что конфликтующие державы сумеют найти взаимоприемлемый исход³⁸.

Переговоры между Францией и Германией продвигались с большим трудом. Торговались по каждому, даже мелкому вопросу. Российская дипломатия стремилась склонить к благоразумию не только Берлин, но и Париж. С этой целью Извольский, уже в качестве посла России во Франции, встречался с членами кабинета Кайо, начальником Генерального штаба Дюбайлем, редактором влиятельной «Матэн» Гедеманом. Он убеждал министра иностранных дел де Сельва, что ради свободы действий в Марокко стоит пойти на уступки Германии в Конго³⁹.

Очень важная беседа произошла у Извольского с Кайо 7(20) августа. Глава французского кабинета высказал предположение, что парламент может отвергнуть уступки Германии и тогда возникнет опасность войны. Извольский выразил личное мнение, что Россия не может ввязываться в войну из-за африканских дел. Далее Кайо поставил вопрос о возможности посредничества России, если переговоры окончательно зайдут в тупик. Посол полагал, что «даже самый справедливый компромисс при нынешнем возбуждении умов вызовет с обеих сторон одинаковое неудовольствие против посредника». Царь позднее одобрил соображения Извольского⁴⁰.

Французские министры не удовлетворились объяснениями посла и решили обратиться непосредственно к руководящим деятелям России. В Петербурге Жорж Луи от имени французского кабинета выразил надежду, что Россия не откажет союзнице не только в дипломатической, но в случае необходимости и в военной помощи. На специальной аудиенции посол указал Николаю II, что Марокко представляет для Франции столь же важный жизненный интерес, как Кавказ или контроль над Черным морем для России. Царь ответил на это: «Старайтесь избежать конфликтов. Вы знаете, что наши приготовления не закончены»⁴¹.

В связи с этим Нератов в телеграмме Извольскому от 17(30) августа отмечал, что франко-русская военная конвенция носит исключительно оборонительный характер; согласно ее статьям, Россия должна выступить на помощь Франции только в случае нападения на нее Германии. Нератов указывал, что военное столкновение из-за колониального спора не может вызвать в России подъема профранцузских настроений. Он подчеркивал также, что преобразования в русской армии не доведены до конца⁴².

Таким образом, во время агадирского кризиса был вновь поднят вопрос о применимости франко-русских союзных обязательств. Позиция России, в значительной мере определявшаяся ее военной неподготовленностью, оказалась сходной с позицией Франции в 1909 году. Подтвердилось, что в ситуациях, не определенных военной конвенцией, *casus foederis* подлежит специальному согласованию.

В последней декаде сентября, когда выяснилось, что франко-германские переговоры клонятся к благоприятному концу, Нератов возбудил вопрос о компенсациях, которые можно было бы получить от Франции взамен льгот, приобретаемых ею не без содействия России в Марокко. После обмена мнениями с новым председателем Совета министров Кокцовым он 22 сентября направил инструкции Извольскому. Российский МИД заранее соглашался на все, о чем союзница сумеет договориться с Германией. Он хотел, однако, чтобы Франция, со своей стороны, обещала оказать поддержку русским интересам в черноморских проливах и в Северном Китае. Нератов предлагал послу добиться заверений в письменной форме и сообщал желательные Петербургу формулировки. 28 сентября Извольский приступил к переговорам с министром иностранных дел де Сельвом. Тот в общей форме выразил готовность обсудить поставленные вопросы, но от конкретного их рассмотрения уклонился⁴³. Тактики проволочек французский дипломат придерживался и в дальнейшем.

Между тем агадирский кризис завершился 22 октября (4 ноября) подписанием компромиссного соглашения, более выгодного Франции. Правящие круги и печать России отнеслись к нему одобрительно, поскольку удалось мирно выйти из конфликтной ситуации и на время приглушить страсти.

Но прошло еще больше двух месяцев, пока де Сельв передал Извольскому письменный ответ на вопросы российской стороны о проливах и Северном Китае. По оценке посла, он был составлен «если не в уклончивых, то в общих выражениях». Все же Извольский считал полученный результат не лишенным ценности. Он находил возможным продолжить переговоры, хотя момент уже не казался ему удачным⁴⁴. Действительно, благоприятное время, когда союзница остро нуждалась в российской поддержке, было упущено.

Россия и первый этап Итало-турецкой войны. Империалистически настроенные круги Италии давно вынашивали захватнические планы в отношении североафриканских территорий Османской империи. В Риме решили использовать обстановку, когда великие державы были поглощены марокканским кризисом. Летом 1911 года в королевстве была развернута пропагандистская кампания против мнимых притеснений и ограничений деятельности итальянских предпринимателей

в Триполитании и Киренаике. Итало-турецкие отношения обострились. Россия по секретному соглашению в Раккониджи обязалась благожелательно относиться к итальянским интересам в указанных областях. Вместе с тем она опасалась, как бы итало-турецкие коллизии не привели к войне, преждевременно поставив на повестку дня восточный вопрос.

Российское правительство обменивалось по этому поводу мнениями с другими европейскими державами. Все они по разным причинам предпочли занять позицию невмешательства, по-видимому, надеясь, что Италия не пойдет на развязывание войны. Однако 8(21) сентября Италия предъявила Турции ультиматум и, несмотря на весьма уступчивый ответ Порты, начала военные действия. Итальянские войска добились успехов в Северной Африке, заняв город Триполи и ряд других пунктов на побережье.

Для России было особенно важно, чтобы военные действия не вышли за пределы Африканского континента. Она приняла участие в обсуждении великими державами вопроса о посредничестве в возникшем конфликте. С такой просьбой обратилась к ним попавшая в тяжелое положение Турция. Но договориться о посредничестве помешали державам различия в их интересах. К тому же Италия не желала постороннего вмешательства. Узнав об этом, в Петербурге решили, что время для усилий в пользу мира еще не наступило; после оккупации Триполитании и Киренаики, если державы договорятся о совместных действиях, России следует присоединиться. Правящие круги страны были обеспокоены тем, как бы Итало-турецкая война не нанесла ущерба вывозу русского хлеба.

24 октября (6 ноября) 1911 года правительство Италии провозгласило аннексию Триполитании и Киренаики. Ни одна из великих держав не выступила с протестом. На соответствующем донесении посла из Рима Николай II написал: «Почему же не признать совершившегося факта?»⁴⁵

Между тем наступление итальянских войск в Северной Африке было приостановлено турками. Тогда Италия заявила о намерении перенести военные действия в Восточное Средиземноморье. Это вызвало беспокойство других держав, опасавшихся за свои интересы. Русскую дипломатию тревожило положение на Балканах и Ближнем Востоке. Турция угрожала ответить на расширение итальянской агрессии закрытием Дарданелл. Торгово-промышленные и помещичьи круги России требовали от своего правительства не допустить остановки экспорта хлеба. В Рим и Стамбул были отправлены предупреждения⁴⁶.

Россия попыталась также организовать коллективный демарш протеста держав. Но ни одна из западноевропейских стран не пожелала выступить ни в Стамбуле, ни в Риме. Во всеподданнейшей записке Сазонов констатировал отсутствие достаточной солидарности великих дер-

жав для принятия предупредительных мер против закрытия проливов⁴⁷. Остроту положения разрядило решение правительства Италии временно воздержаться от перенесения военных действий на Ближний Восток.

В декабре 1911 года Сазонов предложил великим державам возобновить обмен мнениями о возможных условиях примирения воюющих сторон. Сам он надеялся, что удастся убедить Турцию согласиться на отторжение Триполитании и Киренаики, если избавить ее от ущемляющих престиж формулировок в мирном договоре. Сазонов рассчитывал склонить Италию к выплате Турции денежной компенсации за аннексию⁴⁸.

Однако организовать совместные посреднические действия великих держав было весьма нелегко. Англия возражала против коллективных акций стран Тройственного согласия в этом вопросе. Франция считала, что надо предварительно прозондировать почву в Стамбуле. Германия и Австро-Венгрия дали уклончивые ответы. В Турции предложенные Сазоновым основы урегулирования сочли неприемлемыми. К середине января 1912 года примирительные усилия русской дипломатии зашли в тупик.

Итальянское правительство вновь стало помышлять о перенесении военных действий в район Эгейского моря и Дарданелл. Это побудило великие державы преодолеть свои разногласия. 25 февраля (9 марта) они выступили в Риме с предложением о дружественном посредничестве. Италия в принципе не возражала, но выдвинула условие признания ее полного суверенитета над Триполитанией и Киренаикой.

Демарш Чарыкова. В ходе агадирского кризиса и Итало-турецкой войны МИД России предпринял попытку использовать ситуацию в целях лучшего обеспечения интересов страны на Ближнем и Дальнем Востоке. Из ближневосточных вопросов на первом плане стояла проблема проливов, а затем — железнодорожного строительства в Османской империи поблизости от русских границ. Правительство России было также обеспокоено стремлением Турции значительно усилить свой военно-морской флот. В июле 1911 года Сазонов и военный министр Сухоминов обменялись мнениями и пришли к заключению, что ввиду такой перспективы следует добиваться от Турции права прохода русских военных судов через проливы⁴⁹.

На следующий день после начала Италией войны против Турции А.А. Нератов, возглавлявший МИД вследствие болезни Сазонова, и русский посол в Стамбуле Н.В. Чарыков сочли, что наступил самый подходящий момент для новой попытке изменения режима проливов для русских военных кораблей. На этот раз решили сначала договариваться непосредственно с самой Турцией, над которой нависла угроза со стороны не только Италии, но и балканских государств, готовых воспользоваться Итало-турецкой войной.

Нератов поручил Чарыкову приступить к неофициальным переговорам с турецким правительством с величайшей осторожностью, «не придавая, однако, своему обращению к Порте характера резких и бесповоротных настояний»⁵⁰. Поэтому была выбрана форма личного обращения Чарыкова к великому визирию. В присланном из Петербурга проекте русско-турецкой декларации первым пунктом стоял вопрос о пересмотре железнодорожного соглашения 1900 года, запрещавшего строительство в приграничных с Россией северных и северо-западных вилайетах. Исключение делалось только для России. Царское правительство было готово отказаться от своих привилегий, стеснявших турецкие власти. В случае благоприятного развития переговоров по этому вопросу Нератов предлагал перейти ко второму — главному — пункту соглашения — об изменении режима черноморских проливов.

Русский посол в Париже Извольский, узнав о том, что его недавнему соратнику Чарыкову поручены переговоры с Турцией, сразу же выразил опасения, что «со свойственной ему стремительностью он слишком поспешит и испортит дело»⁵¹. И действительно, Чарыков нарушил инструкции из Петербурга. Вместо рекомендованной Нератовым очередности в обсуждении пунктов русско-турецкого соглашения он вручил великому визирию 12 октября 1911 года весь проект полностью.

В отношении черноморских проливов в проекте было сказано: «Российское правительство обязуется оказывать оттоманскому правительству действительную поддержку для сохранения нынешнего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя упомянутую поддержку равным образом на прилегающие территории в случае, если этим последним будут угрожать иностранные военные силы.

С целью облегчить выполнение указанного условия императорское оттоманское правительство обязуется со своей стороны не противодействовать прохождению русских военных судов через проливы, при условии, что эти суда не будут останавливаться в водах проливов, если это не будет особо обусловлено.

Применение такого толкования конвенции, заключенной в Лондоне 1(13) марта 1871 года, остается подчиненным предварительному соглашению других держав, подписавших упомянутую конвенцию»⁵².

Чарыков убеждал великого визирия в выгодности совместной обороны проливов Турцией и Россией для безопасности Черноморского побережья обеих стран. «Если рядом с турецкой эскадрой станет русская эскадра, — говорил он, — и если русские минные и иные военные техники помогут турецким техникам оборонять проливы, то через них никто не пройдет». Другой аргумент был для турецкого правительства, очевидно, более веским: русский посол обещал употребить все влияние России для сдерживания Балканских государств.

Великий визирь с самого начала повел двойную игру. Он не отверг русских предложений, но избрал тактику проволочек. Тем временем, вопреки обещанию держать дело в секрете, он известил о нем Лондон, Париж и Берлин. Когда МИД России оповестил Францию и Англию о предпринятых шагах, им уже все было известно⁵³. Между Лондоном и Парижем начался обмен мнениями по поводу инициативы русской дипломатии. В Форин-офисе Бенкендорфу дали понять, что время для такого рода предложений Турции нельзя признать удачным вследствие Итало-турецкой войны⁵⁴.

Все же русская дипломатия не прекращала своих усилий. Чарыков уверял визиря, что голос России может иметь решающее значение при определении условий мира, так как она не состоит в союзе с Италией и не имеет прямых интересов на Средиземном море⁵⁵. Но Саид Халим не попался на эту приманку. Он попросил еще неделю для ответа. За это время турецкие дипломаты постарались заручиться поддержкой Англии как в деле мирного урегулирования с Италией, так и в вопросе о проливах. Лондону было предложено нечто вроде союза. Однако британское правительство предпочло балансировать между Италией и Турцией.

Безуспешным оказалось и новое обращение Нератова за поддержкой в Лондон и Париж. Оба партнера России, имевшие свои серьезные интересы на Ближнем Востоке, не пожелали поступиться ими.

Согласованную линию вели Германия и Австро-Венгрия. В Берлине предпочитали открыто не выступать против русских пожеланий, рассчитывая поссорить Россию с Англией⁵⁶. Аналогичную позицию заняла Австро-Венгрия.

14(27) ноября после долгих проволочек между Чарыковым и министром иностранных дел Ассим-беем начались объяснения по поводу русских предложений. Первым обсуждался железнодорожный вопрос. Несмотря на уступчивую позицию России, турецкая сторона не спешила достигнуть соглашения, пока оставались нерешенными более важные проблемы. Она вновь обратилась к Англии за советом по поводу предлагаемых Россией гарантий. Из Лондона пришел ответ, что для решения возбужденных Петербургом вопросов необходимо согласие всех великих держав. Тем самым давалось понять, что Англия русское предложение не поддерживает. Подобную же позицию заняла Франция. Поступали сведения, что германский посол в Стамбуле по секрету настраивает турецких министров против русского проекта.

Сазонов, возвращавшийся после болезни к исполнению своих обязанностей и находившийся в тот момент в Париже, дал указание Чарыкову придать переговорам характер «частного обмена мыслями». Вскоре сведения о них просочились на страницы французской печати. Стало также известно об отрицательном отношении Англии. 2(15) декабря

Сазонов по телеграфу предписал Чарыкову прекратить переговоры⁵⁷. Русская дипломатия пошла на попятный, Чарыков заявил Ассим-бею, что Россия не хочет использовать затруднительное положение Турции. Проблема проливов была исключена из дальнейших переговоров, а железнодорожный вопрос вскоре стал предметом обсуждения между тремя заинтересованными странами — Россией, Турцией и Францией. Инициатива русской дипломатии не привела к желаемой цели, натолкнувшись на недоверие Турции и скрытое противодействие других держав, как германской группировки, так и Антанты.

3. Дальневосточная политика России

Подавив революцию, царское правительство сосредоточило преимущественное внимание на европейских и ближневосточных проблемах. На Дальнем Востоке преследовалась сначала ограниченная цель — сохранить существующие позиции.

В Петербурге рассчитывали, что русско-японские соглашения 1907 года наряду с англо-русской конвенцией стабилизируют положение в Азии. Эти соглашения действительно урегулировали ряд спорных вопросов, но одновременно вызвали появление новых проблем. Договор о торговле и мореплавании и рыболовная конвенция создали благоприятные условия для японской экономической экспансии на дальневосточной окраине России. Конкурентная борьба на рынках Маньчжурии складывалась в пользу Японии. Из Кореи Россия была практически вытеснена. А главное — Страна восходящего солнца продолжала быстрыми темпами наращивать военную мощь. В таких условиях Россия должна была принимать меры к укреплению обороны региона.

Большое значение приобретали вопросы хозяйственного освоения дальневосточных окраин. Считалось, что лишь заселение русскими обширных районов Приамурья, Уссурийского края и Камчатки может обеспечить сохранение их за Россией и укрепить ее положение на Дальнем Востоке.

Меры по укреплению обороны на Дальнем Востоке. В 1907 году началось строительство Амурской железной дороги протяженностью 2150 верст, которая должна была соединить Забайкалье с Хабаровском, способствовать освоению края и улучшению его военно-стратегического положения. Необходимость сооружения этого пути энергично отстаивал сам П.А. Столыпин. Проектная стоимость дороги вместе с потребным подвижным составом была определена в 350,5 млн руб., то есть примерно равнялась первоначальным сметным ассигнованиям на Транссибирскую магистраль. В апреле 1908 года законопроект о сооружении Амурской железной дороги был утвержден в Думе большинством голосов правых и октябристов. Против голосовали кадеты, трудовики

и социал-демократы. Разногласия среди поддерживавших правительство партий России по вопросу строительства Амурской дороги не были принципиальными. Кадеты считали, что на Дальний Восток не следует отвлекать значительные силы и средства, предпочтительнее искать союзников в регионе, прежде всего в лице Соединенных Штатов. Строительство дороги затянулось и было завершено лишь в годы мировой войны. Еще в 1907 году Совет государственной обороны принял решение к лету 1909 года создать на Амуре речную флотилию из 10 канонерских лодок. На практике, впрочем, ее формирование не было завершено ив 1910 году.

В феврале 1909 года генерал-губернатор Приамурья П.Ф. Унтербергер в записке «Неотложные нужды Приамурья», направленной Столыпину, предрекал неизбежность нового военного выступления Японии на Азиатском материке. В качестве мер противодействия ей Унтербергер предлагал «заселить край русскими, ускорить постройку Амурской железной дороги, укрепить Владивосток и устье Амура, усилить сухопутные войска и флот»⁵⁸.

Военное министерство, в свою очередь, добивалось увеличения вооруженных сил на Дальнем Востоке. В докладе, направленном в Совет министров в апреле 1909 года, Сухомлинов указывал на «военное могущество Японии» и утверждал, что нельзя больше сосредоточивать все силы России на западных границах⁵⁹. В ноябре 1909 года, вернувшись из поездки на Дальний Восток, министр финансов Коковцов в докладе царю констатировал, что морские силы России на Тихом океане «ничтожны» и сухопутная оборона Владивостока производит «почти столь же безотрадное впечатление». Коковцов делал, однако, вывод не в пользу увеличения вооружений на Дальнем Востоке, а рекомендовал установить «прочные добрососедские отношения» со странами региона. «Только при этом условии, — писал он, — мир на побережье Тихого океана может быть обеспечен прочно и на долгие годы»⁶⁰.

В конце ноября 1909 года Совет министров, обсудив военное положение России на Дальнем Востоке, принял решение немедленно приступить к укреплению Владивостока и построить необходимое количество боевых кораблей для морской обороны города. Вопрос об обороне Дальнего Востока рассматривался затем в связи с принятием общих военных планов. В программе развития морских вооружений России 1910 года предусматривалось израсходовать на усиление Тихоокеанского флота в течение 10 лет 34 млн руб. (Балтийскому флоту отпускалось 614 млн, а Черноморскому — 51 млн руб.)⁶¹.

Для серьезного укрепления сухопутных сил России на Дальнем Востоке делалось крайне мало. Правда, с 1910 года закон о всеобщей воинской повинности был распространен на Приамурский край, что дало

возможность несколько увеличить контингент войск мирного времени и создать кадры подготовленных резервистов. В апреле–мае 1911 года Дальний Восток посетил Сухомлинов. Ознакомившись с положением дел на месте, военный министр пришел к выводу о полной неподготовленности России на дальневосточных границах. У Владивостока, «на главном фронте нашей обороны с сухопутной стороны, работы находятся еще только в начальной стадии, — писал Сухомлинов. — ...Что касается морских сил, то можно считать, что их во Владивостоке совсем нет»⁶².

Принятые решения относительно укрепления Владивостока и усиления морской обороны осуществлялись так медленно, что не были завершены до 1917 года. Царский военно-бюрократический аппарат работал плохо. Ярko проявлялась межведомственная неурядица. Сухомлинов обвинял Коковцова в том, что Министерство финансов не предоставляет достаточных кредитов на нужды обороны. Коковцов в свою очередь доказывал, что военное ведомство не осваивает уже отпущенные кредиты.

Проблема заселения и экономического освоения русского Дальнего Востока. В правящих кругах царской России и в прессе того времени активно дебатировался вопрос о путях быстрее заселения и экономического освоения русского Дальнего Востока. Представители буржуазии надеялись, что заселение русского Дальнего Востока даст новые выгодные рынки сбыта, правые помещичьи партии полагали таким путем разрядить земельную тесноту в Центральной России и повысить роль России в международных делах региона.

В июле 1909 года Совет министров рассмотрел вопрос о подготовке к колонизации района Амурской дороги и постановил создать Комитет по заселению Дальнего Востока. По указанию царя председателем комитета был назначен сам Столыпин, а его заместителем — князь Васильчиков. В состав комитета вошли представители основных министерств, генерал-губернаторы Приамурья и Иркутска, а также губернаторы Приморской и Амурской областей. Комитет получил обширные полномочия⁶³.

В апреле 1910 года Николай II утвердил решение комитета об использовании для крестьянской колонизации громадных массивов пустующих земель, отведенных в свое время Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам, но оставшихся незанятыми. Был установлен ряд льгот для крестьян, переселявшихся на Дальний Восток. Крестьянское переселение в эти области было составной частью столыпинской аграрной политики, но внешнеполитические соображения побуждали уделять указанному направлению особое внимание.

Царскому правительству пришлось также заняться положением русских владений на крайнем северо-востоке Азии, невнимание к которым подвергалось критике в Государственной думе. Весной 1908 года

Совет министров принял решение выделить Камчатку и северные уезды в самостоятельную административную единицу, принять меры для охраны северо-востока Сибири от хищнической деятельности иностранных предпринимателей, построить там телеграфные линии и радиостанции⁶⁴, 17 июня 1909 г. был издан закон об административном переустройстве Приморской области и Сахалина. На основании этого закона была образована Камчатская область, включившая в свой состав Охотско-Камчатский край, Командорские острова и Чукотский полуостров. Местопребыванием губернатора Камчатской области стал Петропавловск. Однако за 1909–1911 годы на Камчатку удалось переселить лишь небольшое число крестьян.

Создание Камчатской области рассматривалось как первый шаг на пути к ограничению хозяйничанья иностранного капитала. Но для морской охраны побережья, почти не было сторожевых судов. На громадных пространствах Камчатской области совершенно отсутствовали войска регулярной армии. Имелось всего несколько десятков казаков Камчатской казачьей команды, которые исполняли функции полицейской стражи. Поэтому борьба с японским и американским хищническим промыслом и незаконной торговлей велась слабо. Губернатор Камчатской области признавал, что областная администрация «никакой реальной силы за собой не имеет»⁶⁵.

Осенью 1909 года было завершено сооружение телеграфной линии между Якутском и Охотском (протяжением более тысячи километров), проложенной в пустынной и труднопроходимой местности. К концу 1910 года вступили в строй радиотелеграфные станции в Петропавловске и Николаевске-на-Амуре. К 1911 году Петропавловск был соединен проволочным телеграфом с Охотском и рядом населенных пунктов Камчатки. Однако радиотелеграфные станции, планировавшиеся к постройке в бухте Провидения и на мысе Дежнёва, так и не были сооружены, и Чукотский полуостров остался без радиотелеграфной связи с остальной Россией.

В сентябре 1905 года московским купечеством был возбужден вопрос о закрытии режима порто-франко, то есть беспошлинного ввоза иностранных товаров на русский Дальний Восток, иначе российские предприниматели оказывались не в состоянии сохранить за собой рынки Приамурского края. Причинами этого служили организационно-техническая отсталость русских промышленных предприятий и высокая стоимость доставки товаров на Дальний Восток.

Дальневосточное купечество, тесно связанное с иностранным капиталом, выступило за сохранение порто-франко. Царское правительство тянуло с решением этого вопроса в течение трех лет, так как опасалось ухудшить взаимоотношения с заинтересованными державами. Законо-

проект о порто-франко был внесен на рассмотрение Государственной думы только в ноябре 1908 года и принят в начале 1909 года, в период боснийского, кризиса, когда царизм особенно нуждался в поддержке буржуазных партий. С 1(14) марта этого же года закон вступил в силу в Приамурском крае⁶⁶. Однако режим порто-франко сохранялся в Камчатской области, на Северном Сахалине и в портах побережья к северу от устья Амура, где в то время невозможно было установить таможенную охрану. Кроме того, продолжали действовать Русско-американский договор 1824 года и Русско-английский договор 1825 года, по которым гражданам этих двух стран разрешалась беспошлинная торговля с туземным населением крайнего северо-востока Сибири.

Царское правительство принимало специальные меры с целью создать лучшие условия для конкуренции отечественного капитала с иностранным предпринимательством. Так, оно ежегодно выплачивало крупные субсидии русским пароходным компаниям за поддержание «срочных сообщений» по рекам Амуру и Шилке, между Владивостоком и портами Охотско-Камчатского побережья и Чукотки, между Владивостоком и портами Китая, Кореи и Японии.

Поощрение переселенческого движения и строительство Амурской железной дороги привело к увеличению населения на русском Дальнем Востоке. В 1907 году в Приамурском генерал-губернаторстве проживали 520 тыс., а в 1913-м — более 900 тыс. человек, из них 200 тыс. — в городах. Фабрично-заводская промышленность была, однако, развита слабо. Быстро выросшие города — Благовещенск, Хабаровск, Владивосток и др. — были в основном административными и торговыми центрами.

Царское правительство потратило на укрепление позиций на Дальнем Востоке довольно большие средства. В 1909–1914 годах доходы казны с Приамурского генерал-губернаторства держались на уровне 15 млн руб. в год, а расходы на этот край возросли с 55 до 105 млн руб. в год⁶⁷. Много денег тратилось на поддержку КВЖД. Большая часть государственных средств оседала в руках отечественных и иностранных капиталистов, получавших различные субсидии и кредиты и выполнявших подряды по казенному строительству.

Соперничество США и Японии на Дальнем Востоке и позиция России. Правительство президента Т. Рузвельта рассчитывало, что Портсмутский мир сохранит и обострит русско-японское соперничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако его надежды не оправдались. Ослабленная войной и революцией Российская империя пошла на значительные уступки Японии, и, как пишет американский историк Г. Бил, Россия и Япония, заключив в 1907 году договор, «объединились, чтобы совместно противостоять другим нациям» на Дальнем Востоке⁶⁸. Японо-американские отношения продолжали обостряться в связи

с их соперничеством в Китае и ограничениями японской иммиграции в США. Большое недовольство американских правящих кругов вызвало укрепление военно-политических и экономических позиций Японии в Южной Маньчжурии. В таких условиях Т. Рузвельт решил прибегнуть к дипломатии «большой дубинки» и направить в тихоокеанские воды американский военный флот. В апреле 1908 года американская эскадра достигла Сан-Франциско. Пребыванию ее в этом городе был придан характер антияпонской демонстрации.

В Токио хорошо понимали смысл акции США. Но японские политики считали дальнейшее ухудшение отношений с Америкой опасным для интересов своей страны. Поэтому правительство микадо предложило, чтобы американская эскадра посетила Японию. Соединенные Штаты приняли это приглашение. В дальнейшем оба правительства делали вид, что поход американской эскадры носит характер дружественного визита и призван послужить улучшению отношений двух держав. Объединить усилия двух соперников побудила национально-освободительная борьба народов Китая и Кореи.

Государственный департамент США повел секретные переговоры с Японией. 17(30) ноября 1908 года государственный секретарь США Э. Рут и японский посол в США К. Такахира обменялись тождественными нотами по вопросам дальневосточной политики. Это соглашение основывалось на признании статус-кво, сложившегося в бассейне Тихого океана. Таким образом правительство Соединенных Штатов признавало протекторат Японии над Кореей, японское господство в Квантунской области и ее преимущества в некоторых других районах Китая. В то же время в нотах декларативно подтверждались независимость Китая и принцип равных возможностей для всех государств на его территории. Соглашение предусматривало координацию действий участников в обширном Тихоокеанском регионе⁶⁹.

Царская дипломатия внимательно следила за развитием японоамериканских отношений. Российский посол в Токио Малевский-Малевич расценивал соглашение Рута — Такахиры как «крупный успех Японии в постепенном развитии японского влияния на Азиатском материке». Он обращал внимание на то, что эта сделка идет значительно дальше русско-японского и русско-французского соглашений 1907 года, предусматривая общность действий договаривающихся сторон в случае нарушения принципа «открытых дверей», причем даже без указания на мирный характер мер, которые могли бы быть приняты⁷⁰.

В правящих кругах России высказывались опасения, как бы Япония, укрепив свое положение, не усилила теперь давление на русские позиции. В случае же присоединения России к японо-американскому соглашению могли ухудшиться русско-китайские отношения, что представля-

лось нежелательным. Поэтому МИД принял одобренное царем решение: ограничить «переговоры с Америкой вопросами об охране коммерческого равноправия и территориальной неприкосновенности на Тихом океане, совершенно исключив попечение над Китаем». Последний предполагалось даже привлечь к переговорам «как равноправную тихоокеанскую державу»⁷¹. Однако эта инициатива не нашла поддержки у правительства США. Русский посол в Вашингтоне Розен, ссылаясь на государственного секретаря Бэкона, сообщал, что на подобное соглашение «не пойдет американский сенат». Розен констатировал также, что на помощь США против Японии рассчитывать нельзя⁷².

Для развития русско-китайских отношений большое значение имело подписанное 27 апреля (10 мая) 1909 года предварительное соглашение о порядке управления в полосе отчуждения КВЖД. По этому соглашению на землях Общества Китайской Восточной железной дороги «как основной принцип» признавались верховные права Китая, нарушать которые не могли ни «управление железной дороги, ни общественные управления». Другой важный принцип состоял в том, что «на землях Общества Китайской Восточной железной дороги как китайское, так и иностранное население должно было пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковые повинности»⁷³. Это соглашение, учитывавшее некоторые пожелания Китая, вызвало протесты со стороны США, Германии, Австро-Венгрии и Англии, которые отстаивали привилегированное положение иностранцев.

Соединенные Штаты неоднократно предпринимали попытки укрепиться в Северо-Восточном Китае посредством «интернационализации» Маньчжурии и выкупа КВЖД и ЮМЖД у России и Японии международным синдикатом банкиров.

В декабре 1908 года с такой инициативой выступил государственный секретарь США Нокс. Американский посол в Петербурге Рокхилл безуспешно пытался убедить Извольского поддержать обширный план американских действий на Дальнем Востоке и идти рука об руку в маньчжурских делах⁷⁴. Соединенные Штаты сделали попытку привлечь к участию в своем предприятии также Англию, но она не согласилась.

Япония и Россия, имевшие союзников в лице Англии и Франции, были достаточно сильны, чтобы отвергнуть план Нокса. Принять его они не могли уже потому, что, будучи странами экономически менее развитыми, не выдержали бы торговой конкуренции.

30 декабря 1909 года предложение США обсуждал Совет министров России. Извольский заявил, что хотя он и не является сторонником активной политики России на Дальнем Востоке, но «ликвидация создавшегося там положения может быть произведена лишь на выгодных для России и не нарушающих ее достоинств условиях. Этим требованиям

предложение Соединенных Штатов не отвечает». Затем он отметил, что принятие предложения США вызовет «осложнения с Японией», так как Япония решительно выступает против американского плана. Позицию Извольского поддержали Столыпин и другие члены правительства. Предложение США о «коммерческой нейтрализации» КВЖД было отвергнуто на том основании, что эта дорога исключительно важна для России: она является «неразрывным звеном Великого сибирского пути, которым пользуется почти вся Западная Европа», и средством связи России с ее владениями на Дальнем Востоке⁷⁵.

Русско-японское соглашение. Отношения между Россией и Японией и после подписания общеполитического соглашения 1907 года продолжали оставаться нестабильными и натянутыми. Настороженность и подозрительность Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергерера и его окружения к возможным военным провокациям Японии подогревались не только постоянными нарушениями японцами пограничного режима России на Дальнем Востоке, но и периодически вспыхивавшими в японской печати кампаниями за необходимость пересмотра условий Портсмутского договора. Унтербергер считал, что основной целью Японии остается оттеснение России от берегов Тихого океана и ничто не мешает ей захватить Владивосток и Приамурье ввиду полной беззащитности России в этом регионе. Генерал высказывал свои опасения в многочисленных записках, докладах, срочных телеграммах, направляемых в Совет министров и МИД, а также изложил их для более широкого круга читателей в виде брошюры «Серьезность нашего положения на Дальнем Востоке». Русская пресса тут же подхватила шедшую с Дальнего Востока по разным каналам информацию, создавая нервную обстановку и в столицах. Особенно усердствовало «Новое время», выступавшее с националистических позиций и требовавшее решительного отпора японским домогательствам.

Панические настроения достигли своего апогея осенью 1909 года. Офицеры стали отправлять свои семьи в Россию, а крупные фирмы начали сворачивать свои операции, ссылаясь на заявления местных властей о близости войны с Японией.

Руководство МИД отдавало отчет в серьезности военно-политического положения России на Дальнем Востоке, но считало, что поднятая местной администрацией паника только мешает складыванию общности интересов России и Японии в Дальневосточном регионе, затрудняет начало нового раунда сближения между обеими странами. 2 декабря 1909 года МИД опубликовал специальное сообщение, в котором решительно отвергались панические слухи и утверждалось, что в русско-японских отношениях «наблюдается полная взаимная предупредительность и готовность, разрешить все возможные вопросы путем мирных

дружественных соглашений»^{75а}. Для противодействия американской экспансии японские дипломаты предложили России заключить союз. В ноябре 1909 года посол Мотоно обсуждал этот вопрос с Извольским. Последний отклонил идею союза, указав на недовольство и опасения, которые он мог бы вызвать в Китае. Министр, со своей стороны, предложил «найти такую форму соглашения, к которой можно было бы привлечь и Китай». Однако Мотоно заявил, что «Япония не верит в возрождение Китая и обязана готовиться к тому времени, когда наступит неизбежное разложение Поднебесной империи»⁷⁶. В итоге решено было ограничиться заключением русско-японского политического соглашения.

Принципиальное решение в пользу соглашения с Японией было принято царским правительством 28 ноября (11 декабря) 1909 года на Особом совещании под председательством Столыпина. Извольский признал, что заключение русско-японского соглашения «несколько охладит» русско-американские отношения, но это не представляет угрозы для России. «Америка нам войны по этому поводу не объявит и флота в Харбин не пришлет, — говорил Извольский, — тогда как Япония в этом отношении гораздо опаснее и нам весьма важно считаться с этим обстоятельством»⁷⁷. Точку зрения Извольского поддержали военный и морской министры.

Царское правительство хотело, чтобы новое соглашение с Японией гарантировало сложившийся на Дальнем Востоке статус-кво и противопоставило американскому нажиму в Северо-Восточном Китае объединенный русско-японский фронт. Правительство микадо стремилось использовать соглашение для дальнейшего наступления на Китай и в качестве противовеса США. В беседе с русским послом в Токио член генро (совета старейших государственных деятелей Японии) маркиз Иноуэ говорил, что «в более или менее близком будущем может возникнуть вопрос о разделе Китая». Поэтому двум державам следовало бы объединиться для того, чтобы совместно отстаивать свои интересы и не допустить укрепления там США⁷⁸.

21 июня (4 июля) 1910 года русско-японское соглашение было подписано. В открытой его части стороны обязались «поддерживать и уважать статус-кво в Маньчжурии», а в случае возникновения обстоятельств, угрожающих этому, договориться о мерах для сохранения существующего положения. Это обязательство и составляло главную суть соглашения. Кроме того, договаривающиеся стороны обещали оказывать друг другу содействие в деле улучшения работы Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, «воздерживаясь от всякого соревнования в достижении этой цели».

В секретной части соглашения подтверждалась демаркационная линия, разделявшая японскую и русскую сферы влияния в Северо-Восточ-

ном Китае. Япония и Россия взаимно обязались «не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах». Они признавали право каждой стороны принимать в своей сфере «все необходимые меры ограждения и защиты этих интересов», а также «воздерживаться от всякой политической активности в сфере специальных интересов другой стороны в Маньчжурии»⁷⁹.

Хотя новое русско-японское соглашение было непосредственно посвящено маньчжурским вопросам, оно подтверждало прежние договоренности, определявшие политику двух держав в Восточной Азии. Соглашение 1910 года стало также составной частью процесса формирования антигерманского блока накануне мировой войны. Прежде чем подписать его, царское правительство информировало Париж и Лондон и получило их одобрение. Вскоре после подписания соглашения Франция и Англия предоставили Японии очередные займы.

Русско-китайские отношения. Весьма важным вопросом дальневосточной политики России оставались отношения с Китаем. Хотя идея восстановления русско-китайского союза была отодвинута развитием связей с Японией, в Петербурге преобладало мнение о важности поддержания с Поднебесной империей дружественных отношений. В 1909 году Пекин посетил в качестве представителя Николая II генерал Палицын — член Государственного совета, бывший начальник Генерального штаба. По возвращении Палицын писал о больших изменениях, происшедших в Китае. Он отмечал создание регулярной армии современного типа, рост революционного движения в южных и центральных провинциях Китая, подчеркивал громадное «политическое значение Китая в Азии» и делал вывод о том, что «России необходимо сохранить наши добрососедские отношения с Китаем»⁸⁰.

Министр финансов Коковцов предлагал придерживаться в отношении Китая «совершенно дружелюбной, но в то же время энергичной и свободной от частых компромиссов политики»⁸¹. Вскоре после подписания русско-японского соглашения 1910 года Извольский в письме на имя русского представителя в Пекине сформулировал свои взгляды на взаимоотношения с Китаем следующим образом: «...мы не предполагаем игнорировать необходимость для нас добрососедских отношений с соседнею Китайской империей: мысль об этой необходимости должна проходить красной нитью в наших отношениях с китайским правительством по делам текущей политики... с твердостью отстаивая наши законные права, мы отнюдь не намерены покушаться на суверенные права Китая, поскольку они не противоречат совокупности наших с ним договорных отношений»⁸². Как видим, царские министры ставили перед собой трудную задачу: поддерживать дружественные отношения с цин-

ским правительством и в то же время сохранять уже захваченные позиции в Китае.

Российские дипломаты, воспитанные в традициях великодержавия, болезненно реагировали на всякое умаление престижа своей страны. Это явственно проявилось, когда в октябре 1910 года по инициативе США последовало соглашение американской, английской, германской и французской банковских групп о создании консорциума для предоставления займов Китаю. Речь шла, в частности, о займах на железнодорожное строительство в Маньчжурии, что вызвало резкие возражения со стороны России и Японии. Противоречия держав, а затем начавшаяся в Китае революция задержали деятельность консорциума.

Синьхайская буржуазная революция 1911–1913 годов свергла правящую маньчжурскую династию Цин, провозгласила Китай республикой, но не смогла уничтожить феодальные отношения и подорвать позиции великих держав в Китае. Она оказала заметное влияние на международные отношения на Дальнем Востоке и способствовала подъему национально-освободительного движения в других странах Азии. Великие державы стремились к быстрейшему подавлению революции. Япония и США рассматривали вопрос об организации коллективной интервенции. Россия на первом этапе революции выступила против открытого вмешательства. В октябре 1911 года А.А. Нератов в ответ на запрос Госдепартамента США заявил, что в настоящий момент нет необходимости вмешиваться в китайские дела⁸³. В апреле 1912 года министр иностранных дел С.Д. Сазонов, выступая в Государственной думе, говорил, что Россия с самого начала кризиса в Китае решила «держаться нейтрально к происходящей там борьбе, стремясь к ограждению» собственных интересов⁸⁴.

Большую роль в русско-китайских отношениях играли вопросы торговли, хотя общий объем товарооборота между двумя странами был не особенно велик⁸⁵. Русские товары выдерживали конкуренцию на рынках Китая с товарами более развитых государств прежде всего благодаря льготам и преимуществам по сухопутной торговле, полученным по договору 1881 года, а также благодаря правительственной поддержке (вывозные премии). Когда Россия объявила об отмене порто-франко в Приамурском крае, китайские власти, со своей стороны, учредили таможи и заставы, на которых с русских товаров стали взиматься повышенные пошлины. В феврале 1911 года российский МИД направил в Пекин ноту с требованием соблюдать торговый договор 1881 года. Нота заканчивалась угрозой, что в противном случае правительство России «предоставит себе свободу избрать все доступные ему меры для восстановления попираемых договорных прав российского правительства и русских подданных»⁸⁶.

Заявление Петербурга не было пустой угрозой: Совет министров России принял решение настоять на своем с помощью военной демонстрации. Обсуждались три возможных места на границе — Северная Маньчжурия, Урянхайский и Илийский (Кульджа) края. Остановились на последнем, и в Семиреченской области был подготовлен отряд. В марте этот отряд выдвинулся на Айгун-Цицикарский тракт⁸⁷.

Министр иностранных дел Китая ответил русскому посланнику Коростовцу, что китайское правительство «вначале предполагало денонсировать договор 1881 года, но теперь намерено предложить его подтверждение с частичным исправлением и добавлениями, необходимыми в связи с изменившимися обстоятельствами». Министр признал, что денонсация и полный пересмотр договора «невыгодны ни для Китая, ни для России, ибо этим обстоятельством воспользуется Япония для получения таких же льгот»⁸⁸. Переговоры, однако, затянулись, а затем в связи с падением монархии и образованием в Китае республики прервались. 31 марта 1912 года Сазонов дал указание посланнику в Пекине Крупенскому вступить в переговоры с Юань Шикаем относительно продления срока действия договора 1881 года на 10 лет, оставив его без изменений, «условившись с китайцами лишь об отмене льготной пятидесятиверстной полосы как на русской, так и на китайской стороне сухопутной границы»⁸⁹.

В ходе переговоров правительство Юань Шикая пыталось увязать продление торгового договора с признанием Китайской республики и урегулированием других вопросов взаимных отношений.

Тогда царское правительство решило прибегнуть к мерам дипломатического давления. Вопрос рассматривался на заседании Совета министров в августе 1912 года. Правительство постановило:

1) поручить министру иностранных дел передать Китаю заявление, что Россия признает договор 1881 года «сохраняющим силу на новое десятилетие»; 2) признать, что льготная 50-верстная полоса для беспошлинной торговли отменяется на русской границе с 1 января 1913 года.

24 августа 1912 года российский посланник в Пекине передал соответствующую ноту⁹⁰. Правительство Юань Шикая было вынуждено согласиться на продление договора 1881 года. При этом оно внесло предложение об отмене льготных пошлин на товары, ввозившиеся в Китай по сухопутной границе, с чем Петербург, в свою очередь, согласился. Как видим, декларируя стремление поддерживать хорошие отношения с Китаем, царское правительство намеревалось сохранить там свои позиции, используя как методы давления, так и различные сделки с китайскими властями.

Обстановка во Внешней Монголии и политика России. Значительное влияние на связи с Китаем стали оказывать события во Внешней Монго-

лии (Халхе). Она в течение длительного времени господства маньчжуров пользовалась внутренней автономией. Но в 1908 году последовал императорский указ об учреждении в Урге китайского губернаторства. В июле 1911 года в Пекине состоялось совещание высших сановников, на котором были намечены меры с целью окончательной ликвидации автономии Внешней Монголии и превращения ее в китайскую провинцию. Эта колонизаторская мера вызвала в крае взрыв недовольства.

Летом 1911 года в Урге состоялся съезд князей и представителей высшего ламаистского духовенства, который принял решение обратиться с просьбой о принятии Халхи под протекторат России и с этой целью направить делегацию в Петербург⁹¹. По свидетельству управляющего русским консульством в Урге Лавдовского, монгольские князья хотели заручиться обязательством России защищать Монголию от внешних врагов при условии сохранения самоуправления и «неприкосновенности кочевого быта» монголов. Русский посланник в Пекине Коростовец считал, что невмешательство в монголо-китайские отношения ослабило бы торговое и политическое влияние России в Монголии и подорвало бы ее престиж на Востоке. Напротив, посредничество в китайско-монгольском конфликте могло бы принести «известные выгоды»⁹².

В августе 1911 года монгольская делегация прибыла в Петербург, 4(17) августа вопрос о политике в Монголии обсуждался на Особом совещании по делам Дальнего Востока под председательством Столыпина. Совещание констатировало, что «в настоящее время, [когда] императорское правительство принуждено принимать деятельное участие в решении разных острых вопросов на Ближнем и Среднем Востоке, принимать на себя деятельную роль в монгольском вопросе и тем ослаблять наше внимание на делах Запада было бы весьма нежелательно». Одновременно указывалось, что намеченные Китаем в Монголии преобразования, особенно же концентрация там маньчжурских вооруженных сил, противоречат интересам России. Поэтому было намечено, «не выступая активно в монгольском вопросе и не принимая на себя обязательства силою оружия отстаивать задуманное монголами Халхи отложение от Китая», выступить посредником между конфликтующими сторонами и поддерживать «дипломатическим путем стремления монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами — императорами дайцинской династии»⁹³. Предполагалось убедить правительство Китая отказаться от намеченных в Монголии «реформ», а монгольской делегации «объяснить невыполнимость в настоящую минуту задуманного монголами полного отложения от Китая», но обещать поддержку России в борьбе за сохранение «самобытного строя Халхи». Подобная позиция не могла удовлетворить ни цинское правительство, вставшее на путь полного подчинения Монголии, ни самих монголов.

Переговоры посланника в Пекине по монгольскому вопросу продвигались медленно. Цинские чиновники утверждали, что политика Китая в Монголии не представляет опасности для России, а оппозиция монголов по отношению к проводимым реформам «объясняется их косностью». Все же давление царской дипломатии и обострение внутреннего положения в связи с начавшейся Синьхайской революцией заставили цинское правительство пойти на уступки. Оно вынуждено было заявить о приостановке «реформ» в Монголии.

В ноябре 1911 года в Урге произошло восстание, окончившееся победой монголов. Маньчжурское господство было свергнуто и объявлено о создании независимой Монголии. Возникло монгольское феодально-теократическое государство во главе с Богдогэгэном Чжебцзун-дамбахутухтой.

Переворот в Урге вновь поставил перед российской дипломатией монгольский вопрос. Царское правительство стремилось к компромиссному соглашению между Монголией и Китаем, не забывая, конечно, об укреплении собственных позиций во Внешней Монголии. 8 (21) декабря 1911 года Сазонов в письме Коростовцу изложил взгляды Петербурга на случившееся. Он указывал, что «Россия не может принять на себя задачу по управлению Монголией». Министр считал необходимым добиваться, чтобы «Монголия оставалась в составе Китайской империи». При «создавшемся положении, — писал Сазонов, — нам предоставляется возможность выступить посредниками между китайцами и монголами и таким образом до некоторой степени обеспечить наши интересы в Монголии и в то же время оказать нашу услугу китайскому правительству. Наше положение в Монголии по-прежнему должно определяться договорами с пекинским правительством». В заключение он делал вывод, что Россия преследует в Монголии задачи «примирительного свойства». Русскому поверенному в делах в Пекине давалось указание добиваться заключения «между китайцами и монголами договора, обеспечивающего автономию Монголии»⁹⁴.

В иностранной прессе, в том числе китайской, стали появляться сообщения, что движение монголов якобы инспирировано царской Россией, которая преследует цель присоединить Внешнюю Монголию к своим владениям. В связи с этим в «Правительственном вестнике» было опубликовано сообщение МИД, в котором кратко освещались события в Монголии и отношение к ним России. В заключение указывалось, что Россия «не питает агрессивных замыслов в Монголии» и не желает, чтобы монголо-китайские отношения дошли до вооруженной борьбы⁹⁵.

Цинское правительство отклонило предложение России о посредничестве и заявило, что постарается достигнуть соглашения путем прямых переговоров. Однако эти попытки долго не приводили к успеху. Мон-

гольский народ продолжал борьбу за независимость, а его лидеры по-прежнему искали поддержки в Петербурге. Симпатии к России сложились под влиянием длительных добрососедских пограничных отношений и торговых связей. Известный американский специалист по истории Китая и Монголии О. Латтимор отмечает «традиционно мирные» отношения русских поселенцев с жителями «Северной Халхи»⁹⁶. Дипломатическая борьба по вопросу о статусе Внешней Монголии приняла затяжной характер, и только в 1913 году китайское правительство признало ее автономию.

Над внешней политикой царского правительства после Русско-японской войны и революции 1905–1907 годов довлела необходимость выгадать время для восстановления военной мощи, проведения реформ и укрепления финансов. Обстановка в Европе не раз накалялась в этот период до взрывоопасного предела. Более трезвые государственные деятели России, такие как Столыпин и Коковцов, являлись приверженцами осторожного курса.

Однако царизм не мог оставаться равнодушным зрителем событий, затрагивающих его великодержавные интересы. В среде господствующих классов зрела неудовлетворенность пассивностью правительства на фоне успехов других стран. Поэтому в Петербурге возобладало стремление, уклоняясь от международных столкновений, достичь результатов с помощью дипломатических комбинаций.

Российское правительство стремилось сохранить и развить сложившуюся систему международных связей, используя ее в целях как достижения внешнеполитической передышки, так и отстаивания своих интересов в возникавших коллизиях. Основой блоковой политики России оставался союз с Францией, соотношение сил в котором постепенно вновь выравнивалось. Расширились попытки использовать взаимодействие с Англией. Вместе с тем потерпело крах русско-австрийское соглашение. Царизму отчасти удалось выровнять соотношение сил путем соглашений с Италией и Германией. На Дальнем Востоке получили дальнейшее развитие русско-японские связи.

В этой несколько видоизменившейся системе Россия еще сохраняла некоторые возможности балансирования, имея соглашения с двумя державами каждого из противоположных союзов. В то же время усилилось действие тенденций притяжения Петербурга к Антанте и отдаления его от германского блока. Прежде всего быстро прогрессировало сближение между Францией и Англией, ставя Россию перед реальностью общих или сходных позиций западных держав. Продолжалось действие фактора привязанности к французскому и английскому денежным рынкам.

Консолидировались германо-австрийские связи, все более приобретающие антирусскую направленность. Италия, с которой удалось заключить сделку в Раккониджи, была теперь связана соглашениями не только с Францией, но и Россией и медленно дрейфовала в сторону Антанты.

Неблагоприятно для отношений с империями Гогенцоллернов и Габсбургов складывались настроения русской общественности. После боснийского кризиса весь спектр буржуазно-помещичьих партий России, кроме крайне правых, симпатизировал сближению с западными державами. В соглашении 1911 года с Германией русские буржуазные круги видели потенциальную угрозу своим экономическим интересам в Персии и на Ближнем Востоке. Под воздействием этих причин постепенно уменьшались возможности царизма балансировать.

Хотя радикальных изменений в механизме принятия внешнеполитических решений в этот период не произошло, нельзя не отметить после 1907 года усиления роли объединенного правительства. Столыпин своим стремлением поставить внешнюю политику под контроль Совета министров вызывал недовольство царя и придворных кругов. Его менее решительный преемник Коковцов, однако, следовал той же линии, более отвечавшей потребностям времени.

Проведение политики соглашений и балансирования пока позволяло России обеспечить себе столь нужную внешнеполитическую передышку. Гораздо меньше преуспело царское правительство в отстаивании своих более частных международных интересов. Здесь «рычаг без точки опоры» срабатывал лишь в тех случаях, когда западные державы были сами кровно заинтересованы в русской поддержке.

Часть вторая
1912–1917 годы

Глава VIII. Внешнеполитическое руководство России накануне и во время Первой мировой войны

1911 год во внешней политике России и международных отношениях обозначил определенный рубеж. Он не только завершил расстановку сил перед Первой мировой войной и стал отправным этапом в наращивании гонки вооружений, но и совпал со сменой главы российского внешнеполитического ведомства. Министерское кресло А.П. Извольского, назначенного послом во Францию, в сентябре 1910 года занял С.Д. Сазонов¹. Но вскоре Сазонов тяжело заболел, и почти до осени 1911 года его обязанности выполнял крайне осторожный и нерешительный, но прекрасно владевший министерской документацией товарищ министра А.А. Нератов.

Сазонов был единомышленником Извольского и продолжателем его внешнеполитического курса, хотя в балканской политике он поддерживал Столыпина. Не обладая, по свидетельству его коллег, ни блестящими способностями, ни честолюбивыми амбициями своего предшественника, Сазонов тем не менее в короткий срок сумел завоевать авторитет «нужного человека на своем месте», благодаря профессионализму, уравновешенности и самоотверженной работоспособности, а также благодаря подбору команды инициативных и заинтересованных в общем деле помощников. Некоторые сослуживцы министра ставили ему в упрек то, что он не обладал широтой взглядов, масштабностью Извольского в охвате всего спектра международных проблем, сосредоточиваясь лишь на двух-трех основных, слишком доверял мнению своих соратников, не имел административной хватки своего предшественника, что сказывалось на работе аппарата министерства². Вместе с тем он был принципиален и настойчив в отстаивании своих взглядов и своей политической линии как во внешней, так и во внутренней политике, причем не только со своими подчиненными и коллегами по кабинету, но и с Николаем II. С именем Сазонова связаны и окончательный отказ внешнеполитического руководства России от лавирования между Англией и Германией, и переход к политике ориентации на Антанту и укрепления военно-политического сотрудничества с ней. В начале Первой мировой войны он выступил инициатором превращения Антанты в военно-политический союз, добивался расширения его в годы войны, заключил секретные соглашения с союзниками о переделе мира, в том числе соглашение 1915 года о Константинополе и черноморских проливах. В период июльского кризиса 1914 года воля и настойчивость Сазонова положили предел колебани-

ям царя, подписавшего указ об общей мобилизации вооруженных сил. В годы мировой войны он фактически объединил вокруг себя либеральных министров в борьбе против консервативного крыла правительства, возглавляемого И.Л. Горемыкиным, отстаивая курс на сотрудничество с прогрессивным блоком депутатов Государственной думы и Госсовета, объединившим умеренно оппозиционные царизму силы страны. Сазонов, как и его предшественник, был не только полноправным, но и одним из наиболее активных членов «объединенного правительства», не отделяя своих ведомственных задач, как это было свойственно бюрократическим традициям прошлого, от прочих общегосударственных вопросов, особенно тех, которые мешали ему в проведении внешней политики³. Учитывая реакцию иностранных правительств и общественного мнения за рубежом, он высказывался за более либеральную, более гибкую политику правительства по отношению к Польше, Финляндии и среднеазиатским окраинам империи. В начале 1914 года, в предвидении войны с Германией и Австро-Венгрией, Сазонов, нарушая традиционные бюрократические каноны, обратился к царю со специальным докладом, относящимся к сфере «внутренней политики», в котором призвал его во имя «великодержавных задач России» пойти навстречу «разумным пожеланиям польского общества в области самоуправления, языка, школы и церкви», то есть предоставить польскому народу автономные права в местном самоуправлении и национально-культурной области⁴.

Новый глава МИД продолжал и развивал линию на сотрудничество с избранной в 1912 году IV Думой, поддерживал связи с представителями лояльных правительству думских фракций, в том числе и оппозиционных. Его выступления на пленарных заседаниях Думы не были частыми (всего два до начала войны), однако он участвовал в работе Бюджетной комиссии Думы, где обсуждались ежегодные ассигнования средств на деятельность МИД, а также проект реформы центрального аппарата ведомства, внесенный в Думу в марте 1910 года⁵. Наиболее одиозными для правых министров были контакты Сазонова с лидером кадетской партии П.Н. Милюковым, известным историком и публицистом, специалистом по Балканам, поддерживавшим в целом правительственный внешнеполитический курс⁶. Сазонов был сторонником участия России в деятельности Межпарламентского союза европейских держав в Брюсселе. Однако в этом вопросе царь не разделял взглядов своего министра. На просьбу председателя Совета министров включить в смету МИД на 1913 год выплату ежегодной квоты России этому союзу Николай II отреагировал непривычно резкой для него резолюцией: «Считаю ассигнование хотя бы одного рубля совершенно нежелательным»⁷.

В 1911 году произошла смена и главы правительства. После убийства Столыпина председателем Совета министров России был назначен

В.Н. Коковцов, сохранивший пост министра финансов. Он хорошо разбирался в общих проблемах внешней политики страны, держа в своих руках нити финансово-экономических отношений с зарубежными странами, а также являясь на протяжении четырех предыдущих лет фактическим заместителем председателя правительства. Коковцов продолжил начатую Столыпиным линию на подчинение МИД Совету министров, получив согласие Николая II и на формальную передачу вопросов внешней политики, в том числе и прежде всего выработки ее общего направления, в ведение правительства. Согласился Николай II и с его просьбой перенести обсуждение внешнеполитических вопросов из Особых совещаний на заседания правительства, вняв его аргументам, что «между внутренней и внешней политикой имеется... органическая связь», требующая «согласованных действий правительства»⁸. Коковцов учитывал при этом недовольство большинства членов правительства тем, что важнейшие внешнеполитические вопросы обсуждаются в узком, «избранном» составе министров и решения по ним принимаются без учета мнения большинства членов правительства. Снятие формального противопоставления Совета министров Особым совещаниям дало положительные результаты, однако полностью упразднить Особые совещания ему не удалось, и они были сохранены как орган для обсуждения и принятия важнейших внешнеполитических решений и в исключительных случаях проводились под председательством самого царя.

Возрастание роли правительства в формировании внешнеполитического курса и принятии важнейших решений отражало эволюцию царской России по пути конституционной монархии, а участие председателя Совета министров в переговорах с главами правительств по международным делам превращало его в их равноправного партнера, чего не было раньше и что с удовлетворением констатировал Коковцов после поездки в Европу осенью 1913 года⁹. С уверенностью можно сделать вывод о том, что в 1908–1914 годах внешняя политика России была политикой правительственной, хотя коллегиальность в принятии решений не всегда оставалась однозначной. Но после назначения в начале 1914 года главой кабинета министров И.А. Горемыкина роль правительства в этих вопросах стала падать.

Накануне войны правительство гораздо больше внимания уделяло координации деятельности военных и дипломатического ведомств. Главы военных министерств направляли председателю Совета министров аналитические записки, в которых предлагали свою интерпретацию внешнеполитических вопросов и стоявших перед дипломатией задач, а также их обеспечение вооруженными силами. Так, в конце 1911 года в связи с Итало-турецкой войной и ожидавшимся выступлением Балканских стран против Турции на заседании правительства была рассмо-

трена обстоятельная докладная записка военного министра генерала В.А. Сухомлинова, в которой он анализировал внешнеполитическое положение России на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке и предлагал принять ряд превентивных военных и дипломатических мер. Правительство, не исключая также вероятность выступления Австро-Венгрии, предложило министру иностранных дел руководствоваться впредь в своей деятельности результатами этого обсуждения¹⁰.

Переписка между МИД и военными ведомствами в последние два года перед войной позволяет проследить нарастание военной угрозы и тесную координацию действий в выработке самых разнообразных мер военно-политической и чисто технической подготовки к вооруженной борьбе¹¹. Она же показывает и противоречия между ведомствами, в значительной степени вызванные дипломатической и военно-технической неготовностью России к войне и прежде всего к решению «исторической задачи» России в проливах. Обращает внимание во взаимоотношениях ведомств то, что порой и военные, и дипломаты занимались не свойственными им делами: первые формулировали для МИД «неотложные» задачи внешнеполитической подготовки к войне, а вторые предлагали военным конкретные советы по усилению армии артиллерией и другими военно-техническими средствами и даже рекомендовали наиболее удобные военно-оперативные решения по захвату проливов¹². В то же время с 1912 года возрастает роль МИД в координации деятельности сухопутных и морских генеральных штабов России и Франции по уточнению взаимных военных обязательств и подготовке обеих стран на случай войны с Германией¹³.

Дальнейшее развитие внешнеполитического механизма было обусловлено изменениями соотношения сил в правящем лагере и переменами в политическом курсе царизма. «Затухание» начатых Столыпиным реформ (кроме аграрной) и поправление политической линии правящих кругов привело к параличу думской деятельности и падению роли объединенного правительства. Наступление консервативных реваншистских сил, призывавших царя отказаться от принципов «Манифеста 17 октября», отвечало настроениям самого Николая II¹⁴, у которого крепла решимость лишить Думу законодательных функций. После смерти Столыпина постепенно возрастает личное вмешательство царя во все сферы государственного управления, что подрывало значение правительства и авторитет его главы и способствовало расколу руководства на правое и левое крыло. Коковцов указывает на возрастающее влияние реакционной бюрократии и военной среды крайне правого толка, которые поощряли «культ самодержавности» у Николая и внушали ему мысль, что «государь может сделать все один, потому что народ с ним»¹⁵.

К началу мировой войны эта тенденция сказалась и в сфере внешнеполитического руководства. Царь все больше поддерживал усилия

министра иностранных дел в отстаивании самостоятельности МИД и высвобождении от опеки правительства и лично Коковцова. Существенной причиной отрицательного отношения Сазонова к рассмотрению внешнеполитических вопросов в Совете министров был порядок согласования точек зрения и пожеланий ведомств, который затягивал решение срочных вопросов, как того требовала международная обстановка. Главное же, руководство МИД стремилось ослабить, а то и вообще освободиться от контроля главы правительства из-за углублявшихся разногласий в оценке роли России в межблоковом противостоянии. По мнению премьера, Сазонов шел на поводу союзников и не использовал всех возможностей для улучшения отношений с Германией. Такая оценка создавала Коковцову репутацию «германофила» и стала одной из причин его отставки.

Назначение в начале 1914 года на пост главы правительства И.А. Горемыкина внесло заметные перемены во внешнеполитическое руководство. Престарелый премьер, в отличие от Столыпина и Коковцова, считал внешнюю политику исключительной прерогативой царя и почти полностью устранился от внешнеполитической сферы, отказался от председательства в Особых совещаниях, передоверив его министру иностранных дел. Совещания министров в начале 1914 года по урегулированию острейшего кризиса во взаимоотношениях с Германией, возникшего в связи с миссией Лимана фон Сандерса в Константинополе, проходили под председательством С.Д. Сазонова. Во время июльского кризиса 1914 года Горемыкин не принимал активного участия в разработке военных и дипломатических мероприятий правительства. Даже в последние кризисные дни перед началом мировой войны глава правительства оставался в тени, и важнейшее решение о мобилизации русской армии было принято царем при деятельном участии министра иностранных дел, военного министра и начальника Генерального штаба.

Противоречивость исторической эволюции России от абсолютной к буржуазной монархии дополнялась несовпадением внутривластных задач царского правительства (необходимости обеспечения стране длительного мирного периода развития для ее всесторонней модернизации) с внешнеполитическими (отстаивание ее великодержавных интересов на международной арене и втягивание в подготовку к мировой войне на стороне Антанты). На опасность этого коренного противоречия между внутренней и внешней политикой правительства, грозившего России европейской войной и революцией, указывали царю и в 1912, и в 1914 годах такие опытные и дальновидные защитники режима, как бывший посол в США барон Р.Р. Розен и бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново. Впрочем, среди российских политиков, от самых левых до самых правых, не было ни одного, кто не твердил бы постоянно о гря-

дущей новой революции¹⁶. Но интеграция России в мировую систему международных отношений оказалась неодолимой.

Мировая война, разрушившая нормальные связи внутри государства и в международных отношениях, видоизменила структуру государственного управления и внешнеполитического механизма России. Через несколько дней после объявления Германией войны России, 24 июля 1914 г., Николай II издал рескрипт на имя главы правительства И.А. Горемыкина, по которому предоставил правительству решать от имени главы государства (в случае его отсутствия в столице) вопросы, рассматривавшиеся, согласно законодательству, лично монархом. На практике, однако, правительство не воспользовалось этим правом. Более того, несмотря на ослабление личного контроля царя за деятельностью правительства, значение и роль последнего в управлении страной неуклонно снижались.

Образование в первые же дни войны Ставки Верховного Главнокомандующего фактически разделило страну в области государственного управления на две части¹⁷. В соответствии с утвержденным Николаем II буквально накануне войны «Положением о полевом управлении войсками в военное время» Верховный Главнокомандующий получил почти неограниченные полномочия не только в области руководства войсками (он являлся высшим начальником всех «сухопутных и морских вооруженных сил, предназначенных для военных действий»), но и для вмешательства в сферу компетенции гражданской администрации, в первую очередь в обширнейшем районе театра военных действий¹⁸. Полномочия Верховного Главнокомандующего вырабатывались в предвидении, что в случае войны Верховным Главнокомандующим вооруженными силами России станет сам император. Может быть, поэтому не были регламентированы взаимоотношения Ставки и Совета министров.

Николай II действительно с началом войны намеревался лично возглавить Действующую армию, но министрам удалось отговорить его. Верховным Главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич, однако соответствующие коррективы в текст «Положения» внесены не были. Значение Ставки как государственной структуры и политической силы определялось уже самими масштабами войны, поставившей под ружье миллионы солдат и давшей в руки Верховного Главнокомандующего право распоряжаться их судьбами, а также огромными военно-экономическими ресурсами страны. Фактически Ставка являлась вторым правительством, от ее позиции зависели важнейшие внутри- и внешнеполитические решения, самодовлеющее значение Ставки в государственной жизни страны в годы войны не только не падало (за исключением периода отступления русских армий летом 1915 г.), но возрастало¹⁹.

Взаимоотношения Ставки и правительства летом 1915 года характеризовались нарастанием противоречий и прямой конфронтацией. Объективная основа такого противостояния, заключавшаяся в неуклонном стремлении обеих структур отстаивать свои prerogatives и проводить свою политическую линию, усиливалась субъективными факторами. Обладавший властным характером Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, используя свое положение члена императорской семьи и огромные полномочия, часто вмешивался в вопросы гражданского управления, не встречая особых возражений со стороны царя. В то же время с начала войны усилился процесс падения роли Совета министров как высшего объединяющего органа государственной власти. Наметившийся еще в предвоенный период раскол кабинета на правое и левое крыло становился все более ощутимым, способствуя расстройству всей системы государственного управления. Ставка низко оценивала работоспособность объединенного правительства, отличавшегося медлительностью, бюрократизмом, склонностью к бесконечным обсуждениям и согласованиям всех вопросов. Отсутствие единства внутри самого правительства, бесконечные конфликты между министрами подрывали его авторитет в Ставке и в стране. Кабинет министров не мог казаться Ставке партнером, мнение которого следовало бы учитывать. Личная вражда между великим князем Николаем Николаевичем и военным, министром генералом Сухомлиновым, которая с конца 1914 года усугубилась неудовлетворительной работой Военного министерства по снабжению армии вооружением и боеприпасами, привела к тому, что военный министр и правительство в целом были недостаточно осведомлены о стратегических планах Ставки и военном положении на фронте. Даже при посещениях Ставки военный министр никогда не приглашался на совещания Верховного Главнокомандующего с его ближайшими помощниками²⁰.

Взаимосвязи и взаимодействие Ставки с правительственной властью развивались по линии отношений с отдельными ведомствами и их главами. Министр иностранных дел Сазонов, понимая опасность разведения военной и гражданской властей, попытался в сентябре 1915 года добиться координации действий правительства с руководством Ставки. После вступления русских войск в Галицию Сазонов вошел в правительство с предложением об учреждении должности начальника гражданского управления занятых неприятельских территорий. Помимо координации действий военной и гражданской администраций министр преследовал и более далекие политические цели. Он предложил придать этому чиновнику очень высокий статус (он должен был назначаться самим царем), с тем чтобы через него проводить правительственный курс в Ставке по общеполитическим вопросам. Однако этот дипломатиче-

ский ход был разгадан в Ставке, инициатива Сазонова была отклонена Верховным Главнокомандующим²¹. В то же время двусторонние отношения между Ставкой и МИД с первых же дней войны развивались самым тесным образом. Верховное командование нуждалось в создании благоприятных внешнеполитических условий для ведения военных действий, а министр иностранных дел — в полной информации о положении на фронте и планах верховного командования при планировании и осуществлении своих дипломатических акций.

Война изменила направления и характер деятельности МИД, нацеливая его на главные задачи — обеспечение внешнеполитической обстановки для успешного ведения войны и достижения решительной победы над врагом, а также заключения мирного договора на основе выработанной правящими кругами программы. Главным партнером МИД в реализации выдвинутых перед ведомством мировой войной задач стала Ставка Верховного Главнокомандующего, что предопределило складывание нового «управляющего центра» государственного внешнеполитического механизма.

Уже в «Положении о полевом управлении войсками в военное время» содержалось указание, обязывавшее министра иностранных дел «тотчас по объявлении войны» информировать Верховного Главнокомандующего «о важнейших и могущих иметь значение во время войны» дипломатических актах и сношениях с иностранными державами. 25 июля 1914 года при Ставке Верховного Главнокомандующего была образована Дипломатическая канцелярия, проект которой был разработан и утвержден в 1907 году на основе опыта взаимоотношений между МИД и военным командованием России на Дальнем Востоке во время русско-японской войны. Возглавил ее видный сотрудник министерства князь Н.А. Кудашев²². В задачу канцелярии входило «осведомление Верховного Главнокомандующего по всем вопросам внешней политики», а также поддержание постоянной связи между главноверхом и министром иностранных дел. Через начальника штаба Ставки генерала Н.Н. Янушкевича Кудашев регулярно информировал Сазонова об обстановке на фронте, стратегических планах Ставки, что позволяло министру своевременно реагировать на ход событий. Так, во время наступления русской армии в Пруссии и Польше Сазонов предпринял две важнейшие дипломатические акции: вручил союзникам ноту, в которой был представлен эскиз послевоенного передела мира, и подготовил «Манифест Верховного Главнокомандующего русскими войсками о будущем устройстве Польши», основная идея которого была высказана им в специальном докладе Николаю II еще в начале 1914 года. В дальнейшем руководители Ставки и МИД обсуждали, согласовывали и принимали решения по широкому кругу военно-политических вопросов: о привле-

чении новых союзников, межсоюзнических отношениях, включая планирование и реализацию совместных военных операций, распределении и поставках военного снаряжения, их финансировании, определении границ и условий будущего мира. Сазонов не делился этой информацией ни с главой кабинета, ни с остальными министрами, а также, как правило, не обсуждал на заседаниях правительства внешнеполитические вопросы, являвшиеся предметом переговоров со Ставкой²³.

К концу 1914 года тесное сотрудничество и взаимопонимание между руководством Ставки и МИД было в значительной степени нарушено вследствие коренных разногласий по вопросу о черноморских проливах. Сазонов оказывал давление на Ставку, добиваясь проведения военной операции по захвату Босфора, опасаясь, что проливами и Константинополем овладеют союзники. Верховное командование, однако, считало, что операция по захвату проливов «требует отдельной войны», для которой у него нет войсковых формирований. Настояния Сазонова и его попытки заручиться поддержкой руководства Морского министерства привели к еще большему обострению отношений со Ставкой, которая добилась от царя указания: все действия, связанные с захватом проливов, сосредоточить в Ставке Верховного Главнокомандующего и отдать их на ее полное усмотрение. Последовавший затем разрыв личных отношений между Сазоновым и великим князем Николаем Николаевичем отрицательно сказался на координации военных и внешнеполитических решений²⁴.

Испытывая возрастающую зависимость от Ставки в принятии внешнеполитических решений, министр иностранных дел в начале 1915 года попытался восстановить роль Совета министров в руководстве внешней политикой страны. Он инициировал заседание правительства под председательством И.А. Горемыкина, на котором были выработаны оптимальные для России условия соглашения с союзниками о присоединении черноморских проливов²⁵. Однако Совет министров в годы мировой войны так и не превратился в постоянную составную внешнеполитического механизма, лишь эпизодически участвуя в принятии внешнеполитических решений.

Военные поражения и отступление русской армии из Галиции и Польши весной-летом 1915 года стали своего рода рубежом во внутренней и внешней политике России, вызвав «кризис верхов», поляризацию политических сил в стране и первые антивоенные выступления народных масс. Проявлением кризиса власти явился развал третьей июньской политической системы в результате образования прогрессивного блока, затем последовала отставка военного министра Сухомлинова, а в конце августа — и смена верховного командования, во главе которого встал сам Николай II.

Всеобъемлющий характер войны и значимость конечных ее результатов для судеб страны диктовали руководителю МИД необходимость

расширения своего влияния и прямого участия в принятии решений по кардинальным вопросам и внутренней политики правительства. Сазонову, по его словам, приходилось во время докладов царю «постоянно касаться, в связи с вопросами внешней политики, внутреннего положения России, все более обострявшегося под влиянием революционной пропаганды. Как всегда бывает в критическую пору жизни государства, внешние и внутренние вопросы, действуя взаимно друг на друга, сплетались так; тесно, что разделить их было невозможно»²⁶. Фактически являясь негласным главой левого крыла кабинета министров, Сазонов поднял перед царем вопрос «об очищении Совета министров от засорявших его реакционных элементов», высказывался за отставку Горемыкина, требовал создания чрезвычайного Военного совета с участием правительства «для пересмотра плана войны и выработки вытекающих из такого пересмотра действий в тылу и на фронте»²⁷.

После принятия Николаем II в конце августа 1915 года решения возглавить Действующую армию Сазонов стал организатором «забастовки» министров, которые обратились к царю со специальной запиской, призывая его отказаться от этого решения, грозившего негативными последствиями для режима и самого Николая.

Смена верховного командования и формальное объединение военной и гражданской власти в лице монарха в основном устранили противоречия между Ставкой и МИД по внешнеполитическим (но не внутриполитическим) вопросам. В большой мере это было связано с новой фигурой начальника штаба Ставки (а фактически ее руководителя) генерала М.В. Алексева — крупного военного стратега, обладавшего к тому же широким политическим кругозором. Его профессионализм и понимание взаимосвязи военной стратегии и внешней политики позволяли избегать конфликтов между Ставкой и МИД. Но противоречия между ними периодически возникали из-за того, что военные обычно во главу угла ставили военно-стратегические соображения, а дипломаты — политические. Разногласия особенно были сильны осенью 1915 года в связи с поражением Сербии и угрозой потери Антантой Балканского полуострова. Весной-летом 1916 года, в период успешного наступления Брусилова на Юго-Западном фронте, Ставка вынудила главу МВД дать согласие на удовлетворение ряда непомерных требований Румынии за свое выступление на стороне Антанты.

В годы мировой войны происходила серьезная структурная перестройка центрального аппарата МИД, связанная как с введением принятого перед самой войной, 24 июня 1914 года, закона о новом «Учреждении МИД»²⁸, так и с условиями военной и политической борьбы с противником. Новая структура МИД заметно отличалась от предшествующей и имела следующие очертания:

Закон существенно расширил задачи Министерства иностранных дел, добавив к уже упоминавшимся новые: «покровительство и защиту в чужих краях русских экономических интересов и, в особенности, развитие торгово-промышленных сношений России», а также «заботу о поддержке и о достойном положении православия за границей и об укреплении русского влияния на почве церковных интересов». Специальной задачей внешнеполитического ведомства было признано «всестороннее наблюдение за явлениями политической и общественной

жизни в иностранных государствах, поскольку таковые затрагивают внешние политические и иные интересы России».

Центральный аппарат МИД был поделен на два фактически структурно самостоятельных подразделения, возглавляемых товарищами министра. В законе не была оговорена подчиненность структурных частей, указывалось только, что руководство политических отделов возлагалось по указанию министра на одного из товарищей министра. Подчиненность остальных частей центрального аппарата не была определена. Создание большого политического подразделения в центральном аппарате МИД являлось главной задачей реформы. Извольский и Сазонов фактически еще до реализации закона создали его в усеченном виде на основе старого штатного расписания из чиновников Канцелярии и Второго департамента. Руководил им первый товарищ министра А.А. Нератов. В новый, расширенный на основании принятого закона штатный состав политического подразделения входило около половины всех сотрудников центрального аппарата — 89 человек из 191. Компетенция его была распределена следующим образом: Первый политический отдел, которым заведовал барон М.Ф. Шиллинг, был объединен с Канцелярией министра, и в его ведение входили политические дела западно- и центральноевропейских государств, Америки и Африки (кроме Абиссинии и Египта), а также сношения с Римской курией; личная Канцелярия министра ведала корреспонденцией, поступающей на имя министра и его товарищей, и распределением ее между службами МИД. Кроме того, она ведала личной перепиской министра и отправкой докладов министра царю, отправкой и приемом дипломатических курьеров, выдачей заграничных паспортов. При Первом политическом отделе находились также шифровальное отделение и литография. Второй политический отдел (возглавлял его до октября 1914 г. князь Г.Н. Трубецкой, а затем А.М. Петряев) — Балканско-Ближневосточный — занимался отношениями с Албанией, Болгарией, Грецией, Румынией, Сербией, Турцией, Черногорией, Абиссинией и Египтом, а также церковными делами на Ближнем Востоке. Третий политический отдел (В.О. фон Клемм) — условно Среднеазиатский — ведал отношениями с Персией, среднеазиатскими государствами, Индией и Цейлоном. В Четвертом отделе, руководимом Г.А. Козаковым, были сосредоточены дела, относившиеся к Китаю, Японии, Монголии, Сиаму и побережью Тихого океана. Во главе политических отделов были поставлены признанные профессионалы — специалисты по региональной политике, на которых министр мог полностью положиться.

Важнейшим подразделением МИД был признан Совет министерства, куда вошли руководители политических отделов и департаментов, однако в законе по-прежнему не были определены его prerogatives

и полномочия, лишь указывалось, что он рассматривает все дела, которые министр считает необходимым предложить на его обсуждение.

«Неполитическое» подразделение центрального аппарата МИД, которое фактически было поручено товарищу министра В.А. Арцимовичу, объединило Первый и Второй департаменты, а также хозяйственные службы министерства. В компетенцию Первого департамента входили: 1) дела, связанные с подготовкой законопроектов, справок, объяснений для законодательных учреждений, а также дела о приложении государственной печати к различным актам (в МИД хранились Большая, Средняя и Малая государственные печати Российской империи); 2) дела о личном составе всех учреждений МИД как внутри страны, так и за границей; 3) финансово-хозяйственные вопросы МИД; 4) дела о русских православных церквях за границей и выдача доходов с имений, принадлежащих заграничным духовным учреждениям в Бессарабии (в отдельные годы эти доходы достигали многих миллионов рублей — больше, чем ежегодный бюджет МИД). В ведении Второго департамента находились административно-юридические вопросы, протокольные дела и руководство консульской службой. Юрисконсультская часть, отдел печати и архивы выполняли консультационно-справочные функции для руководства ведомства.

Новая структурная организация работы центрального аппарата МИД закрепила приоритет политических отделов, четко определила полномочия отдельных подразделений ведомства, свела до минимума параллелизм в их работе, повысила эффективность использования сотрудников, что в итоге позволило при увеличении объема работы в первое время не увеличивать численность аппарата. И все же принятый закон отставал от потребностей времени. Уже в годы войны был поставлен вопрос о срочной необходимости создания Экономического, Консульского и Правового департаментов. Военные условия потребовали организации временных отделов: по делам военнопленных, по переводу денег русским гражданам за границей, в том числе интернированным, по наведению справок, по транзиту. В 1915 году был создан Осведомительный (разведывательный) отдел, преобразованный в 1916 году в Отдел печати и осведомления.

С весны 1916 года руководство МИД приступило к подготовке программы территориальных, политических и экономических условий и требований, с которыми России предстояло выступить на мирной конференции после победы над Германией и ее союзниками. В это время Сазонов в оперативном порядке создал в своем ведомстве новый отдел, которому было поручено собирать материалы и готовить аналитические документы о положении и альтернативных вариантах решения послевоенной судьбы славянских народов Австро-Венгрии. В августе 1916 года

Николай II выразил согласие на образование в составе МИД Особого политического отдела, которому было поручено изучение вопросов, «касающихся славянских народностей»²⁹. К этому времени отдел уже был укомплектован и фактически функционировал, однако формально его создание не было закреплено, проект соответствующего документа застрял в бюрократических инстанциях Совета министров, так и не дойдя до Государственной думы. А Временное правительство и вовсе не интересовалось им. Вопросами послевоенного устройства мира занимались в МИД также Первый политический отдел (будущее Германии), Ближневосточный отдел (будущее славянских народов Австро-Венгрии на Балканах и территориальное разграничение Балканских стран и Турции), а также — в широком политическом и правовом отношении — Юридическая часть. Однако какой-либо систематической постоянной координации этой работы со стороны Сазонова и Нератова не велось.

Проблемы будущего России в послевоенном мире заботили и Думу, выступившую за совместную с МИД разработку документов к мирной конференции. В первой половине 1916 года был выработан проект специального секретного совещания по изучению вопросов, связанных с международным положением России после войны. Председателем этого совещания становился министр иностранных дел, а в его состав входили по три члена от Думы, Государственного совета, МИД и «научных учреждений». На заседания совещания предполагалось пригласить специалистов от военного ведомства и Ученых обществ (географического, востоковедения, палестинского и др.)³⁰. Однако совещание так и не было ни разу созвано. Особый политический отдел МИД, за исключением нескольких справок по чехословацкому и польскому вопросам, не подготовил ни одного обобщающего документа. По существу, правительство и дипломатическое ведомство под руководством Сазонова шло вслед за развивающимися событиями, заключая с союзниками соглашения по конкретным территориальным и прочим вопросам под давлением обстоятельств (соглашения о Константинополе и проливах 1915 г., разделе азиатской Турции 1916 г., западных границах России 1917 г.), но не имея целостной программы послевоенного мирного устройства.

Мировая война, ее тотальный характер потребовали не только мобилизации внутренних ресурсов страны, но и обращения к внешним источникам снабжения армии, а затем и всей экономики страны, что вызвало необходимость в расширении государственного механизма внешних сношений и создания ряда новых структур. Образованное летом 1915 года Особое совещание по обороне государства (его возглавлял военный министр) было наделено полномочиями по организации закупок вооружения и прочих материалов за границей и их финансированию. Ему были подчинены созданные в некоторых союзных странах и США специальные

закупочные и снабженческие комитеты (самый крупный из них — Англо-Русский комитет). Расширяющиеся масштабы заграничных заказов породили проблемы их финансирования, и в 1916 году было создано Главное управление по заграничному снабжению (Главзагран), которое занималось финансированием заказов в союзных и нейтральных государствах³¹. Общее направление заграничной финансовой политики определялось Министерством финансов. В силу особого значения и места ее в межсоюзнических отношениях возросло влияние министра финансов П.А. Барка в сфере политических отношений России с союзниками, вплоть до его прямого участия в переговорах с правительствами Антанты и по конкретным военно-политическим вопросам. Это обстоятельство неоднократно вызывало недовольство Ставки непрофессиональным вмешательством в чуждую министру финансов сферу деятельности³².

В годы мировой войны правящие круги России, как и ее союзников, столкнулись с необходимостью интеграции своих военных, экономических и политических средств и усилий для достижения победы над противником и, как следствие, с необходимостью ограничения своих великодержавных претензий в общесоюзнических целях. В 1915 году возникли планы создания единого военного командования, единого военно-стратегического плана союзных армий, совещаний глав правительств и министров иностранных дел. Однако первые годы войны в большей степени выявили различия интересов и позиций, чем единство взглядов в создании координирующих органов. Согласованные верховными командующими союзных армий стратегические планы военных действий на 1916 и 1917 годы не были осуществлены не только в силу объективных причин, но и вследствие нежелания правящих кругов союзных стран поступаться частью своих суверенных прав. Единое верховное командование Антанты было создано уже без России в 1918 году, а идея образования постоянно действующего политического органа (даже в виде Совета послов, как предлагала российская дипломатия в 1917 г.) так никогда и не была осуществлена³³.

Изменения военно-политического положения России в годы войны, ее роли в Тройственном соглашении сказывались на престиже и возможностях российской дипломатии. Успехи русской армии в начале войны имели своим политическим результатом заключение весной 1915 года известного соглашения о Константинополе и черноморских проливах. Поражение русской армии в Польше летом того же года, кризис вооружений, все возрастающий недостаток денежных средств для закупок военного снаряжения за границей, повлекший за собой финансово-экономическую зависимость России от союзников, поставили Россию в неравноправное положение в Антанте по отношению к Англии и Франции.

Ускорившийся с осени 1915 года процесс разрушения механизма государственной власти в России приобрел необратимый характер. После отъезда Николая II в Ставку решающую роль в определении внутренней политики в стране все больше стали играть императрица Александра Федоровна и ее ближайшее реакционное окружение с Распутиным во главе. Внешним проявлением развала власти явились министерская и губернаторская «чехарда», замена относительно либеральных бюрократов-профессионалов реакционерами и дилетантами. Одного из них царь по подсказке императрицы и Распутина сделал новым главой правительства, преследуя цель образования «однородного» кабинета из представителей правомонархических кругов. Под председательством Б.В. Штюрмера Совет министров, по свидетельству Государственного контролера Н.Н. Покровского, стал быстро превращаться в «старый Кабинет министров», политика формировалась «где-то за пределами Совета министров», а сам глава его «по своему умственному развитию и по возрасту, и, может быть, по состоянию здоровья, едва ли мог давать серьезное направление политике». Он производил впечатление «человека ограниченного, пораженного старческим склерозом»³⁴.

Совершенно неожиданной для всех в России, в том числе и для сотрудников МИД, а также для союзников стала в июле 1916 года отставка С.Д. Сазонова с поста министра иностранных дел. Формальным поводом для нее послужила записка министра по польскому вопросу, одобренная генералами Алексеевым, Брусиловым и в итоге царем, но отвергнутая большинством членов правительства во главе со Штюрмером. Реакционное окружение императрицы вменяло в вину Сазонову расхождения с курсом внутренней политики правительства и «угодничество» перед союзниками. Пожалуй, он был одним из немногих министров иностранных дел России, которого отправили в отставку исходя главным образом из внутривластных соображений³⁵.

Преемником Сазонова царь назначил того же Штюрмера, что должно было обеспечить единство взглядов членов правительства и поставить МИД в более независимое положение в отношении союзников. Штюрмер провозгласил себя сторонником возрождения «национальной» внешней политики, пообещав даже ввести некоторые «русские» элементы в дипломатический этикет. Однако дальше слов дело не пошло. В дипломатическом ведомстве с его приходом ничего не изменилось, никакой самостоятельной политики Штюрмер и не пытался вести, при нем было лишь «замедление» в работе МВД, которое фактический руководитель министерства А.А. Нератов объяснял некомпетентностью нового министра и «недостатком у него времени»³⁶. Последствием появления Штюрмера во главе российской дипломатии было лишь охлаждение отношений между Россией и союзниками, а также отношений

правительства со Ставкой Верховного Главнокомандующего в лице генерала Алексева. В основе его лежало недоверие к Штюмеру, пользовавшемуся репутацией германофила и сторонника заключения сепаратного мира с Германией³⁷.

В функционирование внешнеполитического механизма назначение Штюмера не внесло каких-либо существенных перемен. Бытующее мнение о всесильности влияния Распутина и императрицы на все сферы государственного управления не распространялось, во всяком случае на военную и внешнеполитическую: царь и его соратники в эту важнейшую область государственного управления их не допускали. Не последнее значение имели и личные взгляды и отношение царской четы к войне с Германией, исключавшие возможность какого-либо иного исхода войны кроме победы над Германией.

Назначение Штюмера министром иностранных дел было в высшей степени необдуманным шагом, являвшимся еще одним свидетельством непонимания Николаем и его окружением обстановки в стране и давшим в руки оппозиции козырную карту в борьбе против правительства. Уже в ноябре 1916 года Николай II был вынужден уволить Штюмера с обоих его постов.

Выбор царем государственного контролера Н.Н. Покровского в качестве нового министра иностранных дел стало вторым нарушением вековой традиции, согласно которой на этот пост назначались карьерные дипломаты. Но Покровский был известен как очень опытный и неподкупно честный бюрократ и сильный экономист, что должно было успокоить думские и общественные круги. В МИД назначение Покровского вызвало «труднообъяснимое» удивление, поскольку он не был ни дипломатом, ни ставленником двора. Однако очень скоро там оценили его «важные преимущества» по сравнению с его предшественниками Извольским и Сазоновым, а именно «его специальные важные знания», что сказалось на работе Парижской экономической конференции и Петроградской конференции союзников³⁸.

Трехмесячная деятельность Покровского на посту министра иностранных дел была связана с уяснением взглядов на цели, политические и экономические последствия войны для России и с подготовкой к будущей мирной конференции. К этому времени проблему будущих отношений России с Германией политические стратеги МИД связывали с изменениями внешнеполитических приоритетов после войны. Они полагали, что политическая и военная мощь России должна быть «отдана обороне Константинополя и новых русских областей Галиции». Для этого необходимо строить отношения с Германией таким образом, чтобы граница с ней превратилась в «оплот мира» для России и Восточной Европы. Будущая граница России с Германией (точнее, польско-германская,

поскольку объединенное Польское королевство под скипетром царя вошло бы составной частью в Российскую империю) должна была быть установлена исходя из справедливых историко-этнографических принципов и без включения в состав Польши немецких территорий³⁹.

Николай II, очевидно, также размышлял о характере послевоенных отношений с Германией. В октябре 1916 года он предупредил британского посла в России Дж. Бьюкенена о том, что Россия может ограничиться изгнанием германских войск из Польши и, возможно, будет вынуждена удовлетвориться «нынешними границами (с Германией. — *Авт.*), как они ни плохи»⁴⁰.

В свете таких задач, стоявших перед российской дипломатией, Покровский в специальном докладе Николаю II в начале 1917 года высказывался за скорейшую подготовку военно-морской операции по захвату Босфора еще до окончания войны с Германией. Необходимость овладения проливами он мотивировал недоверием к союзникам, которые, вполне возможно, откажутся от выполнения своих обязательств по заключенному с Россией соглашению о Константинополе и проливах. Однако и на этот раз стратеги из Ставки Верховного Главнокомандующего решительно отвергли идею Покровского, ссылаясь на недостаток военных средств⁴¹.

Два с половиной года войны показали несоответствие военно-экономического потенциала России, военных и дипломатических средств целям и задачам российского политического руководства. С осени 1915 года «национальные задачи» государственной внешней политики все более заслонялись в сознании народа и общества социальными проблемами страны, усиливалось влияние внутривнутриполитического фактора на внешнюю политику, на состояние армии. В феврале 1917 года в России произошла вторая в XX веке революция.

Февральская революция, покончившая с монархией в России и фактически установившая республиканский строй, создала новую систему государственной власти. Высшим законодательным и исполнительным органом власти до созыва Учредительного собрания стало Временное правительство, образованное Временным комитетом Государственной думы. Наряду с правительством революционными социалистическими партиями в столице был создан Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, очень скоро получивший опору в лице местных советов и солдатских комитетов в армии. В стране сложилось двоевластие, что отразилось и на государственном руководстве внешней политикой.

Революция коренным образом изменила отношение общества к внешней политике. Из сферы деятельности властных структур она все более перемещается, хотя и опосредованно, в область идеологической и политической борьбы широких слоев населения, в центре которой

встает отношение различных политических партий и слоев общества к войне и ее целям. На протяжении всего 1917 года происходит размежевание между сторонниками национал-патриотической идеи продолжения войны до победы над Германией и ее союзниками и осуществления экспансионистских планов, революционными оборонцами и быстро набирающим силу леворадикальным лагерем, выступающим с требованиями окончания войны и заключения демократического мира без аннексий и контрибуций. Временное правительство, ставшее преемником внешней политики павшего режима, в вопросе о войне и мире получило оппонента, а затем и антагониста в лице Петроградского совета. Но борьба по этому главному политическому вопросу 1917 года происходила и внутри правительства, и внутри Петросовета.

Возглавивший внешнеполитическое ведомство в первом составе Временного правительства лидер кадетов П.Н. Милюков, получивший приставку к своей фамилии «Дарданелльский» за то, что активно выступал за присоединение черноморских проливов к России, на протяжении двухмесячного пребывания на посту министра был сторонником доведения войны до победного конца и отстаивал во взаимоотношениях с союзниками плоды сазоновской дипломатии — соглашения о разделе Турции. Он сохранил структуру и личный состав МИД, за небольшими исключениями, в неизменном виде и пользовался поддержкой царских дипломатов. Он создал в МИД новые департаменты — Консульский и Экономический, поставив во главе последнего своего соратника по кадетской партии П.Б. Струве.

Однако Милюков не получил действенной поддержки ни в правительстве, ни тем более в Петроградском совете. Последний 14(27) марта 1917 года в воззвании «К народам всего мира» призвал «начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран» и «взять в свои руки решение вопроса о войне и мире»⁴². В самом правительстве Милюков не пользовался широкой поддержкой, робкие попытки его председателя князя Е. Львова отстоять проводимый министром иностранных дел внешнеполитический курс вызвали резкую критику усилившего свое влияние в условиях роста радикальных настроений министра юстиции А.Ф. Керенского, который противопоставил этому собственную программу: война до победного конца, но без всяких завоевательных планов⁴³.

В то время как Петросовет выдвинул программу заключения мира без аннексий и контрибуций, союзные правительства требовали от Милюкова четкого подтверждения курса России на продолжение войны и выполнения принятых на себя союзнических обязательств, в том числе и в вопросе о целях войны. Ближайшие соратники Милюкова в МИД считали его тактику взаимоотношений с Петросоветом и союзниками

«слишком прямолинейной» и советовали ему занять более гибкую позицию. Милюков попытался совместить требования Петросовета, А.Ф. Керенского и союзников. В декларацию Временного правительства о целях войны он включил специальный пункт, гласивший, что «цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»⁴⁴. Но в сопроводительной ноте к переданной союзным державам 18 апреля (1 мая) декларации Временного правительства Милюков вновь подтвердил, что правительство «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников»⁴⁵. Эта нота вызвала возмущение и массовую демонстрацию протеста в Петрограде против империалистической политики Временного правительства, что привело к отставке Милюкова и реорганизации правительства.

Российское правительство, пожалуй, впервые в истории было вынуждено считаться с прямым вмешательством народных масс в сферу внешней политики. Поскольку правительственный кризис был вызван конфликтом по главному внешнеполитическому вопросу — войны и мира, он занял центральное место в переговорах об образовании коалиционного правительства. Исполком Петросовета выдвинул неперемное условие, чтобы новый кабинет вел «действительную внешнюю политику, открыто ставящую своей целью скорейшее достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов, в частности, подготовку переговоров с союзниками, в целях пересмотра соглашений на основе декларации Временного правительства от 27 марта»⁴⁶.

Новое правительство провозгласило отказ от милюковского курса и выступило с инициативой пересмотра соглашений с союзниками о целях войны, однако оно никогда не стремилось практически осуществить эту идею и не настаивало на этом перед союзниками.

Второй и последний во Временном правительстве министр иностранных дел М.И. Терещенко был выходцем из семьи украинских сахарозаводчиков-миллионеров, получившим университетское образование и прекрасно знавшим иностранные языки. Этот еще молодой человек, политик-популист, порожденный революцией, оказался полным дилетантом в дипломатии. Однако, в отличие от Милюкова, он придерживался советов своих подчиненных, был гибок и не слишком принципиален. Сазоновские соглашения с союзниками при нем так и не были ни оглашены, ни пересмотрены⁴⁷.

Терещенко произвел некоторые перемены в личном составе ведомства, он назначил нового товарища министра — А.М. Петряева, который фактически управлял министерством, поскольку сам министр занимался больше внутривластной сферой, чем дипломатией. Терещенко про-

извел некоторые замены и среди глав посольств и миссий, уволив в отставку наиболее одиозных для революционного режима лиц (в частности, посла во Франции Извольского) и назначив вместо них сторонников Временного правительства.

Новый министр пользовался доверием и полной поддержкой Временного правительства и его председателя А.Ф. Керенского. В отношениях с Петроградским советом он, прекрасно усвоивший революционно-демократическую фразеологию, избрал тон государственника, отстаивавшего интересы новой, демократической России.

Но несмотря на некоторые изменения во внешней политике России, введение в нее интернационалистских и демократических лозунгов, ни Временное правительство, ни революционно-оборонческие силы идеологически не были готовы к заключению сепаратного мира с Германией. В измученной войной, экономическим кризисом, развалом власти стране, где жажда скорейшего мира была страстным желанием народных масс, такая позиция Временного правительства лишала его поддержки населения и обрекала на поражение в борьбе с радикально-революционными партиями.

Глава IX. 1912–1914 годы: борьба за укрепление Антанты

«Вы знаете мой взгляд — нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет губительна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точки зрения, но и с финансовой и экономической. Но кроме того и главное, это то, что Россия с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корне и, когда придет час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны»¹.

Это письмо П.А. Столыпина к А.П. Извольскому, написанное премьером незадолго до его трагической гибели, воспринимается как политическое завещание. Новый глава правительства В.Н. Коковцов полностью разделял эти взгляды и вплоть до своей отставки в январе 1914 года твердо отстаивал идею о невозможности для России рисковать вступлением в общеевропейскую войну. Убежденным союзником премьера являлся С.Д. Сазонов, позднее писавший, что «из всех членов кабинета он [Коковцов] один правильно понимал вопросы внешней политики и не только никогда не мешал мне, но часто бывал очень полезен»².

Антивоенные настроения Коковцова объяснялись прежде всего внутренним положением страны. Все попытки премьера продолжить курс Столыпина на мирную политическую эволюцию в рамках третьей-июньской системы неизменно наталкивались на сопротивление правых и бюрократии, и столыпинская программа реформ, кроме аграрной, была свернута. Активизировалось рабочее движение. В стране назревал новый социальный взрыв. Война, по мнению Коковцова, могла его лишь ускорить.

Между тем события на международной арене — прежде всего на Балканах — могли привести к глобальному общеевропейскому конфликту. От Петербурга требовалась крайняя осторожность, чтобы не допустить такого обострения ситуации, когда Россия будет втянута в войну автоматически. В то же время следовало помнить о своих интересах, тем более что задевались наиболее чувствительные струны русской внешней политики — проливы и Балканы. Было очевидно, что русское общество не простит теряющему авторитет правительству повторения «дипломатической Цусимы» 1909 года.

Положение осложнялось тем, что руководство внешней политикой России в 1911 году явно ослабло вопреки требованиям момента. Коковцов уступал как руководитель Столыпину и, по его собственному признанию, «не чувствовал за собой должного авторитета»³. Сазонов из-за продолжительной болезни находился на лечении за границей почти до осени 1911 года, и Министерством иностранных дел управлял А.А. Нератов, несоответствие которого столь ответственному посту было очевидно для всех. В этих условиях Коковцов добился от царя изменения внешнеполитического механизма: МИД должен был сообщать премьеру о всех вопросах внешней политики, имеющих общее значение; эти вопросы должны были отныне обсуждаться Советом министров в полном составе, причем премьер мог сам выносить их на Совет.

Эта реформа не принесла сколько-нибудь заметных результатов, Коковцов надеялся с ее помощью укрепить объединенное правительство, но конфликты между министрами, особенно между премьером Коковцовым и военным министром В.А. Сухомлиновым, только усилились, что свидетельствовало об упадке самого института объединенного правительства⁴. Кроме того, Совет министров так и не сумел выработать общую внешнеполитическую программу, хотя попытки такого рода были предприняты. В январе 1912 года по инициативе Сухомлинова правительство обсуждало весь комплекс внешнеполитических проблем, с которыми сталкивалась Россия: на ближневосточном театре — затяжной характер Итало-турецкой войны из-за Триполи и Киренаики, возможность нового выступления Австро-Венгрии, возможность выступления балканских государств; на среднеазиатском театре — захват турками Урмийского района, неблагоприятное для России развитие событий в Персии; на дальневосточном театре — революционное движение в Китае, маньчжурский и монгольский вопросы⁵. Однако принципиальные решения не были приняты, Совет министров ограничился тем, что наметил по каждому направлению некоторые тактические меры.

Не отрицая важности затронутых на январском заседании Совета министров вопросов, следует все же отметить, что правительство не смогло определить узловые проблемы, с которыми постоянно придется сталкиваться на протяжении 1912–1914 годов, — проливы и укрепление Антанты. Эта неспособность руководителей внешнеполитического ведомства увидеть перспективу, наметить стратегический курс на решающих направлениях объясняет реагирующий характер внешней политики кабинета Коковцова.

1. Накануне балканских войн

Итало-турецкая война резко обострила восточный вопрос, затронув прямые интересы великих держав в Балканско-Средиземноморском

регионе. Албания превратилась в опасный очаг напряженности. Национально-освободительное движение албанцев разрасталось, охватывая все новые и новые районы. Вмешательства Черногории в этот конфликт ожидали с минуты на минуту. Наконец, явно наметилась тенденция сближения Сербии и Болгарии, для которых раздел европейских владений Турции представлялся важнейшей задачей завершения государственного строительства.

В этих условиях русская дипломатия, следуя традиционному пути, стремилась локализовать очаги напряженности, используя свое влияние в столицах славянских государств, а также блоковую политику. Однако, как показали события, возможности этого курса оказались весьма ограниченными.

Вывоз хлеба и проливы. К началу 1912 года военные действия между Италией и Турцией в Северной Африке зашли в тупик. Италия решила нанести Турции удар на ближневосточном театре. 18 апреля 1912 года ее военные суда попытались войти в Дарданеллы, но были обнаружены турецкой береговой артиллерией. Произошла перестрелка. После этого итальянский флот обстрелял ряд островов в Эгейском море. Негодующие турки не только закрыли, но и минировали Дарданеллы. В результате Итало-турецкая война из локального территориально-колониального конфликта превратилась в такое столкновение, в котором оказались затронутыми прямые интересы великих держав, главным образом России и Англии.

Бурное негодование охватило торгово-промышленные круги России. В южнорусских портах скопилось огромное количество грузов. Почти в 5 раз сократился вывоз пшеницы. В телеграммах председателя Биржевого комитета П. Парамонова министрам иностранных дел, промышленности и торговли содержалась просьба предъявить виновникам требование о возмещении убытков, исчисляемых миллионами рублей⁶. Телеграммы аналогичного содержания были направлены председателю Совета министров Коковцову. Терпела убытки и Англия. К концу апреля они составили 100 тыс. фунтов стерлингов⁷.

Правительства России и Англии предприняли энергичные шаги. Коковцов осудил действия итальянского флота. С ним были согласны в Лондоне. 22 апреля турецкому правительству была вручена нота протеста с возложением на него вины за прекращение судоходства. Последовал нажим и со стороны Англии. Ни в Риме, ни в Стамбуле не ожидали такой реакции на эти действия. Министр иностранных дел Италии, оправдываясь, заявил, что была проведена лишь «мирная демонстрация». Турки же, как можно было предвидеть, стали тянуть с ответом, выжидая дальнейшего развития событий. 29 апреля они, возложив всю вину на Италию, обещали открыть проливы как только позволят обстоя-

тельства и при условии гарантирования великими державами безопасности проливов⁸. Петербург и Лондон не удовлетворил неопределенный ответ Турции. Давление на нее не прекращалось. Неодобрительную в отношении Турции позицию заняли Франция и Австро-Венгрия.

Печать России выражала возмущение и недовольство. «Русское слово» требовало «прекратить младотурецкие издевательства над интересами нейтральных держав». «Биржевые ведомости» писали о необходимости коллективных действий всех заинтересованных держав в деле открытия Дарданелл. «Речь» призывала возложить на турецкое правительство ответственность за убытки. «Новое время» потребовало от Сазонова либо внушить итальянцам необходимость отказаться от новых операций в Дарданеллах, либо принудить турок к очистке пролива от мин⁹.

В результате коллективного нажима Турция отступила и 7 мая объявила об открытии проливов (в действительности оно затянулось до 17 мая). На 13 мая ущерб, понесенный русской торговлей, дошел до 10 млн руб. Впервые в Петербурге могли столь конкретно оценить значение проливов для экономического развития юга, да и всей страны в целом.

Стремясь сгладить впечатление от своих «мирных демонстраций», Рим предложил Петербургу пойти на более тесное сближение на политической почве путем расширения соглашения 1909 года*.

Но Сазонов не считал необходимым менять основы русско-итальянских отношений. Соображения министра были следующими: в цели России не входит добиваться формального выхода Италии из Тройственного союза; ей более выгодно, если Италия останется там в качестве малонадежной союзницы; желательно, чтобы Италия в составе Тройственного союза не имела враждебных России обязательств и в то же время состояла в сдержанных отношениях с австро-германским блоком; Россия приветствует установление единых с Италией взглядов на отдельные вопросы и согласованные действия по ним; Россия готова внимательно отнестись ко всем предложениям из Рима¹⁰. Программа Сазонова в «итальянской политике» охватывала как общие (блоковая политика), так и частные стороны. Она была построена на своеобразных расчетах, не лишена хитроумных моментов. МИД России старался придерживаться этой линии до начала первой мировой войны.

Что же касается тактических соображений Петербурга, то момент для политического сближения с Римом был явно неудачным. Куда важнее казалось примирить Италию и Турцию, чтобы избежать поводов к столкновению великих держав. Так родилась идея о посредничестве.

* Имеется в виду соглашение в Раккониджи.

По инициативе германской дипломатии состоялся обмен мнениями, в результате которого Германия, Франция, Россия и Англия занялись выработкой базиса для мирных переговоров.

12 июля в Лозанне (Швейцария) состоялась встреча итальянской и турецкой делегаций. Она не дала результата, поскольку позиции сторон оставались абсолютно непримиримыми. Тогда Италия снова решила оказать давление на Турцию. В ночь с 18 на 19 июля итальянские военные суда вошли в Дарданеллы. Опять последовала перестрелка с турецкой береговой артиллерией. И снова возникла угроза закрытия проливов. Сазонов высказал сильное недовольство, назвав меры Италии «детским актом»¹¹. По Европе пронеслась тревога. Великие державы указали Турции, чтобы она воздержалась от закрытия проливов¹². Встревожились торгово-промышленные круги России. Екатеринославский, Азово-Черноморский биржевые комитеты направили Коковцову телеграммы с просьбой принять меры к обеспечению торгового судоходства через проливы. Коковцов обратился к Сазонову с предложением обратить внимание на эти ходатайства и отреагировать соответствующим образом¹³. До закрытия проливов дело не дошло.

В августе в Швейцарии возобновились итало-турецкие переговоры: великие державы выступали за скорейшее примирение. На Балканах накалялась обстановка. Франция и Англия не исключали возможности роста брожения в своих колониальных владениях в связи с антиитальянской борьбой местного населения Триполитании и Киренаики. В Турции считались с возникновением прямой угрозы балканским владениям. 2 октября турецкое правительство дало указание своей делегации принять основные итальянские условия и подписать мир. 15 октября 1912 года в Лозанне был подписан прелиминарный договор между Италией и Турцией. Признавалась фактическая аннексия Триполитании и Киренаики Италией. Ее признали вскоре все великие державы. Причем Россия сделала это несколько раньше, что произвело в Риме большое впечатление и еще более увеличило симпатии к России, как отмечал в телеграмме послал Крупенский¹⁴. Правительство, общественное мнение, печать России положительно отреагировали на окончание Итало-турецкой войны.

Создание Балканского союза. Итало-турецкая война ускорила возникновение нового кризиса — на Балканах. Турецко-черногорский конфликт из-за национально-освободительного движения в Албании обострился до такой степени, что потребовалось вмешательство великих держав. По этой же причине обострились греко-турецкие отношения. Афины также выражали недовольство положением греческого населения на Крите и во Фракии. София и Белград требовали проведения реформ в Македонии в интересах местного славянского населения. Одним словом, балканские государства имели все основания сплотиться на

почве ненависти к Турции, особенно после того, как младотурки стали проводить политику мусульманской непримиримости.

В России сочувственно относились к идее сплочения славянских народов. О создании Балканского союза как важнейшей задаче русской внешней политики в Петербурге говорили еще с конца 1908 года. Русская дипломатия немало потрудились над тем, чтобы нормализовать отношения между Софией и Белградом.

Однако вскоре выяснилось, что в Петербурге и на Балканах по-разному понимают задачи будущего союза. Россия с самого начала рассматривала этот союз как противовес австро-германской экспансии на Балканах, и поэтому в Петербурге долгое время тешили себя тщетной надеждой привлечь к этому союзу Турцию. Создание же наступательного антитурецкого блока явно противоречило общей стратегической линии Петербурга на поддержание статус-кво на Балканах и его стремлению по мере возможности не создавать поводов к столкновению с Тройственным союзом. Русская дипломатия не раз спотыкалась на переоценке своих возможностей. В 1908 году, в начале боснийского кризиса, Извольского подвела его уверенность в том, что все можно решить с помощью многосторонних и двусторонних соглашений. Теперь же, помогая созданию Балканского союза, русская дипломатия слишком уверовала в то, что она способна вести за собой славянские государства. Между тем у них были свои планы и свои интересы, о подлинном смысле, которых — поделить европейские владения Турции — было нетрудно догадаться.

Переговоры между Софией и Белградом заняли почти полгода из-за разногласий по территориальному вопросу. Русские дипломаты там были осведомлены об их содержании, однако информировали Петербург о том, что предполагаемый союз носит будто бы оборонительный характер и будет служить для поддержания статус-кво на Балканах¹⁵. 13 марта 1912 года состоялось подписание сербо-болгарского договора о союзе, имевшего секретное приложение из пяти статей, направленных против Турции. Признание Петербургом этого союза рассчитывали купить путем предоставления России (правда, не спросив заранее ее мнения) роли арбитра в случае разногласий. Сазонов был вынужден согласиться, поскольку, «отвергнув такую постановку вопроса, Россия предопределила бы в дальнейшем нежелательное направление политики обоих государств» (!)¹⁶. Одновременно он предупредил Софию и Белград, что признает союз только как оборонительный.

Союзников это не смутило. Уже 12 мая 1912 года была подписана сербо-болгарская военная конвенция, состоявшая из 14 статей, в которых определялись конкретные военные меры на случай войны с Турцией: сроки мобилизации, количество выставляемых войск, различные оперативные планы и т. д.

Следующим этапом стало подключение к союзу Греции. В результате переговоров 29 мая 1912 года Греция и Болгария заключили сроком на три года соглашение оборонительного характера, но с наступательным подтекстом. В конце весны 1912 года оформление Балканского союза завершилось.

Какова же была роль России в создании этого союза? Большинство зарубежных историков, как и часть отечественных, сходятся в том, что объявляют Россию творцом этого союза. Правда, первые обычно подчеркивают его антитурецкую направленность, а вторые — возможность его использования на случай европейской войны против австро-германского блока. При этом не учитывается отмеченная выше противоположность планов России и союзников. Поэтому представляется более взвешенной точка зрения Сазонова на роль России в создании Балканского союза, высказанная им в его мемуарах.

Он писал, что Балканский союз был заключен «если не по почину русского правительства, то с его ведома и согласия». Сознвая опасность этого союза для статус-кво на Балканах, но оставаясь верной своему принципу «Балканы для балканских народов», русская дипломатия не могла относиться к сближению славянских государств отрицательно или безразлично. «Не сделать ничего для облегчения достижения Сербией и Болгарией их целей — значило для России не только отказаться от завершения своей исторической миссии, но и сдать без сопротивления врагам славянских народов занятые вековыми усилиями политические позиции... Наше участие в заключении сербо-болгарского союза давало нам право контроля над действиями союзников, а, равным образом, наложения запрета на решительные шаги союзников, не отвечающие видам русской политики»¹⁷.

К несчастью, эта убежденность в послушании «младших славянских братьев», основанная на традиционном для Петербурга патернализме, не могла послужить надежной гарантией мира на Балканах. Переоценившую свои силы русскую дипломатию ожидали серьезные испытания.

Балканский вопрос и зигзаги блоковой политики. Удержать славянские государства от выступления против Турции — на этой задаче русская дипломатия сконцентрировала свои усилия, как только Балканский союз стал приобретать конкретные очертания. Сазонов пытался оказать давление на Белград и Софию. Так, в мае 1912 года он предупредил болгарскую правительственную делегацию об отрицательном отношении России к любому активному выступлению на Балканах¹⁸. Однако все свидетельствовало о том, что союзники готовы вот-вот напасть на Турцию. К такому выводу пришел, в частности, экс-председатель Государственной думы А.И. Гучков, совершивший летом того же года вояж по балканским столицам.

В такой напряженной ситуации Сазонов решил, что одних демаршей в Софии и Белграде недостаточно. Следовало добиться от Турции таких уступок, которые могли бы разрядить положение. Но опыт подсказывал, что давление одного Петербурга на Порту ни к чему не приведет. Только коллективные действия великих держав могли заставить ее провести в своих славянских владениях необходимые реформы. Однако объединение великих держав в условиях противостояния сложившихся группировок было крайне трудной задачей.

То, что такое противостояние стало свершившимся фактом, показала встреча русского и германского императоров в балтийском порту в июле 1912 года. Если на предыдущей встрече в Потсдаме германская дипломатия тешила себя иллюзией, что возможны изменения в составе блоков и привлечение на свою сторону России, то теперь даже в официальном коммюнике существующие группировки были объявлены инструментом поддержания мира. На вопрос Сазонова, будет ли Германия удерживать своего союзника (Австро-Венгрию) от движения к югу на Балканах, германский канцлер ответил утвердительно. Со своей стороны, немцы дали понять, что возлагают на Россию ответственность за сдерживание Балканских государств. Расчет германской дипломатии был прост: «не вмешиваться в балканские дела по мелочам, спокойно выжидать и не играть роль полицейского»¹⁹.

Эту неблагоприятную роль пришлось взять на себя Петербургу, и в такой ситуации многое зависело от поведения его партнеров по Тройственному согласию. Летом 1912 года Сазонов получил возможность прозондировать их позиции, встретившись с руководителями Франции, а позднее и Англии. В августе состоялся визит в Россию французского премьера Пуанкаре. Блоковая политика и балканский вопрос стали главными темами переговоров. Пуанкаре отметил, что в последнее время отношения между Англией и Францией приняли характер «особенной близости» ввиду агрессивной политики Германии, между морскими генштабами обеих стран установлен тесный контакт, а по устному соглашению (в случае нападения Германии) Англия отправит 100 тыс. солдат на бельгийскую границу. Свое сообщение французский лидер просил держать в строгой тайне.

Пуанкаре высказал беспокойство по поводу осложнений на Балканах, считая сербо-болгарский союз наступательным, и предложил совместные действия для предотвращения конфликта. Он добавил, что Франция не решится на военные действия из-за балканских вопросов, если Германия окажется вне конфликта. В случае военного выступления немцев Франция выполнит свои союзнические обязательства по отношению к России. Сазонов отметил, что Россия предупредила Сербию и Болгарию о признании их союза, как исключительно оборонительного.

Руководитель МИД России предупредил, что Россия не будет активно участвовать в военных действиях из-за «внеевропейских колониальных вопросов»²⁰.

Визит Пуанкаре сыграл важную роль в укреплении Антанты, но мало помог Сазонову в его поисках способа не допустить вооруженного столкновения на Балканах. Между тем ситуация продолжала обостряться, особенно опасными стали участвовавшие стычки на турецко-черногорской границе.

22 августа царь на аудиенции сказал германскому послу, что Россия не имеет намерений поддерживать активные действия Черногории, но в то же время выразил надежду, что и турки не перейдут в наступление. В тот же день в Цетинье посланники России, Франции, Германии и Австро-Венгрии предприняли демарш. Король Черногории ответил, что желает поддерживать мир²¹. Правительства Франции и Англии потребовали от Черногории и Турции отвода войск от границы.

В конце августа в Главное управление Генерального штаба русской армии поступили сведения о том, что Черногория, готовясь к активным действиям против Турции, договорилась с Сербией, Грецией и Болгарией о военной и денежной помощи. «Правительство Черногории уверено, что в случае войны с Турцией державы Тройственного согласия не допустят выступления Австрии против Балканских стран»²², — рапортовал русский военный агент в Цетинье.

Попытку в некоторой степени разрядить напряженность сделал австро-венгерский министр иностранных дел граф Берхтольд. 16 августа он выступил с инициативой обмена мнениями между великими державами: склонны ли они дать советы Турции урегулировать положение в Албании и предоставить ей принять меры по административной децентрализации без участия славянских Балканских государств? Великие державы по-разному отнеслись к этому предложению. Россия в принципе не возражала, но полагала, что надо распространить подобные меры и за пределы Албании. Пока предложение Берхтольда обсуждалось в столицах европейских государств, из Стамбула поступило известие о его неприемлемости для Турции. Министр иностранных дел Норадунгян сказал М.Н. Гирсу, что Австрия предлагает поощрить Турцию в продолжении политической децентрализации, которой она вовсе не намерена следовать. Пытаясь раскрыть суть предложений своей страны, австро-венгерский посол в Стамбуле Паллавичини заявил Гирсу, что оно обусловлено желанием найти удобный случай для оказания давления на балканские государства. Русский посол от себя добавил, что это предложение, вероятно, продиктовано стремлением содействовать образованию автономной Албании²³.

Сазонов искал новые варианты урегулирования балканских дел. Он предложил своим партнерам по блоку идею созыва международной кон-

ференции. Однако она не получила поддержки ни в Париже, ни в Лондоне. Державы Антанты посчитали ее преждевременной. Министр иностранных дел России питал надежду достигнуть договоренности во время предстоящего визита в Англию. Англичане пригласили его на встречу еще летом. В письме от 17 июля Бенкендорф отмечал, что английский король дважды говорил ему о большом желании видеть Сазонова у себя в стране²⁴.

20 сентября 1912 года Сазонов прибыл в Англию²⁵. Переговоры охватили широкий круг вопросов как блоковой, так и международной политики в целом. Русский министр был посвящен в англо-французское соглашение, о котором под большим секретом говорил Пуанкаре во время своего визита в Россию. Георг V и Э. Грей заверили Сазонова, что в случае агрессивных акций Германии в Европе, особенно против Франции, Англия не останется в стороне и своими военно-морскими силами нанесет удары по немецкому флоту и коммуникациям, а также отправит на континент сухопутные войска. Русский министр сделал вывод, что это не только личные чувства британских деятелей, но и отражение господствующих в Англии настроений по отношению к Германии. Он получил дополнительную информацию о степени солидарности внутри Тройственного согласия. Сазонов поставил вопрос о необходимости согласованных действий всех держав по предотвращению войны на Балканах, имея в виду выступления в Константинополе и столицах балканских государств. Однако британская дипломатия, несмотря на общий сочувственный взгляд, избегала давать конкретные обещания. Не желая навлекать на себя недовольство мусульманского мира, она фактически противилась давлению на Турцию. В Лондоне были рассмотрены и другие вопросы, касавшиеся политики на Ближнем и Среднем Востоке.

Находясь в Лондоне, Сазонов получил известие о дальнейшем осложнении обстановки на Балканах. 17–19 сентября Болгария, Сербия, Греция и Черногория приступили к мобилизации. 21 сентября была заключена военная конвенция между Сербией и Черногорией. Стремясь как-то предотвратить начало военного конфликта, Пуанкаре внес предложение энергично воздействовать на враждующие стороны, которое было передано в Лондон²⁶. Оно не получило там поддержки.

Из Лондона Сазонов поехал в Париж. Пуанкаре выдвинул новое предложение, чтобы великие державы поручили России и Австро-Венгрии сделать от их имени заявление в столицах балканских государств о недопустимости открытия военных действий. Сазонов отнесся к этой идее сочувственно, но дал понять, что демарш будет иметь успех лишь в том случае, если великие державы окажут содействие реформам²⁷. Но и здесь попытка проведения единой линии союзников по Антан-

те провалилась, поскольку Грей выдвинул дополнительные оговорки. Берхтольд посчитал позиции Турции и Балканских государств не дающими основания для посредничества. Стало известно о мобилизационных мерах в Турции. Ее политические деятели не приняли во внимание коллективный демарш держав по поводу реформ.

Тем временем и балканские государства, и Турция завершили мобилизационную подготовку, 8 октября начались военные действия между Турцией и Черногорией. В это время Сазонов находился в Берлине²⁸. Германская дипломатия тоже проявляла озабоченность создавшейся обстановкой на Балканах. У Сазонова складывалось впечатление, что Германия не собирается ввязываться в войну из-за балканских дел. Но ее беспокоила позиция Австро-Венгрии. Поэтому канцлер Бетман и статс-секретарь Кидерлен посоветовали русскому министру по взаимной договоренности с Австро-Венгрией приложить усилия к предотвращению военного конфликта.

Возвратившись в Петербург, Сазонов провел беседы по балканским делам с послами великих держав. Эти встречи не дали желаемых результатов. Австро-германский блок не хотел идти на энергичные действия. На Вильгельмштрассе были склонны выжидать, то есть фактически не препятствовать войне балканских государств с Турцией. Турецко-черногорский конфликт перерос в войну. Войска Черногории заняли ряд населенных пунктов на территории Турции. Последовало новое предложение Пуанкаре о посредничестве, а в ответ новые отговорки, главным образом со стороны Берлина и Вены. Очередные неопределенные обещания турецкого правительства по поводу реформ не вызывали доверия.

15 октября был подписан итало-турецкий мирный договор. Окончание одной войны ускорило развязывание другой. Балканские страны предъявили ультиматум Турции с категорическим требованием осуществления реформ, который был отклонен в Стамбуле. 17 октября 1912 года Болгария, Греция и Сербия объявили войну Турции.

Существовала ли возможность предотвратить Балканскую войну? Пожалуй, да, и великие державы пытались это сделать, но действовали несогласованно. Каждая из держав руководствовалась в первую очередь собственными интересами. Было очевидно, что традиционный механизм урегулирования — так называемый «европейский концерт» — в данном случае не сработал. С одной стороны, слишком глубокими оказались противоречия между странами в этом регионе. С другой стороны, национальное самосознание в Балканских государствах и во вступившей на путь широких реформ Турции в начале XX века настолько выросло, что система отношений «больших» и «малых» государств дала первый, но серьезный сбой.

2. Балканские войны и Россия

1-я Балканская война между Турцией и сербо-болгаро-греко-черногорским союзом с самого начала носила со стороны последнего национально-освободительный характер. Националистическая политика младотурецкого правительства являлась главной причиной вооруженного столкновения. Отказавшись обеспечить права христианского населения в своих европейских владениях, Турция подтолкнула Балканский союз к выступлению. Кроме того, территориальный раздел европейских владений Турции, являясь важной задачей завершения национально-государственного строительства для славянских государств, должен был способствовать их экономическому развитию.

Война на Балканах обострила противоречия между великими державами. Она стала новым испытанием на прочность Тройственного соглашения, привела к острейшему конфликту между Австро-Венгрией и Россией. Только проведение взвешенной и осторожной политики позволило Петербургу не допустить возникновения общеевропейского конфликта.

Локализация войны. Снова проливы. С первых дней войны на Балканах русская дипломатия сконцентрировала свои усилия на том, чтобы локализовать конфликт. Для этого Сазонов предложил великим державам заявить о своей незаинтересованности в компенсациях и выступить посредниками между воюющими сторонами, опираясь на принципы проведения реформ в европейских владениях Турции и территориального статус-кво²⁹. Столь осторожный подход к проблеме объяснялся прежде всего полной неопределенностью в исходе конфликта. Многие русские дипломаты считали вполне вероятным поражение Балканского союза. Не исключалась возможность оказания давления на Турцию путем военных демонстраций на кавказской границе, чтобы не допустить окончательного разгрома славян³⁰.

Однако этого не потребовалось. Буквально в считанные недели турецкая армия была разгромлена. Сербские, болгарские, греческие и черногорские войска захватили почти всю территорию европейских владений Турции. В этой ситуации сами собой отпали те принципы посредничества, с которыми выступил Сазонов. Он уже не считал нужным создавать балканским государствам препятствия на пути нарушения территориального статус-кво. Более того, теперь, когда болгарская армия осадила Адрианополь и двигалась к Стамбулу, Петербургу пришлось задуматься над тем, как ее остановить. По мнению правительства, угроза турецкой столице могла вызвать резню христианского населения, что привело бы к ее международной оккупации. Чтобы оградить свои интересы, вмешаются Франция и Англия, не удержится и Австро-Венгрия. Дело может кончиться тем, что проливы окажутся в руках сильной державы, и тогда

решение вековой задачи русской дипломатии снова отодвинется на неопределенный срок.

Сазонов безуспешно пытался оказать давление на Болгарию, добиться коллективного выступления великих держав. Все они предпочитали выжидать. Сазонов настоятельно просил Париж взять на себя инициативу переговоров в Берлине и Вене. Ему было необходимо согласие великих держав на раздел территории европейской части Турции между членами Балканского союза.

Уклончивая позиция французского правительства вызвала раздражение у Сазонова, и в телеграмме Извольскому 8 ноября он даже обвинил Париж в поощрении союзников к занятию Стамбула. Извольский попытался успокоить министра, уверял в обоснованности его подозрений относительно позиции Пуанкаре. Посол доказывал, что надо учитывать настроения в Болгарии и не создавать там впечатления, что Австрия и Германия ее поддерживают, а Россия и Франция — нет³¹.

Однако Сазонов получил согласие султана на вызов по одному военному судну каждой державы в Стамбул с целью охраны порядка и самой власти султана. Был поставлен вопрос о вызове в случае необходимости по второму кораблю. Тем временем болгарские войска подошли к Чаталджинской линии (43 километра от Константинополя) — последнему укреплению на пути к турецкой столице. Развернулись ожесточенные бои. Петербург охватила тревога. Министры в спешном порядке запросили у царя разрешение для русского посла в Константинополе вызвать по своему усмотрению часть боевых судов или даже всю Черноморскую эскадру. Царь с раздражением ответил: «С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен».

Планировалось перебросить в Верхний Босфор не только боевые суда, но и войска, присутствие которых должно было, по мнению дипломатов и военных, предотвратить несовместимое с интересами России решение вопроса о проливах. В Морском министерстве не исключали возможности затянуть оккупацию Верхнего Босфора на длительный срок: «тогда легче будет там остаться навсегда». Правда, оказалось, что эта операция практически неосуществима, потому что заняла бы не меньше двух месяцев, что исключало элемент внезапности. Кроме того, повод для отправки войск и эскадры отпал сам собой — болгары так и не сумели прорвать Чаталджинские позиции³². На ближайшее время угроза турецкой столице отпала. Возбуждение в дипломатических кругах по этому поводу пошло на убыль. Закончился один из этапов 1-й Балканской войны.

Итак, по ходу войны всплыл вопрос о проливах. И здесь позиция России была выражена довольно четко: сохранить в руках Турции Стамбул и проливы, не допустить вмешательства (в виде оккупации) великих держав. 12 ноября МИД России высказался более подробно по этому

поводу. Позиция британского кабинета вызывала известное беспокойство. Отмечалось, что английские государственные деятели склонны к мысли об устройстве международного управления в Стамбуле и нейтрализации проливов. Такая постановка вопроса, по мнению МИД, едва ли могла обеспечить первостепенные интересы России. «Никакие международные гарантии», не поддержанные реальной силой, не в состоянии обеспечить свободу проливов, если они не будут защищены от захвата неприятелем с моря и с суши, говорилось в документах МИД. Что касается нейтрализации проливов, то в мирное время она даст России некоторое обеспечение, в случае же осложнений Россия окажется в менее выгодном положении, ибо любая морская держава будет в состоянии беспрепятственно пройти Дарданеллы, невзирая на международные гарантии, и затем запретить экспорт из Черного моря. Из этого делался вывод, что для России важно исключить установление каких-либо ограничительных гарантий международного характера, которые могли бы ее стеснить и в будущем заставить считаться с правами других великих держав³³.

Австро-сербский конфликт и мобилизационный кризис. Вопрос о Стамбуле и проливах оказался не единственной взрывоопасной проблемой, вызванной 1-й Балканской войной. Не успели улеться страсти вокруг похода болгар на турецкую столицу, как в Петербурге возник острый международный кризис, в ходе которого решалось ни больше ни меньше, как быть или не быть общеевропейской войне. Его исходной точкой стали военные приготовления Австро-Венгрии и ответные мероприятия России.

Австрийцы приступили к мобилизационным мероприятиям с самого начала войны на Балканах. В ряд корпусов на южной и восточной границах призывались запасные. В Далмацию, Боснию и Галицию перебрасывались войска и военная техника. Приказ быть в боевой готовности получил австрийский флот. Россия в ответ задержала до 1 января 1913 года увольнение в запас нижних чинов очередного срока службы в европейских округах и на Кавказе.

Австро-Венгрия усиливала военные приготовления по мере того, как все более очевидным становился успех Балканского союза. Вену крайне беспокоило продвижение сербских войск в глубь Албании, которую австро-венгерские правящие круги планировали превратить в «независимое» государство под своим протекторатом. Между тем Сербия считала важнейшей задачей своего участия в Балканском союзе и войне с Турцией получение порта на Адриатическом море. Невзирая на угрозы Вены, сербы продвигались к Адриатическому морю, стремясь поставить великие державы перед свершившимся фактом. 18 ноября они заняли Алесано, Сан-Джованни-ди-Меддуа и Дураццо.

Сазонов выступил с предложением предоставить Сербии Сан-Джованни-ди-Меддуа как нейтральный порт под гарантией великих держав. Пуанкаре и Грей присоединились к его точке зрения. Австро-Венгрия ответила категорическим отказом, Германия и Италия поддержали ее. Возникло опасное противостояние блоков.

В России общественное мнение связывало военные приготовления Австро-Венгрии с австро-сербским конфликтом и поддерживало желание Белграда получить выход к Адриатическому морю. «Новое время» публиковало статьи, в которых рисовались перспективы разрастания австро-сербского конфликта до военного вмешательства великих держав. Русскую дипломатию критиковали за медлительность, запоздалые выступления в балканских делах, пресса требовала решительной поддержки «славянских братьев», активного противостояния Австро-Венгрии.

Вся эта кампания оказывала давление на политику МИД. Сазонову приходилось давать соответствующие разъяснения для печати. Послы Турн и Пурталес неоднократно доносили в Вену и Берлин об этом нажиме на Сазонова, который сам им жаловался. Министр при этом как бы оправдывал свои некоторые будущие поступки антиавстрийского или антигерманского характера.

Примечательно высказанное П. Струве в «Русской молве» (26 декабря 1912 г.) замечание. В статье «Балканские дела и Россия» он приводит оценки различных органов печати, в частности «Нового времени», которое чуть ли не громило правительство за слабость и предательство по отношению к славянам. Автор статьи писал: «Дипломатии выгодно, чтобы ее в известной мере ругали. Ей необходим напор общественного мнения. Напор и запрос общественного мнения есть психологический козырь в руках дипломатии. С этой точки зрения «Новое время» можно приравнять к целому мобилизованному корпусу». По прошествии полугодя Сазонов вспоминал в письме к Извольскому: «Я пережил тяжелую зиму. Как я ни забронировался от всяких нападков, все же их бесчисленные ослиные лягания, которым я подвергался со всех сторон, чрезвычайно затруднили мою задачу. Со всем тем я все время был убежден, что рано или поздно моя точка зрения заслужит всеобщее понимание, что и случилось... Нельзя не признать — и это глубоко отрадный факт, — что правительство в моем лице за время балканского кризиса вернее отражало общественное мнение страны, чем националистическая печать с бессовестным «Новым временем» во главе»³⁴.

Если Сазонов и Коковцов были полны решимости отстаивать свое мнение, несмотря на общественное давление и считая возможной только миролюбивую политику, то другие члены кабинета постепенно склонялись к иной точке зрения. В правительстве сложилась военная партия, рупором которой стал Сухомлинов.

Военный министр с давних пор конфликтовал с Коковцовым: сначала как с министром финансов по вопросам кредитования армии и политики на Дальнем Востоке, затем — как с председателем Совета министров по проблеме объединенного правительства.

Не успела начаться война на Балканах, как Сухомлинов предложил Совету министров такую схему получения кредитов для непосредственной подготовки к войне, что в случае ее принятия он мог бы сам, по своему усмотрению, без согласия кабинета, запустить мобилизационный механизм. Эта попытка не увенчалась успехом, Совет министров сохранил контроль над Военным министерством. Следующую атаку Сухомлинов предпринял, когда убедился в поддержке большинства кабинета, причем на этот раз уже непосредственно в области внешней политики.

8 декабря Сухомлинов направил Сазонову письмо, в котором подчеркивал угрожающий характер военных мероприятий Австро-Венгрии в Галиции (значительное усиление состава некоторых дивизий в мирное время, спешные работы по приведению в порядок укрепленных пунктов, усиление охраны важнейших железнодорожных сооружений и т. д.), вследствие чего она получает военное преимущество над Россией. Через несколько дней состоялось заседание Совета министров, на котором Сухомлинов предложил частичную мобилизацию Киевского, Варшавского и, чуть позднее, Одесского военных округов. Большинство министров поддержали Сухомлинова; против выступили лишь Коковцов и Сазонов. Они доказывали, что ни внутреннее, ни тем более внешнее положение России не позволяют рисковать, что мобилизация способна привести ко всеобщей войне, в то время как на партнеров положиться нельзя. Сазонов убеждал министров, что ситуация находится под контролем и открывшееся в Лондоне совещание послов великих держав способно найти приемлемые пути решения вопроса о сербском порте. Однако эти доводы не изменили позиции большинства кабинета. Сазонову и Коковцову удалось лишь отложить на неделю окончательное решение вопроса о частичной мобилизации³⁵. В Военном министерстве тем временем готовили мобилизационные ордера.

18 декабря состоялось новое заседание. В этот день от посла в Вене пришла телеграмма, на которой царь сделал пометку: «Сам посол признает, что мобилизация всей армии почти закончена. Это крайне серьезно»³⁶. В такой ситуации новое обсуждение ничего не дало. Коковцов и Сазонов так и не смогли убедить коллег в правильности своего курса. Тогда Коковцов решил пожертвовать своим главным принципом решать все вопросы через Совет министров и предложил, чтобы последнее слово сказал Николай II. 24 декабря на состоявшемся в Царском Селе совещании Коковцов убедил царя в том, что мобилизация может привести к конфликту со всем Тройственным союзом, несмотря на то что она будет направлена только

против Австро-Венгрии. Николай согласился воздержаться от частичной мобилизации, заменив ее удержанием запасных³⁷.

Как оказалось, это был самый напряженный момент австро-сербского конфликта. В Вене решали: выступить или нет против Сербии, причем поддержка Берлина вплоть до вооруженного вмешательства была обеспечена. Но Сербия пошла на уступки и согласилась передать вопрос о морском порте на рассмотрение конференции великих держав, а осторожная линия Коковцова и Сазонова лишила австрийскую военную партию главного козыря. Император Франц Иосиф в последнюю минуту отменил вторжение в Сербию.

Высшая точка мобилизационного кризиса миновала, но положение оставалось очень опасным. К середине января 1913 года, согласно справке начальника Генштаба Я.Г. Жилинского, из 16 корпусов Австро-Венгрии только в 12 из них штаты были доведены до размеров военного времени. Из них лишь 5 предназначались для действий против Сербии. Остальные — против России. Помимо укрепления ряда пунктов в Галиции в пограничной полосе активизировалась австрийская разведка, было выловлено немало австрийских шпионов; в то же время австрийские власти чинили препятствия для въезда русских в Галицию³⁸.

К концу месяца обстановка несколько стабилизировалась. Австрийский император решил послать в Петербург князя Гогенлоэ с собственноручным письмом Николаю II. Сазонова уведомили, что этот шаг преследует цель ослабить напряжение в русско-австрийских отношениях. Гогенлоэ был в прошлом военным атташе в Петербурге и пользовался расположением царя.

Князь прибыл в столицу России и 3 февраля встретился с царем. Николай II и Гогенлоэ затронули ряд вопросов политики на Балканах. Последний отрицал стремление Австрии оккупировать новые территории, говорил о необходимости объединить усилия монархических государств, с тем чтобы малые страны считались с их намерениями. Отмечалась, хотя и в общей форме, желательность отмены военно-мобилизационных мер обеих держав³⁹. Состоялась также беседа между Сазоновым и Гогенлоэ. Последний отрицал намерение Австрии напасть на Россию. Война же с Сербией может быть лишь в том случае, если она осуществит агрессию в Боснии и Герцеговине. Министр иностранных дел России жаловался на трудности из-за давления общественного мнения, защищал политику Сербии, отказавшейся от порта в Адриатике. Австрийский представитель доказывал, что в данный момент трудно приступить к сокращению военных мероприятий, но обещал походатайствовать о шагах в этом направлении⁴⁰. Сазонов остался недоволен итогом визита Гогенлоэ, который не привез никаких предложений по демобилизации и разоружению.

Однако в Вене, по-видимому, тоже пришли к выводу о необходимости найти компромиссный выход. Уже 14 февраля от Гирса поступила телеграмма о роспуске части запасных в XI корпусе. Затем австрийское правительство уведомило о своей готовности сократить численность войск в Галиции. Россия ответила, что в таком случае и она будет в состоянии уволить запасных⁴¹. Между Петербургом и Венной начались переговоры о тождественном сообщении для русской и австрийской печати по поводу решения ослабить военные мероприятия. Русская сторона настаивала, чтобы там было сказано об отсутствии у Австро-Венгрии агрессивных намерений в отношении южных соседей. Берхтольд сопротивлялся, но в конце концов и этот вопрос был урегулирован на компромиссной основе⁴². В правительственном сообщении говорилось о решении сократить численность австро-венгерских войск в Галиции до обычной нормы и о роспуске русских воинских чинов, подлежащих увольнению в запас осенью 1912 года.

Тревожная обстановка в связи с Балканской войной как бы выплеснула на поверхность то, что скрывалось под покровом дипломатических переговоров. Великие державы шаг за шагом приближались к общеевропейскому конфликту, хотя у каждой имелись свои расчеты относительно сроков его начала. Ни у кого уже не было сомнений в том, что Германия всегда придет на помощь Австро-Венгрии.

Лондонская конференция послов и скутарийский кризис. Сложный путь к перемирию. Пока решался вопрос о мобилизационных мероприятиях, на Балканах произошли события, которые повлияли на позиции великих держав, Болгары поняли, что им не удастся прорвать Чаталджинские укрепления, и дали согласие на перемирие. Оно было подписано 3 декабря. Параллельно шел процесс подготовки мирной конференции. Местом ее проведения был избран Лондон. Она открылась 16–17 декабря 1912 года и фактически делилась на две части: конференция Балканских стран и Турции и совещание послов шести великих держав.

Поскольку речь должна была идти о территориях, предварительно коснемся планов балканских государств. По сведениям российского МИД, Македонию предполагалось разделить между Болгарией, Сербией и Грецией, Албанию — между Черногорией, Сербией и Грецией. У Болгарии имелись притязания на территорию до линии от устьев Марицы на Люлебургаз, Бунар-Хиссар к Черному морю, у Сербии — на Новобазарский санджак с уступкой небольшой полосы Черногории.

Эти планы не могли быть реализованы как из-за разногласий участников схватки, так и из-за противоречий между великими державами. Россия старалась действовать согласованно с Англией и Францией. Соответственно координировали свои шаги и страны Тройственного союза.

В первые дни конференции были выработаны решения лишь по нескольким вопросам. Так, Сербии предоставлялся коммерческий выход к порту на албанском побережье. Порт должен был оставаться нейтральным, а связь — осуществляться по железной дороге под европейским контролем. По предложению посла Франции было принято решение о сохранении за Османской империей Стамбула с прилегающей территорией и побережья Мраморного моря.

Великие державы пришли к общему мнению по албанскому вопросу. Предварительно в России были разработаны два проекта. Первый (посланника в Софии Неклюдова) предоставлял Албании широкие права автономии в составе Турции. Второй (консула в Митровице Петряева) тоже сохранял за Турцией суверенитет над Албанией, но одновременно устанавливал контроль за деятельностью турецкого генерал-губернатора со стороны шести великих держав. Сазонов составил единый проект и переслал Бенкендорфу в Лондон⁴³. После того как 28 ноября в Валоне албанцы провозгласили свою независимость, в Лондоне было принято решение о создании под сюзеренитетом султана автономной Албании, статус которой гарантировали шесть великих держав. Задача России состояла в том, чтобы не позволить Австро-Венгрии добиться преобладающего влияния в Албании. Решение этой задачи в основном достигалось. Спорный вопрос о границах нового государства был по предложению России отложен.

Острая борьба разгорелась вокруг территориального разграничения на Балканах. Она шла не только между победителями и Турцией, но и между союзниками. Ситуацию усложняло своекорыстное вмешательство великих держав. Турецкое правительство заявило, что ни в коем случае не согласно уступать осажденный Адрианополь, на чем настаивали болгары. Исход спора во многом зависел от позиции держав. Для России усиление балканских государств путем территориальных приращений представлялось, в общем-то, желательным. Но ослабление Турции было приемлемо для нее лишь до определенных пределов. Турция должна была сохранить в своих руках проливы с прилегающей территорией. Правящие круги России не устраивала перспектива дальнейшего продолжения военных действий с возможными нежелательными последствиями.

Упрямство и несговорчивость Турции вызывали большое недовольство в Петербурге. Сазонов в телеграмме в Стамбул отмечал, что Порта должна считаться с фактами и подчиниться необходимости удовлетворить балканские государства. 21 декабря он поручил русскому послу сделать турецкому правительству серьезное предупреждение: если оно будет настаивать на сохранении Адрианополя, Скутари, Янины и не пойдет на мир на условиях проведения границы южнее Ад-

рианополя, то возобновление военных действий станет неизбежным, а тогда нельзя будет поручиться за сохранение нейтралитета России. «Помимо всего, возобновление военных действий вызовет, пожалуй, осложнение во внутреннем положении Малой Азии и пограничных с ней областях, что может вынудить нас к принятию соответствующих мер», — подчеркивал русский министр. Заявление, как видим, содержало едва скрытую угрозу. На телеграмме из Лондона от 22 декабря 1912 года царь начертал резолюцию: «Чтобы принудить Турцию к скорейшему заключению мира, я думаю, нам не обойтись без серьезного давления на нее»⁴⁵. Другие великие державы с неодобрением отнеслись к такой позиции Петербурга, но все же советовали Турции не срывать переговоры.

Шли дебаты по поводу албанского города Скутари, на который претендовала Черногория. Россия, Франция и Англия поддерживали ее. Категорически против выступала Австро-Венгрия, не желавшая допустить усиления этой славянской страны. Австрийские дипломаты доказывали, что город должен быть оставлен за Албанией. Берхтольд считал вопрос о Скутари престижным и отмечал, что Австрия тоже имеет там свои позиции (церковь, школы)⁴⁶.

Рассмотрение скутарийского вопроса затянулось. Между тем Турция продолжала упорствовать в вопросе о европейских границах. Чтобы сломить ее сопротивление, великие державы подумывали о средствах давления, таких как коллективный демарш послов или морская демонстрация. В ходе разработки текста коллективной ноты Россия и Франция старались придать ей решительный характер, Германия настаивала на возможно мягкой форме. Она предлагала осуществить одновременное выступление послов в Софии. Наконец 17 января послы шести великих держав в турецкой столице передали коллективную ноту, в которой говорилось, что Турция берет на себя серьезную ответственность, отказываясь следовать их советам по восстановлению мира. Если при дальнейшем продолжении войны возникнет опасность ее столице, турецкое правительство должно будет обвинять только себя и не рассчитывать на спасательную миссию держав. Турции советовали уступить Адрианополь, причем державы брали на себя обязанность позаботиться о защите интересов мусульман в городе⁴⁷. 23 января в Стамбуле произошел государственный переворот, приведший к власти прогермански настроенную группировку младотурок. Это вызвало сильное беспокойство в Петербурге. Тем не менее Сазонов не считал возможным отказываться от позиции, выраженной в ноте⁴⁸.

Ответ Турции пришел в последних числах января. Она предлагала компромиссное решение адрианопольского вопроса: разделить город на две части, одну из которых соглашалась уступить. Балканские союз-

ники не были удовлетворены таким ответом. Сазонов в телеграмме послу в Берлине Свербееву отмечал, что новый турецкий кабинет не может рассчитывать на перемену взглядов великих держав, нашедших выражение в коллективной ноте. Возобновление же военных действий он искренне хотел бы предотвратить, опасаясь «неизбежности поворота общественного мнения России»⁴⁹.

Тем не менее 31 января Болгария объявила о прекращении перемирия. 3 февраля военные действия возобновились. Они не принесли успеха болгарской армии. Ей не удалось ни преодолеть укрепленную линию у Чатадджи, ни овладеть Адрианополем. В Софии вновь стали склоняться к установлению перемирия, с другой стороны, и Турция оказалась в тяжелом положении. Снова возник вопрос о медиации великих держав. О ней просило само турецкое правительство. Конференция послов в Лондоне согласилась выработать условия будущего мира, но при этом потребовала от Турции, чтобы та не создавала новых препятствий. Порта была вынуждена ответить положительно. Параллельно в Лондоне продолжались споры о границах Албании. Россия и Франция предлагали передать Сербии города Ипек, Призрен, Дибру, Дьяково. Австро-Венгрия выступала за оставление их Албании.

Россия стремилась укрепить положение Сербии и не дать Австро-Венгрии превратить Албанию «в автономную турецкую провинцию». Сазонов считал, что необходимо воспрепятствовать установлению политического преобладания Австрии в Албании⁵⁰.

Кайзеровское правительство уговаривало свою союзницу пойти на некоторые уступки, учитывая, что в ходе торга из-за Скутари позиции держав менялись. Россия перестала настаивать на присоединении города к Черногории. В этих условиях сначала Дибра, а затем Ипек и Призрен были оставлены Сербии. Конференция в Лондоне приняла соответствующее решение. Что касается Дьяково, то некоторое время Берхтольд еще оказывал сопротивление, но, взвесив все за и против, 21 марта дал согласие на передачу его Сербии, потребовав от России подтверждения ее позиции в отношении Скутари. Таким образом, один круг вопросов как будто получил разрешение.

Наметился прогресс и в другом направлении. К середине марта конференция послов решила принять в качестве основы для переговоров о болгаро-турецкой границе линию Энос-Эрген-Мидия. Турция соглашалась на это, но Болгария еще не потеряла надежды добиться большего. Подбросив к Адрианополю новые силы и получив подкрепление из Сербии, болгарские войска начали штурм крепости, и 26 марта она пала. Были захвачены много пленных и богатые трофеи.

В России к вести о падении Адрианополя отнеслись неоднозначно. Общественное мнение господствующих классов выражало большое

удовлетворение успехом союзников. С другой стороны, МИД не без основания опасался роста болгарских амбиций. Болгария стала готовить силы для штурма Чаталджинской лици. Вновь замаячила угроза турецкой столице. На конференции болгары начали требовать передвижки пограничной линии Энос-Мидия в сторону Стамбула. Дипломатия России избрала следующую тактику: воздействовать на Софию, дабы болгарские войска в случае преодоления Чаталджинских укреплений не пошли на Стамбул, и одновременно побудить Турцию пойти на уступку болгарам относительно пограничной линии. Турция не соглашалась с этим, а другие великие державы не желали оказывать на нее давление.

В Петербурге считали, что в случае прорыва болгарскими частями Чаталджинских позиций следует вернуться к положению, существовавшему на конец октября 1912 года, когда Гирсу было предоставлено полномочие вызвать в столицу Османской империи корабли Черноморского флота⁵¹. Получив одобрение царя, министр иностранных дел телеграфировал 30 марта послу: «В случае вступления болгарской армии в Константинополь в водах Босфора должна находиться внушительная русская эскадра для ограждения мирного христианского населения столицы». Со своей стороны, Гирс считал, что следует предварительно получить согласие Турции на приход эскадры и на десант, который мог бы предотвратить вступление болгар в столицу⁵².

Между тем правительство Болгарии стало выдвигать новые требования, главным из которых стал выход к Мраморному морю. Сазонов был категорически против этого и просил Париж и Лондон соответствующим образом воздействовать на Софию. В беседах с посетившим Петербург председателем Народного собрания Болгарии Даневым министр иностранных дел заявил, что Россия уже сделала крайнюю уступку в отношении линии болгаро-турецкой границы и стремление Болгарии иметь выход к Мраморному морю натолкнется на ее решительное противодействие. «Россия не может допустить, чтобы свобода плавания через проливы могла зависеть от усмотрения Болгарии, ...не может подвергать первостепенные свои интересы какому-либо риску, в зависимости от случайного направления того или другого кабинета Софии»⁵³, — говорил он болгарскому деятелю. Сазонов обещал поддержать требование Болгарии о денежном вознаграждении, но натолкнулся на отрицательное отношение Англии и Германии.

Русская дипломатия предприняла энергичные шаги, чтобы добиться возобновления перемирия. В конце концов это удалось. 14 апреля было подписано перемирие на 10 дней. 24 апреля оно было продлено. 26 апреля балканские союзники, как и Турция, приняли условия медиации держав, линия Энос-Мидия признавалась основой для переговоров. Вопросы об Албании и судьбе островов Эгейского моря остались

открытыми. Перемирие в определенной степени разрядило напряженность обстановки и перевело решение большинства проблем в русло переговоров.

Однако в этот момент вопрос о Скутари приобрел характер международного кризиса. Черногория, поддерживаемая Сербией, подвергла город осаде. Ее правительство ни за что не хотело поступиться своими требованиями. Непримиримым противником притязаний Черногории выступила Австро-Венгрия. К апрелю 1913 года черногорско-австрийские отношения резко ухудшились. Вена ставила вопрос об отправке морской эскадры великих держав в воды Черногории и грозила единоличными действиями. Державы австро-германского блока упрекали Россию в недостаточном воздействии на Черногорию. Не возражая в принципе против морской демонстрации, Сазонов тем не менее отказался послать для участия в ней русские суда. Русское общественное мнение, пресса обвиняли Сазонова в слабой поддержке политики Черногории. Министр был даже вынужден выступить с разъяснениями. 11 апреля 1913 года в печати появилось официальное сообщение, в котором рассматривались возникновение и ход Балканской войны и политика России. Главной задачей России провозглашалось обеспечение за союзниками, насколько возможно, результатов их побед. Она решила дипломатическим путем, согласованными действиями держав. Все решения, связанные с войной, принимались «европейским концертом». «Отстояв Призрен, Ипек, Дьяково, Дибру в интересах славян, Россия сочла нужным согласиться на присоединение к Албании Скутари», — отмечалось в официальном сообщении. Скутари является албанским городом, и уступка эта сделана во имя сохранения мира.

В заключение формулировалась позиция России по отношению к славянским народам: «Россия — великая славянская православная держава и, в качестве таковой, она никогда не скупилась на помощь и жертвы своим братьям. Но отношения России к единоверным и единоплеменным государствам не могут быть построены на обязанности русского правительства всегда и во всех случаях исполнять все их желания и требования. У наших младших братьев есть также обязанности, о которых им не всегда умеет напомнить наша печать, относиться с уважением к советам, коими Россия не злоупотребляет, и помнить, что если мы гордимся их успехами, то эти последние не могли бы осуществиться без России, призвавшей их к жизни...».

Король Черногории решил форсировать события, вступив в тайную сделку с командующим турецкими войсками в Скутари Эссад-пашой. Последний 23 апреля сдал город в обмен на обещание провозгласить его правителем Албании. Создалась опасная ситуация. Австро-Венгрия требовала ужесточения санкций вплоть до высадки десанта.

Лондонское совещание послов приняло обращение к черногорскому королю, в котором настаивало на скорейшей эвакуации Скутари. 27 апреля послы великих держав в Цетинье потребовали от Николы Негоша выполнения указанного решения. Сазонов упрекал его в «предосудительном забвении всех обязанностей», «решительном непонимании серьезности положения»⁵⁴. Одновременно русский министр старался смягчить жесткую позицию Вены и Берлина. Королю Черногории пришлось уступить. Попытки Сазонова поставить вопрос о территориальных или экономических компенсациях Черногории за этот шаг натолкнулись на резкое сопротивление центральных держав. 4 мая король Никола послал в Лондон телеграмму с согласием передать вопрос о Скутари на решение великих держав. На следующий день конференция послов решила отдать этот город международным силам без всяких условий.

Завершение 1-й Балканской войны. Казалось, все было подготовлено для подписания мирного договора. Но тут между Болгарией, с одной стороны, и остальными союзниками — с другой, возникли новые разногласия по территориальному вопросу.

Сербия требовала пересмотра договора с Болгарией. Она считала себя обделенной в вопросе выхода к Адриатическому морю и требовала компенсаций в Македонии, подчеркивая свой большой вклад в победу союзников. Вопрос о разделе Македонии поднимался и Грецией. Болгария же ничего не хотела менять, настаивая на сохранении условий союзного договора. До Петербурга доходили сведения о новых военных приготовлениях в этой стране под влиянием австро-германского блока. Сазонов в связи с этим указывал 16 мая посланнику в Софии Неклюдову: «На один путь зовут Болгарию ее ложные доброжелатели, на другой приглашает ее Россия, предостерегая от ложного и гибельного выбора»⁵⁵.

Позиция русской дипломатии выглядела следующим образом: Россия считает обязательным соблюдение условий договора. Вместе с тем она признает, что требования Сербии, внесшей большой вклад в победу, не могут быть оставлены без внимания, на что есть основания морального характера и политической целесообразности. Свою позицию по вопросу о территориальных компенсациях Сазонов объяснил в письме посланнику в Белграде Гартвигу от 5 мая. Первостепенное значение придавалось им Сербии с точки зрения как влияния России в регионе, так и создания прочного заслона против дальнейшего проникновения Австро-Венгрии на Балканский полуостров. Что касается Болгарии, то отношение к ней осложнялось из-за близости ее к турецкой столице. «Национальный эгоизм болгар может получить опасное преобладание над традициями прошлого», — отмечал Сазонов. В заключение делался вывод, что главная задача России — осуществить умиротворяющее воздействие и не допустить распада союза балканских государств.

Россия поначалу была готова выступить в роли арбитра, третьей-го судьи, хотя и признавала всю трудность этой неблагодарной миссии, но затем по ряду причин отказалась от нее. 24 мая Гартвиг предложил идею переговоров четырех премьеров, входящих в Балканский союз. В этот момент решительную позицию занял Грей. 26 мая он в категорической форме потребовал от участников войны подписать мир. Нежелающие это сделать должны покинуть британскую столицу. Форин-офис организовал дополнительный нажим на великого визиря через посла в Стамбуле. Одновременно продолжалось воздействие со стороны Сазонова.

Сербский поверенный в делах в Берлине Богичевич сообщил русскому послу Свербееву, что сербо-болгарские отношения обострились до такой степени, когда до открытия военных действий остается один шаг⁵⁶. Все же 30 мая мирный договор между Турцией и Балканскими странами был подписан. Турецко-болгарская граница определялась линией Зное — Мидия. Остальные европейские владения султана отходили к союзникам, за исключением Албании, чье положение и границы передавались на усмотрение великих держав.

Так закончилась 1-я Балканская война. Россию ее итоги, в общем, устраивали. Однако победа союзников была омрачена резкими противоречиями внутри Балканского союза. Неклюдов сообщал из Софии, что хотя мир с Турцией подписан, но никакого ликования нет, ибо все поглощены предстоящей новой войной⁵⁷.

2-я Балканская война. 1 июня 1913 года Греция и Сербия подписали военную конвенцию, направленную против Болгарии, и договорились о разделе сфер влияния в Македонии. Затем им удалось склонить на свою сторону Черногорию. В Греции общественное мнение упорно настаивало на войне с Болгарией. 2 июня безрезультатно закончилась встреча в Цариброде премьер-министров Болгарии и Сербии Гешова и Пашича. Гартвиг телеграфировал о сильном давлении на Пашича со стороны политических партий и большинства членов кабинета, требовавших поставить вопрос перед Болгарией ребром⁵⁸.

Воинственные настроения царили и в Софии. Там были уверены в превосходстве болгарских войск и не хотели идти ни на какие уступки Сербии. В последнем вопросе, по словам Неклюдова, «возникла гранитная стена»⁵⁹. Как Берхтольд, так и Ягов были очень довольны таким развитием событий. В лагере Тройственного согласия, особенно в России, доминировали настроения противоположного характера. 6 июня 1913 года А.А. Нератов поручил передать правительствам Болгарии и Сербии, что на сторону, «которая не использовала бы всех мирных средств разрешения конфликта, нами будет возложена ответственность, последствия коей мы предоставляем себе определить»⁶⁰.

8 июня Николай II отправил монархам Сербии и Болгарии телеграмму, в которой возлагал ответственность на страну, посягнувшую развязать войну. Россия сохраняла за собой полную свободу «по отношению к результатам столь преступной борьбы»⁶¹. В ответ болгарский царь Фердинанд обвинял Сербию в провоцировании войны и в уклонении от арбитража, а сербский король Петр выдвигал аргументы в пользу ревизии договора с Болгарией. Надеясь на урегулирование, Сазонов пригласил в Петербург премьеров четырех Балканских стран для «обсуждения разногласий и способов их разрешения». Главы правительств тянули с ответом. В Болгарии произошла смена кабинета. Новый премьер Данев пошел на поводу у правящей клики и фактически уклонился от приглашения.

Безуспешной оказалась и попытка Сазонова путем коллективного демарша великих держав заставить балканских союзников сократить свои вооруженные силы. На пути встали державы Тройственного союза. Статс-секретарь по иностранным делам Германии Ягов посчитал лучшим «решить спор теперь», то есть не препятствовать новой войне на Балканах. На состоявшемся 22 июня в царском дворце в Софии совещании было принято решение о войне с бывшими союзниками⁶².

Не зная об этом, министр иностранных дел России попытался использовать для предотвращения столкновения арбитраж. Правительства Балканских стран прямо отказать не могли, но выдвигали различные условия. Например, Болгария высказалась за арбитраж шести великих держав, Греция — только России и Германии. Пашич лично не возражал против арбитража, но на него оказывали давление другие члены сербского правительства, представители армии и флота.

Видя провал своих инициатив, Сазонов 26 июня предложил Даневу безотлагательно прибыть в Петербург. Он заявил болгарскому посланнику, что Болгария, подчинясь внушениям Австрии, совершает акт предательства по отношению к славянскому делу. Это безнравственно и может привести к горькому разочарованию⁶³.

Греческое правительство тоже держало курс на войну с Болгарией. Активизировалась Румыния. За свой нейтралитет во время войны она требовала компенсаций. Весной 1913 года при попустительстве великих держав она отобрала у Болгарии Силистрию. Румынским правящим кругам этого казалось мало. Они решили воспользоваться новыми осложнениями. Глава правительства Майореску заявил, что в случае войны между Болгарией и Сербией Румыния мобилизует армию, начнет военные действия против Болгарии и займет территорию по линии Тутракан–Балчик. Сазонов решил использовать румынскую карту. Он предупредил Данева, что в случае столкновения болгар с сербами и греками он и пальцем не шевельнет, чтобы удержать Румынию⁶⁴.

Однако остановить Болгарию было невозможно. 30 июня болгарские части атаковали сербские и греческие войска по всему фронту. Началась 2-я Балканская война. Используя фактор внезапности, болгарская армия продвинулась на 5–10 километров, заняла ряд населенных пунктов. Но вскоре сербская и греческая армии сами перешли в наступление и отбросили болгар за пределы исходных позиций. К тому же 5 июля в войну вступила Румыния. Болгария попала в трудное положение. Из Софии последовало обращение к России с просьбой оградить от нападения Румынии. Сазонов ответил, что не может встать на сторону ни одной из воюющих сторон, его цель — изыскивать способы прекращения войны⁶⁵. Воспользовалась моментом и Турция. 3 июля великий визирь заявил австрийскому послу, что его правительство не сумеет удержать армию от выступления⁶⁶. Через три дня Турция предъявила Болгарии требования очистить территорию до линии Энос–Мидия. Гирс напомнил Порте, что прелиминарный мир заключен при содействии великих держав и его нарушение лишит Турцию их покровительства⁶⁷. Между тем правительство Болгарии, терпевшей поражение, обратилось к России с просьбой о заступничестве и посредничестве. В Петербурге сознавали, однако, что остановить сербов и греков невозможно. Кроме того, считалось целесообразным наказать Болгарию за недавнюю строптивость. Ей посоветовали пойти на приемлемые для Сербии и Греции условия. 9 июля Сазонов обратился к воюющим сторонам с призывом прекратить военные действия, хотя больших надежд на согласие Белграда, Афин и Цетинье не возлагал.

Австро-Венгрия сначала была довольна выступлением болгар, расколовшим Балканский союз, но затем стала проявлять серьезную озабоченность. Берхтольд даже подумывал об активном вмешательстве в защиту Болгарии. Но Германия сумела убедить союзницу в несвоевременности такого шага. Положение Болгарии с каждым днем ухудшалось. Ее правящие круги буквально умоляли правительство России остановить продвижение войск Сербии, Греции и Румынии и положить конец войне. В армии началось брожение. Сазонов попытался удержать Румынию от развития операций на болгарской территории, но безуспешно. Из Бухареста отвечали, что для этого надо приостановить действия других держав.

Турция также включилась в войну. Несмотря на предупреждение России, что всякая попытка вернуть утраченное может привести к опасным последствиям, турецкие войска не только подошли к линии Энос–Мидия, но и пересекли ее, нарушив условия Лондонского мира. 19 июля Фердинанд отправил Николаю II телеграмму следующего содержания: «Болгария, окруженная армиями пяти соседних нам государств, находится на пороге гибели... Прошу заступничества Вашего Величества

в том, чтобы турки приостановили свое нашествие на территориях, приобретенных кровью сотни тысяч болгар, и в том, чтобы положить конец истреблению христианских народов»⁶⁸. 20 июля турки вступили в Адрианополь. Болгарский монарх обратился также к австрийскому императору.

Центральные державы продолжали выжидать. Англия и Франция вяло поддерживали предложения Сазонова о мерах воздействия на Турцию. В Лондоне и Париже, как известно, не хотели усиления влияния России на Балканах и Ближнем Востоке⁶⁹. Сазонов между тем выступил с инициативой скорейшего заключения перемирия между Балканскими государствами. Великие державы обсуждали также вопрос о новой международной конференции по урегулированию всего комплекса возникших в связи с войной проблем. Обе группировки были согласны с этой идеей. Местом конференции по предложению Ягова был избран Бухарест.

Пытаясь остановить Турцию, Сазонов предлагал ряд принудительных мер. Однако центральные державы выразили несогласие с морской демонстрацией. Осторожную позицию занимали также Франция и Англия. Сазонов имел резкое объяснение с турецким послом. Он, указав на недопустимость изменения установленной в Лондоне границы, намекнул на возможность силовых контрмер⁷⁰. Послы центральных держав в Петербурге тотчас донесли, что не исключается возможность вторжения России в Западную Армению. Это вызвало переполох не только в Берлине и Вене, но и в Париже и Лондоне. Западные партнеры дали понять, что не одобряют «единоличных» шагов России. Вместе с тем как Грей, так и Пишон осудили переход турецкими войсками установленной мирным договором границы. Разнобой в позициях держав позволил Турции игнорировать предупреждения. Австро-германский блок постепенно стал склоняться к поддержке турецких претензий. Ягов говорил о трудности выдворения турок из Адрианополя, посол в Константинополе Г. Вангенгейм пугал возникновением в Турции анархии и бесчинств, если ее вновь лишат этого города⁷¹. Сазонову пришлось согласиться на исправление линии Энос–Мидия в пользу Турции.

Приближение армий Балканских стран и Турции к болгарской столице серьезно тревожило великие державы. Они активизировали усилия в пользу примирения. 28 июля главы правительств воюющих государств прибыли в Бухарест, где 30 июля открылась мирная конференция. Активное участие в развернувшейся борьбе приняли посланники великих держав в Софии. Обстановка на конференции не раз осложнялась. Бурный характер принял, в частности, греко-болгарский спор из-за Каваллы — укрепленного города и морского порта на берегу Эгейского моря, Россия выступила за передачу Каваллы Болгарии, считая, что Греции

достаточно Салоник. Для Болгарии это был единственный выход к Эгейскому морю. Сохранив порт за ней, можно было рассчитывать удержать Болгарию в сфере русского влияния. Россию неожиданно поддержала Австро-Венгрия, исходившая из своих целей на Балканах и рассчитывавшая перетянуть Софию на свою сторону. Зато Англия и Франция стояли за передачу Каваллы Греции, с которой были тесно связаны. Ягов, в свою очередь, полагал, что передача Каваллы Греции больше импонирует интересам Тройственного союза. На стороне Германии оказалась и Италия. Таким образом, в данном вопросе блоковая политика отошла на второй план. Соотношение голосов великих держав предопределило передачу Каваллы Греции.

10 августа 1913 года в Бухаресте был подписан мирный договор между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Грецией, Румынией и Черногорией — с другой, завершивший 2-ю Балканскую войну. Болгария лишилась значительной части недавно завоеванной территории. Кроме того, она должна была отдать Румынии Южную Добруджу. Значительные территориальные приращения получили Сербия, Греция.

Открытым остался вопрос о болгаро-турецком разграничении. Центральные державы, по существу, встали на путь поддержки стремлений Порты отвоевать часть потерянной территории. Англия и Франция тоже не противились этому. Российской дипломатии оказалось очень трудно в одиночку отстаивать условия Лондонского договора. В результате в сентябре того же года по соглашению между Болгарией и Турцией последняя сохранила Адрианополь и добилась небольшого исправления границы в свою пользу.

Каковы же итоги Балканских войн с точки зрения русской внешней политики? Оценивая их, нужно рассматривать обе войны в совокупности, а не разрывать их, отмечая, что от 1-й Балканской войны Россия выиграла больше, чем от второй, поскольку Балканские войны — это единый процесс воссоединения малых государств, перекройки карты Балканского полуострова, дележа европейских владений Турции.

В результате русская внешняя политика добилась известных успехов, но потерпела и неудачи. Положительным итогом следует признать значительное усиление Сербии и установление общей границы между нею, Грецией и Черногорией. В результате на Балканах создавался территориальный барьер на пути австрийской экспансии к югу. Исправление Турцией своей границы после 1-й Балканской войны, дававшее большую безопасность для Константинополя и проливов, также соответствовало интересам России, поскольку, как признавал Сазонов, «уменьшилась непосредственная опасность внезапного морского нападения со стороны Греции» или новой попытки Болгарии прорваться к турецкой столице по суше⁷². Территориальные приобретения Румынии

также были на руку России: в Бухаресте убедились в том, что австро-германский блок не склонен поддерживать претензии румын, и это толкало их в лагерь Антанты.

Распад Балканского союза русская дипломатия оценивала как существенную потерю. Сознавая неизбежность будущих столкновений Болгарии и Сербии, Петербург считал, что, «находясь во вражде, оба государства будут сковываться взаимным бессилием», в то время как в союзе они могли бы осуществить «дальнейшие национальные идеалы». Поэтому важнейшей задачей Сазонов считал сплочение Сербии и Болгарии путем возврата последней части Македонии при условии поддержки Софией сербского объединительного движения. В противном случае, полагал он, Болгария окажется в австро-германском лагере⁷³.

Поражение Турции играло на руку России. Оно ослабляло Турцию как потенциального противника. В то же время Турция после столь сокрушительного разгрома оказалась, по мнению Сазонова, на грани распада. Подобный исход дела страшил Петербург из-за возможности перехода проливов в руки какой-либо сильной державы. Поэтому «распадение Турции не может быть для нас желательным, — отмечал русский министр иностранных дел. — В пределах дипломатического воздействия должно сделать все возможное для отсрочки такой развязки»⁷⁴.

Наконец, с точки зрения большой блоковой политики Балканские войны подчеркнули противостояние сложившихся группировок, обострили русско-австрийские противоречия, в очередной раз показали безоговорочную поддержку Берлином австрийской экспансии на Балканах, выявили слабые стороны Тройственного соглашения. Антанта так и не смогла выработать общую политическую линию. Россия, Франция и Англия часто вступали в противоречие по конкретным вопросам, руководствуясь своими интересами. Тем не менее их разногласия не подорвали блок. Более того, Россия, сознавая неизбежность новых столкновений с Тройственным союзом, считала необходимым укрепить существующие связи, особенно в военно-морской сфере.

В Петербурге понимали, что Балканы остаются одним из главных очагов столкновений, поскольку Балканские войны лишь отчасти разрубили сложившийся узел противоречий, создав одновременно крайне неустойчивое равновесие. Под влиянием военных успехов своих собратьев росло национально-освободительное движение сербов и румын, проживавших в Австро-Венгрии, что толкало Вену на превентивные меры ради спасения своей многонациональной империи. В Стамбуле и Софии вынашивались реваншистские планы⁷⁵. Все эти факторы превращали Балканы в «пороховой погреб Европы».

3. Обострение русско-германских противоречий и консолидация Антанты накануне Первой мировой войны

Стабилизация международных отношений после Балканских войн носила явно временный характер и напоминала затишье перед бурей. Дипломаты великих держав усиленно занимались расширением блоков, вербуя союзников из числа второстепенных государств. При помощи Берлина и Вены Турция и Болгария урегулировали территориально-пограничные вопросы и склонялись к австро-германскому лагерю. Генеральный штаб России уже в марте 1914 года пришел к выводу, что «Болгария, ищущая в настоящее время сближения с Турцией и стремящаяся найти поддержку в Австро-Венгрии, вероятно, сохранит спокойствие лишь до того, пока остается нейтральной Сербия». Оставалась неясной позиция Италии и Швеции, которые, как предполагали в Генеральном штабе, займут в начале войны «выжидательное положение»⁷⁶.

В Петербурге считали Сербию и Черногорию своими надежными союзниками и с оптимизмом смотрели на охлаждение отношений между Румынией и Тройственным союзом. Португалию, Норвегию и Швейцарию признавали нейтральными, что же касается Дании, Бельгии и Голландии, то в Генеральном штабе не исключали возможности того, что из-за слабости этих государств, «несмотря на международные договоры об их обязательном нейтралитете, территория некоторых из них может стать театром военных действий»⁷⁷.

В случае общеевропейских осложнений Петербург рассчитывал на поддержку Франции, что же касается Англии, то союз с нею считался «далеко не обеспеченным» и гарантирующим пока лишь «доброжелательный нейтралитет»⁷⁸. Сазонов надеялся превратить Антанту в более прочный союз.

Расчеты русских военных кругов отражали глубокий раскол Европы, реальную угрозу близкого столкновения блоков. В этих условиях в Петербурге постепенно набирала вес военная партия.

Первое ее выступление в конце 1912 года Коковцову, как уже отмечалось, удалось отбить. Более того, премьер, убежденный сторонник необходимости мира для России, произвел своеобразную рокировку во внешнеполитическом механизме: он вновь вернулся к практике обсуждения решающих вопросов на Особых совещаниях, где ему и Сазонову могли противостоять лишь военный и морской министры, а не большинство Совета министров, как это случилось во время мобилизационного кризиса. Такой ход свидетельствовал о падении значения объединенного правительства, о кризисе тех принципов, на которых Столыпин строил третейиюньскую систему, но в то же время эти меры позволили

Коковцову не допустить новых инициатив военной партии во время очередного кризиса из-за германской миссии Лимана фон Сандерса.

Миссия Лимана фон Сандерса. Военные миссии служили германскому империализму традиционным средством для укрепления своего влияния в Турции. В 1883–1895 годах реорганизационную работу в турецкой армии проводила германская военная миссия во главе с фон дер Гольцем. В 1909–1912 годах в Османской империи снова работала военная миссия, возглавляемая тем же фон дер Гольцем. Однако добиться каких-либо заметных результатов она не смогла: в 1912 году турецкая армия потерпела сокрушительное поражение.

В итоге Балканских войн германское влияние в Османской империи несколько ослабло: в ходе этих войн Германия не могла по различным причинам активно поддерживать Турцию. В Берлине считали, что надо не только наверстывать упущенное, но и идти дальше. Перед новой германской военной миссией в Турции были поставлены более серьезные задачи военно-политического характера, вплоть до захвата ключевых позиций в турецких вооруженных силах, в том числе и в районе проливов⁷⁹.

Подготовка миссии осуществлялась под покровом секретности. К началу ноября 1913 года германо-турецкий контракт был одобрен и утвержден обеими сторонами. Глава германской военной миссии Лиман фон Сандерс наделялся обширными правами и полномочиями, он становился, в частности, командующим 1-м армейским корпусом в Стамбуле, то есть фактически мог держать под контролем Босфор⁸⁰.

В Берлине сознавали, насколько такие полномочия главы миссии противоречат интересам России. В мае 1913 года, во время визита Николая II в германскую столицу, Вильгельм VII между делом заручился его согласием на отправку миссии, ничего не сказав о ее характере. Царь осторожно заметил, что не имеет возражений, если новая миссия не будет отличаться от прежних. Когда же в ноябре того же года германский посол в Стамбуле Вангенгейм дал знать Гирсу и военно-морскому агенту Щеглову, что речь идет о том, что Лиману фон Сандерсу придется командовать корпусом в турецкой столице, это известие вызвало сильное беспокойство. Нератов высказал категорическое несогласие с германо-турецким контрактом, затрагивающим «особые интересы» России. Заявление об этом было поручено сделать послу в Берлине Свербееву⁸¹. Аргументы германской дипломатии сводились к следующему: 1) функции новой германской миссии не отличаются от деятельности прежних германских военных инструкторов и ни в коей мере не ущемляют интересы России; 2) непонятно, как может командование одной воинской частью в турецкой столице угрожать России; 3) миссия посылается по просьбе Турции; Германия не могла ей отказать, ибо в противном случае последовало бы обращение к другой державе.

В Петербурге не признали эти доводы убедительными. В переговоры включился сам Коковцов, возвращавшийся через Берлин из Франции. Однако его продолжительные беседы с Бетман-Гольвегом и аудиенция у кайзера 17–19 ноября не дали почти никаких результатов. Россия настаивала на предоставлении немецкому генералу командования корпусом в других частях Османской империи. В Берлине с этим не соглашались. Германская сторона не шла на компромисс. Вильгельм в общей форме дал обещание «уладить этот инцидент». Впечатление у главы правительства России было таково, что дело почти закончено. 27 ноября канцлер написал Коковцову письмо, где выражал сожаление, что нельзя достичь приемлемых решений.

На Вильгельмштрассе выдвинули еще один довод — в Турции работает английская военно-морская миссия, занимающаяся реорганизацией флота. Бетман-Гольвег уверял, что полномочия английского адмирала шире, чем у немецкого генерала⁸².

Сазонов обратился в Лондон и Париж, но желаемой поддержки не получил. Грей занял двойственную позицию. С одной стороны, он был недоволен германской акцией, согласился на демарш в Стамбуле, значительно смягчив предварительный проект, и советовал России продолжать переговоры в Берлине⁸³. С другой стороны, он отказался подключиться к этим переговорам. Сходную позицию заняла и Франция, что не мешало ей уверять Россию в полной солидарности.

В середине декабря 1913 года германская военная миссия прибыла в Турцию и приступила к исполнению своих функций. Это еще более накалило обстановку. Ни русско-германские переговоры в Берлине и Петербурге, ни контакты дипломатов в Стамбуле не приносили никаких результатов.

31 декабря 1913 года на Особом совещании с участием Коковцова, Сазонова и представителей военных ведомств рассматривался вопрос, как заставить Германию и Турцию отказаться от соглашения. Сазонов предлагал финансовый бойкот Турции, разрыв дипломатических отношений и даже оккупацию некоторых пунктов турецкой территории, но лишь при условии поддержки Франции и особенно Англии. Только в таком случае воздействие на Турцию не привело бы, по его мнению, к войне с Германией. Коковцов пытался возражать, опасаясь, что война будет неминуема, и задавался вопросом: «Может ли Россия на нее идти?» Военные ответили утвердительно, заявив о «полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией». Подобное утверждение являлось не чем иным, как признанием допустимости войны с Германией. Поэтому Коковцов предпочел не обострять обсуждение и присоединиться к мнению Сазонова, чья точка зрения и была принята совещанием. Было решено: 1) продол-

жать переговоры в Берлине «до выяснения полной их неуспешности»; 2) вслед за тем принять предусмотренные меры воздействия на Турцию; 3) но «в случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии в совместных с Россией действиях» воздержаться от способов давления, способных повлечь войну с Германией⁸⁴.

Однако прибегать к ним не пришлось. Германская дипломатия сделала ловкий ход, предложив освободить Лимана фон Сандерса от командования 1-м корпусом и назначить его генерал-инспектором всей турецкой армии, повысив в чине. Таким путем создавалась видимость, что немцы идут навстречу пожеланиям России, и дальнейшие настояния Петербурга становились весьма затруднительными.

14 января 1914 года кайзер произвел Лимана фон Сандерса в чин генерала от кавалерии, а на следующий день султан своим ирадэ произвел его в турецкие маршалы. Немецкий генерал оставил командование 1-м корпусом. Посол в Стамбуле Гире писал: «Как бы то ни было, полагаю, что следует считать вопрос исчерпанным»⁸⁵. Сазонов отмечал в своих мемуарах: «Это новое назначение Лимана, очевидно, не уменьшило значения его как высшего начальника турецкой армии и поэтому и в новой своей смягченной форме было нам неприятно и невыгодно, но дальше достигнутого успеха нам нельзя было идти без риска опасного обострения наших отношений с Германией»⁸⁶.

Конфликт из-за миссии Лимана фон Сандерса был последним международным кризисом накануне первой мировой войны. Его отличительная особенность состояла в том, что он означал едва ли не первое прямое русско-германское столкновение на Ближнем Востоке, причем в наиболее чувствительной для Петербурга области — проливах. «Русско-пруссские отношения умерли раз и навсегда! Мы стали врагами!» — к такому мнению пришел Вильгельм II. Поэтому вполне справедлива оценка современного отечественного исследователя К.Ф. Шацило: «Последовавший за выстрелом в Сараево австрийский ультиматум — лишь заключительный аккорд сигнала к войне, начало которому было дано немецкой миссией»⁸⁷.

В начале февраля 1914 года в русский Генеральный штаб поступила секретная информация о состоявшемся 24 января совещании высших военных кругов Австро-Венгрии, где говорилось, будто германское правительство намерено разрешить в свою пользу вопрос о проливах путем военного столкновения с Россией и Францией⁸⁸. Хотя в данном случае не исключена была возможность дезинформации, следует признать, что подобные сведения вынуждали Петербург задуматься о необходимых контрмерах.

Обсуждение этих проблем состоялось 8 февраля 1914 года на Особом совещании дипломатов и военных. Хотя дипломатические баталии

по делу миссии Лимана фон Сандерса были позади, Сазонов опять указал на невозможность допустить другую иностранную державу обосноваться на берегах проливов. Если же они в силу событий должны будут уйти из-под власти Турции, то Россия должна предусмотреть кроме действий военно-морских сил также десантную операцию. В ходе совещания выяснилось, что Россия не подготовлена к быстрому осуществлению морских и десантных операций; не хватало транспортных средств, предназначенные для операции корпуса не были достаточно оснащены техникой и т. д. В общем, нельзя было обеспечить эффект внезапности. Если бы возникла критическая обстановка в проливах, то России очень сложно было бы отстоять свои интересы⁸⁹. Особое совещание наметило меры по ускорению мобилизации, сокращению срока перевозки войск, увеличению транспортных средств на Черном море, усилению Черноморского флота новыми дредноутами, развитию железнодорожной сети на Кавказе.

Сазонов полагал, что решение вопроса о проливах последует в результате общеевропейской войны, поводом для которой станут политические осложнения на Ближнем Востоке. Возникнуть они могут в самом ближайшем будущем, и Россия будет не в силах от них уклониться. Налицо — принципиальное изменение позиции министра иностранных дел, еще совсем недавно поддерживавшего миротворческий курс Коковцова. Правда, Коковцова уже не было: его сменил на посту премьера И.А. Горемыкин, весьма далекий от внешней политики. Теперь во внешнеполитическом механизме главную скрипку играли дипломаты и военные. Положение самого Сазонова было очень шатким. Он ожидал отставки и был рад любой поддержке — даже от своих бывших оппонентов. Эти перемены усилили военную партию, и внешняя политика России сразу же приобрела более решительный характер.

Англо-русские военно-морские переговоры 1914 года. Изменение общей политической линии Петербурга выдвинуло на первый план вопрос, может ли Россия с уверенностью рассчитывать на политическую и военную поддержку Англии. Гарантией такой поддержки Сазонов и военные круги считали превращение Тройственного согласия в открытый оборонительный союз. Однако такой путь консолидации блока не встретил одобрения в Лондоне. Англичане стремились не связывать себя конкретными обещаниями, а тем более открытым союзом по причинам внутривнутриполитическим. Вместе с тем они дали понять Петербургу, что возможны переговоры о сотрудничестве в военно-морской сфере.

Роль посредника взяла на себя Франция. С одной стороны, ее многолетние контакты с русскими военными кругами, включая периодические встречи начальников генеральных штабов, отлаженная система обмена секретной информацией, взаимные командировки офицеров для обмена

опытом — все это создавало атмосферу доверия. Важную роль сыграло заключение Россией и Францией летом 1912 года соглашений о сотрудничестве в области военно-морских сил и военно-морской политики. Они предусматривали координацию действий морских и сухопутных сил, согласование стратегических планов в мирное время, изучение всех возможных гипотез войны, регулярный обмен сведениями относительно собственных флотов, обсуждение вопросов о взаимодействии флотов в Средиземном море. В мае 1913 года в Петербурге побывал начальник французского Морского генерального штаба Ле-Брис, обсуждавший с русским коллегой варианты координации действий союзных флотов в Средиземном море.

С другой стороны, Франция уже несколько лет поддерживала с англичанами контакты в военно-морской сфере, и осенью 1912 года была заключена англо-французская военно-морская конвенция о сотрудничестве на морях в войне против Тройственного союза. Эта конвенция носила условный характер, то есть не являлась формальным обязательством сторон включиться в борьбу в случае нападения на одну из них. Предполагалось, что правительства, если обстоятельства того потребуют, договорятся между собой, какие меры они готовы предпринять. Вместе с тем было намечено разделение обязанностей между флотами: англичане должны были действовать на Северном море и совместно с французами — в Средиземном⁹⁰. По сути дела, такая форма соглашения являлась скрытым обязательством сторон включиться в борьбу и поэтому устраивала Францию, давая одновременно Лондону возможность скрывать свои планы от парламента и держать в неведении Германию.

В марте 1914 года Пуанкаре и французский министр иностранных дел Думерг предложили Петербургу заключить с Лондоном военно-морскую секретную конвенцию по типу англо-французской⁹¹. Сазонов согласился, отчетливо сознавая важность консолидации Антанты в условиях обострения русско-германских противоречий из-за миссии Лимана фон Сандерса. Имелись и чисто военные соображения: русский флот на Балтике был еще слишком слаб, и англичане могли существенно помочь, оттянув часть германского флота в Северное море. Если это произойдет, то, по расчетам русского Морского генерального штаба, можно было бы перебросить часть Балтийской эскадры в Средиземное море для операций в проливах⁹². Одним словом, в глазах русского кабинета военно-морская конвенция с Англией была весьма ценной.

Грей не возражал против переговоров о военно-морской конвенции, главным образом по политическим мотивам. Он также был заинтересован в укреплении Антанты, в том, чтобы подтолкнуть Россию к более активному противодействию Германии. В то же время он понимал, что слабость русского флота станет уязвимым местом России на перего-

ворах, и предполагал добиваться компенсаций. Англичане рассчитывали ни больше ни меньше, как на пересмотр в свою пользу соглашения 1907 года.

Переговоры между морским агентом в Лондоне Н.А. Волковым и британским Адмиралтейством начались в июне 1914 года и продвигались трудно, поскольку англичане неуклонно требовали уступок. Российская дипломатия сопротивлялась, но персидский кризис побудил ее к большей гибкости. Теперь уже заторопились и в Лондоне. Буквально накануне войны был подготовлен текст условного морского соглашения, но утвердить его уже не успели. Тем не менее эти переговоры сыграли важную роль, поскольку готовность партнеров договориться свидетельствовала о серьезности их намерений по отношению друг к другу в надвигающейся войне.

Армянский вопрос. В ближневосточной политике России накануне мировой войны заметную роль играл армянский вопрос. Большая часть многострадального народа Армении находилась под властью Турции, проводившей в отношении армян политику жестокого угнетения и геноцида.

В случаях, когда притеснения и жестокость со стороны турецких властей принимали особенно большие масштабы, армянский вопрос приобретал международный характер. Хотя великие державы, в том числе Россия, преследовали в армянском вопросе свои собственные цели, их действия в некоторой степени сдерживали кровавую политику султанского правительства. Последнее систематически игнорировало международные решения о проведении реформ в Западной Армении.

Успешная борьба балканских народов за освобождение от османского ига и поражение турецкой армии пробудили у населения Западной Армении надежды на улучшение своего положения и осуществление реформ. Турецкие власти, решив на этот раз опередить державы, создали специальную комиссию и выработали проект реформ, который, по словам Гирса, не отвечал даже самым скромным требованиям армян.

В конце 1912 года Россия вновь возбудила вопрос о реформах в Западной Армении. При этом Сазонов предупреждал, что Россия не допустит новой резни в Турции. В телеграмме Извольскому 30 января 1913 года он указывал, что если по соседству с русской границей начнется кровопролитие, то Россия, имеющая в своих пределах значительное армянское население, не сможет остаться безучастной⁹³. Франция и Англия не возражали против обсуждения вопроса о реформах в Западной Армении.

Чтобы не остаться в изоляции, Германия тоже дала согласие на участие в обсуждении. 10 января 1913 года помощник статс-секретаря по иностранным делам Циммерман писал послу в Турции Вангенгейму, что, принимая во внимание значительные германские интересы в Азиат-

ской Турции, Германия не намеревается предоставлять заботы о судьбе армян Тройственному согласию⁹⁴.

Первому драгоману русского посольства в Константинополе Мандельштаму было поручено выработать проект реформ с учетом пожеланий армянских общественных организаций⁹⁵. Он использовал проект реформ 1895 года, хотя и внес в него существенные поправки. Предполагалось образование единой армянской провинции из шести вилайетов во главе с генерал-губернатором, который назначался султаном с согласия великих держав. При нем должно было функционировать Собрание провинции с равным числом представителей от мусульман и немусульман. Этот же принцип применялся при распределении всех должностей в учреждениях, включая полицию и жандармерию. В проекте были такие пункты, как равноправие языков, упразднение курдской кавалерии хамидие, от которой страдали армяне, свобода школьного преподавания, возвращение армянам незаконно отнятых у них земель.

В июне 1913 года проект Мандельштама был передан на обсуждение совещания послов великих держав в Стамбуле. 26 июня германское посольство в Петербурге направило в МИД ноту с резко отрицательной оценкой проекта, означавшего, по его мнению, начало раздела Турции. По указанию из Берлина Вангенгейм вместе с турками разработал другой проект реформ, который значительно урезывал права армянского населения и возможности контроля держав⁹⁶, Гирс считал, что этот проект имел целью разобщить армян и растворить их в мусульманском большинстве⁹⁷.

На совещании послов 29 июня германский и австрийский представители потребовали одновременного обсуждения обоих проектов, а через три дня совсем отказались рассматривать проект Мандельштама. Создалась тупиковая ситуация.

В Петербурге и Берлине решили пойти на взаимные уступки.

По указанию свыше Гирс и Вангенгейм в сентябре 1913 года подготовили новый компромиссный проект⁹⁸ из шести пунктов: 1) Западная Армения делилась на два сектора; 2) генеральные инспекторы назначались Турцией по рекомендации держав; 3) этим инспекторам предоставлялось право увольнять чиновников, назначать низших судей и представлять султану на утверждение высших судей; 4) в каждом секторе учреждалось собрание из равного числа мусульман и немусульман; 5) все административные должности распределялись равномерно между мусульманами и немусульманами; 6) державы имели право контролировать осуществление реформ через своих послов в Стамбуле и консулов в провинции. Этот проект послужил основой для общего соглашения и был одобрен великими державами. Однако пришлось еще преодолеть сопротивление турок, которые встретили его в штыки. Порта в ноябре

представила свой проект, который был отвергнут Гирсом. Споры продолжались до конца декабря 1913 года. Турецкая сторона изменила тактику: она согласилась принять проект из шести пунктов за основу, но внесла свои поправки. Турки особенно возражали против принципа равного представительства мусульман и немусульман, упорно настаивали на сохранении курдской кавалерии и т. д. Все же 8 февраля 1914 г. акт о реформах в Западной Армении был подписан⁹⁹.

Порта добилась того, что в создаваемые два сектора были включены некоторые территории с мусульманским населением. Курдская кавалерия была превращена в резервные кавалерийские полки и в мирное время лишалась оружия. Школам каждой народности выделялась часть бюджета вилайета (ранее этим правом пользовались только турецкие школы). Обнародование законов и указов производилось на всех местных языках. Эти же языки могли применяться в судопроизводстве. Христианам предоставлялась половина мест в советах трех вилайетов (Ванском, Битлисском, Эрзерумском).

Соглашение от 8 февраля 1914 года хотя и носило половинчатый характер, было, несомненно, шагом вперед по сравнению с султанским декретом 1895 года. Оно могло способствовать улучшению положения армянского населения. Усиливалось и влияние великих держав. Однако наступившая вскоре война не позволила реализовать это соглашение.

Островной вопрос. Итало-турецкая и Балканские войны выдвинули в качестве объекта споров между державами острова Эгейского моря, ранее принадлежавшие Османской империи.

В ходе войны с Турцией итальянские войска заняли острова Додеканес. В МИД России считали, что удержание Италией этих островов после заключения мира нарушило бы равновесие в Средиземном море¹⁰⁰. По Лозаннскому мирному договору Италия обязалась очистить указанный архипелаг, когда Турция выведет свои войска из Киренаики и Триполитании.

Другая группа островов (Хиос, Митилена, Имброс, Тенедос, Лемнос) была во время 1-й Балканской войны занята греческими войсками. Местное население с восторгом встретило избавителей от османского ига. Внешне проблема этих островов выглядела как греко-турецкий спор. Однако в него вмешались все великие державы, исходя из своих внешнеполитических задач.

Поскольку острова имели важное стратегическое значение при входе в Дарданеллы, Сазонов считал, что лучше оставить их Турции, ибо переход островов в руки Греции не только таил угрозу проливам со стороны последней, но и значительно усиливал позиции Англии и Франции¹⁰¹. В этом случае усиление влияния партнеров по блоку не импонировало России.

Иного мнения придерживались ее партнеры. Так, Франция считала, что Турции следует оставить Хиос и Митилену, а остальные острова (включая Додеканес) передать Греции. При этом Лемнос и Тенедос надлежит нейтрализовать¹⁰². Расхождения во взглядах на островной вопрос между великими державами заставили Сазонова выдвинуть предложение рассмотреть его на Лондонской конференции послов.

В начале января 1913 года российский посол Бенкендорф выступил на конференции за передачу островов Греции, причем четыре острова в районе Дарданелл он предлагал демилитаризовать. В том же духе Сазонов высказался в беседе с Пурталесом в середине января.

Однако Германия и Австро-Венгрия придерживались почти противоположных взглядов. На Вильгельмштрассе считали необходимым сохранить за Турцией не только Хиос и Митилену, но и Додеканес. Остальные четыре острова у входа в Дарданеллы должны были стать предметом специальных переговоров. Затем последовало уточнение: острова Самофракию и Имброс, «необходимые для защиты проливов», оставить у Турции, а Лемнос и Тенедос передать Греции при условии их нейтрализации. Ввиду острых разногласий участники конференции отложила решение вопроса об островах. Во время встречи с кайзером в Берлине в мае 1913 года царь согласился с германской точкой зрения относительно судьбы четырех островов у входа в Дарданеллы¹⁰³.

Во второй половине 1913 года инициативу взял на себя Грей. В августе он внес предложение: возвратить Додеканес, Имброс и Тенедос Турции, а остальные острова оставить за Грецией. Это предложение повисло в воздухе из-за сопротивления держав Тройственного союза.

Международная дипломатия продолжала заниматься островным вопросом и в первой половине 1914 года. Возникали различные варианты. Сазонов вновь уточнил свой план: Хиос и Митилену передать Греции на условиях нейтрализации, Лемнос и Самофракию оставить Турции ввиду их стратегического значения и для обеспечения свободы проливов. «Всякие другие притязания Турции следует отклонить»¹⁰⁴, — заявлял он. До первой мировой войны «островной вопрос» так и не получил своего разрешения.

4. На Среднем и Дальнем Востоке

Положение в сопредельных России странах Востока в предвоенные годы оставалось крайне нестабильным, постоянно приковывая внимание Петербурга к этому региону. Не успела завершиться революция в Персии, как началась революция в Китае. Сложная политическая ситуация сложилась в Тибете. В Монголии продолжалась борьба за независимость. Отстаивая свои позиции, Россия опиралась на заключенные ранее соглашения с Англией и Японией.

Политика в Персии. К 1912 году положение в Персии постепенно стабилизировалось. Русский посланник в Тегеране Поклевский-Козелл, оценивая образ действий тегеранского правительства, писал в Петербург: «Надо отдать полную справедливость Кабинету, что он с честью вышел из почти безвыходного положения; он с редкой решимостью принял на себя ответственность за некоторые спасительные для Персии меры... Теперь с подобным Кабинетом работать сравнительно легко и можно надеяться, что при сохранении такого порядка вещей и укреплении Правительства мы постепенно обеспечим все наши существенные здесь интересы»¹⁰⁵.

Правящие круги России, подводя итоги своей политики так называемого «невмешательства», были настроены более скептически, чем Поклевский. Наместник на Кавказе Воронцов-Дашков резко критиковал линию правительства, считая, что в ее основе лежат «полная неопределенность и неустойчивость» и что «наш вековой авторитет в Персии оказался подорванным». Он указывал на опасность затягивающегося пребывания русских войск в этой стране, где они являются «гостями, а не хозяевами», на огромные издержки, которые понесла русская казна от отправки войск в Персию, на резкое ослабление Кавказского военного округа¹⁰⁶. По подсчетам министра финансов, интервенция обошлась в 8,5 млн руб. Хотя тегеранское правительство под давлением Петербурга обязалось компенсировать эти расходы, плачевное состояние персидских финансов превращало это обещание в платоническое. Для восстановления боеспособности Кавказского военного округа Совет министров был вынужден перебросить на Кавказ дивизию из внутренних губерний России¹⁰⁷.

Чтобы компенсировать «потери», Воронцов-Дашков предложил присоединить к России часть персидской Муганской степи. Эта идея не была принята из-за возражений Коковцова, заявившего, что бескорыстие и гарантия целостности Персии остаются краеугольным камнем русской политики в этой стране, сдерживая другие державы от покушений на ее территорию. Вместе с тем он был вынужден признать, что «огромные жертвы, которые мы несем в этой стране, остаются без каких-либо полезных для русских интересов последствий... Мы не только не получили там каких-либо осязательных выгод, но даже не обеспечили себе благоприятных условий для развития в этой стране русской предприимчивости». Коковцов видел выход в том, чтобы энергично добиваться концессий, в частности на орошение Муганской степи¹⁰⁸. На переговорах с персидским правительством о выдаче ему очередного аванса предоставление такой концессии было выдвинуто одним из условий сделки. Это требование Тегеран отклонил, он выдал Учетно-ссудному банку концессию на постройку железной дороги Джульфа–Тавриз, первой в стране¹⁰⁹.

Русская дипломатия могла бы считать эту концессию большим успехом, если бы не одно «но». Учетно-ссудный банк — важнейший инструмент русской политики в Персии — переживал серьезный кризис, встал даже вопрос о его закрытии. Такая ситуация была вызвана, с одной стороны, серьезными ошибками в финансовой политике банка, а с другой — активным наступлением Шахиншахского банка, который превратился, по выражению председателя правления Учетно-ссудного банка, в «полновластного хозяина денежного обращения в Персии», включая ее северные районы. Играя на понижении рубля по отношению к персидскому крану, англичане добились успеха в конкуренции с Учетно-ссудным банком, и русским дипломатам пришлось вступить в переговоры, чтобы вернуть ему хотя бы роль равного с Шахиншахским банком партнера¹¹⁰.

Англо-русские отношения в Персии после подавления революции. Натиск Шахиншахского банка на Учетно-ссудный был не единственным пунктом противоречий между Лондоном и Петербургом. Если во время революции союзники были вынуждены согласовывать каждый свой шаг, то теперь они могли действовать исходя из собственных интересов. В результате тут же возникли разногласия.

Характерно, что Сазонов, не успев занять пост министра иностранных дел, стал подумывать о пересмотре условий англо-русской конвенции по Персии. По его мнению, соглашение, представляя для англичан интерес в отношении азиатских дел, имело еще большее значение с точки зрения европейской политики Лондона, а поэтому англичане могли бы поступиться некоторыми своими интересами в азиатских делах, чтобы сохранить сам документ¹¹¹. Такой подход оказался ошибочным, по крайней мере, по двум соображениям. Во-первых, соглашение 1907 года было не менее важным и для европейско-балканской политики России. Во-вторых, заинтересованность англичан в Персии в предвоенные годы существенно усилилась.

Возрастание ценности Персии в глазах лондонского кабинета было связано с превращением ее в базу снабжения нефтью королевского флота. В 1908 году компания Д'Арси обнаружила в Персии нефть. К этому моменту глава компании был почти разорен, но его спас Дж. Фишер, который помог в получении кредитов у банков. Дж. Фишер — глава британского Адмиралтейства — был идейным вдохновителем перевода флота с угля на жидкое топливо. Практическое воплощение эта идея получила лишь при его преемнике У. Черчилле. Черчилль считал, что Адмиралтейство должно иметь свои собственные источники нефти, и поэтому английская дипломатия развернула кипучую деятельность в зоне Персидского залива. Правительство купило Англо-Персидскую нефтяную компанию, созданную на основе концессии Д'Арси, приобрело

право на добычу и транспортировку нефти в Кувейте и Месопотамии¹¹². С целью укрепления своих позиций в Персидском заливе Лондон предложил Тегерану, постоянно нуждавшемуся в деньгах, продать группу островов. Наконец, началось активное проникновение англичан в нейтральную зону, где были получены концессии на разработку горных богатств и устройство дорог, причем в некоторых случаях эти концессии охватывали и часть русской зоны. Следующим шагом лондонского кабинета стала постановка вопроса об одностороннем расширении его сферы влияния за счет юго-западного угла Персии¹¹³. Все это серьезно беспокоило Петербург.

Осенью 1912 года на переговорах в Англии с руководителями британской политики Сазонов посвятил много времени урегулированию «накопившихся недоразумений». По сути дела, министр был вынужден просить англичан несколько снизить активность за пределами их сферы влияния и даже предложил ликвидировать нейтральную зону. Этот проект по понятным причинам не встретил поддержки Грея, который, как показали дальнейшие события, рассчитывал получить эту зону целиком¹¹⁴. Гораздо легче оказалось договориться о мерах по установлению «твердой власти» в Персии. Сазонов предложил свой план, который после существенной корректировки Грея выглядел так: создать в стране сильную единоличную власть, назначив на пост регента бывшего министра иностранных дел Саада-уд-Доуле, а также предоставить Тегерану аванс для организации жандармерии.

Таким образом, в Лондоне удалось существенно сгладить проявившиеся разногласия, причем большей частью за счет уступок русской стороны. Позднее Сазонов вспоминал, объясняя свою линию: «Русское правительство весьма дорожило достигнутым, не без усилия, соглашением 1907 года и готово было идти на известные жертвы для того, чтобы сохранить его в неприкосновенности, признавая за ним политическое значение, заходившее далеко за пределы той страны, которая служила предметом этого соглашения»¹¹⁵. (Какие перемены по сравнению с заявлениями 1910 г.!) Но следует также заметить, что возникшие противоречия не были столь резки, чтобы привести к общему осложнению англо-русских отношений: оба партнера по соглашению слишком ценили его и перед лицом обострения конфликта с Германией практически во всех сферах их интересов, включая Персию, не могли позволить себе конфронтацию.

Трансперсидская дорога и борьба с Германией в Персии. Среди затронутых на лондонских переговорах проблем был и вопрос о Трансперсидской дороге. Его зарождение относится к 1910 году, хотя проекты соединения русской и англо-индийской железнодорожных сетей через Персию обсуждались и раньше. До тех пор пока Англия и Россия

оставались врагами, любые планы подобного рода были нереальны. Теперь положение изменилось. Кроме того, в марте 1910 года истек срок запрета на железнодорожное строительство в Персии, введенного по соглашению с Россией в 1890 году и продленного в 1900-м. Следовало подумать о будущих персидских железных дорогах. Инициативу взяли на себя русские предприниматели. Их, впрочем как и англичан, пугало строительство Багдадской железной дороги, которое могло привести к тому, что Персию — «наш естественный рынок», по выражению русских купцов, — наводнят германские товары. Осенью 1910 года группа русских предпринимателей во главе с членом Государственной думы Н.А. Хомяковым представила Столыпину записку с планом строительства Трансперсидской дороги от Баку, через Тегеран и Керман, до станции Нушки в Британской Индии. Совет министров дважды обсуждал этот вопрос и, отвергнув возражения министра торговли и промышленности, за спиной которого стояло московское купечество, поддержал проект. Министры признали за ним мировое значение, так как Трансперсидская дорога приведет-де к распространению европейской культуры в отсталых странах Азии. Но в гораздо большей степени министров привлекло другое соображение: Трансперсидская дорога могла существенно снизить неблагоприятные политические и торговые последствия от строительства Багдадской дороги. Это имело особое значение в свете только что заключенных соглашений с Германией, по которым Россия обязалась связать будущую железнодорожную сеть Персии с Багдадской дорогой¹¹⁶.

Именно поэтому русское правительство, заранее оговорив, что не поможет проекту деньгами, стало энергично поддерживать его политическими мерами. Лондонскому кабинету была передана соответствующая нота с предложением обсудить технические детали.

Англичане согласились на строительство Трансперсидской дороги, но выдвинули ряд условий. Во-первых, в осуществлении проекта должен был принять участие английский капитал. Во-вторых, на ту часть дороги, которая пройдет через сферу влияния Лондона, должен был распространяться английский контроль. Довольно сложно оказалось договориться о направлении будущей дороги. Англичане считали, что соединение дорог должно произойти в Бендер-Абассе, откуда будет проведена ветка на Карачи. Русская сторона возражала против Бендер-Абасса из-за позиций отечественных торгово-промышленных кругов, которые не хотели, чтобы дорога вышла к Персидскому заливу. Вместо этого они предлагали максимально спрямить линию, протянув ее непосредственно на Карачи через Белуджистан. Вопрос о направлении дороги остался открытым¹¹⁷.

Было образовано Общество для изучения вопроса о постройке Трансперсидской дороги («Сосьетэ дэтиюд»). Чтобы это общество полу-

чило необходимую концессию, Петербург предложил возложить на него реализацию запланированного англо-русского займа персидскому правительству¹¹⁸. Сазонов привез этот план на переговоры в Лондон. Грей, казалось, согласился, и окрыленный Сазонов отправился в Париж, где встречался с Пуанкаре и руководителями французской финансовой группы участников «Сосьетэ дэтиюд» во главе с Парижско-Нидерландским банком. Было решено, что в Персию будет отправлена делегация, которая получит от Тегерана разрешение на технические изыскания и преимущественное право на постройку дороги. Сазонов предполагал, что необходимость получить заем сделает персов сговорчивыми. А между тем Грей внезапно похоронил весь этот план, отказавшись гарантировать заем «Сосьетэ дэтиюд»¹¹⁹. Вскоре в Лондоне отказались и от идеи русско-персидского займа Тегерану. В результате вопрос о строительстве Трансперсидской дороги отодвигался на неопределенный срок¹²⁰.

Такая позиция Лондона играла на руку Германии. Получив по Потсдамскому соглашению гарантию своих торговых интересов в Персии, Германия расширила экспорт в эту страну. В предвоенные годы Германия вышла там на третье место по экспорту, обойдя Турцию. Почти четырехкратное увеличение экспорта в сравнении с 1906–1907 годами произошло в условиях, когда русская система искусственной защиты персидского рынка все еще действовала. Используя метод маловесных посылок, которые не облагались таможенным сбором, немцы с успехом теснили своих конкурентов. В Петербурге забили тревогу. Осознав, что в данном случае они столкнулись не с посылочной операцией, а с товарным движением, финансисты и предприниматели потребовали закрыть границу для посылок. В сентябре 1913 года было объявлено о закрытии двух пунктов для почтового транзита — Джульфы и Ашхабада. Но поскольку остался открытым путь через Баку — Энзели, то поток посылок из Германии продолжал нарастать¹²¹.

Германские вложения в персидскую экономику, конечно, не могли сравниться с русскими и английскими, но уже давали о себе знать. Немцы пока ограничивались прямыми инвестициями в персидскую промышленность. В Тавризе компанией по импорту восточных ковров «Петаг» было создано крупное производство — ковровая фабрика. На юге фирма Венхауза организовала собственную пароходную линию в нижнем течении реки Карун.

В 1911 году в Персии началось формирование жандармерии — регулярного соединения, выполнявшего полицейские и военные функции. Для ее организации были приглашены инструкторы-шведы, которых в России считали прогермански настроенными. Между тем жандармерия как по подготовке, так и по численности превосходила персидскую казачью бригаду¹²².

Таким образом, Германия укрепила свои позиции в Персии накануне войны и со временем — после завершения Багдадской дороги и соединения ее с персидскими линиями — могла серьезно потеснить Россию и Англию. Потсдамское соглашение лишь приглушило существующие противоречия, но их новое обострение было неизбежно.

Обострение англо-русских противоречий на Среднем и Дальнем Востоке. К 1914 году в англо-русских отношениях возник новый кризис, причем на этот раз в его фокусе оказался весь регион, охваченный соглашением 1907 года. Всплеск противоречий был вызван наступательной политикой Лондона. Начало кризису было положено явным нарушением Англией соглашения, касающегося Тибета.

К 1909 году после пяти лет изгнания далай-лама, примирившись с англичанами, вернулся в Ахасу и начал проводить проанглийскую и антикитайскую политику. Уже через год дело дошло до открытого столкновения между Ахасой и Пекином, и цинское правительство направило в Тибет свои войска. Далай-лама бежал в Индию.

С началом китайской революции Лондон сделал ставку на отделение Тибета от Китая и установление над первым английского протектората. Правда, его связывало соглашение с Петербургом, а тот, в свою очередь, неоднократно давал понять, что удовлетворен соглашением и если и согласится на его изменение, то только за соответствующие компенсации. Тогда английские политики решили изменить ситуацию в свою пользу без согласия партнера: в Тибете было инспирировано антикитайское восстание, а затем туда были введены английские войска. Путем дипломатического давления Лондон заставил Пекин отказаться от карательной экспедиции в Ахасу.

Теперь все зависело от позиции царского правительства. На переговорах в Лондоне в 1912 году Грей предложил Сазонову заключить сделку: Лондон признает за Петербургом свободу действий в Монголии в обмен на признание свободы действий Лондона в Тибете. Сазонова это не устраивало, он настаивал на уступках также в Афганистане, в частности, требовал от Англии воздействовать на эмира, который не допускает непосредственных сношений русских и афганских пограничных властей, как это было предусмотрено соглашением 1907 года. Грей и статс-секретарь по делам Индии лорд Кру обещали помочь, хотя и предупредили, что «эмир Хабибулла плохо слушается голоса англичан»¹²³. Такой ответ не удовлетворил Сазонова.

Пока Петербург ожидал инициативы Лондона в переговорах относительно Тибета, англичане готовили почву для заключения сепаратного соглашения с Китаем. В октябре 1913 года в Симле открылась «Тройственная» конференция, в которой участвовали англичане, китайцы и тибетцы. Лондон добивался признания Пекином независимости Тибета.

та, а также такого разграничения, чтобы впоследствии иметь основания расширить свою экспансию во внутренние провинции Китая — Сычуань, Юньнань и Цинхай. Наконец, для себя он требовал исключительных прав в Тибете: монопольное право на концессии, дипломатическое представительство и даже роль посредника в отношениях Тибета и Китая¹²⁴. Эти претензии были приняты китайским представителем, но пекинское правительство не ратифицировало договор. Лондону пришлось обратиться за поддержкой в Петербург.

Между тем русское правительство было явно недовольно Симлской конвенцией. Англичанам пришлось отказаться от полученного права на посредническую роль. Но остальные пункты они сумели, правда с разными оговорками, отстоять, ничего не давая взамен.

Успех английской дипломатии объяснялся довольно просто: именно в тот момент, когда между Лондоном и Петербургом завязались переговоры по тибетскому вопросу и русская сторона потребовала уступок в Афганистане, а англичане выдвинули встречные претензии в персидском вопросе (вывод русских войск и передача Англии нейтральной зоны), начались параллельные переговоры о заключении англо-русской морской конвенции. Грей выдвинул условием заключения этой конвенции принятие английского пакета предложений по азиатским делам и даже пугал разрывом соглашения 1907 года. До начала войны оставались считанные недели, и для Сазонова укрепление Антанты казалось важнее защиты русских позиций в Центральной Азии. Поэтому он пошел на компромисс: уклонившись от обсуждения персидского вопроса, он принял тибетско-афганские предложения Англии. Так было изменено русско-английское соглашение 1907 года¹²⁵.

В условиях все нарастающей напряженности в Европе русская дипломатия стремилась стабилизировать положение на Дальнем Востоке и даже выдвигала идею об объявлении Дальневосточного региона нейтральным в случае европейской войны. Правда, в правящих кругах были и сторонники более энергичной дальневосточной политики, к которым принадлежал, в частности, военный министр Сухомлинов. Правительство использовало представлявшиеся возможности для укрепления своих позиций на Дальнем Востоке, однако в пределах, которые не нарушали бы сложившееся соотношение сил и не могли повести к длительному ухудшению русско-китайских отношений. Министерство иностранных дел решительно выступало против активизации дальневосточной политики. В апреле 1912 года Сазонов заявил в Государственной думе: «Не надо забывать, господа, что Россия держава европейская, что государственность наша сложилась не на берегах Черного Иртыша, а на берегах Днепра и Москвы-реки. Увеличение русских владений в Азии не может составлять цели нашей политики: это повело бы к нежелательной сдвиж-

ке центра тяжести в государстве и, следовательно, к ослаблению нашего положения в Европе и на Ближнем Востоке»¹²⁶.

Революция в Китае и реорганизационный заем. Борьба китайского народа против иностранного империалистического засилья в ходе Синьханской революции 1911–1913 годов вызвала вмешательство великих держав, стремившихся не допустить ее дальнейшего развёртывания. С этой целью державы стали финансировать реакционное правительство Юань Шикая, избранного в 1912 году временным президентом Китайской республики. Юань Шикай обратился к Четверному финансовому консорциуму, в который входили банкиры США, Англии, Франции и Германии, с просьбой о субсидиях. Консорциум выдвинул проект предоставления Китаю так называемого реорганизационного займа, сумма которого первоначально определялась в 60 млн фунтов стерлингов.

Переговоры о займе начались с выдачи Юань Шикаю денежного аванса, причем Япония и Россия пытались ограничить деятельность консорциума в Маньчжурии и Монголии. Однако участники консорциума действовали быстро и решительно, подчеркивая, что предоставление аванса и займа имеет большое политическое значение. 2 марта 1912 года английское правительство сообщило в Петербург и Токио о выдаче аванса в 7 млн лан и предложило России и Японии присоединиться к консорциуму¹²⁷. Империалистические державы стремились укрепить реакционный режим Юань Шикая и одновременно поставить Китай в финансовую зависимость, для того чтобы держать под контролем его дальнейшее развитие. Царский посол в Лондоне Бенкендорф писал, что в правящих кругах Англии боятся превращения Китая в великую державу, «поэтому пришли к мысли, что в настоящий момент применимо только одно средство воздействия, а именно — надеть узду на китайскую казну».

Форин офис признавал, что цель финансовой поддержки Юань Шикая — укрепить «фактическую власть» в Китае «против сил анархии»¹²⁸.

В марте 1912 года Япония, а затем и Россия объявили о своем согласии принять участие в реорганизационном займе. В июне 1912 года было подписано соглашение об образовании Шестерного консорциума сроком на пять лет. Его участники обязались не проводить сепаратных финансовых операций в Китае. Решающую роль в новом объединении стали играть страны Антанты, что вызвало недовольство в Соединенных Штатах, являвшихся инициатором создания консорциума. Вступивший в марте 1913 года на пост президента представитель демократической партии В. Вильсон решил восстановить независимый характер американской политики в Китае. 20 марта 1913 года правительство США опубликовало декларацию, в которой указывалось, что оно не одобряет условия реорганизационного займа, не намерено просить американских банкиров в нем участвовать и по-прежнему будет отстаивать политику «открытых дверей».

26 апреля 1913 года последовало соглашение между представителями ставшего Пятерным консорциума и правительством Юань Шикая о пятипроцентном реорганизационном займе в 25 млн ф. ст. (поскольку курс займа устанавливался 84 за 100, на долю Китая фактически оставалось около 21 млн ф. ст.). Обеспечением займа служили доходы от таможенных пошлин. Контроль за расходованием полученных средств возлагался на инспекторов консорциума. Одновременно с основным соглашением было подписано соглашение об авансе в 2 млн ф. ст., которые немедленно передавались правительству Юань Шикая, а также составлена роспись расходов, для покрытия которых должен был использоваться заем. В счет займа Китай должен был сделать взносы по «боксерской» контрибуции на сумму в 4,31 млн ф. ст.; погасить задолженность центрального и провинциального правительств иностранным банкам на сумму в 2,87 млн ф. ст.; уплатить убытки, понесенные иностранными капиталистами в период революции 1911–1913 годов, и др. После погашения перечисленных расходов на нужды самого Китая оставалось всего около 8 млн ф. ст. Это была неравноправная сделка, направленная на дальнейшее закабаление Китая великими державами¹²⁹.

Национально-освободительное движение в Монголии и позиция России. В марте 1912 года возобновились русско-китайские переговоры по вопросам политики в Монголии. Правительство Юань Шикая стремилось превратить Внешнюю Монголию (Халху) в одну из провинций Китая, а российское правительство настаивало на признании ее автономии и призывало не применять силу для подавления монгольского национального движения. Сазонов, сохраняя свои прежние позиции, заявлял, что Россия должна сыграть «примирительную роль» во взаимоотношениях между Монголией и Китаем, предлагал определить статус Халхи путем соглашения между Россией и Китаем. Но правительство Юань Шикая отвергло это предложение. В таких условиях в августе 1912 года Совет министров принял решение заключить соглашение о признании автономии Внешней Монголии с правительством Богдогэгэна¹³⁰.

3 ноября (21 октября) 1912 года в Урге было подписано русско-монгольское соглашение, по которому царское правительство обязалось оказать Монголии помощь в сохранении ее автономии, а также «права содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами»¹³¹.

Таким образом, Россия юридически признала создание Монгольского государства. Необходимо отметить, что царизм действовал из империалистических побуждений и стремился использовать образование автономной Монголии для укрепления собственных позиций на Дальнем Востоке и подчинения монгольского рынка российскому капиталу. Однако объективно Россия сыграла решающую положительную роль в со-

здании Монгольского государства. Признав его автономию, Петербург решил ни перед чем не останавливаться, чтобы склонить к признанию и Пекин. 12 февраля 1913 года было созвано совещание под председательством Николая II (такого уровня совещания собирались лишь тогда, когда решались очень важные вопросы). На совещании было решено ввести русские войска в Северную Маньчжурию, Монголию и Западный Китай, чтобы не допустить карательной экспедиции китайцев в Монголии¹³². Фактически Петербург угрожал Китаю открытием военных действий. Но войны удалось избежать.

Внутреннее положение, международная обстановка, а также продолжавшееся национальное движение монголов заставили правительство Юань Шикая пойти на признание автономии Внешней Монголии. 5 ноября (23 октября) 1913 года в Пекине была подписана русско-китайская декларация, по которой Китай признавал автономию Внешней Монголии, а Россия — «сюзеренитет» Китая на ней. Вопросы внутреннего управления признавались прерогативой правительства Богдогэгэна. В декларации нашли отражение основные принципы русско-монгольского соглашения от 3 ноября 1912 года. Кроме того, признавалось право Китая иметь в Урге своего представителя (сановника) с соответствующим штатом служащих и конвоем и право России иметь конвой при консульствах. Россия и Китай взаимно обязались не вмешиваться во внутренние дела Внешней Монголии, не держать там войск и воздержаться от ее колонизации. Китайское правительство согласилось принять посредничество России для «установления своих взаимоотношений с Внешней Монголией». Русско-китайская декларация о Монголии означала признание Монгольского государства со стороны Китая. Правительство Богдогэгэна, согласно условиям соглашения, было самостоятельно в вопросах внутреннего управления, а территориальные и внешнеполитические дела должны были решаться им совместно с Китаем и Россией¹³³.

Для того чтобы русско-китайская декларация вступила в силу, необходимо было ее признание со стороны правительства Богдогэгэна, которое вдохновлялось панмонгольскими идеями и стремилось объединить под своей властью не только Внешнюю, но и Внутреннюю Монголию. Кроме того, монголы хотели сохранить полную независимость от Китая. Потребовалось еще более полутора лет для того, чтобы правительство Богдогэгэна признало русско-китайскую декларацию от 5 ноября 1913 года.

Урянхайский вопрос. Если в монгольском вопросе Петербург поддерживал стремление монголов к созданию собственной государственности, то его вмешательство в национально-освободительное движение тувинцев привело к совсем иным результатам. На протяжении нескольких

лет русское правительство втайне разрабатывало планы присоединения к России богатого золотом, мехами и плодородными почвами Урянхайского края. Туда были посланы научные экспедиции, специальный комиссар для развития меновой торговли, началась прокладка Усинской колесной дороги (1911–1917 гг.). Правительство поощряло русскую колонизацию края, чему в немалой степени способствовали его оторванность от Поднебесной империи и слабость китайской администрации¹³⁴.

В 1912 году ряд крупных тувинских феодалов, воспользовавшись революцией в Китае, спровоцировали антикитайские выступления. Местная китайская власть под предлогом притеснения скотоводов-урянхов была упразднена. Пекин угрожал посылкой карательной экспедиции, и тогда руководители мятежа обратились к Петербургу. 4 апреля 1914 года Россия объявила Урянхайский край своим протекторатом.

Вывод иностранных войск из Китая. В декабре 1913 года правительство России, согласовав свой шаг с Францией, предложило вывести иностранные войска из Чжилийской провинции Китая в расчете на то, что это даст возможность улучшить русско-китайские отношения, которые были довольно напряженными в связи с пересмотром торгового договора 1881 года, событиями во Внешней Монголии и присоединением к России Урянхайского края. Русский посланник в Пекине В.Н. Крупенский на заседании дипломатического корпуса предложил отозвать иностранные отряды из Чжилийской провинции. Он заявил, что Россия хотела бы осуществить эвакуацию своих солдат одновременно с выводом войск других держав, но в случае их отказа она все равно отзовет свой отряд¹³⁵. Правительства Англии, США и Японии отнеслись к предложению России отрицательно, их представители утверждали, что время для эвакуации иностранных войск из Китая еще не наступило¹³⁶. В феврале-марте 1914 года русский отряд был выведен из провинции Чжили. В связи с этим в английских, американских и немецких газетах появились статьи, осуждавшие сепаратные действия царского правительства. В прессе этих стран отмечалось, что иностранные отряды представляют надежную опору для президента Юань Шикая. Тем не менее данный шаг царского правительства сыграл, в общем, положительную роль для Китая. Боясь вызвать сильные антиимпериалистические выступления китайского народа, другие державы с весны 1914 года начали постепенный отвод своих войск.

Русско-японское соглашение 1912 года. Улучшение русско-японских отношений в 1910–1911 годах не сняло, а лишь приглушило противоречия, имевшиеся между двумя странами. Правящие классы царской России продолжали опасаться усиления военно-политических позиций Японии в Маньчжурии и Корее, что находило отражение в русской прессе, в прениях в Государственной Думе и т. д. В свою очередь, в Япо-

нии остро реагировали на все мероприятия, связанные с укреплением положения России в Восточной Азии. В Японии внимательно следили за ростом национального движения в Монголии. После того как это движение охватило Внутреннюю Монголию, японские дипломаты стали выражать опасения, как бы Внутренняя Монголия, в которой японский капитал приобрел значительные позиции, не вошла в состав Монгольского государства. Япония предложила России разделить на сферы влияния Внутреннюю Монголию и Западную Маньчжурию, которые лежали на стыке сфер влияния двух держав и до этого времени считались нейтральной зоной. В январе 1912 года японский посол в Петербурге передал царскому правительству проект секретной конвенции, по которой территория Внутренней Монголии, лежащая к востоку от линии Калган (Чжанцзякоу) — Урга, должна была считаться сферой специальных интересов Японии, а к западу от этой линии — сферой влияния царской России¹³⁷. Предложенный японским правительством вариант раздела предусматривал включение в японскую сферу влияния почти всей Внутренней Монголии. Царское правительство, не возражая в принципе против японского предложения, выступило против предложенной последней линии раздела. К лету 1912 года спорные вопросы относительно линии разграничения сфер были согласованы.

8 июля (25 июня) 1912 г. в Петербурге состоялось подписание русско-японской секретной конвенции. В Преамбуле конвенции отмечалось, что она заключается двумя державами в целях уточнения и дополнения секретных конвенций 1907 и 1910 годов «для того, чтобы избежать всякого повода к недоразумениям относительно их специальных интересов в Маньчжурии и Монголии». В ст. 1 демаркационная линия, разграничивавшая сферы влияния в Маньчжурии, была продлена от пересечения реки Толахэ и 122-го меридиана по течению рек Улунчурх и Мушиш до линии водораздела и реки Халдайтай, откуда разграничительная линия шла по границе Хэйлуцзянской провинции и Внутренней Монголии, достигая крайней точки границы Внутренней и Внешней Монголии. В ст. 2 Внутренняя Монголия делилась по пекинскому меридиану (116° 27') на японскую (восточную) и русскую (западную) сферы влияния. Договаривающиеся государства взаимно обязались признавать и уважать специальные интересы другой стороны в ее сфере влияния¹³⁸. Хотя соглашение было секретным, Япония, усилившая экспансию в восточной части Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии, во второй половине 1912 года сочла для себя выгодным огласить основные пункты конвенции при помощи официозной прессы.

Английское и французское правительства считали русско-японское соглашение 1912 года небезвыгодным для себя, так как оно укрепляло блок стран Антанты и позволяло России не отвлекать силы из Европы.

Министр иностранных дел Э. Грей поручил послу Англии в Петербурге сообщить Сазонову, что королевское правительство «не будет иметь никаких возражений против любого соглашения, которое не нанесет ущерба ни независимости Китая, ни принципу открытых дверей для торговли и которое сможет служить укреплению добрых отношений с Японией»¹³⁹.

Вскоре после подписания русско-японского соглашения 1912 года Петербург посетила японская делегация во главе с бывшим премьер-министром Кацурой, который в беседе с Сазоновым пытался выяснить позицию России в случае японской оккупации Маньчжурии. Царское правительство отнеслось к этому отрицательно. Тогда японская пресса, связанная с милитаристскими кругами, начинает антирусскую пропаганду, в которую включаются некоторые государственные деятели Японии. Усиливаются русско-японские противоречия, вызванные установлением 12-мильной зоны береговых вод у побережья русского Дальнего Востока и «спорными» вопросами русско-японской рыболовной конвенции. Попытки русского правительства заключить соглашение о 12-мильной «охранной рыболовной зоне» окончились безуспешно. Против установления такой зоны у русского побережья Дальнего Востока выступили правительства Соединенных Штатов Америки и Англии, фактически оказавшие поддержку Японии в этом вопросе¹⁴⁰.

Во второй половине 1913 года в Японии вновь начинается антирусская кампания с целью склонить царское правительство принять японское предложение об оккупации Маньчжурии. Военная партия сознательно раздувала антирусскую пропаганду и для того, чтобы добиться увеличения сухопутной армии. 23 августа 1913 года русский посол в Токио Малевский-Малевич писал Сазонову, что с «недавнего времени некоторая часть японской прессы ведет усиленную агитацию в пользу увеличения армии, поводом к этому выставляется агрессивность русской политики на Дальнем Востоке»¹⁴¹. По поручению Министерства иностранных дел Малевский-Малевич беседовал с премьер-министром Японии Ямомото. Последний заверил русского посла в мирных намерениях японского правительства и его желании поддерживать нормальные взаимоотношения с Россией¹⁴².

Надо учитывать, что зачастую антирусские высказывания японских государственных деятелей объяснялись межпартийной борьбой, которая шла в Японии по проблемам внешней политики и по вопросу о том, каким вооружениям — морским или сухопутным — следует отдавать предпочтение. Однако даже с учетом этого фактора следует сделать вывод, что накануне первой мировой войны наблюдалось известное ухудшение русско-японских отношений по сравнению с первым двухлетием после подписания соглашения 1910 года. Перейти к более решительной

антирусской политике Япония не могла в связи с дальнейшим сближением России с Англией и Францией и обострением японо-американских отношений.

Россия и США. Определенное влияние на развитие русско-американских отношений оказал пересмотр торгового договора двух стран от 1832 года, который был основан на принципах наибольшего благоприятствования. В связи с введением протекционистских тарифов американский конгресс одобрил предложение о денонсации торгового договора с Россией с 1 января 1913 года Правительство США предложило начать переговоры о «выработке нового договора о дружбе, торговле и мореплавании»¹⁴³. Россия поддержала это предложение. Хотя трения, вызванные денонсацией договора, существенно не сказались на объеме торговли двух стран, они, естественно, не улучшили их взаимоотношений на Дальнем Востоке.

После русско-японской войны Россия проводила политику соглашений и балансирования. Последним крупным актом ее стало Потсдамское соглашение 1911 года с Германией. Агадирский кризис и итало-турецкая война чрезвычайно обострили международную обстановку в Европе в целом и на Балканах в частности. Затем разразились Балканские войны. Угроза большой войны и выдвигения восточного вопроса во всем его объеме приобретала все более реальные очертания. В такой обстановке царская дипломатия вносит серьезный корректив в свою блокировую политику. Россия не только предпринимает шаги к дальнейшему развитию союза с Францией (военно-морская конвенция и др.). Она сначала осторожно, а затем все более решительно ищет общеполитического сближения с Англией. Последняя идет навстречу. Аморфное Тройственное согласие превращается в четкую группировку, в которой Англия, правда, сохраняет большую свободу маневра, чем два других участника. С существованием Антанты вынуждены считаться Германия и ее партнеры по союзу.

На рубеже 1913–1914 годов происходит резкое обострение русско-германских отношений, вызванное едва скрытой претензией Германии на доминирующее положение в Стамбуле и проливах (миссия Сандерса). В ответ царская дипломатия предпринимает усилия к превращению Антанты в открытый оборонительный союз. Это, между прочим, свидетельствует, что целью ее усилий было не только подготовиться к вероятной европейской войне, но и по возможности отсрочить большой конфликт. Однако для Англии союз оказался неприемлемым, и укрепление Антанты пошло по линии подготовки русско-английской морской конвенции и условного политического соглашения.

Развитие событий все больше приковывало внимание царского правительства к европейским и балканским делам. Это побуждало его к осторожности, а то и уступчивости на Среднем и Дальнем Востоке, особенно когда речь шла о взаимоотношениях с великими державами. Взаимодействие с ними приобретало важное значение и в свете Синьхайской революции в Китае. Россия стремилась при этом использовать возможности, которые открывало существование Тройственной Антанты, соглашений с Англией и Японией.

«Конечно, не в... делах Китая и Персии лежит гвоздь современного тревожного положения. Он весь на Балканах»¹⁴⁴ — в этих словах русского премьер-министра Коковцова четко сформулировано отношение русских правящих кругов к проблемам азиатской политики. Уделяя немало внимания решению многочисленных вопросов, возникших в этом огромном регионе, Петербург постоянно сверял свою линию с тем, что происходило в Европе. Именно оттуда ждали беды — ждали не напрасно, — а здесь, в Азии, стремились сделать все, чтобы обстановка не мешала, не заставляла в критический момент расплыть силы. Потому-то и шли на уступки, нередко жертвуя своими интересами.

В Петербурге сдержанно реагировали на рецидивы антирусских кампаний в Японии: спокойствие на Дальнем Востоке, которое обеспечивало русско-японское соглашение, имело слишком важное значение.

Накануне войны проявилось стремление англичан пересмотреть в свою пользу соглашение 1907 года по всему фронту. Им трудно было подобрать более подходящий момент: перед лицом грозящего столкновения с Тройственным союзом Петербург во что бы то ни стало стремился укрепить Антанту.

Глава X. Российское общество и внешняя политика

После революции 1905–1907 годов спектр политических сил, участвовавших в борьбе за власть, был представлен четырьмя основными группировками: правомонархической, правительственной, либеральной и революционно-демократической. Вместе с тем происходили значительные изменения как в соотношении самих этих сил, так и внутри каждой из них. Намечалось определенное, хотя и достаточно противоречивое, сближение правительственного и либерального лагерей на базе столыпинских реформ. Однако свертывание программы правительственных реформ после 1909 года и усиление реакционного, «реставраторского» политического курса царизма усугубляли противоречия между ними, намечая эвентуальный разрыв в будущем.

Эти противоречия развивались в контексте стоявшей перед страной альтернативы путей исторического развития — реформистского и революционного. Проведение быстрой и решительной модернизации государственных структур, политического строя и социально-экономических основ являлось определенной гарантией развития страны по эволюционному пути. Это понимали не только либералы, но и правящие круги в лице бюрократа реформиста П.А. Столыпина. В его программе реформ внешней политике отводилось важное место — она должна была обеспечить России по меньшей мере два десятилетия мира для вывода страны из глубокого социального и политического кризиса.

Послереволюционный период явился этапом становления и укрепления новых общественно-политических сил в стране, их участия в государственной и политической жизни; это проявилось прежде всего в формировании политических партий и группировок, отражавших, хотя и не в полной мере, расстановку классов и социальных слоев общества. Потребность этих политических сил в собственной идеологии, государственно-политической доктрине привела к появлению теоретических трудов, в которых отражались представления о будущем общественно-политическом устройстве России, путях развития страны, ее внутренней политике. В соответствии с этими представлениями формировались и внешнеполитические концепции партий и общественно-политических течений, «общенациональные» программы внешней политики России. Разумеется, геополитическое положение России, великодержавность, историческая преемственность внешнеполитических задач и основных направлений, ее возростающая включенность в соперничество и противоборство складывавшихся двух лагерей великих держав не могли

не оказывать влияния на внешнеполитические программы. В ходе их выработки и отстаивания происходит сближение либералов с правительственным курсом внешней политики, отражавшее ведение общенациональных задач с позиций правящей элиты. Это служило основой сотрудничества оппозиционных партий с правительством по главным вопросам, что не исключало противоборства по частным. В идеологическом, а затем и в практическо-политическом плане консолидация царизма и центристских политических сил происходила вокруг идеи «Великой России», которая стала своего рода стержнем вырабатываемой национально-государственной внешнеполитической программы. Лишь представители правомонархических кругов и революционной демократии, хотя и с разных сторон, подходили к внешней политике прежде всего с социальных позиций.

Процесс формирования внешнеполитической идеологии политических партий России начался после первой российской революции, когда они уже завершили выработку своих внутривнутриполитических программ¹.

Ослабление международных позиций России, падение ее великодержавной роли, подрыв ее вооруженных сил в результате поражений в Русско-японской войне и внутренней «смуты» вызвали тревогу в широких общественных кругах. Не только либеральная оппозиция, но и проправительственные партии высказывали почти единодушное мнение, что правительство без давления, контроля и содействия со стороны общества не справится с задачей скорейшего восстановления внешнего могущества страны. Только крайне правые партии выступали против, усматривая в этом стремлении прямое покушение на самодержавные права монарха.

Боснийский кризис, на который не только правящие круги России, но и общество в целом реагировали болезненно остро и который воспринимался ими как «дипломатическая Цусима», как национальное унижение, ускорил обращение политических партий к выработке собственных программ в области внешней политики. Именно в апогей этого кризиса, в марте 1909 года, было созвано специальное заседание кадетского ЦК, на котором были заложены принципиальные основы стратегии и тактики партии в вопросах внешней политики. В 1911 году была опубликована серия программных сборников по вопросам внешней политики и обороны: кадетский — «Вооруженный мир и ограничение вооружений»; правокадетский — «Patriotica»; правокадетски-прогрессистский — «Великая Россия»; октябристско-националистический — «Ладо». Весной 1912 года в связи с выступлением министра иностранных дел С.Д. Сазонова в нижней палате российского парламента развернулись жаркие внешнеполитические дебаты в Думе и в прессе.

В основе внешнеполитических концепций российских буржуазных и помещичьих партий лежали два главных постулата. Во-первых, восста-

новление и упрочение великодержавного положения России на международной арене, реализация лозунга «Великой России», выдвинутого П.А. Столыпиным. Во-вторых, большинству партий правительственного и либерального лагеря было присуще ясное осознание того, что англо-германское соперничество являлось в то время доминирующим фактором международных отношений. Исход англо-германского поединка не мог быть безразличным для России. Победа Англии в мировом соперничестве сопровождалась бы меньшим нарушением европейского равновесия, нежели победа Германии, которая грозила России низведением ее до уровня второстепенной державы. Поэтому в отношении выбора внешнеполитической ориентации среди партий правительственного и либерального лагерей царило значительное единодушие: все они после боснийского кризиса выступали за укрепление союза с Францией и отношений с Англией при известной свободе балансирования между Антантой и Тройственным союзом «соответственно собственным целям». Лишь крайне правые, выражавшие интересы крепостнического дворянства и реакционной бюрократии, выступали за ориентацию внешней политики России на Германию, за разрыв союза с Францией и соглашения с Англией. Россия и Германия, по их мнению, должны были теснее сплотиться для оказания отпора идущим с Запада революционным веяниям и анархии. Монархическое единение против революции, в защиту «исторических устоев» двух государств мыслилось ими как двусторонний русско-германский союз. После боснийского кризиса большинство представителей крайне правового лагеря отказались от мысли привлечения к этому союзу Австро-Венгрии, находя его невозможным из-за агрессивной политики последней на Балканах.

Вели внешнеполитическая ориентация России не вызывала принципиальных разногласий среди подавляющего большинства политических партий, то они расходились в представлениях о содержании идеи «Великой России», путях и средствах преобразования страны, усиления ее могущества и великодержавной роли.

1. Либеральный лагерь и внешняя политика

Внешнеполитическая концепция кадетской партии. Партия конституционных демократов — самая крупная либеральная партия России — опережала остальные партии в теоретической разработке внешнеполитических проблем и изучении конкретных вопросов внешней политики. Прогрессисты также проявляли интерес к теоретическим проблемам и выработке собственной внешнеполитической концепции. Октябристы сосредоточили свои усилия на работе в Думе по ускорению восстановления боевой мощи российских вооруженных сил, ограничиваясь, подобно националистам и правым, выдвижением конкретных внешнеполитических требований.

Первыми проблему восстановления великодержавного положения России в мире подняли правые кадеты в лице своего идеолога П.Б. Струве. В январе 1908 года он опубликовал статью «Великая Россия»² с подзаголовком «Из размышлений о проблеме русского могущества», вызвавшую большой резонанс в общественно-политических кругах. Струве проводил непривычную для представлений российской либеральной интеллигенции мысль, согласно которой «внешнее могущество есть верховная ценность с государственной точки зрения». По его мнению, «оселком и мерилом» всей «внутренней политики» как правительства, так и политических партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует внешнему могуществу государства?

Необходимым условием восстановления внешнего могущества страны, создания «Великой России», полагал Струве, являлась ориентация на союз с Францией и тесные отношения с Англией. Одновременно он предлагал изменить направление внешней политики царизма, объясняя провал на Дальнем Востоке тем, что центр ее тяжести был искусственно перенесен «в область, недоступную русской культуре». Теперь пора признать, писал П.Б. Струве, что для создания «Великой России» есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, то есть все европейские и азиатские страны, «выходящие к Черному морю». В этом районе для утверждения экономического господства России существует реальный материальный фундамент: люди, каменный уголь и железо. На этом реальном фундаменте и только на нем неустанной культурной работой, поддержанной государством, может быть создана экономически мощная «Великая Россия». Основной задачей русской политики, резюмировал П.Б. Струве, должно явиться достижение экономического и военного господства России в бассейне Черного моря, которое обеспечит ей политическое и культурное преобладание на всем Ближнем Востоке и надежную экономическую связь с остальным миром³.

Формула П.Б. Струве предусматривала создание процветающей капиталистической экономики, современного государственного устройства, мощных вооруженных сил, воспитание в народе патриотизма и «здорового» милитаризма, примирение интеллигенции с властью, изменение ее отношения к внешней политике. Эту программу П.Б. Струве спустя пять лет характеризовал следующим стразом; «Программа «Великой России» есть программа либерального империализма, несоединимого с реакционным «национализмом», который есть лишь красивая кличка для защиты дооктябрьских, полицейских и крепостных начал. Империализм означает великие задачи вовне, осуществляемые внутренне примиренной и духовно объединенной страной, превращенной в подлинную

империю в современном, высшем, англо-саксонском смысле, — максимум государственной мощи, соединяемой с максимумом личной свободы и общественного самоуправления. Для новой России есть только один путь — открытого смело либерального и в то же время подлинно консервативного империализма»⁴.

В статье «Великая Россия» в самом концентрированном виде были сформулированы основы внешнеполитической доктрины российской буржуазии⁵. Статья П.Б. Струве вызвала оживленную полемику в печати и стимулировала выработку партиями своих программ.

П.Н. Милюков, лидер партии и думской фракции кадетов, фактический руководитель партийной газеты «Речь», видный историк и общественный деятель, занимал более гибкую позицию в вопросах внешней политики, нежели его коллеги по правому крылу партии. Он избегал произносить вслух и иногда даже критиковал лозунг «Великая Россия»⁶. Однако его практическая деятельность свидетельствует о принципиальной близости к позиции правых кадетов.

В 1908–1909 годах кадеты неоднократно обсуждали вопрос о своем отношении к внешней политике правительства на заседаниях ЦК партии и совещаниях думской фракции. Возглавляемое Милюковым крыло, представленное как в ЦК, так и в парламентской фракции большинством, считало, что, даже будучи в оппозиции, кадетская партия должна иметь свой голос, свое собственное мнение по вопросам внешней политики, кадеты должны овладеть внешнеполитическими вопросами, тщательно разобраться в них, с тем чтобы лишить правительственные сферы монополии на патриотизм⁷.

Член ЦК А.И. Шингарев придерживался того мнения, что кадетам невыгодно развивать конкретную внешнеполитическую программу. Они должны ограничиться выступлениями самого общего характера: о необходимости для России мира, о губительности для нее политики авантюризма и т. д. Свою позицию Шингарев мотивировал тем, что кадеты не осуждают внешнюю политику правительства в принципе, а возражают лишь против отдельных ее сторон. Поэтому их критика не должна носить столь же острого характера, как критика внутренней политики⁸.

Вопрос об отношении кадетской партии к правительственной линии во внешней политике вызывал острые споры и разногласия в партии⁹. На заседании ЦК кадетской партии 1 марта 1909 года П.Н. Милюков заявил: «...в области внешней политики наше отношение должно быть иное, чем во внутренней: менее партийное. Хотя мы и в меньшинстве, но выражение нашего мнения может иметь известный вес и вне России, поэтому мы должны выражать мнения по возможности общенационального значения, стоять на внепартийной точке зрения». Лидер партии считал, что кадеты по отношению к внешней политике не должны нахо-

даться на положении «безответственных» критиков, а свои замечания и предложения высказывать так, будто бы они сами находятся на месте министра иностранных дел¹⁰. «Во внешней политике, — развивал мысль П.Н. Милюкова его сторонник Н.А. Гредескул, — кадеты должны... считаться с национальными интересами, а внутренние разногласия, когда речь идет о внешней борьбе, стусевываются»¹¹. Представленная в столь откровенной форме тактика сначала не встретила сочувствия большинства ЦК кадетской партии. Но Милюкову в конце концов удалось настоять на своем.

П.Н. Милюков был главным и постоянным оратором кадетской партии во внешнеполитических дискуссиях в Думе, участвовал в работе различных общественно-политических организаций. Он был одним из тех, кто активно влиял и формировал общественное мнение страны. Министры иностранных дел А.П. Извольский и С.Д. Сазонов ценили его профессионализм и авторитет и в трудные для русской дипломатии моменты искали его советов и поддержки, вступая с ним в конфиденциальные контакты.

Крупнейшая партия российской либеральной интеллигенции, в отличие от остальных партий, выработала программу реформирования России, в которой задачи достижения внешнего могущества страны неразрывно увязывались с внутренними преобразованиями. Ее внешнеполитическая концепция зиждилась на принципе, согласно которому «внешнее могущество может быть дано только сочетанием правильной внешней политики с разумным решением внутренних вопросов»¹².

Под «правильной» внешней политикой кадеты понимали соответствие направления внешней политики, ее очередных задач, темпов и методов их осуществления внутренним возможностям страны. Руководство партии приходило к заключению, что экономический и военный потенциал России, ее политический строй далеко не соответствуют тем требованиям, которые предъявляются к великим державам. В переживаемый Россией период восстановления ее военной мощи и внутренней стабилизации она не в состоянии вести мировую политику, действовать активно на различных театрах. Поэтому необходимо сосредоточить усилия на одном, наиболее перспективном с экономической и военно-политической точек зрения направлении. Таким главным направлением они предполагали сделать балканско-ближневосточное.

Выбор главного направления во внешней политике вытекал из убеждения руководителей кадетской партии в том, что Россия — держава европейская. Поэтому в Азии, на Среднем и Дальнем Востоке она должна придерживаться оборонительной политики, стремиться к поддержанию статус-кво. Правда, в отдельных, особо благоприятных случаях они допускали возможность усиления позиций в Азиатском регионе, но только мирными, политическими средствами.

В принципе кадеты выступали противниками дальнейшего территориального расширения Российской империи, считая процесс образования ее государственной территории в основном завершенным. Это отнюдь не означало, что кадеты были принципиальными противниками захватнической, империалистической политики. Они вполне допускали присоединение к России новых территорий «для исправления» естественных границ либо исходя из военно-стратегических соображений. Однако основными методами внешнеполитической экспансии России, утверждения ее роли мировой великой державы должны были стать, по их убеждению, современные методы приобретения сфер влияния, мирного экономического, политического и культурного «прикрепления» к ней отсталых, слабо развитых сопредельных стран Азии без их формального присоединения¹³.

Во внешнеполитической концепции кадетской партии видное место отводилось выработке политики России в отношении славянства как в целом, так и при решении балканского вопроса в частности.

При первом же обсуждении этого вопроса в руководящих органах партии Н.П. Милюков потребовал положить в основу отношения России к славянству принцип трезвого политического расчета и взаимной выгоды и отбросить «пошлые сентименты» вроде исконной любви к «братьям-славянам» и т. д. Точка зрения Милюкова получила признание в партии, где считали, что славянство в целом являлось в то время естественным союзником России. Не пресловутая «историческая миссия России» на Ближнем Востоке, а ее международные задачи на данном историческом этапе, заявлял П.Н. Милюков, ставят славянство в центр нашего внимания¹⁴.

Славянство, отмечал лидер партии, было как бы «даровой силой» в борьбе против германизма, и Россия обязана ее использовать в интересах поддержания выгодного ей равновесия сил в Европе. Балканское славянство могло также стать ценным союзником России при осуществлении ее задач на Ближнем Востоке, связанных с сокрушением влияния Турции на Балканах и противодействием германо-австрийскому натиску в этом регионе.

Возрождение движения за славянское единение уже не могло основываться на старой славянофильской идеологии XIX века¹⁵. Кадеты обосновывали необходимость нового подхода к славянскому вопросу, выступая за более гибкую политику равенства и культурно-экономического и политического сближения славянских народов, требовали подвести под идейное сближение новую социально-политическую базу¹⁶.

Их идеологией стал неославизм — идея политического объединения всех славянских народов против германизма. «В основе нашего общественного сознания, — писал А.А. Погодин, один из ведущих идеоло-

гов неославизма, — должен лежать здоровый национализм, на знамени которого будет написано: равноправие всем народам России, объединение всех славян для культурной борьбы с германизмом». Главная задача неославизма состояла в том, чтобы «защитить славянство от поглощения враждебным миром, заставить уважать в нем равноправного члена европейской семьи и этим содействовать большему объединению ее»¹⁷.

Кадеты старательно противопоставляли неославизм старому славянофильству и особенно панславизму, проповедовавшему идею славянского объединения под эгидой России¹⁸. Они подчеркивали, что неославизм решительно порывает с традициями старого славянофильства и строит славянское единение на основе равенства всех славянских народов, больших и малых, укрепления их национальной независимости и самостоятельного существования. Курс на Балканскую конфедерацию и Балканский союз преподносился как равноправное единение славян и России во имя совместного отстаивания национального существования и независимого развития балканских государств.

В действительности неославизм являлся приспособлением славянофильства к условиям XX века, к потребностям новой эпохи, к нуждам капиталистического развития России и славянских стран. Но во внешней политике России он преследовал те же цели, что и старое славянофильство, — служить ее великодержавным интересам на Балканах и Ближнем Востоке, достижению политического преобладания на Балканском полуострове, утверждению в проливах¹⁹.

Успех новой славянской политики России, основанной на принципах неославизма, кадеты ставили в прямую зависимость от решения ряда внутренних проблем, и в первую очередь от урегулирования русско-польских отношений. Кадеты требовали предоставления Польше автономии в составе Российской империи. На этой почве они надеялись достичь русско-польского примирения и использовать Польшу в интересах укрепления связей со славянством²⁰.

Неославизм в той или иной мере разделяли и другие партии либерального лагеря: прогрессисты, октябристы. Неославистскую фразеологию использовали также националисты и правые, оставаясь, по существу, на старых славянофильских позициях. П.Н. Милюков отмечал, что идея основателя неославизма К. Крамаржа возобновить славянские съезды встретила в России горячую поддержку и объединила различные группы славянофилов, в том числе людей консервативных взглядов. Это предопределило в итоге спад движения и отход от него кадетов.

Руководство обществами «Славянской взаимности» в Москве и Петербурге и движением в целом оказалось в руках октябристов, с которыми у кадетов были разногласия по национальному вопросу. Октябристы, прогрессисты и правые кадеты выступали, наряду с националистами

и правыми, противниками польской автономии. Это создавало большие трудности, и, по выражению Милюкова, неослаivism, взвившись «ракетой, протрещал и потух»²¹.

Кадеты полагали, что единение со славянами только тогда станет достижимым и прочным, когда место реакционного государства, раздираемого внутренними противоречиями и национальной борьбой, займет обновленная, либеральная Россия.

Понимание необходимости либеральной политики в национальном вопросе — важный составной элемент концепции кадетов. Выступая за установление «национального, классового мира» в стране, без которого внешнее могущество оставалось бы непрочным, кадеты сознавали, что «зоологические» формы и «ассирийские» методы казенного национализма ведут к обострению национально-освободительного движения и в конечном счете к распаду «единой и неделимой» Российской империи. Вместе с тем в самой партии кадетов определились две позиции — правая, «веховского» крыла, и официальная, милюковская.

Правые кадеты во главе с П.Б. Струве считали, что Россия — «национально-русское» государство, русская народность — «державная народность» и ей должна принадлежать гегемония в стране. В отношении остальных народов Российской империи следует проводить национальную политику англосаксонского типа²². Планы правых кадетов не шли дальше предоставления народам права на культурно-национальную самобытность.

П.Н. Милюков выступал против крайностей правого крыла. Идее «национально-русского» государства он противопоставлял идею «российской государственности» и предоставления права отдельным народам на местное самоуправление.

Наилучшее средство привязать национальности к общему отечеству, полагали кадеты, — это обеспечить их национальную самобытность. Такая политика, считал Милюков, необходима для того, чтобы «при наступлении международных затруднений, когда нужно сохранить всю силу, все спокойствие, всю свободу действий, коренная Россия не оказалась окруженной пылающим кольцом окраинных народностей»²³.

Кадеты были противниками завоевательных войн в Европе, но допускали войны оборонительные. Такой они считали возможную войну России с Австро-Венгрией в поддержку справедливых чаяний славянских народов, и в первую очередь Сербии²⁴.

Пацифистские идеи о предотвращении войн, соблюдении норм международного права в отношениях между государствами, обязательном арбитраже и третейском суде для решения международных конфликтов, остановке гонки вооружения и разоружении находили благоприятный отклик в русском образованном обществе, и прежде всего в самой среде кадетов.

П.Н. Милюков отдал дань искреннему и длительному увлечению пацифизмом, идеями Блюха и Нормана Эпджеля. Он разделял мнение, что войны должны прекратиться просто потому, что они невыгодны даже победителям в силу все возраставшей дороговизны и разрушительности. П.Н. Милюков был членом и товарищем председателя межпарламентского Союза мира, активным членом санктпетербургского и московского «Обществ мира», образованных в 1909 году, формально беспартийных, но руководимых кадетами. Основную задачу пацифисты видели в распространении своих идей среди широких масс населения, воздействии на правительство через «Общества мира», межпарламентский союз арбитража и Гаагские международные конференции. «Общества мира» в России поддерживали связи с аналогичными обществами в других странах и участвовали в работе международных конгрессов. По поручению санкт-петербургского «Общества мира» П.Н. Милюков прочитал цикл лекций о сущности и задачах пацифизма в разных городах России. На основе этих лекций он написал и издал в 1911 году перед началом Итало-турецкой войны книгу «Вооруженный мир и ограничение вооружений».

Милюков развивал в этой работе тезис, что завоевательная война в Европе «решительно вышла из моды». Европейская война, писал он, «до такой степени противоречила бы современному состоянию взаимных европейских культурных связей и высокой сложности европейского народного хозяйства и международного обмена, что одна мысль о ней вызывает все более решительное осуждение общественного мнения передовых наций». Кроме того, внешняя политика все активнее «выходит из сферы тайных кабинетных интриг и становится доступною контролю общественного мнения». Таким образом устраняется «произвол и каприз властителей, личные увлечения людей, стоящих у кормила правления», и создается «благоприятная обстановка для мирного разрешения разногласий между народами»²⁵. Позднее П.Н. Милюков назвал свое увлечение пацифизмом и свои выводы о возможности изживания войн в международных отношениях «великой иллюзией», которая привела к «великому разочарованию».

Пацифизм Милюкова и кадетов был противоречивым и непоследовательным, что не ускользнуло от их современников. Рецензент книги «Вооруженный мир и ограничение вооружений» отметил, что содержание предисловия, в котором Милюков призывал общественность России сосредоточиться на проблемах внешней политики, государственной обороны и финансов и сформулировать свои национальные задачи, не соответствовало идеям пацифизма, рассматривавшимся в самой работе²⁶. Очевидно, констатировал рецензент, в вопросах конкретной политики Милюков руководствуется традиционными понятиями.

Справедливость этого утверждения очень скоро подтвердилась в связи с позицией кадетской партии в Итало-турецкой войне 1911–1912 годов. До открытия военных действий Италией против Турции кадетская газета «Речь» квалифицировала действия итальянской стороны, предъявившей Турции ультиматум, как «брутальные» и «свободные от всяких соображений стыдливости». После начала войны «Речь» писала, что к итало-турецкому конфликту следовало подходить с двоякой точки зрения: моральной и политической. С моральной точки зрения кадеты расценивали действия Италии как прямое нарушение международных норм. Но с политической точки зрения они не решались оспаривать права правящих классов Италии бороться за свои интересы на мировой арене. Позднее кадеты пришли к полному отказу от какой-либо критики в адрес агрессивных действий Италии в Северной Африке.

При определении политики России в итало-турецкой войне, заявляли кадеты, следовало исходить не из моральных соображений, а из того реального политического влияния, которое она оказывала на международное положение. Метаморфоза партии кадетов в отношении к итало-турецкому конфликту, отказ от идей пацифизма и оправдание явно захватнических действий были замечены ее политическими противниками и подверглись критике и слева, и справа. В ответ кадеты утверждали, что правильно понятый пацифизм не отрицает «ни наличия спорных интересов наций, ни даже необходимости борьбы за эти интересы». Пацифизм, подчеркивала «Речь», лишь стремится к тому, чтобы придать этой борьбе культурные формы²⁷.

Но даже по существу декларативный и весьма ограниченный пацифизм «Речи» оказался абсолютно неприемлем для правого крыла кадетской партии. Распространение пацифизма в России представители этого крыла расценили как «большое общественное зло», могущее погубить страну. Правые кадеты вместе с прогрессистами забили патриотическую тревогу и повели активную борьбу с распространением пацифистских идей в обществе, выдвинув задачу воспитания «здорового милитаризма» в русском народе²⁸. Такие взгляды получили теоретическую разработку в двухтомном сборнике «Великая Россия», содержание которого было пронизано идеями милитаризма. В двухтомнике были сформулированы задачи форсированного восстановления боевой и экономической мощи России, выдвигались требования коренной перестройки всей системы руководства армией и флотом и оснащения их новейшими видами вооружений. В противовес пацифизму авторы сборника предлагали «всеми мерами развивать воинский дух в среде своих подданных, ибо только он один служит гарантией независимого существования государства и надежной охраной его международных интересов». Для подготовки масс к войне предлагалось создать Всероссийский патриотический союз, ор-

ганизовать всевозможные военные общества, предусмотреть соответственное воспитание молодежи в семье и школе, целенаправленную печатную и устную пропаганду: издание книг, газет, брошюр, чтение лекций²⁹.

Укрепление военного могущества России тесно увязывалось в двухтомнике с экономическим развитием страны. По мнению авторов сборника, для повышения военной готовности России не было более настоятельной задачи, чем укрепление ее экономического положения. Со стороны правого крыла кадетской партии все громче стала раздаваться критика в адрес правительства за то, что российская дипломатия слабо учитывала в своей политике экономические интересы страны. В качестве доказательств приводился, в частности, русско-германский торговый договор 1904 года. Правые кадеты полагали, что российская промышленность располагает потенциально емким и обширным внутренним рынком, в принципе достаточным для ее развития. Но нельзя не дорожить и тем более пренебрегать, подчеркивали они, теми немногочисленными внешними рынками, которые уже имелись или могли возникнуть³⁰.

В сборнике «Великая Россия» была изложена откровенно милитаристская, захватническая программа крупной российской буржуазии, претендовавшей на активное участие в межимпериалистической борьбе за колонии, рынки сбыта, сферы влияния.

Кадетская партия, выражая общие фундаментальные интересы сторонников капиталистического развития страны, имела более широкую социальную базу, нежели другие либеральные партии, что позволяло ей выдавать себя за «надклассовую партию». Принципы классовой борьбы и партийности в области внешней политики кадеты решительно отвергали, считая, что они разъединяют общественные силы, подрывая внутреннюю сплоченность страны и ее международное положение. Правительственная политика на международной арене, на взгляд кадетов, также должна была преследовать общенациональные интересы. С.А. Котляревский, один из теоретиков партии по вопросам внешней политики, утверждал, что современное государство способно освободиться от классовых давлений, а потому его внешняя политика не должна быть классовой, «не должна служить ни аграриям, ни фабрикантам, ни коммерсантам», а быть в истинном смысле общенациональной, выражать то, в чем заинтересованы все классы общества, — служить на данном историческом этапе интересам максимального подъема производительных сил общества³¹. Кадетская программа обеспечения преобладания России на Ближнем Востоке и совместного со славянством отпора германской экспансии в Европе соответствовала интересам правящих кругов страны.

Социальная природа кадетской партии, известная свобода от необходимости защищать во внешней политике узкие интересы определенных групп населения объясняют превращение накануне мировой войны

ее внешнеполитической программы практически в правительственную. Внешнеполитический курс царизма, проводимый министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, в целом одобрялся кадетами. Прогрессисты, октябристы, националисты, не говоря о крайне правых, имели больше разногласий с правительством по вопросам внешней политики, чем кадеты. Кадетов и царскую бюрократию сближала общая черта: и те и другие в известном смысле представляли продукт отщепления от своих классов, обладали определенной самостоятельностью от них, не были прямо и жестко связаны с конкретными интересами определенных социальных слоев населения. В области внешней политики и кадеты, и царизм в гораздо большей степени, чем в других сферах, вынуждены были считаться с реальностью, учитывать совокупность интересов различных слоев и классов населения, защищать как государственные интересы, так и свои собственные, именуя их общенациональными.

Внешнеполитические взгляды прогрессистов. Прогрессисты непосредственно примыкали к кадетам справа. Для их деятельности также было характерно противоречие между внутривнутриполитической и внешнеполитической тактикой. Во внутренней политике прогрессисты не менее, а в ряде случаев и более последовательно заботились о подчеркивании своего либерализма и оппозиционности. В области же внешней политики они, подобно кадетской партии, отвергали «безответственную» критику в адрес правительства. Прогрессисты были солидарны с общим имперским курсом царизма. Сущность их замечаний всегда сводилась к требованию более решительной, более активной внешней политики, способной эффективнее отстаивать интересы России на мировой арене, в особенности интересы ее торговли и промышленности.

Прогрессистская программа «Великой России» некоторыми своими чертами приближалась к кадетской, другими — к октябристской, занимая промежуточное положение между ними. По целому ряду концептуальных вопросов взгляды прогрессистов совпадали со взглядами кадетов. Подобно кадетам, они связывали восстановление внешнего могущества России с решением коренных задач ее внутренней жизни: подъемом производительных сил, общего культурного уровня населения, преобразованием государственного строя на конституционных и правовых началах, проведением либеральной политики в национальном вопросе и т. д.³² В славянском вопросе прогрессисты, как уже было отмечено, выступали под знаменем неославизма, русско-польского примирения, хотя были против предоставления автономии Польше, ограничивалась признанием ее права на культурное самоопределение и местное самоуправление³³.

Прогрессисты считали, что положение России в Европе определялось главным образом ее интересами на Балканах и Ближнем Востоке.

Однако они больше акцентировали внимание на том, что Россия не только европейская, но и азиатская держава. Будущее величие России, ее мировую миссию они связывали с установлением гегемонии России в Азии. Правда, последнее, согласно их программе, являлось отдаленной перспективой, к реализации которой вплотную можно будет подойти лишь по завершении задач в Европе и на Ближнем Востоке.

Впрочем, прогрессисты полагали, что и в начале XX века Россия не должна отказываться от своей политической и культурной роли в Азии и расширять там свои традиционные рынки. Поэтому, когда в 1911 году в Китае началась Синьхайская революция, прогрессисты оказались в числе тех русских политических партий и группировок, которые требовали от царского правительства незамедлительно приступить к решению дальневосточных проблем, пока Китай еще слаб и не успел превратиться в великую державу. На протяжении всего рассматриваемого периода главный орган прогрессистов московская газета «Утро России» высказывалась за раздел Маньчжурии и аннексию ее северной части, зимой — весной 1911 года, во время конфликта с Китаем из-за заключения нового торгового договора, — за занятие Кульджи. В монгольском вопросе прогрессисты ратовали за создание буферной автономной Монголии под протекторатом России. Они указывали царскому правительству на огромную важность этой страны в качестве рынка для русской торговли. В связи с этим «Утро России» писало: «Мы вправе ожидать, чтобы от промышленника, ищущего и находящего для России новые рынки, не отставал представитель русского дипломатического ведомства», ибо с точки зрения «настоящей», «деловой» России вопрос о Монголии имеет ту же ценность, что и вопрос о проливах³⁴. Вот почему правительственная программа С.Д. Сазонова, заявленная им в Государственной думе в апреле 1912 года, в основу которой был положен принцип: Россия — держава европейская, не встретила полного одобрения прогрессистов.

Об этом свидетельствует, в частности, передовая статья «Утра России», озаглавленная «Европейская декларация», преследовавшая цель опровергнуть утверждение, что Россия исключительно европейская держава³⁵.

Как же представляли себе прогрессисты будущее страны? Они считали, что России следовало бы встать спиной «к враждебной ей Европе» и постепенно перенести центр тяжести политических и торгово-промышленных интересов в Азию. Россия, по мысли прогрессистов, в силу естественного тяготения к Азии и после сплочения с нею славянства должна со временем образовать особый культурно-исторический тип государства. Ей следует приблизить к себе монгольские государства, которые образуются после распада Китая, и планомерно осуществлять

задачу объединения славянства с азиатским Востоком на почве совместной борьбы против общего для всех врага — агрессивного германизма. Таким образом, мировую миссию России прогрессисты видели в объединении под своей эгидой примыкавших к ней славянских, ближневосточных, среднеазиатских и монгольских народов в некую политико-экономическую группировку³⁶.

Прогрессисты полагали, что между «европейским периодом» внешней политики России и «азиатским» должен существовать промежуточный этап, характеризующийся трансформацией международных отношений России, перенесением русского политического и экономического влияния на Восток. По их мнению, предполагаемая трансформация не угрожала прочности русско-французского союза, который следовало сохранять и крепить. А вот конвенцию 1907 года с Англией, как они полагали, следовало пересмотреть и заключить новое соглашение, больше учитывающее интересы России на Среднем Востоке.

Во внешнеполитической концепции прогрессистов довольно ясно звучал мотив враждебности Европы к России. Это объяснялось, по-видимому, соображениями экономического порядка, осознанием русскими промышленниками, в основном Московского региона, своей отсталости, неконкурентоспособности на мировых и европейских рынках³⁷. Прогрессистов отличал, как и их коллег справа — октябристов, довольно сильно выраженный антигерманизм, проявлявшийся чаще всего в шумных газетных кампаниях. Германские промышленники были главными конкурентами российского торгово-промышленного класса на внутреннем и внешних рынках.

Прогрессисты были серьезно озабочены падением международной роли России, ее значения как великой державы. Их беспокоило, что в усиливавшейся империалистической борьбе за Балканы, Ближний Восток и Китай Россия не сможет должным образом защитить свои интересы. Они критиковали русскую дипломатию за «нерешительность» и уступчивость, за отсутствие подлинно национальной программы во внешней политике. «Россия вычеркнута из числа европейских великих держав, с нею никто не считается»³⁸, — патетически восклицало «Утро России».

Скорейшее восстановление боевой мощи России выдвигалось прогрессистами в качестве первоочередной задачи для возвращения России ее прежнего положения на международной арене. В.П. Рябушинский в предисловиях к двум сборникам «Великая Россия» и в статье «Мирозерцание народа и дух армии» подробно остановился на этом вопросе и констатировал, что «основывать безопасность мирового государства на одних политических комбинациях и беспредельной уступчивости, очевидно, невозможно, а потому для России восстановление ее военного могущества является главнейшей и самой неотложной задачей»³⁹.

Вместе с правыми кадетами и октябристами прогрессисты пропагандировали необходимость всенародной поддержки армии, боролись с пацифизмом, стремились воспитать у народа «героическое мирозерцание», всеми мерами «развивать воинский дух».

Сравнение внешнеполитических программ прогрессистов и кадетов показывает, что различия касались не только вопросов главного направления внешней политики России. Кадеты в основном защищали методы мирного, экономического и культурного проникновения в новые районы и закрепления этих районов за Россией. Прогрессисты, напротив, не надеялись ни на завоевание новых рынков и сфер влияния, ни на удержание старых средствами мирного экономического проникновения и свободной конкурентной борьбы с другими странами. Они уповали на правительство, от которого требовали более активной внешней политики и защиты интересов русского купечества и промышленности методами военно-дипломатической экспансии. Они не скрывали, что во внешней политике отстаивают не столько «общенациональные», сколько групповые интересы торгово-промышленного класса.

Внешнеполитические взгляды октябристов. Октябристы не проявляли большого интереса к разработке теоретических вопросов государственной политики. Лидер партии А.И. Гучков, возглавивший в III Думе комиссию по обороне, направлял ее усилия на оказание содействия правительству в деле воссоздания боевой мощи России как реальной основы внешнеполитических успехов. Октябристы содействовали проведению через Думу ассигнований на развитие армии и флота и оказывали поддержку П.А. Столыпину в проведении реформ в военном и морском ведомствах посредством «патриотической критики» царивших там «гнилых порядков»⁴⁰. Они активно участвовали в комиссиях по военным вопросам, куда не были допущены кадеты, как оппозиционная и не заслуживающая доверия партия. Октябристы очень гордились своей работой в Думе и при каждом удобном случае подчеркивали свои заслуги в деле обороны. Они ратовали за то, чтобы IV Дума уделила больше внимания строительству вооруженных сил. Россия должна располагать, по их мнению, первой армией в мире, чтобы восстановить и упрочить свою великодержавную роль и одержать победу в «будущей войне».

Октябристы связывали великодержавное положение страны прежде всего с ее военной мощью, а не с экономической, культурной и политической модернизацией, как кадеты. Их тревожило падение международной роли России, которое они усматривали в утрате ею позиций, завоеванных в предыдущее столетие на Балканах и в Азии. Речь шла о приостановке наступательной политики на Дальнем Востоке, где России приходилось считаться с Японией и опасаться пробуждения Китая; на Среднем Востоке, где англо-русское соглашение 1907 года, весьма

полезное с точки зрения общей политики, вместе с тем знаменовало собой, по их мнению, «конец русских империалистических устремлений» в этом регионе, отрезав навсегда Россию от Персидского залива, отдав Афганистан Англии, и т. д. Подразумевалось также, что на Балканах усиливалось влияние Австро-Венгрии, которая продвигалась к Салоникам, а на берегах Босфора упрочились позиции Германии, и историческое стремление России к проливам было сдано в «архив по причине нашей слабости». Правда, такое положение представлялось октябристам временным. Оно противоречило, на их взгляд, экономическому и культурному росту России, «живому сознанию нации, что великодержавный рассвет ее впереди, что народу русскому предопределено государственное будущее, соразмерное с численностью его и территорией, с силами духовными и материальными»⁴¹.

В 1911 году экономическое, финансовое, внутривластное и военное положение России достигло, по мнению октябристов, такого уровня, что правительство могло впредь руководствоваться во внешней политике принципом: «Россия не ищет войны, но и не боится ее». В соответствии с такой оценкой они настаивали, чтобы русская дипломатия перешла к более активной политике, заговорила твердым языком и не шла на уступки в мировых делах.

Взгляды октябристов по вопросам войны, мира, пацифизма и колониализма раскрылись в их отношении к итало-турецкой войне 1911–1912 годов. Октябристская партия оправдывала агрессию Италии в Северной Африке ее жизненно важными экономическими интересами, цивилизаторской и культурной ролью.

Октябристы заявляли о пригодности пацифизма только для внутривластной ситуации. Его нельзя распространять на другие районы мира, заявляли они, цивилизация вне Европы всегда прокладывает себе путь огнем и мечом. Поэтому «Италию, насильственно отнявшую Триполи у Турции, можно упрекать разве только в том, что она не сделала этого раньше и так долго оставляла этот край в состоянии варварства».

Затруднения, испытываемые Турцией в связи с Италией-турецкой войной, октябристы предлагали использовать к выгоде России.

Особенно активно защищали октябристы интересы русской торговли в Персии. Они критиковали правительство за Потсдамское соглашение 1911 года с Германией, требовали не теряя времени приступить к строительству железной дороги от русской границы на Тегеран. Столь же упорно отстаивали октябристы русские торговые интересы в Китае⁴².

По мнению октябристов, Россия продолжала нуждаться в покровительственной таможенной системе, целью которой являлось освобождение от иностранной экономической зависимости и приобретение новых

внешних рынков. Они ратовали за создание отечественного торгового флота, соответствующего потребностям русского экспорта.

Партия октябристов не скрывала, что выражает интересы состоятельных слоев населения. Ее центр, возглавляемый А.И. Гучковым, представлял крупную торгово-промышленную буржуазию, особенно московскую, в то время как правое крыло — главным образом помещиков.

Это была партия коренной национальной буржуазии, которая, хотя уже и завершала стадию «ученичества», то есть первоначального накопления капитала, тем не менее оставалась еще экономически слабой и зависимой от государства. На внутреннем и внешних рынках она полагалась не столько на конкурентоспособность, сколько на поддержку государства.

Октябристы полагали, что «территориальное развитие русского государства, несмотря на всю его значительность, не может и не должно еще считаться законченным». Отсюда задачи внешней политики — обеспечить русскому государству возможно более удобные естественные границы и «подобрать свободные или полусвободные территории, лежащие у наших азиатских границ», чтобы воспрепятствовать упрочению здесь возможных соперников или врагов⁴³.

Как и по многим коренным вопросам русской жизни, по национальному вопросу среди октябристов не было единства.

Согласно воззрениям октябристского центра, русский народ являлся первым среди равных, а «девизом национальной политики относительно инородцев должно было быть слияние, а не поглощение»; необходимо учитывать действительные культурно-национальные потребности «инородцев», но только в том случае, если они не враждебны русской государственности. Октябристы отвергали федеративный и автономный принцип построения государства, выступали за неделимость его территории⁴⁴.

Октябристы были, в частности, противниками предоставления автономии Польше. Русско-польское примирение должно было состояться, по их мнению, на основе лояльного отношения поляков к России и отказа от их неосуществимых чаяний.

Стремление сплотить националистические и патриотические силы, создать новое движение так называемого «демократического национализма», якобы оппозиционного официальному, проявилось в намерении октябристов заключить соглашение с националистами (осень 1911 г.)⁴⁵. Октябристы даже предлагали группе независимых националистов, выделившейся из националистической фракции, объединиться и создать новую партию «национал-либералов» на умеренно-либеральной внутриполитической платформе в соединении с националистическими лозунгами. В области внешней политики выдвигались задачи установления

тесного национально-культурного единения с зарубежной Червонной Русью (Галицией, Буковиной, Закарпатской Русью), укрепления культурного влияния в Азии, проведения активной политики на Славянском Востоке⁴⁶.

Практическим результатом этих попыток соглашения с националистами и создания национал-демократического движения явился совместный программный сборник «Ладо». Его пронизывали идеи государственности, великодержавности, национализма, примирения и культурно-экономического единения «триединого славянства» — западного, восточного и южного — в противовес германизму⁴⁷. Но попытка создания новой партии закончилась неудачей. Она обнажила противоречивую природу октябристской партии. Последняя, с одной стороны, представляла собой правое крыло русского буржуазного либерализма, а с другой — была родственна помещичьим кругам.

Внешнеполитическая концепция октябристов вполне отчетливо выяснилась весной 1912 года в ходе внешнеполитических дебатов в Думе и откликов в печати на выступление министра иностранных дел С.Д. Сазонова.

Газета «Голос Москвы» оспаривала прежде всего центральный тезис геополитической концепции Сазонова о том, что Россия — держава европейская и увеличение ее владений в Азии не входит в цели ее внешней политики. «Министр иностранных дел России не может не видеть, — писала газета, — что перед внешней политикой России стоят задачи как на Западе, так и на Востоке, и трудно сказать, какие из них более существенны для жизненных интересов государства. Очень трудно согласиться с мнением С.Д. Сазонова о второстепенном, подчиненном значении нашей азиатской политики: конечно, государство наше зародилось и сложилось в Европе, но то было давно, а в настоящее время центр тяжести России неуклонно передвигается к Востоку, к центру великой, северной равнины, и Азия нам столь же важна и близка, как и Европа»⁴⁸.

На восточном фланге у России уже появилась соседняя великая держава — Япония. В процессе реорганизации и возрождения находится Китай, и, быть может, допускали октябристы, в недалеком будущем в Азии поднимется вторая великая держава, с которой у России граница огромной протяженности. Октябристы активнее, нежели остальные партии, ставили вопрос о закреплении за Россией экономического влияния в Монголии, Северной Маньчжурии и других областях застенного Китая. На их взгляд, эта задача была не менее важна, чем все прочие внешнеполитические задачи России, в том числе европейские и балканские. Не чужды им были и аннексионистские замыслы на Дальнем и Среднем Востоке.

Октябристы считали, что программа балканской политики, изложенная Сазоновым, была явно недостаточной, а в некоторых пунктах

просто устаревшей. Забота о сохранении статус-кво на Балканах, мирном развитии малых Балканских государств и о поддержании обновленного строя в Турции являлась, по их мнению, задачей прошлого, отчасти настоящего, но отнюдь не будущего. Иными словами, октябристы намекали на необходимость более решительной политики на Ближнем Востоке.

Персидская политика Сазонова получила более положительную аттестацию со стороны октябристской партии. Однако и тут не обошлось без критики. Октябристы полагали, что руководитель русской внешней политики преувеличивал благотворное влияние англо-русского сотрудничества⁴⁹.

Таким образом, весенние внешнеполитические дебаты 1912 года показали, что партия октябристов была согласна с внешнеполитической ориентацией царского правительства. Но она была сторонницей более решительной политики как на Дальнем, так и на Ближнем Востоке. К весне 1912 года октябристы стали вновь усваивать утраченный было после русско-японской войны и первой русской революции боевой тон в вопросах внешней политики. При этом они исходили из того, что если Россия еще и не совсем готова к ведению большой войны, то уже вполне окрепла для более твердого отстаивания своих интересов на международной арене.

2. Внешнеполитические взгляды правых

Националисты и внешняя политика. Правые партии и организации были тесно связаны с правящими кругами — царем, камарильей и бюрократией и, несмотря на известные различия во взглядах, в совокупности составляли консервативный лагерь, заинтересованный в сохранении помещичьего землевладения и старых устоев. Они сопротивлялись реформам, противились преобразованию России в буржуазную конституционную монархию. В основе их идеологии лежала пресловутая формула: самодержавие, православие и народность, одобренная крайним национализмом и антисемитизмом.

Националисты и умеренно правые в III Думе первые два года существовали раздельно, а в конце 1910 года слились в объединенную партию и фракцию националистов. Новая партия стремилась вытеснить октябристов с их позиции главной партии в Думе.

К партии националистов примыкали Всероссийский национальный союз и Национальный клуб. Свои страницы предоставляли им газеты «Свет», «Колокол» и «Новое время». Задуманная как идейный и организационный центр всего националистического движения, партия таковым так и не стала. Деятельность ее ограничилась преимущественно стенами Государственной думы, массовой базы она не приобрела⁵⁰.

Националисты мечтали о возрождении былого могущества России на имперских началах. Но, в отличие от партий либерального лагеря, националисты в буржуазных реформах усматривали угрозу самому существованию Российской империи.

Националисты, как и весь правый лагерь, были принципиальными противниками конституции и парламентского образа правления. В их интерпретации Основные законы 1906 года не ущемляли самодержавной власти царя, имевшего право эти законы отменить. Среди националистов сильны были настроения в пользу возврата к прежним порядкам и фактической ликвидации Думы и всей системы государственного устройства, сложившегося после 17 октября 1905 года. Правда, в дальнейшем опыт убедил правых в удобстве существования Думы в качестве своеобразного центра давления на правительство. Все же правый лагерь продолжал добиваться изменения Основных законов в пользу восстановления прерогатив монарха и такого изменения избирательной системы, которое привело бы к вытеснению из Думы либеральных элементов и превращению ее в орган власти поместного дворянства⁵¹.

Органическое неприятие конституции и парламентаризма, буржуазного реформаторства выразилось, в частности, в открыто враждебном отношении националистов к младотурецкой революции и установленному ею режиму. Младотурки представлялись националистам и всему правому лагерю турецкими интеллигентами, похожими как две капли воды на «наших кадетов».

Достижение силы и могущества России, решение ее внутренних и внешних проблем националисты связывали в первую очередь с проведением определенного курса национальной политики, в основу которой должен быть положен принцип: «Россия для русских». Они требовали обеспечения господствующего положения русского народа как «державного» и «государственного» в Российской империи. Программа националистов провозглашала, что Россия — государство национально-русское, единое и неделимое. Русский национализм отождествлялся ими с идеей русской государственности, с официальной великодержавной политикой правительства, рассматриваемых как противовес национальному движению окраинных народов⁵².

Во внешней политике великодержавность понималась националистами как участие в борьбе держав за укрепление и расширение своих позиций на мировой арене, осуществление своих «исторических», «национальных» внешнеполитических задач.

В Европе Россия должна была содействовать установлению такого равновесия сил, которое препятствовало бы утверждению гегемонии Германии. Националисты считали франко-русский союз и Тройственное согласие необходимыми элементами системы европейского равновесия.

С их помощью Россия должна была также осуществить свои важнейшие национальные задачи в Европе: разрешить славянский вопрос на Балканах (освобождение славянских народов полуострова, образование национально-единых независимых государств и их сплочение вокруг России) и утвердиться в Константинополе и на проливах. Разрешение галицийского вопроса привело бы к воссоединению с Россией четырех миллионов русских и украинских братьев, проживавших в пределах Австро-Венгрии⁵³. «Славянский щит» мыслился националистами как заслон против австро-германской экспансии в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке.

Отношение националистов к Германии и Австро-Венгрии было подчеркнуто враждебным и нередко ставило русскую дипломатию в трудное положение. Когда во время Балканских войн наблюдался новый всплеск славянского движения, националисты приняли в этом самое активное участие, подталкивая правительство на решительные действия в поддержку славянских государств, вплоть до объявления войны Австро-Венгрии.

В славянском вопросе националисты выступали под знаменами неославизма, интерпретируемого ими, однако, весьма своеобразно. На словах соглашаясь с основными принципами неославизма, националисты на деле отказывались признать равенство всех славянских народов, подчеркивая особую роль России.

Националисты выдвинули требование позаботиться о судьбе «Подъяремной Руси», довершить соби́рание русских земель: Галицкой, Угорской и Буковинской Руси, объединить их с Россией в одно «целокупное» государство⁵⁴. Один из лидеров националистов граф В.А. Бобринский в сборнике «Ладо» писал: «Для русского в славянском вопросе сначала выдвигается вопрос его родной, русский, а на втором плане судьба близких к нему и родственных славян, то есть остальных славян»⁵⁵.

Впрочем, попытки определенной части националистов подчинить балканский вопрос галицийскому и отодвинуть его на второй план не встречали сочувствия большинства партии, которое продолжало стоять на традиционной для господствующих классов России позиции — славянство, в том числе балканское, не миф, а важный, реальный политический фактор, «если славяне сильны Россиею, то и Россия сильна славянами»⁵⁶.

Националисты находили, что Россия, несмотря на свою тысячелетнюю историю, еще не достигла своих естественных географических, этнографических и политических границ. Они считали, что «без проливов Россия не есть еще организм вполне сложившийся, законченный, а представляет собой как бы только прообраз того, что она в себе таит и что должно непременно проявиться в будущем. В тех пределах, в которых она заклю-

чена сейчас, она не может развернуться во всю ширь своей мощной натуры, не может исполнить спокойно и уверенно великое свое назначение». Националисты утверждали, что Россия не достигла естественных границ ни на Балтике (имелось в виду устье Немана), ни на Кавказе, ни в Средней Азии, ни в Сибири. Кроме того, не довершено национальное объединение русского народа и не присоединена Юго-Западная Русь⁵⁷.

Националисты не скрывали, что осуществление такой программы потребует применения силы. Однако это обстоятельство их ничуть не смущало, поскольку они были убежденными сторонниками и апологетами силовой политики. Националисты считали, что «великой державе принадлежит безусловное право, стоящее выше юридического, а именно естественное право распространять свои владения до пределов, необходимых для ее безопасности и жизненных потребностей»⁵⁸. В представлении националистов Россия должна была стать великой европейско-азиатской державой, обеспечивающей свое преобладание на всей протяженности европейско-азиатской равнины до Китайской стены. Ее предназначение, с одной стороны, защитить остальную Европу от азиатского варварства, а с другой — просвещать Азию светом европейской культуры, выполнять цивилизаторскую миссию.

Необходимость колониальных захватов националисты в первую очередь мотивировали необходимостью создания земельных запасов для ослабления земельного голода в центре России и лишь во вторую очередь — стратегическими соображениями. Отношение к земле как основному источнику силы, мощи и богатства государства обнаруживает их дворянско-помещичий менталитет в вопросах внешней политики.

В националистических кругах сложилось к 1912 году убеждение, что Россия в основном уже оправилась от понесенных военных поражений, ее боевые силы в целом восстановлены и она достаточно сильна, чтобы защищать свои интересы на всех границах. С этих позиций националисты резко критиковали внешнеполитический курс С.Д. Сазонова за «излишнее миролюбие» и приверженность принципу сохранения везде и всюду статус-кво⁵⁹.

В итоге националисты, претендовавшие на роль партии центра, правительственной опоры в Думе, в области внешней политики значительно разошлись с официальным курсом, провозглашенным министром иностранных дел С.Д. Сазоновым. Кроме внешнеполитической ориентации на Антанту эти круги не одобряли ни одного из аспектов внешнеполитического курса Сазонова. Они требовали наступательной политики на Дальнем Востоке, более решительной и активной — в Персии и на Балканах.

Крайне правые и внешняя политика. Крайне правые исповедовали принцип, что область внешней политики представляет исключительную

прерогативу монарха. Их органы печати преимущественно комментировали текущие международные события и правительственную политику под углом зрения своей прогерманской ориентации. Стиль этих выступлений отличался примитивностью, прямолинейностью, а порой и грубостью. Как правило, они содержали набор стандартных аргументов в пользу разрыва союза с Францией и соглашения с Англией, переориентации внешней У политики России на союз с могущественной монархической Германией.

Широкая постановка вопроса о государственных и национальных интересах России в области внешней политики у крайне правых отсутствовала. Они полностью подчиняли внешнюю политику целям сохранения самодержавного строя и удержания власти дворянством.

Несмотря на то что после революции 1905–1907 годов Союз русского народа, одна из главных черносотенных организаций» окончательно распался на ряд отдельных самостоятельных группировок (Русский монархический союз имени Михаила Архангела под руководством Пуришкевича, Союз русского народа во главе с Марковым 2-м, издававшим газету «Земщина», и, наконец, Дубровинский союз, представленный в печати «Русским знаменем» и близким к нему журналом князя Мещерского «Гражданин»), крайне правый лагерь в целом выступал с общей политической программой. Различия между образующими его организациями были незначительны и касались в основном вопросов тактики. Спор внутри правого лагеря шел из-за того, следовало ли признавать третьейиюньскую Государственную думу и сотрудничать с ней и столыпинским правительством или нет. Политическое же кредо всех крайне правых группировок, в том числе Союза объединенного дворянства, самой могущественной беспартийной организации, было тождественно. Благо родины, проповедовали они, заключается в неизблемом сохранении православия, неограниченного самодержавия и народности. Силу самодержавия они видели в тесном единении царя и народа. Этому единению, по их мнению, мешала бюрократия — виновник тех бедствий, которые обрушились на Россию во время первой российской революции. Но необходимые изменения должны были совершаться не по линии ограничения самодержавия и введения конституционных форм правления, а путем создания новой Государственной думы как органа совещательного, олицетворявшего непосредственную связь между державной волей царя и православным народом⁶⁰. Часть крайне правых (особенно последовательно эту линию проводил Дубровинский союз) не признавала даже третьейиюньскую Думу и отказывалась сотрудничать с ней, так как последняя, по их мнению, покушалась на верховные прерогативы монарха и допускала в своих стенах присутствие инородцев и иноверцев⁶¹. Более дальновидные представители крайне правых — Пуришкевич

и возглавляемый им Союз Михаила Архангела, Марков 2-й и Союз русского народа, — хотя и примирились с существованием Думы и участвовали в ее работе, но признавали за Думой лишь совещательную функцию и боролись против расширения ее прав.

Крайне правые ратовали за сильную и твердую власть, полагая, что только такая власть способна разрешить стоящие перед Россией задачи⁶². На примере Турции эти круги пытались доказать, как опасны и губительны для любого государства, а тем более многонационального, всякие опыты с «революцией», «реформами», «обновлением» и, наконец, введением конституции и ограничением власти монарха⁶³.

Программным требованием крайне правых была единая и неделимая Россия при первенствующем значении в государственной и политической жизни русской народности и православной веры.

Лозунг крайне правых «Россия для русских» находил оправдание в выдвинутой ими же теории «народа-хозяина». Территория всей империи провозглашалась собственностью великорусского племени. Все остальные народы империи должны были «склониться перед знаменем русской государственности», воспринять русскую культуру, ассимилироваться, а «иначе — заявлял Марков 2-й, — они должны быть стерты с лица земли»⁶⁴.

Суть внешнеполитической программы крайне правых группировок в самом концентрированном виде была изложена в записке П.Н. Дурново, поданной в феврале 1914 года царю по поручению правых членов Государственного совета. В этом своего рода внешнеполитическом манифесте крайне правых утверждалось, что «английская ориентация нашей дипломатии глубоко ошибочна», жизненные интересы России и Германии «нигде не сталкиваются» и что всякое территориальное расширение России за счет Австрии, Турции или Германии нежелательно, так как может только усилить центробежные силы внутри империи. Что касается черноморских проливов, то, по мнению автора записки, «немцы легче, чем англичане, пошли бы на предоставление нам проливов, в судьбе которых они не заинтересованы и ценою которых охотно купили бы наш союз».

Главная мысль записки Дурново заключалась в том, что война между Россией и Германией неминуемо вызовет европейскую революцию, причем «особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы исповедуют принцип бессознательного социализма»⁶⁵.

Важное место во внешнеполитических воззрениях крайне правых занимал славянский и особенно балканский вопрос. Ведь при активизации балканской политики России рушились надежды на сближение с Германией. Поэтому крайне правые рекомендовали правительству встать

в данном случае на строго оборонительные позиции. Их очень тревожило, что после боснийского кризиса балканская политика России развивалась по линии постепенной, медленной, но все же неуклонной активизации. Вину за это они возложили на происки Англии и поддерживавшую ее в этом русскую либеральную и националистическую печать.

Выступая против наступательной политики России на Балканах, крайне правые вместе с тем призывали правительство защищать от покушений Австро-Венгрии те позиции, которые Россия уже успела там занять. Лучшим способом добиться этого представлялось им соглашение с Германией, которая в обмен на русскую дружбу могла бы сдерживать Австро-Венгрию на Балканах. Как писала газета «Земщина», не путем борьбы с Германией Россия может помочь славянам, а путем дружбы с ней⁶⁶.

Некоторая часть крайне правых выступала даже за то, чтобы Россия полностью «эмансипировалась» от балканского вопроса, требовавшего от нее беспрестанных жертв, не оставляя никакой надежды на компенсацию⁶⁷.

Крайне правые объявили себя врагами неославизма, рассматривая его как буржуазно-конституционное течение.

Однако по мере обострения положения на Балканах и приближения Балканских войн часть крайне правых, группировавшаяся вокруг «Русского знамени», стала поддерживать создание Балканского союза и критиковать политику сдерживания Балканских государств⁶⁸.

Во время и после Балканских войн крайне правые круги, группировавшиеся вокруг «Земщины», «Гражданина», Союза русского народа, продолжали проповедовать необходимость соглашения с Германией по балканским делам. Другая часть крайне правого лагеря, примыкавшая к Дубровинскому союзу и «Русскому знамени», выступала за создание союза Балканских стран во главе с Россией. Мысль о соглашении с Австро-Венгрией даже в среде крайне правых популярностью не пользовалась⁶⁹.

Внешнеполитическая дискуссия весной 1912 года вокруг думской декларации С.Д. Сазонова подтвердила, что крайне правые в целом отрицательно относились к правительственному курсу: их не устраивала ни внешнеполитическая ориентация, ни балканская политика кабинета. Они выступали также за более жесткую политику в Персии, за восстановление на престоле свергнутого шаха и отказ от поддержки персидского правительства, как поставленного у власти революцией. Они решительно отвергали русско-английское соглашение 1907 года, связывавшее, по их мнению, руки России в Персии.

Крайне правые в своем большинстве выступали за активную политику на Дальнем Востоке, за аннексию Северной Маньчжурии, за «неза-

висимую» буферную Северную Монголию под протекторатом России⁷⁰. Об азиатской политике Сазонова «Земщина» писала: «...политика бережения центра империи от сдвига на Восток, политика нейтралитета среди вакханалий зверей-азиатов, политика, не решающаяся пристально взглянуть на Восток, в гнездо китайской анархии, — эта политика не может принести России хорошей жатвы». Наконец, часть крайне правых нападала на правительственный курс за его угодничество. Если миролюбие заключается только в угодничестве, как это происходит с русской дипломатией, писала «Земщина», то оно только унижает достоинство России⁷¹.

В противоположность этому журнал «Гражданин» признал речь Сазонова «безусловно удовлетворительной» за ее миролюбивый характер⁷². Журнал резко критиковал тех, кто бездумно проповедовал политику земельных захватов.

Вообще полемика вокруг декларации министра иностранных дел в Думе выявила расстановку сил в проправительственном лагере России по вопросам внешней политики. Роль правительственной партии в области внешней политики выполняла партия кадетов. Она целиком и полностью поддерживала не только балканскую политику, но и внешнеполитический курс царского правительства в целом. Процесс отделения либерализма от демократии в области внешней политики, начавшийся во время боснийского кризиса, и превращение кадетов в либерал-империалистов шел к завершению. Линия поддержки правительственного внешнеполитического курса начиналась от кадетов и шла далее на убыль до крайне правых, которые не одобряли его.

К весне 1912 года русские либеральные и правые партии начали излечиваться от «миролюбия бессилия», которым страдали после поражения в Русско-японской войне и революционных событий 1905–1907 годов. Их выступления в области внешней политики приобретали все более умеренный и решительный тон. Все чаще раздавались требования более решительно отстаивать интересы России на международной арене. Воинственность достигала высшей точки у националистов, к которым примыкала часть крайне правых, и шла на убыль до партии кадетов на левом фланге и другой части крайне правых — на противоположном.

Проблема внешнеполитической ориентации России к весне 1912 года была решена, и все, за исключением крайне правых, были согласны с курсом на сближение с Францией и Англией.

Внешнеполитические дебаты весной 1912 года свидетельствовали также о формировании у либеральных и правых партий концепционных подходов, которые во многом определяли выработку позиций по конкретным вопросам.

3. Региональные аспекты правительственной политики и партии

Внешнеполитические программы партий касались, естественно, не только правительственного курса в целом, но и отдельных направлений политики.

Новый курс балканской политики царизма, определившийся в результате боснийского кризиса, был нацелен на противодействие австро-германской экспансии на Балканах и Ближнем Востоке путем создания антиавстрийской коалиции Балканских стран и сохранения статус-кво в этом районе до того времени, когда Россия восстановит свою утраченную мощь и будет готова к решению Восточного вопроса в соответствии со своими интересами. Эту коалицию считалось возможным создать либо в форме Балканской конфедерации с Турцией включительно, либо в форме Балканского союза без Турции. С точки зрения царского правительства, Балканская конфедерация представлялась более желательной, поскольку всецело подчинялась целям борьбы с австро-германской экспансией в этом регионе и обеспечивала сохранение Черноморских проливов в руках дружественной Турции.

Обстановка на Балканах после боснийского кризиса позволяла правительству и общественно-политическим кругам России питать надежды на реализацию этой формы коалиции балканских государств. Антиавстрийские настроения в Балканских странах оставались весьма сильными. В то же время реформаторская деятельность младотурецких правителей после революции 1908 года, введение конституционного строя и декларативное предоставление всем народам Османской империи равных политических и гражданских прав как будто открывали возможность примирения Балканских стран с Турцией и даже заключения между ними оборонительного союза. Курс на создание Балканской конфедерации получил принципиальную поддержку большинства политических партий и группировок России.

Лишь кадеты с самого начала поставили свою поддержку Балканской конфедерации в прямую зависимость от успехов младотурецких реформ, опасаясь провала последних. В разгар младотурецкой революции Милюков побывал в Турции, познакомился с ее лидерами и их программой. Ему открылись подводные камни и противоречия, стоявшие на пути национального умиротворения на Балканах. Поэтому он предложил учитывать перспективу двух разновидностей антиавстрийской коалиции: Балканскую федерацию и, в случае неудачи реформ в Турции, Балканский союз⁷³.

Кадеты первыми пришли к выводу о явном провале национальной политики младотурок и складывании к концу 1910 года новой полити-

чешской обстановки на Балканах. Они призвали царскую дипломатию быть готовой к новым осложнениям в регионе и скорректировать свою политику в сторону более активной поддержки интересов Балканских государств⁷⁴.

В первые месяцы 1911 года началась переоценка курса на Балканскую конфедерацию также со стороны других лояльных к правительству партий и группировок. Балканский кризис весны — лета 1911 года, вызванный албанским восстанием, стал поворотным моментом на пути отказа этих партий от поддержки курса на создание балканской конфедерации⁷⁵. «Утро России» выразило общее мнение, что Балканский полуостров вновь становится «хронической кровоточащей раной Европы», а «Восточный вопрос грозит привести к общеевропейской войне»⁷⁶. Газеты и журналы различных политических направлений единодушно констатировали, что курс на сближение с Турцией и создание Балканской конфедерации не привел к усилению позиций России в Константинополе и умалению влияния Германии⁷⁷. Во время Итало-турецкой войны большинство политических партий России окончательно отошли от поддержки курса на создание Балканской конфедерации и сделали выбор в пользу политики Балканского союза.

Накануне 1-й Балканской войны либеральная и правая печать требовала от правительства предоставить возможность Балканским странам «подражаться с Турцией один на один»⁷⁸. После начала войны националисты, октябристы, прогрессисты и правые кадеты развернули бурную шовинистическую кампанию и выступили с резкой критикой политики Сазонова, поначалу стремившегося к соглашению с Австро-Венгрией и к примирению Балканского союза с Турцией.

Кадеты, в отличие от националистов, октябристов и прогрессистов занимали более осторожную позицию, опасаясь вмешательства Австро-Венгрии в войну.

В октябре-ноябре 1912 года в Петербурге и Москве прокатилась волна шовинистических митингов, на которых раздавались призывы к походу на Константинополь и войне с Австро-Венгрией.

Новая вспышка славянских симпатий имела место в марте-мае 1913 года в связи с требованием Австро-Венгрии о передаче Скутари Албании.

После 2-й Балканской войны большинство политических партий делали ставку на Сербию, рассматривая ее как главный форпост и опору русской политики на Балканах. Исключение составляли П.Н. Милюков и группа кадетов, которые предлагали ориентироваться на Болгарию и поддержать ее территориальные притязания⁷⁹.

Назначение в ноябре 1913 года германского генерала Лимана фон Сандерса командиром турецкого корпуса в Стамбуле вызвало бурное

негодование среди широких общественно-политических кругов России, которые предлагали добиваться уступок Германии в этом вопросе не по любовной сделкой, а угрозой разорвать Потсдамское соглашение, русско-германский торговый договор, временно занять несколько турецких портов и т. д.⁸⁰ Русско-германский конфликт из-за германской военной миссии в Турции привел в начале 1914 года к «газетной войне» между двумя странами и ухудшению отношений между ними.

Одновременно активизировали усилия крайне правые прогерманские деятели: князь В.П. Мещерский, барон Р.Р. Розен, П.Н. Дурново, П.С. Боткин, М.А. Таубе, стремившиеся доказать гибельность для России конфронтации с Германией. Однако конфликт из-за миссии Сандерса ослабил позиции прогерманской группировки в правящей элите России.

В высшем руководстве страны к началу 1914 года возобладало мнение о неизбежности войны с австро-германским блоком и неприемлемости дальнейших уступок Германии и Австро-Венгрии. Правительству необходимо было добиться взаимодействия с «общественным мнением» страны в лице Думы, с тем чтобы она вотировала новые спешные ассигнования на оборону. 1 марта состоялось совещание членов правительства с лидерами думских фракций, на котором обсуждался вопрос о прохождении в Думе «Большой военной программы». Совещание было строго секретным. Представители социал-демократической и трудовой фракции на него не были допущены.

Националисты, октябристы, прогрессисты (последние не без колебаний) решили дать зеленый свет ассигнованиям на оборону. В кадетской партии возобладали сторонники отказа правительству в кредитах на новые вооружения, хотя среди правых кадетов были и противники такого решения. На заседаниях ЦК и думской фракции кадетской партии большинство пришло к заключению, что при тогдашнем положении в стране война явилась бы «в высшей степени рискованным шагом не только с внешней стороны, но и со стороны возможных внутренних осложнений»⁸¹.

Политика царизма на Среднем Востоке, в центре которой находилась Персия, базировалась на русско-английском соглашении 1907 года. Она была направлена на упрочение позиций и сохранение равновесия сил в регионе. Политика разграничения интересов и соглашения с Англией по азиатским делам получила поддержку со стороны сотрудничавших с правительством партий России. Только крайне правые партии и группировки выступали против соглашения с Англией и раздела Персии на сферы влияния, за полное вытеснение Англии из этой страны, подчинение последней России, за приобретение выхода к Персидскому заливу и Индийскому океану⁸².

Разраставшаяся революция в Персии и усиление экономической экспансии Германии представляли опасность для интересов России и Англии. Это привело к усилению интервенционистских устремлений со стороны правящих кругов обеих стран.

Правящие классы России были заинтересованы в скорейшем прекращении революции в Персии, разногласия между ними касались лишь конкретных путей и способов ее подавления.

Крайне правые ратовали за немедленную интервенцию, чтобы восстановить самодержавие шаха «железной рукой». С их стороны все чаще раздавались призывы разорвать соглашение с Англией, собственными силами «навести порядок» в Персии и возобновить экспансию в Южной Персии и Афганистане⁸³.

Националистические круги также выступали за открытую интервенцию, но при этом полагали необходимым не выходить за рамки русско-английского соглашения и привлечь англичан для совместных полицейских акций в Персии.

Позиция партий либерального лагеря поначалу была выжидательной. По мере обострения политической обстановки в Персии и особенно после восстания в Тебризе (1908–1909 гг.) крупная торгово-промышленная буржуазия стала все более настойчиво требовать у правительства решительных мер для ограждения своих интересов. «Нам нет дела до того, — писала газета «Голос Москвы», — кто правит Персией и как он ею правит, но нам важно, чтобы каждая капля нашего труда, каждая копейка, пущенная в оборот, были сохранены и обеспечены». Октябристы требовали от правительства «соблюсти русские интересы в полной мере, не задумываясь над путями и способами, какими это может быть достигнуто»⁸⁴.

Аналогичную позицию заняли и прогрессисты. Поначалу эти круги были противниками открытой интервенции в Персии. Они призывали занять выжидательную позицию и ограничиться «исключительно защитой русской торговли и русских подданных, предоставляя шаху и его народу устанавливать свои порядки»⁸⁵. Но уже в 1911 году они изменили свою позицию и одобрили ввод царских войск в Иранский Азербайджан.

Кадеты первоначально благожелательно отнеслись к персидской революции, полагая, что ее антифеодальный и антидинастический характер, введение конституции, парламента и проведение реформ создадут в стране новый порядок, более благоприятный для развития русской торговли и промышленности, для размещения дополнительных займов. Они выступали против поддержки шахского режима, за сотрудничество с буржуазно-либеральными кругами Персии. Кадеты предупреждали царизм об опасности «увязнуть в персидских делах» в момент, когда

на Балканах назревали грозные события. Они настоятельно советовали действовать в Персии совместно с Англией.

Однако со временем их позиция изменилась в сторону сближения с правительственной линией. Они не возражали против ввода царских войск в Тебриз в апреле 1909 года. Начиная с 1911 года кадеты фактически встали на путь поддержки интервенционистской политики царского правительства. «Речь» поддержала введение дополнительного контингента царских войск в Северную Персию и высадку английского десанта на юге страны⁸⁶.

Таким образом, по мере разрастания революции в Персии либеральный лагерь России и его партии переходили на позиции удушения революции и интервенции. Но в отличие от крайне правых сил он выступал за согласование интервенционистских действий царизма с Англией и решительно отвергал идею соглашения по персидским делам с Германией.

Представители октябристского и прогрессистского капитала, националистические круги были решительными противниками правительственных проектов железнодорожного строительства в Персии, резко критиковали Потсдамское соглашение, считая, что его реализация приведет к открытию персидского рынка для товаров иностранных конкурентов, и прежде всего Германии. Эта позиция была согласована на совещании промышленников московского района, состоявшемся 9 ноября 1910 года на квартире у П.П. Рябушинского⁸⁷.

Дальневосточная политика царизма, суть которой сводилась к поддержанию статус-кво в регионе и разделу сфер влияния между Россией и Японией, покоилась на русско-японских соглашениях 1907, 1910 и 1912 годов. Петербург рассчитывал, что в условиях резко обострившихся межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке и усиления национально-освободительных движений в Азии ему удастся заручиться поддержкой Японии для реализации собственных планов в регионе.

Дальневосточный курс правительства в общем и целом получил поддержку со стороны либеральных и правых партий. Однако между ними существовали и расхождения относительно того, на какие международные соглашения предпочтительнее опираться.

Наибольшие разногласия с правительственным курсом на Дальнем Востоке наблюдались у крайне правых. Эти круги были сторонниками реванша на Дальнем Востоке, выступая за создание антияпонской коалиции с опорой на Германию и США⁸⁸.

Националисты и октябристы, поддерживая в принципе курс правительства на соглашение с Японией, полагали, тем не менее, что оно все же не обеспечивает полной стабильности положения России на Дальнем Востоке и будет более выгодно Японии, чем России⁸⁹. Октябристы пред-

лагали правительству разработать такую систему эффективных мер, которые, с одной стороны, создали бы необходимые условия для развития на Дальнем Востоке отечественной промышленности и торговли, защищали бы российские капиталы от иностранной конкуренции и способствовали бы расширению колонизации в Приморье и Приамурье, а с другой — обеспечили надежную военно-стратегическую защиту дальневосточных границ⁹⁰.

Прогрессисты первое время поддерживали правительственный курс на сохранение статус-кво на Дальнем Востоке. Постепенно они изменили свою позицию и пришли к мнению, что ориентация на Японию бесперспективна, ибо восстанавливает против России Китай и США. Прогрессисты рекомендовали правительству провести целый комплекс мероприятий, призванный укрепить дальневосточные границы⁹¹.

Кадеты выступали с критикой правительственного курса на Дальнем Востоке, считая соглашение 1907 года более выгодным для Японии, чем для России. В целях успешного противодействия японской экспансии Милюков предлагал выработать «совершенно новую систему отношений на Востоке», делая ставку на «новые силы» — США и Англию⁹².

Позднее Милюков рекомендовал также пересмотреть политику по отношению к «пробудившемуся Китаю», взять на вооружение американскую доктрину «открытых дверей» и оказать поддержку национальной китайской буржуазии. Кадеты симпатизировали китайской революции, считая ее антифеодальной и антидинастической. Выступая 2 марта 1911 года в Думе, П.Н. Милюков заявил: «У себя дома цветные расы хотят наконец стать хозяевами, это мировой факт, игнорировать его нельзя»⁹³.

Все остальные партии перед лицом синьхайской революции подталкивали правительство к открытому вмешательству во внутренние дела Китая, к поддержке старой маньчжурской династии, надеясь добиться от нее значительных экономических и территориальных уступок. Откровенная аннексионистская программа крайне правых, националистов, октябристов и прогрессистов предусматривала участие России в разделе Китая на сферы влияния между державами.

Содействие русского правительства провозглашению независимости Монголии вызвало удовлетворение в октябристских и прогрессистских кругах. Они считали, что Монголия должна стать для России, с одной стороны, «рынком сбыта изделий нашей фабрично-заводской промышленности хлопчатобумажных тканей», а с другой — источником получения сырья: кожи, шерсти, скота, пушнины и т. д.⁹⁴ Прогрессистское «Утро России» писало: «Организовав ввоз наших товаров, мы получим возможность эксплуатировать вывоз огромных естественных богатств из этой почти девственной страны»⁹⁵. Правительство считалось с этими

пожеланиями. В 1912–1913 годах оно привлекало представителей крупной торгово-промышленной буржуазии к участию в совещаниях по вопросам заключения русско-японского (1912 г.), русско-монгольского (1912 г.) и русско-китайского соглашений (1913 г.).

Крайне правые, националисты, октябристы, прогрессисты открыто выражали свою враждебность в отношении национально-освободительного движения в Китае, муссировали расистскую идею о «желтой опасности» и поддерживали феодальный монархический режим в этой стране.

Противоречия, существовавшие в области внешней политики между правым и либеральным лагерем, помещиками и буржуазией, касались не существа дела, а разных способов ее проведения, не стратегии, а тактики. Водораздел же проходил между позициями правых и либералов, с одной стороны, и демократии — с другой; здесь выявлялась принципиальная разница подходов.

4. Демократический лагерь и внешняя политика

Из революционно-демократических партий только социал-демократы, и то главным образом большевики, считали важным и необходимым выработать собственную, независимую от либеральных партий позицию по принципиальным и текущим вопросам внешней политики. Эсеры, анархисты, а первоначально и трудовики абстрагировались от вопросов внешней политики. Меньшевики предпочитали ориентироваться на кадетов.

Большевики показали себя в Думе сторонниками включения вопросов внешней политики в сферу классовой борьбы, отвергая лозунг «национального единства» и преследуя цель сплочения сил революционно-демократического лагеря. Они считали, что внешняя политика определяется социально-политическим строем и направлена на обеспечение интересов имущих классов. Следует признать важность патриотических чувств каждого народа, которому не могут быть безразличны судьбы страны. Но необходимо бороться со стремлением господствующих классов выдавать свои узкоклассовые интересы за общенациональные. Поэтому необходимо разоблачать как стратегию внешней политики правительства, так и тактику фактически поддерживающей его буржуазно-либеральной оппозиции.

Руководство деятельностью думской фракции большевиков со стороны ЦК РСДРП немало способствовало тому, что по вопросам внешней политики ей удалось повести за собой не только всю социал-демократическую фракцию, но и в ряде случаев фракцию трудовиков.

Первое после революции 1905–1907 годов открытое изложение позиции социал-демократов в отношении внешней политики правительств-

ва имело место в апреле 1908 года во время думских дебатов по поводу уже упоминавшейся речи Извольского о ситуации на Балканах. Выступавший в прениях от социал-демократической фракции И.П. Покровский, симпатизировавший большевикам, заявил, что социал-демократия — принципиальная противница внешней политики царизма, ибо эта политика, совершенно игнорируя интересы широких народных масс, направляется своекорыстными интересами отдельных групп и привилегированных классов. Кроме того, она всегда и везде поддерживала социальную и политическую реакцию, не останавливаясь перед вооруженным вмешательством. Покровский заклеил позорную роль царизма в борьбе с революцией в Персии, показал его своекорыстие в балканской политике и авантюризм на Дальнем Востоке⁹⁶.

Социал-демократическая фракция использовала практику запросов, в том числе по внешней политике, что давало ей возможность пропагандировать свои взгляды. Так, 15 ноября 1908 года на рассмотрение Думы был внесен от имени социал-демократов и трудовиков запрос правительству о деятельности полковника В.П. Ляхова в Персии⁹⁷, который во главе «русской» казачьей бригады участвовал в подавлении революции.

Позиция Трудовой фракции в Думе по вопросам внешней политики постепенно разошлась с кадетской и слилась с позицией социал-демократов, что стало крупным успехом всего революционно-демократического лагеря. 12 декабря 1908 года трудовики приняли резолюцию по докладу Извольского, отмечавшую антинародную сущность внешней политики царизма и очень близкую по своему содержанию к резолюции, предлагавшейся ранее социал-демократами⁹⁸.

Большевики вели активную пропаганду против милитаризма и войны. Во время Балканских войн они выдвинули лозунги: «Никакого вмешательства великих держав!», «Балканы — балканским народам!», «Да здравствует Балканская федеративная республика!». Под этими лозунгами и развернулась антиправительственная деятельность социал-демократии. ЦК РСДРП опубликовал обращение «Ко всем гражданам России», в котором выразил свой решительный протест против шовинизма и милитаризма как средств подготовки империалистической войны⁹⁹.

7 декабря 1912 года социал-демократическая фракция зачитала с думской трибуны Декларацию, опубликованную затем в легальной печати. Приветствуя усилия пролетариев всех балканских государств прекратить кровопролитие и разрешить балканский вопрос путем создания Балканской федеративной демократической республики, российская социал-демократия заявляла, что нигде — ни на Балканах, ни в Персии, ни на Дальнем Востоке — не было таких интересов трудящихся масс России, которые оправдывали бы вооруженные столкновения. Социал-демократия протестовала против «империалистической политики пра-

вительства» и указывала, что всякие внешние авантюры и усиление милитаризма лишь усиливают разорение и порабощение народов России¹⁰⁰.

Антимилитаристская пропаганда социал-демократии давала результаты: 1 мая 1913 года только в одном Петербурге в политических забастовках и демонстрациях (в том числе под лозунгами борьбы против милитаризма и угрозы войны) приняло участие свыше 250 тыс. рабочих. А 7 июля 1914 года, в разгар июльского кризиса, в Петербурге состоялась многочисленная антивоенная демонстрация питерских рабочих. На улицах столицы появились баррикады. Правительство ответило репрессиями. Была разгромлена редакция газеты «Правда», произведены массовые обыски и аресты. Начавшаяся вскоре мировая война изменила ситуацию.

Глава XI. На пороге мировой войны

Всемирный пожара вспыхнувший в 1914 году, стал закономерным результатом развития международных отношений предшествующего периода. Из этого не следует, однако, что трагический финал не мог наступить раньше или позже. Возникает вопрос, стечение каких обстоятельств — военных, политических и психологических — оказалось роковым летом того фатального года. В исследовании о русской внешней политике историка, естественно, прежде всего интересует положение и роль России.

1. Участие в гонке вооружений и подготовка к коалиционной войне

В начале века великодержавное влияние России базировалось, как отмечалось, на обладании самой крупной в мире сухопутной армией и сильным флагом. Русско-японская война и революция потрясли эти основы. Империя осталась практически без военно-морских сил. В плачевном состоянии оказалась и армия. Это положение длилось годами. Одна из главных причин затянувшегося упадка заключалась в том, что до 1909–1910 годов не удавалось стабилизировать финансы. Кроме того, царское правительство не имело единой, согласованной между Военным и Морским министерствами программы развития вооруженных сил. Каждое из ведомств требовало особого внимания к своему роду войск и разрабатывало проекты фактически изолированно.

И то и другое имело влиятельных сторонников. Возглавлявший Совет государственной обороны великий князь Николай Николаевич не без основания считал, что решающая роль в грядущем конфликте будет принадлежать сухопутной армии. Николай II был гораздо внимательнее к нуждам флота. Мнение о важности военно-морских сил для поддержания великодержавного престижа России разделял Извольский. Его не чужд был Столыпин. В итоге царизм включился в морское соперничество с другими державами в строительстве новейших линейных кораблей типа дредноут. Правда, тягаться с Англией и Германией на этом поприще Россия не могла, но все же вышла в предвоенные годы по расходам на флот на третье место в мире.

В марте 1907 года Морское министерство представило царю несколько вариантов судостроительных программ, выбор которых должен был зависеть от финансовых возможностей. После долгих обсуждений и споров в июне того же года император утвердил «малую» программу,

предусматривавшую начало создания Балтийской эскадры, способной обеспечить безопасность столицы и побережья Финского залива. Намечалась постройка 4 линейных кораблей, 3 подводных лодок и плавучей базы для них. Кроме того, планировалось построить 14 эсминцев и 3 подлодки для Черного моря. Однако фактически к строительству линейных кораблей смогли приступить лишь два года спустя, когда на Балтийском заводе были заложены дредноуты «Петропавловск» и «Севастополь», а на Адмиралтейском — «Гангут» и «Полтава»¹.

Ввиду недостаточного технического оборудования русских кораблестроительных заводов, задержек с созданием паровых турбин, до этого не строившихся в России, а также неоднократных изменений самого проекта в сторону его улучшения строительство линейных кораблей сильно затянулось.

Русская армия испытывала крайнюю нужду как в восстановлении запасов, так и в коренном улучшении организации войск. Без этого любые затраты на повышение технической оснащённости армии становились в значительной мере бесполезными.

В мае 1908 года Военное министерство получило разрешение Совета министров обратиться в законодательные органы с просьбой ассигновать около 293 млн руб. «на пополнение запасов и материальной части и на постройку для них помещений». Государственная дума, чтобы не потерять контроль за расходованием этой суммы, решила утверждать кредиты не сразу в полном объеме, а ежегодно². В 1909–1910 годах была произведена реорганизация сухопутных сил, ограниченная необходимостью «избежать новых финансовых тягот». В пределах возможного было сделано немало. Организация войск, особенно пехоты, была изменена. Войска получили более гибкое и надежное управление. Вводилась новая организация резервных частей, единообразие высших соединений. Слабым местом армии по-прежнему оставались отсутствие необходимых пропорций между различными родами оружия, нехватка артиллерии и инженерных войск.

Большое внимание было уделено улучшению офицерского корпуса. Последовало увольнение некомпетентных начальников и омоложение командного состава. Были полностью отменены сословные ограничения при приеме в офицерские училища. Поднялся также и образовательный ценз: в списке генералов в 1912 году было 55,2% окончивших одну из военных академий³.

Одновременно с пополнением армейских запасов и реорганизацией войск правительству пришлось заняться координацией планов развития вооруженных сил. В 1909 году в течение пяти месяцев заседало Особое совещание под председательством премьера П.А. Столыпина в составе министров морского, военного, финансов, иностранных дел и началь-

ников обоих генеральных штабов. Главная задача совещания состояла в распределении средств между армией и флотом на ближайшие десять лет. Намечено было делить их почти поровну, что вряд ли было правильным с точки зрения использования боевых возможностей России: ни при каких обстоятельствах в будущей войне флоту не пришлось бы нести такую же долю тяжести, как армии, и от действий его никак не могли ожидать таких же результатов, как от действий армии⁴.

Промышленный подъем 1909–1913 годов, несколько урожайных лет, совпавших с ростом цен на сельскохозяйственные товары на мировом рынке, имели следствием значительное увеличение внутренних накоплений в стране. Это позволило правительству увеличить военные расходы и перейти к интенсивному развитию вооруженных сил, не прибегая к непопулярным мерам — введению новых налогов и новым займам за границей.

В начале апреля 1911 года Николай II получил от морского министра И.К. Григоровича грандиозный проект «Закона об императорском Российском флоте», рассчитанный более чем на два десятилетия. Его исполнение потребовало бы от государства более 2 млрд руб.

Первым этапом реализации закона должна была стать пятилетняя «Программа усиленного судостроения Балтийского флота», предусматривавшая в дополнение к уже заложенным в 1909 году линкорам строительство 4 броненосных и 4 легких крейсеров, 36 эсминцев и 12 подводных лодок. В результате к 1916 году Балтийский флот должен был получить полную боевую эскадру. Кроме того, намечалось построить 2 легких крейсера для Черного моря и 6 подлодок для Тихого океана. Предполагаемые ассигнования составляли 421 млн руб.

В начале марта 1912 года И.К. Григорович представил эту программу в Государственную Думу. Он ссылался на быстрое развитие немецкого флота и необходимость в связи с этим закончить создание оперативно-способного Балтийского флота к 1916–1917 годам. В июне того же года Государственная Дума большинством голосов приняла законопроект об отпуске кредитов на выполнение программы. Одобренный царем «Закон о флоте» по решению Совета министров должен был быть представлен в Думу не ранее конца 1914 года⁵.

На практике усиление Балтийского флота осуществилось фактически за счет Черноморского, несмотря на техническую отсталость последнего. В результате Черноморский флот России стал постепенно утрачивать свое бывшее превосходство над военно-морскими силами Османской империи. Происходившее в обстановке быстро возрастающей зависимости Турции от центральных держав усиление турецкого флота вызывало среди русских дипломатов и военных острое беспокойство.

Первая тревога возникла летом 1909 года в связи с попыткой Турции приобрести бразильские дредноуты, строившиеся в Англии, любой

из которых, по словам тогдашнего морского министра С.А. Воеводского, превосходил по мощи весь русский Черноморский флот. Царскому правительству оставалось одно — отвечать на морские вооружения Турции строительством линкоров для Черноморского флота. Но пока предложения, выдвигаемые морским ведомством и активно поддерживаемые МВД, утверждались многочисленными инстанциями, проходили месяцы и даже годы.

Только в мае 1911 года Государственная дума приняла закон об ассигновании 151 млн руб. на постройку на Черном море 3 линейных кораблей, 9 эсминцев и 6 подводных лодок со сроком окончания в 1915–1917 годах.

Положение на Черном море еще более осложнилось для России после окончания Балканских войн, когда турецкое правительство купило дредноут «Рио-де-Жанейро». В Петербурге были получены сведения о возможном усилении турецкого флота к концу 1914 — середине 1915 года еще тремя-четырьмя современными линейными кораблями. С.Д. Сазонов писал А.П. Извольскому в начале 1914 года: «Страшно подумать, что турки к концу года будут сильнее нас на Черном море. Еще год назад я бы этому не поверил, а теперь это почти свершившийся факт»⁶.

В сложившейся обстановке МИД выступил с инициативой усиления боевой мощи русского Черноморского флота и активизации подготовки десанта для овладения Босфором на случай появления там вооруженных сил третьей державы. Летом 1913 года внешнеполитическое ведомство совместно с Морским министерством решило разработать и представить в правительство перспективный план, который предусматривал готовность к разрешению проблемы проливов в пользу России в 1918–1919 годах.

Одной из мер к достижению этой цели должна была стать переброска части Балтийского флота в Средиземное море на французскую базу Бизерта, возможность чего предусматривалась заключенной в 1912 году франко-русской морской конвенцией. Другая мера заключалась в создании полной эскадры на Черном море. Для этого кроме кораблей, предусмотренных программой 1911 года, намеревались заложить еще 5 линкоров и соответствующее количество легких кораблей. На первом этапе И.К. Григорович считал необходимым дополнительно начать строительство линейного корабля, 2 легких крейсеров, 8 эсминцев и 6 подводных лодок. Эта «Программа усиления Черноморского флота» была утверждена Государственной думой и Государственным советом в июне 1914 года⁷.

Всего накануне первой мировой войны Морское министерство провело через законодательные учреждения четыре судостроительные про-

граммы, завершение которых намечалось на 1917–1919 годы, а общая стоимость превышала 800 млн руб.

Итало-турецкая война и Балканские войны дали новый толчок к усилению империалистическими государствами гонки вооружений, что нашло отражение и в резком увеличении военных расходов.

Впереди других шли державы Тройственного союза. Из стран Антанты на первом месте стояла Россия, военные расходы которой увеличились за 1908–1913 годы почти в 1,5 раза⁸.

Русский Генштаб и Военное министерство тревожили сведения об увеличении численности армий основных будущих противников — Германии и Австро-Венгрии.

В марте 1911 года германское правительство провело через рейхстаг закон об увеличении постоянной армии мирного времени до 625 тыс. человек при существенном увеличении пулеметных частей и артиллерии. В июне следующего года были приняты новые законы об увеличении вооруженных сил Германии и создании двух новых армейских корпусов — одного из них на границе с Россией, в районе Алленштейна. В июле 1913 года германское правительство провело еще один военный закон, согласно которому численный состав армии увеличивался сразу до 820 тыс. человек⁹.

Значительно усиливалась и австро-венгерская армия. В 1912 году ежегодный контингент новобранцев был увеличен с 103 тыс. до 150 тыс. человек, а в марте 1914 года — до 205 тыс. человек. К концу 1913 года армия Австро-Венгрии достигала 460 тыс. человек. Русскими военными кругами она расценивалась «неизмеримо ниже германской». Тем не менее «для скорого и решительного разгрома этой армии» по новому плану предполагалось направить 16 корпусов¹⁰.

Этот новый план стратегического развертывания был разработан русским Генеральным штабом в 1912 году. Прежний план, датированный 1910 годом, учитывал резкое ослабление военного потенциала страны в первые годы после поражения в русско-японской войне. Поэтому в плане предусматривалась оттяжка армии в глубь страны с линии рек Висла и Нарев на линию Белосток–Брест и перед ней ставились сугубо оборонительные задачи. Теперь в связи с укреплением армии стратегический план России в корне изменяется; район сосредоточения вновь переносится на запад, а на место оборонительных задач приходят наступательные.

Два обстоятельства значительно усложняли дело. Первое — недостаточное развитие российского железнодорожного транспорта. В результате на 15-й день мобилизации, когда Германия, Австро-Венгрия и Франция почти полностью заканчивали сосредоточение, Россия могла развернуть только треть своих сухопутных войск. Правда, за этим в России, в отличие от западных стран, следовал период сравнительно быст-

рого наращивания сил. На 30-й день мобилизации она сосредоточивала до двух третей развертываемой армии. На прибытие же остальных сил требовался еще по меньшей мере месяц. Слабость транспорта затрудняла также перегруппировку сил в ходе операций.

Другими существенными моментами, повлиявшими на план развертывания, были коалиционный характер войны и принятое на себя обязательство выставить превосходящие силы против Германии и уже на 16-й день, не дожидаясь полного сосредоточения, начать против нее наступательные операции.

Попыткой учесть все эти обстоятельства и сочетать обязательства перед Францией со стремлением разбить на начальном этапе войны Австро-Венгрию и явился план развертывания 1912 года (вариант А), легший в основу действий русской армии в 1914 году. Характерными чертами его являлись: 1) намерение наступать как против Австро-Венгрии, так и против Германии; 2) сравнительно равномерное распределение сил между австрийским и германским фронтами (примерно в пропорции 2 : 1); 3) переход к активным операциям, не дожидаясь сколько-нибудь полного сосредоточения сил, в расчете на завершение этого процесса уже в ходе боевых действий.

В исторической литературе высказывались разные оценки этого плана. Длительное время преобладала тенденция усматривать в нем нарушение основных принципов стратегии и подчиненность интересам французского союзника. За последние годы установилась, однако, более взвешенная оценка, признающая соответствие русского плана условиям борьбы и правильность его основной идеи. В то же время справедливо указывается на трудности исполнения поставленных в нем задач вследствие явного недостатка сил в начале операций, а также необходимости большей четкости и полководческого искусства со стороны командования¹¹.

Нужное приращение сил намечалось достигнуть в результате осуществления плана развития армии, над которым офицеры Генерального штаба трудились с осени 1912 года.

Выработанный Генеральным штабом проект 6 марта 1913 года рассматривался и был одобрен на Особом совещании под председательством Николая II. Получив одобрение царя, Сухомлинов решил разделить утвержденный план на две части и в первую очередь осуществить наиболее неотложные мероприятия по усилению артиллерии. В результате наряду с общей «Большой программой» появилась на свет «Малая программа усиления армии».

Эта «Малая программа», рассчитанная на пять лет, стала законом 10 июля 1913 года. На ее выполнение выделялось около 123 млн руб., львиная доля которых шла на развитие артиллерии.

Осенью 1913 года Генеральный штаб окончательно разработал «Большую программу». Выполнить ее намечалось к 1 ноября 1917 года, а наиболее важную часть, касающуюся артиллерии, несколько раньше — к 1 апреля того же года. Общие расходы на осуществление программы должны были составить 434 млн руб. Несколько месяцев программа проходила через различные инстанции, пока наконец Государственная дума не утвердила ее в полном объеме. 24 июня 1914 года после подписания императором «Большая программа» стала законом. До начала войны оставалось всего несколько недель.

Выполнение программы значительно повысило бы боевую мощь русской армии. Она предусматривала реорганизацию всех родов войск: пехоты, артиллерии, кавалерии, инженерных и технических войск. Вооруженные силы России должны были в мирное время увеличиться на 480 тыс. человек, то есть почти на 39% существовавшего штата, при этом на долю пехоты приходилось 57% увеличения численного состава, кавалерии — 8%, артиллерии — 27% и технических войск — 3%. Наиболее существенной мерой для пехоты было увеличение уже в мирное время численного состава рот, благодаря чему облегчалось обучение и ускорялась мобилизация. Вновь формировались два корпуса, стрелковая дивизия и несколько других, более мелких соединений.

Крупные изменения намечались в кавалерии, в которой формировались вновь 26 полков и усиливался состав запасных частей.

Одно из главных мест в реорганизации армии «Большая программа» отводила артиллерии, где отставание русской армии проявлялось наиболее сильно. Поэтому предусматривалось общее увеличение числа орудий на 20%, формирование специальных частей тяжелой артиллерии и др. Число орудий в русском корпусе увеличивалось со 108 до 156. Но даже после этого русская армия продолжала бы отставать в области артиллерии от германской (в 1914 г. немецкий корпус имел в своем составе 160 орудий).

Сравнительно большое усиление получали инженерные и технические войска (особенно воздухоплавательные), которые также были ахиллесовой пятой русской армии¹².

Русский Генеральный штаб обосновывал «Большую программу» тем, что исход современной войны определяется результатами первых столкновений, возможностью создания в начале войны необходимого превосходства в силах для решительного быстрого наступления. Таким образом, ставка делалась на первый успех и стремительную победу. Полагали, что война займет не более шести месяцев. В.А. Сухомлинов еще в своей записке о мероприятиях по государственной обороне 1909 года писал: «Современные политические и экономические условия жизни наших главных соседей почти не допускают для них возможности ведения

длительной борьбы. Нельзя забывать, что каждый лишний день войны обходится правительству не менее 3 млн рублей. В соответствии с сим вся военная система их направлена к обеспечению возможности нанесения быстрых и решительных ударов, при помощи которых предполагается окончить войну в возможно короткое время»¹³. Подобные взгляды были характерными не только для России. Они господствовали и в странах Западной Европы, где военные доктрины также ориентировали армии и государства на краткосрочную войну¹⁴.

Отсюда следовал вывод, что боевые действия будут вестись в основном за счет запасов вооружений и боеприпасов, которые должны быть заготовлены заранее. Деятельность Военного министерства в этом плане ограничивалась доведением боеприпасов и вооружений до намеченных мобилизационных норм. На этом пути ему удалось добиться определенных успехов. В 1914 году русская армия имела мобилизационные запасы почти в полном соответствии с утвержденными нормами. Другое дело — величина этих норм, разработанных на основе опыта русско-японской войны. Они оказались заниженными по сравнению с армиями противников и союзников. Так, утвержденные в итоге работы специальной комиссии генерала Поливанова (1910 г.) нормы боекомплекта составили 1000–2000 винтовочных патронов для полевой пехоты и войск в крепостях и 1000–1200 выстрелов для различных орудий легкой и тяжелой артиллерии, в то время как во Франции норма расхода боеприпасов составляла 1300–1500, в Германии — до 1500 снарядов на орудие¹⁵.

Серьезный просчет с мобилизационными запасами осложнялся неготовностью казенной и нарождавшейся частной военной промышленности к быстрому разворачиванию военного производства в случае войны. Правда, и в этом Россия не являлась исключением. Лишь в Германии перед войной были проведены некоторые мероприятия по сырьевому обеспечению экономики страны и известная подготовка гражданской промышленности к переходу на военное производство¹⁶.

Положение усугублялось и более низким военно-промышленным потенциалом России по сравнению с Германией. Хотя страна и располагала к середине 1914 года сравнительно развитой военной промышленностью (свыше 20 казенных предприятий и ряд крупных частных заводов), некоторые современные отрасли в ней отсутствовали. Русские военные заводы только готовились к производству авиационных моторов, автомобилей, минометов. Часть заказов Военное и Морское министерства размещали за границей: на военные корабли — в Англии и Германии, на артиллерийское вооружение — в Германии и Франции¹⁷.

Несмотря на отмеченные недостатки, через девять лет после неудачной войны с Японией русская армия представляла собой грозную по численности вооруженную силу. Приобретенный в войне с Японией опыт

благотворно сказался на боевой подготовке войск — они не уступали в этом плане армиям западноевропейских стран. Русская армия была оснащена примерно равным по качеству вооружением, хотя и уступала германской армии в полевой тяжелой артиллерии и некоторых других современных видах вооружений.

Россия противостояла армиям центральных держав не одна. Она была связана союзом с Францией и узами согласия с Англией. В соответствии с франко-русской военной конвенцией в Петербурге и Париже периодически проводились совещания начальников генеральных штабов обеих армий. Начиная с 1911 года координация военной подготовки двух союзниц приобретала все более тесный и планомерный характер.

Правда, между французским и русским генштабами существовали расхождения относительно военного взаимодействия. Французские генералы считали желательным сосредоточение максимума русских сил непосредственно против Германии и скорейший переход их в наступление. Они настойчиво добивались этого на всех предвоенных совещаниях. Царский Генштаб должен был считаться с тем, что в начале войны главной ударной силой противника на русском фронте будет австро-венгерская армия. В этом же направлении лежала значительная часть интересов России (Галиция, Балканы). Отсюда возникала идея попытаться на начальном этапе войны, когда внимание Германии будет отвлечено на запад, разбить Австро-Венгрию, что должно было также вынудить Берлин к обратной переброске сил на восток. Однако, по компетентному свидетельству генерал-квартирмейстера Главного управления русского Генштаба Ю.Н. Данилова, мысль о желательности в общих интересах добиться в начале войны разгрома Австро-Венгрии «прививалась нашим союзникам с большим трудом»¹⁸.

В конечном счете наметили компромиссное решение. В протоколе последнего предвоенного совещания начальников генштабов (1913 г.) было записано: «Поражение немецких армий остается при всяких обстоятельствах первой и основной целью союзных армий...». И немного ниже: «Во что бы то ни стало надо преследовать уничтожение сил Германии в самом начале операций». В то же время французская сторона признала «необходимость для России сохранить многочисленные силы против Австрии»¹⁹.

Основы предполагаемого взаимодействия против Германии были конкретизированы в протоколе совещания начальников генштабов России и Германии 1912 года. «План союзников должен заключаться в том, — гласил документ, — чтобы постараться атаковать одновременно с двух сторон, развивая максимум комбинированных усилий». При этом Франция выставляла против Германии свыше 1500 тыс. человек, из которых большую часть на 10-й день мобилизации, а Россия — не менее

800 тыс. человек, из которых большую часть на 15-й день мобилизации. Наступательные операции французской армии должны были начаться соответственно на 11-й день, русской — на 16-й²⁰.

Летом 1912 года между Россией и Францией была заключена также военно-морская конвенция²¹. Тогда же между начальниками французского и русского морских генштабов состоялся обмен стратегическими взглядами, в ходе которого были намечены контуры возможного сотрудничества двух флотов. В протоколе этого совещания указывалось, что в случае войны задачей каждого из союзников будет обеспечить свободу плавания в своем районе: Франции — в Средиземном море, Англии — в Немецком (Северном) море, России же — на Черном море при условии, что она будет иметь дело только с турецким флотом. В связи с этим начальник русского Морского Генштаба высказал пожелание, чтобы Франция разбила итальянский и австрийский флоты или хотя бы блокировала их в Средиземном море. Французский коллега не возражал против выделения для выполнения такой задачи части морских сил его страны. В то же время он подчеркнул необходимость принять во внимание французские интересы в западном Средиземноморье. По его мнению, само сосредоточение французских морских сил в Бизерте должно было оказать давление на противника и сковать его активность. После обсуждения и здесь последовало компромиссное решение. Было намечено, что, если средиземноморские силы противника попытаются прорваться в Черное море, французский флот должен дать им сражение. В свою очередь, русский флот при благоприятных условиях предполагал прийти на помощь французскому на Средиземном море. Однако французский адмирал сделал при этом существенную оговорку. Он указал, что, если предстоящая англо-французская морская конвенция возложит на флот его страны другие обязательства, последний будет действовать в зависимости от обстановки²².

Если Россию и Францию связывали широкие и достаточно определенные взаимные обязательства, то несколько по-иному обстояло дело в отношениях союзников с третьим партнером по Антанте. Ни англо-французское соглашение 1904 года, ни англо-русская конвенция 1907 года не содержали каких-либо обязательств на случай войны. Правда, сотрудничество генштабов Франции и Англии началось еще со времени первого марокканского кризиса. Был выработан проект отправки в случае войны в помощь французской армии английского экспедиционного корпуса численностью до 150 тыс. человек. Однако английское правительство не было связано формальным обязательством воевать на стороне Франции.

В ноябре 1912 года между Парижем и Лондоном было, как упоминалось, заключено секретное политическое соглашение типа консульта-

тивного пакта. Вскоре после обмена письмами между Греем и Камбоном морские генштабы Англии и Франции выработали военно-морскую конвенцию. По ее условиям Англия брала на себя охрану Ла-Манша и Атлантического побережья Франции. Последняя же сосредоточивала свой флот в Средиземном море, где должна была защищать и английские позиции. Конвенция по форме носила условный характер, формально не связывая свободу решений двух правительств. Франция и Англия уже в 1912 году поставили Россию в известность о своих соглашениях, так что в Петербурге имели основания ожидать, что в случае европейской войны Англия по меньшей мере «займет в отношении Германии враждебное положение».

Непосредственно между Россией и Англией общеполитических и военных соглашений еще не было. Однако накануне войны между ними шли переговоры о военно-морской конвенции, за которой должно было последовать и политическое соглашение консультативного характера по образцу англо-французского²³. Секретные переговоры в Лондоне в июне — июле 1914 года завершились разработкой проекта конвенции, ратифицировать который, однако, не успели. Практическое значение предполагаемой морской конвенции было невелико, так как английская сторона не стремилась к активному взаимодействию с русским флотом.

Военно-политическая ситуация в 1914 году была очень непростой. По суммарной мощи державы Антанты превосходили Тройственный союз как на суше, так и на море. То же относилось к военно-экономическому потенциалу и людским ресурсам. Но центральные державы обладали целым рядом преимуществ, казалось, позволявших им одержать решительную и скорую победу в войне: быстротой сосредоточения, более сильным артиллерийским вооружением, лучшей организацией. Берлин и Вена имели некоторые основания надеяться на хотя бы временный нейтралитет Англии. В военных кругах обеих империй преобладало мнение, что, пока Россия и ее партнеры не осуществили своих программ вооружений, у Германии и Австрии сохраняются немалые преимущества. Политических лидеров тревожила возможность ухудшения обстановки вследствие роста австрийско-итальянских противоречий и внутреннего кризиса в Австро-Венгрии. Для держав Антанты, особенно России, представлялось предпочтительным оттянуть столкновение, но они уже не склонны были ради этого отступать перед вызовом противника. Напряженная ситуация проявлялась в повышенной нервозности общественного мнения европейских великих держав.

2. Русско-германская «газетная война»

Во время Балканских войн отношения России с Австро-Венгрией, поддерживаемой союзницей — Германией, не раз настолько накаля-

лись, что с обеих сторон принимались военно-мобилизационные меры. В конце 1913 — первой половине 1914 года заметно обострились также русско-германские отношения²⁴. Кризис из-за миссии Лимана фон Сандерса, противоречия в «островном вопросе» и деле армянских реформ, подготовка к пересмотру торговой конвенции 1904 года, сообщения о принятии все новых военных программ наэлектризовали атмосферу. Одним из проявлений напряженности в русско-германских отношениях была ожесточенная полемика, вспыхнувшая в прессе обеих держав в начале 1914 года и достигшая к середине февраля такой остроты, что получила название «газетной войны». Со стороны Германии она может рассматриваться как психологическая подготовка населения к грядущей войне. В 1914 году морской министр Григорович, встревоженный рядом откровенно враждебных статей в немецкой прессе, запросил мнение Сазонова: «Не представляет ли эта кампания немецкой печати организованной германским правительством подготовки общественного мнения к возможному активному против нас выступлению?»²⁵ Сазонов, не отрицая причастности берлинского кабинета к поведению газет, все же не склонен был видеть в этом подготовку к вооруженному столкновению с Россией. Министр иностранных дел объяснял агрессивное настроение части германского общества тем раздражением, которое вызывает в Германии враждебный тон русской печати, особенно в связи с делом о германской военной миссии Сандерса в Турции²⁶.

18 февраля в газете «*Kölnische Zeitung*» появилась корреспонденция из Петербурга. В ней шла речь об усилении русской военной мощи и о том, что через три-четыре года Россия будет готова напасть на Германию. Резкость тона и категоричность выводов сделали эту публикацию объектом общего внимания как в самой Германии, так и в других европейских странах. Для дипломатов государств Антанты столь резкий выпад немецкой официозной газеты оказался неожиданностью. Бенкендорф писал Сазонову: «...Грей спросил меня, могу ли я дать ему какие-либо пояснения по поводу поднятой в германской печати кампании, которой он совершенно не понимает и которая его беспокоит»²⁷. О том же сообщал и Извольский из Парижа: «Кампания германских газет против России, вызванная корреспонденцией «*Kölnische Zeitung*», была встречена здесь всеобщим недоумением; г. Думерг сказал мне, что до сих пор ему еще не удалось доискаться истинных причин этого дружного похода против нас германских органов печати, но что он не сомневается в том, что поход этот был предпринят с ведома и согласия берлинского правительства»²⁸.

Уже на следующий день после появления сенсационной публикации русский посол в Берлине Свербеев в беседе с Яговым обратил его внимание на характер корреспонденции из Петербурга, помещенной в органе

печати, которым МИД Германии постоянно пользуется для своих официозных сообщений. Статс-секретарь отрицал всякую причастность правительственных сфер Германии к публикации «Kölnische Zeitung», объясняя выпад реакцией на тональность русской печати. Свербеев не признал эти объяснения убедительными и просил Ягова по возможности воздействовать на печать, «настроение которой может способствовать лишь ухудшению наших отношений»²⁹.

Министерство иностранных дел России не спешило с официальной реакцией на выпад берлинской газеты, еще надеясь, по-видимому, что публикация не получит слишком большого резонанса. Такую же линию поведения избрали некоторые органы правой печати. Например, в «Земщине», известной своими прогерманскими настроениями, первое упоминание об инциденте появилось лишь 26 февраля. Однако большинство изданий сообщили о сенсационной статье «Kölnische Zeitung» уже на следующий день, 19 февраля, а затем дали ее изложение. «Новое время» писало: «...Совершенно неожиданно после совсем недавних заявлений о дружбе с Россией виднейших политических деятелей Германии в Берлине круто переменяли фронт и от дружеских заявлений перешли к совершенно недвусмысленным выводам о предстоящей неизбежной войне»³⁰. «Германия, по-видимому, решила использовать тот благоприятный момент, какой для нее, несомненно, сейчас создается», — делал вывод орган октябристов «Голос Москвы». «Германия более четверти века держит всю Европу в напряженном состоянии вооруженного мира... Но никогда еще положение не было так грозно, как сейчас. Вот почему внутри России должно быть сделано все, чтобы быть готовыми к грядущим событиям»³¹. Кадетская «Речь» призывала к сдержанности. Касаясь предложения «Kölnische Zeitung» обнаружить по адресу России поменьше «предупредительности» и побольше «твердой воли», «Речь» назвала саму статью немецкой газеты «первым пробным шаром такой новой политики», при этом кадетский орган выразил надежду, что этот пробный шар «у нас никого не смутит и даже не вызовет со стороны русской печати ни одного ошибочного или преувеличенного отклика»³². Такой взгляд разделило на следующий день либеральное «Русское слово»: «Если стоит обратить внимание на эту нелепую шумиху, то лишь потому, что вдохновителям антирусской кампании удалось вызвать немалую тревогу во Франции (имелось в виду состояние биржи. — *Авт.*)»³³.

Русскую печать интересовали два вопроса: кто автор статьи и в чем причина внезапной атаки? Поначалу авторство публикации было даже приписано самому германскому послу в Петербурге Пурталесу, но последовавшие вскоре опровержения³⁴ выявили настоящего автора — г. Д. Ульриха, постоянного корреспондента «Kölnische Zeitung» в Петербурге, который, впрочем, был вхож в посольство, так что совершенно

исключить участие немецкого представительства в нашумевшей статье, по мнению газет, было нельзя.

Что касается причин начатой кампании, то среди главных сразу же были названы: 1) приближающийся пересмотр торгового договора с Германией; 2) просочившиеся слухи о готовящемся внесении в Думу законопроекта о военных ассигнованиях; 3) желание самих германских и австрийских властей получить дополнительные кредиты на вооружения.

Проблема предстоящего пересмотра торгового договора с Германией широко обсуждалась русской печатью. Газета «Новое время» в статье «Как готовиться к торговым договорам» писала: «Россия должна сбросить с себя наложенную на нас в годину наших бедствий дань немцам. Но для этого... нужно одно: быть сильными и способными отстаивать свои интересы и достоинство»³⁵.

Серию статей, посвященных предстоящему пересмотру торгового договора, опубликовала газета «Голос Москвы». Ее позиция не отличалась от взгляда «Нового времени»: «Нужно, чтобы вопрос о торговом договоре с Германией сделался нашим национальным вопросом... Пора вспомнить, что мы великая, одна из величайших по размерам держав... и нужно стараться уметь быть великой не только по пространству, но и по месту в среде других»³⁶. Либеральная газета «Русское слово», подчеркнув громадное значение поднятого вопроса для всей будущей экономической политики России, опросила ряд крупных специалистов и политических деятелей. Все они признали ненормальность современного положения вещей и в качестве главной контрмеры рекомендовали расширение торговых отношений с Англией³⁷. К этому же выводу присоединились «Русские ведомости»³⁸.

Бывший министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев, беседуя с корреспондентом «Голоса Москвы», высказал мнение, что причина шумной газетной кампании в Германии лежит скорее всего в желании получить одобрение рейхстагом новых военных кредитов³⁹. К такому же мнению склонялся посол Свербеев⁴⁰.

Третью причину указала «Речь». Она заключалась в предстоящем внесении в Думу законопроекта об ассигнованиях на военные и морские программы. Характерно, что кадетская газета защищала Россию от обвинений в агрессивности. По ее мнению, русская дипломатия «если чем-нибудь и грешит, то скорее качеством, прямо противоположным всякому стремлению к агрессии: своим паническим страхом перед всякой тенью возможных международных осложнений»⁴¹.

Представители российского МИД сделали ряд анонимных заявлений через различные органы печати. Так, обстоятельную беседу с представителем «авторитетных дипломатических кругов» напечатало 22 февраля «Русское слово». Рассматривая причины германской газетной кам-

пани, анонимный дипломат выделил стремление принудить Россию отказаться от новых вооружений. По этому поводу он решительно заявил: «...Лихорадочные вооружения Германии заставят русское правительство принять соответствующие меры предосторожности, и, как бы ни настаивала по этому поводу германская печать, Россия от этих мер не откажется и их не уменьшит». Здесь же было сделано еще одно предупреждение: «Кампания германских официозов, имеющая целью запугать Россию, может в итоге привести к совершенно неожиданному для берлинских политиков результату, а именно к преобразованию Тройственного соглашения в форменный оборонительный тройственный союз». Это пока еще только проект, имеющий много сторонников и в Петербурге, и в Париже, и в Лондоне, «но если Россия, Франция и Англия убедятся, что им необходимо заключить союз, чтобы обеспечить европейское равновесие... то, пожалуй, такой союз состоится даже скорее, чем это в Берлине себе представляют».

Публикация беседы с анонимным дипломатом была продолжена на следующий день. На этот раз представитель «авторитетных дипломатических сфер» коснулся возможных путей выхода из положения. Он считал, что «Россия лишена возможности официально потребовать от берлинского кабинета, чтобы он отрекся в правительственном сообщении от всякой причастности к антирусским демонстрациям». Поэтому российские официальные круги готовы удовлетвориться соответствующим заявлением канцлера в рейхстаге⁴². Таким образом, через газету было сделано предложение, которое признавалось неудобным адресовать официальным путем.

Между тем кампания продолжалась и получила новый импульс. 24 февраля одна из самых влиятельных германских либеральных газет «Berliner Tageblatt» напечатала обширную статью под заголовком «Русский сосед». Анонимный автор утверждал, будто бы Берлин и Вена беспрестанно отступали перед русскими притязаниями. Российская политика двулика: Петербург и Москва — консервативная автократия и радикальный панславизм, корректное Министерство иностранных дел и интригующая закулисная дипломатия, миролюбивый министр финансов и воинствующее офицерство, подчеркивание монархической солидарности с Берлином и Веной и братание с республиканскими заимодавцами с берегов Сены. Выход для Германии автор видел в предупредительной войне против России.

На следующий день «Русское слово» сообщило: «Русофобская кампания возобновилась сегодня с удвоенной энергией. Печать, дипломаты, генералы не стесняются обвинять сегодня Россию в самых коварных замыслах»⁴³. «Русские ведомости» констатировали: «Перед нами, несомненно, сознательная обработка немецкого общественного мнения в анти-

русском духе, ведущаяся кругами, к указаниям которых чутко прислушиваются самые различные органы печати»⁴⁴. «Речь» писала: «Сегодня мы должны констатировать тот печальный факт, что берлинская прогрессивная газета, орган свободомыслящих «Berliner Tageblatt», редактируемый Теодором Вольфом, последовал примеру своих менее совестливых собратьев и напечатал статью, ничем не уступающую статьям Kölnische Zeitung»». Газета заключала, что кампания не случайна и чревата самыми серьезными опасностями. «Пусть наша дипломатия не будет слишком пуглива»⁴⁵, — призывал кадетский орган. «Новое время» квалифицировало происходящее как продолжение германской травли России. Газета предлагала читателю «прислушаться не только к выкрикам немецких шовинистов, но и к неподдельным голосам германской дипломатии», которая полагает, что Россия не уверена в своих союзниках⁴⁶.

Полемика между печатными органами двух держав достигла масштабов настоящей «газетной войны». Обе стороны продолжали наносить друг другу удар за ударом. «Речь» отмечала: «Как же хорошо, значит, подготовлена в Германии почва... если одинокий воинственный клич сразу встречает в ней такой дружный и громкий отклик!»⁴⁷

Германская печать была энергично поддержана австрийскими газетами, наиболее резкие высказывания которых в адрес России немедленно доводились русскими изданиями до сведения своих читателей.

Пресса Франции и Англии, напротив, приняла сторону России. Корреспондент «Русского слова» телеграфировал из Парижа: «Здесьняя печать, подробно воспроизводя отклики русской печати по поводу поднятой германскими газетами русофобской кампании, замечает, что Берлин получил со стороны русского общественного мнения... единодушный отпор. В подобных приемах Германия, говорят французские газеты, до сих пор была избалована удачей, но теперь она потерпела фиаско»⁴⁸. Извольский писал Сазонову из Парижа: «Из разговоров моих как с политическими деятелями, так и с лицами различных общественных слоев я вывожу заключение, что... инициатива петербургского корреспондента «Kölnische Zeitung» не только не причинила никакого ущерба нашим интересам, но, напротив того, оказала нам некоторую услугу»⁴⁹.

Существенные перемены произошли и в настроении английского общественного мнения. Бенкендорф докладывал Сазонову о реакции на «газетную войну»: «Не быть бы счастьем, да несчастье помогло — это подняло даже апатичное английское общественное мнение. Включая германофилов, нет ни одного голоса, который не считал бы ответственной Германию и только Германию... Еще раз повторяю, с нашей специальной англо-русской точки зрения ничего не могло случиться более кстати»⁵⁰.

В русских газетах появилась постоянная рубрика «Россия и Германия», число материалов на эту тему увеличивалось с каждым днем. Ряд

газет, в первую очередь «Новое время» и «Русское слово», поместили статьи, в которых детально разбирались состояние армий России и Германии, Антанты и Тройственного союза. Печатались прогнозы возможного развития событий в случае военного столкновения.

Противостояние достигло такого уровня, что вызвало беспокойство официальных сфер как России, так и Германии. Последовали шаги, направленные к успокоению возбужденной общественности. 25 февраля «Lokal Anzeiger» напечатала инспирированную Яговым статью, в которой отмечалась дружественная совместная работа обеих держав в вопросе армянских реформ. Успокоительные заверения поступили также из кругов, близких к германскому посольству в Петербурге. Однако попытки Свербеева побудить Ягова прямо отмежеваться от статьи в «Kölnische Zeitung» успеха не имели⁵¹.

27 февраля Сазонов дал интервью корреспонденту венгерской газеты «AZ Est». Он отмежевался от резких высказываний в прессе по поводу возможной войны: «Газетными сообщениями волноваться не следует. Здесь роли распределены раз навсегда. Газеты рассуждают, правительства действуют. А так как рассуждения газет никогда не совпадают с ображениями правительств, то, очевидно, и в настоящем случае правительства должны думать совершенно иначе, чем думают газетные алармисты»⁵².

Возможно, успокоительные заверения С.Д. Сазонова и достигли бы цели, но в тот же день со страниц «Биржевых ведомостей» раздалось: «Россия готова»⁵³. Статья не имела подписи, но, по общему мнению, ее вдохновителями были высшие военные сферы, не исключая самого Сухоминова. Реакция на статью в России была неоднозначной, что отметили на следующий день «Русские ведомости». «Некоторые из националистов относятся к ней с большим сочувствием... Но в прогрессивных кругах эта статья встречена несочувственно»⁵⁴. «Голос Москвы» приветствовал публикацию: «Насколько г. Сазонов нерешителен, насколько он трепещет при одной мысли об «ужасных бедствиях войны», настолько статья... решительна и определена». Единственное, что не устроило газету, это анонимность выступления: «Хотелось бы слышать это в форме более официальной»⁵⁵. «Новое время», ссылаясь на реакцию во Франции, подчеркнуло, что эта «энергичная отповедь» «сразу подняла престиж России на ту высоту, на которой он находился до русско-японской войны. Она равносильна большой победе, одержанной на поле сражения»⁵⁶.

28 февраля Свербеев снова встретился с Яговым. Посол уверял собеседника, что официальные сферы не могут быть причастны к статье в «Биржевых ведомостях». На этот раз статс-секретарь, опасаясь нового взрыва антирусской агитации в печати, пообещал без промедления принять меры. Уже через несколько часов после разговора в официоз-

ной «Lokal Anzeiger» появилась заметка успокоительного характера⁵⁷. В тот же день Пурталес был принят Сазоновым. Как сообщили «Русские ведомости», «разговор их носил мирный характер: было признано, что самое лучшее — не раздувать полемики»⁵⁸. Следствием их договоренности стала примирительная передовая статья в официозной «России»⁵⁹. В результате обоюдных мер страсти поутихли, хотя рецидивы «газетной войны» давали о себе знать и позднее⁶⁰.

В накаленной атмосфере 1914 года прогрессировало сближение царского правительства и общественности на шовинистической основе. Предстоящее вотирование ассигнований на военные нужды побуждало кабинет Горемыкина искать поддержки влиятельных думских фракций.

1 марта в 8.30 вечера открылось экстренное совещание по государственной обороне, в котором приняли участие, с одной стороны, председатель Совета министров И.А. Горемыкин, министры Сазонов, Сухомлинов, Григорович, Барк, начальник Генерального военного штаба Жилинский, директор департамента государственного казначейства и другие чиновники, а с другой — Родзянко и члены бюро всех фракций, кроме «трудовиков» и социал-демократов, все члены думского президиума, члены военно-морской и бюджетной комиссий. Совещание закончилось около полуночи. На следующий день в печати появилась лишь краткая информация о нем ввиду секретного характера обсуждавшихся вопросов. «Голос Москвы» все же сообщил, что речь шла о намерении правительства получить кредиты для дальнейших вооружений⁶¹.

Мнения относительно значения совещания разделились. «Голос Москвы» писал: «Это не совсем то, на что можно было бы рассчитывать, но по нынешним временам приходится довольствоваться тем, что есть. Могло не быть и этого». Газета все же считала, что, «каковы бы ни были отношения между правительством и Думой, последняя не откажет в средствах, от которых, может быть, зависит будущее страны»⁶².

«Биржевые ведомости» указали, что совещание сразу изменило в благоприятную сторону отношение депутатов к правительству⁶³. «Русское слово» отметило первые реальные шаги к сближению правительства с Думой⁶⁴. «Речь» в своих комментариях подчеркивала, что правительство может рассчитывать на поддержку своего внешнеполитического курса со стороны оппозиции лишь в том случае, если оно не будет отказываться от задачи необходимого политического обновления России⁶⁵.

Встреча правительства с думскими лидерами получила и определенный международный резонанс. «Английская печать называет совещание историческим, — сообщал лондонский корреспондент «Русского слова». — Новые вооружения России рассматриваются здесь как чрезвычайно важный фактор международной политики, который поведет к ответственным усилиям стран Западной Европы»⁶⁶.

3. В начале июльского кризиса

Международные отношения новой исторической эпохи характеризовались, как известно, возросшей конфликтностью, целой серией острых столкновений интересов, могущих перерасти в вооруженную борьбу, а то и заканчивавшихся войной. Особую опасность приобрели эти кризисы после того, как в Европе возникли две противоположные группировки — Тройственный союз и Антанта. Каждый конфликт между ними грозил уже не локальной, а общей, мировой войной. Июльский кризис 1914 года относился как раз к этой категории серьезнейших обострений международной обстановки. Специфику его легче проследить, представив предвоенные кризисы в виде таблицы:

Объект	Продолжительность	Исход
Первый марокканский кризис	март 1905 г. — март 1906 г.	Дипломатический успех Франции
Боснийский кризис	сентябрь 1908 г. — март 1909 г.	Дипломатический успех центральных держав
Второй марокканский кризис	сентябрь 1908 г. — январь 1909 г.	Компромисс, более выгодный Франции
Агадирский (третий марокканский) кризис	июнь — октябрь 1911 г.	Компромисс, более выгодный Франции
Конфликт из-за выхода Сербии к морю	ноябрь 1912 г. — февраль 1913 г.	Успех центральных держав, «отступление» России
Скутарийский кризис	март — май 1913 г.	Компромисс, более выгодный центральным державам
Миссия Лимана фон Сандерса	октябрь 1913 г. — январь 1914 г.	Формальный компромисс, невыгодный России
Июльский кризис	15 июня — 24 июля 1914 г.	Начало мировой войны

Проведенное сравнение показывает, что июльский кризис выделялся непродолжительностью, но большой динамичностью развития. Он длился не год, не полгода и даже не несколько месяцев, как в предыдущих случаях, а всего месяц с небольшим. Динамичность кризиса станет еще

очевиднее, если учесть, что большая часть времени (15 июня — 10 июля) приходится на скрытый, как бы внутренний период его развития. Эскалация кризиса длилась всего неделю, за которой последовал взрыв.

Вторая особенность, отчасти объясняющая первую, состоит в том, что июльским событиям 1914 года предшествовал целый ряд становившихся все более частыми кризисов. В их ходе роли главных участников были основательно «отрепетированы», а варианты разыграны.

Наконец, конфликт возник после неоднократных дипломатических неудач и «отступлений» не готовой к войне России. Этот опыт ободрял центральные империи, позволяя им надеяться на очередной бескровный успех. Но тот же груз затруднял возможность уступок для царского правительства перед лицом недовольства как партнеров по Антанте, так и буржуазно-помещичьего общественного мнения.

При С.Ю. Витте и П.А. Столыпине, да и при В.Н. Коковцове в правительственных сферах господствовало представление, что Россия нуждается в длительной внешнеполитической передышке для осуществления реформ, подъема экономики и реорганизации вооруженных сил. В то же время имперская идеология и традиции не позволяли царскому правительству легко жертвовать великодержавным престижем, а тем более отказаться от решения «исторических задач». Поэтому уже А.П. Извольский, по его собственному признанию, в течение пятилетнего пребывания во главе МИД постоянно находился под кошмаром внезапной войны, вызванной обязательствами по союзу с Францией или выдвижением независимо от воли России восточного и славянского вопросов. Уклонение же в решительную минуту от договорных обязательств или участия в решении упомянутых задач, считал он, не только обесчестило бы Россию, но и сделало бы ее совершенно не способной к союзам («второстепенной, если не хуже») державой⁶⁷.

Двойственность положения сохранялась и на рубеже 1913–1914 годов. К этому времени, как отмечалось, был достигнут заметный прогресс в деле восстановления военной мощи. Промышленный подъем 1909–1913 годов существенно увеличил экономический потенциал страны. В то же время новый всплеск забастовочной борьбы свидетельствовал о непрочности столыпинского «умиротворения». Принятые «Большие программы» укрепления армии и флота требовали для своей реализации еще трех-четырёх лет. Между тем международная атмосфера быстро накалялась.

Новое «отступление» в случае очередного конфликта представлялось весьма нежелательным и даже опасным.

Преемник Извольского в МИД С.Д. Сазонов ясно осознал это в ходе борьбы вокруг миссии Лимана фон Сандерса. В докладе царю от 23 ноября 1913 года он предложил в случае согласия Военного и Мор-

ского министерств сговориться с Францией и Англией и занять наконец твердую позицию. Молчаливое согласие с успехом Германии было бы, по его мнению, равносильно крупному политическому поражению и могло иметь самые тяжелые последствия. Оно не предохранит Россию «от возрастающих притязаний Германии и ее союзников, начинающих усваивать все более и более неуступчивый и непримиримый тон во всех вопросах, затрагивающих их интересы. С другой стороны, во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира. Раз такое убеждение укрепится в наших друзьях и союзниках, и без того не очень сплоченное единство держав Тройственного согласия может быть окончательно расшатано, и каждая из них будет стараться искать иных обеспечений своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря»⁶⁸. Правда, когда 31 декабря предложения Сазонова рассматривались Особым совещанием, вовлечение России в войну было признано «крайне несвоевременным» и грозящим величайшими бедствиями⁶⁹. В принятии такой рекомендации важную роль сыграл осмотрительный председатель Совета министров В.Н. Коковцов. Ближайшее будущее показало, однако, что позиция царского правительства не отличалась последовательностью. 17 января Коковцов, который, по мнению царя, проявлял излишнюю самостоятельность суждений о внешней политике, получил отставку.

Заколебалась почва и под ногами Сазонова. Правонационалистические круги обвиняли его в робости и предлагали заменить деятелем более решительным и авторитетным. Министру приходилось делать выбор, к которому он, впрочем, был уже подготовлен.

Формальное урегулирование вопроса о миссии Лимана фон Сандерса не рассеяло опасений Петербурга за будущее влияние России на Ближнем Востоке. 8 февраля 1914 года новое Особое совещание намечает линию поведения на случай возможного «в близком будущем» коренного изменения международного положения черноморских проливов. Председательствующий Сазонов утверждает, что «Россия не может допустить укрепления» на берегах Босфора и Дарданелл «какой-либо иной державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими». Участники совещания, состоявшего из дипломатов, военных и моряков, поддерживают его, хотя сам министр и другие ораторы отчетливо сознают, что «нельзя предположить, чтобы наши действия против проливов происходили без общеевропейской войны». Намечаются практические меры в целях планомерной подготовки вероятной «в недалеком будущем» операции⁷⁰.

Одновременно решался вопрос о дипломатическом обеспечении более твердого курса. Российский МИД, военное ведомство и сам царь считали бы лучшим вариантом превращение Тройственного согласия в открытый оборонительный союз. Но, учитывая специфику положения

и тактику сент-джеймского кабинета, Сазонов вынужден был ограничить задачу установлением между Россией и Англией столь же близких отношений, как и те, что существовали между Альбионом и Францией, то есть заключением консультативного политического и условного военно-морского соглашений. Секретные переговоры с Англией в последние предвоенные месяцы преследовали именно эту цель.

Информация о вероятном поведении партнеров по Антанте в случае новых международных кризисов была в 1914 году достаточно обнадеживающей. Протоколы совещаний начальников генштабов России и Франции 1911–1913 годов четко фиксировали условия, размеры и сроки взаимодействия в войне с Германией. Начало германской мобилизации или военных действий Германии против одного из союзников обязывало Россию и Францию немедленно мобилизовать все силы без какого-либо дополнительного соглашения⁷¹. Военно-морская конвенция с Францией 1912 года и последовавший обмен взглядами начальников русского и французского морских генштабов определяли основы взаимодействия в борьбе с силами Тройственного союза на море⁷².

Увереннее, чем прежде, ожидали в Петербурге присоединения к русско-французскому союзу в критических обстоятельствах Англии. О неизбежности участия ее в общеевропейской войне доносил Бенкендорф⁷³. К подобному же выводу приходили авторы русских планов войны на суше и на море, основывавшиеся на опыте международных кризисов 1912–1913 годов и наличии англо-французских соглашений⁷⁴. Этот прогноз подтверждали также упомянутые переговоры России с Англией и установление контактов между военными лидерами двух стран.

Причина июльского кризиса лежала в стремлении Германии и Австро-Венгрии сделать после посылки миссии фон Сандерса следующий шаг, чтобы изменить в свою пользу соотношение сил на Балканах. Ближайшими задачами центральных империй было уничтожить Сербию как самостоятельный политический фактор, ослабить позиции России и стабилизировать на гребне шовинизма внутреннее положение Двухединой монархии. В Берлине и Вене исходили из предположений, что не готовая к войне Россия не окажет стойкого сопротивления и что Англия не вмешается в конфликт, возникший на почве балканских дел.

Еще в мае 1914 года, то есть до роковых выстрелов в Сараево, на Балль-платц была создана комиссия, которой поручалось подготовить документ, обвинявший Сербию в подрывной деятельности против Австро-Венгрии. Комиссия завершила свою работу как раз в день гибели эрцгерцога Франца-Фердинанда, так что после трагического события в ее заключения понадобилось внести лишь некоторые дополнения⁷⁵. Сараевское убийство дало Австро-Венгрии и Германии удобный предлог приступить к осуществлению своего замысла.

Первые недели были использованы венской и берлинской дипломатией, чтобы создать благоприятную обстановку для предъявления заведомо неприемлемого ультиматума Сербии. Меморандум с обвинениями ее в подрывной деятельности был доставлен в германскую столицу, где стороны согласовали дальнейший образ действий. Пока в Сараево велось следствие, в печати Австро-Венгрии и Германии мушкетировались слухи, будто нити раскрытого заговора ведут в Белград. Кампания в печати быстро перерастала в откровенную травлю Сербии.

В официальных сношениях с Россией венская дипломатия не только не раскрывала до времени своих намерений, но и маскировала их успокоительными сообщениями. Считалось желательным захватить царское правительство врасплох. Осторожно зондировалась также возможность привлечь Россию к осуждению «страны цареубийц» и к давлению на Сербию. Делалось это, впрочем, не столько в расчете на маловероятное взаимодействие с Петербургом, сколько с дальним прицелом — обвинить Россию в соучастии в антиавстрийском заговоре⁷⁶.

Известия о сараевском убийстве встревожили общественное мнение России. Русские газеты, не скрывая отрицательного отношения к политике Франца-Фердинанда, единодушно осудили террористический акт как страшное преступление. Прессу, естественно, занимал вопрос, к чему приведет злосчастное покушение. «Речь» писала, что налицо «одно из тех событий, последствия которых не могут быть взвешены и определены сразу, так как последствия эти неисчислимы»⁷⁷. «Русское слово» оценило происшедшее как провокацию, которой непременно воспользуются венские шовинисты, чтобы создать международные осложнения⁷⁸. «Русские ведомости» со ссылкой на дипломатические круги предупредили: «Надо быть готовыми... к тому, что выстрел Принципа вызовет в Австрии вспышку тех чувств озлобления, которые придают политике Вены неустойчивый, подчас опасный характер»⁷⁹. «Голос Москвы» назвал настоящий политический момент весьма опасным: «Как по сю, так и по ту сторону границы накопилось немало горячего материала... все это заставляет сторонников мира призадуматься»⁸⁰.

В то же время русские газеты выражали надежду на благоразумие Вены и лично императора Франца Иосифа, а также сдерживающее влияние на союзницу со стороны Германии. Российский МИД, в свою очередь, старался успокоить печать и не допустить разрастания газетной полемики, способной лишь осложнить положение.

Между тем тревожные прогнозы о последствиях сараевского убийства стали поступать из Сербии, Англии и союзной Австрии Италии. Нервно реагировали венская и берлинская биржи. Позднее начали приходить сведения о скрытых военно-подготовительных мерах в централь-

ных империях. Одним из наиболее важных было предупреждение английского министра иностранных дел Э. Грея.

В конфиденциальной беседе он заявил А.К. Бенкендорфу, что считает положение «очень серьезным»: «Волосы становятся дыбом при мысли о том, что из этого ужасного преступления может внезапно возникнуть всеобщая война...» В этой опасной ситуации министр считал «наиболее существенным» «поступать таким образом, чтобы Германия успокоилась». В тот же день Грей развил аналогичные мысли перед французским послом П. Камбоном, сопроводив их пожеланием побудить Петербург к осторожности и выдержке⁸¹.

Здесь целесообразно охарактеризовать общий подход Англии. Она не только проигрывала экономическое состязание с Германией, но и с трудом выдерживала гонку морских вооружений. Успешная война с грозным соперником представлялась как консерваторам, так и либералам-империалистам одним из возможных выходов. Сент-джеймский кабинет нуждался, однако, в серьезном поводе для вовлечения своей страны в войну, каковыми ни австро-сербский конфликт, ни даже австро-русский не считались. Вот почему в Лондоне предпочитали до времени демонстрировать внешнее миролюбие.

В первый, скрытый, период кризиса линия России определялась, как и в обычное время, по согласованию между Сазоновым и царем без привлечения Совета министров. Сазонов сначала уповал на мирный исход, надеясь на невозможность доказать причастность сербского правительства к террористическому акту и на то, что престарелый Франц Иосиф не захочет омрачать конец своего царствования кровопролитием. В то же время Сазонов не намерен был «выдавать головой» Сербию Двуетной монархии. Николай II, как всегда, стремился отстранить от себя неприятные вести и полагался на милость providения. Получая от главы МИД регулярную информацию, он почти не проявлял своего отношения и ограничивался крайним минимумом указаний. Одно из них касалось формального вопроса о представительстве его на похоронах Франца-Фердинанда, другое — согласия на погребение в Белграде скоропостижно скончавшегося русского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига, которое было оценено сербами как морально-политическая поддержка в трудную минуту⁸². Когда обозначилось намерение Австро-Венгрии предъявить Белграду непомерные требования, царь занял более определенную позицию, выразившуюся в резолюции: «По-моему, никаких требований одно государство не должно предъявлять другому, если, конечно, оно не решилось на войну»⁸³.

Линия российского МИД представляла собой сочетание необходимой осторожности с твердостью. Она сводилась к тому, чтобы не дать Австро-Венгрии использовать сараевское убийство в своих целях и за-

щитить Сербию от обвинений в антиавстрийской деятельности. Были предприняты попытки предотвратить австрийский демарш, воздействуя как на союзников Вены⁸⁴, так и непосредственно на Двуетидную монархию. Уже 23 июня Сазонов предупредил австрийского поверенного в России О. Чернина против применения военных санкций к Сербии: «Не вступайте на этот путь: он опасен»⁸⁵. Позднее в ответ на просьбу Сербии Сазонов предписал российскому послу Н.Н. Шебеко «дружески, но настойчиво» указать австрийскому министру иностранных дел Берхтольдусу «на опасные последствия, к которым может привести подобное выступление, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер»⁸⁶. Он просил Францию и Англию о подобных же представлениях в Вене, но заботился о том, чтобы предупреждения трех держав не были ни совместными, ни одновременными, дабы не задеть самолюбие Австро-Венгрии.

Твердость царской дипломатии не в последнюю очередь объяснялась поддержкой, полученной в кризисные дни от союзной Франции. 7 июля в Россию прибыл с визитом президент Р. Пуанкаре, сторонник укрепления Антанты, получивший за реваншистские взгляды прозвище «Пуанкаре-война». В беседах государственных деятелей двух стран обсуждались как русско-французские отношения, так и широкий круг международных вопросов. Была констатирована полная общность взглядов по различным проблемам поддержания мира и европейского равновесия. При этом лидеры России и Франции единодушно решили не допустить «не оправдываемого обстоятельствами унижения Сербии», покушения на ее суверенитет и независимость. Стороны торжественно подтвердили свои союзные обязательства⁸⁷. Тосты, которыми обменялись на прощальном обеде Пуанкаре и Николай II, свидетельствовали о достигнутой договоренности отстаивать мир «в сознании своей силы», не жертвуя честью и достоинством⁸⁸.

4. От австрийского ультиматума до взрыва

Австрийский ультиматум Сербии был вручен в 6 часов вечера 10 июля, то есть сразу после отбытия Пуанкаре из России. Делался расчет на то, что в отсутствие французских лидеров царское правительство легче поддастся нажиму центральных держав и не проявит твердости в защите Сербии.

Первые сведения об ультиматуме поступили в российский МИД в девятом часу вечера того же числа от советника итальянского посольства. Они получили косвенное подтверждение в телефонной просьбе австрийского посла Сапари к Сазонову о назначении ему на другой день встречи. Рано утром 11 июля пришли телеграммы от поверенного в делах в Белграде В.Н. Штрандмана, содержавшие краткую информацию об ультиматуме и угрозе с австрийской стороны разрывом отношений,

а также просьбу Сербии о защите, так как «ни одно сербское правительство не может согласиться на поставленные требования»⁸⁹.

К 10 утра Сазонов возвратился из Царского Села. Ознакомившись с полученными в МИД известиями, он оценил положение однозначно: «Это европейская война». Министр тотчас связался по телефону с Николаем II, доложил о происшедшем и просил разрешения созвать Совет министров. Царь нашел австрийский демарш возмутительным, дал согласие на созыв Совета министров и велел держать его в курсе дальнейшего развития событий⁹⁰. Затем Сазонов пригласил к себе начальника Генерального штаба Н.Н. Янушкевича и говорил с ним о подготовке частичной мобилизации русской армии против Австро-Венгрии⁹¹.

Около 11 часов утра министр принял Сапари, который вручил ему письменное сообщение, представлявшее текст австрийской ноты Сербии, и сопроводительный документ, а также выводы сараевского следствия. В сопроводительной ноте и устном заявлении посла Сербия обвинялась не только в «преступной агитации», но и в организации заговора, угрожающих безопасности и целостности Двуетной монархии. Выражалась надежда на солидарность «всех цивилизованных наций» с австрийским шагом. Сазонов без обиняков заявил в ответ, что Австро-Венгрия, несомненно, «искала войны с Сербией и что для этого она сжигала за собою все мосты, предъявляя неприемлемые требования». Он советовал забрать ультиматум обратно или, как минимум, смягчить австрийские требования. В возникшей перепалке министр обвинил Вену в намерении вызвать «европейский пожар»⁹².

Около полудня Сазонов встретился с представителями Франции и Англии за завтраком во французском посольстве. Министр просил послов М. Палеолога и Дж. Бьюкенена срочно передать своим правительствам его просьбу о выработке общего плана действий. Сазонов и Палеолог конфиденциально сообщили английскому коллеге о результатах обмена взглядами их правительств во время недавнего визита Пуанкаре. Они высказали пожелание, чтобы в этот критический момент Англия открыто солидаризировалась с союзниками. Из ответов Бьюкенена следовало, что рассчитывать на подобное заявление трудно. Тогда Сазонов выразил надежду, что королевское правительство, по крайней мере, резко осудит австрийский ультиматум⁹³.

В 3 часа дня 11 июля, впервые за время кризиса, собрался Совет министров. Напомним, что в его составе уже не было ни прозорливых Витте и Столыпина, ни осторожного Коковцова. Сазонов сообщил коллегам о неприемлемых требованиях Вены к Сербии и поставил вопрос, как надлежит ответить на обращение Белграда с просьбой о помощи. Он, со своей стороны, рекомендовал осторожную линию поведения: 1) совместно с другими державами добиваться от Австро-Венгрии продления

срока ультиматума; 2) посоветовать сербскому правительству, если оно не может защищаться от вторжения собственными силами, не противодействовать, а заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав. В.А. Сухомлинов и И.К. Григорович сообщили дополнительные данные об обстановке, которыми располагали их ведомства, и о степени боеготовности вооруженных сил, П.А. Барк — о финансовом положении страны и средствах за границей.

Предложения Сазонова получили одобрение. По военной линии министры наметили в зависимости от хода дел провести мобилизацию Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов и Черноморского флота. Военному министру рекомендовалось ускорить пополнение запасов материальной части армии, а министру финансов — принять меры к уменьшению средств казначейства, находящихся в Германии и Австро-Венгрии. Подчеркивалось, что военные приготовления должны быть ясно направлены исключительно против Австро-Венгрии, чтобы их нельзя было истолковать как недружелюбные в отношении Германии. Николай II одобрил все эти рекомендации и собственноручно добавил к списку подлежащих мобилизации Балтийский флот⁹⁴.

Позиция Совета министров свидетельствовала о стремлении избежать вооруженного столкновения коллективными примирительными действиями держав. Вместе с тем учитывалась вероятность неудачи посредничества, при котором Россия не намерена была выдать Сербию на милость Австро-Венгрии. Определенные надежды, по-видимому, еще возлагались на Германию. Вместе с тем союзное положение последней в отношении Двудеиной монархии не позволяло вовсе исключить ее из круга военно-подготовительных мер.

Рекомендации Совета министров по дипломатической линии были осуществлены в тот же день. Сразу после заседания Сазонов принял сербского посланника. Он посоветовал Спалайковичу, чтобы его страна, отвечая на австрийскую ноту, продемонстрировала максимум уступчивости.

В 7 часов вечера состоялось свидание Сазонова с германским послом. Пурталес оправдывал образ действий Вены и, апеллируя к «монархическому принципу», предлагал локализовать австро-сербский конфликт, то есть оставить маленькую Сербию один на один с империей Габсбургов. Русский министр отказался разделить его взгляд. Он обвинил Австро-Венгрию в предъявлении заведомо неприемлемой ноты и в неуважении к другим державам. Твердый тон царской дипломатии оказался неожиданным для Берлина⁹⁵.

Горячий день 11 июля закончился в российском МИД новой встречей Сазонова с Палеологом. Союзники подвели итог перипетиям уходящих суток. Русский министр не скрывал глубокой тревоги. Посол, напротив, был исполнен оптимизма. Он полагал, что Германия, столкнувшись

с твердой позицией России и Франции, едва ли решится поддержать Австрию. А если вопреки ожиданиям это произойдет, центральные империи сами разоблачат себя в глазах всего мира: «Никогда мы не были в лучшем положении, так как между нами существует полное согласие»⁹⁶.

Утром 12 июля русские газеты опубликовали правительственное сообщение по поводу ультиматума, врученного Сербии. В нем говорилось, что «правительство зорко следит за развитием сербско-австрийского столкновения, к которому Россия не может остаться равнодушной»⁹⁷. Оно явилось еще одним официальным предупреждением Вене и Берлину.

Газеты дали собственные комментарии случившемуся. «Речь» писала: «Содержание ноты... превосходит все, что можно было ожидать». Все же, исходя из практической целесообразности, орган кадетов высказался за локализацию конфликта⁹⁸. Это дало повод «Новому времени» обвинить его в проавстрийских взглядах. Другие газеты, резко оценивая ультиматум, тоже не поддержали линию Милюкова и его единомышленников. «Худшие опасения... оправдались... Затишье перед бурей сменилось на наших глазах напряженным, хотя все еще только вероятным приближением урагана», — указывало «Русское слово» и заключало, что сербская трагедия не может быть локализована⁹⁹. «Русские ведомости» писали: «Все бледнеет, все стирается перед страшной опасностью, грозящей миру всей Европы после ультиматума... Вызов Сербии есть в то же время вызов России»¹⁰⁰.

Печать обсуждала и возможности мирного выхода из кризиса. Здесь мнения прессы разделились. «Новое время» и «Земщина» считали, что все зависит от Германии: «Германскому императору достаточно сказать два слова, и австро-венгерская дипломатия возьмет свою словесную ноту обратно»¹⁰¹. «Русское слово» видело другой выход: «Стоит Англии сказать свое веское слово, и европейский мир обеспечен... Холодный душ из Лондона был, бы как нельзя более уместен для отрезвления пылких голов в Берлине и Вене»¹⁰². «Русские ведомости» также возлагали надежду на Лондон: «Нет сомнения, что Англия не отнесется безразлично к загорающемуся пожару. Не исключена возможность активного вмешательства»¹⁰³.

12 июля в 9 часов Сазонов заехал в МИД ознакомиться с полученными за ночь телеграммами. Австро-Венгрия сосредоточивала военные силы на сербской границе. Из Белграда обещали дать примирительный ответ на австрийскую ноту, но не считали возможным принять все требования. В случае вторжения предполагалось оказать вооруженное сопротивление. Королевич-регент Александр в личном обращении к царю молил о возможно скорой помощи¹⁰⁴.

Утром же в Красном Селе под председательством самого царя собралось второе за время кризиса заседание Совета министров. В нем участвовал также начальник Генерального штаба. Сазонов доложил о ходе дипломатических переговоров и последних сообщениях, свидетельств-

вовавших, что тучи продолжают сгущаться. Обсуждался вопрос, объявлять ли уже намеченную накануне частичную мобилизацию. Решено было от этого шага пока воздержаться, выждав реакцию Вены на предполагаемый сербский ответ. Однако представители военного ведомства боялись запоздать с мобилизационными мероприятиями. Под их влиянием было постановлено в целях «обеспечения успеха мобилизации армии, флота и крепостей и сосредоточения армии к границам возможных противников» со следующего числа ввести в действие по всей территории империи «Положение о подготовительном к войне периоде». Сверх того, военный министр получил полномочия на принятие иных подготовительных мер с согласия царя и при условии последующего доведения до сведения Совета министров¹⁰⁵. Центр тяжести обсуждения заметно перемещался от дипломатии в совсем иную плоскость.

Дальнейшие события показали, что военные деятели истолковывали принятые решения весьма прямолинейно. На состоявшемся в тот же день заседании комитета Генерального штаба начальник Генштаба Янушкевич заявил, что «государю императору было благоугодно признать необходимым поддержать Сербию, хотя бы для этого пришлось объявить мобилизацию и начать военные действия, но не ранее перехода австрийскими войсками сербской границы». В ночь с 12 на 13 июля вводился предмобилизационный период. Хотя мобилизация должна была носить частичный (направленный против Австро-Венгрии) характер, некоторые подготовительные мероприятия распространялись и на Петербургский военный округ. Янушкевич указал в заключение, что «все дела приказано вести энергично, не стесняясь в необходимых случаях переходить границы периодов, установленные “Положением о подготовительном к войне периоде”»¹⁰⁶. Специальные подготовительные меры принимались по Балтийскому флоту¹⁰⁷.

Сазонов подробно информировал о решениях Совета министров французского посла М. Палеолога; французский военный атташе генерал Лагиш получил от Сухомлинова и великого князя Николая Николаевича сведения о военно-подготовительных шагах¹⁰⁸.

Между тем Австро-Венгрия отказалась продлить срок ультиматума. Вечером 12 июля, когда выяснилось, что одно из требований принимается Белградом не безусловно, последовал разрыв австро-сербских отношений. Дипломаты Двуетидной монархии оповестили, правда, другие державы, что это еще не означает немедленного начала военных действий. Видимо, подготовка к вторжению не была окончательно завершена. В Вене и Берлине сохранялась надежда на неучастие Англии. Наконец, в резерве у центральных держав оставалось давление Германии на Россию по образцу событий марта 1909 года.

Сазонов не жалел усилий побудить Англию открыто солидаризироваться с Францией и Россией и добивался перенесения австро-сербского

спора на международную почву. Однако ни его переговоры с Бьюкененом, ни объяснения Бенкендорфа с Греем, ни личное письмо Николая II английскому королю, ни попытки воздействовать на Лондон через Францию не дали желаемого результата. Приходилось примириться с тем, что «Англия не выскажется, пока объявление всеобщей войны не выдвинет определенно вопроса о европейском равновесии»¹⁰⁹. В то же время вероятные намерения британского кабинета не были секретом для Петербурга. 12 июля Бенкендорф сообщал Сазонову: «Хотя я не могу представить вам никакого формального заверения в военном сотрудничестве Англии, я не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения приводят к определенному впечатлению обратного порядка»¹¹⁰.

Сазонов поддержал просьбу Сербии о том, чтобы державы приняли на себя третейское посредничество в ее конфликте с Веной¹¹¹. Он предложил Двуетной монархии вступить в неофициальный обмен мнениями для совместной переработки некоторых статей австрийской ноты¹¹². Австро-Венгрия умышленно затягивала ответ. Он последовал лишь двое суток спустя и был, как и следовало ожидать, отрицательным.

В последующие дни эскалации кризиса, 13–15 июля, Совет министров России больше не собирался. События развивались с исключительной быстротой, а дипломатическое и военные ведомства уже были наделены достаточными полномочиями и в случае необходимости могли получить дополнительные указания от царя.

Российская дипломатия выступала с новыми предложениями и подерживала инициативы других держав, которые могли бы предотвратить или задержать начало австро-сербской войны. Думается, однако, что сам Сазонов вряд ли верил в успех этих начинаний. Скорее им руководило желание выиграть время для осуществления военно-мобилизационных мер в России, поставить противника в невыгодное положение в глазах мировой общественности и удовлетворить пожелания Лондона. В этом последнем он вполне преуспел. 13 июля Бенкендорф писал министру: «Поздравляю вас от всей души с занятой вами позицией. Она вся прельщает меня вплоть до умеренности вашего языка и осторожности, с которой вы намечаете порядок наших дальнейших действий. Это чрезвычайно необходимо, абсолютно необходимо для нас, чтобы обеспечить нам английское сотрудничество»¹¹³.

Вечером 15 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. 16 июля большинство русских газет с тревогой констатировало, что «жребий брошен». В возможность невмешательства России в военный конфликт и перспективу посреднических усилий Англии или Германии почти никто

не верил. Германия солидаризировалась с действиями союзницы и предупредила, что поддержит ее в случае выступления России. Германская угроза приобрела ясные очертания. Франция, со своей стороны, стремилась придать России твердость. Палеолог по поручению своего правительства заявил Сазонову «о полной готовности Франции исполнить, если понадобится, свои союзнические обязательства»¹¹⁴. В английском кабинете началась борьба по вопросу о вступлении в войну между либералами империалистами и их оппонентами. В связи с этим Бьюкенен просил Сазонова проявлять максимум сдержанности и осторожности при проведении военно-подготовительных мероприятий¹¹⁵. Вместе с тем само английское правительство решило оставить в мобилизованном состоянии собранный для маневров флот, и Бенкендорф с удовлетворением телеграфировал, что «уверенность Берлина и Вены в нейтралитете Англии не имеет более почвы»¹¹⁶.

Сазонов продолжал подыгрывать Грею. Он поддержал английскую идею о посредничестве четырех держав (Англии, Франции, Германии и Италии) в австро-сербском и австро-русском конфликтах и даже предложение Форин-офиса, допускавшее оккупацию Австро-Венгрией части сербской территории при условии отказа от дальнейшего продвижения и ожидания результатов посреднических усилий держав¹¹⁷.

Последние надежды на предотвращение большой войны Петербург возлагал скорее не на эти маневры, а на воздействие на Вену Германии. Ради этого в ход было пущено такое средство, как личные обращения Николая II к Вильгельму II. 15 июля тот вернулся из морского путешествия в норвежские фьорды. В ночь на 16 июля царь телеграфировал ему о безмерном возмущении в России «гнусной войной» против Сербии и о возможности принятия в таких условиях крайних мер, которые приведут к европейской войне. Он просил кайзера сделать все необходимое, чтобы союзница Германии не зашла слишком далеко¹¹⁸. Днем 16-го был получен ответ. Вильгельм II отказывался разделить оценку, данную царем действиям Австро-Венгрии. Тем не менее он обещал употребить «все свое влияние, чтобы побудить австрийцев действовать со всей прямотой для достижения удовлетворительного соглашения» с Россией¹¹⁹. Николай II счел реакцию кайзера обнадеживающей и тотчас по телефону сообщил о ней Сазонову.

Сам министр еще до этого, тоже 16-го, имел две встречи с германским послом, первая из которых как будто подавала надежду на мирный выход из кризиса, вторая же, напротив, опрокидывала ее. В 11 часов дня Пурталес сообщил Сазонову, что Германия согласна продолжать попытки склонить венский кабинет к уступкам. При этом выдвигались два условия: 1) сохранять это намерение Берлина в строгой тайне и 2) задержать мобилизацию в России. По уходе посла Сазонов стал обсуждать

с ближайшими помощниками, как расценить германский демарш: видеть ли в нем намерение оказать серьезное воздействие на Вену или простое стремление отсрочить русскую мобилизацию? Дипломаты склонились к мысли, что, если даже допустить искренность германского правительства, ему едва ли удастся в данную минуту многого достичь в Вене¹²⁰.

Помимо собственной оценки на позицию дипломатов влияло мнение военных ведомств. Последние определенно настроились на войну и считали всякую задержку мобилизационных мероприятий опасной. Янушкевич еще 15 июля телеграммой предупредил главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, наместника на Кавказе, всех командующих военными округами и наказного атамана Войска Донского, что «семнадцатое июля будет объявлено первым днем общей (курсив мой. — *Авт.*) мобилизации», о чем последует специальная телеграмма¹²¹. Противостоять давлению военных кругов в такой момент было очень трудно, тем более что Совет министров бездействовал, а ожидать решительных шагов от дряхлого председателя правительства Горемыкина не приходилось.

Сомнения Сазонова развеял второй визит Пурталеса, последовавший в 3 часа дня. Посол зачитал ему телеграмму канцлера Бетман-Гольвега, где говорилось, что, если Россия будет продолжать свои военные приготовления, Германия сочтет себя вынужденной мобилизоваться и перейти от слов к действиям. «Дружественное предупреждение» германского правительства очень походило на ультиматум и вызвало соответствующую реакцию Сазонова: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости». Пурталес протестовал против такого истолкования, и собеседники расстались весьма холодно.

Когда Николай II позвонил Сазонову и сообщил о примирительной телеграмме Вильгельма II, министр рассказал ему о втором визите Пурталеса и подчеркнул, что слова кайзера не согласуются с инструкциями послу. Царь обещал тотчас телеграфировать в Берлин, чтобы разъяснить это противоречие. Он позволил, однако, Сазонову незамедлительно встретиться с Сухомлиновым и Янушкевичем, добивавшимися решения по вопросу о мобилизации¹²².

Совещание этой тройцы происходило в кабинете начальника Генерального штаба. В соседней комнате ожидали генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов, генерал Н.А. Монкевиц и помощник начальника Канцелярии МИД Н.А. Базили, чтобы немедленно привести в исполнение принятое решение. К моменту заседания психологическая обстановка еще более накалилась: поступили известия о бомбардировке австрийцами Белграда. Министрам и начальнику Генерального штаба предстояло решить вопрос, производить ли частичную мобилизацию против одной

Австро-Венгрии, на что имелось согласие Совета министров и царя, или сразу общую, которая требовала утверждения Николая II.

По свидетельству Сазонова, он застал Сухомлинова и Янушкевича в состоянии крайней тревоги. Оба они считали сохранение мира далее невозможным, видели главную угрозу в Германии и настаивали на немедленной мобилизации всех сухопутных и морских сил. В противном случае, полагали они, Россия безнадежно запоздает с мобилизационными мероприятиями и войну можно заранее считать проигранной. Сазонов спросил, доложено ли об этом мнении царю. Генералы ответили, что, хотя Николаю II в точности известно положение дел, им пока не удалось получить разрешения на всеобщую мобилизацию. Они просили Сазонова постараться убедить царя, находившегося в Петергофе, по телефону. После некоторых колебаний министр согласился взять на себя эту миссию. В состоявшемся разговоре ему удалось преодолеть сомнения Николая II и получить его согласие на общую мобилизацию. Генералы добились наконец своего и были удовлетворены.

Тотчас механизм военных и дипломатического ведомств пришел в движение. В Париж и Лондон были отправлены телеграммы о принятом кардинальном решении. Извольскому поручалось при этом выразить французскому правительству благодарность за полученные накануне через Палеолога заверения в верности союзу. Бенкендорфу предписывалось вновь обратиться к английскому правительству с настоятельным призывом: «не теряя времени» присоединиться к России и Франции¹²³. Указ царя о всеобщей мобилизации нуждался в контр-ассигновании военного и морского министров, мнение которых было однозначно, и министра внутренних дел Н.А. Маклакова. Последний, как упоминалось, подписал документ не без сомнений, опасаясь непопулярности войны «в народных глубинах»¹²⁴.

Перипетии дня на этом не кончились. Николай II все же телеграфировал Вильгельму относительно противоречия между его примирительным посланием и сообщением Пурталеса. Одновременно он высказал мнение о желательности передать австро-сербский вопрос Гаагской конференции¹²⁵. Между 9.30 и 9.40 вечера царь получил телеграмму от Вильгельма. Кайзер полностью поддерживал выступление Австро-Венгрии и считал «вполне возможным для России остаться зрителем австро-сербского конфликта, не вовлекая Европу в самую ужасную войну, которую ей когда-либо приходилось видеть». Вместе с тем он полагал, что соглашение России с Австрией «возможно и желательно», и уверял, будто его правительство «продолжает прилагать усилия, чтобы достигнуть этого». Но неперемное условие успеха посреднической миссии Германии — отказ России от военных приготовлений, которые могли бы рассматриваться Веней как угроза¹²⁶.

Николай II истолковал послание кайзера как свидетельство того, что европейской войны еще можно избежать. Отказываться от военных приготовлений против Австро-Венгрии, которая сама мобилизуется против России, конечно, нельзя. Но меры против Германии, пожалуй, следует задержать. Он позвонил Янушкевичу и распорядился о замене приказа об общей мобилизации приказом о частичной. Едва не отправленное распоряжение удалось в последний момент остановить. Вместо него около полуночи с 16-го на 17-е пошла телеграмма о частичной мобилизации.

Сазонов узнал о случившемся около 11 часов вечера. Позднее время не позволяло пытаться воздействовать на царя. Около часу ночи Пурталес добился у министра приема по срочному делу. Он запросил, согласна ли Россия удовлетвориться обещанием Австро-Венгрии не нарушать территориальной целостности Сербии. Сазонов, для которого этот вариант не был новым, ответил отрицательно. На просьбу Пурталеса сформулировать русские условия он набросал следующий проект: «Если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос принял характер вопроса европейского, заявит готовность удалить из своего ультиматума пункты, посягающие на суверенные права Сербии, Россия обязется прекратить свои военные приготовления»¹²⁷. Обоим собеседникам было очевидно, что ситуация остается тупиковой.

Утро 17 июля началось с попытки Сазонова повлиять на царя через министра А.В. Кривошеина. Тот разделил опасения, вызываемые отказом от общей мобилизации, и просил у царя срочной аудиенции. Однако Николай II отказал ему, сославшись на занятость.

Около 11 часов утра Сазонов вновь встретился с Сухомлиновым и Янушкевичем в кабинете начальника Генштаба. Полученные за ночь тревожные известия о военных приготовлениях Австро-Венгрии на русской границе и предмобилизационных мероприятиях в Германии укрепили всех троих в убеждении о неотложности общей мобилизации. Генералы по телефону пытались склонить царя к этому решению. Николай II отверг их настояния, отказался принять Сухомлинова и, наконец, заявил, что прекращает разговор. Тогда Янушкевич, державший трубку, попросил разрешения передать ее министру иностранных дел. Сазонов попросил царя принять его еще до обеда для неотложного доклада об общем политическом положении. Николай II согласился предоставить ему аудиенцию в 3 часа дня одновременно со своим личным представителем в свите кайзера Вильгельма генералом И.А. Татищевым.

По свидетельству Сазонова, царь выглядел усталым и озабоченным. В ходе встречи он проявил несвойственную ему раздражительность. Министр в течение почти часа доказывал, что война стала неизбежной и что всякая дальнейшая отсрочка общей мобилизации крайне опасна. Николай II, видимо сознававший ответственность предлагаемого шага, долго

не соглашался. Он еще не получил ответа Вильгельма на свою последнюю телеграмму. Сазонов сообщил новые сведения о военных приготовлениях центральных империй, свидетельствовавшие, что вопрос о германской мобилизации против России уже решен¹²⁸. Наконец царь поддался убеждениям: «Вы правы. Нам ничего другого не остается делать, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального штаба мое приказание о мобилизации»¹²⁹. Министр поспешил на первый этаж, где находился телефон, и передал царское повеление Янушкевичу¹³⁰. Важнейшее решение было принято, и машина русской общей мобилизации пришла в движение.

Опасения министров и генералов, как бы Николай II вновь не пошел на попятный, не оправдались. Около половины седьмого вечера царь получил ответ Вильгельма, который счел недопустимым по тону и содержанию. Кайзер игнорировал его предложение о Гаагской конференции и утверждал, что вся тяжесть ответственности за мир или войну ложится исключительно на российского монарха¹³¹.

В дальнейшем события развивались стремительно. Сазонов оповестил о случившемся Францию и Англию. Царь еще раз телеграфировал Вильгельму, обещая, что, пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, русские войска «не предпримут никаких вызывающих действий»¹³². Но его обращение не оказало на кайзера никакого влияния. 18 июля германский МИД обратился к российскому правительству с грозным предупреждением, в полночь с 18 на 19-е последовал германский ультиматум, а 19-го вечером Германия объявила России войну¹³³. Совет министров России и в эти последние дни никаких решений не принимал. В русских газетах дебатировалась новая тема единства общества перед лицом внешнего врага, причем даже кадеты соглашались забыть внутренние распри.

21 июля Германия объявила войну начавшей накануне в соответствии с союзным договором мобилизацию Франции. 22 июля немецкие войска открыли военные действия против Бельгии, вслед за этим английское правительство объявило войну Германии. Наконец, 24 июля Австро-Венгрия объявила войну России. Июльский кризис перерос в общеевропейский конфликт.

Первая мировая война явилась результатом длительного накопления противоречий между державами, гонки вооружений и соперничества военно-политических блоков. В этом смысле она представляется закономерным результатом развития международных отношений за предвоенные десятилетия. Но в том, что взрыв произошел именно в июле 1914 года, присутствовал значительный элемент случайности. Последний не сводился только к комплексу личностных моментов. По-

жалуй, еще большую роль сыграл такой субъективный фактор, как сложившаяся в 1914 году психологическая обстановка в странах Европы. Сравнительно лучше подготовившиеся к войне центральные империи хотели использовать превосходство для достижения успеха, опасаясь, что в будущем положение изменится не в их пользу. Англия и Франция не видели смысла в уступках враждебному блоку, так как не были уверены в благоприятных для их стран перспективах гонки вооружений. Царская Россия опасалась очередным «отступлением» нанести ущерб своим позициям на Балканах и Ближнем Востоке и ослабить межантантовские связи. Во всех странах усилились шовинистические настроения. Многочисленные предшествовавшие кризисы приучали общественность к балансированию на грани катастрофы и к мысли, что в последний момент кто-нибудь отступит.

Правительства и дипломатические ведомства различных держав разыгрывали в основном уже отрепетированную пьесу. Перед царской дипломатией стояла задача избежать европейской войны путем компромиссного урегулирования, но без потери престижа. Она оказалась непосильной для Петербурга. Зато с другой, минимальной задачей — обеспечить в случае войны поддержку партнеров по Антанте и выставить тройственную группировку в благоприятном свете в глазах мировой общественности — российский МИД справился успешно.

В ходе кризиса механизм принятия важных внешнеполитических решений России очередной раз продемонстрировал свойственные ему изъяны — недемократичность, слабую коллегиальность, склонность к колебаниям, возросшее влияние на политику военной верхушки. Последнее, впрочем, было характерно тогда и для других великих держав.

Представительные учреждения в эти роковые дни к обсуждению вопросов внешней политики не привлекались. Государственная Дума собралась на экстренную сессию только 26 июля, чтобы поддержать действия правительства пост-фактум и утвердить военные кредиты. Объединенное правительство в лице Совета министров приняло некоторое участие в определении курса на второй стадии кризиса, когда оно поддержало предложения МИД и предоставило военным ведомствам широкие полномочия по осуществлению военно-подготовительных мер. Однако наиважнейшее решение о начале общей мобилизации принималось помимо Совета министров. Колебания самодержца несколько задержали этот шаг. Начиная со второй стадии кризиса четко проявилось и в дальнейшем возрастало значение военных кругов, которые сумели подчинить своим стремлениям министра иностранных дел, а при его помощи и самого царя. С определенного момента запущенную в ход машину военно-мобилизационных мероприятий уже нельзя было остановить.

Глава XII. Мировая война: политика России в 1914–1915 годах

Россия вступала в войну при внешне благоприятных для правительства условиях. В дни июльского кризиса С.Д. Сазонов успешно провел дипломатическую баталию, сумев продемонстрировать одновременно миролюбие и твердость, в защите великодержавного достоинства империи и интересов маленькой Сербии. Союзники и друзья в Париже и Лондоне не подвели.

Россию, как и другие воюющие страны, захлестнула волна шовинизма. Депутат Государственной думы большевик А. Бадаев вспоминает: «По улицам Петербурга с утра до вечера шествовали манифестации. С портретами царя и трехцветными флагами дворники, полицейские и охранники вместе с обывателями всех рангов и мастей расхаживали по городу, пели “Боже, царя храни” и во все горло кричали “ура”». Манифестации легко превращались в погромы. В Петербурге «патриоты» разгромили германское посольство, а в Москве погром принял более солидные размеры: был захвачен ряд немецких торговых и промышленных предприятий. Патриотические погромы сменялись коленопреклонением перед царским дворцом. «Даже мелкобуржуазное студенчество, гордившееся своими “левыми” традициями, стояло на коленях перед Зимним дворцом, восторженно крича “ура” “обожаемому” монарху. Шовинистический угар густой пеленой окутал страну»¹.

Многочисленные манифестации состоялись перед французским и английским посольствами, их приветствовали союзные послы и члены их миссий. С обеих сторон слышались призывы к тесному единению в борьбе с тевтонской угрозой.

В царском Манифесте об объявлении войны прозвучал призыв забыть перед лицом «страшного испытания» все внутренние споры и распри, сплотиться вокруг трона, дабы сокрушить возмутителей европейского мира. Помещичьи и буржуазные круги, от крайне правых до самых либеральных, еще вчера напоминавшие о своей оппозиции режиму, в дружном хоре взывают к поддержке правительства во имя решительного отпора агрессивному пангерманизму. Почти вся пресса — от официозной до «независимой» буржуазно-либеральной — стремится вдохновить народ на ратные подвиги.

На созванной царем чрезвычайной сессии Государственной думы 26 июля (8 августа) 1914 года лидеры всех буржуазно-помещичьих фракций выступили с верноподданническими заявлениями и обещаниями сплотиться вокруг «своего державного вождя, ведущего Россию

в священный бой с врагом славянства», отложив на время «внутренние споры» с правительством. Лозунг «священного единства» многократно повторялся с думской трибуны. Лидер кадетов П.Н. Милюков, напомнив об исторической задаче обеспечения свободного выхода в Средиземное море, заверил правительство, что представляемая им партия отказывается на время войны от оппозиции и будет стремиться к конструктивному сотрудничеству. При этом он обратился к соседям слева, трудовикам и социал-демократам, предлагая и им не выдвигать на первый план «жгучие вопросы нашей внутренней жизни», дабы не ослаблять «высокий духовный подъем» народа².

Военные кредиты были поддержаны в Думе подавляющим большинством голосов. Сравнительно организованно, спокойнее, чем в 1904–1905 годах, прошла мобилизация. Резко спала забастовочная волна, имели место «патриотические» забастовки, направленные против хозяев-немцев. В правых кругах заговорили об отечественной войне и желательности возрождения традиций 1812 года.

Эти настроения разделял и Николай II. «Я уверен, — писал он, — что мы теперь увидим в России нечто подобное тому, что происходило во время войны 1812 г.»³.

Царский оптимизм не имел достаточных оснований. Уже возникали пока малозаметные тревожные признаки. Социал-демократическая фракция в Думе огласила антивоенную резолюцию и демонстративно покинула заседание. Трудовики голосовали против военных кредитов. В ходе мобилизации наблюдались случаи волнений, а со стороны рабочих — и отдельные антивоенные демонстрации⁴. Отношение крестьянства к целям войны серьезные наблюдатели характеризовали скорее как равнодушное, чем заинтересованное.

Особого внимания заслуживает позиция немногочисленной, но достаточно влиятельной в рабочей среде партии большевиков во главе с В.И. Лениным. Она выдвинула лозунг: «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую». Категорически осуждая лозунг «защиты отечества», партия брала курс на всемерное развертывание революционного движения, на совершение буржуазно-демократической революции, перерастающей в меру силы сознательности и организованности пролетариата в социалистическую. Другие партии революционно-демократического спектра, осуждая империалистическую войну, все же не решались призывать народ к войне социальной, могущей привести страну к поражению.

Длительное время советская историография представляла политическую стратегию и тактику большевиков в годы первой мировой войны как единственно правильную и последовательную. Ретроспективный взгляд позволяет несколько по-иному осмыслить прошлое. Идея проти-

вопоставить вооруженному насилию в отношениях между государствами социальное, классовое насилие имела свое оправдание. Но следует признать: крах II Интернационала свидетельствовал о том, что международное рабочее и социалистическое движения ни идейно, ни организационно не были подготовлены к тому, чтобы противопоставить политике правящих кругов согласованные эффективные действия, как того требовали резолюции предвоенных социалистических конгрессов.

1. Курс на войну до победного конца. Соглашения держав Антанты о незаключении сепаратного мира (оформление Пятерного военного союза)

Одной из первостепенных задач политики противостоящих империалистических группировок являлось привлечение на свою сторону возможно большего числа стран и, соответственно, недопущение расширения рядов вражеской коалиции. Со всей остротой эта задача встала с первых дней войны.

В морально-политическом и дипломатическом отношении первая мировая война началась для Тройственного согласия при более благоприятных обстоятельствах, чем для противников Антанты. Уже к концу первой недели войны антантовская коалиция насчитывала шесть участников: Россию, Англию, Францию, Бельгию, Сербию и Черногорию. Через две недели к ним присоединилась Япония. Противостоявший же им лагерь состоял пока из двух государств — Германии и Австро-Венгрии. Правда, к исходу третьего месяца войны последним удалось привлечь на свою сторону Турцию, и враждующие блоки в какой-то мере оказались уравновешенными.

Серьезным морально-политическим уроном для центральных империй явился отказ от совместного выступления с ними Италии и Румынии, с которыми они состояли в формальном союзе (Италия — с 1882 г., Румыния — с 1883 г.), и заявление их о своем нейтралитете в европейском вооруженном конфликте. Насколько чувствительным оказался этот «неожиданный удар», свидетельствует реакция на него Вильгельма II. На одном из донесений своего посланника в Бухаресте, информировавшего о решении румынского правительства остаться нейтральным, кайзер с нескрываемым раздражением написал: «Союзники отпадают от нас уже до войны, подобно гнилым яблокам! Полный провал германской, а также австрийской дипломатии. Этого должно было и можно было избежать»⁵.

Предстояла упорная борьба коалиций за вербовку новых союзников. Наиболее остро эта проблема стояла перед центральными державами.

Не удовлетворялись достигнутым и державы Согласия. Но прежде всего приходилось заботиться о консолидации уже сложившейся в начале войны коалиции. И России принадлежала здесь весьма активная роль. «Начавшаяся с объявления немцами войны России и с вторжения их войск в Бельгию европейская борьба, — писал С.Д. Сазонов, — приняла сразу же характер смертного боя. Каждой из держав Согласия было ясно, что ее ожидало в случае торжества Германии»⁶. В завязавшейся смертельной схватке необходима была уверенность в союзниках, в их готовности идти рука об руку до победного конца. Именно этот лозунг с самого начала стал общим лозунгом государств антигерманской коалиции.

Как известно, державы Согласия вступили в войну, не будучи формально связанными между собой общим союзным договором, который регулировал бы их отношения и взаимные обязательства перед лицом неприятеля. Если Россия и Франция по существовавшему между ними договору 1891–1893 годов обязывались не заключать сепаратного мира с противником⁷, то у них не было такого обязательства перед Англией. Не менее существенным в сложившейся ситуации было также то, что и сама Англия не имела соответствующего договорного обязательства (не покидать поле брани) ни в отношении соседней Франции, ни в отношении России, что создавало определенную брешь в политической системе Антанты, на которую раньше всего обратили внимание в ведомстве Сазонова. И не случайно.

Чувствуя приближение большой войны, царская дипломатия еще в начале 1914 года предприняла попытку заключения с Англией союзного договора и военно-морской конвенции, дабы придать франко-русскому союзу недостававший ему, по словам Сазонова, «фактор морской силы». Однако, будучи уверенным в позиции России в случае европейского вооруженного конфликта, лондонский кабинет, воздержался от превращения «сердечного согласия» в формальный союз⁸. Перед самой войной между Англией и Россией был согласован наконец проект военно-морской конвенции, но вспыхнувший общеевропейский пожар помешал ее подписанию⁹.

С выступлением Англии против центральных держав весь этот вопрос предстал уже в совершенно ином международно-политическом контексте. Позиция Англии окончательно прояснилась. Тем не менее отсутствие твердых договорных обязательств с ее стороны в отношении своих партнеров по коалиции не могло не создавать определенных «неудобств». Стремясь как можно скорее устранить их, Сазонов уже через неделю после начала войны поручил послу в Париже А.П. Извольскому переговорить с французским министром иностранных дел и выяснить, не найдет ли он возможным «в силу более тесных отношений Франции и Англии» побудить последнюю принять на себя такие же обязатель-

ства, какие вытекают для России и Франции из существующего между ними союзного договора, а именно: не вести переговоров и не заключать мира с противником «иначе, как совместно и по взаимному соглашению» с Францией и Россией¹⁰.

Инициатива русского министра была поддержана в Париже. Там также сознавали необходимость заручиться обязательством Великобритании не покидать антигерманской коалиции, не вступать в переговоры с неприятелем в одностороннем порядке и не заключать с ним отдельного мира, тем более что именно Франция оказалась в начале войны в наиболее тяжелом и угрожающем положении, так как основной удар германской военной машины был нацелен в этот момент против нее. В этой критической обстановке были необходимы не только «сердечное согласие» и джентльменские обещания, но и более надежные договорные обязательства.

Стратегические замыслы Германии не нуждались в особой разгадке. Они четко обозначались уже в начальной фазе боевых операций и сводились к тому, чтобы «коротким, но сильным ударом» в течение шести — восьми недель сокрушить Францию, заставить ее подписать мир, а затем всеми силами обрушиться против России. После поражения Франции и России Германия могла приступить к сведению счетов с «коварным Альбионом»¹¹.

Нетрудно было предположить также, что германская дипломатия постарается расстроить ряды противостоящей коалиции, отколоть от нее кого-либо из участниц, тем более что такие попытки предпринимались Германией еще в предшествующий мирный период, 15(28) августа французский президент Пуанкаре записал в своем дневнике: «Надо полагать, что отныне Германия будет пытаться расколоть своих противников. Чтобы предотвратить эту опасность, я уже не раз указывал правительству, что в наших интересах как можно скорее предложить Англии и России проект договора, по которому мы приняли бы на себя взаимные обязательства не заключать сепаратного мира»¹².

Стремительный натиск немецких войск и поспешное отступление французских армий, как и английского экспедиционного корпуса, вызвали серьезную тревогу и в Лондоне. По ту сторону Ла-Манша почувствовали настоятельную необходимость в морально-политической и дипломатической поддержке Франции, тем более что существенную военную помощь ей англичане пока не могли оказать, так как к тому времени они еще не располагали сколько-нибудь значительными сухопутными силами. Да и сама Англия, решившая во что бы то ни стало «спасти Европу» от нависшей над ней угрозы германского господства, нуждалась в надежных союзниках, которые не дрогнули бы в завязавшейся смертельной схватке и которых следовало связать твердыми обязательствами не выходить преждевременно «из игры», не покидать поле брани.

Учитывая создавшуюся острую ситуацию, а также ясно выраженное пожелание Парижа и Петрограда, английский министр иностранных дел Э. Грей по поручению главы кабинета Асквита тоже заявил, что державы Согласия должны обязаться друг перед другом не заключать отдельного мира¹³. Выступая до этого в парламенте, Асквит провозгласил солидарность трех держав перед лицом германской агрессии¹⁴.

Вслед за тем 23 августа (5 сентября) в Лондоне между Россией, Англией и Францией было подписано соглашение, по которому три правительства взаимно обязались «не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны». Специально оговаривалось, что, когда настанет время для обсуждения условий мира, «ни одна из союзных держав не будет ставить мирных условий без предварительного согласия каждого из названных союзников»¹⁵.

Это соглашение, оформленное в виде трехсторонней Декларации, приобрело силу союзного договора. Подписавшие его стороны именовались в нем «союзниками» и в дипломатической переписке на него ссылались как на союзный договор, заключенный, по словам Грея, «на время войны»¹⁶. Недостатком данного соглашения было, пожалуй, то, что оно не содержало никаких указаний на цели войны, хотя вопрос о них возник во всей своей остроте с первых дней вооруженного конфликта¹⁷.

В день подписания Декларация была опубликована в Лондоне. В глазах общественного мнения она должна была служить доказательством «полной решимости и солидарности» трех держав в борьбе с бросившими вызов Европе центральными империями. Ее немедленное опубликование должно было также ослабить неблагоприятное для союзников впечатление, вызванное переездом французского правительства в Бордо стремительного продвижения к Парижу передовых германских сил¹⁸.

Свою солидарность с Францией и Россией британское правительство усиленно подчеркивало и позднее как в публичных выступлениях своих министров, так и в дипломатической переписке. В памятной записке английского посольства в Петрограде, переданной Сазонову 21(8) сентября, заявлялось, что «правительство его величества решило вести войну с величайшей энергией и продолжать ее, пока не будет обеспечено заключение прочного мира»¹⁹, непременным условием которого считались полный разгром Германии и подрыв ее военно-экономического потенциала. Названное соглашение имело важное морально-политическое значение в деле консолидации антигерманской коалиции.

Нельзя не отметить еще один немаловажный штрих в формировании антантовской коалиции. По получении в Токио известий о подписанном в Лондоне тройственном соглашении японский министр иностранных дел барон Като поручил своему послу в Англии выразить Грею «удивление японского правительства» по поводу того, что оно не было пре-

дупреждено об этом соглашении²⁰. Грей извинился за «недосмотр», объяснив его серьезностью положения, и заявил японскому послу, что участие Японии в договоре держав Согласия предусматривается статьей второй союзного договора между Англией и Японией. Чтобы сгладить негативную реакцию Японии и придать своему заявлению более определенное значение, Грей вручил японскому послу памятную записку, которая была зачитана Като в парламенте.

Сообщая об этом маленьком инциденте русскому послу Н.А. Малеvскому, Като добавил, что Россия «может положиться на то, что Япония не заключит мира с Германией до полного окончания войны на европейском театре военных действий, хотя бы Киаочжоу и был взят раньше японцами»²¹. (Речь идет о захвате Японией в начале войны германских владений в Китае.) В то же время от имени Грея Сазонову было заявлено, что лондонское соглашение от 5 сентября между тремя правительствами «не должно рассматриваться как в чем-либо меняющее договорные пункты» ранее заключенного англо-японского союза. Поэтому английское правительство должно согласовывать с Японией «свой образ действий как во время ведения войны, так и в будущем при заключении мира»²².

В апреле 1915 года в связи с решением итальянского правительства принять участие в войне на стороне Антанты и присоединиться к англо-франко-русской Декларации от 5 сентября 1914 года в Лондоне была подписана новая, теперь уже четырехсторонняя Декларация о незаключении сепаратного мира. Она была составлена почти в той же редакции, что и первая лондонская Декларация²³. По просьбе итальянского правительства, ссылавшегося на соображения внутривосточного порядка, эта декларация временно не подлежала огласке²⁴. Опубликование ее должно было состояться после объявления войны Италией.

Так оформился антантовский Четверной союз (Четверное согласие) в войне против австро-германского блока, что явилось не только дипломатическим, но и несомненным военно-политическим успехом Франции, Англии и России²⁵.

В октябре 1915 года к договору от 5 сентября 1914 года официально присоединилась Япония²⁶. После этого было признано целесообразным принять и обнародовать от имени пяти союзных правительств новую декларацию о незаключении сепаратного мира и совместном обсуждении будущих условий мира. Такая декларация была подписана 17(30) ноября 1915 года и опубликована в столицах союзных держав неделей позже (6 декабря)²⁷, дабы продемонстрировать, по крайней мере, численное превосходство коалиции держав Антанты над германским блоком, которому в октябре 1915 года удалось вовлечь в свою орбиту четвертого союзника — Болгарию.

Так Тройственное согласие в течение года превратилось в Пятерной военный союз. Перечисленные соглашения (Лондонская декларация от 5 сентября 1914 года, четырехстороннее и пятистороннее соглашения) содействовали консолидации антигерманской коалиции, укреплению доверия между ее партнерами и решимости вести войну до победы.

В то же время нельзя не признать, что все эти заявления о союзнической верности, зафиксированные в качестве официальных обязательств, свидетельствовали о взаимных опасениях и подозрительности между партнерами по коалиции, предположениях о возможности заключения сепаратных сделок с противником тем или другим участником блока. Каждый побаивался, как бы тот или иной из партнеров не дрогнул в смертельной схватке и не вышел преждевременно из игры.

Понятно, что наиболее действенной гарантией союзнической верности могло служить в данном случае совпадение интересов Англии, Франции и России, их стремление отвести нависшую над ними германскую угрозу, сокрушить главного и наиболее опасного для каждой из них врага, вознамерившегося установить свою гегемонию в Европе и в других регионах мира.

Позже соглашение о незаключении сепаратного мира нашло новое подтверждение в резолюции Парижской союзнической конференции, состоявшейся 27–28 марта 1916 года²⁸, и в ряде других политических и дипломатических актов.

2. Внешнеполитические цели России в Первой мировой войне

Первая мировая война была, как известно, борьбой за передел мира. Ее истоки лежали в острейших империалистических противоречиях великих держав. Главным виновником развязывания войны явилась кайзеровская Германия, рвавшаяся к установлению мирового господства, к обретению ранга «мировой империи». Замыслы ее сводились к поочередному разгрому основных соперников и конкурентов — Англии, Франции и России, к захвату английских, французских и других колоний, к установлению экономического и политического диктата в Европе и в других регионах мира. Но не только колонии являлись предметом вожделений германского империализма. Милитаристская Германия покушалась на территории и суверенитет соседних стран. У Франции она намеревалась отторгнуть около трети территории, принудить к выплате огромной контрибуции и пойти на заключение невыгодного для нее торгового договора, который поставил бы ее в полную экономическую зависимость от Германии. В итоге Франция неизбежно утратила бы свое великодержавное положение и превратилась во второстепенную державу.

Германия намеревалась положить конец морскому владычеству Англии. Кроме того, с Великобританией предполагалось получить многомиллиардную контрибуцию на возмещение военных расходов германской короны и ее кредиторов — промышленных концернов и финансовых групп. Бельгии была уготована участь вассального, зависимого от Германии государства путем установления над ней протектората. Люксембург подлежал включению в германские владения. И так далее.

Правящие круги Германии вынашивали планы создания так называемой «Срединной Европы», предусматривавшие образование среднеевропейского экономического союза в составе Германии, Австро-Венгрии, урезанной Франции, Бельгии, Голландии, Дании и Польши, который находился бы под фактическим немецким руководством. Имелось в виду подключение к этому союзу также Италии, Швеции и Норвегии. Иными словами, милитаристская германская империя намеревалась создать новую политическую структуру Европы и ее связей с другими регионами мира. Эти захватнические планы нашли отражение как в официальных правительственных документах, в частности в специальной записке, составленной канцлером Бетман-Гольвегом вскоре после начала войны (9 сентября 1914 г.), так и в многочисленных «записках» всевозможных военных, буржуазных и юнкерских союзов, прежде всего Пангерманского союза и др.²⁹

Особенно обширные территориальные приращения намечались Германией на востоке за счет России. Вначале Германия намеревалась отторгнуть русскую часть Польши, Финляндию и прибалтийские области. В дальнейшем, по мере продвижения немецких войск в пределы России, экспансионистские устремления захватчиков в отношении «родственной монархии» простерлись на Украину, Белоруссию, Крым и Кавказ. Все эти территории предполагалось превратить в колонии германского империализма частью путем прямой аннексии, частью путем создания буферных государств, полностью зависимых от германского рейха³⁰.

Указывая на опасные для России замыслы Гогенцоллернов, Сазонов писал, что в результате победы германского оружия Россия теряла бы прибалтийские земли, открывавшие ей доступ с севера в западноевропейские страны и необходимые для защиты ее столицы, а на юге лишалась бы своих черноморских владений до Крыма включительно и оставалась бы таким образом после окончательного установления владычества Германии и Австро-Венгрии на Босфоре и Балканах отрезанной от морей в размерах Московского государства, каким оно было в XVII веке. Польша при этом перекраивалась на новый лад и попадала в вассальную зависимость от Австрии и Германии. В правительственных кругах Берлина вынашивалась идея выселения поляков из их родных мест, захваченных в свое время Пруссией, а также из пограничной полосы, прости-

равшейся от старой русско-германской границы до линии Варта–Нарев и оккупированной немцами Сувальской области. Предполагалось также поголовное выселение из этих мест евреев. О судьбе остальной части Царства Польского между Берлином и Веной шла долгая и упорная тяжба, закончившаяся в ноябре 1916 года провозглашением «независимого» Польского государства, находившегося всецело под контролем австро-германской военно-политической администрации³¹.

Кайзеровская клика, поддерживаемая юнкерством и буржуазно-монополистическими кругами, надеялась также навязать России кабальный торговый договор, который превратил бы ее в аграрно-сырьевой придаток германского империализма³². Что касается Австро-Венгрии, то она рассчитывала на установление своего безраздельного господства на Балканах, подавление независимости славянских народов и их национально-освободительного движения при содействии, разумеется, германского военного кулака. Вне всякого сомнения, цели, преследовавшиеся центральными державами в войне, не соответствовали тем средствам, которыми они располагали в схватке с Антантой.

Определили свои цели и державы Согласия. Центральным пунктом их внешнеполитических расчетов, главной целью было сокрушение военно-политического могущества Германии, устранение угрозы утверждения ею своей гегемонии в Европе и за ее пределами. Наряду с этой общей и наиважнейшей целью каждая из держав Согласия имела свою «национальную» программу, рассчитанную на получение определенных «гарантий» или «санкций» по отношению к противнику в виде территориальных приобретений, контрибуций и различных экономических выгод, которые могли бы, как им представлялось, обеспечить прочный послевоенный мир. Мировой общественности и народным массам собственных стран эти замыслы преподносились не иначе как борьба в защиту малых государств и народов, за восстановление погрязших прав и международно-справедливости.

Почин в наметках программы будущего мирного урегулирования взял на себя царский министр С.Д. Сазонов. 1 сентября 1914 года во время «совершенно дружеской беседы» с английским и французским послами (его встречи с ними с начала войны стали ежедневными)³³ Сазонов изложил свои «неофициальные предложения» об образе действий Англии, Франции и России на случай, если бы достигнутый их армиями успех увенчался окончательной победой. «Мы должны немедленно выработать проект», — заявил он. Не встретив возражений, министр изложил в общих чертах свои мысли о тех изменениях, которые считал необходимым сделать «на карте и в общем строе Европы» в интересах трех союзников. Это был краткий («эскизный», как охарактеризовал его Палеолог) набросок условий мира.

Подчеркнув необходимость сокрушения германского могущества как главной цели союзников, министр указал затем на те «коренные изменения в карте Старого Света», которые должны были повлечь за собой развернувшиеся события. В основу этих будущих изменений предполагалось положить «национальный принцип»³⁴.

Проект царского министра предусматривал: присоединение к России нижнего течения Немана и Восточной Галиции (часть Западной Украины); включение в состав Польши, которую предполагалось «восстановить» в качестве зависимого от царской короны автономного государства, Познани, Силезии и Западной Галиции; возвращение Франции отторгнутых у нее Германией в 1871 году Эльзаса и Лотарингии и присоединение к ней «по ее усмотрению» части Прусской Рейнской провинции и Палатината; значительное увеличение Бельгии за счет Германии; возвращение Дании Шлезвига и Голштинии и восстановление Ганноверского королевства, аннексированного Пруссией в 1866 году; превращение империи Габсбургов в триединую монархию, состоящую из собственно Австрии, королевства Венгрии и королевства Чехии. При этом Австрийская империя свелась бы к своим «наследственным провинциям», Чешское королевство включило бы Чехию, Моравию и Словакию, а Венгерское королевство «договорилось бы» с Румынией относительно Трансильвании; к Сербии проектировалось присоединение Боснии, Герцеговины, Далмации и северной части Албании; Болгария могла получить от Сербии компенсацию в Македонии (при условии, что она сохранит нейтралитет или будет привлечена на сторону союзников); намечалось присоединение к Греции южной части Албании, за исключением Валлоны, которая предназначалась для Италии. Англия, Франция и Япония должны были поделить между собой германские колонии. С Германии и Австро-Венгрии намечалось также взыскать контрибуцию в пользу пострадавших от их агрессии государств³⁵.

Сазонов просил собеседников не придавать официального значения «этому эскизу картины, полотно которого еще не выткано». Наедине с французским послом он дал понять, что больше, чем когда-либо, придаст значение поддержанию «тесного контакта» с давней союзницей, в том числе и по вопросам будущего устройства мира. Чуть позже, 13(26) сентября, Сазонов дополнил свой проект еще одним условием: обеспечением России гарантии свободного прохода русских судов через черноморские проливы. Это условие не выходило пока за пределы его довоенных желаний. Никаких притязаний на турецкую территорию царское правительство в тот момент не предъявляло. «Турки, — заявил Сазонов союзным послам, — должны остаться в Константинополе и его окрестностях»³⁶.

Еще в середине августа Сазонов предлагал союзникам совместными усилиями сделать все необходимое, чтобы удержать Турцию на пози-

ции нейтралитета. Нам бы следовало, говорил он французскому послу, предложить Турции, в награду за ее нейтралитет, торжественную гарантию ее территориальной неприкосновенности; мы могли бы прибавить к этому обещания больших финансовых выгод в ущерб Германии»³⁷.

16 августа Сазонов официально предложил английскому и французскому правительствам совместно с русским правительством заявить Порте, что, если Турция сохранит строгий нейтралитет, державы Согласия гарантируют неприкосновенность ее территории и примут на себя обязательства в случае победы включить в мирный договор специальную статью, освобождающую Турцию от навязанной ей Германией невыгодной финансовой и экономической опеки. Такая статья устанавливала бы, в частности, отмену договоров, касающихся Багдадской железной дороги и других германских предприятий. Это означало, констатировал Палеолог, что даже в случае победы союзников Россия не выразит «никакого притязания территориального или политического порядка по отношению к Турции»³⁸. Самое большее, говорил Сазонов, мы потребуем установления нового режима для проливов, «который бы одинаково применялся для всех прибрежных государств Черного моря, для России, Турции, Болгарии и Румынии»³⁹.

Соответствующие дипломатические шаги предпринимались и в Стамбуле. Английский посол при турецком правительстве телеграфировал Грею 3 сентября: «Я вижу с русским представителем (М.Н. Гирсом. — *Авт.*) ежедневно. Он мне показал вчера телеграмму г. Сазонова, из которой совершенно ясно, что русское правительство вовсе не желает начинать неприязненные действия и старательно избегает быть втянутым в войну с Турцией»⁴⁰.

Однако усилия союзников не увенчались успехом. Блистательная Порта примкнула к австро-германскому блоку, что и предопределило дальнейшее отношение держав Согласия к Османской империи. Владения последней должны были в случае поражения центрального блока подвергнуться разделу между державами Антанты.

Следует сказать, что вопрос о разделе Турции был поднят вначале в официальных кругах Лондона. Информирова Сазонова о своих «частных» беседах с английскими министрами и влиятельными деятелями консервативной партии относительно английской программы «на случай полной победы», Бенкендорф сообщал 15 сентября: «Вопрос о Турции остается открытым. Полагают, что, если она выступит против нас, она должна перестать существовать»⁴¹.

Для согласования совместной с союзниками внешнеполитической программы к Сазонову «подключился» министр земледелия А.В. Кривошеин, который, по наблюдению Палеолога, в силу доверия к нему со стороны Николая II и по своему личному авторитету являлся «фак-

тическим председателем Совета министров». 12 сентября Кривошеин нанес визит французскому послу, «чтобы изложить частным образом свои взгляды на изменения, которые державы Тройственного соглашения должны были бы внести в строй Европы по окончании войны». Кривошеин воспроизвел в основном программу, изложенную Сазоновым 14 сентября. Новым в его предложениях по сравнению с сазоновским проектом было требование свободы проливов, выдворения турок в Азию и превращения Константинополя в нейтральный город с режимом, аналогичным танжерскому⁴².

Союзные кабинеты в основном одобрили сазоновский проект. Правда, английское правительство внесло в него ряд существенных корректив. Особенно настойчиво подчеркивалось, что главной целью войны Англия считает разгром военной и морской мощи Германии, «против которой направлена вся сила английского национального чувства». Великобритания, как было сказано Бенкендорфу, не собирается вмешиваться в будущее устройство Германии. Однако она ожидает, что разгром Пруссии повлечет за собой вынужденный отказ ее от главенствующего положения в Германии. А это «сведет на нет ее могущество»⁴³.

В Лондоне настаивали на «приобретении» германских колоний, нейтрализации Кильского канала, лишении Германии (потоплении) «главной части» ее флота, разрешении вопроса о Шельде с исправлением в случае возможности прилегающих границ в пользу Бельгии и компенсации Голландии за счет Германии. Бельгии соглашались также «уступить» Люксембург. Основную тяжесть военной контрибуции предполагалось возложить на Германию. Из всего этого Англия рассчитывала извлечь выгоды и для себя.

Франции англичане безоговорочно «возвращали» Эльзас и Лотарингию и уступали часть чужих колоний, но в то же время решительно возражали против перехода к ней Рейнской области⁴⁴. В этом вопросе между Англией и Францией с первых же месяцев войны наметились серьезные разногласия, особенно остро проявившиеся потом на Парижской мирной конференции⁴⁵. Великобритания опасалась чрезмерного усиления Франции после войны.

России, по словам Бенкендорфа, Англия «безоговорочно» уступала польские провинции Австрии и Пруссии, но при условии, что она будет руководствоваться по отношению к ним Манифестом Верховного Главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича⁴⁶. Англия, по убеждению посла, намерена употребить «всю силу своего влияния в пользу широкого исправления европейской карты на этнографической основе», что могло быть достигнуто, по мнению ее руководителей, главным образом за счет Габсбургской монархии⁴⁷. Ответственные представители английской политики и дипломатии указывали также на необходимость

принять во внимание территориальные притязания Италии и Румынии, с которыми союзники вели тогда переговоры о привлечении их на свою сторону. В официальных кругах Лондона был поднят, как уже отмечалось, и вопрос о судьбе Османской империи.

Последовал ответ и из Парижа, о чем доносил посол Извольский, ссылаясь на беседы с министром иностранных дел Делькассе. Относительно «деталей» французский министр не стал особенно распространяться. Положение Франции было все еще крайне напряженным. Руководитель французской дипломатии заметил, что еще не наступило время и все эти проекты напоминают дележ шкуры неубитого зверя, поэтому до сих пор он избегал обсуждения данного вопроса с коллегами по кабинету. Вместе с тем он признал бесполезным заранее выяснять взгляды союзников, высказав убеждение, что в этом вопросе между Россией, Англией и Францией «не может возникнуть никаких разногласий». Для себя, заявил Делькассе, Франция не ищет в Европе никаких земельных приращений, за исключением, разумеется, возвращения Эльзаса и Лотарингии. В Африке она также не стремится ни к каким новым приобретениям и удовольствуется уничтожением последних остатков Алхесиракского акта и исправлением колониальных границ.

Позже пределы республиканских интересов будут значительно расширены. Пока же руководитель французской дипломатии подчеркнул: «Главной целью Франции — в этом все три союзные державы вполне солидарны — является разрушение Германской империи и возможное ослабление военного и политического могущества Пруссии». Делькассе находил желательным сделать так, чтобы отдельные германские государства сами были в этом заинтересованы⁴⁸. Что касается России, заметил Делькассе, то ее территориальные требования определены в общих чертах и Франция, разумеется, заранее на них согласна. Кроме того, Россия потребует, очевидно, свободы проливов и соответствующих гарантий. И в этом вопросе она встретит полную поддержку со стороны Франции, которая может оказать полезное ей воздействие на Англию⁴⁹.

Менее определенно высказался французский министр в отношении будущего австро-венгерской монархии и судьбы опекаемых ею городов. Извольский же находил крайне желательным «подробнее и более авторитетным образом» ознакомить французское правительство с русским проектом устройства Австро-Венгрии⁵⁰.

Некоторая пассивность французской дипломатии в формулировании целей войны и определении ее собственных притязаний объяснялась, видимо, неблагоприятной обстановкой на Западном фронте, хотя самые критические дни уже миновали.

За обменом мнениями по дипломатическим каналам последовали и публичные выступления с указанием на главную и «производные»

от нее цели союзников в войне. Так, Асквит на обеде в Голдхалле 10 ноября 1914 года заявил: «Мы не вложим в ножны мечи, которые мы нелегко обнажили, пока: 1) Бельгии не вернут в полной мере все — и больше того, чем она пожертвовала, 2) пока Франция не будет достаточно обеспечена от угрозы нашествия, 3) пока права малых национальностей Европы не будут поставлены на непоколебимое основание и 4) пока военное господство Пруссии не будет разрушено вполне и окончательно»⁵¹.

Вся английская и французская пропаганда была направлена на то, чтобы подчеркнуть освободительный характер войны со стороны держав Согласия, предстать в глазах мирового общественного мнения защитниками малых стран и народов, поборниками международной справедливости и порядка. Особенно настойчиво союзническая пресса проводила тезис о том, что во имя освобождения европейских народов и обеспечения прочного мира необходимо разрушить Германскую империю.

Германская дипломатия и пропаганда, стремившаяся до предела разжечь шовинистические страсти в немецком народе и изобразить войну, развязанную прусскими милитаристами, как оборонительную, гневно сетовали на то, что Англия не перестает говорить о своем стремлении к «подавлению и расчленению Германской империи»⁵². Со своей стороны, кайзеровская Германия и ее пропагандистская машина тоже ратовали за «прочный» и «почетный» мир, представляя его, разумеется, по-своему.

Не отставала от «традиционных демократий» и российская либеральная пресса, на страницах которой по вопросам иностранной политики преобладали два основных мотива: защита слабых народов и ограждение законных жизненных интересов страны. Важнейшим условием этого провозглашалось избавление Европы от ига германского милитаризма. Лидер кадетской партии П.Н. Милюков настойчиво доказывал, что вспыхнувшая в Европе война «ведется за осуществление прав народностей, за восстановление поруганных начал международного права и за создание прочного мира на основе справедливого разрешения всех накопившихся конфликтов и последующей замены вооруженного мира обязательным посредничеством в случае будущих столкновений»⁵³.

Не пренебрегали пропагандистской риторикой и безусловные приверженцы самодержавия. В воззвании Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии «именем великого русского царя» заявлялось, что Россия стремится «к освобождению народов от иноземного ига, к восстановлению права и справедливости, к осуществлению народных вожеланий и к обеспечению за каждым народом драгоценного достояния отцов: языка, веры и объединения с родными братьями»⁵⁴. Печать правого толка не переста-

вала при этом напоминать о вековой борьбе славянства против натиска германизма.

В ноябре 1914 года о задачах и целях союзников в войне весьма странно высказался сам царь, проявлявший, по словам Сазонова, «неизменно живой интерес к вопросам внешней политики и правильное их понимание». Это произошло во время аудиенции с французским послом Палеологом, состоявшейся по желанию самого монарха⁵⁵. Разговор велся, как свидетельствовал Палеолог, «с полной свободой и откровенностью». Николай II выразил уверенность, что «победа уже не может ускользнуть» от союзников. По его мнению, державам Согласия необходимо «посоветоваться друг с другом» о том, как им следует вести себя, если бы Австрия и Германия запросили мира. Палеолог заметил, что прочный мир невозможен без таких гарантий и возмещений, на которые центральные державы «никогда не согласятся, если только не будут принуждены просить пощады»⁵⁶.

Царь вполне согласился с ним. «Это и мое убеждение, — подтвердил он. — Мы должны будем диктовать мир, и я решил продолжать войну, пока германские державы не будут раздавлены». Продемонстрировав свою непреклонность, Николай II решительно настаивал на том, чтобы условия будущего мира были выработаны «главными» союзниками — Россией, Францией и Англией, без какого-либо посреднического участия⁵⁷.

Царь считал, что самое главное, чего должны добиваться союзники, — это уничтожения германского милитаризма и устранения «того кошмара», в котором кайзеровская Германия держала Европу более сорока лет. Необходимо отнять у нее «всякую возможность реванша»⁵⁸.

Что касается конкретных условий мира, то император заранее одобрил «все, что Франция и Англия сочтут нужным потребовать в их собственных интересах». Не меньшую «щедрость» продемонстрировал и полномочный представитель республиканской Франции, поспешивший заявить: «Правительство Республики встретит самым сочувственным образом желания императорского правительства». Затем Николай II повторил в основном планы, которые развивались перед союзными послами Сазоновым двумя месяцами раньше, с уточнением позиции в отношении проливов, существенно изменившейся в результате вступления Турции в войну.

Прежде всего царь остановился на европейских делах, и в частности на «исправлении границ» в Восточной Пруссии. В согласии с Генеральным штабом он хотел, чтобы это исправление достигло берегов Вислы, хотя ему такой вариант представляется чрезмерным, и он еще подумает, как ему поступить. Пояснил, что Познань и часть Силезии будут необходимы «для воссоздания Польши», Галиция же и северная часть Букови-

ны позволят России достигнуть своих «естественных пределов». Франция вернет себе Эльзас и Лотарингию и «распространится, быть может, и на рейнские провинции». Далее речь пошла о расширении территории Бельгии и о разделе германских колоний между Францией и Англией по их обоюдному согласию. Шлезвиг, включая зону Кильского канала, царь намеревался вернуть Дании, а Ганновер восстановить в качестве небольшого самостоятельного государства, расположенного между Пруссией и Голландией⁵⁹.

Как видим, царский проект не вполне совпадал с намерениями официальных кругов Великобритании, но шел навстречу пожеланиям старой союзницы — Франции. Напомним, что в Лондоне настаивали на нейтрализации Кильского канала и не хотели, чтобы рейнские провинции достались французам. Обходился также молчанием Люксембург, который щедрые британцы соглашались «уступить» Бельгии, зная, очевидно, что и Франция имела на него виды.

Раздражение Николая II вероломным кузеном Вилли проявилось в том, что он высказался против сохранения за ним императорской короны. Отвечая на замечание французского посла, что реализация намеченной перекройки Европы означала бы «конец германской империи», российский монарх, по свидетельству Палеолога, твердо сказал: «Германия устроится, как ей угодно, но императорское достоинство не может быть сохранено за домом Гогенцоллернов. Пруссия должна стать снова простым королевством»⁶⁰. К этой мысли Николай II возвращался и позже. О возможности «полной перестройки» Германии с уменьшением ее территории в пользу Франции, Бельгии, Люксембурга, Дании, восстановления королевства Ганноверского, Гессен-Насау и пр. говорилось и на заседаниях Совета министров, состоявшихся в октябре — ноябре 1914 года в связи с обсуждением вопроса о будущем Польши⁶¹.

Сходные прожекты рождались и в столицах западных демократий. В связи с этим Сазонов писал: «Умаление силы и значения Германии как мировой державы представлялось каждой из держав Антанты естественным и законным возмездием тому государству, которое взяло на себя риск и ответственность» за развязывание мировой войны «и подвергло самое существование держав Согласия серьезной опасности. В этом отношении между ними, с осени 1914 года, не было никакого разногласия. Все сходилось на том, что в результате войны должно было быть обезврежение Германии»⁶².

В продолжение всей войны, писал впоследствии один из авторов Версальского мирного договора А. Тардьё, «все союзники основной своей целью провозглашали уничтожение германского милитаризма». При этом имелись в виду не только слом прусской военной машины — ее организации, численности войск и материальной части, но и расфор-

мирование империи Гогенцоллернов⁶³. Так что Николай II рассуждал в унисон со своими западными партнерами.

Обширны были планы царизма на балканско-ближневосточном театре международной политики. В Малой Азии Николай II намеревался «озаботиться» судьбой армян, дабы не оставить их под турецким игом. Однако на «присоединение» турецких армян к России он согласился бы только по их «особой просьбе». Если же ее не последует, он устроит для них «самостоятельное правительство».

На Балканах намечалось присоединение к опекаемой Сербии Боснии, Герцеговины, Далмации и северной части Албании. Греция должна была получить Южную Албанию, кроме Валлоны, которая предназначалась Италии. Болгария, «если она проявит благоразумие», могла бы рассчитывать на компенсации в Македонии. Предрешалась и судьба Дунайской монархии⁶⁴. «Наконец, — объявил царь, — я должен буду обеспечить моей империи свободный выход через Проливы». Правда, оговорился он, его мысли на сей счет «еще далеко не установились». Тем не менее он считает, что турки должны быть изгнаны из Европы, и Константинополю надлежит стать нейтральным городом под международным управлением⁶⁵.

Николай II высказался в пользу сохранения антантовской коалиции и на послевоенный период, дабы обеспечить стабильность и порядок в мире. «Мы должны думать не только о непосредственных результатах войны. Я приписываю большое значение поддержанию нашего союза и на будущее время. Необходимо остаться сплоченными и по завершении войны»⁶⁶.

Незадолго до того, как Палеолог получил аудиенцию у императора, он имел «приватный разговор» с И.А. Горемыкиным. Престарелый премьер, обычно не вникавший в сазоновскую сферу деятельности, развивал мысли, созвучные тем, что высказывал затем Николай II: желательно, чтобы правительства трех союзных держав пришли к соглашению об общих условиях мира, «пока их союз наиболее тесен»; военные действия будут безостановочно продолжаться до тех пор, пока не возобладает воля союзников и они не смогут продиктовать эти условия противнику; русское правительство твердо надеется, что по окончании войны союз трех держав будет санкционирован окончательным договором⁶⁷.

Ознакомившись с этой информацией, Делькассе просил передать Горемыкину, что, будучи вполне с ним согласен, он готов приступить к обсуждению условий будущего мира и особенно рад высказанному главой царского кабинета пожеланию о закреплении англо-франко-русского союза после войны⁶⁸. И на последующих этапах борьбы царское правительство в своих отношениях с Англией и Францией будет выступать за сохранение «постоянного союза» трех государств. Уже в 1914 году

царская дипломатия поставила вопрос о привлечении к этому политическому союзу также Японии⁶⁹.

Таковы в общих чертах цели царского правительства в войне. Формулировались они в тот период, когда русская армия в целом успешно развертывала свои операции и коща сам царь и Верховный Главнокомандующий самоуверенно повторяли, что основной задачей ближайшего времени является «поход на Берлин»⁷⁰. В дальнейшем эти цели корректировались и уточнялись, получая в ряде пунктов иное толкование и содержание.

Согласование союзниками целей войны и особенно совпадение их главной цели, несмотря на существовавшие разногласия и противоречия, содействовали консолидации антигерманской коалиции, достижению более тесного военно-политического, экономического и дипломатического сотрудничества основных ее участников в деле ведения войны. Вместе с тем эти цели таили в себе зародыш новых противоречий, которые не могли не проявиться в послевоенный период.

Царское правительство сознавало, что решить в одиночку «поднятые войной внешнеполитические проблемы ему не под силу. Сделать это можно только совместными усилиями союзников с соблюдением интересов каждого из них. «Напряжение сил обеих воюющих сторон в этой ужасной борьбе народов, — писал Сазонов, — было настолько велико, что ни одна из держав, участвовавших в ней, не была в состоянии выйти из нее с честью, рассчитывая исключительно на собственные средства»⁷¹.

Действительно, только совместными усилиями, суммарном военно-экономическим потенциалом можно было рассчитывать на одоление противника и достижение поставленных целей. У держав Согласия этот потенциал был значительно мощнее, чем у группировки центральных империй⁷².

Рассмотренный выше документальный и иной материал позволяет заключить, что главной целью России в войне был не захват Стамбула и проливов, а сокрушение военно-политической мощи Германии, устранение угрозы установления ею своей гегемонии в Европе и в других регионах мира. Намечавшиеся державами Антанты территориальные «преобразования», а также военные, экономические и политические «санкции» должны были послужить «прочными гарантиями» сохранения их великодержавного положения и укрепления колониального могущества. «Решающее значение для великих держав, — констатирует известный английский историк А. Тейлор, — имела лишь германская проблема»⁷³.

Разумеется, не фиксированной в официальных документах социальной целью, преследовавшейся обеими империалистическими группировками, были ослабление и подавление революционного натиска народных

масс, консервация мирового революционного процесса «путем натравливания пролетариев одной страны на пролетариев другой»⁷⁴.

Анализ целей войны дает достаточно определенный ответ и на вопрос о том, какие же противоречия между Германией и Россией, наряду с противоречиями Германии с другими великими державами, вели к мировой войне. Несомненно, в русско-германских отношениях существовал целый комплекс империалистических противоречий в Европе, на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке, где Германия подбиралась к сферам влияния России и ее партнеров по Тройственному соглашению. Но главная, доминирующая причина крылась в претензиях кайзеровской Германии на установление своего мирового господства.

3. Соглашение о проливах

История соглашения о проливах сравнительно подробно освещена в советской историографии⁷⁵. Тем не менее представляется целесообразным и в данной работе остановиться на его основных аспектах, что позволяет глубже понять роль и значение России в антигерманской коалиции, характер взаимоотношений с союзниками, политику царского правительства на последующих этапах войны. Важно также обратить внимание на имеющиеся в литературе различия в оценках отдельных моментов этой многосложной проблемы.

С началом Первой мировой войны и вступлением в нее Турции на стороне австро-германского блока судьба проливов и Стамбула оказалась в числе вопросов, требовавших, по мнению тогдашних руководителей русской внешней политики, «скорейшего практического разрешения»⁷⁶. Для правящих кругов царской России давно уже было ясно, что в обычное время рассчитывать на удовлетворительное для них решение проблемы проливов не приходилось. Даже состоявшие с царизмом в «сердечном согласии» страны были противниками установления благоприятного для России режима проливов. Русское правительство, справедливо отмечал Ф.И. Нотович, было убеждено, что даже удачная Русско-турецкая война и фактическая оккупация русскими войсками проливов не привели бы к позитивным для него результатам, так как Россия вновь имела бы против себя «всю Европу», как это было в 1878 году⁷⁷.

Не находилось сторонников затевать из-за них и «большую войну». Как пишет Сазонов в своих воспоминаниях, и мы уже упоминали об этом, русскому правительству и в голову не приходила мысль вызывать европейскую войну ради приобретения проливов. Но коль скоро война разразилась, то дипломатия не могла не сосредоточить все свое внимание на решении этой важной задачи русской внешней политики в соответствии с экономическими, политическими и стратегическими интересами страны, ибо другого такого «благоприятного случая» могло не предста-

виться, по крайней мере в ближайший обозримый период⁷⁸. Мы знали, писал позже Сазонов, что разрешение этого коренного вопроса русской политики возможно было не иначе, как в связи с европейской войной, и что только это решение могло оправдать в глазах общественного мнения те огромные жертвы, на которые эта война обрекала русский народ. «Вопрос ставился для нас, — подчеркивал дипломат, — с неумолимой определенностью: добиться его благоприятного разрешения в течение начавшейся европейской войны или обречь русский народ на вероятно продолжительный период экономического недомогания и всегда возможной внешней опасности. На этот вопрос мог последовать только один ответ, насчет которого в 1914 году в России не было двух мнений»⁷⁹.

Значение черноморских проливов для России как с экономической, так и с военно-политической точек зрения давно выяснено в нашей литературе. И хозяйственное развитие обширных и богатых южных районов, тяготевших к Черному морю, и экономический подъем всей страны в значительной мере зависели тогда от режима проливов. Не менее важным для России было и стратегическое значение проливов. С особой силой и наглядностью раскрылось значение Черноморских проливов во всех аспектах в связи с разразившейся общеевропейской войной. Закрытие Турцией проливов в самом начале войны отрезало Россию от ее союзников и снижало ее боевую мощь, так как она лишалась возможности получить более доступным путем необходимое ей военное снаряжение, вооружение и боеприпасы. Переход Турции на сторону Германии и Австро-Венгрии, считал Сазонов, «угрожал России особенно опасными последствиями», ибо «открывал неприятельским морским силам доступ в Черное море и задерживал на турецкой границе значительную часть нашей [русской] армии, отвлекая ее от участия в войне на главном фронте». А кроме того, запирали русские морские силы в Черном море, отрезал Россию «от прямых сообщений с союзниками и парализовал экономически», оставляя ей для сношения с внешним миром один морской выход — «отдаленный и во всех отношениях малоудовлетворительный Архангельский порт»⁸⁰. К Мурманскому порту к тому времени еще не было проложено железной дороги, а Владивостокский порт был маломощным и слишком удаленным от театра войны.

Лишившись фактически возможности экспорта, Россия лишилась и поступления валюты, столь необходимой для оплаты военных заказов за границей, и вынуждена была прибегнуть к обременительным иностранным займам и кредитам. Пострадали от закрытия проливов и сами союзники, утратив возможность получения из России тем же путем обратного потока грузов, в том числе нефти, которой не располагали ни Франция, ни Англия⁸¹. О стратегическом значении проливов в условиях войны и говорить не приходится.

Нападение германо-турецкого флота на Черноморское побережье в октябре 1914 года (бомбардировке подверглись Новороссийск, Феодосия, Одесса и Севастополь), ставшее возможным в значительной степени благодаря проникновению в Черное море, с ведома Порты, германских линейных кораблей «Гебен» и «Бреслау», давало русскому правительству весомое основание для постановки вопроса о проливах «в полном объеме». «Нападение на нас в 1914 г. Центральных держав и, под давлением их, Турции, — констатировал Сазонов, — поставило Россию в необходимость выйти из роли внимательной наблюдательницы и поставить вопрос о проливах... о нашей безопасности в Черном море на очередь вопросов, требовавших скорейшего практического разрешения»⁸².

Зондирующие переговоры по столь животрепещущему для страны вопросу Сазонов предпринял, по его словам, под свою личную ответственность, не испросив на то разрешения царя и не посвятив в свои намерения кого-либо из членов правительства. Объяснял он это тем, что среди них не было людей, с которыми можно было бы разговаривать с пользой для дела о предметах иностранной политики. Что касается царя, осуществлявшего высшее руководство внешней политикой страны, то Сазонов уверенно рассчитывал на его горячее сочувствие, но не считал целесообразным вмешивать монарха в переговоры на первоначальной стадии, поскольку не был уверен в их благоприятном исходе.

И Англия, и Франция, с которыми предстояло иметь дело, являлись давними противниками России в ее стремлении обрести контроль над жизненно важными для нее морскими коммуникациями. Особой непреклонностью в этом отношении отличалась на протяжении долгих десятилетий Великобритания. Для английских правящих кругов главным мотивом служили «опасения», что, завладев проливами и сделавшись хозяином положения в Восточном Средиземноморье, Россия устремится в сторону жемчужины британской колониальной империи — Индии. Со времени заключения соглашения между Россией и Великобританией в 1907 году о разграничении интересов и сфер влияния в Средней Азии давним соперникам удалось установить «более доверчивые отношения». Но и после этого в Англии оставалось немало противников разрыва с традиционной антирусской политикой в вопросе о проливах⁸³.

Были, правда, и обнадеживающие моменты. В частности, в ходе боснийского кризиса в 1908 году Англия обещала содействовать изменению режима проливов в благожелательном для России смысле. Имелась в виду свобода прохода русских военных судов из Черного моря в Средиземное и обратно в мирное время. В военное же время за участниками войны признавались бы одинаковые права⁸⁴.

Серьезные противоречия на Ближнем Востоке существовали у России и с Францией, хотя и были некоторые основания рассчитывать, что

давняя союзница проявит большую предупредительность в отношении намерений царского правительства, чем Англия. Сам французский министр иностранных дел Делькассе, пользовавшийся в ту пору большим весом в правительстве, заверил Извольского 13 октября 1914 года, что Россия встретит «полную поддержку со стороны Франции» в ее требовании свободы проливов и достаточных в этом отношении гарантий⁸⁵.

В действительности вышло наоборот: именно Франция оказалась менее сговорчивым в этом вопросе партнером. «Я знал, начиная переговоры с французским и английским послами, что меня ожидали многочисленные трудности, — признавался Сазонов. — Несмотря на наши двадцатилетние союзные отношения с Францией, мы не могли достигнуть вполне согласованной политики на Ближнем Востоке, где французское правительство оберегало интересы своих под. данных, вложивших крупные капиталы в различные финансовые предприятия как в Константинополе, так и в Малой Азии». Заметим, что эти капиталы достигали 3 млрд франков⁸⁶. Ближний Восток, продолжал Сазонов, был той областью, где даже после вступления России и Франции в союзнические отношения им не всегда удавалось достигать согласованности их взглядов и целей, особенно когда возникали какие-либо международные осложнения. Эта несогласованность проявлялась определеннее всего в столице Оттоманской империи, где французские представители нередко проводили политику, «несогласную с интересами России»⁸⁷.

Характеризуя внешнюю политику Франции на протяжении ряда предвоенных десятилетий, генеральный секретарь французского МИД Жюль Камбон отмечал, что она была нацелена на расширение французского влияния в Азии и Африке, прежде всего на Ближнем Востоке⁸⁸. Острые франко-русские противоречия существовали на Ближнем Востоке и в области религии — между православными и римско-католическими духовными учреждениями, в частности в Палестине.

Сазонов признавал, что как в Англии, так и во Франции стратегический аспект проливов оценивался выше их торгово-экономического значения «именно в смысле возможного нападения на Россию»⁸⁹. Такого же мнения придерживались русский Генеральный штаб и само царское правительство, а потому и не тешили себя надеждой на легкий успех. Объектом острейших империалистических противоречий великих держав являлась сама столица Османской империи — город Стамбул, раскинувшийся на европейском и азиатском берегах Босфора и служивший центральным связующим пунктом между Западом и мусульманскими странами.

Несмотря на все препятствия, Сазонов находил момент для постановки перед союзниками вопроса о проливах благоприятным; упустить его было бы большой оплошностью. Торопливость царского министра

объяснялась, в частности, характерным для того времени мнением, что война продлится недолго — полгода или год. Сазонову пришлось мобилизовать все свое дипломатическое искусство, воспользоваться сложившейся военно-политической конъюнктурой, затруднениями союзников на Западном фронте, чтобы заставить их подписать соответствующее соглашение.

Нельзя вместе с тем не признать, что и союзникам пришлось проявить известную гибкость и реализм, дабы надежнее связать Россию с политикой войны и доведением ее до победного завершения. В особо угрожающем положении находилась, как уже отмечалось, Франция. Перед ней маячила угроза не только проиграть Германии еще одну войну, но и быть выбитой из числа великих держав и превратиться во второразрядное государство. Не сладко пришлось бы и самой Англии. Для нее важно было продержаться в этот критический для союзников период войны, измотать Германию в затяжной схватке, сделав это прежде всего руками России и Франции.

По мере развития переговоров надежда Сазонова на успех росла и «скоро превратилась в уверенность». Основывалась она на том, что главный противник России в приобретении ею проливов — Англия сравнительно быстро обнаружила готовность пойти навстречу пожеланиям восточной союзницы, хотя сделала это «скрепя сердце».

Уже вскоре после передачи русским послам в Париже и Лондоне соответствующих инструкций Сазонов получил от Бенкендорфа обнадеживающее донесение. Правда, вначале ведомство Грея лишь выразило готовность обсуждать затронутый вопрос, откладывая его решение на потом, когда в Петрограде «проявят инициативу, войдя в свое время в переговоры с Англией и Францией»⁹⁰. Сазонова это явно не устраивало. Он хотел как можно скорее заручиться формальным соглашением, чего и добивался с настойчивостью и последовательностью.

Сразу по получении известий о начале Турцией военных действий (первое нападение турецких военных кораблей на Одесский порт было совершено в 3 часа утра 29 октября) Сазонов заявил английскому послу Бьюкенену, что выступление Турции «поставит на очередь ближневосточный вопрос в целом и повлечет за собой окончательное решение вопроса о проливах»⁹¹. Английская дипломатия довольно быстро выразила готовность пойти навстречу пожеланиям царского правительства и принять на себя соответствующие обязательства, оформив их соглашением.

Позиция Англии отчасти объяснялась ее опасениями в связи с возможностью отвлечения значительной части русской армии на кавказский театр. В какой-то мере эти опасения сознательно поддерживались и самой царской дипломатией⁹².

Спустя несколько дней после начала военных действий Турцией, 6 ноября 1914 года, Сазонов поставил лондонский кабинет в известность о предстоящих операциях Кавказской армии. Это сообщение застало западных союзников в тот момент, когда Англия и Франция едва оправились от «бешеной атаки» германской армии во Фландрии, в направлении Дюнкерка и Кале, угрожавшей окружением и уничтожением английского экспедиционного корпуса. Опасность эта к тому времени еще не миновала⁹³. Союзное командование рассчитывало на русское наступление в Польше, куда ожидалось прибытие свежих сибирских корпусов. В Лондоне опасались, что эти подкрепления могут быть направлены не на германский фронт, а на турецкий.

Английское правительство серьезно опасалось также, как бы не дрогнула Франция под мощным натиском германских полчищ⁹⁴. Да и в самой Англии еще не избавились от первоначального испуга. Все это побуждало британскую дипломатию проявлять особую предупредительность в отношении России, на которую возлагались тогда основные надежды.

Принимались в расчет и другие немаловажные соображения — собственные аппетиты Англии в отношении турецких владений. Тут следовало заручиться благоволением царского правительства, а оно с «особым удовольствием» пошло навстречу английским притязаниям «ввиду последовавшего со стороны Англии согласия на разрешение вопроса о проливах и Константинополе»⁹⁵. Щедрый аванс царизма были тем более оценены в Лондоне, что Франция не изъявляла той же готовности санкционировать английские притязания⁹⁶.

Выразив готовность решить судьбу Константинополя и проливов «не иначе, как сообразно с интересами России», английская дипломатия стремилась, однако, отложить официальное оформление соответствующего соглашения до разгрома Германии и ее союзников. Сначала она надеялась ограничиться лишь «формальным заверением о готовности дружески отнестись к русским пожеланиям... когда придет время»⁹⁷. Но Сазонов сразу же «поставил в связь» согласие России на присоединение Англией Египта и некоторых других османских владений с согласием Англии на предоставление России Константинополя и проливов.

Итак, первый дипломатический раунд казался обнадеживающим: Англия, с чьей стороны ожидалось наибольшее противодействие, первой решилась отступить от своей традиционной политики в отношении черноморских проливов в расчете, что Россия не будет отвлекать значительной части своих сил с европейского театра на кавказский и все усилия направит на сокрушение германской военной мощи. При этом Грей счел необходимым извиниться перед своим коллегой, французским министром иностранных дел Делькассе за то, что он так «подробно» вы-

сказался перед Сазоновым относительно будущего Константинополя и проливов, не сговорившись предварительно с французским правительством, «которое, конечно, должно быть запрошено при окончательном решении вопросов такой важности». Он объяснил свое поведение желанием устранить у российского правительства всякое подозрение в том, что при окончании войны, «для успеху которой так много сделало русское оружие», союзники будут «колебаться в признании русских интересов в столь жизненном для него вопросе»⁹⁸.

Менялся постепенно и тон английской печати. В газетах проводилась мысль о том, что союзники не могут не учитывать русских интересов в восточном вопросе и что окончательное решение его должно дать России власть над Константинополем⁹⁹.

Сложнее оказалось склонить к соглашению Францию. В то время как из Лондона довольно быстро были получены более или менее обнадеживающие заверения, в Париже ограничивались самыми общими, расплывчатыми заявлениями, не изъявляя готовности принять на себя какие-либо конкретные обязательства на сей счет¹⁰⁰. Французская дипломатия всячески уклонялась от обсуждения вопроса, находя момент для этого явно неблагоприятным. И для нее он действительно был таковым. При этом французские политики сначала ссылались на то, что, дескать, на решение этого вопроса не пойдет Англия. Французский посол Палеолог, например, в разговоре по этому поводу с министром А.В. Кривошеиным прямо заявил, что этот вопрос «вызовет со стороны англичан большие возражения»¹⁰¹. Сазонову оказалось нетрудно опровергнуть этот довод, что он и сделал на следующий день в присутствии Бьюкенена¹⁰².

Все пошло по непредвиденному сценарию: не Франция воздействовала на Англию, а, напротив, Англии пришлось убеждать Францию в необходимости без лишнего промедления пойти навстречу партнеру по коалиции. Опасаясь дальнейших колебаний французского правительства, британский кабинет обратился к нему с дружеским советом удовлетворить пожелания российского правительства¹⁰³.

Дружеский совет подействовал не сразу. Правда, на аудиенции у царя 21 ноября 1914 года Палеолог не без угодливости заявил, что правительство республики «встречает самым серьезным образом желания императорского правительства»¹⁰⁴. Однако ценность этого утверждения значительно снижалась оговоркой, сделанной Делькассе в беседе с Извольским: пока еще рано «продавать шкуру убитого зверя»¹⁰⁵.

В последующие недели разговор также вращался вокруг самых общих вопросов. Ни правительство Франции, ни ее общественное мнение «не были еще подготовлены» к разрешению поднятого царским правительством вопроса. «Парижские переговоры, — признавался Сазонов, — несмотря на добрую волю Делькассе, продвигались довольно

медленно. Убедить Совет министров и французскую печать в необходимости стать на точку зрения России в вопросе жизненного значения для нее оказалось нелегко»¹⁰⁶. Сам Делькассе, как полагал Сазонов, был расположен пойти навстречу притязаниям царского правительства, но он натолкнулся на сильную оппозицию со стороны влиятельных членов кабинета, в том числе министра финансов Бриана и самого президента Пуанкаре, равно как и «широкого» общественного мнения. В Париже, свидетельствовал Сазонов, «неохотно и с трудом усваивали русскую точку зрения, расходящуюся с воззрением, укоренившимся за долгие годы политических разногласий» между Францией и Россией. «В этом отношении не помог и тот брак по расчету, который был заключен между ними в конце прошлого столетия под давлением общей опасности со стороны Германии. Возможность появления России на проливах и в Константинополе продолжала устрашать воображение французов, нелегко свыкшихся с переменной привычного им положения вещей»¹⁰⁷.

За всем этим скрывалось острое империалистическое соперничество великих держав в пределах одряхлевшей Османской империи¹⁰⁸. Но теперь Сазонов уже не отступал, а продолжал наращивать свои дипломатические усилия, имея при этом таких опытных помощников, как Извольский и Бенкендорф, используя вес многомиллионной армии и авторитет самого царя. А главное, расстроеным оказался тандем Лондона и Парижа. Какими бы преждевременными ни казались французам начатые по почину Петрограда переговоры, уклониться от них уже не представлялось возможным; инициатива по-прежнему принадлежала Сазонову. Ссылка на «негативную» позицию Англии не сработала, оставив скорее впечатление неловкости.

Тогда, не отвергая в принципе самой постановки вопроса, французские руководящие круги решили настаивать на нейтрализации проливов, которая признавалась в Петрограде абсолютно неприемлемой. «Из всех возможных решений вопроса о проливах, — подчеркивал Сазонов, — нейтрализация является, с точки зрения интересов России, худшим. Русское правительство никогда не скрывало своего предпочтения сохранению над ними турецкого владычества»¹⁰⁹. На этой позиции твердо стоял и царь, которого Сазонов в определенный момент «подключил» к непосредственному участию в этих переговорах. Неприемлемым признавалось и требование установления для Константинополя международного статуса (в духе того, который был учрежден для Танжера), на чем вначале настаивала Франция.

Неприемлемость для России нейтрализации проливов обосновывалась прежде всего стратегическими соображениями, ибо она оказалась бы «совершенно призрачной» и зависела бы от доброй или злой воли наиболее сильной морской державы. «Если у нас и были возможны

колебания относительно политического положения Константинополя, — рассуждал Сазонов, — то в вопросе о проливах русское правительство сразу же заняло определенное положение, и я не оставил в моих переговорах с г. Палеологом и сэром Джорджем Бьюкененом ни малейшего сомнения на этот счет»¹¹⁰. Неприемлемость нейтрализации обособивалась еще и тем, что она таила в себе неизбежность трений и соперничества великих держав, могущих повести к «опасным столкновениям, последствия которых трудно было предугадать»¹¹¹. Следует отметить, что вначале вопрос о проливах не связывался русской дипломатией с вопросом о Константинополе и речь о нем шла лишь мимоходом¹¹².

Настойчивость, с какой Сазонов повел свое дипломатическое наступление, принесла вскоре первые плоды. К концу января нового 1915 года Грей от имени британского правительства выразил согласие на уступку России проливов, а 1 февраля это согласие было официально подтверждено послом Бьюкененом. Царское правительство, в свою очередь, «принимало в внимание» экономические интересы Болгарии, Румынии и «остальной Турции», а также интересы европейской торговли¹¹³. В этом первоначальном варианте Константинополь не упоминался, но взгляд русского правительства на судьбу этого города, по словам Сазонова, «можно вывести косвенно из его намерения положить конец турецкому владычеству в Европе»¹¹⁴.

27 января Сазонов выступил на сессии Думы. Касаясь блестящей победы русских войск над турками под Сарыкамышем, министр подчеркнул, что эти события не только увенчали новой славой наше оружие, но и приблизят минуту разрешения экономических и политических задач, связанных с выходом России к свободному морю¹¹⁵. (Еще до открытия думской сессии, 25 января, министр с согласия царя выступил в закрытом заседании бюджетной комиссии Думы, в которой были представлены все помещичьи и буржуазные фракции, с информацией по внешнеполитическим вопросам, где заявил, что в отношении проливов «дело вполне выяснено с союзниками» и что Россия получает «оба пролива и оба берега, с Константинополем»¹¹⁶.) Вслед за министром в поддержку названных требований решительно высказались председатель Государственной думы М.В. Родзянко, премьер И.А. Горемыкин, лидер кадетов П.Н. Милюков, глава левых октябристов С.И. Шидловский, его коллега по фракции Е.П. Ковалевский, лидер крайне правых профессор С.В. Левашов¹¹⁷. В принятой голосами либеральных и правых фракций Думы «формуле перехода» к очередным делам было записано, что Государственная дума «высказывает твердую уверенность в достижении великих национальных и освободительных задач войны»¹¹⁸.

Внушительную поддержку сазоновской дипломатии оказала и русская пресса, объявившая заседание Думы 27 января 1915 года «историче-

ским». Газеты правого направления, выражая ту же уверенность, прямо писали, что от решения, вопроса о проливах и Константинополе зависит дальнейшее участие России в войне¹¹⁹.

Получив активную поддержку «народного представительства», то есть Государственной думы, Государственного совета и многоголосой прессы, Сазонов перешел к решающему дипломатическому штурму. Об этом новом этапе предпринятой дипломатической акции он писал: «Вся зима 1914–1915 годов прошла в подготовительных переговорах, и к марту 1915 года вопрос о проливах назрел настолько, что можно было придать переговорам с союзниками определенную форму дипломатического соглашения...». Он спешил сделать это не только для того, чтобы «закрепить их согласие» на требование царского правительства, «но еще более потому, что Государственная дума и русская печать обнаружили нетерпеливый интерес к вопросу, которому Россия придавала наибольшее значение»¹²⁰.

В не меньшей мере побуждали дипломатию к активности и военные сферы, руководствовавшиеся не только уроками прошлого. 19 февраля 1915 года союзники предприняли Дарданелльскую операцию. В этом предприятии усматривалось стремление Англии и Франции захватить Константинополь раньше России, поставить под сомнение осуществление ее «вековых чаяний». Сазонов решил форсировать проводившуюся им дипломатическую акцию.

В середине февраля он созвал совещание высших чинов Министерства иностранных дел с приглашением военных специалистов для установления конкретного объема требований, с которыми предстояло выступить перед союзниками¹²¹. После длительного обсуждения решено было добиваться присоединения к России не только проливов, но и Константинополя. В пользу такого варианта высказались Николай II, председатель Совета министров Горемыкин, руководитель внешнеполитического ведомства, а также высшие военные власти в лице военного и морского министров и Ставки.

1 марта Сазонов пригласил к себе Палеолога и Бьюкенена для обсуждения проблемы проливов, чтобы вплотную подойти к выработке официального соглашения, причем тон его на этот раз был более настойчивым и категоричным. Сославшись на «волнение», которое вызывает «во всех слоях русского народа» вопрос о судьбе Константинополя, Сазонов с подчеркнутой озабоченностью сказал: «Несколько недель тому назад я еще мог думать, что открытие проливов не предполагает необходимым образом окончательного занятия Константинополя. Сегодня я принужден констатировать, что вся страна требует этого радикального решения». До сих пор, продолжал министр, сэр Эдуард Грей ограничивался сообщением о том, что вопрос о проливах должен будет решиться

сообразно с желанием России. Пришло, однако, время «быть более точным». Русский народ не должен оставаться в неведении, может ли он рассчитывать на своих союзников в деле осуществления своей национальной задачи. «Англия и Франция должны громко заявить, что они согласятся в день мира на присоединение Константинополя к России»¹²².

Сазонов добивался, таким образом, чтобы правительства Англии и Франции не только вполне определенно, но и публично признали права России на Стамбул и проливы и подготовили к этому признанию общественное мнение своих стран. Однако требование придать огласке намечаемое соглашение было отклонено как Лондоном, так и Парижем. По мнению Грея, сообщение во всеобщее сведение об удовлетворении русских притязаний возбудило бы аппетиты других держав и поставило бы вопрос о разделе Азиатской Турции. Говорить же об этом признавалось несвоевременным и не соответствующим интересам союзнической пропаганды. Поэтому Грей высказался против оглашения намечавшейся сделки. К тому же, добавил он, и Турция «еще не побеждена»¹²³.

Тем временем на подмогу своему министру снова пришел сам царь. 3 марта 1915 г. во время представления ему Палеологом генерала По, прибывшего в Россию для вручения французских наград, Николай II завел разговор с послом по волновавшему русское общество вопросу. Он заявил, что «не признает за собой права» налагать на свой народ ужасные жертвы текущей войны, «не давая ему в награду осуществления его вековой мечты». «Поэтому, — сказал монарх, — мое решение принято, господин посол. Я радикально разрешу проблему Константинополя и проливов. Решение, на которое я вам указывал в ноябре, — единственно возможное, единственно исполнимое. Город Константинополь и Южная Фракия должны быть присоединены к моей империи». Указав затем, что Англия уже дала ему знать о своей согласии, царь выразил надежду, что, если возникнут какие-либо недоразумения относительно деталей, французское правительство поможет их устранить¹²⁴.

Со своей стороны, Николай II повторно выразил готовность поддерживать любые территориальные притязания Франции, заранее соглашаясь на все, что может потребовать французское правительство. «Я желаю, — продемонстрировал свою щедрость император, — чтобы Франция вышла из этой войны такой великой и сильной, как только возможно»¹²⁵. Этот широкий жест был тем более заманчивым, что против французских притязаний на левый берег Рейна упорно возражали англичане. Он должен был смягчающе повлиять на позицию Парижа в столь животрепещущем для России вопросе.

На следующий день после объяснений с Палеологом (4 марта 1915 г.) Николай II утвердил пределы территорий, на которые претендовала Россия в зоне проливов¹²⁶. Тогда же Сазонов совместно с Палеологом

и Бьюкененом составили памятную записку, которую передали затем английскому и французскому посольствам от имени русского правительства. В ней говорилось, что последние события привели царя «к убеждению, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно разрешен в смысле вековых стремлений России». Территории, отходившие к России, определялись в записке следующим образом: Константинополь и оба пролива, все европейское побережье Мраморного моря до линии Энос — Мидия (Южная Фракия) и часть Азиатского побережья между Босфором, рекой Скарией и пунктом, подлежащим определению, на берегу Измирского залива, острова Мраморного моря и острова Тенедос и Имброс в Эгейском море. Царское правительство принимало на себя обязательство «строго соблюдать специальные интересы Франции и Великобритании в означенной области» и выражало готовность благожелательно отнестись к осуществлению планов союзников «в других районах Оттоманской империи, а также и вне ее пределов»¹²⁷.

Помимо интенсивной дипломатической «обработки» и обещаний щедрых компенсаций Сазонову пришлось прибегнуть и к другим средствам воздействия на союзников, прежде всего на Францию. Так, 5 марта он поделился с Палеологом своими «опасениями», как бы дальнейшее противодействие выдвинутым Россией требованиям не поставило его перед необходимостью подать в отставку, что может повести к замене его другим министром из числа лиц, являющихся приверженцами «Союза трех императоров», которые, к сожалению, не перевелись¹²⁸. А это, в свою очередь, могло обернуться изменениями, если не переориентацией внешнеполитического курса страны.

Еще в конце 1914 года в Париже в Лондоне стало ощущаться некоторое беспокойство вследствие опасения, что Россия может склониться в пользу мира с Германией, прежде чем военное могущество последней будет окончательно сломлено¹²⁹. Эти опасения могли только усилиться, когда в начале следующего года Германия и Австро-Венгрия стали зондировать почву на предмет сепаратного мира с Россией, хотя такие попытки были отвергнуты царским правительством уже с первых шагов.

Предостережения Сазонова о возможности его отставки — а он, как известно, был убежденным сторонником доведения войны до победного конца — не могли не оказать определенного воздействия на тех государственных деятелей союзных стран, которые хотели бы подменить важные соглашения дипломатическими суррогатами.

Парижский и лондонский кабинеты были встревожены также «резко отрицательной реакцией русского общественного мнения» на появившиеся в союзнической прессе статьи в пользу нейтрализации Константинополя и проливов¹³⁰. «Наши союзники должны знать, — воскли-

цала кадетская «Речь», — что для России этот вопрос не менее важен, чем вопрос о Египте или Кипрской конвенции для Англии, фактически решенный уже Англией, не дожидаясь, когда будут выработаться условия мира»¹³¹.

Поползли и другие тревожные слухи, которые могли причинить серьезный ущерб союзнической солидарности и согласованности их действий, в которых и без того было немало изъянов. В первую очередь это касалось Англии. Ее обвиняли в том, что, принимая более чем скромное участие в борьбе с общим врагом на европейском театре, она, тем не менее, по-прежнему выступает главным противником России в решении жизненно важных для нее вопросов. По этому поводу Грей писал: «Принимая во внимание наше политическое прошлое, придававшее этим слухам правдоподобие, мы сознавали, что нам надо немедленно выступить против них не только путем простого их опровержения, но и путем нашего положительного согласия... Нельзя было сопротивляться сложившимся обстоятельствам... Однако ни мы, ни Франция не решились на это охотно»¹³².

Как бы то ни было, английское правительство первым официально признало притязания царского правительства, оформив это памятной запиской от 12 марта 1915 года, в которой заявлялось, что реализация их может иметь место при условии, «если война будет доведена до успешного завершения и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах»¹³³. Указанная оговорка, по словам Сазонова, не создавала для России каких-либо затруднений. В первой своей части она представлялась попросту излишней, так как и без того было ясно, что достижение указанной цели невозможно без разгрома неприятельской коалиции. Что касается второй части — удовлетворения притязаний Англии и Франции, — царское правительство с самого начала продемонстрировало свою готовность пойти «так далеко», как того пожелают сами союзники, то есть предоставить им карт-бланш.

Одновременно с памятной запиской Бьюкенен вручил Сазонову пространный меморандум, в котором разъяснялась позиция английского правительства в связи с достигнутым соглашением и его собственные притязания. Этот меморандум должен был показать, сколь велика была уступка со стороны Англии своей давней сопернице, какие глубокие перемены претерпела ее традиционная политика, насколько искренне стремится она к дружбе и сотрудничеству и как многого еще ожидает от России в смысле вклада в общесоюзническое дело. Подчеркивалось, что русское правительство получает обещание об удовлетворении его пожеланий в отношении «наиболее ценного приобретения войны», или, другими словами, «главный приз». Причем делается это еще до того, как

английское правительство успело выяснить собственные пожелания «в иных местах». Тем самым меморандум должен был свидетельствовать «о полном повороте в традиционной политике Его Величества».

В меморандуме говорилось также, что предпринятая Англией и Францией Дарданелльская операция не нанесет никакого ущерба планам Петрограда в отношении Константинополя и проливов, даже если она увенчается успехом: «Россия одна получит непосредственные плоды этих операций, если война будет успешной». Такие заверения и пояснения вызывались тем обстоятельством, что в тот момент в русской прессе, в различных общественных и политических кругах России высказывались серьезные подозрения в стремлении союзников захватить Константинополь «раньше, чем туда придут русские». В известной мере разделял эти опасения и сам Сазонов, признававшийся в том, до какой степени была неприятна ему возможность захвата проливов и Константинополя силами союзников, а не русскими войсками и Черноморским флотом¹³⁴.

В меморандуме Англия заручалась согласием России обеспечить свободу прохода иностранных торговых судов через проливы, установить «свободный порт для транзита товаров, обмениваемых между нерусскими территориями», а также обязательством не чинить помех какой-либо державе, которая может «на разумных условиях предложить союзникам свою помощь»¹³⁵.

Получив указанные документы, Сазонов имел все основания поздравить себя с успехом. Дипломатическая баталия, начатая им около полугода назад, миновала важный этап: признание притязаний царского правительства Лондоном, где находился, по словам Извольского, «узел вопроса»¹³⁶.

Оставалось получить аналогичный документ от Франции. Последняя, однако, медлила, что становилось тем менее понятным, что речь шла о давней и наиболее близкой союзнице. Сазонов обращал внимание Палеолога на тот факт, что его правительство все еще ограничивается «общими выражениями сочувствия» и «ничего не значащей фразой» о том, что Франция готова отнестись к русским пожеланиям «возможно более благожелательно»¹³⁷. Однако эта дежурная дипломатическая учтивость начинала скорее раздражать, чем радовать. 18 марта министр телеграфировал Извольскому, чтобы он добился наконец более определенного заявления о согласии Франции «на полное удовлетворение пожеланий императорского правительства, подобно тому, как это сделало великобританское правительство»¹³⁸. Двумя днями раньше царское правительство дало согласие на присоединение к Франции Сирии и Киликии, как того добивалась союзница*.

* Некоторые разногласия возникли лишь в отношении Палестины (главным образом Святых мест), которую Палеолог считал составной частью Сирии.

Вскоре Делькассе пришлось выступить в Комиссии по иностранным делам палаты депутатов с сообщением о том, что «Франция приняла формальные обязательства» перед Россией в отношении Константинополя и проливов. Это вызвало острое недовольство ряда членов парламента. Двое заявили решительный протест против того, чтобы Св. София оказалась в руках православных. Успокаивать пришлось тем, что Франция получит соответствующие компенсации, в частности Александретту¹³⁹ — город и порт в восточной части Средиземного моря, где Франция надеялась утвердить свое господствующее положение по соседству с Сирией, Палестиной и другими объектами экспансии французского капитала.

И в последующие дни французскому министру иностранных дел приходилось выдерживать упорное сопротивление противников соглашения о проливах. Во французской прессе более яростно, чем в английской, продолжалась кампания в пользу международного устройства Константинополя и нейтрализации проливов. Причем после вручения Сазоновым памятной записки от 4 марта (а секретность ее оказалась весьма относительной) эта кампания развернулась с новой силой. Ее возглавили крупнейшие буржуазные газеты «Temps» и «Matin», отражавшие позиции президента Пуанкаре, министра финансов Бриана и некоторых других политических и финансовых деятелей, выступавших против «чрезмерных уступок» царскому правительству в данном вопросе.

Не прекращалась и ответная пальба по «неблагодарным союзникам» в русской прессе. Член Государственного совета, «ярый либерал» князь Е.Н. Трубецкой предупреждал: «Есть только одно-единственное решение, которое соответствует нашим государственным интересам: Константинополь и проливы должны быть русскими. Всякое другое решение вопроса для нас неприемлемо»¹⁴⁰.

Официально сформулированные Сазоновым требования царского правительства привели некоторых французских государственных деятелей чуть ли не в шоковое состояние. Президент Пуанкаре, по его собственному признанию, был «ошеломлен» и не мог объяснить себе «ни этот необычный язык, ни эти опасные и странные концепции»¹⁴¹. Крайнее раздражение просматривалось в инструктивном письме Палеологу (9 марта 1915 г.), завизированном, кстати, министром иностранных дел Делькассе. Из этого письма видно: французское правительство не допускало мысли, что Россия потребует в полное свое обладание Константинополь, оба пролива с прибрежными полосами, острова, прикрывающие вход в Дарданеллы, а также значительную часть Фракии. «Некоторые русские из школы Витте, — сетовал президент, — были бы не прочь завладеть Константинополем и не продолжать больше войны против Германии и Австрии». Пуанкаре выговаривал правительству Николая II

за то, что оно отвлекается от главной цели, во имя которой союзники взялись за оружие, — разгрома Германии и устранения опасности установления ею своей гегемонии.

Приводился и другой знакомый довод: удовлетворение русских притязаний на проливы и турецкую столицу вызовет недовольство Италии, а также нейтральных балканских государств (Румынии, Болгарии и Греции), которых державы Соглашения стараются вовлечь в свою коалицию. В основе всех этих возражений лежало стремление французского империализма к приобретению новых колоний и сфер влияния на Ближнем Востоке и нежелание видеть Россию на Средиземном море, что открывало бы перед ней возможность «сделаться великой морской державой». Такой колоссальный, по мнению Пуанкаре, рост ее могущества и нарушение «равновесия сил» в Восточном Средиземноморье были бы безопасны для Франции лишь в том случае, если бы она сама «извлекла из войны равноценные выгоды».

Собственно, после английского «да» реакция Пуанкаре и его единомышленников оказалась в значительной мере запоздалой. 7 марта Сазонов указал Извольскому, что вопрос о Константинополе и проливах требует безотлагательного решения, и признал невозможным «ни удовлетвориться обладанием одним европейским берегом, ни отказаться от укрепления проливов», на чем настаивал Делькассе под давлением своих коллег по кабинету¹⁴². 8 марта 1915 года Палеолог вручил Сазонову памятную записку, в которой от имени французского правительства заявлялось, что русское императорское правительство «вполне может рассчитывать на доброжелательное отношение правительства Республики к тому, чтобы вопрос о Константинополе и проливах был разрешен в соответствии с желаниями России»¹⁴³. По сведениям Извольского, согласие на эту записку было не без труда «исторгнуто» министром иностранных дел Делькассе у Совета министров, некоторые члены которого, «вообще мало сочувствующие России и зараженные политическим доктринерством», отнесли к «пожеланиям» царского правительства отрицательно¹⁴⁴. Поблагодарив посла за долгожданное сообщение, Сазонов сказал в ответ: «Ваше правительство оказывает союзу неоценимую услугу... о которой вы, быть может, не догадываетесь»¹⁴⁵.

Как ни порадовало Сазонова последнее заявление французского правительства, оно было признано недостаточно конкретным. Упорное воздействие по дипломатическим каналам, а также неослабевавшая поддержка «общественного мнения» привели к желанным результатам. 20 марта Делькассе сказал Извольскому, что он не видит никаких препятствий к тому, чтобы облечь заявление французского правительства о готовности удовлетворить требования России в письменную форму, но окончательный ответ даст дополнительно, «очевидно, по обсуждении дела в Со-

вете министров»¹⁴⁶. Тремя днями позже Сазонов обращал внимание Извольского на «более удовлетворительный характер английского ответа» (от 12 марта) и вновь просил добиваться аналогичного обязательства.

24 марта Сазонов был уведомлен послом, что Делькассе предписал Палеологу сделать в письменной форме такое же заявление, какое получено от великобританского посла¹⁴⁷. Однако упомянутого заявления не последовало. Выждав еще с неделю, Сазонов сообщил Извольскому, что Палеолог пока не получил соответствующего предписания. И только по истечении еще недели (10 апреля) французское правительство вербальной нотой подтвердило наконец свое согласие на присоединение к России Константинополя и проливов с упомянутыми выше прибрежными полосами и островами с той же оговоркой, что и английский кабинет: «при условии, что война будет доведена до победного конца и что Франция и Англия осуществят свои планы на Востоке, равно как и в других местах, как это сказано в русской памятной записке»¹⁴⁸.

В октябре 1916 года, уже после отставки Сазонова, царское правительство добилось от Англии и Франции согласия на придание гласности содержания указанного соглашения, что и было сделано новым председателем Совета министров А.Ф. Треповым на заседании Государственной думы 19 ноября. 1917 год перечеркнул планы царизма. Это, однако, не исключает возможности объективной оценки достигнутого Сазоновым соглашения и его личного вклада в проведение столь многотрудной дипломатической акции.

Успех российской дипломатии был несомненным. Он знаменовал собой существенный шаг на пути к решению одной из коренных задач русской внешней политики, продиктованной потребностями торгово-экономического развития страны, а также стратегической необходимостью, подтвержденной вековым историческим опытом.

В конкретно-исторической обстановке весны 1915 года рассмотренное соглашение имело и другое важное значение: оно укрепило уверенность союзников в сохранении и упрочении антигерманской коалиции во имя достижения общей победы, которая была еще так далека.

4. Польский вопрос

Одной из первоочередных задач, которые поставила перед собой официальная Россия в разразившейся войне, было восстановление Польши в ее этнографических границах, или, как это значилось в ряде документов тех лет, создание «целокупной Польши» из трех ее разрозненных частей. Практически это означало отвоение польских земель, захваченных в свое время Австрией и Пруссией, и объединение их с Царством Польским в единое образование, пользующееся определенной автономией в составе Российской империи.

В общем виде эта задача была сформулирована и объявлена во всеобщее сведение уже в первые дни войны в воззвании Верховного Главнокомандующего русской армией к польскому народу 1 августа 1914 года. В этом «высочайше одобренном» акте, подготовленном ведомством Сазонова* и обсужденном в Совете министров, в частности, говорилось: «Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться... Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ! Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении»¹⁴⁹.

Это воззвание, опубликованное 3 августа, встретило одобрительный отклик в русской и союзнической прессе, равно как и в официальных кругах союзников. С удовлетворением оно было встречено польским народом. «Манифест великого князя Николая Николаевича польскому народу, — записал Палеолог, — обнародован сегодня утром. Газеты единодушно радуются по этому поводу; большая часть их печатает даже восторженные статьи, торжествуя по поводу примирения поляков и русских в лоне великой славянской семьи»¹⁵⁰.

Не зная еще толком намерений царского правительства, союзные дипломаты заговорили о «широкой» и «полной» автономии возрождаемого польского государства, подталкивая таким образом к более радикальному решению проблемы.

Из Парижа Извольский доносил, что агентство «Гавас» сообщило о решении русского императора «восстановить территориальную целостность Польши и даровать ей полную автономию под управлением наместника его величества». То же агентство опубликовало текст прокламации великого князя к полякам. Сообщая далее о реакции на этот акт французских правящих кругов и общественного мнения, посол отмечал: «Известия здесь произвели громадное впечатление и встретили в здешних общественных и политических кругах и в печати восторженный прием»¹⁵¹. В день отправки этого донесения Извольского посетили представители весьма многочисленной во Франции польской колонии из русской и германской Польши. Они рассказали, что с начала европейского конфликта в Париже образовался специальный комитет, составленный из русских, германских и австрийских поляков с целью вербовки польских добровольцев для французской армии «и других патриотических целей». Посетители заявили послу, что они твердо уверены в победе России и Франции и что еще до обнародования «великодушного намерения императора» решили объявить себя на стороне России и держав

* С.Д. Сазонов представил царю записку о международном значении польского вопроса еще до войны, где предлагал предоставить полякам нечто вроде местной автономии преимущественно культурно-религиозного характера.

Тройственного согласия. Австрийские поляки, сомневавшиеся в победе австрийского оружия, также, казалось, готовы были примкнуть к своим соплеменникам российского и германского подданства, но желали бы иметь уверенность, что обещанная им царем автономия «не лишит принадлежащих им ныне прав»¹⁵².

Из Лондона Бенкендорф телеграфировал, что публикация английскими газетами указанного воззвания произвела «очень большое впечатление на все английское общественное мнение»¹⁵³. Восторженно приветствовала «манифест» великого князя нейтральная американская пресса¹⁵⁴.

В отличие от вопроса о проливах, где с самого начала существовало почти полное единодушие петроградского кабинета, в польском вопросе, напротив, с первых шагов обнаружились серьезные разногласия среди царских министров и правящих верхов в целом. В конечном счете он так и не получил более или менее четкой и определенной постановки. В отношении «собрания» польских земель каких-либо серьезных расхождений не наблюдалось. Отторжение от Германии и Австро-Венгрии этих земель признавалось одним из важнейших результатов войны. Спор шел о том, в какой форме должно произойти их объединение, в каких взаимоотношениях с Россией могла бы находиться восстановленная Польша, то есть о характере ее автономии. И, наконец, когда должен появиться соответствующий акт о будущем государственном устройстве Польши. При этом одна из основных забот царского правительства состояла в том, чтобы по возможности не допустить перенесения этого вопроса на международную почву, сохранив его как сугубо внутреннее дело.

Обсуждение польского вопроса прошло ряд этапов. Ему было посвящено множество заседаний Совета министров, запрошены мнения нескольких ведомств, и прежде всего министерств иностранных и внутренних дел, Ставки и Варшавского генерал-губернаторства, представителей Польского коло, Думы и Государственного совета, а также некоторых видных польских деятелей. Только в октябре-ноябре 1914 года Совет министров посвятил обсуждению польского вопроса пять заседаний. Был подготовлен ряд проектов будущего государственного устройства объединенной Польши. Однако вплоть до крушения самодержавия никакого окончательного решения принять так и не удалось.

Согласно имеющимся документам, инициатива возбуждения этого вопроса в дни войны принадлежала Ставке Верховного Главнокомандующего. Начальник штаба Ставки генерал Янушкевич писал Горемыкину, что в связи с вступлением русских войск в пределы Австро-Венгрии перед военными властями возник ряд вопросов по управлению занятыми областями. Центральным среди них оказался польский. Ставка

находила, что наступило время дать полякам «некоторые положительные заверения» относительно тех уступок, которые были обещаны в упомянутом воззвании Верховного Главнокомандующего. Если полное разрешение польского вопроса пока невозможно и преждевременно, то сохранение неопределенности может способствовать развитию недоверия в польских кругах, и в особенности среди австрийских поляков, «отношение которых к нам до сего времени все еще нельзя назвать сочувственным»¹⁵⁵.

Как отмечалось затем в «мемории» Совета министров, придавая поднятному вопросу «весьма важное значение» и разделяя в принципе высказанный в письме Ставки взгляд, Горемыкин тогда же внес польский вопрос на обсуждение кабинета. Но оно с самого начала приняло затяжной, неконструктивный характер. В то время как большая часть министров высказалась в поддержку идеи восстановления Польши, «свободной в своей вере, языке и самоуправлении», и санкционировала, правда весьма куцые, наметки будущего польского самоуправления, влиятельное правое крыло правительства в лице наиболее реакционных министров (внутренних дел — Маклакова, юстиции — Щегловитова и народного просвещения — Кассо) выступило решительным противником воссоединения и автономии Польши, признавая разрешение вопроса в таком виде «преждевременным и подлежащим обсуждению лишь по окончании войны»¹⁵⁶.

Не согласившись с доводами большинства, Маклаков, Щегловитов и Таубе, сменивший вскоре умершего Кассо, подали Горемыкину специальную записку, выражавшую их «особое мнение». Авторы записки заявили: поскольку еще не ясно, при каких условиях придется заключать мир, задачу объединения Польши вряд ли следует считать первоочередной; ее можно отнести к числу второстепенных для России и «не стремиться во что бы то ни стало к объединению поляков под властью России».

По мнению «влиятельного меньшинства», воссоединение Польши следовало бы поставить на очередь по окончании войны и лишь после решения всех других, более важных задач. Таковыми признавались: исправление границ с Пруссией, воссоединение с Россией у сопредельных с нею частей, населенных исконно русской народностью, осуществление исторических задач России на Черном море, всемерное внутреннее ослабление Германии. «Только в случае полного разгрома и распада теперешней Германии при фактической тогда невозможности обойти разрешение польского вопроса, — подчеркивалось в записке, — представится предпочтительным объединить области под властью России»¹⁵⁷. При ином исходе, в том числе при несомненно значительном ослаблении Германии в результате неудачной для нее войны, «оставление в герман-

ских границах враждебного Германии и ненавидящего ее славянского элемента» послужило бы, по мнению Щегловитова и К°, главной цели — внутреннему ослаблению кайзеровской империи. Другими словами, не следует пока спешить с какими-либо конкретными обещаниями¹⁵⁸.

По мнению этой группы министров, перед Россией стояли в порядке государственной важности следующие цели: максимальное усиление России в этническом, экономическом и стратегическом отношениях; максимальное ослабление германизма как главного врага славянства; освобождение других славянских народов из-под власти Австро-Венгрии и Германии. Этим общим политическим целям соответствуют и конкретные практические задачи: завершение исторического процесса объединения всех частей русского народа путем воссоединения с Россией Восточной Галиции, Северной Буковины и Угорской Руси; осуществление исторической задачи России на Черном море путем присоединения Царьграда и проливов; «выпрямление» русской государственной границы со стороны Пруссии и в Азиатской Турции; «всемерное внутреннее ослабление Германии» путем полной территориальной перестройки ее на новых началах с возможным уменьшением территории в пользу Франции, Бельгии, Люксембурга, Дании, а равно и мелких германских государств, с восстановлением, быть может, королевства Ганноверского, Гессен-Нассау и др.; объединение и освобождение Польши в возможно полных этнографических пределах; освобождение австрийских славян¹⁵⁹.

Перечислив эти задачи, авторы записки отмечали, что в длинном ряду желательных результатов войны объединение Польши занимает едва ли не последнее место. А следовательно, и относиться к нему нужно соответствующим образом.

Цитированный документ наглядно показывает, что решение польского вопроса с самого начала натолкнулось на упорное противодействие наиболее реакционной части министров и их единомышленников за пределами правительства. Следует иметь в виду, что в условиях царского режима министру внутренних дел принадлежала особая роль в направлении общегосударственной политики, нередко более важная, чем премьеру. Польский же вопрос царское правительство, как уже отмечалось, стремилось рассматривать в контексте прежде всего внутренней политики. Не меньшим, если не большим, чем Маклаков, весом пользовался в ту пору министр юстиции Щегловитов, являвшийся, по свидетельству одного из его коллег, «душой и мозгом реакции». Да и сам Горемыкин, «признавший» государственную важность польского вопроса и поставивший его на рассмотрение Совета министров (разумеется, с санкции царя), отнюдь не был настроен в пользу его скорейшего решения, тем более в духе широкой автономии, каковая только и могла в тот момент удовлетворить поляков.

Отвечая на поставленный Палеологом вопрос — почему «манифест о Польше» решено обнародовать за подписью Верховного Главнокомандующего, а не самого императора, что произвело бы «гораздо более сильное моральное впечатление», Сазонов по секрету сказал, что Горемыкин, как и Маклаков, «враждебно относится к восстановлению Польши». Оба они (и не только они) убеждали Николая II, что поляки Галиции и Познани находятся еще под австрийским и прусским владычеством. Поэтому он (царь) не может лично «достойным образом» обратиться к своим будущим подданным. Напротив, Верховный Главнокомандующий не превысит своей роли, обратившись к славянскому населению, «которое он идет освобождать». Николай II согласился с этими доводами¹⁶⁰.

Консерватизм и близорукость царских министров вместе с самим носителем верховной власти парализовали важную политическую инициативу, исходившую от Министерства иностранных дел и лично Сазонова, хотя и в этом ведомстве «либерализма» в данном вопросе было ровно столько, сколько требовали обстоятельства. Жалуясь на пагубную роль в польском вопросе всесильной русской бюрократии, Сазонов писал: «Я ожидал от моего назначения министром иностранных дел возможности с большим успехом отстаивать и проводить мои взгляды в вопросах нашей польской политики. Однако я должен был вскоре убедиться, насколько трудно бюрократическому государству порвать с укоренившимися долгой практикой мнениями и привычками. В Совете министров, кроме меня, было не более двух-трех министров, которые понимали, что польский вопрос настоятельно требовал разрешения в смысле дарования полякам самоуправления для удовлетворения их национальных запросов... Мой голос был гласом вопиющего в пустыне»¹⁶¹. Помимо «всемогущества» царской бюрократии, о которой упомянул Сазонов, не следует забывать и о «придворных влияниях».

Вскоре после обнародования упомянутого «манифеста» Извольский передал в Петроград слова сообщения агентства «Гавас» о решении Николая II «восстановить территориальную целостность Польши и даровать ей полную автономию». В ответ Сазонов счел необходимым дать разъяснения: «Агентство, по-видимому, перевело слово «самоуправление» в воззвании Главнокомандующего термином «autonomie», что могло дать повод неправильным выводам. Пока преждевременно облекать общие обещания, содержащиеся в воззвании, в юридические формулы». Обычная законодательная деятельность, отмечал далее министр, на время войны приостановлена. «Чтобы примирение польского народа с Россией было искренним и прочным, необходимо доверие и терпеливая готовность отложить все вопросы до конца войны; такое понимание было обнаружено нашей Государственной думой. Его следует усвоить

и полякам»¹⁶². В этом смысле предлагалось давать объяснения тем, кто обращался к послу с соответствующими запросами¹⁶³.

Следует заметить, что сроки войны в тот момент представлялись значительно более короткими, чем они оказались на самом деле. Со временем, однако, обстоятельства и представления менялись. Поляки еще до окончания войны все настойчивее хотели знать, что ожидает их в будущем, на что они могут рассчитывать. Царское правительство, со своей стороны, хотело выиграть время, чтобы окончательное решение принимать в иной обстановке, при более благоприятной конъюнктуре, не испытывая никаких «стеснительных обстоятельств»¹⁶⁴. Тогда оно могло дать минимум или вообще ничего не дать, исходя из ситуации. Радикальное же решение проблемы вообще не входило в его расчеты.

Но вернемся к тому, как шло дальнейшее обсуждение польского вопроса в военных и правительственных сферах. Получив от Горемыкина подлинную «меморию» Совета министров, в которой резюмировались итоги обсуждения вопроса в пяти заседаниях правительства, и приложенное к ней «особое мнение» трех членов кабинета, Николай II при посещении Ставки передал их на заключение Верховному Главнокомандующему. В докладе царю великий князь Николай Николаевич присоединился к соображениям кабинета. Он признал, что всесторонняя разработка вопроса явится задачей последующего по завершении войны времени» и будет иметь законодательный характер¹⁶⁵. Великий князь, правда, оговорил, что отдельные подробности его предложений (в частности, по организации местного самоуправления) требуют дальнейшего развития.

Посоветовавшись с Главнокомандующим, царь дал указание назначить нового помощника варшавского генерал-губернатора по гражданской части из лиц русского происхождения, способного по своим взглядам безотлагательно подготавливать (и по возможности проводить в жизнь) «возвещенные польскому народу начала»¹⁶⁶. В то же время Совету министров было поручено «тщательно пересмотреть» заключительную часть упомянутой «мемории», дабы установить основные начала политического устройства будущего Польского края, о которых позже могло быть возвещено польскому населению путем особого акта — «всемиловитейшего рескрипта» варшавскому генерал-губернатору. При этом имелось в виду придать польскому вопросу возможную при тех обстоятельствах «определенность», а польскому общественному мнению — дать «ясный ответ» на его запросы о будущей судьбе Польши.

Во исполнение этих «высочайших предназначений» Совет министров при участии нового варшавского генерал-губернатора князя Енгалычева, вновь обратился к рассмотрению «главных оснований политического устройства будущего Польского края». На этот раз (февраль

1915 г.) правительство Николая II сочло необходимым «определенно установить», что будущий Польский край не должен иметь чего-либо обособленного или отличного от империи в следующих областях государственного управления: армии и флоте, международных сношениях, финансах, путях сообщения (транспорт), почте и телеграфе, а также в судопроизводстве. Эти сферы государственной деятельности должны были оставаться «общими и едиными»¹⁶⁷.

Во второй половине апреля, выслушав доклад Енгальчева «О ходе дел» во вверенном ему крае, Николай II признал желательным составить «в окончательном виде» проект земского положения для губерний Царства Польского и подготовить рескрипт в соответствии с «меморией» Совета министров от 18 февраля, чтобы оба эти акта были вполне готовы к объявлению, «когда это будет признано возможным или при вероятном приезде государя императора в Варшаву»¹⁶⁸. Приезд Николая в Варшаву, как известно, не состоялся. Начавшееся 19 апреля германское наступление на русском Северо-Западном фронте отодвинуло этот приезд на неопределенное время, а последовавшее затем отступление русских войск из Варшавы не могло не отразиться на всех «подготовительных мероприятиях» к восстановлению единой Польши.

В апреле–мае 1915 года в Совет министров поступил ряд пространственных записок от известных польских деятелей, в частности от члена Государственного совета графа Сигизмунда Велепольского и его брата графа Владислава Велепольского, в которых выражалось открытое недовольство правительственными проектами о характере будущей польской «автономии», при которой в категорию не отделимых от империи дел включались вопросы не только внешних сношений и обороны государства, но и путей сообщения, почт, телеграфа, юстиции. «Единственно, в чем предположения министерского проекта полностью удовлетворяют чаяния польского народа, — говорилось в записке В. Велепольского, — это в области просвещения»¹⁶⁹.

Во второй половине мая Горемыкиным было созвано специальное совещание по вопросу об устройстве будущей Польши, на котором присутствовали министры внутренних дел и народного просвещения, варшавский генерал-губернатор князь Енгальчев, а также группа польских деятелей, в том числе члены Государственного совета С.И. Велепольский и И.А. Шебеко, депутаты IV Думы Я.С. Гарусевич и Л.К. Дымша, бывший член Госсовета Е.Е. Добецкий и бывшие думские депутаты В. Грабский и Р.В. Дмовский. Открывая совещание, Горемыкин пояснил, что оно созвано им «с высочайшего соизволения» для того, чтобы предоставить представителям польского населения возможность высказать свои пожелания относительно будущего устройства Польского края.

Получившие слово «гости», не скрывая своего горького разочарования и недовольства медлительностью действий царского правительства и его планами, высказали пожелание о предоставлении полякам более широкой автономии по сравнению с той, которую намеревались даровать «с высоты престола». Они настаивали на «коренной реорганизации Польши», на «полноценной автономии» под скипетром русского царя и т. д.¹⁷⁰ При этом кое-кто из них пытался апеллировать к «прогремевшему на весь мир» лозунгу «освободительной войны», который, дескать, воспринят всеми союзниками. Выступавшие заявляли, что правительством не сделано конкретных шагов, доказывающих не фиктивность, а действительность возвещенных от имени царя обещаний. Подчеркнув «историческое значение» августовского (1914 г.) воззвания Верховного Главнокомандующего к польскому народу, один из приглашенных заметил, что имеющиеся у правительства разработки готовящейся реформы наводят на мысль, что этот «исторический акт» представляет собой всего лишь «политико-стратегический маневр», продиктованный условиями военного времени. Польские деятели хотели, чтобы Русской Польше во всех ее внутренних делах была предоставлена «полная свобода управления, обеспечивающая в самых широких пределах ее национально-культурное развитие». Само содержание августовского воззвания, говорил один из них, предопределяет необходимость реформ в политико-юридическом строе «этнографически польских земель».

Демонстрируя свою «непоколебимую веру» в победоносном для держав Согласия исходе войны, члены Думы и Государственного совета предлагали, не дожидаясь ее окончания, приступить к практической разработке обещанной реформы, к подготовке автономного устройства будущей Польши, в которых должны принять участие представители польского народа¹⁷¹.

Поляки ждут от победы России над Германией обеспечения полной свободы национального развития, подчеркивал в своем выступлении Шебеко. Признание за польским народом полноты национальных прав, говорил он, является очень важным и для положения самой России среди славянских народов¹⁷². Та же мысль прозвучала и в выступлении бывшего члена Думы трех ее составов Дмовского, заявившего, что он принадлежит к тому громадному числу поляков, которые задолго до войны пришли к твердому убеждению, что одна из главных целей Германии — это истребление польской национальности, что единственное спасение поляков — в могуществе России и что правильно понятые государственные интересы самой России лежат в развитии национальных, культурных и экономических сил Польши. Только в этом случае она сможет «успешно исполнять роль оплота против надвигающейся на восток в течение многих столетий германской волны»¹⁷³.

В политике, заключил Дымша, тоже думский депутат, нет ничего более опасного, чем колебания в вопросах первостепенной важности, к числу которых относится и польский вопрос. При этом он напомнил об «историческом» заседании Думы 26 июля 1914 года и выступлении на нем своего соотечественника Яронского, заявившего тогда, что поляки без колебаний пойдут в этой войне вместе с русским народом и со всем славянством¹⁷⁴. Этим подчеркивалась важность своевременного решения польского вопроса с точки зрения ведения войны, принявшей упорный и затяжной характер. Приглашенные на совещание польские представители законодательных палат (четыре думца и четыре члена Государственного совета) предложили создать Особую комиссию «из лиц по высочайшему назначению» с включением в нее и польских представителей, на которую была бы возложена работа по подготовке проекта будущего устройства этнографической, то есть объединенной Польши.

Ораторов выслушали, но никаких заверений или обещаний со стороны правительства не последовало. Совет министров вместе с носителем верховной власти продолжали колебаться, не решаясь внятно сказать, что же собираются «даровать» полякам, каким будет этот «всемилошвейший акт». Ясно, что о подлинной автономии российское правительство не помышляло, а мизерный «подарок» мог только разочаровать и вызвать у поляков недовольство и раздражение. Между тем момент настоятельно диктовал предпринять решительный политический шаг в этом направлении. Увы, его не последовало.

В июле, когда немцы приближались к Варшаве, Совет министров вновь собрался для обсуждения польского вопроса. На этом заседании рассматривалось заявление, с которым должен был выступить Горемыкин при открытии юбилейной сессии Государственной думы 19 июля 1915 года (в годовщину начала мировой войны). Предполагалось сообщить о «повелении государя» Совету министров разработать законопроект о предоставлении Польше по окончании войны «права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии». Сазонов выступил против подобного заявления, доказывая, что время общих деклараций уже давно прошло и что вопрос о польской автономии «требует немедленного разрешения путем высочайшего манифеста», не дожидаясь открытия Думы. «Я знал, — сообщает Сазонов, — что поляки нетерпеливо ожидали манифеста и что появление его произведет на них должное впечатление, тем более что они обвиняли нашу политику в колебаниях и неуверенности». Министр был убежден: поляки устали ждать и только заявление «с высоты престола» могло поддержать «падавшие надежды и помешать им возложить свои упования на немцев»¹⁷⁵.

В Совете министров не нашлось на этот раз никого, кто поддержал бы руководителя внешнеполитического ведомства. Выступая с пра-

вительственным заявлением на сессии Думы 19 июля 1915 года, Горемыкин подчеркнул, что «для программных речей по общей политике теперь не время». Правительство вносит на рассмотрение Думы только такие законопроекты, которые вызваны потребностями войны. «Остальные законодательные предложения, крупные и мелкие, имеющие задачей улучшение мирных условий русской жизни, временно оставлены в стороне»¹⁷⁶.

Исключение было сделано для польского вопроса, стоявшего, по словам Горемыкина, «на грани между войной и внутренними делами», то есть на стыке между внешней и внутренней политикой. Однако и этот вопрос, заявил премьер, во всей своей полноте может быть разрешен только после окончания войны. Теперь же Польша ждет прежде всего освобождения ее земель от тяжелого немецкого гнета. Польскому народу предлагалось «знать и верить, что будущее его устройство окончательно и бесповоротно предопределено воззванием Верховного Главнокомандующего, объявленным с высочайшего соизволения в первые же дни войны».

В каком виде предстанет потом это «предопределение», как оно будет выглядеть конкретно, премьер не сказал. Он лишь повторил положения воззвания¹⁷⁷. Тем не менее и эти фразы произвели впечатление на «народных представителей» и были встречены возгласами «браво» и бурными продолжительными рукоплесканиями большинства.

5. Поражение русской армии в кампании 1915 года. Кризис в военном производстве и его преодоление

Кампания 1914 года, хотя и сопровождалась для русской армии немалыми потерями, прежде всего на северо-западном направлении, в целом завершилась для нее с приличным «положительным сальдо». Главное состояло в том, что провалился стратегический план германского Генерального штаба, рассчитанный на быстротечную войну с поочередным разгромом противников. И в этом смысле можно говорить, что Германия, по существу, проиграла развязанную войну уже в 1914 году.

Напомним вкратце, как развивались события на восточном театре. Уже 4(17) августа русские войска пересекли границу Восточной Пруссии и в течение первых десяти дней развивали столь успешное наступление, что «казалось, вся область вскоре будет занята». По свидетельству генерала Людендорфа, командование Восточным фронтом приняло решение отвести свои войска в пределы Западной Пруссии. Напуганный наплывом огромного количества беженцев из Восточной Пруссии, германский Генеральный штаб вынужден был сместить командующего 8-й армией генерала фон Притвица и его начальника штаба генерала Вальдерзее

и назначить на их место соответственно генерала фон Гинденбурга и генерала Людендорфа. В битве под Танненбергом из-за просчетов русского командования немцы нанесли серьезное поражение 2-й русской армии, разгромив два ее корпуса (13-й и 15-й). Командующий этой армией генерал Самсонов покончил с собой. Однако в том же году русские войска вновь вступили в пределы Восточной Пруссии и заняли пограничные области, откуда были вытеснены лишь в феврале 1915 года.

Стремительным вторжением в Восточную Пруссию русская армия вынудила германское верховное командование оттянуть с Западного фронта на восток часть сил (два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию), чем существенно содействовала победе французов в сражении на Марне.

Особенно значительными были достижения русских войск на юго-западном направлении против Двуетной монархии. Уже в течение первых двух месяцев войны войска под командованием генерала Н.И. Иванова (начальник штаба фронта М.В. Алексеев) нанесли противнику ряд серьезных поражений, захватив почти всю Восточную Галицию с ее столицей городом Львовом. Был взят также ряд других украинских городов: Галич, Николаев, Ярослав. Только в ходе Галицийской битвы, явившейся одной из крупнейших стратегических операций Первой мировой войны, противник потерял около 400 тыс. человек, в том числе свыше 100 тыс. пленными¹⁷⁸. Правда, и потери наступавших были немалыми. Они составили 230 тыс. человек убитыми, ранеными и попавшими в плен. Поражение австро-венгерских войск в Галицийской битве, подчеркивает военный исследователь И.И. Ростунов, поставило их на грань катастрофы. Русская армия угрожала захватить Западную Галицию, Краков и Верхнюю Силезию — важный промышленный район Габсбургской империи. «Союзник Германии вновь и вновь просил о поддержке»¹⁷⁹.

Несмотря на значительные потери и тяжелые погодные условия, пять армий Юго-Западного фронта продолжали развивать широкое наступление. В ходе успешного продвижения вперед была окружена и блокирована крупная крепость противника Перемышль с гарнизоном в 120 тыс. человек, оснащенная более чем 900 орудиями. Все попытки неприятеля деблокировать ее окончились неудачей.

Зимой 1914 и весной 1915 года в Карпатах шли кровопролитные сражения. Шаг за шагом противнику приходилось «пятиться», оставляя важные стратегические позиции. После четырехмесячной осады 9(22 марта 1915 года гарнизон Перемышля наконец капитулировал, сдав победителю все крепостные сооружения и снаряжение. Это нанесло тяжелый удар по вооруженным силам Дунайской монархии, причинив им не только чувствительный материальный, но и значительный моральный урон.

К концу марта 1915 года наступление Юго-Западного фронта приостановилось, войска перешли к обороне. Русские армии, действовавшие на этом направлении, глубоко вклинились в пределы Двугединой монархии, захватили почти все важнейшие перевалы через Карпаты. Создалась угроза выхода русских на Венгерскую равнину, открывавшую дорогу на Будапешт и Вену¹⁸⁰.

Успех сопутствовал русским и на Кавказском фронте. В конце 1914 года под Сарыкамышем была разгромлена 3-я турецкая армия, потерявшая около 90 тыс. человек. Фактически она перестала существовать¹⁸¹.

С весны 1915 года положение на Русском фронте круто меняется. Сознавая серьезную опасность, нависшую над Австро-Венгрией, германское руководство решает переместить центр тяжести боевых операций в предстоящей кампании на восток. Беспокоила не только судьба Австро-Венгрии, но и своя собственная, намерения русской Ставки в отношении самой Германии. В германской Главной квартире знали, что Ставка великого князя Николая Николаевича продолжает готовиться к глубокому вторжению в пределы Германии в направлении от Средней Вислы к Верхнему Одеру с последующим выходом на Берлин.

В течение зимы германское командование накапливало необходимые резервы, перебрасывая силы с Французского фронта на Русский, подкрепляя их свежими формированиями (девять новых дивизий). Военно-политическое руководство центральных держав ставило целью разгромить русскую армию и вывести Россию из войны¹⁸², чтобы потом снова ударить всей мощью по западным противникам. Минимальная задача состояла в том, чтобы надолго парализовать действия Русского фронта.

Одним из главных доводов в пользу изменения стратегического плана послужили опасения германского командования, что «Австро-Венгрия рухнет, придавленная гнетом войны»¹⁸³.

Вот как оценивал ситуацию крупный военный авторитет Германии Э. Людендорф: «Освободить Перемышль не удалось и 19 марта он сдался. Тоша как в начале апреля наступление на Восточно-Прусском фронте заглохло, великий князь продолжал атаки на австро-венгерскую армию с явной целью спуститься через Карпаты в Венгрию и тем самым покончить с Австро-Венгрией»¹⁸⁴.

Играли роль и соображения иного порядка: поведение бывших партнеров по Четверному союзу — Италии и Румынии, заявивших о своем нейтралитете. «В апреле, — продолжал Людендорф, — в ставке Двугединой монархии в Тешене положение считалось необычайно серьезным. Позиция Италии становилась все сомнительнее. Все далеко идущие уступки, которые предлагала Австро-Венгрия и на которых я также настаивал перед генералом фон Конрадом, Италия отклонила и полно-

стью завязла в сетях Антанты... Все с большей уверенностью приходилось учитывать, что Италия выступит в борьбу на стороне наших врагов. Австро-Венгрия оказалась вынужденной значительно увеличить свои силы на итальянской границе... А русские атаки становились все более чувствительны для австро-венгерской армии, по мере того как она была вынуждена ослаблять свои силы в Венгрии и Галиции в пользу других фронтов. Настроение в Тешене все понижалось»¹⁸⁵. Вот-вот могло произойти непоправимое. «К середине апреля обстановка в Карпатах стала еще более напряженной. Армия генерала Боревица была отброшена за Карпатский хребет... Наступил момент, когда помочь было необходимо... чтобы предупредить самые тяжелые последствия»¹⁸⁶.

Перед тем как перейти к решительным действиям на востоке, немцы предприняли попытку склонить Россию к сепаратному миру, надеясь таким образом избавиться от борьбы на два фронта.

В начале декабря 1914 года министр царского двора граф Фредерикс получил письмо от своего старого друга графа Ф. Эйленбурга (великого маршала при берлинском императорском дворе), в котором говорилось, что они обязаны направить все свои усилия к тому, чтобы положить конец «печальному недоразумению» между их государями и содействовать их сближению, могущему привести к заключению «почетного мира». Когда Николаю II было доложено о содержании письма, он распорядился оставить его без ответа¹⁸⁷. Подобное же предложение поступило вскоре через небезызвестную фрейлину Васильчикову, которую война застала в ее имении под Веной. Однако и эта попытка была оставлена русской стороной без последствий¹⁸⁸.

19 апреля (2 мая) 1915 года объединенные силы Германии и Австро-Венгрии под командованием немецкого генерала Макензена начали мощное, тщательно подготовленное наступление против левого, юго-западного фланга Русского фронта. Оно развивалось весьма успешно и с нарастающим размахом. Русские части оказались под шквалом огня артиллерии, противостоять которому русская артиллерия была не в состоянии из-за острой нехватки боеприпасов. Наступление разворачивалось также с восточно-прусского направления¹⁸⁹.

В ходе ожесточенных боев весенне-летней кампании 1915 года русская армия испытывала острейшую нужду даже в винтовках и патронах, не говоря уже о голодном пайке артиллерии. В результате она несла большие потери убитыми и ранеными. Велик был счет и пленных¹⁹⁰. Пришлось оставлять одну за другой ранее завоеванные позиции: в июне были сданы Перемышль и Львов, а также вся отвоеванная Восточная Галиция. В последующие месяцы пали Варшава, Новогеоргиевск, Ковно, Гродно и Брест-Литовск. Кампания 1915 года осталась в анналах истории первой мировой войны как «великое отступление» русской армии.

В обстановке тяжелых поражений на фронте, широкого потока беженцев из оккупированных неприятелем районов, паники и подозрений в измене высокопоставленных особ растет острое недовольство правительством. Особое раздражение вызывают наиболее реакционные министры: внутренних дел — Н.А. Маклаков, юстиции — И.Г. Щегловитов, обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер. Серьезные обвинения раздаются в адрес военного министра В.А. Сухомлинова.

Усиливаются грызня и перепалки внутри самого Совета министров. Во главе кабинета по прихоти носителя верховной власти стоит 78-летний старец И.А. Горемыкин, совершенно безынициативный и лишенный способности обеспечить в такое исключительное время слаженную и целеустремленную работу высшего органа империи.

Под давлением растущих с разных сторон нареканий царю пришлось расстаться с министром внутренних дел, к которому он еще совсем недавно питал полное доверие. Его отставки требовали не только либеральные круги и председатель Государственной думы М.В. Родзянко, но и ряд коллег-министров. Чаще других об этом напоминали царю С.Д. Сазонов, пользовавшийся особым весом в кабинете министр земледелия А.В. Кривошеин, министр просвещения граф П.Н. Игнатьев и даже сам Горемыкин¹⁹¹. 3 июня Николай II сообщил Маклакову о своем решении, а 5 июня рескрипт об отставке министра был опубликован в печати. Первая ласточка несколько разрядила обстановку. Однако требования о «чистке» кабинета не утихали.

10 июня Николай II выезжает в Ставку, на этот раз на более продолжительное время, чем в свои прежние посещения «хозяйства» великого князя, и с более серьезными намерениями: для непосредственного ознакомления с положением на фронте, а также для консультаций и проведения некоторых перемещений в правительстве. Не без активного участия Верховного Главнокомандующего царь принимает решение об отстранении от должности Сухомлинова, Саблера и Щегловитова. На их место были назначены соответственно А.А. Поливанов, занимавший ранее пост помощника военного министра, А.Д. Самарин, предводитель московского дворянства, сын известного славянофильского писателя Дм. Самарина, а также А.А. Хвостов, находившийся в приятельских отношениях с Горемыкиным и им, по всей видимости, рекомендованный.

Тем временем политическая обстановка в стране продолжала накаляться. Думцы, посетившие фронты и собственными глазами наблюдавшие картины отступления русских войск, узнавшие об острой нехватке самого необходимого оружия и боеприпасов, требовали принятия решительных мер: предания суду Сухомлинова и его подручных, скорейшего созыва Государственной думы и всестороннего обсуждения драматической ситуации с целью выправить положение.

Согласно последнему указу царя новая сессия Думы должна была состояться не позднее ноября 1915 года. Столь отдаленный срок явно не устраивал либеральные круги. По настоянию Родзянко, представителей различных фракций и партий, общественных движений (одним из первых с требованием безотлагательного созыва Думы выступил лидер трудовиков А.Ф. Керенский) Горемыкин получил санкцию царя на возобновление работы законодательных палат не позднее августа. Эта дата была затем еще приближена. Открытие Думы приурочили к годовщине начала войны — 19 июля (1 августа) 1915 года. По этому совпадению сессия получила наименование «юбилейной».

Работе Думы и Государственного совета власти намеревались придать патриотический настрой, ибо августовский подъем 1914 года пугающе перерастал в стране в уныние и отчаяние и перестановки в правительстве не смогли внести заметного успокоения. Отступление на фронте продолжалось, и это держало общественность в крайнем напряжении. На думской сессии впервые громко заявила о себе оппозиция, осознавшая рискованность и впредь соблюдать «гражданский мир» и «священное единение», провозглашенные год назад на волне шумного патриотического подъема.

После выступлений в духе казенного оптимизма представителей правительства (премьера Горемыкина, военного и морского министров, министров иностранных дел и финансов) в адрес властей обрушился поток резко критических, обличительных речей. Патриотический подъем, характерный для начала войны, сменился «патриотической тревогой». Суровая критика раздавалась подчас даже из уст представителей правых и крайне правых фракций, не говоря уже о либералах. Как всегда, с резко обличительными речами выступали представители трудовиков и меньшевиков: Керенский, Чхеидзе и их коллеги по фракциям.

Вскоре после юбилейной сессии Государственной думы 1915 года оформился прогрессивный блок, в который вошли шесть фракций Думы — от кадетов до независимых националистов. К ним примкнули три фракции Государственного совета. Трудовая и меньшевистская фракции формально в думский блок не входили, но поддерживали его программу. Центральным пунктом этой программы, вокруг которого и разгорелась дальнейшая борьба, было создание «правительства общественного доверия». Координацией действий блока руководило Бюро. Фактическим лидером его стал лидер кадетов, профессор истории П.Н. Милюков.

С оформлением прогрессивного блока в стране, прежде всего в обеих столицах и крупных губернских городах, разворачивается острая политическая борьба. Оппозиция настойчиво домогалась участия в управлении, включения ее представителей в состав правительства. Речь шла

о широко известных в стране представителях буржуазной общественности, промышленных и финансовых кругов.

Крайне правые, промонархические круги увидели в этом угрозу своему господству, возможность смены режима, а потому изо всех сил противодействовали своим политическим противникам, сторонникам блока, выступая на стороне царской власти.

Во взаимных упреках и обвинениях противоборствующие лагеря раскачивали и без того неустойчивый государственный корабль, ослабляли престиж власти, что не могло не сказываться на настроениях народа и боеспособности армии. Российское общество оказалось переобремененным острыми социально-политическими проблемами, а тяготы войны, выпавшие на долю России, оказались тяжелее, чем у других стран.

Что касается внешнеполитического курса, то либеральные и правые политические партии и фракции Думы и Государственного совета, общественные организации по-прежнему выступали в поддержку продолжения войны, за мобилизацию экономики страны на удовлетворение нужд фронта.

Заслуживает внимания вопрос, вызвавший острую борьбу в высших правительственных сферах о смене Верховного Главнокомандующего русской армией. Еще в самом начале войны Николай II объявил Совету министров о своем намерении лично встать во главе русских войск; министрам, по словам Сазонова, «с величайшим трудом удалось упротить его отказаться от этой мысли» и назначить Верховным Главнокомандующим великого князя Николая Николаевича.

После тяжелых поражений и «великого отступления» из Польши и Галиции вопрос о верховном командовании снова всплыл на поверхность, и царь объявил о своем непреклонном решении сосредоточить в своих руках командование армией. Эта процедура не обошлась, однако, без серьезных возражений со стороны «обновленного» кабинета. Почти все члены Совета министров, за исключением Горемыкина, пытались отговорить монарха от его намерения. 20 августа 1915 года в Царском Селе под председательством Николая II состоялось заседание Совета министров, на котором царь объявил о принятом им решении. Никакие доводы членов кабинета — а они выступили практически все, за исключением военного и морского министров да Горемыкина, поддержавшего волю монарха, — не были приняты во внимание. Николай II остался непреклонен.

Было бы ошибкой рассматривать предпринятый царем шаг как прихоть или каприз, а тем более ревность по отношению к великому князю, о чем пишут некоторые авторы, ссылаясь на «свидетельства современников». Главная забота царя заключалась в том, чтобы внести перелом

в настроение армии, изнуренной длительным, нередко беспорядочным отступлением. Требовалось как можно скорее внести успокоение в войска, восстановить порядок и дисциплину, в том числе и в высшем звене — в Ставке, придать больший вес ее директивам. К этому примешались интриги двора, камарильи, императрицы Александры Федоровны, верившей распространявшимся слухам о якобы готовившемся в Ставке заговоре с целью устранения Николая II и возведения на престол великого князя Николая Николаевича...

Решение царя, имевшее свой резон, содержало и большой элемент риска, пугавший министров: отныне все военные неудачи связывались бы с высочайшим именем и могли поколебать авторитет престола.

Как бы то ни было, решение состоялось, и на следующий день Николай II выехал в Могилёв для вступления в должность Верховного Главнокомандующего. Начальником штаба Ставки был назначен бывший начальник штаба Юго-Западного фронта, а с марта 1915 года — главнокомандующий Северо-Западным фронтом, талантливый генерал М.В. Алексеев, проявивший немалое искусство при отводе войск из «польского мешка».

Смена руководства Ставки прошла спокойно, без каких-либо недоумений, чего так опасалась императрица. Великий князь был назначен заместителем на Кавказе и главнокомандующим Кавказским фронтом. Вместе с ним к месту новой службы выехал и начальник его штаба генерал Янушкевич.

Уже в сентябре 1915 года положение на Русском фронте в основном стабилизировалось, отчасти благодаря умелому руководству Ставки и ее нового начальника штаба. Да и наступательный порыв германских и австро-венгерских войск иссяк. Силы наступавших оказались на пределе. Противнику не удалось в полной мере реализовать свои стратегические замыслы. К тому же положение на Французском фронте вновь приковывало все большее внимание германского командования. Правда, предпринятые там осенью наступательные операции союзнических войск не оттянули германских контингентов с Восточного фронта.

Летняя кампания против России закончилась. Русские были фронтально оттеснены. Однако, по признанию Людендорфа, «за всю войну как на востоке, так и на западе» немцам «ни разу не удалось довести до конечных последствий крупный стратегический прорыв»¹⁹².

Между тем, видя, по словам Сазонова, «все увеличивавшийся развал власти» и поразительную бездеятельность главы кабинета, «привыкшего относиться ко всему как к пустякам, не заслуживающим внимания», министры отважились «настойчиво требовать от Горемыкина доведения до сведения Государя всей правды и принятия быстрых мер для успокоения тревоги, охватившей страну». Первой из таких мер они считали

«призвание к власти правительства, которое пользовалось бы доверием народного представительства и могло бы осуществить необходимое сближение между собою и Государственной Думой, о котором Горемыкин так мало заботился»¹⁹³.

Вопреки возражению премьера, подавляющая часть министров решила направить монарху «коллективное обращение Совета», выражающее мнение всего правительства, а не отдельных его членов, как было до того. «Мы изверились, — поясняет Сазонов, — в пользу единоличных представлений, с которыми большинство из нас обращалось к государю и которые оставались безуспешными благодаря противодействию Горемыкина и его сообщников»¹⁹⁴. На секретных заседаниях Совета министров Сазонов, Самарин и их единомышленники ставили вопрос о передаче власти «правительству общественного доверия». Горемыкин передать такое обращение царю категорически отказывался.

21 августа на квартире Сазонова собрались все министры, кроме военного и морского, коим мундир не позволял принимать участия в подобных шагах, но которые вместе с тем выразили солидарность со своими коллегами по кабинету. Горемыкин приглашен не был. В результате этой встречи появился документ — коллективное обращение к царю, в котором его составители критиковали решение монарха о принятии на себя верховного командования и заявляли о невозможности дальнейшей совместной работы с Горемыкиным. В знак протеста они просили о совместной коллективной отставке. Обращение подписали восемь министров: П. Харитонов, А. Кривошеин, С. Сазонов, П. Барк, князь Н. Щербатов, А. Самарин, граф П. Игнатьев, князь Вс. Шаховской. Вечером следующего дня письмо с просьбой о коллективной отставке было передано Сазоновым через обер-гофмаршала графа Бенкендорфа Николаю II. Письмо произвело на царя крайне тягостное впечатление. Он был до того разгневан, что сравнил этот акт с забастовкой.

Отставка не была принята, министры получили предписание продолжать исполнение своих обязанностей. Однако судьба взбунтовавшихся была предрешена: шестеро из них в течение ближайших месяцев постепенно были смещены. Последним из подписавших получил отставку Сазонов (в начале июля 1916 г.)¹⁹⁵.

Несмотря на все политические неурядицы, военные неудачи лета 1915 года заставили царскую администрацию и оппозиционно настроенную общественность принять более энергичные меры к тому, чтобы повернуть экономику страны к удовлетворению нужд фронта. Этому содействовало, в частности, учреждение по указанию царя Особых совещаний по обороне, транспорту, топливу и продовольствию, во главе которых стояли руководители соответствующих ведомств. В них вхо-

дили также представители Думы и Государственного совета, Земского и Городского союзов, а также финансово-промышленных групп.

22 августа в Зимнем дворце под председательством Николая II состоялось открытие Особого совещания по обороне с участием всех членов правительства, представителей Государственного совета и Государственной думы.

По предложению Родзянко и с разрешения царя учреждается также Центральный военно-промышленный комитет во главе с лидером октябристов А.И. Гучковым. В комитет вошли представители предпринимателей и военных, приглашены были также и рабочие в расчете на сотрудничество классов, укрепление гражданского мира. Вслед за тем стали создаваться областные и местные ВПК в промышленных центрах и крупных городах. Всего таких комитетов было образовано 239. Основные задачи их состояли в более активном привлечении частной промышленности к удовлетворению нужд фронта и содействию подъему производства на казенных заводах.

Особые совещания по обороне, как и военно-промышленные комитеты, вызванные к жизни обстановкой войны, становились своеобразными органами мобилизации и регулирования. Благодаря их деятельности десятки и сотни средних и мелких частных предприятий в спешном порядке приспособлялись к производству военной продукции, помогая преодолеть кризис вооружений. Так, хлопчатобумажные фабрики Саввы Морозова в Никольске и Иваново-Вознесенске стали заниматься обточкой снарядов и изготовлением ручных гранат. Сормовский машиностроительный завод налаживал производство орудий, Коломенский и Брянский металлургические заводы — выпуск снарядов. Строились новые оружейные, пороховой и патронный заводы. Заново налаживалось производство траншейной артиллерии, бомбометов и минометов¹⁹⁶.

В конце 1915 года Главное артиллерийское управление разработало Чрезвычайную программу строительства 37 новых военных заводов, часть из них должна была вступить в строй в 1916 году¹⁹⁷. И хотя выполнить эту программу в полном объеме не удалось, она способствовала значительному росту военного производства. Так Россия ценой огромных усилий преодолевала подкосивший ее кризис в снабжении армии винтовками, пулеметами, орудиями и боеприпасами. По данным военного ведомства, с января 1915 по январь 1916 года производство винтовок в России выросло в 3 раза, орудий — в 4–8 раз, боеприпасов различных видов — от 2,5 до 5 раз¹⁹⁸.

В результате перспективы на предстоящий год становились более обнадеживающими. К началу 1916 года антантовская коалиция значительно превосходила блок центральных держав не только в живой силе, но и в материально-технических, боевых средствах. Несмотря на поте-

ри, Россия в 1915 году увеличила численность своей армии на 1,4 млн человек, Франция — на 1,1 млн, Англия — на 1,2 млн. В начале 1916 года Антанта имела 365, а страны центрального блока — 286 дивизий. Общая численность войск противоборствующих группировок составляла соответственно 18 млн и 9 млн человек¹⁹⁹.

Наметившийся перелом в мобилизации сил и средств страны укреплял решимость царского правительства довести вооруженную схватку с неприятелем до победного конца.

Глава XIII. Мировая война: политика России в 1916-м — феврале 1917 года

1. Межпартийная борьба по вопросам внешней политики в преддверии весенне-летней кампании 1916 года

В январе 1916 года царь наконец решил заменить престарелого премьера Горемыкина на Б.В. Штюрмера, Либеральная общественность вначале была склонна усмотреть в этой смене намерение «сфер» пойти на примирение с прогрессивным блоком, и кое-кто высказывался даже о возможности «нового курса»¹. У председателя Государственной думы октябриста М.В. Родзянко, имевшего встречу со Штюрмером вскоре после царского указа о назначении, создалось впечатление о готовности нового премьера идти навстречу пожеланиям народного представительства и достигнуть соглашения с ним². Однако оптимистические прогнозы не оправдались. Правда, в первой же беседе нового премьера с анонимными «представителями прессы» подчеркивалось, что основную задачу он видит «в достижении во что бы то ни стало победоносного конца не нами начатой войны» и что эта «навязанная» стране война должна быть выиграна «какой угодно ценой». Особый акцент при этом делался на верности России союзническим обязательствам и стремлении царского правительства обеспечить России «достойный мир». Предложения сепаратного мира, даже «самые заманчивые и выгодные», признавались неприемлемыми: «Великая страна и великий народ могут заключить мир лишь в полной солидарности с их великодержавными союзниками»³.

Во имя достижения победы и осуществления внешнеполитических целей Штюрмер, как и его предшественник, призывал к сохранению гражданского мира, понимаемого как полное повиновение воле монарха и его правительства, отказ от каких-либо оппозиционных и революционных выступлений. Со своей стороны, он обещал несколько «скорректировать» внутреннюю политику, «избегать крайностей» и выражал надежду «найти общий язык с законодательными учреждениями».

Новый премьер высказался также в пользу сотрудничества правительства с общественными организациями и учреждениями, признавая на словах плодотворность их деятельности «не только в жизни местной, но и общегосударственной». Разумеется, такие заявления свидетельст-

вовали лишь о заигрывании с либералами. В той же беседе Штюмер категорически заявил, что теперь «не время для разрешения многогранных и сложных проблем мирного уклада государственной жизни России». Вниманию законодательных учреждений будет предложено лишь то, «что в той или иной мере связано с достижением нашей главной цели — с организацией победы». То есть никаких серьезных преобразований; по-прежнему отвергалась даже та скромная программа, с которой выступил прогрессивный блок.

Правомонархические круги, как говорят, с ходу поддержали «программу Штюмера», обеспечив ей хвалебную прессу. В органах правой печати («Земщина», «Голос Руси», «Русское знамя», «Новое время», «Петроградские ведомости» и др.) прежде всего подчеркивалась неизменность общего политического курса, повторялись слова о доведении войны до победного конца в полной солидарности с союзниками.

Печать либерального направления встретила «вступительное слово» Штюмера, как и само назначение, скептическими комментариями, хотя и она поддерживала лозунг войны до победного конца.

Спустя три недели после своего назначения, 9 февраля, Штюмер выступил с изложением программы нового кабинета перед членами Думы и Государственного совета. В монотонно зачитанной им декларации, как и в интервью представителям прессы, снова подчеркивалась решимость царской администрации во что бы то ни стало продолжать войну до полной победы. Вся практическая деятельность правительства, все его дела и помыслы, гласила декларация, будут подчинены решению этой главной и основной задачи, начертанной монаршей волей. Премьер снова призывал к поддержанию «внутреннего мира». Он апеллировал к «здоровому патриотизму» Государственной думы и населения страны, выражал надежду, что «народное представительство» присоединится к правительственной точке зрения⁴.

Выступлению Штюмера перед Думой и Госсоветом предшествовало посещение их Николаем II. Этому визиту придавалось большое политическое значение. Надеялись, что он повысит авторитет царского правительства, резко пошатнувшийся при Горемыкине, и возродит гражданский мир и патриотический порыв, характерный для первых недель и месяцев войны. По прибытии в Таврический дворец царь был встречен председателем Думы, который провел его в Екатерининский зал, где он присутствовал на благодарственном молебне по случаю взятия русскими Эрзерума. Обратившись затем к депутатам, Николай II выразил им «радость», которую он испытывает, находясь среди них, и свое безусловное убеждение, что в переживаемые страной трагические минуты они «соединят все свои усилия и будут работать в полном согласии на благо родины»⁵. Депутаты встретили эти слова бурной овацией, после

чего царь быстро покинул учреждение, к которому не питал ни малейших симпатий.

Открывая затем заседание Думы, Родзянко с пафосом вещал: «Великое и необходимое благо для Русского царства, непосредственное единение царя с его народом, отныне закреплено еще могучее и сильнее, и радостная весть эта наполнит счастьем сердца всех русских людей во всех уголках земли русской и одушевит новым приливом мужества наших славных и доблестных бойцов — защитников родины»⁶.

С правительственной декларацией, как уже отмечалось, перед депутатами выступил Штюрмер. Первоочередными задачами он назвал решение продовольственной проблемы и борьбу с ростом дороговизны. Фигурировал также призыв к активизации борьбы с немецким засильем. «Организация продовольствия, — зачитывал горе-оратор, — и борьба с дороговизной должны обеспечить нам пути к победе. Борьба с немецким засильем должна обеспечить нам плоды этой победы». Затронул Штюрмер и польский вопрос, утверждая, что после победы для Польши, по воле царя, «открывается новая жизнь, обеспечивающая за польским народом свободное развитие ее духовных даров и культурных и экономических стремлений».

Декларация многократно варьировала идею сплочения вокруг престола, необходимости положить конец партийным распрям и помнить лишь о внешней опасности. Свою речь Штюрмер закончил стандартным лозунгом о войне до победного конца. Он напомнил новогодний царский приказ по армии и флоту, в котором подчеркивалось, что без решительной победы над врагом Россия не сможет обеспечить себе счастливой и самостоятельной жизни, а потому должна идти на любые жертвы⁷.

Положение на фронтах, состояние вооруженных сил, их материальное обеспечение были в довольно оптимистических тонах обрисованы в выступлениях военного и морского министров А.А. Поливанова и И.К. Григоровича. Военный министр с особой радостью говорил о «блестящей победе» кавказской армии под командованием великого князя Николая Николаевича (взятии ею после пятидневных боев 3 февраля 1916 г. турецкой крепости Эрзерум).

Уверенность в победе вселяло в министра то обстоятельство, что и союзники продолжали наращивать численность и мощь своих армий, доводя их «до небывалого развития».

Поливанов отметил значительные успехи в развитии русской военной промышленности. Количество предприятий, работающих на нужды фронта, возросло в 3,5 раза по сравнению с тем, что имелось перед началом войны, «и это не считая многочисленных предприятий, работающих по заказам Всероссийских Земского и Городского союзов». Производство же основных видов военной продукции — «главнейших, необходимых средств обороны» — возросло от 2 до 5,5 раза⁸.

Действительная картина была, правда, не столь радужной. Русская армия все еще испытывала нехватку вооружения, в особенности тяжелой артиллерии. Но все же сдвиги в обеспечении войск оружием и боеприпасами, в преодолении винтовочного и патронного кризиса были значительны.

Оптимизмом отличалась и речь морского министра, считавшего своим долгом засвидетельствовать, что русский флот в тесном сотрудничестве с союзными флотами с честью выполняет возложенные на него задачи, что он «обеспечен всеми необходимыми боевыми припасами, материалами, предметами вооружения и топливом» и находится «в полной боевой готовности»⁹.

С программной речью о внешней политике страны и ее задачах выступил «с высочайшего одобрения» С.Д. Сазонов. Глава внешнеполитического ведомства, как и предыдущие ораторы, подчеркнул стремление правительства довести войну до успешного завершения, до полной победы, дающей возможность реализовать все намеченные цели.

В столь же категорической форме, как и глава кабинета, Сазонов отверг идею сепаратного мира с Германией. Россия, Франция и Англия, сказал он, еще в самом начале войны заявили, что в этом вопросе они неотделимы друг от друга, в подтверждение чего подписали памятное соглашение от 23 августа (5 сентября) 1914 года. Позже к этому соглашению присоединились Япония и Италия. Договор, устанавливающий твердое намерение всех пяти держав сообща заключить мир, подписан в Лондоне 17(30) ноября 1915 года.

Победоносное завершение войны Сазонов связывал с необходимостью искоренения пруссачества «с его беспощадным эгоизмом и хищническими инстинктами». В противном случае жертвы, принесенные союзниками в этой ужасающей борьбе, окажутся напрасными.

В речи Сазонова выдвигался и другой аргумент в пользу нанесения противнику решительного поражения. Министр предостерегал против планов экономического и политического порабощения Германией Турции. Реализация этих планов могла бы привести к созданию огромной германо-турецкой империи, простирающейся от устьев Шельды до Персидского залива. Напоминая собой «что-то вроде нового калифата», она должна была, по замыслам пангерманистов, «нанести смертельный удар историческому бытию России и Великобритании». Но этой бредовой фантазии, успокаивал министр, не суждено осуществиться.

В радужных тонах обрисовал министр взаимоотношения союзников. Залог успеха виделся ему прежде всего в их тесном сотрудничестве в военной и дипломатической областях. Важное значение имело также финансовое и экономическое сотрудничество. Подчеркнув первостепенное значение франко-русского союза, Сазонов высоко оценил и англо-рус-

ские отношения, в которых произошли заметные изменения к лучшему. Он выразил надежду, что сотрудничество между Россией и Англией ускорит происшедший в их отношениях «исторический поворот» и положит прочное основание для дальнейшего развития добрых отношений между двумя странами. Приветствовал Сазонов прогресс и в отношениях России с Италией. Указав на установившееся между ними «братство по оружию», он находил вполне естественным их постепенное политическое и экономическое сближение.

В данный момент, заключал Сазонов, сотрудничество держав Соглашения вступает в новый этап. Не довольствуясь выработкой совместных решений на совещаниях в Париже и Лондоне по военным и политическим вопросам, они условились «приступить к совместному обсуждению тех мероприятий, которые должны сплотить их также на почве экономической». Он поддержал выдвинутую французским правительством идею созыва экономической конференции союзников, которая состоится в Париже в июне 1916 года.

В числе первоочередных задач русской внешней политики Сазоновым были названы: разрешение польского вопроса, вопроса о Константинополе и проливах, проблем Балкан и Ближнего Востока. Говоря о будущем польских земель, министр заявил, что объединение раздробленной Польши остается и впредь неизменной целью русской политики.

Значительное внимание в выступлении министра иностранных дел было уделено отношениям с «невоюющими», нейтральными государствами, прежде всего со странами Северной Европы, и в первую очередь со Швецией, имевшей важное стратегическое значение для обеих воюющих группировок. Россия, подчеркнул Сазонов, не ищет никаких территориальных приращений за счет своих северных соседей. Скандинавский полуостров ее ничем не прельщает. Империя мог бы интересовать какой-либо незамерзающий порт. Но таковым она располагает — это Мурманск. Не к берегам Скандинавии исторически тяготеет Российское государство. Выход к свободному морю, многозначительно произнес министр, оно должно получить в совершенно ином направлении.

Подтверждалось намерение царского правительства придерживаться согласованной с англичанами политики на Среднем Востоке, и в частности в Персии, — политики, направленной против «грубого нарушения» вражескими государствами персидского нейтралитета. На дальневосточном театре внешней политики на первом плане стояли отношения с Японией, которые, по оценке Сазонова, развивались благоприятно. Шла подготовка к заключению союзного договора, заложившего бы базу послевоенного сотрудничества двух стран.

Сазонов выдвигал задачу преодолеть «политическое и экономическое засилье Германии в Китае», что, по его словам, было «постоянной

угрозой миру на Дальнем Востоке». Вместе с тем он объявил себя приверженцем принципа «невмешательства во внутренние дела других государств» и сторонником «прежних добрососедских отношений» с Китаем.

Сазоновская внешнеполитическая программа предусматривала, наконец, расширение торгово-экономических связей с Соединенными Штатами, экономическое сближение с Америкой при существующих «дружественных политических отношениях»¹⁰.

С решительной поддержкой внешнеполитической платформы Штюмера, как и всей его «программы», выступили правые члены V Думы и Государственного совета. Уже в день открытия думских прений (10 февраля) ультраконсерваторы поспешили продемонстрировать, что они являются самыми яркими приверженцами политики «императорского правительства» и даже готовы к новым захватам¹¹.

Не уступали в «патриотическом рвении» и представители прогрессивного блока. Признавая на словах необходимость дружной совместной работы во имя достижения победы, обе стороны — и правительственный лагерь, и оппозиционный блок — не переставали обвинять друг друга в подрыве национального согласия.

Как и на предыдущей сессии, разгорелась острая перепалка по вопросу о том, почему Россия встретила войну недостаточно подготовленной. Либералы обвиняли правительство и стоявшие за ним круги, крайне правые — либералов, прежде всего кадетов.

Правые обрушились с резкими нападками на программу прогрессивного блока. Особенно опасным представлялось приверженцам самодержавия требование создания «министерства доверия» и совершенно недопустимой и даже преступной — претензия на формирование «ответственного министерства». И то и другое клеймилось как ведущее к подрыву обороноспособности государства, как посягательство на прерогативы верховной власти, означающее в столь трудное для страны время не что иное, как преступление¹².

В свою очередь, лидеры оппозиции всю вину за нарушение внутреннего мира и разжигание «междоусобной войны» возлагали на правое крыло правительственного лагеря.

У правых призывы к сохранению внутреннего мира перемежались с обвинениями своих политических противников в «измене», и другая сторона платила им аналогичной монетой. Однако, обмениваясь взаимными упреками и обвинениями, демонстрируя подчас видимость острейшей борьбы по вопросам внутренней политики, либералы и правый фланг правительственного лагеря стояли в основном на одинаковых позициях в области внешней политики, поддерживали правительственный курс в надежде общими усилиями довести войну до победного завершения.

Встреча кабинета с Думой показала, что длительный кризис русской внутренней жизни не устранен и не ослаблен.

10 февраля с развернутой критикой правительственного заявления выступил идейный вдохновитель прогрессивного блока, лидер кадетов П.Н. Милюков. Непременным условием победы в этой грозной войне, подчеркивал Милюков, является полное единение всех политических партий, общественных организаций и всех слоев населения. Однако между этим политическим императивом и «грустной действительностью» — огромное «роковое несоответствие». Самое же тревожное в том, что правительство продолжает не понимать этого несоответствия или делает вид, что не замечает его. Во всяком случае, непонимание явно сказалось в оглашенной Штюмером правительственной декларации, в которой «скудно, неполно и бледно» отразились неотложные задачи и нужды момента, по поводу коих большинство Думы заявило, что «время не ждет».

Осудив внутривластную программу Штюмера, Милюков коснулся и внешней политики. Он сосредоточил главное внимание на польской проблеме. Его не удовлетворили ни заявление Штюмера по данному вопросу, ни высказывания Сазонова.

Милюков предостерегал, что одних обещаний недостаточно. Кадеты еще в январе 1915 года указывали на необходимость немедленной реализации данных обещаний. Тогда Царство Польское еще не было захвачено вражескими войсками. Теперь же момент для этого был упущен. Выразив надежду на возвращение русских войск в пределы Польского края, Милюков предложил без промедления приступить к разработке практических мер, «чтобы, вернувшись в Польшу, и мы и поляки застали в корне новое положение»¹³.

Резкой критике подверглась правительственная декларация со стороны фракции прогрессистов, от имени которой выступал ее лидер И.Н. Ефремов. Только ответственное перед Думой правительство, настаивали прогрессисты, способно дать стране безусловную уверенность, что преждевременный мир не будет заключен вопреки воле народа¹⁴.

В.И. Дзюбинский от имени трудовой группы Думы зачитал сугубо оборонческую декларацию, в которой содержались два основных тезиса: необходимость создания ответственного министерства и продолжения войны до победного конца. Во внутренней политике платформа трудовиков выглядела прокадетской, а во внешней политике они выступали за достижение мира, «отвечающего идеалам демократии», — мира без аннексий, с предоставлением населению спорных территорий права на самоопределение и создание собственной государственности. Трудовики осуждали правительство за проволочки в решении польского вопроса¹⁵. Пообещав полякам еще год назад автономию, оно практически

упустило момент, предоставив неприятелю возможность реализовать это обещание за чужой счет во вред интересам держав Согласия, и прежде всего самой России.

Платформу меньшевистской фракции огласил в Думе Н.С. Чхеидзе. Осудив империалистический характер войны и проводимую правящими кругами великих держав аннексионистскую политику, являющуюся «решительным препятствием» на пути к достижению мира, Чхеидзе ограничился стандартными социал-пацифистскими фразами. «Война, начатая правительствами, вопреки воле народа, — гласила декларация меньшевиков, — должна быть ликвидирована самими народами. Только при этом условии будет обеспечен прочный устойчивый мир: мир без аннексий и контрибуций, на основах свободного самоопределения народов, всеобщего разоружения, передачи внешней политики в ведение народного представительства и установления авторитетного общеобязательного международного третейского суда»¹⁶.

Итак, подновленный в начале 1916 года кабинет целиком воспринял прежний курс как во внешней политике, так и во внутренней. Он ставил перед собой задачу дальнейшей активизации военных усилий, доведения войны до победного конца, реализации намеченных совместно с союзниками целей. Признавалась необходимость достижения большей согласованности действий союзников как в военной, так и в дипломатической областях.

Не претерпело изменений по сравнению с предшествующим периодом и отношение к войне политических партий. И крайне правые консервативные круги, и буржуазно-помещичья оппозиция высказались в поддержку курса на продолжение войны до решительной победы. В то же время приобретали все большую остроту разногласия между правительственным лагерем и оппозицией по вопросам внутренней политики: какой должна быть эта политика, чтобы способствовать максимальной мобилизации возможностей страны для победы и предотвращению революционного взрыва. Отвергая «лисью тактику» Штюмерера, либералы претендовали на «справедливый» дележ власти. Острая полемика вокруг правительственной декларации, разгоревшаяся в Думе, а также в прессе, наглядно свидетельствовала о дальнейшей дестабилизации внутреннего положения.

Умеренные социалисты — партии меньшевиков и эсеров и их представители в Государственной думе («трудовики» и фракция Чхеидзе) стояли на оборонческих позициях, хотя и отвергали захватнические устремления правящих кругов противоборствующих империалистических блоков. Осуждая соглашательство либералов с крайними консерваторами, они в то же время шли за лидерами буржуазно-помещичьей оппозиции в расчете на то, что последние возглавят борьбу демократи-

ческих сил против самодержавия. Революционно-пораженческая линия большевиков обрекала их на преследования со стороны царских властей, загоняла в глубокое подполье и значительно ослабляла их влияние в массах. Позже, осмысливая опыт 1914–1917 годов, А.Д. Троцкий признавал, что ленинская идея революционного пораженчества вооружила большевистскую партию иммунитетом против лозунгов буржуазного патриотизма. Но вопреки широко распространенному мнению, «она не могла овладеть массами, которые были против иностранного завоевателя»¹⁷.

Обсуждение правительственной платформы сопровождалось острой дискуссией по различным аспектам внешней политики. Первыми с критическими замечаниями в адрес дипломатического ведомства выступили октябристы, в частности, представитель фракции земцев-октябристов Е.П. Ковалевский. Он позволил себе довольно скептически отнестись к картине, нарисованной министром иностранных дел. Оратор указал на ряд «серьезных промахов», допущенных русской дипломатией и военными представителями за рубежом.

Один из упреков в адрес дипломатов и военных атташе сводился к тому, что ни в мирное, ни в военное время они не смогли парализовать влияние Германии в нейтральных странах. Особое беспокойство внушали октябристам «миротворческие» акции Германии, ее интриги вокруг сепаратного мира.

Еще в канун нового, 1916 года имперский канцлер фон Бетман-Гольвег, выступая в рейхстаге» дал понять, что «после успешного отражения неприятеля» Германия готова заключить мир, дабы «сократить бедствия европейских народов». Несколько позже он в беседе с американским журналистом уточнил условия, на которых могли бы начаться мирные переговоры. Канцлер предлагал принять в качестве основы «карту военных действий», то есть аннексию территорий, оккупированных войсками центральных держав. Германская пресса подхватила эту идею и повела кампанию в защиту «принципов гуманизма», утверждая, что и в стане противника все отчетливее ощущается стремление к прекращению кровопролития. Октябристский оратор счел необходимым дать отповедь этому фальшивому миролюбию. Нельзя заключать договоры с Германией, настаивал Ковалевский, пока она не осознает полного крушения своих планов и намерений.

Коснувшись взаимоотношений держав Согласия, Ковалевский призывал союзников вести «честную игру». По его мнению, русская дипломатия не сумела оградить Россию от «союзного эгоизма». В первую очередь это относилось к Англии. При всем единомыслии союзников относительно общих целей борьбы, отмечал Ковалевский, Англия до сих пор «была увлечена преследованием врага на море и в колониях и роль свою

на континенте понимала довольно узко, как защиту ворот своего дома, т. е. Кале».

Небезупречно, по словам оратора, поступала и Франция, хотя у нее были извиняющие ее обстоятельства: она самоотверженно отставила свою столицу и границы. Еще более серьезной критике подверглась Италия, которая долго воздерживалась от объявления войны Германии и не использовала всех своих сил даже против Австрии. В результате Италия «упустила момент, когда могла энергично вмешаться в балканскую кампанию и сыграть там решающую роль», предотвратив переход Болгарии в стан неприятеля. Известная доля вины за эту несогласованность возлагалась и на русскую дипломатию.

Теперь, по мнению октябристов, союзные державы «подошли» к пониманию необходимости более согласованных действий не только в военно-политической и дипломатической, но и в экономической областях.

Большое значение придавали октябристы отношениям с нейтральными государствами. В этой области русская дипломатия могла и должна была проявить большую энергию. Особенно наглядно проявился этот недостаток на Балканах. Болгария оказалась во вражеском стане из-за несогласованных действий союзной дипломатии. Если бы этого не произошло, положение Антанты на Балканах могло быть совершенно иным.

Октябристы признавали необходимым активизировать деятельность русской дипломатии в Румынии, постараться привлечь ее в число союзников.

Наконец, Ковалевский высказался за немедленное учреждение при Министерстве иностранных дел особого органа, который «параллельно с выясняющимися международными отношениями и ходом войны подготовлял бы для России определенную программу требований» для будущей мирной конференции. Он считал необходимым привлечь в такой орган членов Думы и Госсовета, а также представителей других заинтересованных учреждений.

Особого внимания требовал, по мнению октябристов, польский вопрос, грозивший перейти из области внутренней политики на международную почву. Их тревожила активность австро-германской дипломатии в этом деле и пассивность русской. Парламентарии выражали надежду, что неприятельские войска будут изгнаны из пределов Польши и ее народу будет навсегда обеспечено мирное национальное развитие¹⁸.

В целом платформа октябристов в сфере иностранной политики подтверждала их солидарность с царским правительством. В то же время они требовали допустить общественные круги к выработке официальной внешнеполитической программы, к непосредственному участию в послевоенном мирном урегулировании в рамках международной конференции.

Особенно острая дискуссия по вопросам внешней политики и ведения войны развернулась после речи Милюкова в Думе 11 марта. Центральным для кадетского оратора по-прежнему оставался тезис о доведении войны до победного конца и обеспечении жизненных интересов России при заключении мира. Прежде всего внимание думской аудитории было привлечено к проблеме Черноморских проливов. «Нам нужен выход к свободному морю, — заявил Милюков. — Не для этого мы начали войну, потому что не мы ее начали. Но без этого мы ее не можем кончить». Подчеркнув затем, что высшая точка развития сил неприятеля уже достигнута, тогда как у России и ее союзников она «еще впереди», Милюков категорически отвергал возможность преждевременного мира. Не исключено, полагал он, что, предчувствуя приближение истощения, — а такой момент уже наступает — Германия умерит свои притязания и будет не прочь вернуться к довоенному статус-кво, облекая свою «уступчивость» в известную формулу «без аннексий и контрибуций». Важно в таком случае не поддаваться на эту уловку.

Решительно отметая названную «спекулятивную формулу», Милюков предупреждал парламентариев, что России может угрожать опасность с двух противоположных флангов — со стороны крайне правых и крайне левых, поскольку и те и другие являются, дескать, если не прямыми, то скрытыми пораженцами. Следовало решительно противостоять и правым, и левым, чтобы не допустить ни сепаратного, ни любого иного преждевременного мира с ничейным исходом.

Критику Милюкова вызвала неудачная деятельность союзной дипломатии на Балканах, и прежде всего потеря Болгарии¹⁹.

В том же шовинистическом духе выступали представители других фракций прогрессивного блока. Они также высказывала разочарование неэффективностью усилий союзной дипломатии в Восточной Европе, приведшей фактически к утрате Балкан и образованию сплошной линии неприятельского фронта от Северного и Балтийского морей до малоазиатских владений Турции включительно. Упоминались просчеты в отношении нейтральных стран.

Особое внимание в зачитанном от имени прогрессистов анализе деятельности ведомства Сазонова было уделено политике на Среднем и Дальнем Востоке. Наибольшее беспокойство вызывало положение в Персии, где в результате промахов русской дипломатии Германия захватила прочные торговые и политические позиции и едва не вовлекла в свою орбиту шахское правительство. Только принятие чрезвычайных мер (введение дополнительного контингента войск) помогло выправить положение. Прогрессист В.В. Милютин полагал, что улучшить там положение России можно путем ликвидации, по соглашению с Англией, нейтральной зоны²⁰.

Не довольны были прогрессисты и положением дел на Дальнем Востоке, в частности в Монголии и Китае. В МИД якобы принимали за аксиому, что Россия должна выбирать между Японией и Китаем. Между тем ей следует находиться «в хороших отношениях» с обоими соседями, не допуская распада Китая и ориентируясь на дружбу с Японией.

Прогрессисты рекомендовали также активизировать процесс сближения с Соединенными Штатами в области не только торгово-экономической, но и политической. Было высказано и пожелание установить более тесные регулярные контакты со странами Латинской Америки, что должно было «способствовать уничтожению торгового посредничества германцев». С той же целью освобождения от «посредников» признавалось целесообразным увеличить число консульских представительств в Канаде, а также в Лионе, Бергене, Венеции, Милане, Порт-Саиде и других городах.

Много внимания уделялось в заявлении прогрессистов личному составу и методам работы МИД. Они критиковали ведомство Сазонова, особенно его заграничный аппарат, за дух консерватизма и устаревшие приемы работы, за непонимание и неумение отстаивать экономические интересы России, призывали к привлечению на службу людей, более компетентных, деловых и энергичных. В немалой степени этот призыв сводился к борьбе с так называемым «немецким засильем», то есть к очищению министерства от лиц немецкого происхождения,

В заключение оратор-прогрессист призвал МИД готовиться к будущему мирному конгрессу, дабы не оказаться на нем в столь же неприглядном положении, в каком русская дипломатия оказалась на «позорном» Берлинском конгрессе 1878 года²¹.

Особенно ожесточенные нападки на ведомство иностранных дел и его руководителя последовали со стороны крайне правых. Сазонова обвиняли в том, что он слабо отстаивает интересы России и допустил ряд непростительных ошибок. В результате этих ошибок традиционно дружественная России и «созданная ею» Болгария «неожиданно» примкнула к вражеской коалиции, последовал разгром Сербии и Черногории, Греция и Румыния заняли двусмысленную позицию и союзники фактически потеряли Балканский полуостров. Коренная ошибка русской и союзной политики, по мнению правых, состояла в том, что своевременно не прибегли к силе там, где «голая дипломатия» уже не имела практического смысла.

Н.Е. Марков 2-й ратовал за более жесткий курс по отношению к малым странам и за более твердую линию по отношению к основным союзникам — Англии, Франции и Италии. Он критиковал Сазонова за то, что тот «слишком прислушивался» к общественному мнению. «Наш министр иностранных дел виноват в том, — заключал Марков 2-й, — что

слишком долго и внимательно слушал проф. Милюкова, представителя лишь одной группы общества... Вот главная основная ошибка нашего министра». «Злостной клеветой» назвал Марков версию оппозиции, будто защитники самодержавия не являются твердыми приверженцами войны до победного конца и способны при известных обстоятельствах отойти от этого курса.

Правофланговый консерватор не удержался от того, чтобы не переадресовать ярлык «измены» своим либеральным оппонентам, сославшись в качестве доказательства на то, что они всячески подрывают борьбу против немецкого засилья, предпринятую по почину правых²².

Февральско-мартовские думские «баталии», как и дуэль правой и либеральной прессы того периода, наглядно иллюстрируют обострение кризиса верхов, развивавшегося параллельно с кризисом низов в условиях возраставших тягот войны для населения.

Подтвердив в самой категорической форме свою приверженность курсу на ведение войны до победного конца, буржуазно-помещичьи партии напомнили одновременно и о ее целях. С наибольшей прямолинейностью сделали это крайне правые, конкретизируя и дополняя правительственную декларацию. Марков 2-й выдвинул 14 марта от имени фракции правых следующие требования: еще до окончания войны «точно и определенно» выговорить у союзников «полное и безусловное владение» черноморскими проливами, Константинополем, Адрианополем и соответствующими областями Галлиполи, а также солидной областью, прилегающей к Мраморному морю в Малой Азии; присоединить Галицию, Буковину и Угорскую Русь; присоединить Армению с Трапезундом и северную половину Персии; учредить совместное с союзниками владение Святой землей. При этом сторонники «твердого курса» рекомендовали правительству следовать примеру союзников, прежде всего Англии, «которые при всей необходимости отражать врага, при всей необходимости вести войну до конца тем не менее мудро и разумно берегут свои войска, дабы к моменту заключения мира не быть окончательно обесиленными». В противном случае России придется недосчитаться многого из того, на что она имеет виды. Особую заботу правых вызывала будущая судьба Константинополя и проливов. Категорически отвергнув идею нейтрализации, в том числе и «частичную нейтрализацию» (только Дарданелл), Марков заявил, что такое соглашение никоим образом не может удовлетворить Россию²³.

Во избежание возможных недоразумений в будущем при подведении итогов войны правые требовали предания соглашения о проливах огласке. Это требование было поддержано и представителями прогрессивного блока. О целях России в войне немало писалось тогда в различных органах консервативной печати. Характерны в этом отношении статьи

и заметки П.Ф. Булацеля и П.П. Мигулина. Изображая себя поборниками «правильно понятых» жизненных интересов России, оба ратовали за реализацию широкой экспансионистской программы.

И Мигулин, и Булацель считали необходимым быть особенно осмотрительными в отношениях с Англией и уже в ходе войны твердо договориться с нею относительно предстоящего дележа «добычи», четкого и строгого размежевания великодержавных интересов, дабы не оказаться потом в проигрыше. За этим следовала другая настоятельная рекомендация, нацеленная главным образом против Сазонова: разговаривать с союзниками, прежде всего с Англией, более твердым и решительным тоном, чем до сих пор²⁴.

Серьезную обеспокоенность тем, что «ничего окончательно не сделано» в части обеспечения после войны жизненных интересов России, выражали националисты — деятели Всероссийского национального союза и фракции националистов Государственной думы. Весьма характерна в этом аспекте записка И.П. Балашева, изданная с ведома военной цензуры «на правах рукописи» в виде отдельного оттиска в мае 1916 года и озаглавленная: «Важнейшие очередные задачи нашей внешней и внутренней политики»²⁵.

На первое место автор записки ставил вопрос о черноморских проливах. Без проливов «Россия будет находиться вечно в зависимости от других государств, доколе ключи не только Босфора, но и Дарданелл не попадут в ее руки».

Составитель записки советовал «твердо помнить», что «никогда западные государства не пойдут добровольно на такую сделку, а наоборот, будут всемерно стремиться по крайней мере оставить открытым вопрос о проливах». Поэтому он настойчиво рекомендовал безотлагательно заключить с Англией и Францией «крепкий письменный договор», «пока еще теперешние наши союзники в нас нуждаются и не успели стовориться с нашими врагами».

В записке И.П. Балашева подчеркивалась также настоятельная необходимость решения польского вопроса. Акт «учреждения» независимого Польского государства должен был совершиться «по замирении Европы». Не исключалась «личная уния» России и Польши. Но в любом случае она должна была образовать «самостоятельное государство», непременно нейтральное и отделенное от России таможенной чертой.

Побежденный противник должен был, по мнению Балашева, уплатить денежную контрибуцию в возмещение всех нанесенных им союзникам убытков.

Высказывалась также мысль, что лица, виновные в развязывании войны, должны быть преданы суду особого трибунала, учрежденного победителями.

Таким образом, все буржуазные и помещичьи партии России — и крайние консерваторы, и либералы — ратовали за войну до победного конца. Однако достижение победы виделось им по-разному. Правые стояли за то, чтобы правительство проводило более жесткий курс во внутренней политике, решительно подавляя революционные и оппозиционные выступления, добиваясь неукоснительного повиновения властям. Либеральные буржуазно-помещичьи круги настаивали на необходимости проведения некоторых социально-политических реформ, на смягчении реакционного режима, дабы ослабить тем самым напряжение в стране и обеспечить более эффективную работу государственного механизма, рост военного производства, активное участие населения в войне. И те и другие видели свою задачу в том, чтобы не допустить мощных антиправительственных выступлений, использовать войну для предотвращения назревания революции. Каких-либо существенных разногласий в области внешней политики между правительственным лагерем и оппозицией не отмечалось. Правда, крайне правые круги выдвигали более широкие территориальные и иные притязания, чем либеральная буржуазия, настаивали на проведении более твердой линии в отношении союзников, прежде всего Англии, стремившейся переложить основную тяжесть войны на Россию и Францию. Все партии решительно отвергли идею сепаратного мира. На оборонческих позициях стояли социалистические партии умеренного толка (трудовая группа и меньшевистская фракция Думы). На революционно-пораженческих — большевики.

Объективно к пораженчеству вели разносная критика правительства, непрекращавшиеся нападки на него со стороны оппозиции, дестабилизировавшие положение в столь напряженный момент. Они провоцировались недалеконвидной, реакционной внутренней политикой власти и ее главной социальной опорой — царской бюрократией и реакционным дворянством. Внутренняя борьба, политический разлад, невозможность достижения общенационального согласия и гражданского мира прокладывали дорогу к социальным катаклизмам.

2. Борьба за привлечение новых союзников

Война оставалась осью всей политической жизни страны, к ней было приковано самое пристальное внимание и внешнеполитического ведомства России. Важнейшей заботой русской дипломатии по-прежнему являлось вовлечение новых союзников в состав антантовской коалиции. После Болгарии центральному блоку уже не удалось привлечь кого-либо из нейтралов на свою сторону, и в этом был несомненный успех союзной, в том числе и сазоновской, дипломатии. В 1916 году союзники прилагают все более настойчивые усилия, побуждая Румынию вмешаться в боевые действия на стороне держав Согласия.

Наибольшую активность по вовлечению Румынии в антигерманскую коалицию предстояло проявить ведомству Сазонова при энергичном участии Ставки, а также при настойчивом давлении на румын со стороны Англии и Франции. В конце марта русский посланник в Бухаресте С. Поклевский-Козелл доносил Сазонову, что в последние дни между ним и военным агентом Татариновым, с одной стороны, и румынским премьером Братиану и генералом Ильеску — с другой, происходил «довольно оживленный обмен мнениями о том, при каких обстоятельствах и в какой момент румынское правительство сочтет возможным активно выступить на нашей стороне»²⁶.

В сложившейся обстановке Румыния оказалась как бы между двух огней. Помимо стран Согласия ее осаждали Германия и Австро-Венгрия, побуждая выступить на стороне центрального блока или, по крайней мере, сохранить нейтралитет. Румыния колебалась и вела торг, выясняя, какая из сторон больше заплатит за ее содействие. Собственные интересы Румынии скорее склоняли ее к Антанте. Но Бухарест пугали германские угрозы прибегнуть к силе. Предлогом к затяжке переговоров с союзниками служили ссылки на необходимость выбрать подходящий момент для выступления румынской армии. В цитированном выше донесении посланника в Бухаресте отмечалось, что выступление Румынии «может определиться лишь соответственно с ходом дел на театре войны, и в особенности на нашем (русском. — *Авт.*) фронте»²⁷. Помимо политических и территориальных притязаний румынская сторона настаивала на необходимости возможно скорой доставки ей заказанных за границей военных припасов, без которых она не могла начать войну. Что касается военной конвенции между Румынией и Россией, то ее предлагалось пока отложить и подписать «перед самым началом общего наступления всех союзников». Преждевременное же ее подписание, указывали в Бухаресте, могло стать известным неприятелю «и подвергнуть Румынию риску нападения в момент, для нее неподходящий»²⁸. Выставлялся и ряд других доводов. Только блестящие победы войск Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова летом 1916 года положили ли конец колебаниям румынского правительства. 4(17) августа между державами Согласия и Румынией были подписаны политическая и военная конвенции. 14(28) августа Румыния объявила войну Австро-Венгрии, а на следующий день ей объявили войну Германия и Турция. Спустя неделю, 19 августа (1 сентября) за ними последовала и Болгария.

Хотя реальный вклад румынской армии в боевые операции Антанты в ходе кампании 1916 года был невелик, а осенью того же года она потерпела сокрушительное поражение, вовлечение Румынии в антигерманскую коалицию представляло собой позитивный фактор для союзников, прежде всего с морально-политической точки зрения. Что каса-

ется стратегических выгод, то нельзя было не считаться с опасностью отказа ее от нейтралитета и перехода на сторону центральных держав. А это было бы несомненным проигрышем, аналогичным потере Болгарии и в политическом, и в стратегическом плане. Предвидеть же зимой и весной 1916 года происшедшее с Румынией и ее армией в ноябре-декабре того же года было трудно.

Предпринимались попытки склонить на сторону держав Согласия и Грецию. Однако в 1916 году эти попытки не привели к успеху, главным образом из-за широкого распространения в ее правящих кругах германофильских настроений.

Немалые усилия прилагала царская дипломатия по вовлечению Китая в войну на стороне держав Согласия. Первые попытки в этом направлении были сделаны еще в 1914 году, но тогда к этому весьма прохладно отнеслись Англия и явно неодобрительно Япония, опасавшаяся, что вступление Китая в войну против Германии помешает осуществлению экспансионистских замыслов Токио в отношении соседнего государства²⁹.

Тяжелое положение, в котором оказались союзники в 1915 году, побудило англичан внести в их дальневосточную дипломатию существенные коррективы, в том числе в отношении вовлечения Китая в войну. Вопрос этот стал активно обсуждаться с осени 1915 года. Инициатива в его постановке принадлежала русскому посланнику в Пекине В.Н. Крупенскому. В секретной телеграмме от 25 октября (7 ноября) 1915 года Крупенский сообщал, что, по его наблюдениям, имеется возможность убедить китайское правительство объявить войну Германии и Австро-Венгрии, хотя на этом пути встретятся немалые трудности, исходящие прежде всего от Японии. Многие китайские деятели, отмечал посланник, склоняются к такому шагу, но не решаются действовать, не будучи уверены, что подобного рода инициатива встретит с нашей стороны сочувственный прием³⁰.

Главные мотивы китайского руководства для включения в борьбу Крупенский усматривал, во-первых, в стремлении принять участие в будущей мирной конференции, на которой предстояло решить вопрос о судьбе Циндао, а во-вторых, в надежде, что, встав в ряды союзных держав, Китай тем самым «обезопасит себя от замыслов Японии». Кроме того, для китайцев, по словам посланника, представлялась заманчивой перспектива прекращения платежей по германской части боксерского вознаграждения и по германским займам, а также, возможно, и мысль «попробовать сделать брешь в экстерриториальных правах иностранцев [в Китае], лишив таковых германцев и австрийцев»³¹.

Объявление Китаем войны Германии и Австрии, убежденно настаивал посланник, было бы для союзников в высшей степени желательно

не только с моральной точки зрения, но и потому, что положило бы конец всяким германским интригам в Восточной Азии и нанесло бы смертельный удар по торговле Германии на Дальнем Востоке. Кроме того, союзники, в первую очередь Россия, получили бы возможность широко пользоваться услугами китайских арсеналов и оружейных заводов. Благоприятным представлялся Крупенскому и момент для проведения этой политико-дипломатической акции. Он отмечал, что «в настоящую минуту мы находимся с Китаем в более дружественных отношениях, чем когда бы то ни было со времен русско-японской войны»³².

Идея Крупенского привлекла и французского посланника в Пекине Конти, выразившего полную солидарность в данном вопросе с русским коллегой и обратившегося к своему правительству с аналогичным предложением³³. Менее темпераментно и не без известного скепсиса отнесся к этой идее английский посланник в Пекине Джон Джордан. «Вполне сочувственно» отнесясь к идее искоренения немцев и их влияния в Китае, он ссылаясь, однако, на различные затруднения, связанные с осуществлением замысла. Прежде всего британский представитель указал на Японию, состоявшую с Англией в давнем союзе, которая, как он предполагал, воспротивится присоединению Китая к союзным державам. Посланники России и Франции, со своей стороны, полагали, что, хотя Японии и было бы не столь приятно присоединение Китая к антигерманской коалиции, открыто возражать против этого ей едва ли возможно.

В действительности японское правительство находило то один, то другой предлог, чтобы препятствовать осуществлению вполне реалистического замысла. Временами колеблющуюся позицию занимала и китайская сторона. Интенсивность переговоров по этому вопросу то возрастала, то ослабевала, и на протяжении 1916 года они так и не увенчались успехом.

С конца 1916 года переговоры о привлечении Китая на сторону Антанты возобновились. На этот раз Япония обнаружила большую предвзятость к достижению взаимоприемлемого решения. 26 января (8 февраля) 1917 года новый министр иностранных дел Японии барон Мотоно заявил русскому послу в Токио Крупенскому, что японское правительство не станет препятствовать присоединению Китая к антигерманской коалиции. Но до вступления его в войну Япония должна заручиться обязательством союзных держав поддержать на будущей мирной конференции ее притязания на Шаньдунский полуостров и тихоокеанские острова Германии, расположенные к северу от экватора: Маршалловы, Марианские и Каролинские³⁴. Союзники дали такое обязательство. Сначала это сделали Англия и Франция, а затем и Россия³⁵. В свою очередь, японское правительство согласилось поддержать притязания Англии на германские островные владения в Тихом океане

к югу от экватора. Эта империалистическая сделка была признана Россией, Францией и Италией³⁶. Вместе с тем в Токио обещали оказать помощь Антанте в перевозке военных грузов на японских транспортных судах и выделить часть военных кораблей для несения конвойной службы на Средиземном море и в Атлантическом океане³⁷.

Изменение позиции Японии в вопросе о вовлечении Китая в войну произошло не без влияния Соединенных Штатов. Разорвав дипломатические отношения с Германией формально из-за объявления ею неограниченной подводной войны, правительство США обратилось к нейтральным странам, в том числе к Китаю, с приглашением последовать его примеру. По указанию Вильсона американский посланник в Пекине обещал китайскому правительству «существенную финансовую помощь» при условии, если оно прекратит отношения с Германией. Японское правительство поддержало предложение Вашингтона. Министр иностранных дел Японии Мотоно, советуя китайскому правительству последовать примеру США, рекомендовал ему порвать с Германией «как можно скорее»³⁸. 27 января (9 февраля) 1917 года пекинское правительство передало германскому посланнику ноту с выражением протеста против объявленной Германией неограниченной подводной войны и предупреждением, что, если это решение будет осуществляться, Китай сочтет себя вынужденным расторгнуть с Германией дипломатические отношения. С этого момента не только Россия и западные державы, но и Япония активно выступают за вовлечение Китая в войну и ликвидацию расположенных на его территории германских торговых и промышленных предприятий³⁹.

1(14) марта 1917 года правительство Юань Шикая разорвало дипломатические отношения с Германией и Австро-Венгрией. Но лишь еще через пять месяцев китайское правительство объявило войну центральным державам.

3. Поездка русской парламентской делегации в Англию, Францию, Италию. Соглашение по малоазиатскому вопросу

Одной из акций царского правительства по консолидации взаимоотношений союзников явилась поездка русской парламентской делегации в Англию, Францию и Италию, предпринятая в апреле 1916 года и продлившаяся почти два месяца⁴⁰. По свидетельству П.Н. Милюкова, являвшегося одной из центральных фигур этой миссии, идея отправки русской парламентской делегации к союзникам была связана с попытками кабинета «помириться с Думой и с посещением Думы царем», о чем упоминалось выше. Она была «подхвачена английскими кругами» Петрограда

и одобрена английским правительством, «которое в марте поспешило послать официальное приглашение на имя Родзянко»⁴¹.

Дипломатическая переписка по этому поводу вносит известные коррективы в версию Милюкова. Еще в начале января 1916 года Дж. Бьюкенен телеграфировал в Лондон, что он зондировал частным образом мнение председателя Думы на предмет поездки депутатов в Англию и тот дал ему понять, что не может сказать ничего определенного на сей счет до созыва обеих палат (Госсовета и Думы), дата которого пока не назначена⁴². В этой же телеграмме посол просил поручить ему передать официальное приглашение председателям обеих палат от имени британского правительства и одновременно уведомить их, что достигнуто соглашение о безотлагательной поездке в Англию русских журналистов. И если бы некоторые члены Думы и Государственного совета нашли возможным присоединиться к журналистам, они встретили бы радушный прием.

На встрече с представителями печати 16(29) января Сазонов заявил: «Так как всякое содействие, могущее послужить к еще более тесному сближению союзников и их взаимному ознакомлению, является желательным, то тем более желательно осуществление проекта поездки в Англию представителей наших законодательных учреждений. Народные представители получают возможность воочию убедиться в том, что сделано Англией для блага общего дела и для обеспечения победы»⁴³. Надо полагать, что Бьюкенен обращался по этому поводу к своему правительству не без ведома и согласия Сазонова, с которым встречался ежедневно. Так зародилась идея поездки.

Оценил ее и посол в Париже Извольский. Узнав из газетных и телеграфных сообщений о предполагающейся поездке членов Думы в Англию, он телеграфировал Сазонову, что в Париже тоже хотели бы видеть у себя российских парламентариев и лично он весьма приветствовал бы такой шаг.

Официальное приглашение делегации русских законодательных палат британским правительством состоялось весьма оперативно. В конце января Бьюкенен уведомлял свое начальство: председатели Думы и Государственного совета выражают правительству его величества «чувства искренней благодарности за посланное им приглашение» и просят передать, что будут рады посетить Англию в конце апреля⁴⁴.

Следует упомянуть, что еще раньше в Англию была приглашена группа видных русских журналистов. Она состояла из десяти человек с В.И. Немировичем-Данченко во главе. Делегация прибыла в Лондон 8(21) февраля. 11 февраля она была принята английским королем Георгом V. Обратившись к гостям с речью, король, в частности, заявил: «Я часто говорил, какое важное значение имеет для наших народов

взаимное понимание. Ваше посещение, без сомнения, послужит такому пониманию. Я уверен, что согласие трех наций — России, Франции и Англии — будет существовать и после войны и будет необходимым для наших общих интересов. Теперь же оно поможет нам достичь конечной цели и победить врага»⁴⁵. Часть русских журналистов получила возможность посетить английский фронт во Франции⁴⁶. Французский посол в Лондоне передал также русским журналистам приглашение главы парижского кабинета Бриана посетить французский фронт⁴⁷.

Парламентская делегация состояла из 17 членов: 11 — от Государственной думы, 6 — от Государственного совета. По своему партийному составу она была довольно пестрой: трое от Думы и один от Госсовета принадлежали к кадетской партии, двое — к центру, один — октябрист, трое называли себя националистами, двое — правых; по одному от польской и белорусско-литовской групп. Крайне правые и крайне левые представлены не были⁴⁸. Делегацию возглавлял товарищ председателя Государственной думы октябрист А.Д. Протопопов.

Делегация выехала из Петрограда 16 апреля, 17–20 апреля пробыла в Швеции, 20–21-го — в Норвегии и 22-го прибыла в Англию, где находилась в течение двух недель. После этого делегаты посетили Францию и Италию и вернулись в Россию 19 июня. По мнению Милюкова, состав делегации не вполне импонировал европейским демократиям. В союзных странах, куда она направлялась, преобладало «священное единение». Его олицетворяли либеральная буржуазия и социалисты, окрещенные их левыми оппонентами социал-патриотами. «Только левое крыло нашей делегации соприкасалось с их взглядами и могло говорить на общем языке демократии». Оно и было выдвинуто вперед на всех общественных и официальных приемах и встречах. По утверждению Милюкова, именно он и его собрат по партии Шингарев «представляли политическое лицо делегации».

С первых же часов пребывания на земле Англии делегация погрузилась в атмосферу торжественных приемов и встреч, на которых хозяева и гости демонстрировали «крепнущие узы дружбы и сотрудничества». Нас поместили, рассказывал Милюков, в отеле «Claridge», специально арендованном правительством для приема иностранных делегаций, преимущественно восточных. Затем последовала серия всевозможных приглашений, настолько многочисленных, что делегация не могла полностью удовлетворить их. Следовали приглашения на завтраки и обеды с министрами и политическими деятелями, обед в честь делегации, данный кабинетом в аристократическом Ланкастерском дворце, прием в Палате общин и, наконец, аудиенция у короля в Букингемском дворце⁴⁹. Во время аудиенции Георг V заявил, что необходимо довести борьбу до победы, «иначе... через десять лет

придется воевать снова». Король говорил о необходимости сближения между Англией и Россией, «чтобы устранить взаимные недоразумения».

В тот же вечер в Ланкастерском дворце состоялся обед, устроенный правительством, на котором присутствовал премьер Асквит и члены его кабинета. Как водится, последовал обмен тостами. «Свою речь, заранее сообщенную, — вспоминает Милюков, — Асквит сухо прочел по бумажке, дополнив тут же часть о Ближнем Востоке». От имени гостей взяли слово член Государственного совета В.И. Гурко и П.Н. Милюков. Последний продемонстрировал свое красноречие, закончив краткую речь словами: «Да, правда победит, справедливость победит и Марс будет подавлен!»

Официальная программа завершилась приемом и завтраком в помещении Палаты общин. В тот же день (27 апреля) Милюков и Гурко посетили министра вооружений Ллойд Джорджа.

Состоялся также завтрак, устроенный английским Военным министерством и Форин-офисом. Обмен мнениями касался координации военно-политических и дипломатических усилий союзников. Иногда затрагивались и вопросы послевоенного мирного урегулирования. Так, на одной из частных встреч, устроенной политическими деятелями Брайтом и Ноэлем Бакстоном, главной темой оказался армянский вопрос. И гости, и хозяева выступали за «независимость» Армении. Но англичане видели «независимую» Армению под коллективным протекторатом держав Антанты, а Милюков отстаивал создание «Великой Армении» под сюзеренитетом России.

Состоялись также беседы с отдельными министрами. Во время одной из таких встреч министр снабжения Рэнсиман интересовался положением дел в России. Если верить Милюкову, он в ответ не скрыл «опасности, грозящей династии и старому порядку».

Особое место заняла встреча Милюкова с министром иностранных дел Греем. Беседа двух знатоков международных проблем касалась широкого спектра вопросов. Прежде всего речь пошла о размежевании интересов по достижении победы. Грею представлялось бесспорным, что Франция получит Эльзас и Лотарингию, а Россия — Константинополь и проливы. У самой Англии каких-либо притязаний на Европейском континенте не было, за исключением обязательств перед Бельгией. Вопрос о германских колониях «оставляли» на усмотрение британских доминионов. Милюков затронул проблему раздела Австро-Венгрии, «без которого нельзя решить польского, сербского и румынского вопросов». При этом лидер кадетов заметил, что Сазонов считает разрушение двуединой монархии опасным, поскольку австрийские немцы могут в этом случае усилить Германию, поэтому, как полагает он, «лучше

связать Австро-Венгрию славянами». Так, во время встречи шли беседы на тему, у кого что отобрать, а кому прирезать.

Затем Милюков заговорил о польском вопросе, «как более близком России». Грей, по словам Милюкова, сразу ответил: «Это — дело России; мы, конечно, желали бы, чтобы она сама дала полякам автономию, но вмешиваться не можем». Со своей стороны, Милюков подчеркнул: «И по нашему мнению, это есть внутренний русский вопрос. Мы настаивали, чтобы правительство, не дожидаясь развития военных событий, само поставило вопрос об автономии на очередь». К этому он добавил, что Сазонов теперь согласен на кадетский проект автономии, «построенный, в общем, по образцу вашего гомруля. Но мы — против упоминания о внутренней конституции Польши в международном акте. Поляки теперь настаивают на независимости и на международном признании, но так далеко мы идти не можем»⁵⁰.

По армянскому вопросу Грей также заявил: «Это — дело России: мы должны сообразоваться с вашими желаниями». Английский министр не забывал, конечно, о собственных интересах Великобритании в Египте, арабском мире (турецких владениях) и других регионах.

Из Англии делегация отправилась в Париж, где она была встречена с еще большим радушием; сразу почувствовалась «традиционная франко-русская интимность». Отличительной чертой пребывания российских парламентариев во Франции были не официальные встречи или политические свидания, а ознакомление с положением дел на фронте. Разумеется, французское военное ведомство показало гостям не самые горячие участки. Их повезли на более спокойный фронт в Шампани. Но и там делегаты случайно попали в полосу обстрела. Никто, правда, не пострадал. Однако гости и сопровождающие «благообразно удалились», решив, что «программа исполнена до конца».

Из Парижа делегация отбыла в Италию. В Риме состоялся торжественный прием в парламенте, после чего гости наведались на итало-австрийский фронт в районе рек Изонцо и Горицы, где находился в ставке король Виктор-Эммануил. Встреча сопровождалась заявлениями о союзнической солидарности и стремлении довести борьбу до победы.

В Россию делегация возвращалась тремя группами и прибыла в Петроград перед самым окончанием летней сессии Думы. В предпоследний день ее заседаний Шингарев сделал общий доклад, выдержанный в духе «священного единения» России с союзниками. По окончании доклада была устроена бурная овация послам, присутствовавшим в дипломатической ложе. Политическим итогом почти двухмесячной поездки членов законодательных палат в Англию, Францию и Италию стала демонстрация прочности союзнических уз.

Как было условлено при заключении соглашения о проливах, английское и французское правительства приступили к обсуждению вопроса о будущей судьбе турецких владений в Азии. Переговоры начались по инициативе французского кабинета, но велись в Лондоне, с английской стороны в них участвовал дипломат, эксперт по ближневосточным делам Марк Сайкс, с французской — бывший французский генеральный консул в Бейруте Ф. Жорж-Пико. Соответственно и соглашение получило впоследствии наименование соглашения Сайкса–Пико. Оба деятеля считались знатоками проблем, которыми им пришлось заниматься. М. Сайкс являлся офицером британской армии, несколько лет состоял военным атташе в Стамбуле и в последующие годы путешествовал со специальной миссией по Анатолии, Сирии и Аравии. В Англии, в Форин-офисе, он зарекомендовал себя одним из лучших знатоков Малой Азии, изучившим ее в географическом, этнографическом и военно-политическом отношении. Такую справку получили о нем в ведомстве Сазонова. Не меньшим специалистом считался на Кэ д'Орсэ Жорж-Пико.

Поначалу Сазонов заявил, что он заранее согласен с результатами англо-французских переговоров, поскольку они будут касаться лишь Аравии и Сирии, и конкретно — образования независимого арабского государства, в чем Россия менее заинтересована, чем Франция и Англия. Переговоры, однако, вышли далеко за рамки первоначальных предположений. Во избежание возможных недоразумений правительства Франции и Англии договорились, что оба главных действующих лица в переговорах, Пико и Сайкс, отправятся в Петроград и детально ознакомят Сазонова с достигнутым соглашением⁵¹. Между Лондоном и Парижем было условлено, что окончательное решение будет принято только тогда, когда оно получит одобрение России. Сообщая об этих переговорах Бьюкенену, Грей просил его передать Сазонову, что «британское и французское правительства договорились и ясно понимают, что между кабинетами не будет заключено никакого соглашения до получения согласия российского правительства»⁵².

Для такой договоренности были серьезные основания. Проект, привезенный в Петроград Сайксом и Пико, касался не только Сирии и Киликии, но и всей Малой Азии. Рассмотрев документ, карты и комментарии к нему, Сазонов не скрыл удивления тем обстоятельством, что земли, на которые претендуют французы, «далеко внедряются клином к русско-персидской границе близ Урмийского озера». Сазонову это представлялось неприемлемым. Вот как изложен ход объяснений в поденной записи российского Министерства иностранных дел от 26 февраля (10 марта) 1916 года: во время посещения министра иностранных дел французский посол, говоря о привезенном Сайксом и Пико про-

екте разграничения в азиатских владениях Турции, заявил, что между английским и французским правительствами уже состоялось окончательное соглашение и поэтому он должен рассматриваться как утвержденный. Однако британский посол поспешил заявить, что полученные им от своего правительства инструкции «вовсе не придают означенному проекту такого характера, а, наоборот, предписывают ему лишь представить выработанное предложение на одобрение русского правительства, нисколько не вменяя ему в обязанность настаивать на принятии его целиком»⁵³.

Из бесед с Бьюкененом и Сайксом Сазонов вынес убеждение, что английское правительство не очень сочувствует слишком глубокому проникновению французов в Малую Азию, видя в них соперников и конкурентов⁵⁴.

В результате проект был скорректирован с учетом пожеланий царского правительства, после чего соглашение о разделе Азиатской Турции оформлено обменом нот между Францией и Россией 13(26) апреля, между Англией и Францией — 3(16) мая 1916 года Сазонов сумел выговорить передачу России областей Эрзерума, Трапезунда, Вана, Битлиса и части Курдистана.

4. Оформление русско-японского военно-политического союза

Немалое искусство понадобилось Сазонову для упрочения внешнеполитических позиций России на Дальнем Востоке. Приоритетным направлением здесь оставались отношения с Японией. Война с блоком центральных держав вынудила царское правительство бросить на поля сражений в Европе и в Закавказье все наличные силы, оголив до известной степени дальневосточные рубежи. И хотя отношения с Японией были сравнительно отрегулированы, последняя являлась союзницей Англии, а вскоре и сама стала участницей антигерманской коалиции, проблема безопасности дальневосточного «тыла» не снималась с повестки дня. Это побуждало царское правительство к установлению с Японией более доверительных отношений и тесного политического партнерства.

Еще до войны Сазонов, учитывая «затруднения», которые Россия встречала со стороны Англии в Персии и которые, как полагали в Петрограде, вызывались «исконным страхом англичан за безопасность их владений в Индии», предложил заключить двустороннее англо-русское соглашение, взаимно гарантирующее неприкосновенность азиатских владений двух империй. Осведомленный об этом предложении Грей отнесся к нему, по словам Бьюкенена, «сочувственно». Однако к реализации его приступить не успели. Вспыхнувшая вскоре европейская война

навела царского министра на мысль о тройственном соглашении между Россией, Англией и Японией с целью «взаимно гарантировать их владения в Азии»⁵⁵. Намекнув об этом в одной из бесед английскому послу и не встретив с его стороны возражений, Сазонов уже в первые дни войны поручил Бенкендорфу конфиденциально переговорить с Греем и выяснить его отношение к проекту соответствующей конвенции. При сложившихся политических обстоятельствах заключение такой конвенции представлялось Сазонову неотложным⁵⁶.

Министр заявил Бьюкенену, что надо использовать наступивший момент для заключения тройственного англо-русско-японского соглашения. Помимо общеполитических мотивов к этому побуждают и соображения формального порядка: Англия и Япония являются союзницами по договору, а Англия и Россия — союзницами «де-факто». Положение же России по отношению к Японии должно быть поставлено на договорную основу, сходную с положением Англии⁵⁷. Мнение Сазонова было поддержано присутствовавшим при разговоре французским послом Палеологом.

Одновременно Сазонов предложил японскому правительству заключить с Россией соглашение об охране «постоянных интересов России и Японии» на Дальнем Востоке. При этом он настаивал, чтобы вступление Японии в войну, обусловленное англо-японским союзным договором, сопровождалось официальным сообщением Японией ее целей в войне⁵⁸. Возможность достижения такого соглашения казалась тем более реальной, что уже 3(16) августа представитель японского военного министерства генерал Асахи заявил русскому военному агенту в Токио генералу Самойлову о готовности Японии оказывать России всяческое содействие в борьбе против Германии, добавив, что русское правительство может быть спокойным за свою «сибирскую границу и за порядок в Китае»⁵⁹.

Тем временем и парижский кабинет предложил японскому правительству «придать отношениям Франции и Японии большую определенность» в смысле приближения франко-японского соглашения 1907 года «к характеру англо-японского союзного договора». Попытки России и Франции поднять свои отношения с Японией на «более высокий уровень» привели к мысли о создании четверного англо-франко-русско-японского союза. Однако переговоры, происходившие по этому поводу в августе 1914 года, не привели тогда к практическому результату. Япония не спешила брать на себя конкретные обязательства, рассчитывая воспользоваться занятостью европейских держав войной для установления своей гегемонии на Дальнем Востоке. От посылки своих войск на европейские театры войны японское правительство упорно отказывалось⁶⁰.

В общем, ни тройственный англо-русско-японский союз, ни четверной с участием Франции пока не складывались. Не увенчалась успехом и новая попытка Сазонова в этом направлении, предпринятая в декабре 1914 года.

Ухудшение обстановки на Русско-Германском фронте весной и летом 1915 года могло лишь усилить заботы царского правительства об укреплении безопасности дальневосточных границ страны путем достижения прочного политического соглашения с восточным соседом. Выступая на юбилейной сессии Государственной думы в годовщину начала войны, Сазонов заявил: «Истекшие со времени Портсмутского договора 10 лет доказали, что мирное сожительство России и Японии вполне возможно и обоюдно для них выгодно. Нынешние наши фактические союзные отношения с Японией должны явиться преддверием еще более тесного единения»⁶¹. Депутаты Думы встретили это заявление бурными аплодисментами, адресованными также находившемуся в ложе дипломатического корпуса японскому послу барону Итито Мотоно. В последнее время, отметил министр, японская печать обсуждает вопрос о желательности тесного политического единения между Россией и Японией. Эта мысль встретила сочувственный отклик и в русской прессе.

Японское правительство также стало обнаруживать стремление к достижению тесного политического соглашения с Россией. Этому содействовали, в частности, некоторое «похолодание» в англо-японских отношениях, вызванное «дипломатическим успехом» Японии в Китае, и обострение японо-американских отношений из-за нарушения Японией принципа «открытых дверей» в Китае. В конце ноября 1915 года Николай II принял решение о посылке в Японию великого князя Георгия Михайловича с миссией поздравить молодого японского императора по случаю коронации и поблагодарить японское правительство за оказанную России помощь в снабжении ее вооружением и боеприпасами⁶². Таким жестом рассчитывали содействовать установлению «еще лучших отношений с недавним врагом, а ныне союзником» и более успешному ведению переговоров о поставках Японией вооружения и боеприпасов⁶³.

Сазонов не преминул воспользоваться поездкой великого князя для продвижения переговоров о союзном договоре. Русской миссии был оказан в Японии весьма торжественный прием. А 5 февраля 1916 года Мотоно вручил Сазонову памятную записку, содержащую согласие японского кабинета вступить в переговоры о заключении русско-японского союзного договора. При этом, однако, выдвигался ряд предварительных условий экономического характера.

Ссылаясь на дружественную по отношению к России политику, гарантировавшую безопасность ее дальневосточных границ, а также на финансовую помощь и поставки России оружия и боеприпасов «даже

в ущерб своей национальной безопасности», японское правительство настаивало на понижении таможенных пошлин, снятии ограничительных мер в отношении японского рыбного промысла в русских территориальных водах Дальнего Востока и уступке Японии участка КВЖД от Харбина до Чаньчуня «на подходящих условиях». Если бы все это удалось урегулировать к обоюдному удовлетворению, то «недоверие японского народа по отношению к России было бы совершенно рассеяно и... военные власти могли бы найти способ удовлетворить до некоторой степени желание России в вопросе о снабжении ее оружием». А правительство Японии, со своей стороны, «будет вполне расположено обсудить и заключить с Россией союзный договор, мысль о котором часто выдвигалась русским правительством»⁶⁴.

Требовалось преодолеть еще одно препятствие, мешавшее заключению союза. Речь шла о привлечении Китая в ряды антигерманской коалиции, чему противилась Япония. Последняя настояла на том, чтобы разделить два этих вопроса и рассматривать каждый из них самостоятельно⁶⁵.

Памятная записка от 5 февраля положила начало официальным переговорам между Японией и Россией о заключении союзного договора. Они велись параллельно в Петрограде и Токио и должны были «вписать» проектируемый русско-японский союз в систему уже существовавших военно-политических союзов этих стран с Англией и Францией. В памятной записке российского Министерства иностранных дел, переданной японскому посольству 5 марта, говорилось: «Намечая линии русско-японского союза, представляется совершенно необходимым приблизить их к политической системе, основанной на существующих договорах, и учесть группировку держав, которая должна создаться в результате теперешней войны»⁶⁶. Не отрицая этой посылки, японское правительство все же рассчитывало придать союзу по возможности более самостоятельное значение. 8 марта барону Мотоно были вручены проекты двух конвенций — открытой, предназначенной для всеобщего сведения, и секретной, в которых отразились обе эти «линии». Проекты легли в основу союзного договора, подписанного 20 июня (3 июля) 1916 года и оформленного в виде двух документов — договора, подлежащего опубликованию, и тайного соглашения. Первый предусматривал взаимное обязательство не принимать участия ни в каких соглашениях или политических комбинациях, направленных против одной из договаривающихся сторон⁶⁷. В случае, если территориальные права или особые интересы одной из договаривающихся сторон окажутся под угрозой и она будет втянута в войну, другая сторона по просьбе своей союзницы должна прийти ей на помощь и не заключать мира без предварительного соглашения с ней. Ни одна из договаривающихся сторон

не обязана оказывать вооруженную помощь другой стороне, не обеспечив себе помощи своих союзников, соответствующей серьезности угрожающего конфликта⁶⁸. Договор не допускал возможности нейтралитета одной из сторон, если бы другая сторона оказалась втянутой в конфликт. По обоюдному согласию содержание предусмотренной договором военной конвенции Япония должна была сообщить Англии, а Россия — Франции⁶⁹.

Русско-японский союзный договор, несомненно, содействовал упрочению антантовской коалиции и служил интересам ее борьбы против германского блока. Этот важный политический и дипломатический акт свидетельствовал о тщетности попыток Германии отколоть Японию от держав Согласия и вовлечь ее в альянс, нацеленный прежде всего против России. В союзной прессе не без основания подчеркивалось, что договор России с Японией является связующим звеном между франко-русским и англо-японским союзами, укрепляющим антигерманскую коалицию. Благодаря этому договору Россия приобретала большую уверенность в безопасности своих дальневосточных границ и получала возможность сосредоточить все свои наличные силы, за исключением ограниченных контингентов, на Австро-Германском и Турецком фронтах. По мнению лондонской «Таймс», новый договор устранял возможность сепаратного мира Германии с Россией и Японией⁷⁰.

Русская «патриотическая» пресса приветствовала заключение договора. Сторонники оппозиции видели в нем свидетельство поражения прогерманских сил. Несколько более сдержанными были отклики в среде крайних консерваторов. Не отвергая договора в принципе, они полагали вместе с тем, что было бы целесообразнее отложить его заключение на послевоенное время, тогда Россия по достижении победы могла бы занять более жесткую по отношению к японским запросам позицию.

Несомненно, помимо сиюминутных выгод союзный договор с Японией имел и долгосрочные перспективы. Он был направлен не только против Германии, но отчасти и против Англии, стремившейся утвердить свою гегемонию и в Дальневосточном регионе. Правящие круги Великобритании не могли не сознавать, что Япония не преминет использовать союз с Россией для расширения своего влияния в Восточной Азии, в первую очередь в Китае, в ущерб интересам английского капитала. Они старались, однако, не обнаруживать своего беспокойства по этому поводу. Английская пресса акцентировала внимание на том, что договор будет содействовать успешному решению вопроса об увеличении Японией военных поставок русской армии.

Заключение русско-японского союзного договора до некоторой степени ослабляло значение Англии как «связующего звена» между франко-русским и англо-японским союзами; зато между ними устанав-

ливалась не «опосредствованная» (через Англию), а прямая связь. Россия и Япония меньше нуждались теперь при решении дальневосточных проблем в английском посредничестве. Ослаблялась антирусская направленность англо-японского союза. Большую предупредительность престоило проявлять Англии и к дальневосточной союзнице.

Русско-японский союзный договор не вполне соответствовал и интересам Соединенных Штатов. Еще до его заключения в американской прессе отмечалось, что, укрепляя свои политические отношения с Россией, Япония намеревается занять более жесткую позицию в отношении США. Стараясь успокоить Соединенные Штаты, Сазонов в интервью корреспонденту «Ассошиэйтед Пресс» утверждал, что заключенный Россией союзный договор с Японией «не знаменует начала политического курса, опасного для прав и интересов Америки»⁷¹. На официальный запрос госдепартамента относительно русско-японского соглашения правительства России и Японии заверили вашингтонскую администрацию, что подписанный ими договор не посягает на принцип «открытых дверей» в Китае⁷².

Правительства Франции и Италии приветствовали русско-японское «политическое единение» и считали, что оно пойдет на пользу всем союзникам. Франко-итальянская пресса преподносила этот акт прежде всего как «лучшее доказательство» непреклонной решимости России довести войну до победного конца⁷³. Встречались, однако, и такие оценки, в которых сквозило опасение. Один из итальянских политических обозревателей писал даже, что создание этого исторического новообразования «должно перевернуть вверх дном иерархию великих мировых держав», следствием чего явится преобладание в мире «нарастающего японо-русского блока»⁷⁴.

Все же наибольшие выгоды русско-японский союзный договор предоставлял Стране восходящего солнца. Японский министр иностранных дел К. Исии писал впоследствии: «...В этом соглашении была заинтересована прежде всего Япония».

5. Русско-американское сближение в предфевральский период

Тенденция к экономическому сближению России и США отчетливо обозначилась к началу второго года войны и даже несколько раньше. Инициатива исходила прежде всего от делового мира. Вскоре она получила поддержку и со стороны правительства, хотя последнее проявляло в этом вопросе определенную сдержанность. Николай II сторонился «демократии бизнеса», а та остерегалась «компрометировать» себя связью с консервативным режимом, хотя препятствия отступали на второй план перед соображениями практического порядка.

Острая нужда в вооружении и кредитах, нарушение традиционных торговых связей с европейскими государствами побуждали правящие круги России повернуться в сторону тяготевшей к союзникам империи доллара. К тому же американский капитал и сам настойчиво пробивал себе дорогу к русским рынкам.

Соединенные Штаты с каждым днем богатели на войне. Их промышленность, получавшая огромные военные заказы, бурно развивалась, создавая все большие капитальные накопления. Широкий сбыт получила и продукция сельского хозяйства в охваченные военным пожаром страны. Американские банкиры и бизнесмены становились перспективными партнерами, с которыми русская торгово-промышленная буржуазия была не прочь «водить дружбу». Еще в мае 1913 года с высочайшего позволения императора в Москве была учреждена Русско-американская торговая палата (РАТП)⁷⁵, ставившая своей целью содействовать притоку американских капиталов в Россию и развитию русско-американских их торговых отношений. С января 1915 года РАТП начала издавать свой печатный ежемесячный орган «Вестник Русско-американской торговой палаты», в котором из номера в номер настойчиво пропагандировалась идея взаимного экономического сближения⁷⁶. В передовой статье первого номера «Вестника» прямо подчеркивалось, что представляемая им организация видит перед собой две основные задачи: освобождение русско-американской торговли от посреднических услуг третьих стран и привлечение американского капитала к развитию производительных сил России.

Необходимость решения первой задачи объяснялась в статье тем, что «посреднические услуги» сильно удорожают продукты обмена и мешают непосредственным сношениям производителей и покупателей. Важность второй задачи обосновывалась необходимостью широкого прилива иностранных капиталов, без которых «совершенно немислимы... дальнейший экономический рост страны и расцвет таившихся в ней великих возможностей». Раскрывая этот тезис и соблазняя своих будущих контрагентов блестящими перспективами, издатели и кураторы «Вестника» писали: «До сих пор в Россию широкой струей вливались главным образом французский, бельгийский и германский капиталы, отчасти и английский. После войны обстоятельства коренным образом изменятся, спрос на иностранные капиталы сильно возрастет, французский и английский капиталы будут в значительной мере отвлечены нуждами собственных стран, и для американского капитала откроется широкое поле деятельности в России»⁷⁷. Такие же мысли развивал в своей статье товарищ председателя РАТИ, член Государственного совета профессор И.Х. Озеров, советовавший американским бизнесменам не упускать удобного момента, пока другие заняты войной, и смелее внедряться в русскую экономику.

Подобные материалы помещались из номера в номер. Особый упор делался при этом на «аполитичности» американского капитала в России. Внушалось, будто заокеанские бизнесмены не ставят перед собой каких-либо политических целей, а руководствуются сугубо экономическими выгодами. Об этом, например, писали агент российского Министерства торговли и промышленности в Вашингтоне К.Ю. Медзыховский, а также представитель Центрального военно-промышленного комитета в США профессор Б.А. Бахметьев. В донесении председателю ЦВПК А.И. Гучкову от 18 декабря 1915 года последний отмечал: «Из всех иностранных капиталов американский — единственный, который не ищет и никогда не будет искать и иметь политических интересов в России»⁷⁸. Эта точка зрения получила широкое распространение как в торгово-промышленных кругах, так и в правительственных сферах России⁷⁹.

Пользоваться благоприятным моментом советовал американским предпринимателям и орган Министерства финансов России «Вестник финансов, промышленности и торговли».

Сторонники русско-американского сближения из торговой палаты и других буржуазных учреждений-соблазняли американских капиталистов перспективой получения в России высоких прибылей. Товарищ председателя РАТП А.В. Бер, выступая на международной торговой конференции в Нью-Йорке (декабрь 1915 г.), уверял американских бизнесменов, что при наличии в России несметных запасов сырья, топлива, водной энергии и дешевой рабочей силы (по его мнению, в 4 раза более дешевой, чем в США) американцам, если они пожелают поместить свой капитал в какую-либо отрасль русской экономики, гарантирован «несомненный успех». Эти призывы и советы совпадали по времени с непрекращавшейся кампанией против немецкого засилья в русской экономике⁸⁰.

В том же направлении, что и Русско-американская торговая палата, развивало свою деятельность Общество сближения между Россией и Америкой, основанное в Петрограде в 1915 году и также имевшее свой печатный орган («Известия»). Общество объединяло крупных финансистов и промышленников, высокопоставленных чиновников государственного аппарата, представителей правых и либеральных партий. Во главе его стоял барон Р.Р. Розен, бывший с 1905 по 1911 год послом России в Соединенных Штатах Америки.

Непрерывный рост военных расходов, острая нужда в материальных и денежных средствах заставили царское правительство придать идее экономического сближения с Америкой характер государственной политики, перейти от молчаливого одобрения этой идеи к непосредственному претворению ее в жизнь. Еще предшественник Горемыкина на посту премьера В.Н. Коковцов командировал в США профессора И.М. Гольдштейна для изучения вопроса о развитии русско-американ-

ских торговых сношений⁸¹. 9 февраля 1916 г. Сазонов выступил на заседании Думы с пространним заявлением, в котором указал, что усилия русского правительства будут направлены на установление тесных экономических связей с Соединенными Штатами. «Замечающийся интерес американской промышленности к нашему рынку, — подчеркнул министр, — позволяет надеяться, что при существующих между Россией и Америкой дружественных политических отношениях экономическому сближению между ними предстоит широкое развитие на пользу обеих стран. К этому, во всяком случае, будут направлены усилия русского правительства»⁸². Эти мысли из выступления царского министра были подхвачены правительственной и буржуазной печатью.

Заявление Сазонова вызвало восторженный отклик и в США. Американско-русская торговая палата выразила русскому министру «глубокую благодарность за чувства, высказанные им в Думе» относительно экономического сближения двух стран. Эти чувства, говорилось в ее телеграмме, вызвали большой интерес финансовых и промышленных кругов Америки⁸³. В своем ответе Сазонов подчеркнул, что он «глубоко сочувствует» установлению между Россией и США «прочного экономического сближения»⁸⁴.

В пользу сближения с торгово-промышленными и финансовыми кругами США высказывались и другие царские министры во главе с премьер-министром Горемыкиным. Министр торговли и промышленности князь Шаховской, оказавший содействие в деле открытия Американско-русской торговой палаты в Нью-Йорке, считал деятельность палаты полезной и помогал ей «во всех ее начинаниях». За развитие торговых отношений с Америкой и сближение между двумя государствами выступал также министр финансов П.А. Барк. Поддержал палату и влиятельный министр земледелия А.Н. Наумов⁸⁵.

Много внимания выказали царские министры открытию Американско-русской торговой палаты в Нью-Йорке. Министры иностранных дел, торговли и промышленности, земледелия, финансов, военный министр генерал А.А. Поливанов, председатель Госсовета А.Г. Куломзин и другие официальные лица направили приветственные телеграммы, в которых подчеркивалось стремление к установлению прочных связей с деловыми кругами Соединенных Штатов.

Приветствие с пожеланиями всяческих успехов палате послал и сам председатель Совета министров Горемыкин⁸⁶. Столь обильный поток официальных приветствий был не лишен, разумеется, и определенного политического значения.

Следует подчеркнуть, что и само правительство Соединенных Штатов считало развитие торговых отношений с Россией делом «первостепенной важности»⁸⁷.

Что касается дипломатических и политических контактов между Россией и США в рассматриваемый период, приходится констатировать, что они не отличались особой интенсивностью. Прежде всего они касались политики на Дальнем Востоке, а также попыток «мирного посредничества» президента Вильсона. Последние вызывали недовольство держав Антанты, в том числе и России, отвергавших всякую мысль о «преждевременном мире».

6. Отставка Сазонова. Обострение борьбы между правительственным лагерем и оппозицией

7 июля 1916 года появился рескрипт об отставке министра иностранных дел Сазонова и указ о передаче его портфеля главе кабинета Штюрмеру. Эта сенсационная новость обрадовала крайне правые круги и повергла в смятение участников прогрессивного блока.

В какой-то мере судьба Сазонова была предрешена еще в августе 1915 года его активным участием в известной «забастовке министров». Тогда почти весь состав кабинета, за исключением самого премьера, военного и морского министров, выступил перед императором с настойчивой просьбой не возлагать на себя обязанности Верховного Главнокомандующего. Настояния были отвергнуты, после чего министры заявили о своей отставке, которая не была принята. С тех пор почти все «забастовщики» были постепенно устранены со своих постов. Та же участь ожидала и Сазонова. Все же весть о его увольнении прозвучала словно гром среди ясного неба.

Заволновались союзники. Что предвещает столь неожиданный поворот в разгар боевой кампании, при блестящих успехах Брусилова? В действительности царская чета давно уже обдумывала вопрос об отставке Сазонова, о возможных негативных последствиях которого она, впрочем, не отдавала себе отчета. Особенно встревожила союзников передача портфеля министра иностранных дел Штюрмеру, пользовавшемуся дурной репутацией в думских кругах.

Императрица Александра Федоровна еще в марте 1916 года писала Николаю II в Ставку о желательности найти подходящего преемника Сазонову: «...Необходимо, чтобы он уже теперь познакомился с делами и был настороже, чтобы на нас не насадила позднее Англия и чтобы мы могли быть твердыми при окончательном обсуждении вопроса о мире. Старик Горемыкин и Штюрмер всегда его не одобряли, так как он такой трус перед Европой и парламентариев а это было бы гибелью для России. Ради Бэби (наследника Алексея. — *Авт.*) мы должны быть твердыми, иначе его наследие будет ужасным»⁸⁸. Те же опасения высказывались в Царскосельском дворце в июне 1916 года.

Для отпора «английскому эгоизму» требовался, по мнению императрицы, более твердый и напористый, чем Сазонов, политик. Именно такой твердости и неукоснительного послушания самодержавной воле ожидали августейшие особы от исполнительного бюрократа Штюрмера. Штюрмер, домогавшийся портфеля министра иностранных дел, говорил Пуришкевичу, что «нужно несколько сократить аппетиты союзников, потому что они слишком много от нас требуют»⁸⁹.

Недалека от истины характеристика, данная этому политику Бьюкененом: «Обладая умом лишь второго сорта, не имея никакого опыта в государственных делах, преследуя исключительно свои личные интересы», он отличался «льстивостью и крайней амбициозностью»⁹⁰.

Имея частые аудиенции у императрицы, зная общий настрой царственных особ в отношении «проштрафившегося» министра, Штюрмер решил избавиться от него, а заодно поменять обременительный портфель министра внутренних дел, который он совмещал с постом главы кабинета, на портфель более легкого, по его мнению, внешнеполитического ведомства. Непосредственным поводом к отставке Сазонова послужили уже упоминавшиеся разногласия его с председателем Совета министров по польскому вопросу. Заручившись мощной поддержкой императрицы, Штюрмер убедил царя в необходимости отставки Сазонова. Последний находился в то время на отдыхе в Финляндии, где и узнал о своем освобождении от должности.

Отстранение Сазонова не прошло гладко, так как в дело решились вмешаться обеспокоенные союзники. Бьюкенен, узнав о предстоящей отставке Сазонова накануне от товарища министра Нератова, немедленно отправил Николаю II телеграмму с настойчивой просьбой «взвесить серьезные последствия», какие может иметь смена руководства МИД как для происходивших в то время переговоров с Румынией, так и «для более настоятельных вопросов, которые будут возникать по мере продолжения войны».

Далее посол напоминал царю о заслугах Сазонова, его вкладе в укрепление антигерманской коалиции, в дело «превращения союза, скрепленного настоящей войной, в постоянный». «Равным образом, — продолжил посол, — я не могу скрыть от вашего величества тех опасений, которые я чувствую, теряя в нем сотрудника в работе, которая нам еще предстоит»⁹¹.

Однако царь не внял этим призывам, расценив демарш Бьюкенена как нарушение дипломатического этикета и вторжение в дела, являющиеся прерогативой самого монарха.

На следующий день Бьюкенен получил от представителя английской армии при царской Ставке. Г. Вильямса уведомление о том, что его телеграмма передана императору, и он (Вильямс) надеется на успех. «К не-

счастью, — с горечью констатирует Бьюкенен, — в Ставку тем временем прибыла императрица, и судьба Сазонова была решена». 9(22) июля Бьюкенен получил телеграмму от Грея, в которой одобрялся предпринятый им «ответственный шаг». Еще более откровенно о настроениях в правительственных кругах Лондона говорилось в письме Бьюкенену заместителя Грея лорда Гардинга. «Дорогой сэр Джордж, — писал Гардинг, — Ваша частная телеграмма от сегодняшнего утра, сообщающая об отставке Сазонова, производит тяжелое впечатление. Воистину печально, что в Петрограде происходит такая серьезная перемена как раз в такой момент, когда переговоры о вступлении Румынии в войну протекают успешно и, вероятно, будут иметь благополучный исход»⁹². Дело было, разумеется, не только в переговорах с Румынией. Вызывала озабоченность вся сумма взаимоотношений по вопросам ведения войны и перспектива послевоенного мирного урегулирования. Неслучайно Гардинг раздраженно заметил: «Какую скверную роль играют всегда русские реакционеры!» Он также одобрил посылку Бьюкененом телеграммы царю, выразив надежду, что она «возымеет свое действие»⁹³.

С не меньшей озабоченностью были встречены известия о переменах в руководстве российским МИД в Париже, хотя уже 9 июля А.А. Нератов по личному указанию царя пытался успокоить французского и английского послов. В секретной телеграмме Извольскому и Бенкендорфу от 11 июля Нератов сообщал: «По высочайшему повелению я заявил в субботу, 9 июля, послам Франции и Англии, что перемена в лице министра иностранных дел не отразится на внешней политике России, которая останется неизменной»⁹⁴.

Днем позже (10 июля) уже сам Штюрмер направил телеграммы министрам иностранных дел Франции, Англии и Италии, в которых уведомлял своих новых «коллег» о том, что высочайшим повелением на него возложено руководство Министерством иностранных дел и что на этом посту он будет стремиться к укреплению союзнических уз, связывающих Россию с их странами. Подчеркнутой теплотой отличалась телеграмма главе французского дипломатического ведомства Аристиду Бриану. В несколько более сдержанных выражениях была составлена телеграмма Э. Грею. Барону Соннино достались совсем скромные выражения⁹⁵. В тот же день была разослана циркулярная телеграмма всем русским посольствам и миссиям, уведомлявшая о принятии на себя Штюрмером по высочайшему повелению полномочий министра иностранных дел. Сазонов, указывалось в этих телеграммах, был освобожден от своих обязанностей по его личной просьбе, вызванной состоянием здоровья⁹⁶.

Несколько позже состоялся обмен телеграммами между Штюрмером и японским министром иностранных дел К. Исии. Оба адресата все еще находились под свежим впечатлением от недавно заключенного со-

юзного договора. Петроградский корреспондент выражал японскому министру свое искреннее удовлетворение возможностью совместно работать в момент, когда дружественные отношения между обеими странами «окончательно скреплены только что подписанным политическим соглашением». В ответ Исии благодарил новоиспеченного дипломата за любезную телеграмму и писал о готовности сотрудничать с ним в развитии дружественных отношений и солидарности между обоими государствами, «столь неразрывно скрепленными последним соглашением».

Правящие круги западных стран не преминули выразить свои симпатии уходящему Сазонову. Бриан и Грей направили ему послания с выражением сочувствия и сожаления об оставлении им поста, на котором он столь плодотворно трудился во благо России и общесоюзнического дела. Английский король Георг V удостоил Сазонова знаком Большого креста ордена Бани, одной из высших наград Британской империи⁹⁷.

Подчеркнутое внимание Сазонову выказывала союзническая пресса. Она выражала сожаление в связи с его устранением от больших и исключительно важных для держав Согласия дел, признавая его неоспоримые заслуги перед союзниками. Сожалея об отставке Сазонова, английская и французская печать выражала убеждение, что с приходом Штюмерера к руководству дипломатическим ведомством внешняя политика России останется в прежнем русле.

С меньшим огорчением, чем в Англии и Франции, была встречена отставка Сазонова в Италии, хотя и там отдельные органы печати выражали сожаление об окончании его министерской карьеры. Отвергая официальную версию о мотивах отставки Сазонова, итальянская печать с удовлетворением констатировала, что причина заключается не в каких-либо разногласиях в верхах по вопросам внешней политики и союзнических отношений, а в характере внутривластной ситуации в России.

Несомненный интерес представляют отклики на смещение Сазонова неприятельской прессы. Преобладающим мнением германской и австро-венгерской печати было признание, что курс русской внешней политики останется, к сожалению, неизменным. Бессмысленно тешить себя иллюзией относительно пробуждения в русском обществе мирных тенденций, как и возможности сепаратного мира⁹⁸.

Яростная схватка вокруг отставки Сазонова разгорелась в эти дни на страницах русской печати. Первыми развернули наступление сторонники прогрессивного блока. Их главной мишенью оказался Штюмерер. Противоположная сторона — крайне правые — обрушилась на Сазонова. Крайняя тенденциозность проявлялась с обеих сторон.

Для ультраконсерваторов отставка Сазонова явилась отрядным фактом и была встречена ими с одобрением, в лагере же либералов она

вызывала тревогу и осуждение. Эти расхождения были усилены тем, что почти одновременно с увольнением Сазонова в составе правительства произошли и другие немаловажные изменения: А.А. Хвостов, занимавший до этого пост министра юстиции, был поставлен во главе Министерства внутренних дел, а на его место назначен известный реакционер А.А. Макаров, входивший в состав правительства в 1911–1912 годах в качестве министра внутренних дел и прославившийся своим полицейским заявлением по поводу расстрела рабочих на Ленских приисках: «Так было, так будет!» Чуть позже к компании — Штюрмер, Хвостов, Макаров — присоединился лидер правых в Государственном совете, крупнейший помещик и сахарозаводчик граф А.А. Бобринский, назначенный министром земледелия вместо ушедшего «по собственному желанию» А.Н. Наумова.

Таким образом, все важнейшие посты в царском кабинете оказались замещенными деятелями крайне правого толка»⁹⁹. Сколоченный Штюрмером почти однородный кабинет с «одинаковым пониманием» стоящих перед ним задач, на чем давно настаивали крайне правые, стал фактом и не мог не вызывать тревогу буржуазно-либеральной оппозиции. Это явилось своеобразным вызовом прогрессивному блоку и стоящим за ним силам, не перестававшим настаивать на сформировании «министерства доверия».

Такое «обновление» правительства не сулило ничего хорошего в деле нормализации внутривластной обстановки. В лагере «парламентского большинства» царил смятение. Отражая тревожные настроения, оппозиционная печать не находила переменам в правительстве ни оправдания, ни объяснения. Газета Рябушинского «Утро России» писала, что смена министра иностранных дел уже сама по себе представляет событие «высокого политического значения». Когда же уход главы дипломатического ведомства, случайно или неслучайно, совпадает с моментом назревания ответственных решений, «подобная внезапная, не оправдываемая никакими явными, всем понятными побуждениями перемена в составе правительства встречается общественностью невольной тревогой». Первейшая забота в данный момент — сохранение внутреннего мира, а не возбуждение общественного сознания. С новыми полномочиями Штюрмера и возвращением к власти Макарова приходится считаться, как с фактом «крупного политического значения». Эти перемены несвоевременны и не на пользу патриотическому настрою.

Наибольшее значение придавало «Утро России» назначению Б.В. Штюрмера¹⁰⁰. Трудно предположить, рассуждала газета, чтобы это назначение было вызвано разногласием между Штюрмером и Сазоновым по какому-либо частному вопросу, входящему в компетенцию последнего. Еще труднее понять мотивы, побудившие «практически совер-

шенно неосведомленного в вопросах международной политики председателя Совета министров» взять в свои руки исключительно важный портфель министра иностранных дел. Упрек в полной неосведомленности Штюрмера в вопросах международных отношений повторялся многими другими органами печати. Они не хотели допустить и мысли, чтобы внешнеполитический курс страны претерпел какие-либо изменения. Таким был общий настрой либеральной прессы, отражавший широкую гамму политических настроений.

В общем, все фракции прогрессивного блока, в том числе и умеренные националисты, держались в напряжении той «неопределенностью», которая скрывалась за передачей портфеля министра иностранных дел незнакомому с дипломатической службой председателю Совета министров. Всех смущала «неизвестность» курса, который намерен проводить Штюрмер, оказавшись во главе русской дипломатии. Даже после того, как было неоднократно подтверждено, что курс остается прежним, а главной задачей будет, как и прежде, доведение войны до победного конца, либеральные круги требовали «конкретизировать», реализации каких именно целей намерен добиваться новый руководитель внешнеполитического ведомства. «День», «Речь», «Утро России» и другие газеты и журналы требовали «большей ясности». Во Франции Бриан, в Англии Грей, как и Сазонов, символизируют собой определенные программы национальной и международной политики и в известной мере служат ее гарантией. Имя же гофмейстера Штюрмера в международной политике «ничего не символизирует и не гарантирует, и вполне понятно, что и русское общественное мнение, и наши союзники с нетерпением ждут его программных заявлений о его отношении к дипломатическим задачам великой войны»¹⁰¹.

Тем временем в открытое наступление перешли крайне правые. Их раздражали «безмерное восхваление» Сазонова и ядовитые выпады против Штюрмера. Усиливая нападки на Сазонова, черносотенная пресса наращивала одновременно удары по прогрессивному блоку, буржуазным общественным организациям и их лидерам. Наибольшей воинственностью отличались, как всегда, марковская «Земщина», суворинское «Новое время» и «Московские ведомости».

Еще 12 июля редактор «Земщины» С. Глинка, посвятивший злободневной теме ряд статей, признавался, что он искренне рад нездоровью ушедшего министра и «благословляет судьбу», избавившую Россию от такого бездарного исполнителя воли монарха. «Не следует радоваться чужой беде. Но расстроенному здоровью г. Сазонова позволительно порадоваться. Ведь этим путем Россия избавилась от очень плохого дипломата и крайне вредного члена Совета министров»¹⁰². Чуть позже тот же Глинка, восторгаясь «беседой» Штюрмера с представителями

прессе и противопоставляя его внешнеполитические воззрения взглядам его предшественника на дипломатическом поприще, с холопским восторгом восклицал: «Вот это совсем иная точка зрения. Тут слышится голос не рутинной дипломатии, искавшей в Европе центр тяжести интересов России... Одной этой беседы достаточно, чтобы не сожалеть об удалении г. Сазонова»¹⁰³.

«Новое время», недовольное тем, что увольнение Сазонова «было встречено русской печатью с чувством глубокого сожаления», считало более уместным «скорбеть не о том, что он ушел, а о том, что не ушел много раньше, хотя бы на другой день после своего дебюта в Потсдаме»¹⁰⁴.

Сазонова укоряли в податливости перед союзниками, в том, что он «слишком подстраивался под взгляды Европы» и в ней видел «центр тяжести интересов России». А издатель еженедельника «Российский гражданин» П.Ф. Булацель просто назвал его «приказчиком из Лондона». Оставалось лишь удивляться, как самодержец, приверженцами которого являлись правые обличители, в течение шести лет держал на столь ответственном посту такого незадачливого исполнителя его воли.

И все же главный грех Сазонова заключался, оказывается, не во внешнеполитических просчетах и упущениях, а в том, что он симпатизировал прогрессивному блоку, водил дружбу с Милюковым, Львовым, Керенским и даже... с Бьюкеноном. Сазонов, злобствовал Глинка, «плохой дипломат и потому не только ничего не видел во внешней жизни, но вредил России во внутренней политике»¹⁰⁵.

Постепенно газетные баталии вокруг отставки Сазонова и обновленного кабинета поутихли, но противостояние двух лагерей не прекратилось. Ближайшей своей задачей деятели прогрессивного блока ставили скорейшее устранение Штюрмера. Очередная атака была предпринята ими уже на осенней сессии Думы и увенчалась успехом. После знаменитой «обвинительной» речи Милюкова (1 ноября), весьма эффектной по своему психологическому заряду, хотя и малоубедительной по аргументации, Николаю II пришлось распрощаться со Штюрмером, дав ему отставку с обоих постов.

11 ноября крайне непопулярный министр получил бессрочный «отпуск». Немалую роль в его отставке сыграли союзники, и в первую очередь английская дипломатия в лице Бьюкена*. «Я приму Штюрмера через час и буду настаивать на том, чтобы он взял отпуск, — писал царь жене. — Увы! Я думаю, что ему придется совсем уйти — никто не имеет

* Посол в одном из донесений своему правительству еще в августе 1916 года писал: «Я никогда не могу надеяться на установление отношений доверия с человеком, на слово которого отнюдь нельзя положиться и единственной целью которого является преследование своих личных честолюбивых целей» (*Бьюкенин Дж. Указ. соч. С. 174*).

доверия к нему... даже Бьюкенен говорил мне в последнее наше свидание, что английские консулы в России в своих донесениях предсказывают серьезные волнения в случае, если он останется. И каждый день я слышу об этом все больше и больше. Надо с этим считаться»¹⁰⁶.

Однако, распроставшись со Штюмером, царь и на этот раз не уступил по «большому счету» — не создал ни ответственного министерства, ни министерства доверия. А.Ф. Трепову, который был назначен председателем Совета министров, царь не пошел навстречу и не позволил подбирать министров по своему усмотрению. Впрочем, и самого Трепова призвали только на время, для выполнения «грязной работы», как выразился Николай II в письме к императрице, имея в виду роспуск Думы до следующей сессии уже в новом году.

Выступая в Государственной думе 19 ноября 1916 года с одобренной царем очередной правительственной декларацией, А.Ф. Трепов заявил в присутствии послов союзных держав, что Россия не собирается складывать оружия, пока враг не будет побежден. Исход борьбы предрешен, сказал новый премьер. Какие бы ни были трудности и временные неудачи, Россия и ее союзники «поставят под ружье последнего солдата, пожертвуют всем государственным достоянием», но война будет доведена до решительного конца, «до совершенной победы, до сокрушения навек германского засилья и насилия».

Новый глава кабинета специально опроверг слухи о сепаратном мире. От имени правительства, подчеркнул он, не раз заявлялось также, что преждевременного мира, а тем более мира, заключенного отдельно от союзников, не будет никогда. Этой решимости правительства ничто не может изменить, она исходит от непреклонной воли монарха. Коснувшись основных внешнеполитических задач, председатель Совета министров сказал, что предстоит отвоевать временно захваченные неприятелем области, вернуть Царство Польское. Но этого недостаточно. Необходимо «вырвать у врагов исконные зарубежные польские земли и воссоздать свободную Польшу в этнографических ее границах и в неразрывном единении с Россией». Но особый эффект призвано было произвести сообщение о соглашении, которое «окончательно устанавливает право России на проливы и Константинополь». Русский народ, с пафосом заявил премьер, «должен знать, за что он льет свою кровь, и по состоявшемуся ныне взаимному уговору соглашение наше с союзниками оглашается с этой кафедры».

2(15) декабря дебютировал в Думе и новый министр иностранных дел Н.Н. Покровский. От имени кабинета он отклонил австрогерманское мирное предложение, с которым выступили центральные державы 29 ноября (12 декабря) 1916 года¹⁰⁷. Декадой позже, 12 декабря, был издан приказ Николая II по армии и флоту, в котором подчеркивалась

необходимость наращивания ударов по врагу и доведения войны до победного конца. Время для мирных переговоров, говорилось в приказе, «еще не наступило, враг еще не изгнан из захваченных им областей. Достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как и создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей, еще не обеспечены»¹⁰⁸.

В наступившем 1917 году царь вновь напомнил подданным о необходимости напрячь все силы для разгрома противника. В высочайшем рескрипте на имя нового председателя Совета министров князя Н.Д. Голицына он выразил твердую уверенность в том, что русский народ «в полном единении с союзниками» добьется решительной победы над врагом, не останавливаясь ни перед какими жертвами. В свою очередь, министр иностранных дел Н.Н. Покровский, сменивший Штюрмера, в телеграмме послан в союзных странах подтверждал, что внешняя политика России, «направляемая единственно державною волею государя императора», остается непоколебимой «как в общих своих основах, так и в деле тесного единения с союзниками».

Царь и его ближайшее окружение были убеждены, что новый год должен наконец увенчаться решительным успехом на полях сражений. 22 января в беседе с бывшим могилевским губернатором А.И. Пильцем Николай II делился своими мыслями: «В военном отношении мы сильнее, чем когда-либо. Скоро, весной, будет наступление, и я верю, что Бог даст нам победу, а тогда изменятся и настроения»¹⁰⁹. (Монарх имел в виду внутреннее успокоение.) Еще более оптимистичным в своих прогнозах был двоюродный дядя царя генерал-инспектор артиллерии русской армии великий князь Сергей Михайлович, уверявший, что «войска, как никогда, подготовлены к наступлению весны 1917 г. и разобьют немцев, если в тылу не будет революции, которую могут спровоцировать немцы»¹¹⁰.

В таком же ожидании пребывали представители буржуазно-помещичьей оппозиции. Видный деятель кадетской партии, член ее Центрального комитета и председатель бюджетной комиссии Думы А.И. Шингарев доверительно сообщал своему коллеге по прогрессивному блоку В.В. Шульгину: «Наше военное могущество, техническое выросло, как никогда. Наше весеннее наступление будет поддержано невиданным количеством снарядов»¹¹¹. Незадолго перед февралем и сам Шульгин, входивший в состав Особого совещания по обороне, заявлял среди своих единомышленников: «Весной, по-видимому, начнется всеобщее наступление, и есть все шансы, что оно будет удачным»¹¹². С ожидаемым успешным наступлением государственные деятели разных направлений связывали свои надежды и в области внутренней политики.

В солидном труде советских военных историков подчеркивается: «Страны Антанты, хорошо осведомленные о положении в коалиции

центральных держав, надеялись в 1917 г. одержать над ней победу»¹¹³. Надеялись и напряженно готовились к предстоящим операциям. Еще на конференции представителей союзных армий в Шантильи в ноябре 1916 года было принято решение об общем наступлении союзников весной 1917 года. Оно должно было вестись по возможности одновременно на всех фронтах, придав кампании этого года «решающий характер». Зимой 1916/17 года союзники продолжали усиленно наращивать свой военный потенциал, который и без того значительно превосходил мощь германо-австрийского блока. В январе 1917 года державы Антанты имели 425 дивизий против 331 дивизии неприятеля, то есть на 94 дивизии больше. Общая численность вооруженных сил антантовской коалиции составляла 27 млн человек, в то время как противоположный лагерь насчитывал 10 млн¹¹⁴. Располагая таким превосходством в людских и материальных ресурсах, державы Согласия имели все основания рассчитывать на победу. Опасались этого в Берлине и Вене, но упорно не желали смириться с реальностью.

В январе-феврале 1917 года состоялась очередная встреча представителей союзников. На этот раз она проходила в Петрограде, что свидетельствовало о признании правительствами западных держав важной роли России на приближавшемся заключительном этапе борьбы с германо-австрийским блоком. Инициатива проведения конференции принадлежала лондонскому кабинету, поддержанному Парижем и Римом¹¹⁵. Перед участниками конференции ставилась задача уточнить и подтвердить те решения, которые были приняты в Шантильи в ноябре истекшего года. Прежде всего в Петрограде была подтверждена выраженная ранее непоколебимая уверенность в доведении войны до победного завершения. В постановлении конференции говорилось: «Кампания 1917 г. должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения»¹¹⁶. Согласовывая вопрос о сроке операций, участники конференции договорились начать их на всех основных фронтах (французском, русском и итальянском) в течение апреля.

Из политических решений, принятых во время Петроградской союзнической конференции, следует упомянуть о заключенном, в тайне от Англии, соглашении между Францией и Россией о взаимной свободе в определении ими своих послевоенных границ с Германией.

Кстати, единственный шанс на подлинный успех кампании 1917 года английский премьер Ллойд Джордж видел в «полном и эффективном сотрудничестве с Россией»¹¹⁷. В свою очередь, министр военного снабжения Англии У. Черчилль в своих мемуарах писал, что в кампанию 1917 года Россия вступала более сильной, чем когда-либо прежде¹¹⁸. Уже

в ноябре 1916 года Россия держала на фронте 202 дивизии: 187 на Австро-германском (из них 40 кавалерийских) и 15 на Кавказском. К лету 1917 года, в результате проведения «реформы Гурко» русская армия насчитывала 288 дивизий, что значительно превышало количество дивизий остальных союзных армий, вместе взятых¹¹⁹.

Вот почему западные державы придавали столь важное значение участию русской армии в наступавшей кампании, хотя и не могли не испытывать определенного беспокойства в связи с теми неурядицами, которые наблюдались во внутренней жизни России: спадом в промышленности, неразберихой на транспорте, сбоями в продовольственном снабжении и т. д. Правда, прибывшие на Петроградскую конференцию представители союзников вынесли в целом удовлетворительное впечатление: в стране наблюдается затишье; революции в ближайшее время не ожидается; общий настрой на доведение войны до победного конца сохраняется. Предпоследний председатель Совета министров А.Ф. Трепов был убежден и говорил об этом французскому послу Палеологу: мир без победы означал бы немедленную революцию¹²⁰. Царская бюрократия и крайне правые круги, служившие главной опорой самодержавия, мечтали о «ярко благоприятном исходе войны»¹²¹, который облегчил бы задачу «внутреннего умиротворения».

Вся русская печать, свидетельствует в своих «Записках» В.В. Шульгин, требовала войны до победного конца. Всего за полторы недели до февральского «обвала» лидер прогрессивного блока П.Н. Милюков объяснял в Думе, что мир без победы, мир вничью неизбежно приведет к дальнейшей гонке вооружений «с новой мировой войной в перспективе»¹²². Того же мнения придерживались многие государственные деятели и в Англии, и во Франции.

Февральская революция в России, разразившаяся неожиданно для большинства ее современников, круто изменила ход мировой войны.

Глава XIV. От Февраля к Октябрю

Февральская революция свергла отжившее самодержавие, покончила с властью помещиков и дворянской бюрократии, раскрепостила общественные силы. Царь был низложен, большинство министров арестовано, старый государственный аппарат расшатан. Вместе с тем вновь, как и в ходе первой русской революции, возникли и получили еще большее развитие зачатки народной власти — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Обстановка в стране после Февральской революции оставалась чрезвычайно сложной. Война по-прежнему требовала кровавой дани и неимоверного напряжения сил. Под ее воздействием прогрессировала экономическая разруха, обостряя недовольство усталых, полуголодных масс. Не исключалась опасность попыток монархической реставрации. Существовала реальная угроза стихийных бунтов и роста волны преступности. Ожились не только слои, поддерживавшие законные национальные чаяния народов России, но и сторонники националистическо-сепаратистских тенденций.

Для преодоления этих трудностей требовалось сплочение политически сознательных элементов общества, способных обеспечить государственное руководство и повести за собой массы. Вырисовывалось два возможных варианта подобного объединения: на базе либерального или народно-демократического лагерей, а в организационном плане — на основе думских структур или Советов (за это выступали большевики). Победили либералы, которые давно рвались к власти и были к ней в определенной мере подготовлены, преобладавшие же в Советах умеренные социалисты — меньшевики, эсеры и др. — считали такой вариант естественным и соглашались поддержать либеральное правительство, хотя и на определенных условиях.

Во Временном правительстве первого состава, возглавленном председателем Земского союза князем Г.Е. Львовым, тон задавали кадеты и близкие к ним политические деятели. Вместе с правыми либералами — октябристами они составляли абсолютное большинство. Участие одного представителя думского центра и трудовика, затем эсера А.Ф. Керенского не меняло однородного характера этого кабинета «цензовых» слоев. Но узкий спектр представленных в правительстве политических сил не обеспечивал ему доверия широких трудящихся масс. Авторитетом в глазах последних пользовались Советы. Необходимой предпосылкой власти Временного правительства являлось поэтому соглашение с Советами. Оно действительно было достигнуто на основе обещания

правительства немедленно ввести демократические свободы и подготовить созыв Учредительного собрания. Важнейший вопрос о войне остался обойденным. Молчаливо предполагалось, что она будет продолжаться. Но во имя каких целей? Тут каждая из сторон надеялась в будущем провести свою программу.

Правительство Г.Е. Львова стояло в области внешней политики на «патриотических», а фактически на империалистических позициях. Либералы стремились представить революцию как выражение недовольства общества плохим ведением войны царским правительством. В своем кругу более дальновидные из кадетов признавали, что одной из главных причин переворота было утомление войной. Все же они надеялись, что «здоровый государственный инстинкт» народа возобладеет. Им представлялось также, что в условиях продолжения войны правительству легче будет укрепить свою власть¹, а эта задача была жизненно важной.

Временное правительство просуществовало, как известно, всего восемь месяцев. Его внешнюю политику за этот срок можно подразделить на несколько кратких периодов. Наибольшую активность оно развило на первом, «милюковском» этапе (март-апрель 1917 г.), закончившемся с падением лидера кадетов и образованием коалиционного кабинета. Следующий период был связан главным образом с надеждами на наступление на фронте и завершился провалом военной авантюры правительства и июльским политическим кризисом. Коалиционное правительство сформулировало в своей программе общие демократические принципы, которые не получили, однако, практического воплощения. На июль-август пришлось бонапартистская политика керенщины, предел которой положил неудачный корниловский путч. Советы безуспешно пытались в это время проводить и собственную политику, подталкивая воюющие правительства к заключению демократического мира. Наконец, в осенние месяцы Временное правительство, раздираемое внутренней борьбой, тщится, тем не менее, идти в ногу с союзниками в деле продолжения безнадежной и опасной для России войны.

1. Внешняя политика либерального кабинета

Пост министра иностранных дел во Временном правительстве первого состава занял признанный лидер конституционных демократов П.Н. Милюков. Его выдвижение свидетельствовало, что главная партия либерального лагеря намерена держать руководство внешней политикой в своих руках. Персональный выбор был тоже отнюдь не случаен. Милюков принадлежал к когорте «излюбленных людей» российской буржуазии. Среди думских деятелей прогрессивного блока он являлся, несомненно, крупнейшим авторитетом в международных вопросах. Милюков доказал это речами в Думе, публицистической активностью,

выступлениями во время неоднократных заграничных поездок, личным знакомством со многими русскими и иностранными дипломатами.

Кредо нового главы МИД не представляло секрета. При его деятельном участии кадеты еще до войны становились «правительственной партией» в области внешней политики. В годы мирового конфликта Милюков выступил в роли апологета захватнической политики. Он резко критиковал царское правительство за неспособность мобилизовать силы страны и обеспечить успешное ведение войны. В кабинете Г.Е. Львова Милюков сразу стал одной из ключевых фигур и энергично влиял на выработку общеполитического курса.

Проблема признания. 4 марта Временное правительство официально обратилось к союзным и нейтральным странам с просьбой о признании. В циркулярных телеграммах за границу Милюков подтверждал верность обновленной России всем ее международным обязательствам. Союзники заверялись в решимости страны бок о бок с другими державами Антанты «сражаться с общим врагом до конца, непоколебимо и неумолимо»².

Помимо союзных обязательств Временному правительству предстояло унаследовать от царского секретные договоры о переделе мира. Милюков, по его собственным словам, поддерживал «общее направление Сазонове кой политики»³. Он сознавал также, что обстановка не позволяет рассчитывать на более выгодные соглашения. Отсюда его усилия добиться от союзников подтверждения старых договоров.

Признание Временного правительства союзными державами происходило не без заминки. Их тревожило влияние революции на русскую армию, а также слухи о разногласиях либеральных и социалистических партий, в том числе по вопросу о войне и мире.

Успеху милюковской дипломатии способствовали Соединенные Штаты, принявшие на себя 9 марта инициативу юридического признания Временного правительства. После этого союзным державам пришлось поторопиться. Позже других признали новое правительство России Япония и малые союзные государства. Что касается нейтральных стран, то их положительные ответы поступили в течение марта–апреля, причем Персия опередила в признании даже Соединенные Штаты.

Сложнее оказалось получить от держав Антанты подтверждение верности условиям договоров о переделе мира. Потребовались повторные настояния русской стороны, пока Англия и Франция не выполнили это пожелание с более чем недельным опозданием по сравнению с признанием де-юре. За ними последовали Италия и Япония. Таким образом, к 20-м числам марта проблема преемственности прав и обязательств нового русского правительства была разрешена⁴. Оно подтвердило обязательства свергнутого режима и получило как бы вотум доверия и под-

держку со стороны союзных держав и находившихся накануне вступления в войну Соединенных Штатов.

В поисках новых импульсов. Намереваясь продолжать войну во имя империалистических целей, Временное правительство стремилось вместе с тем к внешнему обновлению и демократизации своей иностранной политики. Первым выигрышным моментом, который оно использовало, служила фактическая ликвидация царской монархии. Теперь значительно легче было представлять Антанту как союз демократических государств, борющихся против империй Гогенцоллернов и Габсбургов, султанской Турции и царской Болгарии. Исчезла необходимость отстаивать на международной арене специфически монархические интересы и поддерживать династические связи. Демократизация режима позволила приступить к ликвидации агентуры бывшего Департамента полиции при российских заграничных представительствах.

Временное правительство могло легче и эффективнее царизма использовать во внешней политике «принцип национальностей». Так, первоначально отстаиваемая Милюковым идея польской автономии в рамках России отвечала программным установкам кадетов. Вскоре давление Петроградского совета и желание предстать в выгодном свете перед союзниками побудили кабинет Львова пойти дальше и согласиться на создание после победы независимого Польского государства. В правительственном воззвании по этому поводу от 17 марта выдвигались, однако, важные условия. Новому государству предстояло вступить в «свободный» военный союз с Россией. Санкционировать этот союз и необходимые территориальные изменения должно было российское Учредительное собрание⁵.

В Юго-Восточной Европе предполагалось освободить от «немецкого ига» славянские народы, воссоединив земли с украинским населением с Россией и создав независимые чешско-словацкое и сербо-хорватское государства. Милюков выступал также за «округление» по национальному признаку Италии и Румынии за счет Австро-Венгрии⁶.

На Балканах русский министр иностранных дел, не отказываясь от традиционного покровительства Сербии, в то же время намеревался исправить «ошибку» царской дипломатии в отношении Болгарии. Он надеялся обещаниями компенсаций перетянуть ее на сторону Антанты. Это открывало перспективу сломить Турцию и приблизить Россию к черноморским проливам⁷.

На Ближнем Востоке Временное правительство видело задачу России помимо решения проблемы проливов в освобождении армян от турецкого господства, маскируя «принципом национальностей» предполагаемый раздел Османской империи. Кадетская «Речь» привлекала армян идеей автономного существования «в пределах великой России, под эгидой демократической республики»⁸.

Восстановление 20 марта 1917 г. в полном объеме финляндской автономии* наряду с утверждением в России демократического строя позволяло Временному правительству надеяться на лучшие отношения со Скандинавскими странами.

Нелегким делом было придать новое звучание заимствованному у царизма лозунгу аннексии черноморских проливов. Тем не менее Милюков не только не отказался от этой задачи, но и рассматривал ее в качестве «руководящей нити» своей деятельности⁹. Помимо очевидно важного оборонительного аспекта он рассчитывал использовать заинтересованность крепкого крестьянина в обладании «воротами» для вывоза хлеба. Здесь министру виделась возможность расширить социальную базу внешней политики правительства и дать бой Петроградскому совету и социалистическим партиям. Международная обстановка для разрешения «исторической задачи» сначала представлялась ему достаточно благоприятной.

Временное правительство унаследовало от свергнутого режима систему тесных связей с другими участниками коалиции, в которой первенствовал союз с Францией, важное место занимали отношения с Англией, а на Дальнем Востоке — новый союз с Японией. Эта система была сохранена. По-прежнему практиковались ежедневные встречи министра с послами Франции, Англии и Италии. Некоторые коррективы в ориентацию внесло вступление в войну на стороне Антанты Соединенных Штатов (21 марта/3 апреля). Ближайшим последствием появления союзника в лице великой демократической республики был морально-политический эффект, едва ли не более других важный для Временного правительства. В перспективе ожидалась также серьезная материальная помощь Америки, в первую очередь экономическая. В Петрограде надеялись, что это ослабит чувствительную зависимость от английских кредитов и морских перевозок заграничных заказов на английских судах. Настораживало, правда, нежелание Соединенных Штатов формально присоединиться к общему союзному договору и связать себя соглашениями о будущей перекройке мира. Тем не менее Милюков как в публичных выступлениях, так и в деловой переписке указывал, что экономическое и политическое сближение с Америкой имеет «крупное значение», и называл его «одной из важнейших ближайших задач наших»¹⁰.

Механизм принятия внешнеполитических решений претерпел при Временном правительстве определенные изменения. Исчезла высшая

* Когда в 1809 году в результате Русско-шведской войны Финляндия была присоединена к России, она получила в рамках империи широкую автономию. На протяжении XIX века автономные права Финляндии подверглись сокращению. В 1906 году под натиском революционных событий царь утвердил новую, более демократическую конституцию Финляндии. Но в годы реакции и в условиях Первой мировой войны автономные права страны были вновь значительно урезаны.

инстанция в лице царя. Его полномочия перешли к коллективному правительству. Но кабинет в целом не занимался текущими внешнеполитическими делами. На своих закрытых заседаниях он рассматривал главным образом программные документы и отчасти внешнеэкономические дела. Соответственно выросла роль в решении всех практических вопросов министра иностранных дел. Межведомственные совещания больше не практиковались. Несколько уменьшилась внешнеполитическая роль Ставки. Все же некоторые важные решения принимались во время поездок Милюкова и военного и морского министра А.И. Гучкова в Могилёв или посещений Главнокомандующим генералом М.В. Алексеевым Петрограда.

С конца марта внешнеполитические сюжеты, опять-таки программного характера, стали обсуждаться в совещаниях министров с так называемой контактной комиссией Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Руководство Совета было здесь представлено лидерами меньшевиков и эсеров и внефракционными социал-демократами (Ю.М. Стеклов, Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, И.Г. Церетели, В.М. Чернов, В.Н. Филипповский, Н.Н. Суханов). От Временного правительства первоначально участвовали 3–4 делегированных министра, а позднее — большинство его членов. Иногда приглашались и деятели думского Временного комитета во главе с М.В. Родзянко. Наиболее активная роль при рассмотрении вопросов внешней политики падала, естественно, на Милюкова, а также министра-председателя Львова и министра финансов М.И. Терещенко. Из других министров выделялись своей заинтересованностью Н.В. Некрасов и В.Н. Львов. Керенский предпочитал «обращаться» к членам контактной комиссии за кулисами.

Аппарат Министерства иностранных дел не подвергся серьезным преобразованиям. Милюков признает в мемуарах, что «ценил заведенную машину с точки зрения техники и традиций»¹¹. Вместо Юрисконсультской части был создан Правовой департамент, а на базе II департамента был образован новый — Экономический. Личные перестановки коснулись только самой верхушки министерства, где некоторые руководящие посты перешли к либеральным лидерам. Начальником Дипломатической канцелярии Ставки стал либерал князь Г.Н. Трубецкой. Милюков заменил несколько посланников, преимущественно в малых монархических странах. Показательно, что все послы царского правительства при великих державах сохранили свои посты. Исключение составлял посол в Соединенных Штатах Ю.А. Бахметев, который ушел в отставку по собственной инициативе в знак несогласия с внутренней политикой Временного правительства. Стабильность заграничного представительства должна была, по-видимому, служить подтверждением преемственности внешнеполитического курса.

Отношения с союзниками по военно-политическим вопросам. Временное правительство сознавало, что его авторитет в глазах союзников будет зависеть от способности мобилизовать силы государства на активное продолжение войны. На первых порах и министры, и генералы старались уверить партнеров по Антанте, будто революция не затронула фронт, а отдельные проявления «анархии» в тыловых округах с лихвой окупятся высвобождением энергии общества и возрождением народного энтузиазма в деле защиты родины. Вскоре, однако, пришло понимание того, что армия, как и страна, переживает тяжелую болезнь, которая вынуждает отложить активные операции на 2–4 месяца.

Между тем западные державы приготовились, как им казалось, к решительному наступлению в соответствии с союзным планом на 1917 год и потребовали от русской Ставки поддержать их не менее энергичными действиями. 13 марта тогда еще и. о. главнокомандующего генерал М.В. Алексеев с согласия военного министра А.И. Гучкова сообщил Франции и Англии, что в связи с внутренними событиями и реорганизацией армии Россия сможет принять широкое участие в наступательных операциях только в июне—июле. Он советовал отложить франко-английское наступление до времени, когда державы Антанты смогут атаковать противника одновременно с запада и востока¹².

Союзники не согласились с этой рекомендацией. Отказываясь отсрочить наступление, они требовали, чтобы русская армия поддержала его хотя бы частными ударами и демонстративной перегруппировкой. 20 марта Алексеев ответил, что будет сделано все возможное, хотя раньше начала мая русская армия не сможет приступить даже к частным активным операциям¹³. Вопреки советам и предупреждениям русской Ставки армии западных союзников перешли в конце марта в наступление, которое менее чем через месяц захлебнулось, так и не дождавшись поддержки с востока.

Срыв согласованных операций Западного и Восточного фронтов отрицательно повлиял на дальнейшую координацию военных усилий держав Антанты. Французское и английское командование, изменив тактику и отложив решительное наступление на неопределенный срок, не информировали о своих намерениях русскую Ставку. Напротив, они сообщали, что наступательные операции будут продолжаться, и настаивали на скорейшей активизации русского фронта.

Взаимодействие русских и английских войск удавалось некоторое время поддерживать на второстепенном турецком театре. В момент Февральской революции они вели совместные наступательные операции в Западной Персии и Месопотамии, которые были продолжены и к концу марта увенчались определенным успехом: англичане захватили Багдад, а кавалерийский корпус генерала Н.Н. Баратова занял Хама-

дан, Керманшах и Ханекин. Между наступавшими союзными войсками удалось установить непосредственную связь. Английское командование предложило развивать совместные действия в общем направлении на Мосул. Однако русские войска оказались к тому времени в тяжелом положении, страдая от недостатка продовольствия и болезней. В сложившихся условиях генерал Баратов и командование Кавказским фронтом сочли целесообразным приостановить наступление.

Ставка и Временное правительство не согласились с этим решением. Им нужно было чем-то компенсировать пассивность на германском фронте и подкрепить свои притязания на «турецкое наследство». К тому же английское командование при поддержке правительства энергично добивалось принятия своего плана¹⁴. По указанию сверху наступление частей Кавказского фронта было продолжено, но развивалось вяло. К отмеченным объективным трудностям добавилась докатившаяся и туда волна разложения армии. В середине апреля русское наступление заглохло.

В обстановке вынужденного снижения военной активности России Милюков старался найти средства сохранить ее великодержавный престиж и оградить экспансионистские интересы. В первый же свой приезд в Ставку 12 марта он договорился с руководителями Морского штаба и генералом М.В. Алексеевым об операции по захвату Босфора малыми силами¹⁵. Подготовку к ней предполагалось завершить к 1 мая. Однако начатые были работы по переоборудованию грузовых судов для перевозки войск были вскоре приостановлены по распоряжению военного и морского министра А.И. Гучкова: кризис на железных дорогах не позволял сократить морские перевозки для нужд Кавказского фронта. Положение лишь частично удалось поправить за счет привлечения румынских судов, бездействовавших в устье Дуная. Еще труднее оказалось найти надежные войска для операции. Когда генерал Алексеев решил проверить боеспособность десантных частей, организовав небольшую пробную экспедицию на Малоазиатском побережье, последняя сорвалась из-за отказа солдат участвовать в наступательных действиях. В апреле весь вопрос о Босфорской операции рассматривался на специальном совещании в Ставке с участием Милюкова и Гучкова. Министр иностранных дел и его единомышленники из числа морских офицеров потерпели неудачу. Совещание признало, что экономическая разруха и воздействие революции на армию не позволяют осуществить задуманную экспедицию¹⁶. Милюков еще пытался уговорить Алексеева поставить противников аннексий перед свершившимся фактом. А. Бубнов и его коллеги по Морскому штабу продолжали взывать к правительству и верховному командованию, пугая неизбежной в противном случае нейтрализацией проливов. Но нереальность десантной операции становилась все более очевидной.

Соответственно возрастало значение дипломатических инициатив, направленных к той же цели. Одна из них, как упоминалось, состояла в попытке перетянуть на сторону Антанты Болгарию. Милюков еще в марте дал указания представителям МИД в Швейцарии и Норвегии об установлении в этих целях контактов с болгарскими эмиссарами. Он старался привлечь к решению задачи дипломатию союзных держав, уверяя, что успех замысла привел бы к быстрому краху Турции и решительному перелому в ходе войны¹⁷. Однако ожидаемой поддержки от Франции, Англии и Италии не последовало. Западные союзники делали здесь ставку на Сербию и Грецию и к тому же опасались отвлечения значительных сил России с Германо-Австрийского фронта на Балканы. Контакты российских дипломатов с болгарскими деятелями на первых порах принесли некоторые надежды на благоприятный исход. Но уже в конце апреля выяснилось, что как правящая партия Болгарии, так и оппозиция под влиянием известий о первом политическом кризисе в России намерены выжидать дальнейшего хода событий и не склонятся на сторону Антанты, пока военное положение Германии не будет скомпрометировано.

Столь же малопродуктивными оказались и контакты с Турцией. Замысел состоял в том, чтобы побудить ее заключить сепаратный мир, по условиям которого Россия получила бы право «военного контроля» над проливами по образцу Ункяр-Искелесийского договора 1833 года¹⁸. Сначала зондаж показал, что идея сепаратного мира не чужда влиятельным кругам Турции, хотя при этом они не приемлют русского контроля над проливами. В апреле же в Турции возродились надежды на выход из войны самой России, в связи с чем возобладали выжидательные настроения.

Союзные России державы отнеслись к идее сепаратного мира с Турцией более благосклонно, чем к идее перетянуть в лагерь Антанты Болгарию. Но как английская, так и французская дипломатия хотели бы достигнуть этого за счет отказа Временного правительства от притязаний на проливы. Милюков же категорически отвергал такую возможность. Позднее он ставил себе в заслугу, что до последнего дня пребывания на министерском посту не дал «союзникам иметь право говорить, что Россия отказалась от проливов»¹⁹.

Падение веса России в Антанте. Неспособность России выполнить свои военные обязательства и непрочность власти Временного правительства, вынужденного считаться с Петроградским советом, встревожили западные державы и поколебали престиж русского союзника. В конце марта — начале апреля состоялись две встречи лидеров Антанты, обсуждавших межсоюзнические отношения и положение в России без ее участия: Д. Ллойд Джорджа с А. Рибо в Фолькстоне, а затем их же встречи

с итальянскими политиками в Сен-Жан-де-Мориен. Одним из главных на этих конференциях был вопрос о том, как поставить под контроль ситуацию в России и не допустить выхода ее из войны. Рибо предлагал направить Временному правительству «жесткую ноту, чтобы положить конец колебаниям России в отношении войны и ее целей». Италия не возражала, но английские государственные деятели сочли коллективный демарш в Петрограде преждевременным²⁰. Решено было пока ограничиться деятельностью в России различных союзных миссий, которые помогли бы Временному правительству в борьбе с анархией и пацифизмом, а также ужесточить контроль за военно-экономическими поставками для нее. Англия и Франция сочли также целесообразным в изменившихся условиях пойти на уступки притязаниям Италии в Малой Азии и побудить Соединенные Штаты скорее оказать Антанте реальную поддержку.

Получив сообщение о конференции в Сен-Жане, Милюков протестовал против действий Франции и Англии, которые нарушали договоренность о согласованной линии трех держав в малоазиатском вопросе. Он указал, что итальянские претензии на зону близ проливов неприемлемы для России, и запросил текст нового малоазиатского соглашения. В ответ западные союзники оправдывались, заявляя, что их договоренность с Италией носит предварительный характер. Дискуссия завершилась подтверждением Милюковым отрицательного отношения Временного правительства к обсуждаемому в Сен-Жане проекту²¹.

Следующее межсоюзническое совещание состоялось в 20-х числа апреля в Париже. Временное правительство, поглощенное разразившимся тогда внутренним кризисом, не направило на него специальных представителей. Во встрече участвовал, правда, посол России А.П. Извольский. Однако его не пригласили на заседания, где рассматривались положение и перспективы военных действий на Западном фронте, что свидетельствовало об отношении к Временному правительству держав Антанты.

В апреле социал-шовинистскую агитацию в России вели, с согласия Временного правительства, группы французских и английских парламентариев. 9 апреля в Петроград прибыл французский министр-социалист А. Тома, преследовавший цель «придать некоторую твердость решениям Временного правительства» и воздействовать на русское общественное мнение «в смысле необходимости доведения войны до конца»²². Опытный демагог Тома стал доказывать русским министрам и генералам необходимость хотя бы формальной смены внешнеполитических лозунгов, так как «константинопольской мечтой» массы не увлечешь. В то же время он усиленно отговаривал А.Ф. Керенского от поддержки идеи созыва международной социалистической конференции по вопросу о целях войны.

В области военно-экономических связей первое правительство Львова (2 марта — 5 мая) ставило перед собой задачу добиваться выполнения

постановлений Петроградской межсоюзнической конференции о военных поставках для России²³, а в благоприятном случае и расширения объема обещанной на ней помощи. Предполагалось также реорганизовать механизм управления заграничным снабжением, с тем чтобы основные вопросы решались впредь в Петрограде. 6 апреля Временное правительство постановило учредить Межведомственный комитет по заграничному снабжению в составе товарищей министров заинтересованных ведомств. Комитет становился высшим государственным учреждением по этим вопросам и обладал функциями утверждения заказов, выдачи валюты и обеспечения тоннажем. Он имел свой исполнительный орган — Главное управление по заграничному снабжению (Главзагран)²⁴.

Между тем контроль за поставками в Россию в значительной мере концентрировался в руках Англии, выступавшей не только исполнителем значительной части русских заказов, но и главным кредитором и перевозчиком. После межсоюзнической Петроградской конференции января 1917 года, занимавшейся согласованием военных и экономических усилий держав Антанты, в Лондоне было создано специальное учреждение — комитет А. Мильнера, на который английское правительство возложило руководство снабжением России с правом принятия окончательных решений. Органом комитета Мильнера в России выступала британская военная миссия снабжения во главе с генералом Ф. Пулем. Между новыми русскими учреждениями и комитетом Мильнера началось противоборство, в котором преимущество, как стороны дающей, было у англичан. Мильнер же, по свидетельству русского поверенного в делах в Лондоне К.Д. Набокова, строил «свое отношение к России на основании строго утилитарном», то есть подходил исключительно «с точки зрения участия России в общем деле»²⁵.

Сообщения Бьюкенена и английских военных представителей в России о снижении боеспособности русской армии и «мягкотелости» Временного правительства вместе с отсрочкой русского наступления повлияли на политику комитета Мильнера вполне определенным образом. Английские власти стали сокращать заказы и поставки для России. В несколько меньшей степени это относилось к оружию, средствам тяги и боеприпасам. Но поставки промышленного оборудования и сырья почти прекратились, что, естественно, подрывало способность России к ведению длительной войны. Линия на резкое сокращение проводилась и в отношении американских заказов России, над которыми Англия сохраняла контроль, по крайней мере, до середины апреля. Не лучше обстояло дело с поставками из Франции, Японии и Италии.

Руководство морскими перевозками для России еще до Февральской революции оказалось сосредоточенным в руках Англии. Временное правительство не смогло изменить этого положения и отчасти даже способ-

ствовало дальнейшей передаче дела «в руки самих англичан на их ответственность»²⁶. Английские власти, столкнувшись с большими потерями от немецкой неограниченной подводной войны и проводя политику сокращения русских заказов, значительно уменьшили объем перевозок для России. В начале апреля британское Министерство морских перевозок приняло решение создать резерв тоннажа за счет русской программы. В середине апреля правительство Ллойд Джорджа даже распорядилось отложить выполнение части русской программы до прояснения ситуации в России²⁷. Особенно резко (почти вдвое) сократила Англия тоннаж, предоставленный для перевозок из Соединенных Штатов и Франции,

Временное правительство не смогло подвести под выполнение экономической программы Петроградской конференции адекватной финансовой базы. Главным военным кредитором царизма была Англия. Срок действия последнего английского займа истек 19 марта 1917 г. Временное правительство обратилось в Лондон с предложением заключить новое финансовое соглашение в соответствии с постановлениями Петроградской конференции. Однако британский союзник предпочел уклониться, сославшись на необходимость выждать, пока определится размер финансовой помощи государствам Антанты со стороны США²⁸. До тех пор Англия соглашалась финансировать лишь наиболее срочные русские заказы и выделить минимум средств на нужды русской торговли и промышленности и поддержание курса рубля. Практически в марте–апреле кредитование Временного правительства из Лондона было едва ли не самым низким за весь военный период. Финансовая поддержка со стороны Франции оказывалась в прежних размерах. Критическое положение возникло с кредитами в Японии, с которой Временному правительству не удалось ни заключить новый заем, ни реализовать возникший еще на Петроградской конференции проект тройственного — англо-франко-русского — займа.

Русско-американские отношения. Большие надежды возлагались в правящих кругах России на сотрудничество с новым союзником — Соединенными Штатами. С помощью Америки рассчитывали поправить финансовое положение, получить дополнительный тоннаж для вывоза грузов из-за границы, облегчить экономическую зависимость от Англии. Но этим радужным ожиданиям не суждено было осуществиться. Западноевропейские союзники опередили Россию и перехватили львиную долю американской помощи. Администрация В. Вильсона, подобно Франции и Англии, осторожно подходила к содействию Временному правительству и стремилась обусловить его определенным контролем. Вырисовывались контуры расхождений с Америкой и в отношении целей войны.

Еще при царизме было задумано послать в Соединенные Штаты специальную экономическую миссию для расширения связей с амери-

канским рынком. 13 апреля вопрос об этом рассматривался Временным правительством, которое разрешило министру иностранных дел направить такую миссию, имея в виду прежде всего получение финансовой помощи. В тот же день Милюков обратился к Франции и Англии, уже пославшим в Вашингтон высокопоставленные миссии, для обсуждения предстоящего взаимодействия. Министр ставил вопрос о необходимости привлечь Россию к переговорам в Америке или хотя бы своевременно и полно информировать ее о результатах объяснений²⁹. Эта просьба не была, однако, принята во внимание. Западные союзники не только постарались обеспечить за собой преобладающую часть американской помощи, но и обсудили с администрацией Вильсона политические проблемы, включая цели войны. В американских газетах появилось, например, сообщение, что президент Вильсон в беседе с А. Бальфуrom высказался в пользу нейтрализации черноморских проливов. От Франции поступила информация, что государственный секретарь Р. Лансинг выступил против расчленения Австро-Венгрии, предлагая взамен ее автономизацию или федерализацию по национальному признаку.

Милюков отреагировал на политические импровизации американских лидеров статьей в «Речи», где выражал удивление готовностью президента в отсутствие русских представителей «слишком неосторожно» обсуждать «жизненные интересы России»³⁰. Вашингтонские переговоры Англии и Франции с Соединенными Штатами побудили Временное правительство до некоторой степени изменить первоначальный замысел. 25 апреля оно постановило направить в Америку чрезвычайное посольство во главе с товарищем министра торговли и промышленности Б.А. Бахметьевым. Главной задачей участников миссии было вести переговоры о морской, финансовой и железнодорожной помощи России. В состав ее входили видные эксперты по этим вопросам и лишь один второразрядный дипломатический чиновник. Обсуждать с администрацией Вильсона цели войны, видимо, признали нецелесообразным. Заметим, что правительство США также вело в апреле подготовку к посылке в Россию политической миссии, задачей которой было подкрепить внутренние позиции Временного правительства и сохранить участие страны в войне.

До обмена миссиями переговоры велись по обычным дипломатическим каналам. Наиболее продуктивными оказались они в финансовой области. Временному правительству удалось добиться в Вашингтоне независимого от Англии кредита на равных с другими союзниками коммерческих условиях. Однако масштабы американской финансовой помощи оказались значительно меньшими, чем ожидали. Из ассигнованных Конгрессом на эти цели 3 млрд долл. администрация Вильсона соглашалась выделить для России 0,5 млрд. Это не компенсировало со-

кращения британских кредитов, тем более что Англия отказалась впредь финансировать русские заказы в Америке. На практике Временное правительство первого состава получило от Соединенных Штатов аванс в 100 млн долл. Оно, со своей стороны, согласилось с предложенной новой системой размещения заказов в Америке, а также с принятием услуг американской железнодорожной миссии и с установлением американского наблюдения за отправкой грузов из Владивостока³¹. Последние меры не вызвали какого-либо энтузиазма русских министров и были приняты лишь потому, что ими обусловливались обещанные крупные поставки паровозов и вагонов. Когда британский посол Бьюкенен предложил правительству Львова — Милюкова своеобразное разделение труда между союзниками: США будут опекать Владивосток и Сибирскую дорогу, а Англия — Архангельск, — он получил отпор.

В марте-апреле из Америки поступило довольно значительное количество вооружения, в том числе несколько тысяч пулеметов³². С мая должны были начаться поставки подвижного состава. Еще царское правительство заказало в Соединенных Штатах 375 паровозов и 8,5 тыс. вагонов. Временное правительство задумало радикально улучшить положение на транспорте, приобретя в Америке 2–3 тыс. паровозов и 30–40 тыс. вагонов³³. Договориться об этом должно было посольство Бахметьева.

Хуже всего сложилось дело с американским тоннажем. Временное правительство добивалось получения в США независимых от Англии перевозочных средств. Но оно сталкивалось с противодействием Лондона, конкуренцией Франции и Италии, также претендовавших на американский тоннаж, и намерением администрации Вильсона зарезервировать часть торгового флота для предстоявшей перевозки американских войск во Францию. В конечном счете России удалось получить от США до 4 мая всего два парохода на один рейс каждый. Неудачей закончилась и попытка Временного правительства договориться, чтобы Америка выделила часть своего военного флота для конвоирования беломорских перевозок³⁴.

Внешнеполитические достижения либерального кабинета оказались достаточно скромными. В актив Милюкову можно, пожалуй, записать довольно быстрое дипломатическое признание России после Февральской революции и первые шаги к сближению с Соединенными Штатами. Позиция его в отношении секретных договоров не отличалась достаточным реализмом и гибкостью. Временному правительству не удалось предотвратить появления опасных тенденций расстройтва взаимодействия с союзниками и падения веса России в Антанте. Серьезные трудности на внешнеполитическом горизонте обозначились также в отношениях с Советами.

2. Нота Милюкова и апрельский кризис

Начало борьбы по вопросу о целях войны. Февральская революция принесла свободу, но не облегчила бремени войны. И едва опьянение победой над самодержавием начало проходить, как вопрос, за что терпеть и приносить жертвы, приобрел новую остроту. 14 марта Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов предпринял наконец первую попытку обнародовать свою внешнеполитическую платформу. Он выступил с воззванием «К народам всего мира» и отдельным обращением к польскому народу о признании независимости Польши. Воззвание, или, как его чаще называли, Манифест Петроградского совета, представляло собой чрезвычайно противоречивый документ. В нем сильна была оборонческая струя. Одновременно он формулировал задачу борьбы за демократический мир, против империалистических захватов и грабежа, а народы Европы призывал к решительным совместным действиям в пользу такого мира³⁵. Временное правительство предпочло официально не реагировать на Манифест, расценив его как исключительно партийный документ.

Выступление Петроградского совета по вопросу о войне и мире способствовало торжеству в демократических слоях населения так называемого «революционного оборончества». Однако иллюзии масс, подвергавшихся каждодневному испытанию войной, надо было поддерживать. Для этого требовалось, чтобы Временное правительство, в свою очередь, открыто отказалось от захватнических и грабительских целей. Первоначальный компромисс между правительством и Советом нуждался в дальнейшем развитии. Лидеры Исполкома Петроградского совета понимали, что по своей воле кабинет Львова на такой шаг не пойдет — понадобится оказать давление, припугнув в крайнем случае открытием всенародной кампании за демократический мир. Их подтолкнула к действиям беседа Милюкова с представителями печати по поводу вступления США в войну, где он не только говорил о верности России старым договорам, но и прямо атаковал лозунг мира без аннексий и контрибуций, назвав его «германской формулой, которую стараются подsunуть международным социалистам»³⁶. Беседа была опубликована в день прощания с жертвами Февральской революции и прозвучала как вызов народному чувству.

На следующий же день представители Исполкома в контактной комиссии вступили в торг с министрами. Они настаивали на официальном заявлении об отказе России от всяких иных целей войны, кроме оборонительных. Взамен лидеры Совета обещали приложить все усилия, чтобы воодушевить народ на защиту революции от внешнего врага. Правительство после некоторых колебаний и внутренней борьбы пошло на уступки. Был выработан компромиссный, а потому двусмысленный текст правительственной декларации, принятой 27 марта. В ней содержался призыв

к борьбе и подтверждалась верность обязательствам перед союзниками. Вместе с тем говорилось, что «цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»³⁷.

Меньшевики, эсеры и другие неонароднические партии поспешили представить правительственное заявление как большую победу революционной демократии. Она прилась очень кстати, подкрепив их позиции на Всероссийском совещании Советов. В предложенной Исполкомом Петроградского совета и принятой этим совещанием резолюции народы всех воюющих стран приглашались следовать русскому примеру: «Официальный отказ всех правительств от завоевательных программ, — говорилось в ней, — могучее средство для прекращения войны на таких условиях»³⁸.

Временное правительство старалось акцентировать другую, оборонческую сторону декларации, доказывая вместе с тем, что его принципиальная позиция не изменилась и что заявление от 27 марта представляет собой изложение общих постулатов, а не конкретных целей³⁹.

Нота Милюкова. Если либеральным министрам хотелось поскорее поставить точку на разговорах о целях войны, то их оппоненты из Совета только начинали разворачивать свою агитационную кампанию. Им мечталось, что Временное правительство призовет союзников отказаться от империалистических целей войны и затем державы Антанты, поддержанные общественным мнением нейтральных стран, предложат германской коалиции открыть на этой основе мирные переговоры. В самом конце марта представители Исполкома в контактной комиссии возбудили вопрос об обращении к союзникам о целях войны в духе декларации 27 марта.

На этот раз Милюков, Гучков и их сторонники в правительстве оказали упорное сопротивление, диктуемое опасениями ухудшить отношения с западными державами и лишиться части военной «добычи». Острая борьба закончилась своеобразным компромиссом. Милюков согласился передать союзникам декларацию 27 марта, но сопроводить ее нотой, разъясняющей намерения русского кабинета министров. Он также выговорил себе право определить наиболее благоприятный момент для обращения. Замысел Милюкова, разделяемый лишь частью его коллег, состоял в том, чтобы дать бой как большевикам, так и лидерам умеренных социалистов. Сторонники войны во имя империалистических целей рассчитывали на поддержку господствующих классов и союзных держав, а также зажиточной части крестьянства. Не исключалось применение против «анархистов» военной силы. Более умеренная часть правительства надеялась маневром с нотой успокоить рабочих и солдат, не разочаровывая в то же время союзников.

Милюков выбрал для обращения к западным державам день, когда трудящиеся России впервые свободно отмечали первомайский праздник. На массовых демонстрациях и митингах господствовали лозунги мира без аннексий и контрибуций и восстановления международного пролетарского единства. А Временное правительство в сопроводительной ноте к декларации 27 марта торжественно обещало «довести мировую войну до решительной победы», «вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников», требовало «санкций» и «гарантий» в отношении государств враждебной коалиции⁴⁰.

Кризис политики соглашения. «Нота Милюкова» была опубликована русскими газетами утром 20 апреля и вызвала стихийный протест масс, вышедших на улицы под лозунгом «Долой Милюкова!». Большевики пытались придать движению характер выступления за власть Советов. Одновременно начались шовинистические демонстрации буржуазных элементов в поддержку Временного правительства и его внешней политики. Исполком Петроградского совета не решился на разрыв с правительством и встал на путь поисков компромисса.

На заседании правительства 20 апреля с участием главнокомандующего Алексева милюковско-гучковское крыло потребовало применить против демонстрирующих рабочих и солдат военную силу. В оправдание своей твердой линии они ссылались, в частности, на угрозы союзников прекратить всякую помощь России, если Временное правительство не сумеет утвердить свою власть. Большинство министров колебалось, стоит ли прибегать к крайним мерам, и выражало надежду на компромисс с лидерами Петроградского совета.

В ночь на 21 апреля состоялось совещание правительства и Временного комитета Государственной думы с делегацией Исполкома. Последний свел свои первоначально более широкие требования к отмене ноты Милюкова или обращению к союзникам с новым документом. В конечном счете делегация Исполкома не удержалась и на этой позиции и фактически согласилась признать инцидент исчерпанным и удовлетвориться правительственным «разъяснением» посланной ноты.

21 апреля демонстрации и митинги с обеих сторон продолжались, имели место выстрелы и провокации столкновений. Командующий округом генерал А.Г. Корнилов попытался было применить артиллерию, но солдаты-артиллеристы отказались выполнять его приказ. Столичный гарнизон был явно на стороне Петроградского Совета. Временное правительство выработало обещанное разъяснение. Оно не отменяло ноты и даже подкрепляло ее коллективным авторитетом кабинета. Все «уступки» демократическим силам свелись к утверждению, что нота не противоречит декларации 27 марта и что под санкциями и гарантиями имелись в виду вполне безобидные вещи, а именно ограничение воору-

жений, международные трибуналы и т. п.⁴¹ Все же Исполком признал разъяснение удовлетворительным, и пленум Петроградского совета согласился с ним. После этого были приняты все меры, чтобы потушить движение протеста в столице и стране. 22 апреля сначала Исполком, а затем и пленум Совета сделали важный шаг навстречу провоенной политике правительства, поддержав своим авторитетом «заем свободы».

Тем не менее исчерпать конфликт одними словесными увертками не удалось. Собрание представителей комитетов петроградского гарнизона, признав Совет единственным выразителем своей воли, потребовало изменить состав правительства. Недовольны были рабочие столицы. Движение протеста против «ноты Милюкова» разливалось по стране и охватило солдат фронта. Правое крыло Временного правительства тщетно пыталось сделать ставку на силу. Генералу Корнилову пришлось покинуть пост командующего столичным округом, а генерал Алексеев признал невозможным при определенном настроении армии оказать своим единомышленникам в правительстве не только военную, но хотя бы морально-политическую поддержку. Наиболее влиятельные представители союзников Тома, Бьюкенен и Фрэнсис склонялись на сторону более гибкой линии, отстаиваемой Керенским, Терещенко и Некрасовым.

25 апреля Временное правительство приняло, а на другой день опубликовало обращение о положении в стране и необходимости образования коалиции. Партии меньшевиков и неонародников сначала колебались, связывать ли себе руки вступлением в правительство, но 1 мая при повторном рассмотрении вопроса на Исполкоме Совета проголосовали за коалицию.

Таким образом, вновь возобладала линия на соглашение. Следующие несколько дней ушли на согласование приемлемой для обеих сторон правительственной программы. Представителям Исполкома удалось добиться включения в декларацию нового кабинета броского по форме, но скромного по содержанию обещания вести, «деятельную внешнюю политику», стремясь к скорейшему достижению всеобщего демократического мира, а также «подготовку переговоров с союзниками в целях пересмотра соглашений на основе декларации Временного правительства от 27 марта»⁴². Милюков лишился министерского поста. Вместе с тем лидеры Совета не только отказались от всех других требований, но и согласились включить в программу в слегка завуалированной форме задачу двинуть армию в наступление.

3. Эволюция программы при первых коалициях

Второй кабинет Г.Е. Львова (6 мая — 7 июля) отличался не только коалиционным характером (в него вошло 5 министров-социалистов),

но и выдвижением на первый план другой политической фракции: Миллюкова и Гучкова как фактических лидеров сменил триумvirат А.Ф. Керенского, ставшего военным министром, М.И. Терещенко и Н.В. Некрасова. Какую-то роль в сплочении этих разномастных политиков сыграли их прошлые масонские связи. Гораздо важнее было другое — общность взглядов на задачи правительства и средства их осуществления. Центральной идеей триумvirата было использовать сотрудничество с революционно-оборонческими силами для организации наступления на фронте, стимулировать волну шовинизма и на этой основе укрепить государственную власть. Они рассчитывали также, что наступление консолидирует связи с союзниками, поднимет авторитет России в Антанте и позволит оградить ее наиболее существенные интересы при неизбежной ревизии условий передела мира.

Новый министр иностранных дел миллионер Терещенко пользовался известностью и доверием в буржуазных кругах. По сравнению с Миллюковым он был мало подготовлен к руководству дипломатическим ведомством. Зато Терещенко гораздо больше подходил для исполнения других задач — сеять в массах иллюзии, будто правительство борется за демократический мир, и сотрудничать с министрами-социалистами. Способности демагога сочетались у него с несколько большим, чем у его предшественников, политическим реализмом в отношении возможности осуществить внешнеполитическую программу русских империалистических кругов.

Программа первой коалиции. Внешняя политика коалиционного правительства носила прежний провоенный характер. Терещенко в конфиденциальной беседе с японским послом 7 мая откровенно разъяснил, что «первая статья декларации коалиционного кабинета ни в коем случае не имеет смысла предложения немедленного общего мира. Война ни в коем случае не прекратится»⁴³. Более того, лейтмотивом деятельности нового правительства стала активизация усилий России в военной области. Министр-председатель Львов в беседе с журналистами открыто провозгласил: «Прежде всего первой своей задачей правительство считает укрепление мощи нашей армии... Установившееся на фронте фактическое перемирие... должно быть прекращено. Страна должна сказать свое властное слово и послать свою армию в бой»⁴⁴.

Коалиционное правительство исходило из незыблемости союзнических уз. Существо дела не менялось от нередкой подмены термина «союзные державы» «союзными демократиями». Требование опубликовать тайные договоры Антанты Терещенко решительно отверг⁴⁵.

Все же внешнеполитическая программа коалиции отличалась от установок предыдущего кабинета несколько большей умеренностью, на что обратил внимание еще в работе 1927 года отечественный иссле-

дователь Н.А. Рубинштейн⁴⁶. Причинами такой сдержанности служили не столько идейные соображения, сколько оценка реальной ситуации.

Если Милюков маскировал империалистические планы буржуазно-либеральной фразеологией, то Терещенко смело использовал в целях камуфляжа радикальную и даже социалистическую терминологию. «Формула мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, — говорил он И.Г. Церетели, — вполне может обеспечить национальные интересы России. Россия может обойтись без завоеваний. Интернациональный статут, обеспечивающий пользование проливами всем прибрежным странам, откроет ей выход в Средиземное море. А принцип свободного самоопределения народов будет благоприятствовать России больше, чем Германии, ибо балканские народы, имея свободу выбора, будут гораздо больше стремиться к сближению с Россией, чем с Германией»⁴⁷.

«Триумвираторы» надеялись, что союзные державы, заинтересованные прежде всего в боеспособности русской армии, не станут возражать против формулирования демократической программы в общем виде, а дальнейшее все равно будет зависеть от реального соотношения сил. Конкретизировать внешнеполитические задачи коалиционное правительство не торопилось. Так, оно перестало выдвигать раздражавший массы лозунг аннексии черноморских проливов, но и об отказе от этого «приза» официально не объявляло, видимо имея в виду в будущем потроговаться с союзниками об условиях связанного с ним соглашения о разделе Азиатской Турции.

Рассуждая о будущем мирном урегулировании с Германией, Терещенко выдвигал на первый план отрицательную часть «русской формулы» (без аннексий и контрибуций) и настаивал на недопустимости «явных и скрытых аннексий» с ее стороны. Напротив, в случае с Австро-Венгрией вперед выдвигалась положительная часть той же формулы — самоопределение народов, — которая позволяла присоединить к России Галицию, создать Югославянскую федерацию вокруг Сербии и вычленив из империи Габсбургов другие славянские земли⁴⁸.

Коалиционное правительство связывало свои надежды на частичный пересмотр договоров о переделе мира с Соединенными Штатами, которые тоже были заинтересованы в ревизии заключенных без их участия сделок. Это не означало, однако, отказа от ориентации на Францию и Англию, взаимодействие с которыми в ходе войны и при мирном урегулировании сохраняло первостепенное значение.

В период действия коалиционного правительства в организации МИД произошли некоторые перемены, которые афишировались как радикальная демократизация. Было образовано специальное совещание из пяти министров, включая Керенского и Церетели, для предваритель-

ного рассмотрения принципиальных внешнеполитических вопросов. Последовали кадровые перестановки, особенно в заграничном представительстве. Правительство направило в союзные страны своего комиссара профессора Г.В. Сватикова, в задачу которого входило расследование прошлой деятельности русской заграничной охраны и принятие мер к ее окончательной ликвидации. Коалиционный кабинет допустил параллельно с деятельностью МИД внешнеполитическую активность Петроградского совета (затем ЦИК Советов).

Цели войны в отношениях с союзниками. Важной составной частью идеологической подготовки наступления было создать у масс иллюзию, будто правительство активно добивается превращения своей внешнеполитической программы в общую платформу держав Антанты. Вместе с тем требовалось поддерживать уверенность союзников в неизменности провоенного курса России и исподволь готовить почву для частичного пересмотра договоров о переделе мира.

На другой же день после образования коалиции Терещенко вручил внешнеполитическую часть правительственной декларации союзным послам в Петрограде, сопроводив передачу необходимыми словесными пояснениями. Одновременно последовала циркулярная телеграмма в столицы стран Антанты и чуть позже — в Вашингтон. Министр также выступил с заявлением перед журналистами, в котором ловко соединил намерение бороться за всеобщий мир на демократической основе с обязательством единения и взаимодействия в войне с «союзными демократиями». Он выразил надежду на соглашение с союзниками в духе декларации 27 марта, но тут же указал, что такое сближение необходимо подготовить путем военного сотрудничества⁴⁹. Этих шагов оказалось достаточно, чтобы официальный орган Петроградского совета провозгласил, что «в области внешней политики Временное правительство восприняло программу революционной демократии»⁵⁰.

Труднее было получить удовлетворительные ответы от союзников. Западные державы не хотели связывать себя хотя бы формальным присоединением к «циммервальдским» формулам мира без аннексий и контрибуций и ограничились принятием декларации Временного правительства к сведению. Заявления министров этих стран в парламентах свидетельствовали, что союзники не намерены отказываться от империалистических целей, хотя готовы к поискам более тонкого словесного камуфляжа. «Известия Петроградского Совета» в редакционной статье признали эти заявления неудовлетворительными и предлагали Временному правительству добиваться определенного ответа, согласны или нет западные державы с русской формулой мира⁵¹.

Терещенко не рискнул настаивать на обсуждении внешнеполитической программы коалиционного кабинета. Вместо этого он просил

союзников изложить свое отношение к правительственной декларации от 27 марта, принятой еще при Милюкове. Англия и Франция выполнили эту просьбу. В своих ответах они в общем виде солидаризировались с принципами русского документа, но тут же изложили собственные конкретные задачи, приходившие в противоречие с демократической фразеологией. Почти одновременно президент В. Вильсон выступил с посланием, служившим как бы косвенным ответом на русскую декларацию, которое под камуфляжем демократических фраз допускало возможность и аннексий, и контрибуций.

27 мая несколько подредактированные по просьбе Терещенко ноты Англии и Франции, а на следующий день и послание Вильсона были опубликованы в русских газетах. Эти документы вызвали глубокое разочарование демократических кругов России. Эсеро-меньшевистская печать справедливо квалифицировала их как попытку провести под новым флагом старый груз и даже как «ультиматум» русской демократии. Тем не менее меньшевики, эсеры и другие неонароднические партии продолжали цепляться за фактически обанкротившуюся политику. Они сделали из случившегося два вывода: 1) надо помочь правительству добиться согласия союзников на пересмотр прежних договоров; 2) в этих целях следует продемонстрировать силу новой России (способность к наступлению) и постараться активизировать демократические элементы в союзных странах⁵².

Терещенко стремился поддержать это выгодное правительству строительство. 31 мая он вручил отбывавшему из России А. Тома ноту, которую сообщил в копиях представителям других союзных стран в Петрограде. В ноте рассуждения об идеалистических мотивах внешней политики Временного правительства перемежались с заверениями в непоколебимой верности общесоюзному делу. В заключение выдвигалось предложение созвать конференцию для пересмотра соглашений о задачах войны «в ближайшее время, когда создадутся для этого благоприятные условия»⁵³. Нота Терещенко была приурочена к открытию I Всероссийского съезда Советов. Умеренные социалисты приветствовали этот документ как новый шаг «вперед в деле борьбы за всеобщий мир»⁵⁴. Под его воздействием Всероссийский съезд Советов поддержал своим авторитетом военное наступление.

Между тем Временное правительство отнюдь не торопилось с созывом объявленной конференции, В секретной дипломатической переписке Терещенко указывал, что она должна состояться не ранее середины августа⁵⁵, то есть в иной обстановке, которую должно было создать русское наступление. Из этой же переписки видно, что Терещенко имел в виду не реализацию социалистической формулы мира, а ревизию соглашений в соответствии со взглядами более «умеренных» империа-

листов. Предварительный обмен мнениями по этим вопросам он думал провести в Петрограде, а саму конференцию — в одной из западных столиц⁵⁶.

Союзные державы не выступили открыто против конференции, понимая, что активизация русского фронта на данном этапе важнее всего остального. Но они прибегли к тактике затягивания созыва конференции, что соответствовало видам самого Временного правительства.

Импульс наступления. Коалиционное правительство возлагало на наступление большие надежды как в политическом, так и военном плане. Как следует из беседы Терещенко с отбывавшим на родину членом французской военной миссии полковником Ланглуа, правительство рассчитывало на успех наступления, который приведет к изменению общей ситуации. Особенно прельщала русских министров перспектива вывести из войны Турцию, что стало бы началом конца враждебной коалиции⁵⁷. Ставка была настроена несколько менее оптимистично. Новый главнокомандующий А.А. Брусилов не рассчитывал повторить свой успех 1916 года, но полагал, что наступательные действия русских войск на различных фронтах могут продолжаться до осени⁵⁸.

Когда 18 июня началось наступление русской армии, Временное правительство поспешило использовать благоприятный момент как для укрепления своих внутренних позиций, так и во внешнеполитических целях. 20 июня военный министр Керенский прислал с фронта телеграмму, в которой требовал согласованных действий дипломатии с армией как залога закрепления первых успехов. Керенский предлагал добиваться от союзников внеочередной присылки самолетов и артиллерии на смену вышедшей из строя (35% поставленных союзниками орудий не выдержали артподготовки). Он настаивал также на ускорении созыва конференции Антанты по балканским делам, которую Временное правительство хотело представить в качестве первого шага к пересмотру целей войны⁵⁹.

Терещенко принял настояния военного министра к исполнению. Представления союзникам об артиллерии и авиации были сделаны. А 24 июня в печати появилось сообщение о предстоящей союзной конференции по балканским делам. В нем утверждалось, будто русской делегации даны указания при решении политических вопросов «с особенной силой настаивать на проведении общих начал возвещенной русской демократией внешней политики». Говорилось также о «предстоящей вскоре общей конференции союзников, к подготовке которой Временное правительство уже приступило»⁶⁰. Оба эти утверждения были рассчитаны на обман масс. В действительности Терещенко в инструкции поверенному в делах в Париже, где предстояла конференция по балканским делам, указывал, что следует «по возможности сузить компе-

тенцию намеченного совещания, ограничив ее преимущественно военностратегическими вопросами»⁶¹. Не предпринималось никаких практических шагов и к созыву общей конференции союзников по вопросу о целях войны. Заведомый обман совершался в политико-агитационных целях. Временному правительству требовалось создать впечатление, что активность армии усиливает голос демократической России в международных делах.

Программа Керенского была также по необходимости расширена включением ряда насущных для продолжения войны вопросов. Временное правительство просило США выделить дополнительный тоннаж для вывоза из Америки военных грузов в Россию. Возобновились настояния о посылке союзниками миноносцев для охраны Беломорского пути. Дипломатия Терещенко стала добиваться от Италии возвращения 10 батарей тяжелых орудий, изготовленных для России, но реквизированных итальянским правительством для нужд собственной армии⁶².

Последовали попытки разрешить трудности с иностранным кредитом. 22 июня Терещенко вручил Бьюкенену памятную записку, подписанную им и министром финансов А.И. Шингаревым. В ней возобновлялось ходатайство заключить новое финансовое соглашение в рамках решений Петроградской конференции, а пока предоставить России на июль кредит в 25 млн ф. ст., то есть в размерах, определенных предыдущим соглашением⁶³. Просьба об оказании финансовой помощи была адресована также Соединенным Штатам и Японии. В первом случае речь шла как об общем большом займе до конца года, так и о более мелких кредитах на конкретные нужды. В Японии русский посол Крупенский добивался заключения займа хотя бы на часть суммы, потребной для платежей по изготовленным заказам.

Вскоре выяснилось, что надежды Временного правительства, связанные с наступлением, преувеличены. В отношении поставок из-за границы артиллерии и авиационного имущества некоторые обещания были получены, но их осуществление переносилось на будущее. Одновременно союзники официально заявили коалиционному правительству, что программа поставок, принятая на Петроградской конференции, не может быть полностью выполнена⁶⁴.

Межсоюзническую конференцию по балканским делам по настоянию Италии отсрочили. Некоторым утешением для Временного правительства могло служить обещание Англии не ослаблять Македонского фронта до обсуждения этого вопроса на конференции.

Поднятые коалиционным правительством финансовые проблемы получили только частичное разрешение. Английское правительство уклонилось от заключения нового финансового соглашения. Вместо этого оно выразило согласие признать за Россией право на остатки

по прежним займам в размере 65 млн ф. ст., которых могло хватить только на ближайшие 2–3 месяца. Британское казначейство по-прежнему отказывалось предоставлять России кредит в иенах и настаивало на скорейшем завершении русско-американских финансовых переговоров, рассчитывая избавиться от необходимости кредитовать Россию и в долларах⁶⁵.

Соединенные Штаты, в свою очередь, не пожелали предоставлять большой заем до конца года, продолжая практику небольших кредитов на конкретные цели. Японское правительство обещало ссудить России в первой половине августа 100 млн иен, из которых 70 млн должны были пойти на погашение старого краткосрочного займа, так что остающейся суммы недоставало бы даже для покрытия уже просроченных платежей по заказам⁶⁶.

Быть может, дипломатия Терещенко добилась бы большего, продлись наступательные усилия русской армии более двух недель. Однако Временное правительство и командование недооценили глубину антивоенных настроений солдатских масс. Операции были плохо подготовлены и в военно-техническом отношении.

Наконец, Временное правительство не предприняло достаточно энергичных усилий для того, чтобы русское наступление нашло поддержку в активных действиях союзных армий. Оно, по-видимому, полагалось на общие обещания, полученные еще до наступления или в самом его начале, а также на успокоительную информацию, поступающую от русского представителя при французской Главной квартире генерала Занкевича. Ставка во главе с Брусиловым первое время ограничивалась информацией союзников о ходе наступления и выражением надежды на успех «в полном единении с доблестными союзниками». Затем последовали запросы. И только 6 июля, то есть накануне немецкого контрудара, начальник штаба Ставки Лукомский по телеграфу просил Фоша, исходя из планов дальнейших русских операций, развить наиболее энергичные действия между 15 и 20 июля. На следующий день Занкевич повторил просьбу русского командования провести наступательные операции в обещанные сроки⁶⁷. Но было уже поздно: вражеский контрудар стал фактом.

Июльский кризис и его последствия. Отступление армий Юго-Западного фронта после контрудара противника под Тарнополем, выход кадетов из коалиции, частью стихийное, частью инспирированное анархистами выступление рабочих и солдат Петрограда — все это чрезвычайно осложнило обстановку в стране. Возник острый политический кризис. 8 июля Керенский сформировал новое переходное правительство в составе министров-социалистов, радикальных демократов и беспартийных. В тот же день оно приняло декларацию «Об очередных мероприятиях в осуществление начал, возвещенных декларацией 6 мая», то есть

свободы и равенства, борьбы с хозяйственной разрухой, защиты труда, подготовки аграрной реформы, укрепления и демократизации армии, борьбы за всеобщий мир на основе заявления 27 марта и формулы Петроградского совета. Новое правительство провозглашало «своей первой и основной задачей» «напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических и контрреволюционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти»⁶⁸. 9 июля объединенное заседание ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Советов крестьянских депутатов объявило кабинет г. Керенского «правительством спасения революции» с предоставлением ему неограниченных полномочий для выполнения поставленных задач.

Новое правительство по своему составу и происхождению выглядело более демократичным, чем первая коалиция. Однако на практике оно предстало в ином облики: последовали репрессивные меры в отношении большевиков, поддерживавших их рабочих и солдат, а также анархических элементов, были предприняты жесткие шаги к восстановлению дисциплины в армии. Во внешней политике на первом плане стояло продолжение Россией войны в рядах Антанты. Подобный курс объяснялся рядом причин. Меньшевики и неонароднические партии были напуганы массовым движением в ходе июльского кризиса. Тон в новом кабинете задавал тот же триумvirат: Керенский, Терещенко и Некрасов, перешедший к радикальным демократам. Возросла политическая роль Ставки, которую с 18 июля возглавил сторонник диктаторских методов А.Г. Корнилов. Влияние Советов уменьшилось.

«Правительство спасения революции» в специальном обращении к союзникам заявило о «непреклонной решимости продолжать войну» и, вступая в четвертый год борьбы, «делать все нужные приготовления для зимней кампании». Оно обещало даже, что преобразованные русские армии «в нужный час двинутся вперед», дабы «завершить победоносно великое дело, за которое они вынуждены бороться»⁶⁹. В осведомительных телеграммах в столицы союзных государств и Стокгольм Терещенко подтверждал, что главной задачей нового правительства является борьба с внешним врагом, и заверял, что будут приняты меры к «оздоровлению» русской армии как с помощью суровых репрессий, так и «путем широкой агитации за наступление»⁷⁰.

Впрочем, в реальность наступления в текущем году сами русские министры и военачальники плохо верили. На совещании Керенского и Терещенко с генералами в Ставке 16 июля было признано, что наступательные действия возможны не раньше зимы, а вероятнее, весны. В кампанию 1917 года в лучшем случае удастся предпринять небольшие операции на Румынском и Кавказском фронтах, которые нельзя, одна-

ко, обещать с уверенностью. Главная военная задача была определена совещанием как стабилизация положения на фронте и подготовка к новой зимней страде⁷¹.

В декларации 8 июля Временное правительство обещало не позднее августа добиться созыва международной конференции «для определения общего направления политики союзников и согласования их действий при проведении принципов, провозглашенных русской революцией». Эта словесная уступка «революционному оборончеству» камуфлировала истинные цели. В действительности, как сообщал Терещенко Бахметьеву 15 июля, он «полагал бы необходимым отложить предполагаемую конференцию и, приостановив на время всякие переговоры об условиях будущего мира, сосредоточить все внимание на продолжении войны»⁷².

«Правительство спасения революции», просуществовав чуть более двух недель, уступило место второй коалиции, в которую вошли кадеты. Тенденция к соглашению еще раз возобладала, теперь на фоне сдвига вправо. В новом кабинете Керенского, по оценке Милюкова, «при небольшом номинальном перевесе социалистов действительный перевес... принадлежал убежденным сторонникам буржуазной демократии»⁷³. «Речь» с нескрываемым удовлетворением констатировала, что предложенная кадетами программа «легла в основу деятельности правительства», а «для доктринерских элементов пресловутой программы 8 июля остается очень мало времени и возможности»⁷⁴. В самом деле, обращение второго коалиционного правительства к населению было почти лишено соглашательской фразеологии. Его лейтмотивом служил шовинистический призыв завершить войну «достойно чести великого народа». Правительство приняло требования корниловской Ставки о наведении в армии «железной дисциплины» методом репрессий. В целях сплочения всех «патриотов» и сторонников «порядка» решено было созвать в августе Государственное совещание. Межсоюзническая конференция о целях войны откладывалась до лучших времен. Вскоре после образования второй коалиции Бьюкенен телеграфировал в Лондон, что, по мнению Терещенко, если военная конференция союзников будет проведена в конце сентября, то политическая конференция должна состояться немного позднее, то есть не ранее октября⁷⁵.

Таким образом, правительство второй коалиции взяло курс на затягивание войны и отход от соглашательской фразеологии при формулировании официальной программы. Наблюдались явные сдвиги и в практической политике.

4. Внешняя политика керенщины

В мае-июне Временное правительство на фоне двойной игры вокруг целей войны проводило осторожно-выжидательную политику. Импульс

наступления оказался слабым и коротким. Попытки активизации дипломатических усилий, последовали только в июле-августе при керенщине.

Отношения с европейскими союзниками. 13 июля начальник штаба Ставки А.С. Лукомский передал французскому и английскому командованиям, что Тарнопольский прорыв и переброска противником дополнительных сил с запада угрожает «захватом наших хлебобородных губерний и выходом в тыл армиям Румынского фронта». Он настоятельно просил, чтобы «решительное наступление союзников на англо-французском фронте не было отложено, а начато теперь же и велось с полной интенсивностью», не позволяя противнику перебрасывать войска с запада на восток. Скорого ответа не последовало, и три дня спустя просьба была повторена⁷⁶.

18 июля французский главнокомандующий А. Петэн передал генералу Занкевичу ответ, не содержащий сколько-нибудь определенных и конкретных обязательств⁷⁷. Британский главнокомандующий В. Робертсон сообщил 21 июля о начавшемся наступлении двух английских армий, носившем, впрочем, локальный характер. Он обещал оказывать давление на немцев и в дальнейшем, но предупреждал, что оно будет включать ряд последовательных операций, разделенных паузами⁷⁸. Запоздалые и недостаточно энергичные действия союзников позволили Германии продолжать переброски войск как с Западного, так и с Итальянского фронтов.

24 июля немцы перешли в наступление на Румынском фронте, которое угрожало потерей остальной части румынской территории и падением этой страны из войны. Западные союзники забеспокоились и стали осаждать Временное правительство и русскую Ставку просьбами спасти Румынию от полного разгрома, Терещенко обещал сделать все возможное, но одновременно просил Францию и Англию усилить давление на противника, «так как положение станет критическим, если немцы перебросят новые войска с запада»⁷⁹. Ставка, со своей стороны, просила союзников предпринять энергичные действия в кратчайший срок, чтобы вынудить противника оттянуть часть сил с Восточного фронта⁸⁰. Прежде чем Франция и Англия оказали давление на противника, русские и румынские войска сумели в начале августа остановить его продвижение собственными силами.

По-прежнему остро стоял вопрос о союзной военно-экономической помощи. Временное правительство и Ставка, как и западные державы, ориентировались на продолжение войны в 1918 году, а потому хотели, пусть с запозданием, получить уже произведенные заказы. 11 июля состоялось заседание Главзагрона с участием представителей союзных военных миссий. Глава этого учреждения генерал А.А. Михельсон поставил вопрос о явной недостаточности выделяемого России на июль-сентябрь тоннажа для перевозок по Белому морю (208 тыс. т при наличии

556 тыс. тонн готовых грузов). Он специально подчеркнул, что невывоз 90 тыс. тонн артиллерийских грузов «может крайне неблагоприятно сказаться на самом ходе военных действий». Комиссия постановила обратить внимание соответствующих правительств на необходимость более интенсивных поставок⁸¹.

На том же заседании Главзаграна обсуждалась острая нехватка у русской армии самолетов. Комиссия просила английскую военную миссию поддержать перед своим правительством ходатайство русской стороны об авиационных заказах. Вопрос о заграничном авиационном снабжении был специально возбужден новым Главнокомандующим Корниловым в письме на имя военного министра. Генерал считал необходимым получить от союзников до конца года не менее 1 тыс. самолетов с моторами и запасными частями⁸².

В середине июля Особое совещание по обороне постановило поручить Терещенко довести до сведения французского и английского правительств, что недопоставка орудий и снарядов «ставит русскую армию в крайне тяжелое положение», и просить «союзные правительства как об усилении производства упомянутых орудий и снарядов, так и об увеличении тоннажа для их перевозки»⁸³.

Ответы союзников оказались лишь отчасти благоприятными. Они ссылались на нехватку тоннажа и напряженное положение с русским кредитом. Высказывались упреки и в адрес самой России, которая не справлялась с вывозом из собственных портов уже доставленных туда грузов. Отношение Англии и Франции к русским поставкам колебалось также в зависимости от известий из России.

В период наступления на Юго-Западном фронте комиссия лорда А. Мильнера обещала увеличить поставки в июле-сентябре. Когда же успехи русской армии сменились поражением, последовало резкое свертывание программы.

Не лучше обстояло дело с кредитами. От Англии в июле было получено меньше средств, чем в июне, поступления в котором были рекордно низкими по сравнению с предшествующими месяцами. Финансовые переговоры с Францией о праве использовать остаток по прежним кредитам и увеличении ежемесячных ассигнований затягивались. Полученный в августе заем в Японии не позволял покрыть даже самых насущных финансовых нужд в этой стране. Наконец, в Америке вместо просимых до конца года 733 млн долл. удалось получить 100 млн, правда вместе с обещанием, что некоторые другие пункты русской программы будут рассмотрены позднее⁸⁴.

Продолжая оказывать ограниченную военно-экономическую поддержку России, союзники проявляли все большую тревогу за развитие событий в стране и стремились поставить его под свой контроль. Уча-

стились рекомендации Временному правительству со стороны западных представителей в Петрограде о способах наведения «порядка». Русский вопрос занял важное место на конференциях Антанты в середине и конце июля.

На Парижской конференции по балканским делам он обсуждался на частных совещаниях лидеров Англии, Франции и Италии. Политики западных стран стремились любой ценой удержать Россию в составе коалиции до конца войны. Французские представители рекомендовали оказать Временному правительству помощь в политической (пропаганда), экономической и военной областях. Предполагалось, что сама Франция займется возрождением дисциплины и подъемом морального духа русской армии, Англия — флотом, а Соединенные Штаты — реорганизацией транспорта. Помощь должна была сопровождаться посылкой в Россию соответствующих иностранных миссий⁸⁵. Принятие решения относительно этой программы отложили до следующей конференции. В Париже обсуждалась также линия поведения союзников на случай, если Россия все же не продержится и выйдет из войны, и был намечен ряд возможных контрмер⁸⁶.

Следующая, Лондонская конференция Антанты официально обсуждала опять только военные вопросы, а русские дела рассматривались на «частном» совещании в отсутствие представителя России. Французский проект разграничения «сфер содействия» союзников получил одобрение. В связи с этим решено было обратиться к правительству Соединенных Штатов с просьбой взять на себя помощь «реорганизации русских железных дорог». В постановлении прямо говорилось об «административной реорганизации России» под контролем иностранных миссий в целях сохранения ее в рядах коалиции и борьбы с «внутренним разложением»⁸⁷. Лондонская конференция рассматривала также вопрос о посылке в Россию особого комиссара западных держав, который координировал бы меры по оказанию ей союзной помощи. Эта идея получила принципиальное одобрение, но не была реализована вследствие несогласия Временного правительства⁸⁸.

Балканская политика. Военные неудачи России и внутренние трудности Временного правительства подорвали его престиж среди балканских государств. Посланник в Румынии С.А. Поклевский сообщал, что успехи противника в Галиции повергли королевское правительство «в полное уныние» и что в случае отхода армии с румынской территории не исключена капитуляция последнего. Обеспокоенные такой перспективой Франция, Англия и Италия настаивали перед Временным правительством и Ставкой на принятии срочных мер по стабилизации Румынского фронта. На крайний случай они предлагали совместно выработать план эвакуации румынской территории. При этом державы — участницы Бухарестской кон-

венции должны были коллективно гарантировать Румынии, что ей будет отведена в России военная зона со всеми prerogативами королевской и государственной власти и что эти державы возьмут на себя заботу о снабжении румынской армии и эвакуированного населения продовольствием. Временное правительство пошло навстречу этим настояниям, и румынское правительство выступило с заверениями, что останется верным Антанте до конца. Это не помешало королевским властям вскоре же возбудить перед западными союзниками вопрос об организации особого снабжения Румынии и оказании ей финансовой помощи помимо России⁸⁹.

В Греции Временное правительство шло следом за политикой Франции и Англии. Оно сделало решительный шаг в признании совершенного там при участии западных держав переворота, согласившись считать Александра новым королем лишь с оговоркой о необходимости выявить волю греческого национального собрания. По просьбе западных держав русский посланник И.П. Демидов взял на себя трудную миссию примирить враждующие венизелистскую и королевскую партии⁹⁰. Но курс на единство действий с Францией и Англией не избавлял Россию от постепенного оттеснения ее в Греции на второй план.

Согласно решению упомянутой Парижской конференции державы Антанты предполагали оказать Греции военную и финансовую помощь. Но контроль за выполнением постановления Франция и Англия намеревались целиком взять на себя. Россию пригласили только принять участие в финансовых авансах Греции. Терещенко и его дипломатам удалось настоять на приглашении русских представителей в комиссию по определению финансовых потребностей новой союзницы. Но в другие комиссии, а также к делу обучения и снабжения греческой армии Россию не допустили, несмотря на то что она еще со времени Лондонской конференции 1830 года являлась одной из «держав — покровительниц Греции»⁹¹.

На Парижской конференции и после нее обсуждался вопрос о временно оккупированных союзниками территориях Греции. Временное правительство выступило за очищение Италией и Францией всех занятых ими областей страны, за исключением прифронтового района. Сама Россия согласилась на вывод единственного русского отряда, находившегося в Афоне. Но Италия и Франция предпочли продолжать частичную оккупацию страны под предлогом необходимости охраны железных дорог⁹².

Правительство Керенского стремилось продолжать политику «патронирования» славянских государств и народов, хотя возможности его заметно уменьшились. Русская дипломатия защищала от нападков Италии соглашение Н. Пашича — А. Трумбича о создании сербо-хорватословенского государства, помогла Сербии добиться приглашения

на Парижскую конференцию стран Антанты, поддержала проект создания в США юго-славянского корпуса и т. д. Сербское правительство, не отказываясь от ориентации на Россию, хотело перестраховаться и прощупывало почву в Лондоне и Риме. Правящие круги Италии, предвидя возможность «ухода России с Балкан», выдвигали на этот случай задачу овладения «русским наследством», средством для этого могла бы послужить сделка с Сербией и южными славянами⁹³.

В черногорском вопросе Временное правительство поддерживало идею объединения этой маленькой страны с Сербией. Его политика сталкивалась с линией Италии на восстановление независимой, а в действительности зависимой от нее Черногории.

Не изменилась политика Временного правительства в чешско-словацком и польском вопросах. Оно продолжало организацию чешских и польских частей и поддерживало создание подобных формирований в других странах. Кабинет Керенского примирился с ожидавшимся образованием во Франции Национального польского комитета, но оговорил, что считает нежелательным участие его в будущей мирной конференции при рассмотрении вопроса о политическом устройстве Польши.

В целом славянская политика правительства Керенского не отличалась ни новизной, ни энергией, а события на Восточном фронте и в России вели к ослаблению ее эффективности.

Политика сближения с Америкой. Еще 6 июня в Вашингтон прибыло чрезвычайное посольство во главе с уже упоминавшимся Бахметьевым. Эта миссия должна была выразить американской администрации благодарность за инициативу признания нового режима в России и прозондировать почву в отношении возможности политического сближения двух стран. Но, пожалуй, еще большее значение имели расчеты добиться с помощью миссии увеличения американской военно-экономической поддержки.

Первая неделя пребывания в США прошла в официальных приемах и встречах. Была, правда, достигнута договоренность о посылке в Россию специальной комиссии Американского Красного Креста.

Со второй недели начались политические и экономические переговоры на уровне главы миссии и государственного секретаря Р. Лансинга. Бахметьев убеждал собеседника в выгодности для самих США начать энергично поддерживать Россию. Лансинг соглашался лишь с тем, что Россия во всех американских переговорах и действиях должна ставиться в одинаковые с другими союзниками условия. Он также признал, и это было важно, что решение русско-американских экономических вопросов не должно зависеть от прошлых финансовых соглашений России с Англией. Государственный секретарь не отвергал возможности дальнейшего развития русско-американских отношений, но и не спешил

с этим, явно выжидая, как сложатся события на русском фронте и какие вести поступят из России.

Деловые переговоры о военно-экономической помощи оказались, по признанию Бахметьева, «малорезультативными». Известную роль в этом сыграло скрытое противодействие Англии, которая сама претендовала на преобладающую долю американской помощи и не хотела ослаблять контроль за поставками в Россию. Еще важнее было другое обстоятельство — дурные известия о положении в России, поступавшие от американских представителей в стране.

Почти одновременно с миссией Бахметьева развертывала свою деятельность в России американская миссия во главе с сенатором Э. Рутом, которая сыграла не меньшую, если не большую роль в развитии отношений двух стран. Помимо официальной задачи — приветствовать новую, демократическую Россию и вести переговоры с Временным правительством о лучших способах сотрудничества в войне — перед американской миссией ставилась конфиденциальная цель: «помешать социалистическим элементам в России осуществить любой план, который подрвал бы эффективность союзных держав»⁹⁴. Временное правительство возлагало на переговоры с Рутом большие надежды, которые оправдались только в незначительной степени.

В ответ на просьбы об увеличении военно-экономической помощи американская миссия предложила русским министрам сформулировать свои заявки, которые и передала в Вашингтон, не взяв при этом на себя каких-либо обязательств. Правда, по изучении обстановки на месте она предложила и собственные рекомендации на этот счет, но они оказались более чем скромными. К концу пребывания в России Рут пришел к выводу, что недостаток тоннажа должен сильно сократить русские заказы на вооружения и потребные на них кредиты⁹⁵.

Американская миссия выступила за расширение железнодорожной помощи России, представляя ее не столько в виде увеличения поставок подвижного состава, сколько в форме передачи американского опыта эксплуатации путей.

Большое внимание уделили посланцы США изучению внутренней ситуации в России и поискам способов воздействия на нее. Рут и его коллеги пришли к выводу, что ключом к продолжению войны для России служит не расширение экономической помощи ей, а организация там крупномасштабной политической пропаганды. Исходя из этого, миссия предложила своему правительству «План американской деятельности по сохранению и укреплению морального состояния армии и гражданского населения России»⁹⁶.

Само Временное правительство не придавало американской агитации большого значения, хотя не прочь было продемонстрировать перед

русским общественным мнением единство стремлений «двух великих демократий».

Переговоры русского Министерства путей сообщения с комиссией Стивенса, прибывшей после обследования Сибирской железной дороги в Петроград, проходили медленно и трудно. Министерство добивалось, чтобы комиссия поддержала перед Вашингтоном новые заявки России на железнодорожное оборудование. Американские эксперты утверждали, что дело не столько в нехватке подвижного состава, сколько в неэффективном его использовании, и предлагали свои услуги в налаживании работы Сибирской железной дороги. Они домогались предоставления им руководящих или контролирующих постов и возможности вызвать себе в помощь целый штат специалистов из США⁹⁷. На этой стадии переговоров в дело решительно вмешался сенатор Рут. Он заявил Временному правительству, что улучшение транспорта должно рассматриваться как первостепенная проблема общей политики. Одновременно глава миссии апеллировал к русской Ставке⁹⁸. В Вашингтоне Бахметьеву дали ясно понять, что недовольны отношением в России к американской железнодорожной комиссии. Он не замедлил сообщить о важности «с общеполитической точки зрения» оказать полное доверие Стивенсу, выразив опасение, что в противном случае американская помощь может вовсе прекратиться⁹⁹.

Временное правительство поддалось нажиму и в середине — второй половине июня в основном приняло рекомендации комиссии Стивенса по усилению пропускной способности линии Владивосток–Петроград. Заокеанские эксперты оставались в России на неопределенный срок и получали право выписать из США дополнительный контингент железнодорожных специалистов. Было достигнуто соглашение о сооружении американцами во Владивостоке паровозо- и вагонсборочных мастерских, которые должны были «ставить на ноги» прибывающий из Америки подвижной состав. Комиссия Стивенса обещала поддержать своим авторитетом прежние заявки России на подвижной состав и сделать рекомендации в пользу новых заказов. Впрочем, Бахметьев предупреждал против излишнего оптимизма в отношении этой части договоренности¹⁰⁰.

В политических переговорах с сенатором Терещенко пытался предварительно выявить точки соприкосновения американской и русской дипломатии в вопросах будущего мирного урегулирования. Но глава заокеанской миссии продемонстрировал чрезвычайную сдержанность, имея прямое указание президента Вильсона преждевременно не раскрывать карт и не касаться условий мира, на которых будут настаивать США¹⁰¹.

После появления декларации Временного правительства от 8 июля с идеей конференции для пересмотра целей войны Бахметьев предложил срочно привлечь к участию в этом деле администрацию Вильсона.

Посол пояснил, что речь идет не о простом приглашении Америки наряду с другими державами, а о том, чтобы выступить рука об руку с ней при выяснении задач войны. В этом случае, по его мнению, «голос России мог бы найти мощную опору в Северо-Американских Соединенных Штатах»¹⁰². Терещенко отвечал Бахметьеву, что созыв конференции не стоит пока в качестве практической задачи, но не возражал против воздействия на американские политические круги в пользу поддержки основных начал русской политики на будущее¹⁰³.

Правительство Соединенных Штатов вряд ли нуждалось в том, чтобы Россия приобщила его к большой европейской политике (идея Бахметьева). Тем не менее в Вашингтоне проявляли определенный интерес к сближению. В последнем видели средство с охранить русского союзника, сэкономив таким образом жизни американских солдат и средства, Россия была также единственной из держав Антанты, склонной как будто пойти на общий пересмотр тайных договоров, заключенных без участия Соединенных Штатов. Сближение открыло бы американскому капиталу благоприятные возможности для предпринимательства в России после войны.

26 июля домой возвратилась миссия Рута, по впечатлению Бахметьева, «крайне благоприятно настроенная к России». Посол установил с Рутым близкий контакт и рассчитывал, что поддержка главы миссии и общая дружелюбная атмосфера открывают хорошие перспективы для сближения¹⁰⁴. Обнадеживающие признаки действительно наблюдались. Правительство Вильсона прислало доброжелательный ответ на июльские обращения кабинета Керенского к союзникам с обещанием продолжать войну. О всемерной поддержке России в деле продолжения борьбы говорилось в обращении американского президента к Государственному совещанию.

Временное правительство, со своей стороны, делало некоторые ответные жесты. Так, в июле оно по просьбе американской стороны направило в Соединенные Штаты военно-морскую миссию адмирала А.В. Колчака. Русские министры проявляли готовность предоставить американскому капиталу выгодные условия для эксплуатации горных богатств Сибири и Дальнего Востока¹⁰⁵.

Дополнительными стимулами к сближению послужили для Временного правительства известия о настойчивых притязаниях Италии на закрепление за ней зоны в Малой Азии. 5 августа Терещенко предписал Бахметьеву доверительно объясниться с Лансингом и склонить его к русской точке зрения о несвоевременности и нецелесообразности при существующих политических обстоятельствах входить в какое-либо обсуждение вопроса о разделе Малой Азии. Министр высказал также мнение, что «общее направление политики Соединенных Штатов в вопросе

о Турции и ее будущем» приближается к принципам, выдвинутым Временным правительством. Исходя из этого, Терещенко предложил Бахметьеву вступить «в доверительный обмен мнениями с вашингтонским кабинетом по турецким делам, держа нас в курсе, в целях достижения возможной согласованности действий России и Америки при ликвидации войны»¹⁰⁶. Речь шла о согласовании мирных программ в важнейшем регионе, на который распространялись тайные договоры Антанты.

18 августа от Бахметьева поступили обнадеживающие новости. Посол сообщал, что, хотя Италия не обращалась в Вашингтон по поводу своих притязаний в Малой Азии, из объяснений с Лансингом он понял несочувственное отношение американского правительства к подобным стремлениям. Бахметьев приступил и к выполнению более общего поручения, касавшегося Турции, проведя частные беседы с Лансингом и влиятельным министром финансов Мак-Аду. «Из бесед обнаружилось, — телеграфировал посол, — близость направления мыслей здешних государственных людей к нашим принципам». У него сложилось впечатление, что американские правящие круги готовятся использовать участие США в войне и их помощь союзникам, дабы побудить державы Антанты отказаться от завоевательных стремлений в Турции. Это привело бы к выходу Турции из войны и способствовало победе. «Такая же линия, — писал Бахметьев, — зарождается, по-видимому, и по отношению к Балканам, в частности Болгарии». В этих условиях посол считал возможным развить установившееся взаимопонимание и просил в случае согласия дать ему конкретные указания по затронутым вопросам. Он уже намечал новую тактическую линию, учитывавшую реальное соотношение сил: выдвигать в этих делах «Америку на первенствующую роль, а нам поддерживать ее выступления»¹⁰⁷.

Но тут Терещенко, видимо, забеспокоился, что объяснения с Соединенными Штатами зашли слишком далеко и что сотрудничество такого рода способно лишить Россию каких-либо осязаемых плодов победы. Указаний Бахметьеву на предмет продолжения переговоров так и не последовало.

В практическом вопросе об ответе на мирную инициативу Ватикана* дипломатия Временного правительства после некоторых колебаний не рискнула ассоциироваться с заявлением В. Вильсона, формулировавшего принципы политического бескорыстия, исключения кары или расчленения государств, отказа от экономического порабощения. Она предпочла, по консультации с европейскими союзными державами, дать

* В августе 1917 года папа Бенедикт XV обратился к воюющим державам с предложением о мире, условия которого были выгодны Германии и особенно ущемляли интересы России.

самостоятельный ответ, в большей мере учитывавший интересы правящих кругов России, Франции и Англии.

Политика в Азии. В июле-августе можно было наблюдать некоторые признаки активизации политики России на Ближнем и Среднем Востоке, объясняемой стремлением как-то компенсировать неудачи на европейском театре. 29 июля Корнилов отдал директиву командующему Черноморским флотом подготовить к 1 марта 1918 года транспортные средства для осуществления Босфорской операции. В том же документе предписывалось подготовить к октябрю 1917 года транспортные средства и войска для высадки при благоприятных условиях десанта силами одного корпуса в Добрудже¹⁰⁸.

22 августа, после предварительной подготовки, между вождями курдских племен и командующим русским экспедиционным корпусом в Персии генералом Баратовым было подписано соглашение об объединении курдов Керманшаха и Курдистана и дружбе их со свободной Россией. При этом курдские вожди обязались обратить все силы на борьбу с турками, а русская сторона подтверждала территориальную целостность Персии, в составе которой курды должны были получить автономию¹⁰⁹. Немного позднее состоялся второй большой съезд курдских вождей и русских представителей. Заключенное соглашение должно было способствовать нормализации отношений между русскими войсками и племенами курдов, а в перспективе открывало возможности для укрепления русского влияния в этом регионе Персии.

В целом же персидская политика Временного правительства не претерпела существенных изменений. Оно не воспользовалось возможностью проведения более гибкой и реалистической линии для укрепления отношений двух стран. Как в центральном вопросе о выводе иностранных войск, так и в части финансового контроля над Персией Россия, следом за Англией, уклонялась от выполнения пожеланий персидских либеральных и демократических сил.

На Дальнем Востоке правительство Керенского придерживалось оборонительной тактики, стремясь на период отвлечения сил на запад по возможности сохранить статус-кво. Задача эта была не из легких, поскольку Япония, формально находившаяся в союзе с Россией, пользовалась благоприятным временем для проведения активной экспансионистской политики. Главной ареной русско-японского соперничества по-прежнему оставался Китай. В августе 1917 года Япония предоставила пекинскому правительству заем на нужды управления. Шли переговоры о еще более крупном займе на осуществление земельной реформы. Он должен был сопровождаться установлением финансового контроля со стороны государства-заимодавца. Не располагая необходимыми средствами для участия в займе, Временное правительство было

вынуждено ограничиться дипломатическими шагами. В обращении к союзным державам оно напомнило о праве России, согласно декларации 1895 года, на равенство с любой другой страной в деле наблюдения за доходами Китая и контроля над ними¹¹⁰. В специальном обращении к Японии Терещенко разъяснил, что Россия не станет возражать против назначения японца директором Департамента монетной реформы в Китае в надежде, что японский кабинет «не откажется иметь в виду при определении компетенции этого директора и организации вверяемого ему ведомства наличность особых русских интересов в Северной Маньчжурии, Монголии, Западном Китае»¹¹¹.

Русская дипломатия участвовала во всех коллективных акциях держав Антанты, направленных на вовлечение Китая в войну с германской коалицией. Помимо демонстрации солидарности с западными державами она рассчитывала, что превращение Китая в союзника может содействовать сдерживанию японского нажима на эту страну. Вставший в связи с этим вопрос о финансовой помощи Китаю путем отсрочки уплаты боксерского вознаграждения* получил компромиссное решение: Россия, имевшая право на самую большую долю контрибуции (около 29%), согласилась нести равные с другими державами «убытки» в размере среднего арифметического между уступками других государств, то есть 10%¹¹². Усилия Антанты увенчались успехом, и 1 августа китайское правительство объявило Германии и Австро-Венгрии войну.

Большое беспокойство в Японии вызвали признаки русско-американского сближения: миссии Рута и Бахметьева, слухи о предоставлении американцам горных концессий на Сахалине, в Приамурье и Восточной Сибири. Последние настолько взволновали Токио, что японская дипломатия дважды выступала с запросами-предупреждениями. В сложившейся обстановке приходилось взвешивать выгоды сохранения старых отношений с Японией или развития альтернативного русско-американского направления. И посланник в Пекине Н.А. Кудашев, и посол в Токио В.Н. Крупенский дали Терещенко одинаковый совет: остаться верными существующему союзу с Японией. Стремясь подвести под улучшение русско-японских отношений материальную базу, Терещенко 9 августа сообщил в Токио о готовности России продать Японии северный участок бывшей ЮМЖД за весьма умеренную сумму в 23 млн иен¹¹³.

Дальнейшие перемены во внешней политике России были тесно связаны с событиями внутри страны: корниловским мятежом, его провалом и новым политическим кризисом. Осенью серьезно осложнилась также международная обстановка.

* Контрибуция, наложенная на Китай иностранными державами после подавления ихэтуаньского восстания 1899–1901 годов.

5. «Дипломатия» социалистов-оборонцев

Лучше понять кризисную ситуацию осени 1917 года в России поможет обращение к еще одному сюжету, имеющему прямое отношение к внешней политике и до сих пор лишь едва намеченному. Речь идет о попытках оборонческих Советов контролировать деятельность МИД и даже вести параллельно с ним свою, правда ограниченную по задачам и масштабу, работу на международной арене.

Отдел международных сношений. Вслед за появлением Манифеста Петроградского совета в левой части его Исполкома возникла идея учредить специальный международный отдел, который заботился бы о развитии провозглашенной борьбы за мир. В обсуждении этого замысла приняли участие представители различных течений. Наиболее радикальные предложения выдвигали большевики. Прошел, однако, проект меньшевика-интернационалиста Ю. Ларина, ставивший перед отделом довольно скромную задачу осведомления Европы о русской революции¹¹⁴.

22 марта общее собрание Петроградского совета утвердило постановление Исполкома и приняло «Положение об организации Отдела международных сношений». Формирование его было поручено меньшевикам А.И. Чхенкели и М.И. Скобелеву; последний и возглавил новое подразделение. В его состав вошел ряд видных деятелей социалистов-оборонцев, в частности В.М. Чернов. Руководящая коллегия отдела включала П.Б. Аксельрода, Л. Мартова, В.Д. Паразича, В.Н. Розанова (делопроизводитель и комиссар по сношениям с МИД и другими правительственными учреждениями), И.А. Рубановича и Т.Я. Рубинштейна (секретарь). Почти все они были меньшевиками.

В соответствии с «Положением» отдел претендовал на право распространять за границей через официальное Петроградское телеграфное агентство (ПТА) и собственных агентов в Стокгольме материалы о деятельности Петроградского совета, минуя военную цензуру, но согласуя их со специальным комиссаром Временного правительства. В свою очередь, Петроградский совет в лице отдела намеревался следить за отправляемыми через ПТА материалами для буржуазной прессы и в случае необходимости опротестовывать их. Отдел мог посылать за границу курьеров для доставки социалистической периодики. Петросовет хотел беспрепятственно получать из-за рубежа информацию о деятельности рабочих партий и организаций¹¹⁵.

Временное правительство сочло возможным в основном принять эти пожелания. 2 апреля между Исполкомом Совета и МИД было заключено специальное соглашение, в большинстве случаев повторявшее пункты «Положения». Совет не получил, однако, права свободно сноситься по почте и телеграфу с зарубежными учреждениями, организациями

и лицами. Документы, посылаемые с курьерами, подлежали обязательному просмотру комиссаром Временного правительства¹¹⁶.

Уже в начале апреля отдел начал отправку через ПТА для печати союзных и нейтральных стран телеграмм, освещавших деятельность Совета. С 20-х чисел апреля были организованы поездки в Швецию и Норвегию курьеров отдела, перевозивших «Известия Петроградского Совета», а также партийные газеты социалистов-оборонцев и доставлявших в Россию европейскую социалистическую печать. В июне началось издание в Стокгольме информационного «Бюллетеня» Отдела международных сношений. Эта информационная работа способствовала ослаблению эффективности блокады, установленной воюющими правительствами на пути общения национальных отрядов международного рабочего движения. Разумеется, по указанным каналам русская революция освещалась за рубежом с позиций социалистов-оборонцев.

Другим важным направлением работы Отдела международных сношений стала помощь политэмигрантам в союзных и нейтральных странах, а также русским «гражданским пленным» во враждебных государствах. Отдел выступал с ходатайствами об ускорении возвращения политэмигрантов в Россию, об оказании им материальной помощи. Он также добивался обмена интернированных Германией и Австро-Венгрией политэмигрантов на «гражданских пленных» этих стран в России,

С июня-июля главное внимание отдела сосредоточилось, как увидим ниже, на организации международной социалистической конференции.

Замыслы и практика контроля. Идея специального контроля над ведомством Милюкова возникла внутри Совета в связи с обострением борьбы вокруг официальных целей войны накануне апрельского кризиса. Между 10 и 20 апреля Розанов, один из руководителей Отдела международных сношений, подготовил для Исполкома Совета тезисы доклада «О необходимости организации постоянного совещания при Министерстве иностранных дел». Проектируемому совещанию предполагалось придать широкие функции (выработка плана внешней политики, подготовка условий мира, постепенная реорганизация дипломатического аппарата) и немалую власть: его решения должны были иметь обязательную силу. Однако видимый радикализм проекта обесценивался двумя обстоятельствами. Во-первых, в состав совещания намечалось ввести помимо членов Временного правительства и делегации Исполкома Совета Исполнительный комитет Государственной думы, то есть речь шла об «общественном» контроле, причем представители Совета находились бы в заведомом меньшинстве. Во-вторых, работа совещания должна была храниться в тайне, оставаться закрытой для общественности. Розанов успел познакомить со своими тезисами главу Отдела международных сношений Скобелева и влиятельного в обо-

ронческих кругах И.Г. Церетели. Но до обсуждения его предложений на Исполкоме дело не дошло, так как, по словам самого Розанова, «события обогнали их»¹¹⁷.

В ходе кризиса, 24 апреля, Исполком Петроградского совета обратился к вопросу о контроле над Министерством иностранных дел, но уже в несколько иной плоскости. Теперь речь шла о допуске в министерство комиссаров Исполкома. Керенский, фактически представлявший на заседании правительственную сторону, уклонился от прямого ответа. Он указал, что поднятый вопрос является частью более широкой проблемы «о реконструкции отношений между властью и демократией», и поставил вопрос о создании коалиции¹¹⁸. После некоторых колебаний оборонческие партии приняли, как известно, это предложение.

С вхождением представителей этих партий в правительство вопрос о контроле Совета над внешней политикой был фактически снят с повестки дня. Массам обещали, что отныне борьба за мир будет вестись с удвоенной силой: Советы станут воздействовать на зарубежные рабочие организации, а социалисты внутри правительства — добиваться присоединения союзных стран к русской внешнеполитической платформе¹¹⁹.

На практике влияние министров-социалистов на внешнюю политику оказалось весьма ограниченным. В правительственной комиссии для предварительного рассмотрения вопросов внешней политики они находились в меньшинстве, да и сам этот орган имел чисто совещательный характер. Министры-социалисты контактировали с приезжавшими в Россию социалистами-шовинистами государств Антанты, изредка встречались с дипломатическими представителями союзных стран. Прожженные западные политики лицемерили, давали уклончивые ответы, но присоединяться к демократической мирной платформе Совета отказывались. Расчеты на демонстрацию силы русской демократии в виде организации наступления провалились вместе с этой военной авантюрой. Оставались надежды мобилизовать на борьбу за мир силы европейского социализма, связи с которыми после Февральской революции расширились.

Подготовка Стокгольмской конференции. В 1917 году идея созыва международной социалистической конференции с целью восстановления Интернационала и организации совместных усилий в пользу мира, что называется, носилась в воздухе. С ней выступали социал-демократы ряда нейтральных стран — Швеции, Голландии, Дании. Российские социалисты-оборонцы видели в конференции средство давления на правительства воюющих государств, способное побудить их принять демократические принципы мирного урегулирования. Кампания подготовки международного форума социалистов должна была поддерживать веру

трудящихся России, что энергичная борьба за прекращение войны продолжается.

Еще на Всероссийском совещании Советов в конце марта меньшевик Ф.И. Дан предложил, чтобы обновленная Россия взяла инициативу созыва конференции на себя. 25 апреля решение об этом было принято Исполкомом Петроградского совета по докладу Отдела международных сношений. Намечалось пригласить все партии бывшего Интернационала, готовые встать на платформу воззвания Совета от 14 марта¹²⁰. Большевики, а также польские и латышские социал-демократы выступили против общей конференции с социал-шовинистами. 30 апреля пленум Петроградского совета утвердил постановление Исполкома и одновременно принял воззвание «К армии», в котором поддержал идею наступления. Такое совпадение, конечно, не было случайным. 2 мая последовало обращение Совета по поводу конференции «К социалистам всех стран».

В начале мая в Петрограде велись трудные переговоры о конференции с посланцами французской социалистической и английской лейбористской партий. Представителей левых меньшинств правительства западных держав в Россию не пустили. 8 мая Исполком Петроградского совета по инициативе Отдела международных сношений решил образовать комиссию по созыву конференции. В нее вошли все члены президиума Исполкома, по одному представителю от партий меньшевиков, эсеров, бундовцев, трудовиков и народных социалистов, представитель Отдела международных сношений и три члена по избранию — меньшевики И.П. Гольденберг и Ю.М. Стеклов и внефракционный социал-демократ Н.Н. Суханов.

Комиссия наметила местом проведения конференции нейтральный Стокгольм, определила время ее работы (первоначально 18 июня — 2 июля ст. ст.). В проекте обращения «К социалистическим партиям и центральным профсоюзам» всех стран она предложила платформу российской делегации: разрыв с политикой национального единения и консолидация усилий в борьбе за демократический мир, то есть мир без аннексий и контрибуций на базе самоопределения народов¹²¹.

Предложения комиссии были одобрены Исполкомом, и 20 мая обращение появилось на страницах «Известий» и других оборонческих газет. Опубликование платформы Совета едва не привело к серьезному конфликту с социал-шовинистами западных стран, представители которых (А. Тома, Э. Вандервельде, де Брукер и А. Гендерсон) находились в то время в России. С трудом удалось достигнуть компромиссного решения о проведении параллельно со Стокгольмской конференцией социалистических и рабочих партий стран Антанты, на которую. Исполком Совета обещал послать делегацию «с информационными целями»¹²².

Вопрос о Стокгольмской конференции рассматривался и I Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов как часть пункта повестки дня об отношении к войне. Содоклад по нему делал Розанов. Несмотря на критику большевиков, съезд признал необходимым, чтобы революционная демократия энергично содействовала созову международной социалистической конференции в целях скорейшего воссоздания Интернационала, окончательной выработки мирной платформы и средств борьбы за ее реализацию. В качестве практической меры рекомендовалась посылка делегаций в союзные и нейтральные страны, а также приглашение в Россию посланцев от всех социалистических течений¹²³. Немного позже съезд избрал делегацию для поездки за границу. Она включала социалистов-оборонцев всех оттенков — от внефракционных социалистов-демократов до эсеров.

«**Новые аргонавты**». Делегация отбыла через Торнео в Стокгольм как раз в день получения известий о начале русского наступления. Ей поручалось договориться с Голландско-Скандинавским комитетом, Бернской комиссией циммервальдцев и крупнейшими социал-демократическими и рабочими партиями европейских стран о созыве конференции в непродолжительный срок и на платформе, которая позволила бы сплотить разнородные течения: принятие в общем виде трехчленной формулы демократического мира; отказ от обсуждения вопроса об ответственности за войну и за крах Интернационала; самостоятельное представительство на конференции направлений большинства и меньшинства; рассмотрение форумом социалистов не только условий мира, но и форм борьбы за него; обязательность решений конференции для ее участников.

Первую большую серию переговоров делегация провела в Стокгольме с представителями социал-демократических партий Германии и Австро-Венгрии, Голландско-Скандинавским комитетом, Бернской комиссией и посланцами английских партий меньшинства. Пожалуй, наибольшее значение имели переговоры с социал-демократами враждебных стран. Они завершились в целом благоприятно, как и объяснения с двумя партиями английского меньшинства. Бернская комиссия отказалась участвовать в подготовке конференции социалистов всех направлений. Трудности в переговорах с Голландско-Скандинавским комитетом удалось преодолеть на базе компромисса. Было создано объединенное Русско-Голландско-Скандинавское организационное бюро, согласована повестка дня конференции и намечен новый срок ее созыва — теперь уже 2 августа ст. ст. Общий итог стокгольмских встреч был как будто положительным, и «Известия» в редакционной статье даже утверждали, что российским делегатам удалось сделать «замечательный шаг на пути к всеобщему миру»¹²⁴.

Второй тур переговоров — в Лондоне — происходил уже после провала наступления и июльского кризиса, отрицательно сказавшихся на престиже России и политической роли Советов. Делегаты остро почувствовали неблагоприятное изменение обстановки. Торг с исполкомом лейбористской партии не дал определенных результатов. Британские социал-шовинисты соглашались не выступать против Стокгольмской конференции лишь при условиях: 1) поддержки такого решения национальной конференцией их партии; 2) обязательства русских социалистов-оборонцев принять участие в отдельной конференции социалистов Антанты. Вопросы о сроке созыва Стокгольмской конференции и обязательности ее решений согласовать вообще не удалось.

Дальнейшие переговоры были перенесены в Париж, где каждая из сторон рассчитывала получить поддержку французской социалистической партии. Однако трехсторонние совещания мало продвинули подготовку Стокгольмской конференции. Если разрыва и не последовало, то лишь ценой существенных уступок российской делегации. Программа была намечена теперь в такой форме, что позволяла социал-шовинистам Антанты поднять вопрос об ответственности за войну и раскол Интернационала. Время созыва конференции перенесли на середину сентября. Представители меньшинств могли приглашаться на форум только в том случае, «если меньшинство организовалось в особую партию». Наконец, обязательность постановлений заменил туманно сформулированный пункт о том, что национальные секции возрожденного Интернационала должны будут торжественно заявить, как они намереваются осуществлять принятые решения¹²⁵.

В России вопрос о конференции вновь рассматривался в 20-х числах июля, когда требовалось оправдать в глазах масс возрождаемую коалицию с кадетами. 20-го он стоял на повестке дня соединенного заседания ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов, а 26-го более обстоятельно обсуждался на заседании руководящей коллегии Отдела международных сношений с участием ряда оборонческих лидеров. Последнее показательное как свидетельство организационной беспомощности и политической беспринципности «соглашателей». На этом заседании всерьез распределялись доклады и места на конференции, но не было намечено никаких действенных мер для предотвращения ее возможного срыва. При обсуждении же программы мирного урегулирования оборонцы продемонстрировали готовность, декларировав трехчленную формулу, удовлетвориться миром на основе довоенного статус-кво¹²⁶.

Срыв социалистической конференции. Инициативу срыва Стокгольмской конференции взяла на себя Англия — наиболее сильная в тот

момент держава коалиции, господствующие классы которой верили в победу. Британский кабинет обсудил вопрос о поездке лейбористского министра Гендерсона в Париж на встречу с французскими и русскими социалистами и пригрозил ему потерей портфеля, если он не изменит своего отношения к предполагаемой конференции. Премьер Д. Ллойд Джордж заявил в связи с этим в палате общин, что королевское правительство «не намерено позволить какой-либо групповой конференции решать или диктовать условия мира»¹²⁷.

Форин-офис постарался воздействовать на Временное правительство. В телеграмме Терещенко 21 июля поверенный в делах в Лондоне К.Д. Набоков советовал в предвидении конфиденциального запроса А. Бальфура и «в интересах поддержания устойчивых и тесных отношений с Великобританией» отмежеваться от стокгольмской затеи. Сразу после образования коалиции Терещенко ответил Набокову, что вполне одобряет предложенное им заявление о непричастности Временного правительства к Стокгольмской конференции, которую оно считает делом чисто партийным и решения которой его ни в какой мере не свяжут. 26 июля Набоков передал в Форин-офис ноту, где излагал содержание телеграммы министра и интерпретировал ее как однозначную позицию Петрограда, которую кое-кто пытается извратить, чтобы обманом побудить рабочие и социалистические партии Англии принять участие в международном социалистическом съезде¹²⁸.

Далее Ллойд Джордж добился от Набокова согласия на публикацию русской ноты. Это позволило ему обвинить Гендере она в сознательной дезинформации лейбористской конференции и заставить его уйти в отставку. 31 июля канцлер казначейства Э. Бонар Лоу сообщил палате общин о постановлении правительства не разрешать рабочим лидерам поездку в Стокгольм. По согласованию с Англией аналогичные решения приняли правительства Франции, Италии и Соединенных Штатов¹²⁹.

Последовали попытки привлечь к единому антистокгольмскому фронту и Временное правительство. Однако коалиционный кабинет Керенского не решился на открытый конфликт с Советами и предпочел занять половинчатую позицию. Союзникам говорили одно, а лидерам Советов — другое. В официальном заявлении для печати указывалось, что правительство считает Стокгольмскую конференцию партийным делом, но не отрицает ее «общественнополитического значения» и выступало перед союзниками за то, чтобы не чинить ей препятствий¹³⁰.

Оборонцы продолжали делать вид, будто замысел Стокгольмской конференции еще не погребен. Между тем лейбористская партия и французские социалисты приняли ряд решений, шедших вразрез с уже достигнутыми было договоренностями. В середине августа в Лондоне состоялась конференция социалистических и рабочих партий Антанты,

которая закончилась неудачей вследствие разногласий между течением большинства и меньшинства. 22 августа Гендерсон заявил от имени руководства лейбористской партии, что при существующих между социалистами союзных стран разногласиях Стокгольмская конференция «явилась бы не только вредной, но и пагубной»¹³¹.

В это же время Терещенко предписал российским миссиям в Лондоне, Париже, Риме и Стокгольме отказывать делегации Советов в передаче телеграмм по дипломатическим каналам. Вступая в сговор с корниловцами, Временное правительство прекращало даже формальную поддержку усилий посланцев «соглашателей». И хотя словесная шумиха вокруг стокгольмского проекта на этом не кончилась, сами инициаторы вряд ли верили в успех своего начинания.

6. Накануне свержения

Корниловщина ввергла Россию в политический хаос, из которого Временное правительство уже не сумело благополучно выйти и было в конечном счете сброшено. На международной арене обозначились признаки колебания сражающихся коалиций между войной до победы и миром за счет России.

Критическая обстановка. В общем потоке требований масс заметно усилилось требование мира, которое все чаще связывалось в сознании политически активной части общества с формированием правительства советов. В известных постановлениях Петроградского и Московского Советов о власти одной из главных задач будущего рабоче-крестьянского правительства провозглашалось «объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение народам воюющих государств всеобщего демократического мира». В сентябре-октябре этот призыв поддержали 10 из 14 областных съездов Советов¹³². Со всей силой прозвучал он и в наказах делегатам II Всероссийского съезда Советов.

Особенно острые формы приняло движение за мир в действующей армии, где солдатские массы безусловно отвергали возможность новой зимней кампании. Официальные сводки командования о настроении солдат-фронтовиков характеризуют его как неудержимую жажду мира, стихийное стремление домой, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке¹³³. Более отсталая часть солдат просто «голосовала ногами»: уже в сентябре, по свидетельству военного министра А.И. Верховского, насчитывалось 2 млн дезертиров, зачастую вооруженных¹³⁴. Наблюдались случаи, когда доведенные до отчаяния окопники демонстративно уничтожали теплые вещи, присланные к зиме. Множились и проявления более организованных форм протеста. По данным командования, в сентябре было вдвое больше случаев братания, чем в августе, а в октябре — впятеро больше, чем в сентябре! Возникла такая новая форма борьбы,

как требование мира целыми частями, сопровождаемое попытками препятствовать боевым действиям. В сентябре подобных инцидентов было около десятка, а в октябре — 34¹³⁵.

Колебания в осуществлении провоенного курса западных держав объяснялись рядом обстоятельств: отсутствием решительного перелома в ходе боевых действий на фоне истощения и больших потерь воюющих стран, признаками опасного подъема революционного движения в Европе (события в России, восстание военных моряков в Киле, рабочее восстание в Турине, солдатские волнения во Франции, подъем забастовочной борьбы в Англии, классовые и национальные конфликты в Австро-Венгрии).

Следствием этих колебаний стала борьба партий войны и мира в правящих кругах держав Антанты и Четверного союза и активный зондаж возможных условий примирения. В августе-сентябре в Швейцарии происходили даже встречи крупных финансистов Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии, наметивших основу для сделки в виде уступок центральных держав на западе за компенсации на востоке. Отголоски этих контактов доходили до Временного правительства, которому оставалось лишь надеяться, что глубокие противоречия не позволят воюющим державам столкнуться между собой.

Пожалуй, еще большую опасность для России представляло бездействие западных союзников при нанесении Германией удара на Восточном фронте. В конце сентября — начале октября германское командование предприняло операцию, преследовавшую цель захвата островов Моонзундского архипелага и создания условий для будущего наступления с моря и с суши на Петроград¹³⁶. Между тем французское и английское правительства и командование взяли курс на отказ от крупных операций до весны 1918 года, не очень стараясь скрыть это от противника. Не меньшее значение для успеха германского удара имело фактическое бездействие английского флота, позволившее немцам направить крупные морские силы против России¹³⁷.

В грозной обстановке осени 1917 года по-разному проявили себя основные социальные группы и политические партии России. Представители «цензовой общественности» после колебаний в сторону империалистического мира выступили все же в пользу продолжения войны.

Углубилась дифференциация в оборонческих кругах. Официальное руководство меньшевиков, эсеров и других неонароднических партий быстро вернулось на позиции правительственного блока с буржуазией в целях борьбы «с контрреволюцией и внешним врагом»¹³⁸. Оппозицию к такому курсу заняли меньшевики-интернационалисты, «новожизненцы» и отколовшиеся от старой партии левые эсеры. Они склонялись к необходимости создания правительства, которое при опоре на Советы имело бы независимую от союзников демократическую внешнеполити-

ческую платформу. При этом, однако, левые течения не ставили вопроса о новой революции.

Такой вопрос поставила партия большевиков. Неудача попытки мирного перехода власти к Советам повернула их на путь подготовки вооруженного восстания. В анализе В.И. Лениным, а затем и ЦК партии сложившейся обстановки важную роль играли соображения международного характера (опасность сепаратного мира западных держав и раздела России, умышленной сдачи Петрограда Временным правительством)¹³⁹. Большевики основывались также на подъеме революционного движения в Европе: они рассчитывали, что почин России будет поддержан армией передовых рабочих в других воюющих странах¹⁴⁰. Внешнеполитическая программа будущего Советского правительства представлялась В.И. Ленину следующим образом: 1) оно **«немедленно предложит всем воюющим народам (т. е. одновременно и правительствам их, и рабочим и крестьянским массам) заключить сейчас же общий мир на демократических условиях, а равно заключить немедленное перемирие (хотя бы на три месяца)»**; 2) правительство выдвигает свое революционное понимание демократического мира **«в том единственно правильном смысле, что каждая народность, без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она отдельное государство или входит в состав любого иного государства»**; 3) Советское правительство должно будет **«немедленно само приступить на деле»** к выполнению собственных принципиальных требований, то есть опубликовать и расторгнуть тайные грабительские договоры, удовлетворить тотчас условия украинцев, финнов, обеспечить всем народам России полную свободу вплоть до отделения, применить то же ко всей Армении и т. д.¹⁴¹

Нетрудно видеть, что большевики не считали страну победившей социалистической революции обязанной соблюдать империалистические договоры о переделе мира, полагались не столько на правительства, сколько на трудящиеся массы воюющих стран. Что до обязательства союзной помощи и незаключения сепаратного мира, то формально призыв к миру адресовался также всем правительствам, включая страны Антанты. Фактически ставка делалась в первую очередь на мировую социалистическую революцию*.

Внутриправительственная борьба. Распад 27 августа в ходе корниловского мятежа второй коалиции и подавление генеральского путча

* Это служит еще одним убедительным опровержением версии о так называемом «немецком золоте», которое якобы позволило большевикам узурпировать власть, чтобы к выгоде Германии вывести Россию из войны. Подробнее по этому вопросу см.: Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994 (раздел «В ассоциации по изучению истории первой мировой войны». С. 263–299).

вызвали к жизни Директорию во главе с тем же Керенским и Терещенко в роли министра иностранных дел. Последний 31 августа поспешил направить в союзные столицы секретную телеграмму с объяснением случившегося и изложением замыслов Директории. Терещенко знал о сочувствии союзников Корнилову и потому откровенничал, что «во всем этом деле (столкновении правительства и Ставки. — *Авт.*) значительную роль сыграло взаимное непонимание и недоразумение, вызванное участием различных неудачных и темных посредников». Усилия вновь формируемой власти, утверждал он, будут направлены к решению, по существу, тех же задач, о которых договаривались со Ставкой, с поправками на последние события: продолжать войну во что бы то ни стало, «не отвлекаясь внутренними междуусобицами и распрями», оздоровить армию и восстановить порядок в тылу, вести «самую энергичную борьбу» против усилившегося большевизма¹⁴².

Открыто декларировать свою программу Директории не требовалось, что облегчало ее положение. На совещании по вопросу о реорганизации правительства 31 августа Терещенко сделал упор на задачах обороны страны, добавив лишь, что вносить какие-либо изменения в свою политику последних месяцев «он не считает возможным». Его немногословное заявление удовлетворило в тот момент как буржуазное крыло совещания, так и лидеров меньшевиков и неонародников¹⁴³.

Последние оправдывали свое примиренчество тем, что Директория служит лишь переходной ступенью к организации демократической власти. Они закрывали глаза на заметное поправление правительства, в том числе во внешнеполитической области.

Формирование правительства третьей коалиции (25 сентября — 25 октября) после созванного в середине сентября для ликвидации кризиса власти Демократического совещания закрепило эту тенденцию. В нем кадеты и беспартийные специалисты буржуазного толка значительно преобладали над посланцами меньшевиков и эсеров. Сохранившие свои ключевые посты Керенский и Терещенко сами явно эволюционировали вправо.

В ходе переговоров об образовании третьей коалиции кадеты настаивали, чтобы в основу ее программы легла позиция недавнего московского совещания «общественных деятелей», где о мире даже не упоминалось. Церетели от имени «революционной демократии» предложил принять за основу декларацию Чхеидзе на Государственном совещании 12 августа. «Вместе с тем, — заявил он, — мы считаем необходимым, чтобы правительство вступило в переговоры с союзниками для того, чтобы сделать возможным заключение мира на основе сохранения целостности и независимости России». Как видим, место трехчленной «циммервальдской» формулы демократического мира заняло «трезвое» и впол-

не респектабельное, даже с буржуазной точки зрения, пожелание. Терещенко в ответ утверждал, что продолжает «стоять на той же платформе, на которой стоял и раньше», но тут же добавил, что ее необходимо подкрепить силой, то есть прежде всего оздоровить армию¹⁴⁴.

Декларация третьей коалиции была составлена нарочито многословно и туманно. Реальное ее содержание сводилось к двум моментам: создать «твердую власть» внутри страны, чтобы остановить «волны анархии», и мобилизовать все силы «на защиту общесоюзнического дела» и изгнание «неприятельских войск из пределов родной страны»¹⁴⁵. Терещенко в телеграмме союзникам свел практические задачи нового кабинета к поднятию боеспособности армии в интересах продолжения войны, поддержанию элементарного порядка в стране и борьбе с экономической разрухой¹⁴⁶. Провоенный характер этой программы был очевиден. Под поддержанием «порядка» имелось в виду преодоление не только нарастающей волны анархических выступлений, но и действий радикальных революционных сил, возглавляемых большевиками.

Кардинальным вопросом правительственного курса оставалось отношение к войне. Продолжение ее наталкивалось не только на внутриполитические трудности. Приходилось учитывать, что боеспособность русской армии значительно упала. Расчеты на победу Антанты сменились более пессимистическими оценками, что схватка может закончиться вничью и тогда «наиболее ослабленные войной страны, и в особенности Россия, потеряли бы наибольший ущерб»¹⁴⁷.

Все же Временное правительство и Ставка еще надеялись, что в течение зимы 1917/18 года им удастся реорганизовать армию и сделать ее способной к активной обороне на фронте и к наведению «порядка» в тылу. Существовало два варианта преобразования вооруженных сил. Один проект принадлежал Ставке и арестованным корниловцам («быховским узникам»). Он исходил из необходимости вернуться к прежним порядкам в армии «без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной»¹⁴⁸. Другой, выдвинутый военным министром Верховским и сначала поддержанный Керенским, представлял сочетание дисциплинарных мер с идеологическим воздействием на солдат и использованием в этих целях остатков авторитета социалистов-оборонцев¹⁴⁹. Верховский считал, в частности, необходимым, чтобы страны Антанты обратились к противнику с предложением «демократического» мира на условиях, которые были бы заведомо отвергнуты, что убедило бы солдат в необходимости продолжать войну¹⁵⁰.

Две программы реорганизации армии столкнулись на совещании министров и генералов в Ставке 27 сентября, где обсуждалась ситуация и планы в связи с ожидавшейся союзнической конференцией в Париже. Генералы отстаивали свои прокорниловские предложения, а члены пра-

вительства склонялись поддержать программу Верховского. Результатом явился демонстративный отказ генерала М.В. Алексеева выступить в роли военного представителя России на предстоявшей конференции¹⁵¹.

Но уже в ближайшие недели Временное правительство повернуло вправо. 16 октября новый начальник штаба Ставки генерал Н.Н. Духонин представил Керенскому доклад, в котором излагал план сформирования в течение зимы взамен безнадежно разложившихся старых вооруженных сил новой так называемой «Русской народной армии». Костяк ее должны были составить добровольцы и изгнанные из частей во время революции офицеры-монархисты.

В создаваемых частях восстанавливалась прежняя дисциплина и запрещалась политическая агитация. Керенский, предварительно подготовленный давлением союзных представителей, незамедлительно утвердил проект¹⁵².

Отказ Временного правительства от программы Верховского облегчался тем обстоятельством, что военный министр сам пришел к выводу о ее неэффективности. Он, правда, сделал иной вывод — о невозможности продолжать войну и необходимости совместно с союзниками приступить к переговорам о мире, выбив почву из-под ног большевиков. Предложения Верховского обсуждались правительством 17 и 18 октября и были отвергнуты. Главными оппонентами военного министра выступили Терещенко и кадет А.И. Коновалов, утверждавшие, что военное положение и экономические интересы побуждают Россию следовать в фарватере политики западных союзников¹⁵³. Верховский еще продолжал бороться, апеллируя то к союзным военным представителям, то к лидерам отдельных партий, то, наконец, к комиссиям Предпарламента, пока не получил фактическую отставку.

Между тем Временное правительство, стремясь к консолидации сил сторонников войны и «порядка», решило выступить с изложением «национальной» внешнеполитической платформой.

12 октября Терещенко сделал доклад на закрытом заседании комиссии по иностранным делам Совета республики. Он выдвинул следующий «минимум наиболее существенных условий, без которых мир заключен быть не может»: 1) сохранение Россией выхода к Балтийскому морю, предотвращение создания на этом пути «автономных буферных» государств, которые тяготели бы к Германии; 2) обеспечение свободы сношений России с южными морями, основанной не на приобретении Константинополя и проливов, а на договорах*; 3) обеспечение экономической независимости страны. Главные средства реализации намеченной

* Нейтрализация проливов признавалась приемлемой только в случае разоружения великих держав на море.

программы Терещенко видел «в активности армии» и во взаимодействии с союзниками¹⁵⁴.

Реакция комиссии показала, что предложенная платформа не встречает принципиальных возражений ни справа, ни слева. Это позволило правительству сделать следующий шаг в сплочении «патриотических» сил и апеллировать к общественному мнению.

16 октября Терещенко выступил на заседании Совета республики с речью, опубликованной на другой же день в газетах. Ее содержание в основном совпадало с предыдущим заявлением, но включало и некоторые существенные нюансы. Сначала министр изложил два постулата своей политики: 1) верность союзникам, диктуемая не только честью и достоинством, но и практической целесообразностью; 2) недопустимость такого мира, который был бы унижительным для России или нарушал бы ее государственные интересы. Приемлемый мир предполагает, указал оратор, «чтобы территория наша осталась неприкосновенной и чтобы северу и югу была дана возможность развиваться экономически» (выход к морям). Отталкиваясь от этого, Терещенко выступил против содержавшегося в «наказе Скобелеву»^{*} предложения о самоопределении Литвы и Латвии, а также против входившей в тот же наказ нейтрализации Черноморских проливов. Он высказался также за свободное самоопределение славянских народов Австро-Венгрии и закончил утверждением, что Россия должна остаться великой державой¹⁵⁵. Таким образом, минимальная программа буржуазного правительства сводилась к сохранению «единой и неделимой» России, благоприятному для нее пересмотру статуса черноморских проливов и выделению славянских областей из Австро-Венгрии.

Речь министра иностранных дел вызвала широкий, хотя и не вполне благоприятный для правительства резонанс: перед лицом общественности всем партиям приходилось быть более щепетильными. Социалисты-оборонцы критиковали Терещенко за то, что он не учитывает огромного, стихийного стремления народа к миру, и защищали «наказ Скобелеву». Либеральные и консервативные круги, напротив, считали, что интересы России приведенным минимумом не исчерпываются и что министру следовало еще определеннее отмежеваться от «интернационализма». В самом правительстве наблюдались некоторые колебания. Часть министров находила целесообразным, чтобы Терещенко выступил в Предпарламенте вторично и в разъяснениях пошел навстречу «согласителям», которые проявляли обычную склонность к компромиссу. Большинство

^{*} «Наказ Скобелеву», или «Инструкция делегату ЦИК на союзную конференцию», был принят 3–5 октября на закрытом заседании ЦИК Советов с участием делегации армейских организаций фронта и представителя Всероссийского Совета крестьянских депутатов.

правительства, однако, отвергало какие-либо уступки оборонческой демократии.

В соответствии с мнением большинства Терещенко в новом выступлении в Совете республики 23 октября отмел всю критику внешней политики слева, как необоснованную. Он не только не смягчил своих слов в адрес «наказа Скобелеву», но позволил себе иронизировать над беспринципностью его адептов. Под аплодисменты справа и в центре Терещенко заявил, что «основных условий, которые являются государственно-национальными интересами России», его министерство «сдать не может и не сдаст»¹⁵⁶. Это выступление Терещенко свидетельствует, таким образом, что накануне Октябрьского вооруженного восстания во Временном правительстве возобладало правое, прокорниловское течение, державшее курс на продолжение войны ради осуществления посильной империалистической программы и наведения буржуазного «порядка».

Кризис в отношениях с союзниками. В конце сентября — начале октября произошли события, свидетельствовавшие о кризисе в отношениях с союзниками. Западные державы, расценивавшие ситуацию в России и перспективы ее дальнейшего участия в войне весьма пессимистично, решили прибегнуть к крайнему средству воздействия. 26 сентября послы Англии, Франции и Италии добились совместного приема у Керенского. Бьюкенен зачитал министру-председателю коллективную ноту, где выражались сомнения «в силе сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну». Документ содержал далее угрозу, что союзники могут оказаться вынужденными прекратить материальную помощь Временному правительству, если оно не докажет наделе «свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу»¹⁵⁷.

Правительство Керенского было шокировано подобным обращением, практиковавшимся только в отношении слабых или зависимых стран. Прежде всего оно озаботилось тем, чтобы демарш западных держав не получил огласки. Делались робкие попытки протестовать. Главное же — последовали новые обещания и заверения в верности. 29 сентября Временное правительство постановило «все свое внимание и все силы сосредоточить на организации надлежащей обороны государства от внешнего врага, отложив на время все прочие серьезные вопросы и не считаясь с партийными стремлениями в области внешней политики»¹⁵⁸. Постановление было опубликовано в печати. Вскоре после этого Керенский обратился с личными посланиями к главам английского и французского правительств, где доказывал, что Россия делает все возможное в интересах коалиции, и настоятельно просил не сокращать военно-экономическую помощь¹⁵⁹.

Другим проявлением кризиса стало дальнейшее расстройство военного взаимодействия с союзниками. Еще 9 сентября французское правительство устами А. Рибо сообщило с парламентской трибуны, что не предусматривает крупных операций на фронте до весны 1918 года. Русский поверенный в делах в Париже Севастопуло, сообщая об этом, резонно указывал, что подобные заявления «могут иметь неблагоприятное влияние на ход дела на нашем фронте, развязывая в некоторой степени руки немцев»¹⁶⁰. В сентябре 1917 года на Лондонской конференции по военно-морским вопросам предложения русского представителя капитана 1 ранга Г. Шульца об активизации стратегии Антанты и взятии под охрану морского пути на Мурманск — Архангельск были полностью проигнорированы¹⁶¹.

За этим последовал фактический отказ английского флота прийти на помощь России во время Моонзундской операции. Правда, обращение с просьбой о поддержке было направлено с запозданием, 5 октября, когда успех немцев уже определился. Временное правительство и русский Морской генштаб ходатайствовали о производстве хотя бы диверсии, то есть демонстративной отвлекающей операции. Переговоры русских морских представителей в Англии с командующим «Грэнд Флитом» адмиралом Дж. Желлико выявили, что британский флот «не предпримет серьезной операции, нельзя поэтому рассчитывать, чтобы силы немецкого флота были оттянуты из восточной части Балтийского моря»¹⁶². Повторные просьбы Временного правительства, которое особенно беспокоила реакция русского общественного мнения*, натолкнулись на решительную отповедь английских представителей в России¹⁶³. В конечном счете британское Адмиралтейство все же организовало морскую демонстрацию, но послало столь малые силы и действовало так нерешительно, что, по свидетельству Шульца, практического значения для помощи России эта операция не имела¹⁶⁴.

Англия и Франция проявляли все большую склонность игнорировать политические интересы ослабевшего русского партнера. В сентябре без ведома России завершилось оформление сделки между Лондоном, Парижем и Римом о выделении Италии зоны в Малой Азии¹⁶⁵.

Кризис отношений отрицательно сказался и на военно-экономической помощи западных союзников. 5 октября 1917 года в Лондоне состоялась конференция стран Антанты по распределению тоннажа, специально посвященная поставкам для России и Румынии в зимнюю навигацию 1917/18 года. Русские представители ходатайствовали о максимальном увеличении зимних перевозок. Но английская делега-

* Меньшевистские и неонароднические газеты писали, что союзники бросают Россию на произвол судьбы.

ция назвала цифру в 270 тыс. т, что составляло всего 60% от уровня предыдущего года, и отказалась идти на какие-либо уступки, ссылаясь на низкую пропускную способность Мурманской железной дороги. При этом на оснащение румынской армии, едва составлявшей шестнадцатую часть дивизий Восточного фронта, предназначалось около четверти британских зимних поставок. Русским делегатам удалось кое-что выторговать при рассмотрении дальнейшей программы — до 1 сентября 1918 года. Однако и тут обещанного тоннажа было недостаточно даже для того, чтобы вывезти поступления по старым заказам. Это побудило заготовительные организации Временного правительства встать на путь широкомасштабного пересмотра и аннулирования части заграничных заказов¹⁶⁶.

Преодолеть возникший кризис в отношениях с союзниками кабинет Керенского рассчитывал на предстоявшей конференции в Париже. Русская дипломатия предприняла несмелые попытки согласовать политическую линию на этой конференции только с Соединенными Штатами. Еще 8 сентября Бахметьев познакомил Лансинга с предложениями Терещенко о встрече союзных держав и намекнул, что в Петрограде рассчитывают на американскую помощь. Государственный секретарь признал конференцию в принципе желательной, однако от обещания поддержки уклонился, оставив открытым вопрос об участии в ней самих США¹⁶⁷.

В конце сентября, при вторичном объяснении на эту тему, Лансинг указал, что, хотя окончательное решение еще не состоялось, Америка, вероятно, примет приглашение¹⁶⁸. В дальнейшем Бахметьев несколько раз встречался с советником президента Э. Хаузом, которого прочили американским представителем на конференции. Посол просил его оказать содействие тому, чтобы союзники «признали политические, равно как и военные, нужды России». Сначала позиция Хауза показалась Бахметьеву обнадеживающей. Но вскоре США выравняли фронт с другими союзниками. 20 декабря Лансинг телеграфировал Фрэнсису, что на конференции в Париже должны обсуждаться лишь вопросы ведения войны, а не мирного урегулирования¹⁶⁹. Таким образом, Терещенко не мог рассчитывать на поддержку в Париже своей политической линии хотя бы одной из великих держав.

Военная программа русской стороны очерчена в инструкции второму русскому делегату генералу Н.Н. Головину. Он должен был охарактеризовать принимаемые для реорганизации вооруженных сил меры и обещать, что к весне 1918 года русская армия сможет выполнять задачи активной обороны, стремясь отвлечь на себя возможно большие силы противника. Ему предписывалось настаивать на выработке общего плана операций, который предусматривал бы синхронные усилия союзников. Наконец, Головин должен был добиваться выполнения в обе-

щанные сроки хотя бы уже принятых союзниками обязательств по поставкам, делая особый упор на артиллерийские и авиационные заказы и доставку ружей¹⁷⁰.

Готовясь к конференции, Временное правительство не ограничивалось словесными заверениями, что Россия будет участвовать в общей борьбе до конца. Оно всячески стремилось продемонстрировать свое стремление к реальному взаимодействию с союзниками. Ведомство Терещенко в сентябре–октябре само будировало вопрос о непосредственном привлечении западных держав к реорганизации русского транспорта, армии и флота в соответствии с июльским соглашением этих стран¹⁷¹. В октябре Ставка пыталась во исполнение пожеланий англичан организовать небольшую десантную экспедицию на малоазиатское побережье Турции силами казаков и «ударников», но так и не нашла надежных частей. Незадолго до своего свержения Временное правительство решило прийти на помощь Италии, попавшей в критическое положение в результате австро-германского удара. 21 октября итальянцам была обещана активизация в течение ближайших недель Юго-Западного и Румынского фронтов, способная ослабить давление неприятеля¹⁷². Однако осуществить этот замысел Временное правительство и Ставка не успели.

Западные державы, готовясь к Парижской конференции, добились от Временного правительства согласия, что она будет заниматься военными вопросами, а обмен мнениями об условиях мира если и состоится, то вне ее официальных рамок. Была также достигнута договоренность о составе делегаций, исключавшая особое представительство «демократии» (Советов) с русской стороны¹⁷³.

Другие европейские дела и политика на востоке. Текущая дипломатическая деятельность России в Европе и на Ближнем Востоке не отличалась ни инициативностью, ни энергией. В сентябре–октябре возобновились контакты с болгарской оппозицией. Ее представители в Берне и Париже сформулировали территориальные условия, при осуществлении которых брались добиваться выхода страны из войны. Но условия эти оказались трудно исполнимыми, так как затрагивали интересы не только малых союзников (Румынии, Греции, Сербии), но и самой России (нежелательное ей приближение Болгарии к проливам). 23 октября Терещенко передал в Берн ответ, который разграничивал болгарские притязания на заведомо неприемлемые и те, которые могут служить предметом обсуждения. Эти контакты не сулили радужных надежд, тем более что Франция относилась к возможности нейтрализации Болгарии скептически и не поддерживала усилий русской дипломатии, Англия же склонна была идти на уступки болгарам, не учитывавшие имперских интересов России в проливах¹⁷⁴.

Отношения с малыми союзными странами развивались под знаком прогрессирующего падения авторитета Временного правительства. Сер-

бия, несмотря на неизменную поддержку со стороны России, начала колебаться в своей прорусской ориентации. После неудачных попыток договориться с Италией правительство Пашича решило направить чрезвычайную миссию в Соединенные Штаты¹⁷⁵. Румыния все более определенно брала курс на замену русской опеки коллективной. Королевское правительство добивалось учреждения общесоюзнического контроля над железными дорогами Бессарабии и вмешательства западных держав в вопросы снабжения румынской армии¹⁷⁶. Венизелистское правительство Греции при поддержке Франции и Англии стало, пока еще осторожно, выдвигать претензии на роль «влиятельного фактора Восточного вопроса», включая будущее зоны Константинополя и проливов¹⁷⁷.

Перипетии борьбы с центральными державами вокруг польского вопроса побудили Антанту к коллективной акции. 2 октября, в день чествования памяти польского национального героя Т. Костюшко, Терещенко выступил с заявлением, в котором подтвердил обещания мартовского воззвания Временного правительства к полякам и добавил, что «прочие великие державы Соглашения присоединяются к положениям, объявленным русским правительством в манифесте к полякам от 17 марта, что создание Польши независимой и нераздельной является одним из условий прочного и справедливого мира и правопорядка в Европе». Вслед за русским министром в том же духе выступили послы союзных держав в России¹⁷⁸. Таким образом, Временное правительство окончательно признало международный характер польского вопроса.

В зависимых странах Азии Временное правительство продолжало цепляться за приобретенные в прошлом позиции. Показательно, что, денонсировав торговые трактаты и соглашения с развитыми странами, оно оставило в силе все экономические договоры со странами Востока.

В Персии дипломатия Терещенко в принципе признавала желательным сблизиться с побеждавшей на выборах в междлис демократической партией, заверяла персидских демократов в дружеских чувствах и готовности в будущем урегулировать все спорные вопросы. На практике же Временное правительство по-прежнему отказывалось вывести оттуда свои войска, ссылаясь на общесоюзнические интересы. Столь же неудачно закончились попытки персидского правительства добиться пересмотра существующих соглашений, начиная с Туркманчайского договора, в частности кабального финансового соглашения 1916 года. Из Петрограда отвечали, что согласны обсудить поставленные вопросы, но лишь после окончания войны и совместно с Англией¹⁷⁹.

Довольно сложную игру вело Временное правительство на Дальнем Востоке. В Китае оно старалось поддерживать единство стран Антанты, которое должно было способствовать сохранению иностранного контроля и консервации позиций держав. Вместе с тем дипломатия Терещенко

не пренебрегала возможностью извлечь пользу из своих особых отношений с Японией. Так, в ходе борьбы франко-английской и японской финансовых групп за заем на монетную реформу Россия пыталась получить от Токио обязательство учитывать ее специальные интересы в Западном Китае. Когда это не удалось в общей форме, посланника в Пекине Кудашева инструктировали добиваться для России при распределении мест иностранных советников нескольких должностей в наиболее важных пунктах Западного Китая и должности главного инспектора соляной монополии¹⁸⁰.

Большое беспокойство в Петрограде вызвали известия о посылке в США миссии К. Исии и последовавшем японо-американском соглашении по китайским делам. Эта сделка тревожила Временное правительство по следующим двум причинам: во-первых, она подтверждала принцип открытых дверей и равных возможностей и, во-вторых, означала признание Америкой специальных интересов Японии в Китае. Дипломатия Терещенко попыталась сыграть на различии толкований участников соглашения Лансинга–Исии 1917 года специальных интересов Японии в Китае. Однако обе стороны склонны были перенести разрешение этого вопроса на послевоенное время. В таких условиях тенденция к японо-американскому сближению лишней раз побуждала Временное правительство стремиться к поддержанию хороших отношений с более опасным восточным соседом.

Последние дни. Внешняя политика Временного правительства в последние дни его существования выглядела особенно бледной и беспомощной. Даже прямая угроза большевистского восстания не побудила правительство третьей коалиции прибегнуть к сколько-нибудь крупным политическим маневрам для своего спасения. Отрицательное отношение господствующих классов России и союзных держав к официальному обсуждению целей войны и к «наказу Скобелеву» препятствовало новой сделке с социалистами-оборонцами. Оставалось полагаться на силу, которая таяла на глазах, и проблематичную помощь извне.

Союзные представители в России стремились внушить Временному правительству недостающую, по их мнению, твердость в подавлении революционного движения и анархии. В середине октября Бьюкенен при встрече с Керенским доказывал ему, что время полумер прошло и порядок в стране должен быть восстановлен любой ценой. Он призывал министра-председателя выступить в роли «спасителя отечества»¹⁸¹. Французский посол Нуланс, со своей стороны, предупредил Керенского об опасности большевистского заговора и настаивал на подавлении «мятежников» вооруженной рукой. В ответ он получил успокоительные заверения о вызове в столицу крупных военных сил¹⁸². Робкая попытка деятелей Американского Красного Креста В. Томпсона и Р. Робинса предложить Временному правительству политический маневр с обещанием земли крестьянам была решительно отвергнута военными представителями Франции и Англии¹⁸³.

Еще более откровенно, чем с Керенским и его людьми, союзные дипломаты объяснялись с буржуазными министрами. Американский посол знал от них о вероятности большевистского выступления и намерении правительства подавить его силой. Он поддержал это решение, считая момент подходящим, чтобы дать большевикам надлежащий урок¹⁸⁴. 19 октября Терещенко конферировал с Ноксом, сообщив ему о замысле министров-капиталистов «вытолкнуть» Керенского из правительства и «нокаутировать» Советы. Была даже названа дата намечаемой акции — 25 октября. Нокс целиком поддержал Терещенко и его единомышленников в правительстве¹⁸⁵. 23 октября у Бьюкенена собрались Терещенко, Коновалов и Третьяков. Министры уверяли посла, будто правительство располагает достаточной силой, «чтобы справиться с положением», и обещали ему «большие перемены» ранее, чем он выедет в Англию*. Все они нападали на Керенского, обвиняя его в неспособности к решительным действиям. Бьюкенен согласился с ними в том, что если Керенский не ассоциируется со сторонниками твердой последовательной политики, то «чем скорее он уйдет, тем будет лучше»¹⁸⁶.

24 октября Временное правительство попыталось перехватить инициативу у революционных сил. Союзные представители получили от Терещенко обнадеживающую информацию. Керенский явился на заседание Совета республики и потребовал полной поддержки мер правительства по подавлению большевистского выступления. Он обвинил организаторов восстания в открытии фронта «перед бронированным кулаком Вильгельма и его друзей». Керенский лицемерил, уверяя, будто Временное правительство намеревалось поставить на Парижской конференции вопрос о целях войны и даже о мире.

Последовавшее обсуждение вскрыло значительные разногласия между партиями Предпарламента. Готовность безоговорочно поддержать карательные меры правительства выразили только группы кадетов и кооператоров. Относительным большинством голосов была принята формула меньшевиков и эсеров. В ней осуждалось начавшееся восстание, предлагалось создать в помощь правительству Комитет общественного спасения и принять меры против большевистской агитации. Эти меры должны были включить предложение к союзникам «провозгласить условия мира и начать мирные переговоры». При голосовании такой формулы часть земцев и кооператоров, а также народные социалисты и отдельные эсеры воздержались. Кадеты и более правые группы вместе с представительницей плехановского «Единства» Л.И. Аксельрод выступили против. Специального решения по вопросам внешней политики

* Бьюкенен должен был 26 октября выехать на родину для последующего участия в Парижской конференции.

принять вообще не удалось. Таким образом, Совет республики не смог в этот критический момент послужить прочной опорой правительству.

Утром 25 октября союзные посольства получили известия об успехах большевистского переворота и вероятности скорого ареста Временного правительства. Керенский бежал из столицы в надежде организовать поход на «мятежный» Петроград извне. Попытки послов встретиться или связаться с Терещенко оказались безрезультатными. В тот же день власть Временного правительства пала. Господствующие классы России и правительства союзных стран не сразу отдали себе отчет в значении происшедшего. Им казалось, что торжество большевиков будет кратковременным.

Традиционная для советской исторической литературы трактовка внешней политики Временного правительства страдала односторонностью и предвзятым подходом. Позиция большевиков принималась за безусловно правильную и единственную, отвечавшую интересам народа и самостоятельного развития страны. Полностью отрицался демократический характер государственной власти в период от Февраля до Октября. Преувеличивалось значение контрреволюционных мотивов в политике как самого Временного правительства, так и союзных держав. Выпячивалось зависимое положение России в Антанте. Меньшевики и неонароднические партии, руководимые ими Советы однозначно представлялись в роли вольных или невольных пособников антинародной политики буржуазии. Объективный анализ побуждает внести в эти оценки серьезные коррективы, не упрощая, однако, дела до простой смены черной краски на белую и наоборот.

В марте–октябре 1917 года Россия действительно находилась в тяжелейшем положении и могла скатиться в пропасть национальной катастрофы. Партия большевиков видела выход в углублении революции, а затем в переходе последней к социалистическому этапу. Такой курс не исключал возможности блока социалистических сил, в котором они претендовали на руководящую роль. Меньшевики и неонароднические партии сделали выбор в пользу власти либеральной буржуазии при контрольно-наблюдательной роли Советов, а позднее — широкой коалиции с участием либералов в качестве одного из главных компонентов. Если большевики активизировали борьбу против войны, вольно или невольно внося свой вклад в разложение армии, то социалисты-оборонцы примирились с продолжением войны и перенесли усилия на изменение ее официальных целей. Это могло, по их мнению, ускорить заключение общего демократического мира. Они безуспешно пытались найти поддержку своей линии у социалистов Антанты.

Партийный состав Временного правительства претерпевал некоторые изменения. В целом, за исключением переходного периода в июле, он характеризовался: а) ведущей ролью буржуазных либералов и близких к ним политиков; б) участием лидеров меньшевиков и неонародников, то есть представителей умеренных социалистов. Политика этого правительства при сравнительном демократизме методов была в основном буржуазной, хотя и включала элемент компромисса, скорее формального, с чаяниями народных масс.

Сказанное полностью относится к внешней политике. Ее генеральной линией являлась война до победного конца, отвечавшая стремлениям имущих классов. Уступки рабочим, солдатам и крестьянам касались формулировки целей борьбы. Буржуазные лидеры Временного правительства рассчитывали использовать военную обстановку, оборонческие и шовинистические настроения для укрепления государственной власти, хотя это не являлось их главным мотивом. Союзные державы пытались влиять на события в России, опять-таки в первую очередь исходя из интересов продолжения войны, что не исключало, разумеется, симпатий к сохранению там буржуазного строя.

Великодержавные позиции России в Антанте оказались поколебленными вследствие резкого падения боеспособности русской армии и непрочности государственной власти. Продолжение войны обуславливало зависимость от союзной военно-экономической помощи и рост внешнего долга. Все же превращение страны в полуколонию могло произойти лишь в случае, если бы возобладали анархо-погромные силы и сепаратистские тенденции, торжество которых грозило распадом единого государства. В реальной жизни развитие пошло по революционному пути смены Временного правительства Советским. Большевистский СНК порвал с политикой войны, что привело к фактическому разрыву с Антантой, и сделал ставку на европейскую социалистическую революцию.

Заключение

Вторая часть книги посвящена внешней политике России непосредственно накануне и в годы Первой мировой войны. В 1912–1914 годах блоковый характер русской политики претерпел существенные изменения. Если предшествующий период был временем соглашений и балансирования, когда в Петербурге не теряли надежды остаться в стороне от столкновения Германии и Англии, то теперь русская дипломатия неразрывно связывает судьбу страны с Антантой и сама ищет пути укрепления Тройственного соглашения. В начале 1912 года Россия приняла предложение Франции, чтобы протоколы совещаний начальников генштабов двух стран скреплялись подписями военных министров, приобретая таким образом характер правительственных обязательств. Тогда же Россия выступила инициатором заключения военно-морской конвенции с Францией, при посредстве которой координировались усилия на море также и с Англией. Осенью 1912 года Сазонов совершил поездку в Англию, где получил от министра иностранных дел Грея и короля Георга V самые твердые заверения в поддержке английского флота в случае войны с Германией. В начале 1914 года русская дипломатия выдвинула предложение о превращении Тройственного соглашения в открытый оборонительный союз, а когда этот вариант не прошел, вступила в переговоры с Англией о заключении морского и политического соглашений.

Перемены в блоковой ориентации не означали отказа от стремления продлить внешнеполитическую передышку, так как ни внутренние преобразования, ни программы реорганизации вооруженных сил далеко не были завершены. Но обстановка в Европе после агадирского кризиса 1911 года чрезвычайно обострилась. Начался новый виток в гонке вооружений, инициатором которого и на этот раз выступили германские милитаристы. Опасность большого конфликта таила в себе затянувшаяся Итало-турецкая война. Захват Италией островов Додеканес и возможность перенесения военных действий на Балканский полуостров серьезно затрагивали интересы других держав. Источником тревоги служило формирование в 1912 году Балканского союза, участники которого стремились воспользоваться ослаблением Турции, чтобы решить свои национально-территориальные проблемы. Хотя страны этого нового блока формально признавали верховный авторитет России, на практике он мог выйти из-под контроля, что позднее и произошло. Возникла, таким образом, реальная угроза, что вековой восточный вопрос вновь встанет во весь рост.

Сыграли свою роль и причины внутреннего характера. Реорганизация армии и воссоздание флота были с 1910 года поставлены, наконец, на плановые и обеспеченные финансами рельсы. Уже к весне 1912 года удалось пополнить истраченные во время японской войны резервы снаряжения и боеприпасов. Началось осуществление первых программ военно-морского строительства. Все это поднимало дух военных верхов, которым казалось, что Россия уже может с успехом помериться силами если не с Германией, то, во всяком случае, с Австро-Венгрией.

Столыпинская политика «успокоения и реформ» переживала кризис. Реформы наталкивались на сопротивление как крестьянских масс, так и крайне правых кругов и развивались довольно медленно. Само «успокоение» оказалось непрочным и кратковременным. С 1912 года, после кровавых ленских событий, вновь стало быстро нарастать стачечное движение, влиявшее на настроения разочарованного политикой правительства крестьянства и угнетенных народов. В правящих кругах столыпинский курс стал подвергаться сомнению, в том числе и во внешнеполитическом аспекте. Осторожность, уклонение от участия в конфликтах, балансирование между Англией и Германией утратили прежнее приоритетное положение в политике правительства, уступая место поискам иных путей и средств обеспечения интересов России.

Тем временем кризисы в международных отношениях следовали один за другим. Не успела закончиться итало-турецкая война, как начался военный конфликт между странами Балканского союза и Турцией. Балканские государства добились победы, но не сумели договориться о разделе плодов успеха. Вскоре вспыхнула война между победителями, в которую вмешались Румыния и Турция. Положение осложнилось стремлением европейских великих держав поставить перемены на Балканах и Ближнем Востоке под свой контроль и укрепить там собственные позиции. Формально державы выступали в рамках так называемого «европейского концерта», то есть совместно. На практике, однако, противоречия между ними не раз обострялись настолько, что ставили Европу на грань большой войны. В этих осложнениях Россия обычно отступала, шла на маловыгодные ей компромиссы. Она следовала такой тактике на протяжении обеих Балканских войн вопреки недовольству буржуазно-помещичьей общественности. Разочарование уступчивостью России проявляли и ее партнеры по Антанте.

В конце 1913 года наступил психологический момент, когда руководителям русской внешней политики стало ясно, что продолжение прежней линии грозит России фактической утратой великодержавного статуса: оно не предохранит ее от возрастающих притязаний Германии и Австро-Венгрии, а во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия готова ради сохранения мира на любые уступки

и тогда они станут искать обеспечения своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря. Это осознание пришло на фоне очередного международного кризиса, вызванного посылкой в Стамбул с небывалыми полномочиями германской военной миссии Лимана фон Сандерса. Конфликт с большим трудом удалось формально урегулировать. Но русско-германские отношения резко обострились, о чем свидетельствовала, в частности, «газетная война» двух стран зимой — весной 1914 года.

Внутри царского правительства произошла передвижка сил в пользу сторонников более решительного курса. Осторожный Коковцов получил отставку, Сазонов сумел вовремя переориентироваться. Тем не менее положение петербургского кабинета оставалось двойственным. Если новое «отступление» в случае внешних осложнений и признавалось неприемлемым, то все же предпочтительнее было оттянуть войну на несколько лет, чтобы завершить принятые в 1911–1914 годах программы усиления армии и флота, а также стабилизировать внутреннее положение. Царские министры видели выход в том, чтобы превратить Тройственное согласие в союз, на войну с которым Германия и Австро-Венгрия не решились бы. Неудача этого замысла побудила Петербург вступить в секретные переговоры с Англией о заключении морского и политического соглашений по образцу англо-французских. Переговоры начались в феврале 1914 года, но затянулись вследствие обострения в то время англо-русских противоречий в Азии. Гибкость русской дипломатии позволила в конечном счете преодолеть главные трудности и почти завершить дело, когда разразилась мировая война.

Приобретя глобальные масштабы, эта война, принеся невообразимые до того человеческие жертвы (30 млн убитых и 20 млн раненых), отличавшаяся невиданными материальными разрушениями, пагубными последствиями для культуры и духовного развития, была проявлением кризиса всей мировой цивилизации. Особенно жестокие испытания выпали на долю не завершившей своей модернизации России, для которой война обернулась самыми большими жертвами по сравнению со всеми сражавшимися государствами, экономической разрухой, тяжелейшими лишениями для народа и в итоге двумя революциями 1917 года, вторая из которых — Октябрьская — утвердила в стране новую общественно-экономическую и политическую систему.

Война с самого начала приобрела для России, как и для других участников, тотальный характер. В ходе нее царское правительство стремилось решить комплекс своих европейских и ближневосточных задач. Главные цели состояли в том, чтобы устранить угрозу германской гегемонии в Европе и сокрушить австрийского соперника на Балканах, закрепить господство над некоторыми нерусскими народами и вый-

ти на новые политико-стратегические рубежи, открывающие путь для дальнейшего расширения позиций на мировой арене.

В ходе войны русской дипломатии приходилось решать сложные задачи обеспечения внешнеполитических условий для победы и подготовки будущего передела мира. В первом случае речь шла об оформлении и укреплении союза противников центральных держав, расширении Антанты, налаживании эффективного взаимодействия ее участников. Уже 23 августа (5 сентября) по инициативе России между ней, Англией и Францией было подписано соглашение о незаключении сепаратного мира, равнозначное союзному договору. В ноябре 1915 года последовала декларация о незаключении сепаратного мира и совместном обсуждении условий будущего мира пяти главных участников коалиции — России, Англии, Франции, Италии и Японии. Тройственное согласие превратилось в Пятерной союз.

На протяжении всей войны шла упорная борьба воюющих блоков за привлечение на свою сторону новых государств и раскол лагеря противника. В этом состязании Антанта преуспела больше, чем центральные державы. В 1914 году к ней примкнула Япония, в 1915-м — Италия, в 1916-м — Румыния, в 1917-м — Соединенные Штаты и Китай, не говоря о малых латиноамериканских и азиатских странах. Противоположная группировка расширилась лишь за счет Турции и Болгарии. Русская дипломатия активно участвовала в вербовке новых союзников, проявляя гибкость и готовность к необходимым компромиссам.

В центре отношений между Россией и ее партнерами по Антанте стояло согласование военных усилий. Сначала в основе его лежали довоенные конвенции, в которые жизнь заставила внести радикальные коррективы. Большую роль приобрели военно-политические связи между верховным командованием союзных армий. После малоуспешных для Антанты кампаний 1914 и 1915 годов стали предприниматься попытки выработки согласованных планов ведения войны, для чего созывались межсоюзнические военные и военно-политические конференции. На этих конференциях Россия не только добивалась широкой координации военных усилий, но и отстаивала самостоятельное активное значение Русского фронта, борясь с попытками западных держав отвести ему неблагодарную роль «вытяжного пластыря».

Одним из аспектов этой борьбы являлось распределение военно-технических средств союзников. Россия отстаивала принцип соответствия его с реальным вкладом фронтов в боевые действия. Заметим, что роль Русского фронта на протяжении 1914–1916 годов была исключительно велика, в то время как технико-экономическая отсталость России не позволяла ей адекватно снабжать свою армию вооружением и боеприпасами. Отсюда проблема военных поставок западных держав, упирившаяся

как в объективные трудности с финансами и тоннажем, так и в субъективную недооценку союзниками возможностей русской армии.

Еще в самом начале войны министр иностранных дел России С.Д. Сазонов сообщил Франции и Англии свой эскиз картины передела мира в предположении победы Антанты. Таким образом, он поставил вопрос о единой всеохватывающей программе союзников. Французская и английская дипломатия предпочли, однако, уклониться от такого универсального согласования, избрав путь отдельных соглашений по конкретным вопросам. Это объяснялось тем, что наряду с единством главной цели — ликвидации угрозы германской гегемонии — между державами Антанты существовали и серьезные расхождения, особенно в отношении будущего Балканско-Ближневосточного региона. Кроме того, Англия опасалась чрезмерного усиления России в результате победы.

В итоге последовала серия секретных соглашений по отдельным вопросам: в 1915 году — о Константинополе и проливах и о «компенсациях» союзникам России, в 1916-м — о разделе азиатских владений Турции, в начале 1917-го — франко-русское соглашение о признании взаимной свободы определения своих границ с Германией. Эти тайные договоры в основном удовлетворяли притязания главных держав Антанты, включая Россию. Но осуществление их на практике, даже в случае победы, зависело от реального вклада каждого союзника в войну, а главное — от соотношения сил между победителями ко времени окончания схватки.

Это соотношение за два с половиной года войны серьезно изменилось не в пользу России. Она понесла наибольшие жертвы, не сумела, в отличие от Англии и Франции, качественно усилить вооружение своей армии, вступила в полосу хозяйственной разрухи и обострения социальных конфликтов. В результате осуществление планов царского правительства оказалось под вопросом. Неслучайно последний николаевский министр иностранных дел Н.Н. Покровский в докладе царю незадолго до Февральской революции писал, что если не захватить проливы еще до конца войны, то получить их не удастся из-за противодействия союзных держав.

Пришедшее к власти в результате Февральской революции Временное правительство сначала пыталось сохранить в силе тайные договоры Антанты. В дальнейшем, при коалиционных кабинетах с М.И. Терещенко в качестве министра иностранных дел, оно вынуждено было признать, что осуществить прежние замыслы в объеме, закрепленном соглашениями с союзниками, не удастся. Отсюда делался вывод, что нужно будет в подходящее время пересмотреть эти соглашения, ставя задачей оградить наиболее важные из своих интересов и несколько умерить аппетиты партнеров. На решение комплекса европейских и ближ-

невосточных задач в ходе данной войны уже не рассчитывали. Однако и «программа-минимум» русского империализма оказалась нереальной.

Временное правительство продемонстрировало неспособность либерально-демократическими методами преодолеть усиливавшуюся экономическую разруху и быстрый рост деструктивно-анархических процессов. Потерпела неудачу и попытка установления военной диктатуры. В этой обстановке антивоенная политика большевиков вместе с обещаниями земли и хлеба обеспечила им расширяющуюся поддержку в народе и победу в октябре 1917 года.

Большевицкое правительство попыталось добиться общего демократического мира, делая ставку на революционное движение в воюющих странах. Не дождавшись революции в Германии, не сумев предотвратить развал армии и не получив дипломатической поддержки союзников, оно заключило Брестский мир на чрезвычайно тяжелых для страны условиях. Сепаратный характер договора ставил Россию в положение нарушителя международных обязательств. Все же выход из войны даже такой ценой был, по-видимому, оправдан: подобное решение пришлось бы принять любому ответственному правительству в обстановке развала армии, экономической разрухи и острой внутренней борьбы. Кроме того, Брестский мир правомерно рассматривался В.И. Лениным как временный, поскольку поражение Германии и ее союзников в войне в целом не вызывало сомнений.

Примечания

Часть первая

Глава I

1. См.: *Гефтер М.А.* Империализм в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. С. 817.

2. См.: *Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки. М., 1948. С. 237, 239.

3. См.: *Довнар-Запольский М.В.* Русский вывоз и мировой рынок. Киев, 1914. С. 2; *Ден В.* Положение России в мировом хозяйстве. Пг., 1922. С. 65; *Beginnings of Modernization in the Middle East.* Chicago, 1968. P. 389.

4. Их среднегодовой вывоз в 1909–1913 годах составлял соответственно 37,4, 36,1 и 27,8 млн руб., в то время как экспорт зерновых достигал 676,1 млн, леса — 145 млн руб.

5. Единственное существенное изменение составило снижение удельного веса ввозимых металлов (с 10,5 % в 1896–1900 гг. до 3,3 % в 1909–1913 гг.).

6. *Кокочиц В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919. М., 1992. Кн. 2. С. 313.

7. См.: *Материалы по истории СССР.* М., 1959. Т. VI. С. 173–174, 178, 192, 193–195.

8. Характерный для таможенной системы всех стран до середины XIX века автономный тариф сменяется к концу века системой двойного тарифа, когда общий (максимальный или автономный) тариф существовал одновременно с договорным (конвенционным). Россия ввела двойной тариф 1 июня 1893 г. На основе конвенционных уступок в 1893–1896 годах ею был заключен ряд новых торговых соглашений, в которых важнейшее место принадлежало договору о торговле и мореплавании между Российской и Германской империями, подписанному в Берлине 29 января 1894 года (он был заключен на 10 лет).

9. См.: *Китанина Т.С.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л., 1978. С. 274–275.

10. *Материалы по истории СССР.* Т. VI. С. 167–168.

11. РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 46. Л. 70–71.

12. См.: *Покровский С.А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 373–376; *Ананьич Б.В.* Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг. (по материалам учетно-ссудного банка Персии). Л., 1975. С. 15–16, 18, 29–50, 62–67, 177–180.

13. См.: *Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII — начало XX в.).* М., 1989. С. 143, 149.

14. См.: *Сладковских М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 337–344.

15. См.: *Райков А.В.* Русско-индийская торговля в начале XX века // Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в XIX — начале XX в. Иркутск, 1988. С. 51–52.

16. См.: *Дик Е.Н.* Российско-мексиканские торгово-экономические отношения в конце XIX — начале XX в. // *Россия и Мексика: 100 лет дипломатических отношений.* М., 1990. С. 39–41.
17. *Промышленность и торговля.* 1908. № 8. С. 469; 1910. № 11. С. 712.
18. См.: *Шенелев А.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987. С. 187.
19. См.: *Девятый очередной съезд представителей промышленности и торговли.* Доклад Совета съездов о мерах к развитию производительных сил России. Пг., 1915. С. 404–405, 410.
20. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. III. С. 300, 311.
21. Цит. по: *Промышленность и торговля.* 1912. № 8. С. 398.
22. См.: *Санников А.И.* Из истории разработки нового таможенного тарифа в России перед первой мировой войной // *История СССР.* 1978. № 2. С. 155.
23. РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 113. Л. 142.
24. *Биржевые ведомости (вечерний выпуск).* 1911. 25 июля.
25. См.: *Вайнштейн А.А.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960. С. 428, 430, 434, 444.
26. См.: *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал, 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 4–9.
27. См.: *Girault R.* Diplomatic europeene et imperialismus, 1871–1914. P., 1979. Т. 1. P. 42.
28. См.: *Гиндин И.Ф.* Указ соч. С. 402, 444–445.
29. См.: *Гарновский К.Н.* Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50–60-х годов. М., 1990. С. 63–68.
30. Там же. С. 73–74.
31. См.: *Доклад С.Ю. Витте* в феврале 1900 г. «О положении нашей промышленности» // *Историк-марксист.* 1935. № 2–3. С. 131–139.
32. См.: *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 66–67.
33. См.: *Сидоров А.А.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 526.
34. См.: *История СССР с древнейших времен.* Т. VI. С. 295.
35. Там же. С. 332.
36. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 377.
37. Там же. Т. 28. С. 698; *Ленинский сборник.* Т. XXX. С. 282.
38. См.: *Лившиц Р.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. Табл. 37.
39. См.: *История СССР с древнейших времен.* Т. VI. С. 308.
40. См.: *Азиатская Россия.* СПб., 1914. Т. 2. С. 439.
41. См.: *Бескровный А.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 97.
42. См.: *История СССР с древнейших времен.* Т. VI. С. 728–729.
43. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 505.
44. См.: *Соловьёв Ю.Б.* Франко-русский союз в его финансовом аспекте // *Французский ежегодник.* 1961. М., 1962. С. 163.

45. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 277–280.
46. Там же. С. 281–283.
47. Там же. С. 303–308.
48. См.: *Рыбаченок И.С.* Последний бастион, В.Н. Ламздорф и Мюрцштегское соглашение 1903 года // *Российская дипломатия в портретах.* М., 1992. С. 292–294.

Глава II

1. Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран. М., 1981. С. 318–319.
- 1а. См.: *Игнатъев А.В.* С.Ю. Витте — дипломат. М., 1989. С. 62–63.
2. См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 461–495.
3. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 61.
4. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Л. 36.
5. Там же. Л. 22–23.
6. Там же.
7. Там же. Л. 37.
8. Там же. Л. 28.
9. Доклад министра иностранных дел графа Муравьёва царю (1900 г.) // Красный архив. 1926. Т. 5(18). С. 6.
10. Там же.
11. Там же. С. 26.
12. См.: *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С. 354–405.
13. См.: *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. 2-е изд. М.; Л., 1955. С. 273–274.
14. См.: *Русско-японская война.* М., 1925. С. 150–152.
15. См.: Учреждение министерств. СПб., 1892. Т. I. Ч. 2. С. 208, 214, 215.
16. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж, 1927. С. 377–378.
17. *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и Вел. Князе Михаиле Александровиче // *Архив русской революции.* Т. XIX. Берлин, 1928. С. 213.
18. См.: *Дневник А.А. Половцова* // Красный архив. 1934. Т. 6(67). С. 174.
19. Цит. по: *Ламздорф В.Н.* Дневник, 1894–1896. М., 1991. С. 404–405.
20. *Дневник А. Куропаткина* // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 31–32.
21. Там же.
22. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 206. Л. 11; Красный архив. 1926. Т. 4(17). С. 75–76.
23. Красный архив. 1922. Т. 3. С. 90, 153.
24. Цит. по: *Соловьёв Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 9–117; См.: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
25. Учреждение Государственного Совета. СПб., 1893. Т. 1. Ч. II. С. 23, 26. Отчеты по делопроизводству Государственного Совета. СПб., 1895–1905.
26. Государственный Совет. 1801–1901. СПб., 1901. С. 146–147, 163–164, 178.
27. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 478. Л. 1–2.

28. *Покровский С.П.* Министерская власть в России. Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1909. С. 435.

29. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Комитет министров в первые восемь лет царствования Г.И. Николая Александровича. 1894, 21 окт. 1902, 8 сент. Т. 5. СПб., 1902; *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970. С. 98–99.

30. Красный архив. 1928. Т. 5. С. 112.

31. См.: Свод законов Российской империи. Т. I–II. СПб., 1898. С. 116.

32. См.: *Боткин П.С.* Картинки дипломатической жизни. Париж, 1930. С. 19–21 и др.; *Соловьёв Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959; *Taube M.* La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'Empire des tsars. P., 1928; *Rosen R.* Forty years of diplomacy. V. 1–2. N.Y., 1922. По свидетельству А.А. Гирса, в министерском аппарате начальство особенно ценило послушных, исполнительных и безынициативных чиновников (ГАРФ. Ф. 892. Оп. I. Д. 90. Л. 1–5. Записка А.А. Гирса о положении в МИД, Апрель 1906 г.).

33. АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел (ДЛС и ХД). Оп. 731. Д. 76. Л. 11; *Ламздорф В.Н.* Дневник, 1891–1892. М.; Л., 1934. С. 19, 319, 325, 332 и др.; *Он же.* Дневник, 1894–1896. С. 35–36, 40, 46, 47 и др.

34. *Скальковский К.А.* Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб., 1890. Т. I. С. 127–129.

35. *Халфин Н.А.* Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. М., 1975. С. 41.

36. *Попов А.* В штабе адм. Е.И. Алексеева. Публикация отрывков из дневника Е.А. Плансона // Красный архив. 1930. Т. 4–5(41–42). С. 153.

37. Незрелость у Николая II способности к аналитическому и масштабному мышлению отмечали многие его соратники, начиная К.П. Победоносцевым и кончая А.Н. Наумовым, В.И. Гурко, Ю.Н. Даниловым. Подробнее См.: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 16–23.

38. АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 731. Л. 1–40.

39. Там же. Д. 76. Л. 3–17.

40. Там же. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 35. Л. 101–107.

41. *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 220–221.

42. *Михневич Б.А.* Стратегия. СПб., 1911. Кн. I. С. 99–106; *Елчанинов А.Г.* Ведение современной войны и боя. СПб., 1909. С. 7; *Петров М.А.* Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926. С. 250; Флот в Первой мировой войне. М., 1964. Т. I. С. 9–37.

43. *Петров М.А.* Указ. соч. С. 9, 49–89; *Шаццлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968. С. 50–51, 314–317.

44. ГАРФ. Ф. 543. Оп. I. Д. 70. Л. 8–17.

45. АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 58. Л. 76–91.

46. Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Берлин, 1909. С. 166–168.

47. Красный архив. 1927. Т. 6(19). С. 68, 81–82.

48. АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1903 г. Д. 35. Л. 108–118.

49. *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 224–225.

50. *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). С. 426.

51. Красный архив. 1926. Т. 17. С. 79.
52. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 6. Л. 19–20; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 81. Л. 102–104 об. См.: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 63.
53. *Нольде Б.Э.* Из истории русской катастрофы // *Современные записки.* Т. 30. Париж, 1927. С. 542; *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 246.
54. Цит. по: *Былое.* 1917. № 4(26). С. 216.
55. Там же.
56. *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912. С. 40.
57. Цит. по: *Былое.* 1917. № 4(26). С. 217.
58. Там же.
59. *Казанцев П.Е.* Власть всероссийского императора: очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. 185.
60. Государственная Дума, Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907. Сессия первая. СПб., 1907. Стб. 138, 215 и др.
61. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–3.
62. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Л. 25–27.
63. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 25. СПб., 1908. С. 14.
64. См.: *Флоринский И.Ф.* Совет министров России в 1907–1914 гг. (канд. дисс.). ЛГУ, 1980. С. 106–123; *Королёва Н.Г.* Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1914 гг. М., 1982. С. 39; *Она же.* Совет министров России в 1907–1914 гг. // *Исторические записки.* М., 1984. С. 110; *Mac Laren McDonald D.* United Government and Foreign Policy in Russia 1900–1914. L., 1992. P. 92–102.
65. См.: *Шаццлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). С. 315.
66. См.: *Кузин В.В.* Совет Государственной Обороны (канд. дисс.). МГУ, 1948. С. 368–370.
67. АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 48. Л. 43–45.
68. См.: *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910. М., 1961. С. 251–305, 387; *Георгиев А.В.* Царизм и российская дипломатия накануне Первой мировой войны // *Вопросы истории.* 1988. № 3. С. 59–73.
69. См.: *Флоринский И.Ф.* Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907–1914 гг. // *Вестник Ленинградского ун-та.* 1978. № 2. С. 35–39; *Георгиев А.В.* Источниковедческие проблемы изучения внешней политики России накануне первой мировой войны (какл дисс.). МГУ, 1989.
70. АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 731. Реорганизация МИД. Д. 1–16, 192 и др.; *Бестужев И.В.* Указ соч. С. 57–60, 77–81; *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 114–115; *Boisover G.H.* Isvolsky and Reform of the Russian Ministry of Foreign Affairs // *The Slavonic and East European Review.* Vol. 63. № 1. 1985; *Mac Laren McDonald.* Op. cit. P. 152–167.
71. АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 90. Л. 136–137.
72. Там же. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1913 г. Политархив. Д. 37. Л. 18.

73. АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 42. Л. 69–70; ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–13; *Кострикова Е.Г.* Источники внешнеполитической информации русских буржуазных газет (1907–1914). М., 1997.

74. АВПРИ. Ф. ДАС и ХД. Оп. 475. Формулярные списки чиновников МИД. 75. См.: *Соловьёв Ю.Я.* Указ. соч. С. 215.

76. *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 75.

77. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908; Государственная Дума. Созыв третий. Сессия первая. Ч. II. Стб. 1779–1783; Доклады Бюджетной комиссии. СПб., 1907. С. 29–64; Стб. 97–98, 98–126.

78. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 82. Л. 1, 7, 91, 92–94, 105–111, 132–136, 196–202, 203–204.

79. См.: *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910–1914 гг.) // Исторические записки. Т. 75. М., 1965. С. 79–80; *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991. С. 154–193.

Глава III

1. См.: *Рыбаченок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 17–18.

2. Там же. С. 29–30.

3. Там же. С. 83.

4. Там же. С. 149–152.

5. Там же. С. 162–167.

6. Documents diplomatique français (далее — D.D.F.). Le S6r. T. XIV. P., 1957. P. 542.

7. *Рыбаченок И.С.* Указ. соч. С. 225–226.

8. Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 65–96.

9. См.: *Рыбаченок И.С.* Указ. соч. С. 227–228.

10. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 319–321.

11. *Хвостов В.М.* Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX в. Избранные труды. М., 1977. С. 282–283.

12. См.: *Зайончковский А.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 89–90.

13. Там же. С. 90–91; АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 374. Л. 164–166 об.

14. См.: *Игнатъев А.В.* С.Ю. Витте — дипломат. С. 37.

15. См.: *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. Изд. 2-е. М., 1951. С. 208.

16. Там же. С. 211–216.

17. Там же. С. 218–226.

18. Там же. С. 363.

19. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914 (далее — G.P.). Bd. XIII. В., 1924. № 3451. S. 88–89; *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960. С. 414–416.

20. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1904–1914. М.; Пг., 1923. С. 26–27.

21. См.: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. С. 162–163.
22. Там же. С. 166.
23. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 284–286.
24. Романов Б.А. Указ. соч. С. 72.
25. British Documents on the Origins of the War, 1898–1914 (далее — В.Д.). Vol. I. L., 1927. P. 5–8.
26. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 27.
27. Красный архив. 1927. Т. 6(25). С. 116.
28. В.Д. Vol. I. P. 16.
29. G.P. Bd. 9. № 2196. S. 219.
30. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 267.
31. Цит. по: Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 83–84.
32. Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С. 312.
33. См.: Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 83–84.
34. G.P. Bd. 11. № 2747. S. 209–210.
35. Ibid. № 2858. S. 357–359.
36. См.: Пономарев В.Л. Свидание в Бальморале и русско-английские отношения 90-х годов XIX в. // Исторические записки. М., 1977. Т. 99. С. 347–353.
37. См.: История дипломатии. Изд. 2-е. М., 1963. Т. II. С. 341–342.
38. См.: Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 99–100.
39. См.: История дипломатии. Т. II. С. 343.
40. См.: Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 56–57.
41. Там же. С. 57–58.
42. См.: Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 138–141.
43. См.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. С. 274–275.
44. См.: История дипломатии. Т. II. С. 346.
45. Там же. С. 346–347.
46. Там же. С. 347.
47. Красный архив. 1925. Т. 8. С. 3.
48. См.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. С. 289.
49. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 303–308.
50. Цит. по: Попов А.А. От Босфора к Тихому океану // Историк-марксист. 1934. № 3(37). С. 15.
51. См.: Владимиров А.С. Дипломатия США в период американо-испанской войны. М., 1957. С. 104.
52. Там же. С. 106.
53. Там же. С. 128; См.: Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 466.
54. См.: Владимиров А.С. Указ. соч. С. 219–220.
55. См.: Фурсенко А.А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей, 1895–1900. М.; Л., 1956. С. 156–159, 220–224.
56. Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 125.
57. Красный архив. 1926. Т. 5(18). С. 6–18.
58. Там же. С. 18–22.

59. Там же. С. 22–25. Цит. с. 24.
60. Там же. С. 25–29; см.: Романов Б.А. Указ. соч. С. 117–118.
61. См.: История дипломатии. Т. II. С. 474–475.
62. Красный архив. 1922. Т. 2. С. 55.
63. Там же. С. 56.
64. Красный архив. 1932. Т. 1–2(50–51). С. 90–91.
65. См.: Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 276.
66. Там же. С. 277.
67. Цит. по: История дипломатии. Т. II. С. 458.
68. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1899 г. Д. 63. Л. 434–435.
69. См.: Конвенции и декларации, подписанные на Конференции мира в Гааге 17/29 июля 1899 года. СПб., 1901.
70. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 4783. Л. 2 с об.
71. Мартенс Ф. Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк. (Б.м.), 1900.
72. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 27. Л. 2–97.
73. РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 331. Л. 4.
74. Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг. С. 17.
75. Текст концессий см.: АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 4448.
76. Подробнее См.: Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 67–75.
77. Претензии Англии и России на персидские таможи объяснялись тем, что это было единственное в Персии правильно организованное в финансовом отношении предприятие с постоянными источниками доходов.
78. ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 59. Л. 33–33 об.
79. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 27. Л. 188–191.
80. См.: Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 75.
81. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 177. Л. 12–18.
82. Там же. Л. 76–77.
83. Там же. Д. 27. Л. 192.
84. Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 48.
85. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 27. Л. 338.
86. РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 170. Л. 12–12 об.
87. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 28. Л. 157.
88. D.D.F. 2e Sér. Т. II. P., 1931. № 81.
89. B.D. Vol. II. L., 1927. P. 212.
90. B.D. Vol. IV. L., 1928. P. 186–188.
91. Ibid. P. 184–185.
92. Цит по: Гальперин А. Англо-японский союз. 1902–1921 годы. М., 1947. С. 200.
93. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 64. Л. 11–15.
94. B.D. Vol. IV. P. 306.

Глава IV

1. См.: Нарочницкий А.А. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. М., 1956. С. 582–583.

2. Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте (далее — Пролог русско-японской войны) / Под ред. Б.Б. Глинского. СПб., 1916. С. 10–17.

3. См.: *Хиросэ Такэо*. Русско-японская война и Сибирская дорога в первой русской революции. Доклад на международном симпозиуме в Ленинграде. Л., 1986.

4. Красный архив. 1932. Т. 3(52). С. 62–67.

5. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 3053. Л. 40–41; *Нарочницкий А.А.* Указ. соч. С. 676–677.

6. Красный архив. 1932. Т. 3(52). С. 78–83.

7. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока, 1895–1905. СПб., 1906. С. 63–64.

8. *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. С. 79.

9. См.: Министерство финансов, 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2. С. 391.

10. См.: *Игнатъев А.В.* С.Ю. Витте — дипломат. С. 45.

11. Там же. С. 44; Красный архив. 1932. Т. 3(52). С. 83–102.

12. См.: Китайская Восточная железная дорога. Исторический очерк. Т. I (1896–1905 гг.). СПб., 1914. С. 4–5.

13. См.: *Ефимов Г.В.* Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М., 1958. С. 181–182, 185; Подробнее о значении постройки КВЖД для России и Китая см.: *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 38–41.

14. Цинцзи вайцзяо шиляо (Исторические материалы по внешней политике последних Цинов). Бэйпин, 1932–1935. Гл. 120. С. 1.

15. См.: *Ефимов Г.В.* Указ. соч. С. 182,

16. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 292–294.

17. См.: *Пак Чон Хё*. Россия и Корея, 1895–1898. М., 1993. С. 7–84.

18. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 68.

19. Красный архив. 1932. Т. 3(52). С. 108; Пролог русско-японской войны. С. 47.

20. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 309–312.

21. Там же. С. 315–318.

22. Цит. по: *Ефимов Г.В.* Указ. соч. С. 321.

23. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 313–314; *Пак Чон Хё*. Указ. соч. С. 84–131.

24. Красный архив. 1926. Т. 5(18). С. 4–25.

25. Красный архив. 1922. Т. 2. С. 31–32.

26. *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 386–387.

27. См.: Добронравов, генерал. Город мира и согласия. СПб., 1906.

28. Полный текст соглашения см.: *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 267–269.

29. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 138.

30. См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. I. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973. С. 213–214,

31. См.: Пролог русско-японской войны. С. 145–146.

32. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 141.

33. Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 32–35.

34. См.: Пролог русско-японской войны. С. 174–176.
35. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 322–323.
36. Там же. С. 324–328. Цит. с. 325.
37. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 718. Л. 4–10.
38. См.: Пролог русско-японской войны. С. 264–268.
39. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 718. Л. 4–10.
40. Красный архив. 1932. Т. 3(52). С. 110–120.
41. Пролог русско-японской войны. С. 260–264.
42. Там же. С. 281–282; Красный архив. 1922. Т. 2. С. 40.
43. Романов Б.А. Указ. соч. С. 409.
44. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 685. Л. 2–8.
45. Красный архив. 1922. Т. 2. С. 43.
46. См.: Пролог русско-японской войны. С. 293–307.
47. См.: Романов Б.А. Витте как дипломат // Вестник ЛГУ. 1946. № 4–5. С. 170.
48. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1903 г. Д. 35. С. 108–118 об.
49. См.: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. С. 242–243.
50. Там же. С. 272.
51. Там же. С. 244.
52. Японская Белая книга. Маньчжурия и Корея. Издание Канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб., 1904. С. 210–212.
53. Там же. С. 215; Красный архив. 1922. Т. 2. С. 95.
54. См.: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. С. 244–270.

Глава V

1. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Кн. 1 и 2. М., 1941. С. 161.
2. АВПРИ. Ф. Личный архив Савинского. Оп. 834. Д. 20. Л. 67 об. — 70.
3. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. С. 282.
4. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1905 г. Д. 40. Л. 24.
5. White J.A. The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, 1964. P. 248–250.
6. СИЭ. Т. 12. М., 1969. С. 400.
7. Генеральный штаб не удосужился заняться их разработкой, передоверив это дело штабу Приамурского военного округа и штабу войск Квантунской области.
8. Романов Б.А. Указ. соч. С. 285, 311–312.
9. История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977. С. 99.
10. White J.A. Op. cit. P. 198–199; Красный архив. 1924. Т. 6. С. 6–7.
11. См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1983. С. 406–409.
12. См.: Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1956. С. 38.
13. Начало первой русской революции, январь–март 1905 г. Документы и материалы. М., 1955. С. 751.

14. См.: История СССР с древнейших времен. Т. VI. С. 98,
15. См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 399, 514; Революция 1905–1907 годов в России. М., 1975. С. 37.
16. См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 401, 408–409, 516–517; Рабочий класс в первой российской революции 1907 г. М., 1981. С. 76.
17. Там же. С. 74.
18. 1905. Стачечное движение / Сост. А.М. Панкратова. М.; Л., 1925. С. 8.
19. См.: *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 289; *Гальперин А.* Англо-японский союз. 1902–1921 годы. М., 1947. С. 271.
20. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1904 г. Д. 87. Л. 84.
21. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1903 г. Д. 58. Л. 1–4 об.
22. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1904 г. Д. 96. Л. 20 и об., 24; Д. 16. Т. II. Л. 534 и об.
23. Там же. Д. 16. Т. II. Л. 536.
24. B.D. Vol. II. P. 241–242.
25. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1904 г. Д. 86. Т. II. Л. 13.
26. Там же. Д. 16. Т. II. Л. 538.
27. *Lee S.* King Edward VII — a Biography. Vol. II. L., 1927. P. 287–288.
28. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1904 г. Д. 16. Т. I. Л. 88–89.
29. См.: История дипломатии. 2-е изд. Т. II. С. 565, 551.
30. Там же. С. 562, 565.
31. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1904 г. Д. 127. Л. 172–175 об., 203 и об.
32. См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 333–334.
33. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1904 г. Д. 96-а Л. 90–97 об.
34. Там же. Л. 113–117, 148–150 об.
35. Там же. Д. 35. Л. 29.
36. Там же. Д. 85. Т. II. Л. 531–534, 582–585 об.
37. Там же. Д. 86. Т. II. Л. 44–46.
38. Там же. Л. 56, 70; Д. 96. Л. 107.
39. Перед этим были получены агентурные сведения о вероятности нападения японских миноносцев.
40. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1904 г. Д. 96-а. Л. 351–353 об.
41. Красный архив. 1924. Т. 5. С. 5–6; G.P. Bd. 19/I. B., 1927. S. 303–304.
42. Красный архив. 1924. Т. 5. С. 9; G.P. Bd. 19/I. S. 305.
43. См.: История дипломатии. Т. II. С. 563–565.
44. См.: *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960. С. 79–84.
45. *Taube M.* La politique russe d'avant guerre et la fin de l'empire des tsars (1904–1917). P., 1928; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1904 г. Д. 86. Т. II. Л. 2-а — 2-б.
46. *White J.A.* Op. cit. P. 200.
47. См.: *Кириллов В.С.* Большевики во главе массовых политических выступлений в период подъема революции 1905–1907 гг. М., 1961 г. С. 90, 110; Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 406–407.
48. См.: *Тропин В.И.* Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970. С. 156, 158; *Дубровский С.М.* Указ. соч. С. 38.
49. См.: Революция 1905–1907 гг. в России. М., 1975. С. 116.
50. *Остальцева А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года. Саратов, 1977. С. 89.

51. *Carlgren W.M.* Iswolsky und Achrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Uppsala, 1955. S. 62–63.
52. См.: Гражданин. 1905. 6(19) янв. № 1–2.
53. АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 237/238. Л. 14–17 об.
54. См.: *Розенталь Э.М.* Указ. соч. С. 114.
55. См.: История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 303–320; СИЭ. Т. 9. М., 1966. С. 796–799.
56. *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 20.
57. Там же. С. 20–21.
58. См.: *Розенталь Э.М.* Указ. соч. С. 115–118.
59. См.: История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 332–347; СИЭ. Т. 15. М., 1974. С. 786–788.
60. Красный архив. 1928. Т. 3(28). С. 201.
61. *White J.A.* Op. cit. P. 208–209.
62. Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая — 3 октября 1905 г. СПб., 1906. С. 1–2.
63. Там же. С. 78–89.
64. См.: *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 404–405; G.P. Bd. 19/II. S. 472–473; D.D.F. 2e Sér. T. VII. P., 1937. P. 300.
65. См.: История дипломатии. Т. II. С. 587; *White J.A.* Op. cit. P. 249–250.
66. См.: *Гальперин А.А.* Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-англо-американским блоком // Исторические записки. Т. 50. М.; Л. 1955.
67. Перипетии конференции подробно прослежены Б.А. Романовым в его труде «Очерки дипломатической истории русско-японской войны». См. также: Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года. СПб., 1906.
68. Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая — 3 октября 1905 г. С. 177–178.
69. См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 337–344.
70. См.: *Вайнштейн А.А.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. С. 428, 430.
71. См.: *Остальцева А.Ф.* Указ. соч. С. 144.
72. См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 335–336,
73. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. С. 122–123.
74. Красный архив. 1924. Т. 5. С. 29–31, 42.
75. D.D.F. 2e Sér. T. VIII. P. 149–151.
76. См.: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 52.
77. B.D. Vol. IV. P. 218.
78. См.: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 54.
79. См.: *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 618–620; B.D. Vol. IV. P. 219–221; D.D.F. 2e Sér. T. VIII. P. 499; Letters and Friendships of Sir Cecil Spring-Rice. N.Y., 1929. P. 54–61.

80. См.: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Прил. 3. С. 344–346.
81. См.: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 95.
82. См.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. С. 300.
83. См.: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 232–233.
84. См.: *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг. Киев, 1974. С. 97–99.
85. Красный архив. 1933. Т. 6(61). С. 138–140.
86. См.: *Гришина М.И.* Черноморские проливы во внешней политике России. 1904–1907 гг. // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 149–152.
87. См.: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 244–245.
88. Признание Россией Норвежского независимого государства. Сборник документов / Сост. В.В. Похлебкин. М., 1958. С. 51–54.
89. АВПРИ. Годовой отчет МИД за 1905 г. Л. 121.
90. См.: *Кириллов В.С.* Указ. соч. С. 90, 110, 241.
91. См.: *Тропин В.И.* Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970. С. 158.
92. См.: *Глинский Б.* Граф Сергей Юльевич Витте (материалы для биографии) // Исторический вестник. 1915. Т. СXLII. № 12. С. 896.
93. См.: *Маринов В.А.* Россия и Япония перед первой мировой войной (1905–1914 гг.). М., 1974. С. 21.
94. См.: *Григорьевич С.С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965. С. 52–53.
95. См.: *Маринов В.А.* Указ. соч. С. 56.
96. См.: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 67.
97. Там же. С. 67–68.
98. О подготовке займа см.: *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал, 1897–1914 гг.; *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. См. также: Русские финансы и европейская биржа. М.; Л., 1926.
99. См.: Русские ведомости. 1906. 5 апр.; Русское слово. 1906. 5 апр.
100. Красный архив. 1925. Т. 2(9). С. 49.
101. АВПРИ. Годовой отчет МИД за 1905 г. Л. 135.
102. См.: Ежегодник МИД за 1906 г. С. 397–398.
103. См.: *Соловьёв О.Ф.* Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 — июль 1918). М., 1968. С. 107–108; *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 81–83.
104. Там же. С. 79.
105. G.p. Bd. 19/II. S. 673–674.
106. АВПРИ. Ф. 2-я (газетная) экспедиция. Д. 441. Л. 57.
107. Россия. 1906. 5 июля,
108. Times. 1906. 22 July.
109. *Бюлов Б.* Воспоминания: Пер. с нем. М., 1935. С. 320–321.
110. Новое время. 1907. 27 авг.; Речь. 1907. 28 авг.
111. См.: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 116–117.

112. См.: *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. М., 1924. С. 32; Красный архив. 1935. Т. 2–3 (69–70). С. 36; *Суворин А. С.* Дневник А. С. Суворина. С. 376.

113. Красный архив. 1935. Т. 2–3(69–70). С. 36; *Извольский А. П.* Воспоминания. М.; Пг., 1924. С. 87.

114. *Taube M.* Op. cit. P. 115–116; *Iswolsky A.* Au service de la Russie: Correspondance diplomatique, 1906–1911. Т. I. P., 1937. P. 118, 191; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1906 г. Д. 141. Л. 79–80.

115. Цит. по: *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 111.

116. Там же. С. 120–121.

117. Русские финансы и европейская биржа. С. 323.

118. См.: *Романов Б. А.* Указ. соч. С. 634.

119. D.D.F. 2e Sér. Т. X. P. 326–327.

120. См.: Русские финансы и европейская биржа. С. 336–340.

121. D.D.F. 2e Sér. Т. X. P. 365–369; B.D. Vol. IV. P. 245.

122. *Girault G.* Empunts russe et investinements français en Russie, 1887–1914. P., 1973. P. 472–473; *Ананъич Б. В.* Указ. соч. С. 203–207.

123. D.D.F. 2e Sér. Т. XI. P. 50–53.

124. Новое время. 1907. 22, 29 июня; 8 июля; Les Temps. 1907. 8 juillet.

125. Цит. по: *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. С. 142.

126. D.D.F. 2e Sér. Т. XI. P. 199–201.

127. Ibid. P. 231–233.

128. См.: *Суворин А. С.* Указ. соч. С. 376; Утро России. 1907. 17 окт.

129. См.: *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 217–218.

130. *Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. М., 1972. С. 65.

131. См.: *Остальцева А. Ф.* Указ. соч. С. 185.

132. *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 132–134.

133. B.D. Vol. IV. P. 242.

134. *Iswolsky A.* Op. cit. Т. I. P. 342–344.

135. См.: *Остальцева А. Ф.* Указ. соч. С. 193–194; B.D. Vol. IV. P. 391.

136. См.: *Бондаревский Г. А.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М., 1968. С. 509–513; B.D. Vol. IV. P. 392–393.

137. Красный архив. 1933. Т. 1(56). С. 59–64.

138. См.: *Григорьевич С. С.* Указ. соч. С. 125.

139. Переговоры между Россией и Японией относительно разделения станции Куанчен-цзы и заключения Временной Конвенции о соединении русских и японских железных дорог в Маньчжурии, 1906–1907 гг. (далее — Переговоры между Россией и Японией). СПб., 1907. С. 5–17.

140. Протоколы конференции по заключению трактата о торговле и мореплавании между Россией и Японией, 1906–1907 (далее — Протоколы конференции). СПб., 1907. С. 3–63.

141. Там же. С. 103–127.

142. Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров по заключению рыболовной Конвенции между Россией и Японией. Август 1906 — июль 1907. СПб., 1907. С. 9–19.
143. Там же. С. 21–39.
144. Там же. С. 41–55, 71, 103. Цит. с. 103.
145. Там же. С. 105–107, 109–121, 123–129, 131–137.
146. См.: *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 154–155.
147. G.P. Bd. 22. B., 1927. S. 23–24.
148. См.: *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 119–120.
149. *Iswolsky A.* Op. cit. T. I. P. 215–217.
150. G.P. Bd. 25/I. B., 1927. S. 231–234.
151. *Iswolsky A.* Op. cit. T. I. P. 137–138.
152. *Carlgren W.M.* Die Renaissance des Dreikeiserbundes. Stockholm, 1954. S. 16–17.
153. *Carlgren W.M.* Iswolsky und Achrenthal vor der bosnischen Annexionkrise. Uppsala, 1955. S. 103–104, 108.
154. Ibid. S. 105–106.
155. См.: *Мафинов В.А.* Указ. соч. С. 48.
156. См.: *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 176–177.
157. Документы, касающиеся заключения между Россией и Японией общеполитического соглашения 17/30 июля 1907 года. СПб., 1907. С. 7–9.
158. *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 169–170.
159. Переговоры между Россией и Японией. С. 65–83.
160. Японии — к Корее и странам на восток от Малаккского пролива, а России — к сопредельным азиатским странам (Китай, Монголия).
161. Протоколы конференции. С. 239–277.
162. Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров по заключению рыболовной конвенции между Россией и Японией, август 1906 — июль 1907. С. 195–241.
163. Красный архив. 2935. Т. 2–3 (69–70). С. 20–25.
164. B.D. Vol. IV. P. 525–526.
165. См.: *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 184–185.
166. B.D. Vol. IV. P. 287–288.
167. Ibid. P. 290–291.
168. Ibid. P. 295–296.
169. Ibid. P. 445–447; *Остальцева А.Ф.* Указ. соч. С. 211.
170. B.D. Vol. IV. P. 475–480, 482–483, 491–493.
171. См.: *Остальцева А.Ф.* Указ. соч. С. 227.
172. Красный архив. 1935. Т. 2–3(69–70). С. 25–32.
173. Там же. С. 32–39.
174. Соответственно 790 тыс. км², 355 тыс. км² и 500 тыс. км².
175. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 386–394.
176. Красный архив. 1935. Т. 2–3(69–70). С. 20–22.
177. См.: *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 199–200.
178. G.P. Bd. 23/I. S. 156–161, 166, 198–199.

179. Он объяснял это уверенностью германских властей, что социалистическое движение в их стране никогда не примет такого острого, революционного характера, как в России.

180. G.P. Bd. 23/II. S. 413–421.

181. См.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 250–251.

182. Соответствующий договор был подписан 20 октября 1907 года. Одновременно последовала декларация об отмене Канроберовского трактата 1855 года в части Норвегии.

183. См.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1909 гг. С. 206–208.

184. G.P. Bd. 23/I. S. 468–472.

185. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 395–396.

186. См.: *Астафьев И. И.* Указ. соч. С. 100–102.

187. См.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 202–204.

188. В октябре австрийская дипломатия начала секретные переговоры с Турцией, добываясь для себя существенных компенсаций на Балканах в обмен на отказ от поддержки судебных реформ.

189. См.: История дипломатии. Т. II. С. 641.

190. См.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. С. 215–216.

191. См., например: *Vínacke H. M.* A History of the Far East in Modern Times. N.Y., 1928 (в последующих изданиях автор несколько смягчил оценку русской политики и признал частичную ответственность Японии); *Fairbank J. K.*, *Reischauer E. O.*, *Craig A. M.* East Asia. The Modern Transformation. Boston, 1965.

Глава VI

1. См.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. С. 301–317.

2. См.: *Шпилькова В. И.* Младотурецкая революция. М., 1977. С. 90.

3. Цит. по: *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. С. 151, 152.

4. Три совещания Совета министров, 1908, 1913, 1914 // Вестник НКВД. 1919. № 1. С. 19–26.

5. Россия и анексионный кризис 1908–1909. Кн. I / Сост. Б. Павичевич. Тиготрад, 1984. С. 101.

6. Там же. С. 108; *Bridge F. R.* From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary, 1866–1914. L. Boston, 1972. P. 298.

7. См.: *Астафьев И. И.* С. 115–116.

8. *Bridge F. R.* Op. cit. P. 299.

9. См.: *Бестужев И. В.* Указ. соч. С. 190; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. С. 319.

10. См.: Россия и анексионный кризис 1908–1909. С. 213–222.

11. См.: *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог первой мировой войны. Л., 1964. С. 71.

12. См.: *Ефремов П. Н.* Внешняя политика России (1907–1914). М., 1961. С. 67–68; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1908 г. Д. 43. Л. 2; B.D. Vol. V. L., 1930. № 195.

13. *Fisher J.* Memories by Admiral of the Fleet Lord Fisher. L.; N.Y., 1919. P. 187, 237.

14. *Астафьев И.И.* Указ. соч. С. 133–134.
15. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Приложение 6. С. 355–357.
16. Красный архив. 1930. Т. 6(43). С. 44–45.
17. Там же. С. 51, 52.
18. См.: *Шпилькова В.И.* Указ. соч. С. 153.
19. Цит. по: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 166; *Шпилькова В.И.* Указ. соч. С. 153–154.
20. Красный архив. 1931. Т. 1(44). С. 7–9
21. D.F. 2e Sér. Т. XI. P. 742–743, 749–752; B.D. Vol. V. Appendix IV. P. 830; Vol. VI. P. 157–158; *Steed W.* Through Thirty Years, 1892–1922. Vol. I. L., 1924. P. 284–291; Исторический архив. 1962. № 5. С. 118/
22. Цит. по: История дипломатии. Т. II. С. 650; *Ефремов П.Н.* Указ. соч. С. 83–84.
23. Исторический архив. 1962. № 5. С. 116–121.
24. Там же. С. 121–124; Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Bd. I. Wien; Leipzig, 1930. S. 86–92.
25. История дипломатии. Т. II. С. 653.
26. Исторический архив. 1962. № 5. С. 125.
27. Там же. С. 131–133; История дипломатии. Т. II. С. 660.
28. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 175–176.
29. G.P. Bd. 26/I. S. 39–43; *Астафьев И.И.* Указ. соч. С. 151–152.
30. См.: История дипломатии. Т. II. С. 658.
31. Исторический архив. 1962. № 5. С. 133–134; Россия и анксионный кризис. 1908–1909. С. 454–457.
32. Исторический архив. 1962. № 5. С. 134.
33. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 172–173.
34. См.: *Астафьев И.И.* Указ. соч. С. 155; *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 217–219.
35. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Приложение 7. С. 357–358; *Астафьев И.И.* Указ. соч. С. 156.
36. Там же; Исторический архив. 1962. № 5. С. 135; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 173.
37. Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. С. 330.
38. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 178; Материалы по истории франко-русских отношений 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. М., 1922. С. 529.
39. B.D. Vol. V. P. 441, 451.
40. *Lee S.* Op. cit. Vol. II. P. 640–641.
41. B.D. Vol. V. P. 427–428; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. С. 328–329.
42. G.P. Bd. 27/I. S. 367.
43. Россия и анексионный кризис 1908–1909. С. 539–541; *Кокковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж, 1933. Т. I. С. 335–336.
44. См.: *Астафьев И.И.* Военная тревога в правящих кругах России в октябре 1908 г. // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1965. № 2. С. 90–92.
45. B.D. Vol. VII. P. 118, 120–123; D.D.F. 2e Sér. Т. XI. P. 924–926; B.D. Vol. V. P. 635; Entente Diplomacy. L., 1921. P. 482–483.

46. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Приложение 9. С. 359–360.
47. Исторический архив. 1962. № 5. С. 136–144.
48. См.: История дипломатии. Т. II. С. 666; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Приложение 10. С. 360–362.
49. Цит по: *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 260–261.
50. G.P. Bd. 26/I. S. 380–382.
51. См.: Россия и анексионный кризис 1908–1909. С. 619–622.
52. Там же. С. 633–643.
53. См.: *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 111–112, 115–117, 267–272.
54. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Приложение 11. С. 362–364; Приложение 13. С. 365–367.
55. См.: История дипломатии. Т. II. С. 667.
56. См.: *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 226, 274–278; История дипломатии. Т. II. С. 668–669; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. С. 333.
57. См.: Россия и анексионный кризис 1908–1909. С. 555–556, 568–571.
58. См.: *Ананьич Б.В.* Указ. соч. С. 236–250; Новый экономист. № 50. С. 3.
59. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 194.
60. B.D. Vol. V. P. 600–601, 603.
61. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 192–194.
62. См.: *Виноградов К.В.* Указ. соч. С. 141; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 195.
63. Entente Diplomacy. P. 233.
64. См.: *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 283–286.
65. *Бовыкин В.И.* Очерки истории внешней политики России, конец XIX в. 1914 г. М., 1960. С. 88.
66. B.D. Vol. V. P. 637–638.
67. См.: История дипломатии. Т. II. С. 671.
68. *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 195.
69. G.P. Bd. 26/II. S. 669–670; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 197.
70. См.: *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 288–289.
71. G.P. Bd. 26/II. S. 691–692, 693–695, 702–703.
72. Цит. по: *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 292,
73. Из переписки Николая II и Марии Федоровны Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. 1932. Т. 1–2(50–51). С. 188.
74. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Приложение 1 5. С. 369, 198.
75. См.: *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 295, 297, 301.

Глава VII

1. Цит. по: *Астафьев И.И.* Указ. соч. С. 192–193; *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 303.
2. См.: *Штилькова В.И.* Указ. соч. С. 236.
3. Красный архив. 1931. Т. 2(45). С. 43.
4. Там же. С. 33, 36–38, 43.
5. Цит. по: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 218–219; *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 299–300.
6. АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 4144. Л. 111–112.

7. Там же. Л. 192, 193, 197, 222, 224, 233, 250.
8. Цит. по: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 206.
9. См.: *Астафьев И.И.* Указ. соч. С. 199–200.
10. Там же. С. 205–208.
11. Там же. С. 208–209.
12. Там же. С. 210–216; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 207
13. D.D.F. 2e Sér. Т. XII. Р. 385–388; *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 310.
14. B.D. Vol. IX. Р. 1, 33–35, 37–41; *Entente Diplomacy*. Р. 59–61.
15. Цит. по: *Астафьев И.И.* Указ. соч. С. 219–221.
16. Там же. С. 223–224.
17. См.: *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 338–339.
18. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 402–404.
19. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 214.
20. См.: *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 343–348.
21. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 210–211.
22. История дипломатии. Т. II. С. 698.
23. См.: *Астафьев И.И.* Указ. соч. С. 243–244; G.P. Bd. 27.11. S. 835–836.
24. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1910 г. Д. 204. Л. 83–87; G.P. Bd. 27/II. S. 842; *Ис-тягин Л.Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М., 1979. С. 142, 146, 147.
25. См.: *Vaumgart W.* Deutschland im Zeitalter des Imperialismus (1890–1914). Frankfurt-am-Mein, 1972. S. 107; *Астафьев И.И.* Указ. соч. С. 254.
26. Times. 1911. 17 jan.
27. См.: Материалы по истории франко-русских отношений. 1910–1914 гг. М., 1922. С. 22.
28. См.: *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. С. 330–331; *Он же.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910–1914 гг.) // Исторические записки. Т. 75. С. 46; АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 476. Д. 540. Л. 12.
29. Новое время. 1911. 25 февраля (11 марта).
30. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 405–407.
31. Цит. по: *Гейдорн Г.* Монополии. Пресса. Война. М., 1964. С. 444 (пер. с нем.).
32. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1911 г. Д. 19. Л. 182а.
33. Цит. по: Международные отношения в эпоху империализма (далее — МОЭИ). Сер. 2. М., 1938. Т. XVIII. Ч. I. С. 28.
34. См.: История германского колониализма. С. 205–206.
35. МОЭИ. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. I. С. 175, 180, 181.
36. Новое время. 1911. 29 июня (12 июля).
37. Земщина. 1911. 1(14) июля.
38. МОЭИ. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. I. С. 276.
39. Там же. С. 352.
40. Там же. С. 357–358, 360, 377; *Ратиани Ю.* Агадирский кризис и позиция России // Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 50.
41. См.: МОЭИ. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. I. С. 370; *Ратиани Ю.* Указ. соч. С. 52.

42. См.: МОЭИ. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. I. С. 378.
43. Там же. Ч. II. С. 75–80, 131–132.
44. Там же. Т. XIX. Ч. I. С. 305–307.
45. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3188. Л. 226.
46. См.: МОЭИ. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. 2. С. 43–44.
47. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3189. Л. 175.
48. МОЭИ. Сер. 2. Т. XIX. Ч. I. С. 255–256.
49. Там же. Т. XVIII. Ч. I. С. 227, 314–316,
50. Там же. С. 305–307.
51. Там же. Ч. 2. С. 50, 52.
52. Там же. С. 59–61.
53. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1911 г. Д. 35. Л. 186.
54. *Киселева В.И.* Русско-турецкие переговоры об открытии проливов в 1911 г. //Труды Московского историко-архивного института. Т. 12. М., 1958. С. 186–187; МОЭИ. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. 2. С. 239.
55. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1911 г. Д. 35. Л. 343.
56. *Аветян А.С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны. 1910–1914. М., 1985. С. 222–223.
57. МОЭИ. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. 2. С. 173, 191.
58. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Д. 1640. Л. 45–47,
59. ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 522. Л. 1–2.
60. Там же. Д. 608. Л. 167–179.
61. См.: *Шаццлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914 гг.). С. 69.
62. РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 702. Л. 96.
63. Там же. Оп. 4. Д. 26. Л. 200–207.
64. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Д. 754. Л. 49–50. Особый журнал Совета министров от 20/7 апреля и 20/7 мая 1908 г.
65. Центральный государственный архив Дальнего Востока (далее: ЦГАДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 840. Л. 15.
66. Правительственный вестник. 1909. 22 февраля.
67. ЦГАДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 107. Л. 17.
68. *Beale H.* Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. N.Y., 1970. P. 391–392.
69. *Гримм Э.Д.* Указ. соч. С. 173; *Севостьянов П.П.* Политика США на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX века //Американский экспансионизм. Новое время. М., 1985. С. 326.
70. АВПРИ. Ф. Японский стол. Д. 205. Л. 40.
71. Там же. Л. 89–90.
72. Там же. Л. 113–116.
73. Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1959. С. 97–98.
74. РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 610. Л. 7.
75. Там же. Л. 15.
76. Там же. Л. 2–5.
77. АВПРИ. Ф. Японский стол. Д. 206. Л. 100–106.
78. Там же. Л. 175.

79. Гримм Э.Д. Указ. соч. С. 176–177.
 80. АВПРИ. Ф. Японский стол. Д. 200. Л. 3–8.
 81. РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 608. Л. 175.
 82. Там же. Д. 610. Л. 145.
 83. См.: *Григорьевич С.С.* Указ. соч. С. 307.
 84. Стенографические отчеты Думы. Третий созыв. Сессия пятая. Ч. III. Стб. 2165.
 85. Вестник Азии. 1915. № 3–4. С. 101.
 86. Правительственный вестник. 1911. 4 февр.
 87. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1312. Л. 21–22.
 88. РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 726. Л. 148.
 89. МОЭИ. Сер. 2. Т. XIX. Ч. 2. С. 404–405.
 90. *Гримм Э.Д.* Указ. соч. С. 180–181.
 91. МОЭИ. Сер. 2. Т. XVIII. 4,1. С. 271.
 92. РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 463. Л. 4.
 93. МОЭИ. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. I. С. 339–341.
 94. РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 436. Л. 74–75.
 95. Правительственный вестник. 1911. 29 дек. (11 янв.) 1912.
 96. *Lattimore O.* Nomads and Commissars. N.Y., 1951. P. 68–69.

Часть вторая

Глава VIII

1. См.: *Игнатьев А.В.* Сергей Дмитриевич Сазонов // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 24–26.
2. ОР РГБ. Ф. А.К. Бентковского. Дневники. Тетрадь 2. Л. 34–35.
3. См.: *Яхонтов А.* Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.) // Архив Русской революции. Берлин, 1926. Т. XI. С. 16–17, 52, 93, 95.
4. РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 44. Л. 479–480.
5. См.: *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. С. 60–62; Его же. Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.) // Исторические записки. Т. 75. С. 44–85.
6. См.: *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991. С. 154–193.
7. РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 457. С. 2–3 об., 33–33 об.
8. Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 266–268.
9. См.: Всеподданнейший отчет Председателя Совета министров и министра финансов В.Н. Коковцова о его поездке за границу. 19 ноября 1913 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сб. секретных дипломатических документов бывш. Императорского Министерства иностранных дел. М., 1922. С. 609–610.
10. См.: *Георгиев А.В.* Источниковедческие проблемы изучения внешней политики России накануне первой мировой войны (канд. дисс.). МГУ, 1989. Гл. 2 и 3.
11. АВПРИ. Ф. Канцелярия. Политархив. 1912. Оп. 470. Д. 70. Л. 26–27; РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 514. Л. 17–18.

12. См.: *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. Взаимоотношения с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977. С. 63–67.
13. См.: *Бобыкин В.И.* Из истории возникновения Первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М., 1962.
14. См.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 500–542; Власть и реформы. СПб., 1996. Гл. 2.
15. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Т. II. П., 1933. С. 155–156.
16. Цит. по: *Добровольский С.* Мобилизация русской армии в 1914 году // Военный сборник. Кн. I. Белград, 1921. С. 106.
17. См.: *Маниковский А.А.* Боевое снабжение армии в мировую войну. М., 1937. С. 650.
18. См.: *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 106.
19. Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914. Ст. 17.
20. См.: Ставка и МИД // Красный архив. 1927. Т. 27. С. 25–40; *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1928. С. 38.
21. См.: *Флоринский М.Ф.* Указ. соч. С. 163–164.
22. АВПРИ. Ф. Дипломатическая канцелярия при Ставке Верховного Главнокомандующего. Оп. 617. Д. 5.
23. См.: *Емец В.А.* Указ. соч. С. 138–140.
24. Там же. С. 125–137.
25. См.: Ставка и МИД // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 1–50; Т. 27. С. 3–57; Т. 29. С. 1–54; Т. 30. С. 5–45.
26. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж, 1927. С. 353.
27. Архив Русской революции. Т. XI. С. 16, 17.
28. Известия Министерства иностранных дел. Кн. 5. 1914 год. СПб., 1914. С. 55–67.
29. АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 1. Л. 21.
30. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2312. Л. 1.
31. См.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 252–332.
32. См.: *Его же.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960. гл. 3–5; МОЭИ. Т. VII. ч. I. № 119, 120, 155.
33. История Первой мировой войны. 1914–1918. Т. 2. М., 1975. С. 412–417.
34. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 338–339.
35. См.: *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989. С. 207–209.
36. Падение царского режима. Т. 5. С. 337–338.
37. См.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917. Л., 1967. С. 240–246; *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 208–209.

38. См.: *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Т. I. М., 1993. С. 213–214.
39. АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 474. Л. 5 об.
40. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. 2-е изд. М. С. 170–171.
41. Константинополь и проливы. Т. II. М.; Л., 1926. С. 109, 350, 351, 352.
42. Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 334.
43. Константинополь и проливы. Т. II. С. 138.
44. Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 353.
45. Константинополь и проливы. Т. II. С. 327, 328.
46. Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 375.
47. *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 364–380.

Глава IX

1. АВПРИ. Ф. Личный архив А.П. Извдльского. Д. 43. Л. 26 об.
2. Там же. Д. 39. Л. 115–116.
3. Там же. Д. 33. Л. 8–15.
4. *McDonald D.* United Government and Forcing Policy in Russia. 1900–1914. L., 1992. P. 177–179.
5. РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 471. Л. 1–7, 40.
6. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3191. Л. 113, 124.
7. МОЭИ. Серия 2. Т. XIX. Ч. II. С. 484.
8. Там же. С. 433, 473.
9. Русское слово. 1912. 12 (25) апр.; Биржевые ведомости. 1912. (30) апр.; Речь. 1912. 17 (30) апр.; Новое время. 1912. 18 апр. (1 мая).
10. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1912 г. Д. 104. Л. 387–388.
11. G.P. Bd. 30. Nr. 11133. S. 420.
12. См.: *Яхимович З.П.* Итало-турецкая война. М., 1967. С. 152–153.
13. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3192. Л. 60–65.
14. Там же. Ф. Канцелярия. 1912 г. Д. 104. — Л. 348.
15. Там же. Д. 17. Л. 58.
16. Там же. Ф. Политархив. Д. 3692. Л. 228–229. ,
17. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 60–64. √
18. МОЭИ. Т. XX. Ч. I. с. 61.
19. G.P. Bd. 33. Nr. 12079. S. 42.
20. Цит. по МОЭИ. Т. XX. Ч. II. С. 30–34.
21. G.P. Bd. 33. Nr. 42115. S. 73; Nr. 42113. S. 72.
22. РГВИА. Ф. 2000. Д. 3200. Л. 3, 7.
23. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1912 г. Д. 32. Л. 470; Д. 33. Л. 159.
24. См.: МОЭИ. Т. XX. Ч. II. С. 323.
25. О пребывании Сазонова в Англии См.: МОЭИ. Т. XX. Ч. II. С. 457–464; *Игнатъев А.В.* Англо-русские отношения накануне Первой мировой войны. С. 131–139; V.D. V. IX. P.I. № 803, 805. P. 750–755, 761.

26. МОЭИ. Т. XX. Ч. II. С. 239–240. Суть предложения состояла в том, чтобы заставить Балканские государства не нарушать статус-кво, а Турцию побудить к немедленным реформам.

27. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1912 г. Д. 209. Л. 16–17; D.D.F. 3e Ser. T. 4. № 25. P. 20.

28. О переговорах Сазонова в Берлине подробнее См.: *Аветян А.С.* Указ. соч. С. 160–162.

29. Красный архив. 1926. Т. 3. С. 8, 9, 14–15.

30. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 130. Л. 44–45.

31. Там же. Д. 3700. Л. 202, 216.

32. См.: Красный архив. 1924. Т. 6. С. 51–65.

33. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3700. Л. 244, 245, 248.

34. Там же. Ф. Личный архив А.П. Извольского. Д. 39. Л. 35–36.

35. Там же. Ф. Канцелярия. 1912 г. Д. 218. Особый журнал Совета министров от 29.XI/11.XII и 5/18.XII.1912 г.

36. Там же. Д. 124. Л. 128.

37. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 155.

38. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3717. Л. 336–337.

39. Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Wien; Leipzig, 1930 (далее: ÖUA). Bd. V. Nr. 5676, 5676. P. 634–636.

40. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 6. Л. 2–4.

41. Там же. Д. 8. Л. 12, 15.

42. См.: *Аветян А.С.* Указ. соч. С. 189.

43. См.: *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 151.

44. См.: Русская старина. 1915. Кн. 6. С. 425.

45. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3702. Л. 103.

46. G.P. Bd. 34//1. Nr. 12608. S. 122.

47. См.: Русская старина. 1915. Кн. 6. С. 428–429.

48. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 160. Л. 41-а.

49. Русская старина. 1915. Кн. 6. С. 431–432.

50. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3414. Л. 164–165.

51. Там же. Д. 3705. Л. 208–209.

52. Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 161. Л. 6; Д. 114. Л. 167.

53. Там же. Ф. Политархив. Д. 3709. Л. 113.

54. Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 161. Л. 156.

55. Там же. Ф. Политархив. Д. 3710. Л. 74–76.

56. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3711. Л. 17–18; Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 55. Л. 156.

57. Там же. Д. 34. Л. 163.

58. Там же. Д. 113. Л. 203.

59. Там же. Д. 201. Л. 205.

60. Там же. Ф. Политархив. Д. 3711. Л. 271.

61. Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 162. Л. 18.

62. См.: *Жебокрицкий В.А.* Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961. С. 182–183.

63. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 162. Л. 96, 98.
64. Там же. Д. 34. Л. 237.
65. Там же. Д. 162. Л. 142.
66. ÖUA. Bd. VI. Nr. 7600. S. 793.
67. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1917 г. Д. 114. Л. 404.
68. Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 34. Л. 314.
69. См.: *Игнатьев А. В.* Указ. соч. С. 170–171.
70. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 163. Л. 25.
71. G.P. Bd. 35. Nr. 13616. S. 231; ÖUA. Bd. VI. Nr. 8012. S. 1032–1033.
72. Красный архив. 1924. Т. 6; С. 69.
73. Там же. С. 75.
74. Там же. С. 76.
75. Там же. С. 75.
76. РГВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2831. Л. 352–353.
77. Там же.
78. Красный архив. 1924. Т. 6. С. 75.
79. См.: *Аветян А. С.* Указ. соч. С. 59, 64–65.
80. *Mühlmann C.* Deutschland und die Türkei. 1913–1914. В., 1929. S. 88–92.
81. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 460. Л. 3 с об.; Д. 3308. Л. 3–5.
82. *Кокотцов В. Н.* Указ. соч. С. 268–281; G.P. Bd. 38. Nr. 15450. S. 643.
83. ВД. V. X. P. I. P. 340, 348; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 26. Л. 257–258.
84. Красный архив. 1924. Т. 7. С. 47–48.
85. МОЭИ. Сер. 3. Т. I. С. 31.
86. *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 148.
87. *Шацлло К. Ф.* Указ. соч. С. 145.
88. Красный архив. 1934. Т. 3. С. 85–129.
89. МОЭИ. Сер. 3. Т. I. С. 373–391.
90. См.: *Деренковский Г. М.* Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне первой мировой войны // Исторические записки. 1949. Т. 29. С. 115.
91. МОЭИ. Сер. 13. Т. II. № 42.
92. Красный архив. 1924. Т. 7. С. 36.
93. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1912 г. Д. 160. — Л. 54.
94. G.P. Bd. 38. Nr. 15283. S. 4.
95. Реформы в Армении. Сборник дипломатических документов: 22 ноября 1912 г. 10 мая 1914 г. (далее: Реформы в Армении). Пг., 1915. С. 3–10.
96. Там же. С. 75–76, 83–89.
97. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 114. Л. 386.
98. Реформы в Армении. С. 93–94.
99. Там же. С. 158–161.
100. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1912 г. Д. 214. Л. 23.
101. См.: *Килимджян Г. С.* Эгейские острова и политика империалистических держав (1912–1914 гг.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. Ереван, 1972. № 11. С. 50–51.
102. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3702. Л. 45.
103. Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Д. 55. № 3. Л. 150; Д. 72. Л. 112.
104. Там же. Д. 164. Л. 210.

105. Там же. Ф. Персидский стол. Д. 4146. Л. 301–302.
106. Там же. Д. 630. Л. 52–66.
107. РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 703. Л. 279–286.
108. Там же. Л. 218–228,
109. См.: *Ананьич Б.В.* Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914. С. 182–184, 192.
110. Там же. С. 185–191.
111. АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 4148. Л. 1056–108.
112. См.: *Фурсенко А.А.* Нефтяные войны (конец XIX — начало XX в.). Л., 1985. С. 123–131.
113. АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 4646. Л. 219–220, 354, 395, 469.
114. См.: *Игнатъев А.В.* Указ соч. С. 137.
115. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 69.
116. РГИА. Ф. 1276. Оп. 25. Д. 32. Л. 23–34.
117. АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 4146. Л. 529, 533.
118. Там же. Л. 230.
119. *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 138.
120. Пассивное отношение англичан к Трансперсидскому проекту, возможно, объясняется тем, что им удалось договориться с Берлином о том, что строительство южной ветки Багдадской дороги будет осуществлено английским капиталом и будет контролироваться Великобританией.
121. См.: *Истягин А.Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М., 1979. С. 168–180.
122. Там же. С. 196–203.
123. МОЭИ. Сер. 2. Т. XX. Ч. II. № 1034.
124. См.: *Леонтьев В.П.* Иностранная экспансия в Тибете в 1888–1919 гг. М., 1956. С. 162–172.
125. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 199–200, 211–213.
126. Стенографические отчеты Государственной Думы. Третий созыв. Сессия пятая. Ч. III. Стб. 2170.
127. МОЭИ. Сер. 2. Т. XX. Ч. II. С. 226.
128. Там же. С. 336, 366.
129. *Fairbank J., Reischauer E., Craig A.* East Asia. The Modern Transformation. Boston, 1965. P. 645.
130. МОЭИ. Сер. 2. Т. XX. 4. II. С. 6–16.
131. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 410–412.
132. РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 726. Л. 414–416.
133. Русско-китайские отношения 1689–1916. М., 1958. С. 100–102.
134. РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 59, 63.
135. АВПРИ. Ф. Японский стол. Д. 247. Л. 144.
136. По данным японской газеты «Дзидзи симпо» от 16 февраля 1913 г., иностранные государства имели следующее количество солдат и офицеров в Китае: Англия — 2930 человек, Франция — 2390, Германия — 2800, США — 1570, Россия — 1300, Италия — 234, Австро-Венгрия — 120, Голландия — 35, Бельгия — 31 (См.: Китай и Япония. 1913. № 170. С. 13–14).
137. МОЭИ. Сер. 2. Т. XIX. Ч. II. С. 38–39.

138. *Гримм Э.Д.* Указ. соч. С. 180.

139. МОЭИ. Сер. 2. Т. XX. Ч. I. С. 292.

140. *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Т. I. Берлин, 1924. С. 81.

141. АВПРИ. Ф. Японский стол. Д. 921. Л. 300.

142. Там же. Л. 405.

143. МОЭИ. Сер. 2. Т. XIX. Ч. I. С. 202.

144. АВПРИ. Ф. Личный архив А.П. Извольского. Д. 53. Л. 8–15.

Глава X

1. См.: Полный сборник платформ всех русских политических партий. СПб., 1911.

2. *Струве П.Б.* Великая Россия // Русская мысль. 1908. Кн. 1.

3. Там же. С. 148–154.

4. *Струве П.Б.* Балканский кризис и исторические задачи России // Русская мысль. 1912. № 12. С. 159–160.

5. См.: *Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 156.

6. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1444. Л. 9 об., 10.

7. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 2. Л. 25; Д. 7. Л. 21, 29; Д. 30. Л. 8 об., 10.

8. Там же. Д. 2. Л. 25; Д. 7. Л. 18–26.

9. Там же. Д. 30. Л. 8.

10. Там же. Ф. 528. Оп. 1. Д. 30. Л. I об.; Л. 7–7 об.

11. Там же. Л. 8–8 об.

12. *Струве П.* Великая Россия // Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 155; его же. Политика внутренняя и политика внешняя // Политика, культура, религия. СПб., 1911. С. 274–279, 288.

13. См.: *Котляровский С.А.* Русская внешняя политика и национальные задачи // Великая Россия. Кн. 2. М., 1911. С. 58.

14. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 7. Л. 29 об.

15. Там же. Д. 30. Л. 2–2 об., 3; Д. 7. Л. 29; *Котляровский С.А.* Указ. соч. С. 60.

16. См.: *Аврех А.Я.* Царизм и третьеиюнская система. М., 1966. С. 90.

17. Вестник Европы. 1909. Кн. 1. С. 261, 265.

18. Великая Россия. Кн. 2. М., 1911. С. 108.

19. См.: *Благоев Д.* Славянский събор и работниците: Съчинения. София, 1961. Т. 4. С. 59–60; *Ненашева З.С.* Славянский вопрос и буржуазно-дворянские общественные круги России на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 183.

20. *Струве П.Б.* Patriotica. СПб., 1911. С. 86–87; Великая Россия. Кн. 1. М., 1910. С. 107; Националистические и национальные течения в Третьей Думе // Русская мысль. 1912. Кн. 8. С. 26.

21. См.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 35, 36.

22. Русская мысль. 1910. Кн. VI. С. 174, 177; 1913; Кн. XI. С. 4.

23. Националистические и национальные движения в Третьей Думе // Русская мысль. 1912. Кн. 8. С. 26–27.

24. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

25. *Милюков П.Н.* Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПб., С. 68–70.

26. См.: Слонимский Л. О пацифизме // Вестник Европы. 1911. № 12. С. 322.
27. Речь. 1911. 13, 14, 17 сент.; 14 окт.
28. Великая Россия. Кн. 1. С. 17; Кн. 2. С. 5.
29. Там же. Кн. 1. С. 20.
30. Там же. Кн. 2. С. 144–154, 62.
31. *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 64.
32. См.: Великая Россия. Кн. 1. С. 8, 11.
33. См.: Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 130.
34. Утро России. 1911. 23 янв.; 4, 15, 22 февр.; 17, 19 марта; 23, 24, 26 апр.; 9, 11 окт.
35. Там же. 15 апр.
36. Там же. 28 июля; 6, 9 нояб.
37. Великая Россия. Кн. 2. С. 62–63.
38. Утро России. 1911. 17, 21 сент.
39. Великая Россия. Кн. 1. С. 18,
40. См.: *Аврех А.Н.* Указ. соч. С. 424–425; *Муравьев В.* Четвертая Дума и наше великодержавное будущее. СПб., 1912. С. 15.
41. *Муравьев В.* Указ. соч. С. 1, 6, 7–9, 11–13, 15, 31.
42. Голос Москвы. 1911. 10 авг.; 21, 22, 23 сент.; 1, 5 окт.; 2 нояб.; 1912. 17, 19 янв.; 7 февр.; 5, 14 апр.
43. *Арктур (Дусинский).* Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса, 1908. С. 34, 181, 192.
44. Голос Москвы. 1911. 14 апр.; 25 окт.; Националистические и национальные течения в Третьей Думе // Русская мысль. 1912. Кн. 8. С. 21–23; ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1487; Д. 583. Л. 6.
45. Голос Москвы. 1911. 2, 20 июля; 22 сент.; 25 окт.
46. ГАРФ. Ф102. Оп. 24. Д. 107. Проект платформы русских национал-демократов.
47. Ладо. Сборник литературный, общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. СПб., 1911. С. 229–230.
48. Голос Москвы. 1912. 18 апр.
49. Там же. 1911. 15, 18 апр.; 31 мая; 9, 14, 21 авг.; 1912. 6 янв.
50. См.: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М., 1981. С. 240; Кризис самодержавия в России. 1895–1912. Л., 1984. С. 511; *Балашов И.* Что ожидать от русского национализма // Ладо. С. 154, 168, 172, 174.
51. *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 22, 23.
52. Националистические и национальные течения в Третьей Думе // Русская мысль. 1912. Кн. 8. С. 15; Ладо. С. 157–159, 175.
53. *Балашов И.* О политике России в последние века и предстоящих ей задачах. СПб., 1913. С. 4, 12, 20, 48, 74; *Баженов И.Р.* Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения. СПб., 1914. С. 33; Свет. 1911. 29 нояб.; Новое время. 1911. 28 апр.
54. Свет. 1911, 17 июля, 29 нояб.; Новое время. 1912, 6 апр.; 9 окт.; Ладо. С. 135–141.
55. Ладо. С. 139.
56. Свет. 1911. 6 янв.; *Балашов И.* Указ. соч. С. 35.

57. *Балашов И.* Указ. соч. С. 20; *Манасеин.* К вопросу об установлении идеальной границы на Западе России. СПб., 1913. С. 4–5; *Новое время.* 1912. 17 апр.
58. Цит. по: *Балашов И.* Указ. соч. С. 19–21; *Ладо.* С. 175.
59. *Новое время.* 1912. 14, 17, 26 апр.; 11, 16 окт.
60. Союз русского народа. По материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; А., 1929. С. 35. Приложения. Устав.
61. *Свет.* 1911. 20 нояб.; *Земщина.* 1912. 4 февр.
62. *Русское знамя.* 1911. 17 сент.; *Земщина.* 1911. 20, 23 сент.
63. *Земщина.* 1911. 28 сент.
64. Националистические и национальные течения в Третьей Думе//*Русская мысль.* 1912. Кн. 8. С. 12–13.
65. *Былое.* 1922. № 19. С. 168–172.
66. *Земщина.* 1911. 9 янв.
67. ГАРФ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 38. Л. 1; *Розен Р.* Европейская политика России. Пг., 1917. С. 5–10.
68. *Русское знамя.* 1911. 9, 11 авг.
69. Там же. 1911. 21 мая; 9, 11 авг.
70. *Земщина.* 1911. 22 дек.; 1912. 13 июля.
71. *Земщина.* 1912. 15 апр.; 2 июля.
72. *Гражданин.* 1912. № 16. С. 12.
73. См.: *Милюков П.Н.* Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб., 1910; *Он же.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 93–96.
74. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1444.
75. *Урибес Э.* Правящие круги России и Балканский кризис 1911 г.//*Историчекие записки.* 1980. № 105. С. 83.
76. *Утро России.* 1911. 27 марта.
77. *Новое время.* 1911. 1, 14, 24 янв.; 26 марта; *Голос Москвы.* 1911. 9 янв.; *Утро России.* 1911. 25 февр.; 11, 20 и 30 марта.
78. *Речь.* 1912. 29, 30 авг.; 5, 12, 13 сент.
79. *Речь.* 1913. 25, 30 мая; 7, 20, 21, 28, 29 июня; 23 авг.
80. *Новое время.* 1913. 11, 15, 16, 18, 20, 22 нояб.
81. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 110 об.
82. *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 312.
83. Там же. С. 149.
84. *Голос Москвы.* 1910. 26 сент.
85. *Московский еженедельник.* 1909. № 3. С. 30.
86. *Речь.* 1911–19 дек.
87. *Голос Москвы.* 1910. 10 нояб.
88. *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны 1910–1914//*Исторические записки.* 1965. Т. 75. С. 52–54.
89. *Новое время.* 1911. 8 февр.; 1912. 26 апр.; *Голос Москвы.* 1911. 12 февр.; 1912. 15, 18 апр.; *Утро России.* 1911.
90. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 1330.
91. *Промышленность и торговля.* 1912. № 1. С. 20.
92. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч.П. Стб. 122–123.

93. Там же. Сессия четвертая. Ч. II. СПб., 1911. Стб. 3325.
94. Голос Москвы. 1913. 6 февр.
95. Утро России. 1913. 13 апр.
96. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. II. Стб. 1811–1813,
97. Там же. Стб. 1270.
98. *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910. С. 114–115.
99. Социал-демократ. 1912. № 28–29.
100. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 321–323.

Глава XI

1. См.: *Сидоров А.А.* Из истории подготовки царизма к Первой мировой войне // Исторический архив. 1962. № 2. С. 126–127; *Петров М.* Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С. 122.
2. См.: *Шаццлло К.Ф.* Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 226.
3. См.: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и оперативных планов. М.; Л., 1926. С. 73–74; *Деникин А.И.* Путь русского офицера // Октябрь. 1991. № 3. С. 92.
4. См.: *Шаццлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). С. 315–316.
5. Там же. С. 63–78.
6. Цит. по: *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны. М., 1976. С. 131.
7. См.: *Шаццлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). С. 148–162; *Вержховский Д.В.* Первая мировая война // СИЭ. Т. 10. С. 973; История Первой мировой войны. Т. 1. М., 1975. С. 68.
8. СИЭ. Т. 10. М., 1967. С. 971. .
9. См.: История первой мировой войны. Т. 1. С. 96.
10. См.: *Нотович Ф.И.* Империалистические противоречия накануне Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 23. М., 1947. С. 223; *Деникин А.И.* Путь русского офицера // Октябрь. 1991. № 3. С. 112.
11. См.: *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 115–116; *Емец В.А.* Указ. соч. С. 45–52.
12. См.: *Редигер А.Ф.* История моей жизни // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 57–59; *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне... С. 93–94; *Шаццлло К.Ф.* Россия перед Первой мировой войной. М., 1974. С. 93–100; *Емец В.А.* Указ. соч. С. 29–32.
13. Цит. по: *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 60.
14. См.: *Боголепов М.И.* Война, финансы и народное хозяйство. Пг., 1914. С. 2–3; *Ребуль Ф.* Военные производства во Франции в 1914–1918 гг. М., 1926. С. 5.
15. См.: *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. 2. М., 1948. С. 95.

16. См.: *Шапошников Б.* Мозг армии. Кн. 1. М.; Л., 1927. С. 246, 247; *Мировая война в цифрах.* М.; Л., 1934. С. 52.

17. См.: *Шигалин Г.И.* Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918 гг.). М., 1956. С. 167–175.

18. *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. Берлин, 1924. С. 79.

19. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сб. секретных дипломатических документов бывш. императ. Российского министерства иностранных дел. М., 1922. С. 715–716.

20. Там же. С. 716.

21. МОЭИ. Сер. 2. Т. XX. Ч. 1. С. 297–298.

22. Там же. С. 298–302.

23. См.: гл. VII.

24. См.: *Аветян А.С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны, 1910–1914. М., 1985. С. 219–245.

25. МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. С. 336.

26. Там же. С. 337.

27. Там же. С. 552.

28. Там же. С. 561.

29. Там же. С. 504.

30. Новое время. 1914. 20 февр.

31. Голос Москвы. 1914. 22 февр.

32. Речь. 1914. 20 февр.

33. Русское слово. 1914. 21 февр.

34. Сообщение Осведомительного бюро было помещено в газетах 25 февраля.

35. Новое время. 1914. 23 февр.

36. Голос Москвы. 1914. 22 февр.; 2, 4 марта.

37. Русское слово. 1914. 25 февр.

38. Русские ведомости. 1914. 7 февр.

39. Голос Москвы. 1914. 28 февр.

40. МОЭИ. Сер. 3. Т. I. С. 574–576.

41. Речь. 1914. 23, 24 февр.

42. Русское слово. 1914. 22, 23 февр.

43. Там же. 1914. 25 февр.

44. Русские ведомости. 1914. 25 февр.

45. Речь. 1914. 26 февр.

46. Новое время. 1914. 27 февр.

47. Речь. 1914. 25 февр.

48. Русское слово. 1914. 28 февр.

49. МОЭИ. Сер. 3. Т. I. С. 561–562.

50. Там же. С. 587.

51. Там же. С. 573–574.

52. Русское слово. 1914. 28 февр.

53. Биржевые ведомости. 1914. 27 февр.

54. Русские ведомости. 1914. 28 февр.

55. Голос Москвы. 1914. 1 марта.

56. Новое время. 1914. 4 марта.

57. МОЭИ. Сер. 3. Т. I. С. 563–564.

58. Русские ведомости. 1914. 28 февр.
59. Россия. 1914. 1 марта.
60. См.: *Аветян А.С.* Указ. соч. С. 242–243.
61. Голос Москвы. 1914,— 2 марта,
62. Там же. 1914. 4 марта.
63. Биржевые ведомости. 1914. 4 марта.
64. Русское слово. 1914. 4 марта.
65. Речь. 1914. 5 марта.
66. Русское слово. 1914. 4 марта.
67. АВПРИ. Ф. Личный архив А.П. Извольского. Д. 43. Л. 10–15 (весьма доверительное письмо Извольского Столыпину от 21 июля (3 августа) 1911 г.).
68. Европейские державы и Турция во время мировой войны. Константинополь и проливы. Т. I. М., 1925. С. 63.
69. Вестник НКВД, 1919. № 1. С. 30–32.
70. МОЭИ. Сер. 3. Т. I. С. 373–391.
71. В случае мобилизации одной Австро-Венгрии или Италии такое соглашение требовалось. См.: Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. М., 1922. С. 697–718.
72. МОЭИ. Сер. 2. Т. XX. Ч. I. С. 297–302.
73. Там же. Сер. 3. Т. II. С. 470–471.
74. См.: *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.). С. 219.
75. См.: *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 246–247.
76. Там же. С. 251–252.
77. Речь. 1914. 17 июня.
78. Русское слово. 1914. 17 июня.
79. Русские ведомости. 1914. 17 июня.
80. Голос Москвы. 1914. 19 июня.
81. МОЭИ. Сер. 3. Т. IV. С. 191–194; B.D. Vol. XI. L., 1926. P. 30.
82. МОЭИ. Сер. 3. Т. IV. С. 263.
83. Там же. С. 299.
84. Там же. С. 296–297, 395–397.
85. *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 254.
86. МОЭИ. Сер. 3. Т. IV. С. 381–382.
87. Там же. С. 381; D.D.F. 3^e Ser. T. X. P., 1936. P. 721–729, 766; T. XI. P. 1.
88. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 4–5; D.D.F. 3^e Ser. T. X. P. 706, 716, 737, 754–755, 763, 764.
89. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 10.
90. Там же. С. 45.
91. См.: *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 256.
92. Там же; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 212.
93. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 45–46; D.D.F. 3^e Ser. T. XI. P. 18; B.D. Vol. XI. P. 80–82; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 218–219. Пометка Грея на донесении Бьюкенена свидетельствует, что посол верно передал позицию своего правительства. Глава Форин офис исходил из возможности быстрой, в течение 24 часов, мобилизации английского флота и считал какие-либо заявления в адрес Франции и России преждевременными.

94. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 38–40, 46.
95. Там же. С. 46–47.
96. Там же. С. 47–48.
97. Правительственный вестник. 1914. 12 (25) июля.
98. Речь. 1914. 12 июля.
99. Русское слово. 1914. 12 июля.
100. Русские ведомости. 1914. 13 июля.
101. Новое время. 1914. 13 июля; Земщина. 1914. 13 июля.
102. Русское слово. 1914. 11 июля.
103. Русские ведомости. 1914. 15 июля.
104. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 53–56.
105. Там же. С. 59–60, 67.
106. Там же. С. 95–96.
107. Там же. С. 114–115.
108. D.D.F. 3 Ser. Т. XI. P. 52.
109. Ibid. P. 64–65, 71, 73–75.
110. Ibid. P. 74.
111. Ibid. P. 66; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 219.
112. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 116–117.
113. Там же. С. 122.
114. Там же. С. 182.
115. В.Д. Vol. XI. No 170.
116. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 150.
117. D.D.F. 3^e Ser. Т. XI. P. 327–328, 349–350, 391; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 233–234.
118. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 181–182.
119. Там же. С. 189.
120. Там же. С. 212.
121. Там же. С. 202.
122. Там же. С. 213.
123. Там же. С. 214.
124. История СССР с древнейших времен. Т. VI. С. 520.
125. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 206.
126. Там же. С. 227.
127. D.D.F. 3^e Ser. Т. XI. P. 276; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 239.
128. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 268–269.
129. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 249.
130. МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 257–258.
131. Там же. С. 268.
132. Там же. С. 289.
133. Там же. С. 287, 319–320, 322–323; D.D.F. 3^e Ser. Т. XI. P. 385.

Глава XII

1. *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. Изд. 8-е. М., 1954. С. 332.
2. Цит. по Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 68.

3. *Lieven D. Nicholas II. Twilight of the Empire.* N.Y., 1993. P. 204.
4. См.: *Мицц И.И.* История Великого Октября. Т. I. Свержение самодержавия. М., 1967. С. 209–213.
5. См.: *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. I. М.; А., 1947. С. 68; История дипломатии. 2-е изд. Т. 3. М., 1965. С. 5–12.
6. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 273.
7. См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 281–282; МОЭИ. Сер. 3. Т. VI. Ч. I. № 201. С. 193.
8. См.: *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). С. 142–143, 190–218.
9. См.: *Емец В.А.* Указ. соч. С. 36.
10. МОЭИ. Т. VI. Ч. I. № 21. С. 20.
11. См.: *Тардые А.* Мир. М., 1943. С. 21.
12. *Poincaré R.* Au service de la France. Vol. V. P., 1928. P. 194.
13. *Ibid.* P, 211.
14. МОЭИ. Т. VI. 4. I. № 224. С. 217–218.
15. Там же. № 220. С. 214; *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. М., 1926. С. 19.
16. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 746. С. 342–343; № 759. С. 361–363.
17. *Ducasse A., Meyer J., Perreux G.* Vie et mort des Français (1914–1918). P. Hachette, 1962. P. 198.
18. МОЭИ. Т. VI. Ч. I. № 224. С. 217–218.
19. Там же. № 287. С. 282.
20. Там же. № 240. С. 231.
21. Там же.
22. Там же. № 231. С. 224 (Памятная записка английского посольства в Петрограде от 8 сентября (26 августа) 1914 г.)
23. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 613. С. 263.
24. Там же. № 614. С. 264.
25. Вопрос о вступлении Италии в войну обстоятельно освещен в монографии *Ф.И. Нотович.* Указ. соч. С. 24–53, 266–282, 391–468.
26. МОЭИ. Т. IX. № 23. С. 25. Примечания 1 и 2; № 380. С. 392. В сборнике *Ю.В. Ключникова и А. Сабанина* (с. 19) ошибочно указано, что Япония присоединилась к этому соглашению 19 (6) октября 1914 г., а Италия — 21 (8) ноября 1915 г.
27. МОЭИ. Т. IX. № 380. С. 392.
28. Там же. Т. X. С. 515, 522, 524.
29. См.: *Нотович Ф.И.* Указ. соч. С. 167–208; *Хвостов В.М.* История дипломатии. Т. 3. С. 18–21; *Эггерт З.К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957.
30. *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Dusseldorf, 1962. S. 107–127, 149–167.
31. См.: *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 273,
32. См.: *Fischer F.* *Op. cit.* S. 122–127.
33. См.: *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 314.
34. МОЭИ. Т. VI. Ч. I. № 256. С. 247–249; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 270.
35. МОЭИ. Т. VI. Ч. I. № 256. С. 247–249.

36. Там же. № 318. С. 314–315.
37. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М. Пг., 1923. С. 100.
38. Там же. С. 105.
39. Там же.
40. МОЭИ. Т. VI. Ч. I. № 214. С. 208 (телеграмма Грея Бьюкенену от 3 сентября 1914 г.).
41. МОЭИ. Т. VI. Ч. I. № 329. С. 327–329.
42. Там же. № 318. С. 313–314; Константинополь и проливы. Т. I. С. 221 (телеграмма Палеолога Делькассе от 26 (13) сентября 1914 г.).
43. Там же. № 329. С. 327–328.
44. Там же. С. 328.
45. См.: *Тардые А.* Указ. соч. С. 145–170.
46. МОЭИ. Т. VI. Ч. I. № 329. С. 328.
47. Там же. С. 329.
48. Там же. № 385. С. 394.
49. Там же. С. 395.
50. Там же. № 386. С. 395–396.
51. Ежегодник газеты «Речь». Пг., 1915. С. 182–183.
52. МОЭИ. Т. VI. Ч. I. № 280. С. 275.
53. Ежегодник газеты «Речь». Пг., 1915. С. 182–183.
54. Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л., 1926. С. 62.
55. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 546, 551. С. 111–112, 116–117; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 165–167. Из четырех телеграмм, в которых Палеолог информировал свое правительство об этой аудиенции, обнаружена только одна. Сравнение ее с текстом мемуаров Палеолога позволяет заключить, что текст этот полностью совпадает с содержанием и остальных трех телеграмм.
56. *Палеолог М.* Указ. соч. С. 167; МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 546. С. 111–112.
57. *Палеолог М.* Указ. соч. С. 167–168.
58. Там же.
59. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 546. С. 111–112; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 168–169, 171.
60. *Палеолог М.* Указ. соч. С. 171–172.
61. Русско-польские отношения в период мировой войны. С. 16–23, 172.
62. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 271.
63. *Тардые А.* Указ. соч. С. 112.
64. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 546. С. 111–112; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 170–171.
65. *Палеолог М.* Указ. соч. С. 169.
66. Там же. С. 172.
67. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 518. С. 84–85.
68. Там же. С. 85.
69. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 551, 746, 747; Т. VII. Ч. 1. № 9.
70. *Палеолог М.* Указ. соч. С. 175–176.
71. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 282.
72. *Руге В.* Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1982. С. 73.
73. *Тэйлор А. Дж.П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 557 (пер. с англ.).

74. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 128.
75. См.: Нотович Ф.И. Указ. соч. С. 354–390; Константинополь и проливы. Т. 1. Вступит. статья; Емец В.А. Указ. соч. С. 109–148.
76. Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 301.
77. Нотович Ф.И. Указ. соч. С. 379.
78. Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 296–297; Тэйлор А. Дж.П. Указ. соч. С. 535.
79. Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 297.
80. Там же. С. 277.
81. См.: Вольф М.Б., Клупт В.С. Статистический справочник по экономической географии капиталистического мира. 4-е изд. М., 1959. С. 74, 85, 105, 109, 110, 158. Табл. 34, 42, 54, 58, 97; Мировое хозяйство. Сборник статистических материалов за 1913–1927 гг. М., 1928. С. 6–9. Табл. 2. История первой мировой войны. Т. 1. С. 61.
82. Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 297, 298.
83. Там же. С. 303–304.
84. См.: Берти, лорд. За кулисами Антанты. М.; Л., 1927. С. 39. Согласно постановлениям Берлинского конгресса 1878 года за турецким султаном признавалось право закрывать проливы для прохода иностранных военных судов в мирное время.
85. МОЭИ. Т. VI. Ч. 1. № 385. С. 395.
86. МОЭИ. Т. III. Ч. 1. № 353. С. 457. Сазонов в своих воспоминаниях называет сумму в 4 млрд. (См.: Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 302, 313.)
87. Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 302–303..
88. См.: Камбон Ж. Дипломат. М., 1946. С. 42.
89. Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 304.
90. МОЭИ. Т. VII. Ч. 1. № 239. С. 328.
91. Константинополь и проливы. Т. I. № 17.
92. Там же. № 18; МОЭИ. Т. VII. Ч. 2. № 484.
93. МОЭИ. Т. VI. Ч. 1. № 430. С. 443–444.
94. См.: Берти, лорд. Указ. соч. С. 40.
95. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 534. С. 101; Константинополь и проливы. Т. I. С. 234.
96. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 543, 547. С. 109, 113.
97. Там же. № 535. С. 101.
98. Там же. № 547. С. 113; № 552. С. 117. Поденная запись Министерства иностранных дел 10 (23) ноября 1914 г.
99. Емец В.А. Указ. соч. С. 117.
100. См.: Царская Россия в мировой войне. Л., 1926. С. 17; МОЭИ. Т. VI. Ч. 1. № 138. С. 313–314.
101. МОЭИ. Т. VI. № 318. С. 313–314.
102. Там же. С. 314. А.В. Кривошеин, один из влиятельных членов царского кабинета, в упомянутой беседе с Палеологом высказал свое «частное мнение» относительно будущего Константинополя и проливов, заявив, что проливы должны быть свободными, туркам надлежит уйти из Европы, а Константинополь должен стать нейтральным городом с режимом, аналогичным танжерскому. Относительно судьбы Константинополя Сазонов уточнил вначале, что он не вполне согласен с Кривошеиным, но, как и последний, считает, что при

заключении мира Россия должна «навсегда обеспечить себе свободный проход через проливы».

103. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 547. С. 113.
104. *Палеолог М.* Указ. соч. С. 168.
105. МОЭИ. Т. VI. Ч. 1. № 385. С. 394.
106. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 311.
107. Там же. С. 312.
108. См.: Раздел Азиатской Турции. М., 1924. С. 122; *Нотович Ф.И.* Указ. соч. С. 373.
109. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 311.
110. Там же. С. 311–312.
111. МОЭИ. Т. VI. Ч. 1. С. 308; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 311–312.
112. Того же мнения придерживался А.В. Кривошеин (МОЭИ. Т. VI. Ч. 1. № 318. С. 314–315.)
113. Там же. Ч. 2. С. 308–309.
114. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 310–311.
115. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия третья. Стб. 17.
116. *Емец В.А.* Указ. соч. С. 132.
117. См.: Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. 1915. Сессия третья. Стб. 6, 39, 50, 71.
118. Там же. Стб. 74.
119. См.: Речь, Русское слово, Утро России, Русские ведомости, Новое время, День, Земщина за 28–30 янв. и 2–3 февр. 1915 г.
120. Там же.
121. *Емец В.А.* Указ. соч. С. 135.
122. Цит. по: *Палеолог М.* Указ. соч. С. 218–219.
123. МОЭИ. Т. VII. Ч. 1. № 292. 296.
124. Цит. по: *Палеолог М.* Указ. соч. С. 220–221.
125. Там же. С. 221.
126. МОЭИ. Т. VII. Ч. 1. № 298. С. 392; № 301. С. 394.
127. Там же. № 299. С. 392–393; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 315–316.
128. МОЭИ. Т. VII. Ч. 1. № 312; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 305–306.
129. МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. № 634. С. 203–204.
130. Речь. 1915. 2 марта.
131. Там же.
132. Grey of Fallodon E. Twenty five Years. 1892–1915. Vol. 1–2. N.Y., 1925. P. 183.
133. Раздел Азиатской Турции. С. 124; МОЭИ. Т. VII. 4.1. № 351. С. 452.
134. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 314.
135. МОЭИ. Т. VII. Ч. 1. С. 454, 456.
136. Там же. № 305. С. 400.
137. Там же. № 383.
138. Цит. по: Константинополь и проливы. Т, I. С. 282.
139. *Берти*, лорд. Указ. соч. С. 51–52.
140. Русские ведомости. 1915. 14 марта.
141. *Poincare R.* Au service de la France. Vol. VI. P. P. 90.

142. См.: Константинополь и проливы. Т. I. С. 264; МОЭИ. Т. VII. Ч. 1. С. 402.
Прим. 2.
143. Цит. по: Раздел Азиатской Турции. С. 122.
144. Там же. С. 247; Константинополь и проливы. Т. I. С. 277.
145. Цит. по: *Палеолог М.* Указ. соч. С. 222.
146. Цит. по: Константинополь и проливы. Т. I. С. 286.
147. Там же. С. 287, 288; МОЭИ. Т. VII. Ч. 1. № 351, 352.
148. Цит. по: Раздел Азиатской Турции. С. 134; МОЭИ. Т. VII. Ч. 2. № 506.
С. 120.
149. Цит. по: Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л., 1926. С. 155; Там же. С. 137, 141, 143; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 101, 104.
150. МОЭИ. Т. VI. Ч. 1. № 125. С. 120.
151. Там же.
152. Там же. № 126. С. 120.
153. Там же.
154. Там же. С. 125.
155. Русско-польские отношения в период мировой войны. С. 16.
156. Там же. С. 19.
157. Там же. С. 20–23.
158. Там же. С. 19–20.
159. Там же. С. 20–21.
160. См.: *Палеолог М.* Указ. соч. С. 101.
161. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 373, 376.
162. МОЭИ. Т. VI. Ч. I. № 132. С. 124–125.
163. МОЭИ. Т. VII. Ч. I. С. 124. Прим. 4.
164. Там же. С. 125. Примечание 2.
165. Русско-польские отношения в период мировой войны. С. 24.
166. В январе 1915 г. варшавским генерал-губернатором вместо князя Ту-
манова был назначен генерал-лейтенант князь Енгалычев, занимавший до этого
пост начальника Академии Генерального штаба (там же. С. 49, 159–160).
167. Русско-польские отношения в период мировой войны. С. 40–47, 53.
168. Там же. С. 49.
169. Там же. С. 50–59.
170. Там же. С. 60–76.
171. Там же. С. 61–62, 69–70.
172. Там же. С. 61–65.
173. Там же. С. 67.
174. Там же. С. 70–71.
175. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 376.
176. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет.
Сессия четвертая. Пг., 1915. Стб. 8–9.
177. Там же. Стб. 9–10.
178. См.: История Первой мировой войны. 1914–1918. Т. 1. М., 1975. С. 352.
179. Там же. С. 359.
180. История Первой мировой войны. 1914–1918. Т. 2. М., 1975. С. 27–28.
181. Там же. Т. 1. С. 396–397.

182. См.: *Фалькенгайн Э.* Верховное командование в 1914–1916 гг. в его важнейших решениях: Пер. с нем. М., 1923. С. 60.
183. Там же. С. 63.
184. *Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: Пер. с 5-го нем. изд. Т. I. М., 1923. С. 112.
185. Там же.
186. Там же. С. 113.
187. См.: *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 162–163.
188. *Монархия перед крушением. 1914–1917: Бумаги Николая II и другие документы.* М.; Л., 1927. С. 97.
189. См.: *Людendorф Э.* Указ. соч. Т. I. С. 125.
190. См.: *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 153.
191. См.: *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 350–351; 357–359.
192. *Людendorф Э.* Указ. соч. С. 137.
193. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 363.
194. Там же.
195. Там же. С. 366.
196. См.: *История Первой мировой войны. 1914–1918.* Т. 2. С. 11.
197. См.: *История СССР.* Т. VI. М., 1968. С. 575.
198. См.: *История Первой мировой войны. 1914–1918.* Т. 2. С. 142.
199. См.: *Мировая война в цифрах.* М., 1934. С. 13–14.

Глава XIII

1. См.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967. С. 163.
2. Там же. С. 164; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С. 143.
3. *Новое время.* 1916. 20 янв.; *Русское слово.* 1916. 20 янв.; *Российский гражданин.* 1916. 24 янв.
4. *Государственный совет. 1916 год. Сессия двенадцатая. Стенографические отчеты.* Пг., 1916. Стб. 15–16.
5. Цит. по: *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 151–152.
6. Там же. С. 152.
7. *Государственный совет. 1916 год. Сессия двенадцатая. Стенографические отчеты.* Стб. 16, 20.
8. Там же. Стб. 22–23; 25–26.
9. Там же. Стб. 26–28.
10. Там же. Стб. 29–39.
11. *Государственная Дума. Четвертый созыв. 1916. Стенографический отчет. Сессия четвертая.* Пг., 1916. Стб. 1259, 1261, 1262–1264, 1266, 1440–1457, 1987, 1998.
12. Там же. Стб. 1257.
13. Там же. Стб. 1313.
14. Там же. Стб. 1336–1337.
15. Там же. Стб. 1387.
16. Там же. Стб. 1271–1285.
17. *Иностранная литература.* 1989. № 3. С. 227–228.

18. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1427–1432, 1436–1438,
19. Там же. Стб. 3243–3260.
20. Там же. Стб. 3275, 3282.
21. Там же. Стб. 3276–3282.
22. Там же. Стб. 3292–3307.
23. Там же. Стб. 3302–3304.
24. Новый экономист. 1916. № 8; Российский гражданин. 1916. № 10. С. 15.
25. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1916 г. Оп. 470. Д. 144. Л. 5–7 об. Сама записка помечена апрелем 1916 года и дозволена к печати военной цензурой 12 мая. Ее автор (влиятельный придворный) находился в близком родстве с П.Н. Балашевым, лидером партии националистов и фракции националистов IV Государственной Думы.
26. МОЭИ. Т. X. № 506. С. 624.
27. Там же. С. 625.
28. Там же. № 62.
29. См.: *Григорьевич С.С.* Указ. соч. С. 567. В Шаньдунской операции (в районе бухты Киао-Чао и крепости Циндао) участвовало 30 тыс. японских солдат и 1350 английских. Крепость Циндао оборонялась немецким гарнизоном численностью в 5 тыс. человек (там же. С. 477–478).
30. МОЭИ. Т. IX. № 184. С. 186.
31. Там же.
32. Там же. Т. VII. Ч. 2. № 746. С. 427.
33. МОЭИ. Т. IX. № 184. С. 286; С. 200. Прим. 2.
34. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Д. 34. Л. 221–222.
35. *Гримм Э.Д.* Указ. соч. С. 192.
36. Там же. С. 193–194; *Григорьевич С.С.* Указ. соч. С. 572.
37. Там же.
38. АВПРИ. Миссия в Пекине. Д. 34. Л. 249.
39. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1917 г. Д. 96. Л. 291, 335.
40. См.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 201.
41. Там же. С. 198.
42. МОЭИ. Т. X. № 34.
43. Там же. С. 125. Прим. 5.
44. Там же. № 191.
45. Там же. С. 275. Прим. 2.
46. Там же. С. 195. Прим. 1.
47. Там же. С. 275. Прим. 3.
48. См.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 199.
49. Там же. С. 204.
50. Там же. С. 209
51. См.: МОЭИ. Т. X. № 167. С. 258; Там же. С. 276. Прим. 2, 3; Раздел Азиатской Турции. С. 152, 153; Красный архив. 1929. Т. XXXII. С. 6.
52. МОЭИ. Т. X. С. 173. Прим. 2; Красный архив. 1929. Т. XXXII. С. 8.
53. Красный архив. 1929. Т. XXXII. С. 20; МОЭИ. Т. X. С. 372. Прим. 1.
54. См.: МОЭИ. Т. X. № 347; Красный архив. 1929. Т. XXXII. С. 21.
55. Царская Россия в мировой войне. Л., 1926. С. 237.

56. Там же.

57. Там же.

58. См.: *Григорьевич С.С.* Указ. соч. С. 469. 26 июля (8 августа) 1914 г. японское правительство приняло решение о вступлении в войну против Германии, а 10 (23) августа был опубликован рескрипт японского императора об объявлении ей войны (*Григорьевич С.С.* Указ. соч. С. 467, 475).

59. МОЭИ. Т. VI. Ч. 1. № 116. С. 113.

60. См.: *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989. С. 98–103.

61. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Стб. 25.

62. По свидетельству директора Дипломатической канцелярии Н.А. Кудашева, мысль о посылке такой миссии была обронена японским представителем в русской Ставке генералом Накасимой за обедом у Николая II соседу по столу лейб-хирургу С.П. Федорову. Однако генерал Накасима в донесении своему начальству изобразил это несколько иначе: «...конечно, командировка исходит от государя-императора, и я поражен неожиданностью предложения» (МОЭИ. Т. IX. С. 541. Прим. 1).

63. Красный архив. 1928. Т. 28. С. 19; МОЭИ. Т. IX. № 528. С. 541.

64. Красный архив. 1929. Т. 1 (32). С. 10–11; МОЭИ. Т. X. № 217. С. 222–223.

65. МОЭИ. Т. X. № 9275. С. 291.

66. Там же. № 380. С. 417–418.

67. *Гримм Э.Д.* Указ. соч. С. 91; *Исии К.* Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 85–86 (пер. с англ.).

68. *Гримм Э.Д.* Указ. соч. С. 191; МОЭИ. Т. X. № 380. С. 420–423.

69. АВПРИ. Ф. Японский стол. Д. 213. Л. 80.

70. См.: *Григорьевич С.С.* Указ. соч. С. 526.

71. Харбинский вестник. 1916. 6 июля.

72. См.: *Григорьевич С.С.* Указ. соч. С. 527.

73. АВПРИ. Ф. Отдел печати и осведомления. Д. 514. Л. 71, 79 и др.

74. Там же. Л. 199–200.

75. Проект устава Палаты был утвержден Николаем II 24 мая 1913 г. См.: Вестник Русско-американской торговой палаты (далее: Вестник РАТП). 1915. № 1. С. 10; Экономическое положение России. Ч. 2. С. 578 (примечания).

76. Кроме «Вестника» Палата ежедневно выпускала «Бюллетени», предназначенные исключительно для членов Палаты, но они получали более широкое распространение, а также специальный «Ежегодник». См.: Вестник РАТП. 1915. № 1. С. 11; 1916. № 10. С. 30.

77. Вестник РАТП. 1915. № 1. С. 2.

78. АВПРИ. Ф. Экономический департамент, 1914–1917 гг. Д. 130. Л. 143.

79. См.: *Ганелин Р.Ш.* Россия и США, 1914–1917 гг. Л., 1969. С. 46–49.

80. См.: *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война, 1914–1918. М., 1968. С. 227–228.

81. О результатах своей поездки Гольдштейн сделал доклад на собрании членов РАТП 26 марта 1906 г. (См.: Вестник РАТП. 1916. № 4. С. 104–107; № 5. С. 132–134).

82. Русские ведомости. 1916. 10 февр.; Речь. 1916. 10 февр.; Вестник РАТП. 1916. № 2. С. 47.
83. Вестник РАТП. 1916. № 2. С. 48.
84. Там же. № 3. С. 85.
85. Там же. С. 85–86.
86. Там же. С. 88–89.
87. Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 7. С. 248; Вестник РАТП. 1916. № 7. С. 193, 195–196; № 8. С. 221; 1917. № 2. С. 37; Финансовая газета. 1916. 16 июля; Великая Россия и дружественные страны. 1917. 1 (14) марта. № 1. С. 11. ^
88. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. М. Пг., 1926. С. 159.
89. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Стб, 285.
90. *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 165.
91. Там же. С. 173.
92. Цит. по: *Монархия перед крушением.* С. 18. В издании допущена опечатка. И телеграмма Бьюкенена царю, и ответ Гардинга на донесение Бьюкенена ошибочно помечены июнем вместо июля.
93. Это письмо Гардинга, как сообщает Бьюкенен в своих мемуарах, попало вскоре в руки германцев вместе с одним из тюков английской почты и тогда же появилось в немецких газетах. Германская пропаганда использовала его в целях подрыва англо-русских отношений (См.: *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. С. 154—155). После Февральской революции оно было напечатано в протопоповской «Русской воле» (1917. 11 марта. № 11, вечерний выпуск).
94. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1916 г. Оп. 470. Д. 79. Т. 1. Л. 102.
95. Там же. Л. 91, 92, 93.
96. Там же. Л. 99.
97. АВПРИ. Ф. 140. Д. 542. Л. 95, 96.
98. Подробнее См.: Васюков В.С. Указ. соч. С. 224–228.
99. Единственной «белой вороной» в кабинете Штюмерера оставался либерально настроенный министр народного просвещения граф П.Н. Игнатъев, против которого черносотенная печать не прекращала клеветническую кампанию.
100. Утро России. 1916. 12 июля.
101. Речь. 1916. 17 июля.
102. Земщина. 1916. 12 июля.
103. Там же. 15 июля.
104. Новое время. 1916. 16 июля.
105. Земщина. 1916. 14, 16 июля.
106. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 143.
107. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1916–1917. Стб. 251, 257–258.
108. *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 60.
109. Цит. по: *Рейн Г.Е.* Из пережитого. 1907–1918. Т. II. Берлин, б. г. С. 161.
110. Алексей Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. Т. 2. Париж, 1933. С. 273–274,
111. *Шульгин В.В.* Дни. Л., 1925. С. 105.
112. Там же. С. 112.
113. История Первой мировой войны. 1914–1918. Т. 2. С. 287.

114. Мировая война в цифрах. С. 13–14; *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары: Пер. с англ. Т. 1–2. М., 1934. С. 593; История Первой мировой войны. Т. 2. С. 286.
115. Подробнее об этой конференции см.: *Емец В.А., Карлинер М.М.* Англия и Петроградская конференция Антанты 1917 года // Международные отношения, политика, дипломатия. М., 1964.
116. См.: Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. I (20). С. 42.
117. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 3. М., 1935. С. 348.
118. Цит. по: *Мельгунов С.П.* Легенда о сепаратном мире (канун революции). Париж, 1957. С. 347.
119. См.: Мировая война в цифрах. С. 13, 14.
120. См.: *Палеолог М.* Указ. соч. С. 220.
121. *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 481.
122. *Авдеев Н.* Революция 1917 г. (хроника событий). Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 24; Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1916–1917. Стб. 1331.

Глава XIV

1. См.: Набоков В. Временное правительство. Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 41.
2. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 422–424.
3. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. VI. М.; Л., 1926. С. 367.
4. См.: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 126–132.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. М., 1963. С. 34–36.
6. См.: *Губский Н.* Революция и внешняя политика России. Сборник материалов. М., 1917. С. 22.
7. См.: *Рубинштейн Н.А.* Внешняя политика керенщины // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. М.; Л., 1927. С. 368–369.
8. Речь. 1917. 5 мая.
9. Там же. 1917. 11 мая.
10. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы (далее: Экономическое положение России). Ч. II. М.; Л., 1957. С. 453.
11. *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 336.
12. Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 29–30.
13. Там же. С. 34–35.
14. Там же. С. 38*–0.
15. См.: *Бубнов А.* В царской Ставке. Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955. С. 282–283,
16. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 153,
17. Борьба классов. 1931. № 5. С. 85–86
18. См.: Константинополь и проливы. Т. II. С. 396–397.

19. Речь. 1917. 11 мая.
20. *Wartb R.* The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954. P. 51.
21. См.: Раздел Азиатской Турции. С. 329–332.
22. *Иоффе А.Е.* Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль–октябрь). М., 1958. С. 119; Экономическое положение России. Ч. II. С. 473.
23. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 435.
24. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 142.
25. Цит. по: Раздел Азиатской Турции. С. 323.
26. *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 146.
27. *Fayle С.Е.* Seaborn Trade. Vol. 3. L., 1924. P. 88–99, 160.
28. См.: Экономическое положение России. Ч. II. С. 538.
29. См.: Раздел Азиатской Турции. С. 322.
30. Речь. 1917. 14 апр.
31. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 3. Washington, 1932. P. 2, 6–7, 9.
32. См.: Экономическое положение России. Ч. II. С. 501.
33. Там же. С. 477, 485.
34. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 147.
35. См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. С. 252–253.
36. Речь. 1917. 23 марта.
37. Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта.
38. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. С. 374–375.
39. Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 13.
40. См.: Константинополь и проливы. Т. I. С. 485–486.
41. Там же. С. 486.
42. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 мая.
43. Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 144.
44. Речь. 1917. 7 мая.
45. Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы. М., 1955. С. 231–233.
46. См.: *Рубинштейн Н.А.* Внешняя политика керенщины/Ючерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. М. — Л., 1927. С. 409.
47. *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Париж, 1963. С. 160–161.
48. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 217.
49. Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы. С. 231–233.
50. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 13 мая.
51. Там же. 1917. 14 мая.
52. Там же. 1917. 30 мая; Рабочая газета. 1917. 28 мая.
53. Константинополь и проливы. Т. I. С. 501–502.

54. Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы. С. 260.
55. Там же.
56. Константинополь и проливы. Т. I. С. 498.
57. Les armées françaises dans la Grande guerre. Т. V. 2e vol. Annexes. 1 vol. P., 1937. P. 1027–1028.
58. Op. cit. Annexes. 2 vol. P., 1937. P. 80.
59. См.: Экономическое положение России. Ч. II. С. 494–495.
60. Речь. 1917. 24 июня,
61. Цит. по: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 291.
62. Там же. С. 292.
63. См.: Экономическое положение России. Ч. II. С. 541–548.
64. Там же. С. 495–498.
65. Там же. С. 549–551.
66. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 295.
67. Там же. С. 293.
68. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Документы и материалы. С. 295.
69. Там же. С. 313.
70. Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Изд. 2-е. № 1. Пг., 1918. С. 25.
71. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. VII. Кампания 1917 г. С. 151–184; Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 152–153.
72. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Документы и материалы. С. 305.
73. *Милоков П.Н.* История второй русской революции. Т. I. Вып. 2. София, 1922. С. 44–45.
74. Речь. 1917. 25 июля.
75. Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 157.
76. *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 317.
77. Les armées françaises. Т. V. 2e vol. Annexes. 2e vol. P. 341.
78. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 318.
79. Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 155.
80. Les armées françaises. Т. V. 2e vol. Annexes. 2e vol. P. 446–447.
81. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 319.
82. См.: Экономическое положение России. Ч. II. С. 510.
83. Там же. С. 505.
84. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 3. P. 17–18, 22–23; Экономическое положение России. Ч. II. С. 554, 555.
85. Les armées françaises. Т. V. 2e vol. Annexes. 2e vol. P. 228–230.
86. Ibid. P. 326.
87. См.: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 327.
88. См.: *Васюков В.С.* Указ. соч. С. 301–303; *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 329.
89. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 329–331.
90. См.: Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922. С. 228–229.

91. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч.: С. 332.
92. Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. С. 225, 232–233.
93. См.: *Кирова К.Э.* Русская революция и Италия. М., 1968. С. 176–177.
94. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers. Vol. 2. Wash., 1940. P. 325.
95. Papers Relating to the Foreign Relation of the United States. 1918. Russia. Vol. 3. P. 11.
96. Ibid. Vol. 1. P. 147–153.
97. Ibid. Vol. 3. P. 192.
98. Ibid. Vol. 1. P. 137.
99. См.: *Попова Е.И.* Миссия Стивенса и провал железнодорожной политики США в России и Китае в 1917–1922 гг. // Исторические записки. Т. 60. М., 1957. С. 35.
100. Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы. С. 265; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 3. P. 193.
101. Ibid. Vol. 1. P. 127.
102. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Документы и материалы. С. 299.
103. Там же. С. 305.
104. Там же. С. 327.
105. См.: *Лебедев В.В.* Русско-американские экономические отношения (1900–1917 гг.). М., 1964. С. 294, 299–300.
106. Константинополь и проливы. Т. I. С. 403–404.
107. Там же.
108. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 340.
109. Речь. 1917. 1 сент.
110. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 345.
111. Цит. по: *Васюков В.С.* Указ. соч. С. 318.
112. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 344.
113. Там же. С. 348.
114. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК (далее: Петроградский Совет... Протоколы). М.; Л., 1925. С. 65–66.
115. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 марта.
116. См.: *Игнатъев А.В.* Дипломатия соглашателей // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 96–97.
117. Там же. С. 88–89.
118. Петроградский Совет... Протоколы. С. 219.
119. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 20 мая.
120. Там же. 1917. 27 апр.
121. Там же. 1917. 20 мая.
122. *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. I. Париж, 1963. С. 208–211.

123. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. Т. 2. М.; Л., 1931. С. 11–12.
124. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 30 июня.
125. См.: *Игнатьев А.В.* Указ. соч. С. 122–124.
126. Красный архив. 1926. Т. 3 (16). С. 39–40.
127. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 4. М., 1936. С. 127.
128. См.: *Игнатьев А.В.* Указ. соч. С. 128.
129. См.: *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 120–121, 132; Речь. 1917. 2 авг.
130. Там же.
131. Там же. 1917. 24 авг.
132. См.: Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961. С. 153–155; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. М., 1962. С. 147–148, 155–164, 190–191.
133. См.: Разложение армии в 1917 г. М; Л., 1925. С. 143.
134. Известия ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 сент.
135. См.: *Миниц И.И.* История Великого Октября. Т. 2. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата. М., 1968. С. 860.
136. См.: *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 2. М., 1924. С. 86; *Гофман М.* Война упущенных возможностей. М.; Л., 1925. С. 111.
137. См.: *Фон Шеер.* Операция овладения островами Моонзунда в октябре 1917 г. // Морской сборник. 1920. № 10–11. С. 37–38.
138. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. С. 246.
139. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 245; КПСС в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции, 5 июля — 5 ноября 1917 г. М., 1957. С. 67.
140. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 224.
141. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 232.
142. Сборник секретных дипломатических документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. № 3. 2-е изд. Пг., 1917. С. 115–117.
143. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. С. 216.
144. Речь. 1917. 23 сент.
145. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. С. 234.
146. См.: *Игнатьев А.В.* Указ. соч. С. 380.
147. Из заявления Терещенко на закрытом заседании комиссии по иностранным делам Совета Республики // Былое. 1918. № 12. С. 10.
148. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 2. Париж, 1922. С. 98.
149. Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. С. 204–206,
150. *Кнох А.* With the Russian Army, 1914–1917. Vol. 2. L., 1921. P. 695–699.
151. Новое время. 1917. 4 окт.
152. Исторический архив. 1961. № 4. С. 105–107.

153. Там же. 1960. № 5. С. 85; *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 383, 385.
154. Былое. 1918. № 12. С. 9–15.
155. Речь. 1917. 17 окт.
156. Там же. 1917. 24 окт.
157. Экономическое положение России. Ч. II. С. 513–514.
158. Биржевые ведомости. 1917. 30 сент.
159. *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 394.
160. Там же. С. 358.
161. *Шульц Г.* С английским флотом в мировую войну // Морской сборник. 1929. № 8–9. С. 213–215.
162. Там же. С. 220–222.
163. *Кнох А.* Op. cit. Vol. 2. P. 700; *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. С. 273.
164. См.: *Шульц Г.* Указ. соч. С. 221.
165. Раздел Азиатской Турции. С. 347, 351.
166. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 400.
167. См.: *Ганелин Р.Ш.* Россия и США, 1914–1917 гг. Л., 1969. С. 356.
168. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 416.
169. См.: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 396.
170. См. *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 396.
171. См.: Экономическое положение России. Ч. II. С. 512, 515.
172. См.: Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. С. 502, 514.
173. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 396.
174. Там же. С. 409–410.
175. Там же. С. 410–411.
176. Les armées françaises. T. V. 2e vol. Annexes. 2e vol. P. 782–783, 817.
177. Константинополь и проливы. Т. II. С. 235; Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. С. 227, 235–237.
178. Новое время. 1917. 3 окт.
179. См.: *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 418,
180. Там же. С. 419–420.
181. *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 274–275.
182. См.: *Йоффе А.Е.* Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958. С. 335.
183. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 472; *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 392–394; *Милиц И.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 817.
184. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1. P. 214, 216.
185. *Кнох А.* Op. cit. Vol. 2. P. 702.
186. *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 279.

Оглавление

Предисловие	5
Часть первая. 1894–1911 годы	7
Глава I. Россия на мировой арене на рубеже столетий (<i>В.А. Емец, А.В. Игнатъев, Ю.Ф. Субботин</i>)	9
1. Начало новой исторической эпохи.....	9
2. В двойной роли	17
3. Территориально-политический раздел мира.....	38
Глава II. Механизм принятия внешнеполитических решений (<i>В.А. Емец</i>)....	49
1. Кризис самодержавия и система государственного руководства внешней политикой (середина 1890-х — 1905 г.)	50
2. Модернизация государственного аппарата внешних сношений после революции 1905 года.....	78
Глава III. Политика в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке (<i>А.В. Игнатъев</i>).....	89
1. Политика блоков в Европе	89
2. Ближневосточный кризис и русско-австрийское соглашение	100
3. Первые войны за передел мира. Гаагская конференция.....	110
4. Политика на Среднем Востоке	120
Глава IV. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение Русско-японской войны (<i>А.В. Игнатъев, Г.В. Мелихов</i>).....	131
Глава V. Годы войны с Японией и первой русской революции (<i>А.В. Игнатъев</i>).....	161
1. Русско-японская война.....	161
2. После Портсмутского мира: новая обстановка и выработка программы	180
3. Первые результаты политики соглашений и балансирования.....	196
Глава VI. Россия в международных отношениях 1908–1909 годов. Политика балансирования (<i>А.В. Игнатъев</i>)	221
1. Накануне боснийского и нового марокканского кризисов.....	221
2. Дипломатическое поражение царизма и его последствия	235
Глава VII. Дальнейшие испытания (1909–1911 гг.).....	252
1. После кризиса 1908–1909 годов. Блоковая политика. Балканы и Ближний Восток. Персия (<i>А.В. Георгиев, А.В. Игнатъев</i>)	252
2. Соглашение с Германией. Россия в международных конфликтах 1911 года (<i>А.С. Аветян</i>)	266
3. Дальневосточная политика России (<i>С.С. Григорьевич</i>)	275

Часть вторая. 1912–1917 годы	291
Глава VIII. Внешнеполитическое руководство России накануне и во время Первой мировой войны (В.А. Емец)	293
Глава IX. 1912–1914 годы: борьба за укрепление Антанты	314
1. Накануне балканских войн (А.В. Георгиев)	315
2. Балканские войны и Россия (А.В. Георгиев)	325
3. Обострение русско-германских противоречий и консолидация Антанты накануне Первой мировой войны (А.С. Аветян)	344
4. На Среднем и Дальнем Востоке (А.В. Георгиев, С.С. Григорьевич)	353
Глава X. Российское общество и внешняя политика (Э. Урибес-Санчес) ...	369
1. Либеральный лагерь и внешняя политика	371
2. Внешнеполитические взгляды правых	388
3. Региональные аспекты правительственной политики и партии	396
4. Демократический лагерь и внешняя политика	402
Глава XI. На пороге мировой войны	405
1. Участие в гонке вооружений и подготовка к коалиционной войне (Ю.Ф. Субботин)	405
2. Русско-германская «газетная война» (Е.Г. Кострикова)	415
3. В начале июльского кризиса (А.В. Игнатъев)	423
4. От австрийского ультиматума до взрыва (А.В. Игнатъев)	429
Глава XII. Мировая война: политика России в 1914–1915 годах (В.С. Васюков)	441
1. Курс на войну до победного конца. Соглашения держав Антанты о незаключении сепаратного мира (оформление Пятерного военного союза)	443
2. Внешнеполитические цели России в Первой мировой войне	448
3. Соглашение о проливах	460
4. Польский вопрос	476
5. Поражение русской армии в кампании 1915 года. Кризис в военном производстве и его преодоление	486
Глава XIII. Мировая война: политика России в 1916-м — феврале 1917 года (В.С. Васюков)	497
1. Межпартийная борьба по вопросам внешней политики в преддверии весенне-летней кампании 1916 года	497
2. Борьба за привлечение новых союзников	511
3. Поездка русской парламентской делегации в Англию, Францию, Италию. Соглашение по малоазиатскому вопросу	515
4. Оформление русско-японского военно-политического союза	521
5. Русско-американское сближение в предфевральский период	526
6. Отставка Сазонова. Обострение борьбы между правительственным лагерем и оппозицией	530

Глава XIV. От Февраля к Октябрю (А.В. Игнатъев)	541
1. Внешняя политика либерального кабинета.....	542
2. Нота Милюкова и апрельский кризис	555
3. Эволюция программы при первых коалициях	558
4. Внешняя политика керенщины	567
5. «Дипломатия» социалистов-оборонцев	579
6. Накануне свержения	586
Заключение (В.А. Емец, А.В. Игнатъев)	602
Примечания	608
Часть первая	608
Часть вторая	628

Научное издание

История внешней политики России
Конец XIX — начало XX века
(От русско-французского союза до Октябрьской революции)

Корректор: Иванченко С.Ю.
Компьютерная верстка: Зеленцов П.О.
Группа допечатной подготовки изданий:
Иванова М.В.
Исакова Т.В.
Коновалова Т.Ю.
Крылов К.А.

Подписано в печать 18.10.2018. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 41,2. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»,
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

ООО «Парадигма»,
адрес: 141070, Московская обл., г. Королев,
ул. Мичурина, д. 21, кв. 372

Отпечатано в областной типографии «Печатный двор»
(открытое акционерное общество),
адрес: 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,
факс: + 7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academp.ru.